РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

СЕРИЯ НАУЧНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ

РАННЕСЛАВЯНСКИЙ МИР
АРХЕОЛОГИЯ СЛАВЯН И ИХ СОСЕДЕЙ

Выпуск 13

Серия основана в 1990 г.
С.А. Плетнёвой и И.П. Русановой

Редакционная коллегия серии:
И.О. Гавритухин, Н.В. Лопатин, А.М. Обломский

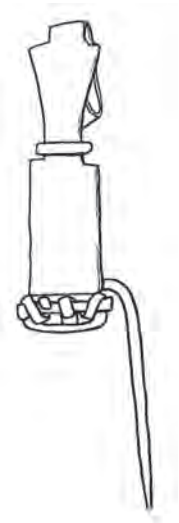
ИА РАН

Москва 2010

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

Археология Восточной Европы в I тысячелетии н.э.

Проблемы и материалы



ИА РАН

Москва 2010

УДК 902/904
ББК 63.4
А87

Рукопись подготовлена в рамках программы фундаментальных исследований
ОИФН РАН "Русская культура в мировой истории" (2006-2008).
Книга издана при поддержке программы фундаментальных исследований
Президиума РАН "Историко-культурное наследие и духовные ценности России"

Утверждено к печати Ученым советом ИА РАН

Ответственные редакторы:
кандидат исторических наук *И.В. Исланова*
кандидат исторических наук *В.Е. Родинкова*

Рецензенты:
кандидат исторических наук *А.В. Кашкин*
кандидат исторических наук *Н.А. Кренке*

А87 **Археология** Восточной Европы в I тысячелетии н.э. Проблемы и материалы. (Раннеславянский мир. Выпуск 13). – М., 2010. – 376 с.: ил.
ISBN 978-5-94375-098-4

В сборник включены статьи, посвященные проблемам изучения древностей Восточной Европы I тысячелетия н.э., в частности, причинам исчезновения культуры рязано-окских финнов, выделению нового типа памятников на Верхней Волге, анализу оружия особого культурного горизонта в Юго-Восточной Балтии. В научный оборот также вводятся новые и полученные в результате раскопок прежних лет материалы, систематизируются и анализируются на широком фоне некоторые разновидности фибул и бус.

Книга предназначена археологам, историкам, музейным работникам, студентам и краеведам.

УДК 902/904
ББК 63.4

ISBN 978-5-94375-098-4

© Учреждение Российской академии наук
Институт археологии РАН, 2010 г.
© Коллектив авторов, 2010 г.

Введение

В связи с наметившейся активизацией работ по изучению древностей I тыс. н.э. лесостепной и лесной зон Восточной Европы возникает потребность оперативного ввода в научный оборот результатов исследований. Именно эту цель преследует сборник «Археология Восточной Европы в I тысячелетии н.э. Проблемы и материалы». Он состоит из восьми статей, охватывающих широкий спектр вопросов и тем: публикация новых материалов, а также полученных в результате раскопок прежних лет, хранящихся в архивах и фондах музеев; систематизация данных и каталогизация памятников; выявление новых типов древностей; анализ отдельных категорий вещей, изучение генезиса и особенностей распространения тех или иных разновидностей изделий; исследование причин формирования и исчезновения археологических культур.

Статья И.Р. Ахмедова посвящена одной из самых неразработанных проблем в археологии лесной зоны Центральной России эпохи раннего Средневековья – вопросу о причинах исчезновения культуры рязано-окских финнов. Эта общность на протяжении почти всего I тысячелетия была одной из самых ярких на южном пограничье лесной полосы. Автором установлена дата прекращения использования большинства рязано-окских могильников – середина – третья четверть VII в.

Предметом исследования И.О. Гавритухина стали византийские подвязные фибулы с S–видной петлей для оси пружины. Рассмотрены основы их хронологии, круг аналогий, подобранных по разным основаниям для каждого из восьми экземпляров таких застежек, известных к северу и востоку от Дуная. Выявлены собственно византийские образцы и изделия, адаптированные в рамках местных традиций. Уделено также внимание общим вопросам изучения византийских подвязных фибул (историография, основы типологии) и другим восточноевропейским древностям V-VII вв., исследование которых оказалось необходимо в связи с сюжетами, затронутыми в основном изложении.

На основании анализа вещевых и керамических материалов эталонного поселения Беседы И.В. Исланова обосновывает правомерность выделения нового типа памятников, существовавших в конце I тыс. до н.э. – начале I тыс. н.э. на Верхней Волге. Аналогичный керамический набор («густо орнаментированная» посуда и сосуды с рельефным орнаментом) вычленяется также на серии поселений данного региона.

Статья В.И. Кулакова посвящена проблеме появления и распространения в Юго-Восточной Прибалтике оружия горизонта Сёсдала-Унтерзибенбрунн. Уточнена хронология этого горизонта, сделан вывод о том, что наличие подобных артефактов среди инвентаря захоронений свидетельствует о высоком статусе погребенных. В работу включен также каталог погребальных комплексов с оружием и другими памятниками декоративного искусства, выполненными в стиле Сёсдала-Унтерзибенбрунн, на исследуемой территории.

В подготовленной А.М. Обломским публикации материалов поселения Журавка Ольшанская приведены данные из отчетов ныне покойного автора раскопок Э.А. Сымоновича, в том числе

сделанные им при жизни рисунки находок и чертежи объектов. А.М. Обломский предлагает свои комментарии к материалам из Журавки, анализирует их в этнокультурном и хронологическом аспектах.

В.Е. Родинкова публикует шесть пальчатых фибул, которые происходят из числа случайных находок в верхнем течении Южного Буга, на территории Винницкой и Хмельницкой областей Украины. Предложены типологические и хронологические определения рассматриваемых застежек, очерчен круг их аналогий, выявлен культурный контекст. Характерные для эпохи раннего Средневековья, эти украшения демонстрируют связи обитателей Южного Побужья с населением Среднего Поднепровья и Днепровского Левобережья, Подунавья, Среднего Поднестровья и Мазурского Поозерья.

Изучение ареалов бус, проведенное О.С. Румянцевой, позволило выявить особенности распространения этого массового материала в Поочье и Среднем Поволжье в конце римского времени и в эпоху Великого переселения народов. В V-VII вв. здесь фиксируются три обособленные зоны, которые были ориентированы на разных производителей и, очевидно, разных поставщиков бус. Сделанные выводы подтверждаются результатами анализа техники изготовления и данными химического состава стекла.

Вниманию читателей предлагается также каталог новых памятников одной из самых ранних славянских культур – киевской (III – начало V в.) – на территории украинской лесостепи. Свод дополняет информацию, содержащуюся в изданной в 1992 г. монографии Р.В. Терпиловского и Н.С. Абашиной.

Надеемся, что сборник будет полезен всем интересующимся археологией Восточной Европы и исследующим древности I тыс. н.э. лесной и лесостепной зон.

Проблема «финального» периода культуры рязано-окских финнов (к современному состоянию вопроса)

(И.Р. Ахмедов)

Яркая и самобытная культура рязано-окских финнов уже более ста лет известна нескольким поколениям археологов. Уже на первых этапах изучения рязано-окских древностей содержательные погребальные комплексы поставили множество вопросов, связанных с определением их принадлежности, истоков формирования, хронологии, причин исчезновения носителей культуры на территории Рязанского Поочья.

Первые три группы вопросов достаточно широко рассматривались в историографии [Спицын, 1901; Городцов, 1909; Гольмстен, 1923; Ефименко, 1926; 1937; Смирнов, 1961; Смирнов, Трубникова, 1965; Трубникова, 1966; 1967; 1969а; 1969б; 1970; 1982; Третьяков, 1966; Амброз, 1971; Шитов, 1988а; Циркин, 1995; Белоцерковская, Ахмедов, 1996; Ахмедов, Белоцерковская, 1998; 1999; Ахмедов, 2001; 2003; Ахмедов, Казанский, 2004; Ахмедов, Фурасьев, Щукин, Белоцерковская, 2007; Казанский, 1999; Вихляев, 2000; Румянцева, 2005].

Накопленные сведения по этим вопросам были подытожены в разделах коллективной монографии, посвященной археологии Центральной России в римское и гуннское время [Ахмедов, Белоцерковская, 2007]. Проблема же финала бытования культуры рязано-окских финнов осталась в стороне от последних исследований. Однако она весьма важна, суть ее заключается не только в определении времени и причин прекращения бытования культуры. Одним из важных ее аспектов является проблема хиатуса между бытованием рязано-окского финского населения и славянской колонизацией Рязанского края, вопрос о наличии взаимодействия между рязано-окскими финнами и славянами, а также о месте территории Рязанского Поочья в процессах сложения древнерусского государства.

Существует ряд хронологических определений финальной фазы бытования культуры окских финнов, основанных на представлениях авторов о датировках наиболее поздних комплексов изученных некрополей.

Можно выделить две основные точки зрения. Большая часть исследователей определяла верхнюю границу использования площадей могильников рязано-окских финнов VII в. в целом. Здесь следует уточнить, что в конце XIX – начале XX вв. эта дата в первую очередь относилась исследователями к поздним погребениям Кошибеевского могильника, что было основано на тогдашних представлениях о хронологии древностей Северного Причерноморья, Кавказа и Прикамья [Спицын, 1901, с. 23-24; Городцов, 1909, с. 440; Гольмстен, 1923].

Эта точка зрения в настоящий момент имеет сугубо историографический интерес, так как на исследованной раскопками А.А. Спицына, В.Н. Глазова, В.Н. Шитова площади Кошибеевского могильника погребений, датируемых позже начала V в., неизвестно [Шитов, 1988а, с. 20; Ахмедов, Белоцерковская, 1999, с. 57-58; Ахмедов, 2007, с. 150, 151]. Справедливости ради, необходимо указать, что В.А. Городцов распространял эту дату на все рязано-окские могильники и констатировал хронологическую лакуну в рязанских древностях: «После VII века замечается в притоке датирующих вещей как бы перерыв, но затем появляются славянские вещи, и почти одновременно с этим местная культура оставляет берега Оки...» [Городцов, 1909, с. 440].

Выстроенная П.П. Ефименко хронологическая схема рязано-окских древностей была новаторской, впервые в отечественной археологии основанная на использовании метода сравнения инвентарей погребальных комплексов. Верхняя

хронологическая граница поздней фазы культуры рязано-окских могильников определялась им 1-ой половиной VII в., а дальнейшую историю окских финнов он связывал с древностями муромы, хронологические рамки которых он определял VII – XI вв. [Ефименко, 1926; 1937, с. 39-58]. В то же время в работах этого замечательного исследователя не содержалась подробная аргументация хронологических определений, а вопроса о причинах ухода рязано-окских финнов даже не ставилось.

Более аргументирована была краткая хронологическая схема рязано-окских древностей, предложенная А.К. Амброзом. Основываясь на широчайшем знании раннесредневековых материалов южной части Восточной Европы, он определял датировки поздних рязано-окских комплексов, в первую очередь, содержавших предметы поясных уборов «геральдического» облика в рамках середины – 2-ой половины VII в. [Амброз, 1971].

Эта датировка, основанная на разработках П.П. Ефименко и А.К. Амброза, стала устойчивой в работах исследователей. Так, публиковавшая погребения Шатрищенского могильника Т.А. Кравченко, датировала комплексы поздних женских погребений VII – началом VIII вв. [Кравченко, 1974, с. 131].

Подробный анализ материалов Старо-Кадомского могильника В.Н. Шитовым, проведенный им на широком круге аналогий, позволил ему предложить коррекцию поздних стадий рязано-окских могильников (С, С1, Д) в сторону омоложения на полстолетия каждая [Шитов, 1988б, с. 30-32]. Им же была намечена новая, по сути, периодизация этапов развития культуры рязано-окских финнов:

этап 1 – Кошибеевский (III-IV вв.);

этап 2 – Борковско-Кузьминский (V-VII вв.);

этап 3 – Курмано-Шокшинский (VIII-XI вв.) [Шитов, 1988а, с. 20].

В настоящий момент начало Кошибеевского этапа определяется рубежом I-II вв. и в культурном и хронологическом аспектах увязывается с древностями андреевско-писеральского круга. Последние и были, судя по всему, основными составляющими элементами, на основе которых сложилась культура рязано-окских финнов [Ахмедов, Белоцерковская, 1999; Ахмедов, 2003; Восточная Европа. 2007].

А.В. Циркиным было предпринято издание материалов своих раскопок Шокшинского могильника [Циркин, 1987]. Погребальный обряд и инвентарь этого наиболее восточного из рязано-окских могильников он попытался рассмотреть на широком фоне культур поволжских финнов – муромы и памятников безводнинско-ахмыловского круга, древнемордовских могильников Верхней и Нижней Суры, районов средней Цны, Вада, Теши и других территорий. В связи с этим автор использовал периодизацию древнемордовских древностей, разработанную А.Е. Алиховой [Алихова, 1959а; 1959б].

Однако в силу многих причин автору не удалось выполнить все поставленные задачи. Одной из основных причин этого была недостаточная выборка комплексов из Шокшинского могильника. Им были использованы данные о 243 погребальных комплексах, составлявших менее одной четвертой части изученных на данный момент погребений некрополя. Другой проблемой, от решения которой зависел успех исследования, было определение принадлежности основных компонентов материальной культуры населения, оставившего Шокшинский могильник, которое также трудно признать убедительным [Циркин, 1987, с. 140]. При анализе материалов комплексов, автор подробно анализирует лишь поздние типы вещей, а материалы середины – 3-ей четверти I тысячелетия, составляющие единое целое с материалами памятников рязанского течения р. Оки, рассматриваются им суммарно, что снижает ценность работы. События в Рязанском Поочье, сопутствующие основанию могильника в 1-ой половине V в., остались в стороне, как, собственно, и проблемы, связанные с исчезновением большинства памятников в VII в.

Другая точка зрения впервые была высказана А.А. Спицыным. В знаковой для археологии Среднего Поволжья и Прикамья работе «Древности бассейнов рек Оки и Камы» он датировал Борковский и Кузьминский могильники VIII-X вв. Судя по всему, подобная датировка была основана на формальной логике. Как уже было указано, поздние погребения Кошибеевского могильника датировались им VII в. А.А. Спицын понимал, что значительная часть материалов Кузьминского и Борковского могильников должна датироваться более поздним временем. Отсюда и возникает поздняя дата.

Близкой точки зрения придерживался А.Л. Монгайт. Считая, что культура рязано-окских финнов генетически связана с древностями городецкого облика, он определял верхнюю хронологическую границу погребальных комплексов рязано-окских могильников IX-X вв. Основанием для этого служили, по мнению автора, находки в составе комплексов пряслиц из розового шифера, время бытования которых относится уже к домонгольскому времени. Такие пряслица, по его мнению, находились в погр. 26, 38, 44, 77 и 87 Борковского могильника, а также в составе коллекции из раскопок А.И. Черепнина на площади Шатрищенского могильника [Монгайт, 1961, рис. 34; РИАМЗ № 200]. Однако на фототаблице в монографии А.Л. Монгайта представлены разновременные вещи от V до X вв. Это наводит на мысль о том, что данные предметы представляют собой набор вещей, не составляющих единый хроноло-

гический комплекс. Раскопки А.И. Черепнина достаточно плохо документированы, а вещи, скорее всего, перепутались в хранении музея, что нередко бывает со старыми коллекциями. Возможно, подобными причинами объясняется присутствие пряслиц из розового шифера в погребениях Борковского могильника.

По мнению А.Л. Монгайта, это хронологическое определение подтверждалось находками лунниц, серебряных обкладок мечей с пунсонным орнаментом, небольших пряжек и некоторых типов подвесок в погребениях Борковского и Кузьминского могильников, что было вызвано отсутствием в конце 1950-х годов, когда писалась монография, разработанных хронологических схем для раннесредневековых древностей Восточной Европы [Монгайт, 1961, с. 76-78].

Так или иначе, схема, выстроенная А.Л. Монгайтом, позволяла ему связывать во времени поздний этап бытования культуры рязано-окских финнов и начало процесса славянской (вятичской) колонизации среднего течения р. Оки, которое, судя по последним данным, действительно происходило в конце IX – начале X вв. [Григорьев, 2005].

Таким образом, вопрос о финале культуры рязано-окских финнов чрезвычайно важен не только для раннесредневековой археологии Рязанской земли, но и для понимания культурно-исторических процессов, происходивших в Восточной Европе накануне образования Древнерусского государства.

С момента появления выдвинутой А.Л. Монгайтом схемы прошло более сорока лет. За это время появились новые, более точные хронологические разработки, основанные на новых материалах, в первую очередь Крыма, Северного Кавказа, Прикамья. На рязанском течении Оки были изучены новые погребальные памятники, раскопки которых документированы на современном уровне, а материалы доступны для изучения. Это могильники Шатрищенский, Зареченский, Ундрих, Кораблинский, Никитинский. Последние два раскопаны практически полностью. Все это позволяет снова обратиться к вопросу о финале культуры рязано-окских финнов на основной территории Рязанского Поочья.

Чтобы решить вопрос о времени прекращения погребений на могильниках, нужно, в первую очередь, выделить наиболее поздние комплексы на памятниках. Для этой цели наиболее пригодны материалы практически полностью изученных могильников Никитино и Кораблино, а также Старо-Кадомского могильника, сохранившаяся часть которого доследована и опубликована В.Н. Шитовым [Шитов, 1988в].

Наиболее точно определяются даты мужских погребений, в которых встречены оружие и поясные гарнитуры интернациональных типов. Такие рязано-окские комплексы (более сорока с престижным инвентарем) были собраны коллективом исследователей, в составе которого был автор данной работы, И.О. Гавритухин, В.Н. Шитов. Подавляющая часть гарнитур «геральдического» облика относится к наборам, характерным для второго периода развития этого стиля гарнитур в Поволжье и Приуралье [Гавритухин, Обломский, 1996, рис. 89]. Лишь в Шокшинском могильнике и могильнике Курман встречены наборы, характерные для третьей группы поволжских гарнитур. В то же время, здесь известны некоторые особые формы геральдических украшений, такие, например, как псевдопряжки «ундрихского» варианта, наборы с ними И.О. Гавритухин датирует концом VI – 1-ой третью VII в. [Гавритухин, 2001а, с. 37, 39-41, рис. 16].

Для наиболее поздних погребений Старо-Кадомского могильника В.Н. Шитов выделяет устойчивый комплекс типов вещей. Это, в первую очередь, поясные наборы «геральдического» облика, однолезвийные мечи – палаши, уздечные наборы с удилами с двукольчатыми окончаниями и стержневидными псалиями, из типов встречающихся и в мужских, и в женских погребениях. Это круглодротовые браслеты с расплющенными концами, обрезанными по дуге или с концами, украшенными поперечными желобками, сюльгамы с выступающими концами, определенные виды металлических деталей женского убора [Шитов, 1988б, с. 31, табл. XXIV] (рис. 1). Материалы первых трех лет раскопок памятника в 1970-1972 гг. позволили Ю.А. Зеленееву и В.Н. Шитову предположить, что погребения позднего этапа находились в южной части площади памятника. Часто эти погребения располагаются парами, в отличие от ранних, которые составляют ряды (это характерно и для других рязано-окских могильников, в частности для могильников Кораблино, Никитинского и др.) [Зеленеев, Шитов, 1979, с. 134-139]. Полное исследование сохранившейся части могильника в 1977 г. подтвердило это предположение [Шитов, 1988б, с. 23-24, табл. I].

Наиболее поздние погребения располагались отдельными группами в юго-западной и юго-восточной частях площади памятника (рис. 2). Наиболее показательны комплексы погр. 53 и 66 (рис. 3-4).

Детали поясных наборов «геральдического» облика в погр. 53 и 66, по мнению В.Н. Шитова, находят аналоги в Иловатке, Урьинском кладе, Хацках, Колоскове, Камунте. Он указывает на близость деталям поясного набора из погребения 70 Волчихинского могильника, который также включал в себя псевдопряжки, которые считаются характерными для наиболее поздних образцов «геральдического» стиля. В комплексе погребения 70 Волчихинского могильника находилась также серебряная воинская нагрудная застежка с

крылатой иглой небольшого размера – 6,2 см, относящаяся к одному из ранних типов этой категории убора. Эти соображения позволяют автору публикации относить эти погребения к середине – 2-ой половине VII в. [Шитов, 1988б, с. 31].

Появление новых хронологических разработок позволяет уточнить эту датировку. Наборы с близкими деталями на памятниках Кисловодской котловины найдены в комплексах периодов IIб и IIIа [Гавритухин, Малашев, 1998, с. 67, рис. 5; 6]. Необходимо указать, что находки из погр. 66 Старо-Кадомского могильника И.О. Гавритухин относит к «кругу наиболее ранних геральдических гарнитур» которые синхронизируются с ранними фазами культуры Суук-Су, датирующихся в пределах 2-ой половины VI в. (Период Iд для древностей Кисловодской котловины) [Гавритухин, Малашев, 1998, с. 57].

Аналоги пряжке с неподвижной обоймой из набора в погр. 53 Старо-Кадомского могильника относятся к выделяемой И.О. Гавритухиным «скалистенской» серии (Скалистое склепы 413 и 449, находка на территории могильника Безводное, погребение 1) и могут быть датированы VI – первой половиной VII вв. Сам поясной набор из погр. 53 Старо-Кадомского могильника И.О. Гавритухин относит к образцам I горизонта поволжских геральдических стилей, который датируется им в пределах 3-ей трети VI – начала VII вв. [Гавритухин, 1999, с. 192, 195].

Следует отметить, что в этом погребении находился также уздечный набор с удилами с цельными двойными кольцами на концах и Г-образным псалием. Такое сочетание деталей характерно для типов конского убора Восточной Европы, датирующихся не ранее начала VII в. [Ахмедов, 1995, с. 41-42]. Это сочетание хронологических признаков позволяет датировать комплекс погребения 53 Старо-Кадомского могильника концом VI – 1-ой половиной VII вв.

Если Старо-Кадомский могильник относится к памятникам, расположенным на восточной окраине ареала культуры рязано-окских могильников, то могильник у с. Никитино находится в самом центре Рязанского Поочья – на начале Спасской излучины р. Оки всего в четырех километрах к югу от Шатрищенского могильника – одного из крупнейших рязано-окских погребальных памятников.

На памятнике, раскопанном сплошной площадью, изучено более 250 погребений V-VII вв., что дает хорошие возможности для изучения его планиграфии. Основной массив поздних погребений находился в юго-восточной части раскопанной площади. Отдельная пара погребений (погр. 128, 129) позднего этапа располагалась в противоположной, северо-западной части могильника, ближе к его центру, в окружении погребений V-VI вв., частично перекрывая северо-восточную часть заполнения погр. 5 (145), раскопанного Р.Ф. Ворониной и датируемого 3-ей четвертью V в. [Воронина, Зеленцова, Энговатова, 2005, рис. 3; 9; 10]. Отдельный ряд погребений, которые могут так же быть отнесены к началу финальной фазы, располагался на северо-западной окраине площади могильника, еще два отдельных захоронения раскопаны на северной и южной окраинах центральной части могильника. Подобное расположение поздних погребений связано с общей тенденцией расположения погребений с самого начала совершения захоронений на могильнике, которое относится к рубежу IV-V вв. Судя по расположению погребений с престижным инвентарем V века, в состав которого входили крестовидные фибулы, наборные пояса, двулезвийные и однолезвийные мечи, можно предположить, что представители коллектива, совершавшие захоронения на некрополе, могли принадлежать к двум различным родам или большим семьям. Погребения лидеров образуют как бы два центра, вокруг которого группируются остальные захоронения [Ахмедов, в печати] (рис. 5).

Среди погребений позднего этапа, расположенных в юго-восточной части некрополя, наиболее важны для нашей темы захоронения с поясными гарнитурами «геральдического» облика. Это погр. 108, 111 и, особенно, погр. 235, являющееся одним из крайних захоронений этого участка некрополя (рис. 5).

В состав комплекса погр. 108, кроме обычных пары наконечников копья и дротика, ножа, втульчатого топора, бронзового браслета, сюльгам, входили также крупная кольцевая железная застежка – прототип кольцевых застежек с крылатой иглой – и поясной набор, состоявший из пряжки, коробчатого наконечника, бляшек и наконечников подвесных ремней (рис. 6: 2, 5-14).

Пряжка с овальной полой граненой рамкой, выделенным гнездом для язычка и двумя закругленными выступами близка к находкам из п. 192 могильника Суук-Су, склепов 6 и 35 могильника Лучистое, склепа 41 Чуфут-Кале, Херсонеса [Айбабин, 1990, рис. 40: 12, 13]. А.И. Айбабин относит их к «византийским» пряжкам пятого варианта, рассматривая в рамках восьмой хронологической группы погребений, которая датируется им 3-ей четвертью VII в. [Айбабин, 1990, с. 41, 65, рис. 2] погр. 100 могильника Дюрсо [Дмитриев, 2003, табл. 83: 15]. Близкая пряжка происходит из погребения 17 Чир-Юртского могильника из раскопок И.П. Костюченко [Гавритухин, Обломский, 1996, рис. 80: 57], относящегося к первой хронологической группе некрополя. Близкие находки происходят из Рутхи, Кумбулты, Фаскау в Дигорском ущелье. С других территорий аналогии известны в Никольском в Башкирии и погр. 24 могильника Серповое на верхней Цне. По публикациям

порой трудно отличить друг от друга пряжки с закругленными выступами и выступами со слегка заостренными окончаниями, придающими им сходство с «геральдическими» щитками. Эти формы отнесены В.Б. Ковалевской к типам 12 и 13 лировидных пряжек, которые в целом датируются ею VI-VII вв., а тип 13 только VII в. [Ковалевская, 1979, с. 35, табл. 3, № 101-106; 107-108, табл. XVI: 7-9].

Накладки и наконечники ремней, коробчатый наконечник основного ремня достаточно обычны для поволжских ременных наборов. Исключения составляют два типа накладок: оба представляют собой вертикальносимметричные накладки, составленные из двух разновеликих фигур с ажурным прорезным декором. В одном случае это три параллельные дуговидные прорези с двумя небольшими круглыми отверстиями (рис. 6: 8), в другом – ажурный орнамент образует крестовидную фигуру в центре большей щитовидной фигуры; а на малой фигуре образует симметричную фигуру из двух вертикальных дуговидных фигур и овальную прорезь в центре (рис. 6: 9). Такие изделия не находят прямых аналогов в литературе.

Также достаточно интересен состав пояса из погр. 235, расположенного на юго-восточной окраине площади Никитинского могильника (рис. 7: 7). Пряжка с неподвижной задней пластиной, выполненной в виде стилизованных птичьих головок и полой граненой рамкой с выделенным гнездом для язычка, относится к выделенному В.Б. Ковалевской типу 10 пряжек с лировидной рамкой, широко датированному ею VI-VIII вв. [Ковалевская, 1979, с. 31]. Такие пряжки найдены в погребении 7 кургана 1 Костогрызово, в погребении 2 кургана 14 Дымовки, в погребении у хут. Епифанова, близкая находка – в погребении 13 аварского могильника Деск-L [Комар и др., 2006, с. 328]. В горных районах Осетии аналогичные пряжки достаточно хорошо известны: это пряжки из сборов из Задалиска [Ковалевская, 1979, табл. 3: 93, табл. XVI: 5], из катакомбы 2 могильника Чми, в которой было два захоронения, пряжка относится к комплексу более раннего захоронения, позднее датируется монетой конца VIII в., а раннее относится к комплексам, занимающим промежуточное положение между комплексами 1 и 2 периодов могильника Чми, которое может быть определено в рамках конца VII – начала VIII вв. [Гавритухин, Обломский, 1996, с. 80, 81, рис. 83]. Два экземпляра найдены и на черноморском побережье Кавказа. В Борисовском могильнике такая пряжка происходит из погребения 62, датируемого в рамках VII в., эту дату, вероятно, можно сузить до середины – 2-ой половины VII в. [Гавритухин, Пьянков, 2003, табл. 78, 75]. В могильнике Дюрсо такая пряжка была найдена в погр. 412 [Дмитриев, 2003, табл. 83: 16].

Также достаточно необычны вертикально симметричные накладки в виде составленных плоскими сторонами фигур в форме геральдического щитка с сегментовидным прорезным орнаментом и фигуры в форме ласточкиного хвоста с треугольной прорезью и точечными вдавлениями.

Общими для двух вышеописанных наборов являются коробчатые составные наконечники пояса вытянутых пропорций, шлемовидные бляшки с округлым вырезом в нижней части (погр. 235) и округлым вырезом и вырезом в виде двух дуг (погр. 108), Т-образные бляшки со шлемовидными щитками с сегментовидными вырезами, наконечники малых боковых ремней, как с гладкими боковыми сторонами, так и с треугольными выступами на боковых сторонах. Ажурный орнамент представлен композицией, имитирующей «личину» (погр. 108), с прорезями в виде «замочной» скважины с круглыми отверстиями и прямоугольными отверстиями. Формы этих накладок и наконечников являются одними из наиболее распространенных форм в Крыму, западной и центральной части Северного Кавказа, степях Причерноморья и Приазовья. Эти элементы являются одними из наиболее частых и характерных составляющих поясных наборов геральдического облика II периода «геральдических» гарнитур Поволжья и Приуралья [Гавритухин, Обломский, 1996, рис. 89], а также поясов 3-7 групп, выделенных И.О. Гавритухиным в рамках нашей совместной работы для финских воинских комплексов Поочья, Посурья и левобережья среднего течения р. Волги [Ахмедов, Гавритухин, Шитов, рукопись].

Показательны и два пояса с трапециевидно-рамчатыми пряжками из погр. 111 и 129 Никитинского могильника (рис. 8: 9). Пряжки имеют полую граненую рамку, сегментовидные вырезы или углубленные линии в задней части рамки, обоймы подвижные, пластинчатые; в одном случае состоят из двух пластин (погр. 111). Близкая, но прямоугольной формы пряжка известна в погр. 7 Шатрищенского могильника (раскопки И.Р. Ахмедова). На типологически более ранних образцах (погр. 111 Никитинского могильника и в погр. 7 Шатрищенского могильника) гнездо для язычка оформлено в виде прямоугольного углубления в рамке (рис. 9: 6), у пряжки из погр. 127 углубление имеет рельефные бортики – «губы» (рис. 8: 4). Это сближает ее с пряжками из погр. 108 и 235 Никитинского могильника. Основное количество аналогов, по мнению И.О. Гавритухина, сосредоточено в памятниках Крыма; в сопредельных территориях Кавказа и Балкан их известно меньше [Ахмедов, Гавритухин, Шитов, рукопись]. В древностях Крыма аналогичные пряжки относятся А.И. Айбабиным ко 2 варианту пряжек с трапециевидной рамкой (Тип II). Они найдены на целом ряде памятников: склепы 420 и 449

могильника Скалистое, склепа 10 и разрушенных погребений в Лучистом, в Керчи. На других территориях они известны на могильниках Борисово, Мокрая Балка, Новоселки и в Пьятра-Фрекэцей [Айбабин, 1990, с. 49, рис. 46: 2-3; Гавритухин, Обломский, 1996, рис. 89: 151]. Близкие пряжки известны в погр. 279 и 316 могильника Цибилум 2 [Воронов, 2003, рис. 132: 5; 147: 27]. Крымские комплексы с этими пряжками А.И. Айбабин относит к 1-ой четверти VII в. Близким временем (1-ой половиной VII в.) могут быть датированы и комплексы из Борисова и Цибилума. Пряжка в Мокрой Балке происходит из катакомбы 107, которая по керамике из комплекса относится к периоду IIа по В.Ю. Малашеву и ко второму этапу этого памятника по Г.Е. Афанасьеву. Г.Е. Афанасьев в целом датирует этап 2 2-ой половиной VI – 1-ой четвертью VII в. [Афанасьев, Рунич, 2001, с. 38-39]. По В.Ю. Малашеву и И.О. Гавритухину этот комплекс относится к периоду IIа, выделенному ими для древностей Кисловодской котловины, который датируется в рамках первой трети VII в. [Гавритухин, Малашев, 1998, с. 67; Малашев 2001, с. 26; Гавритухин, 2001б, с. 44, рис. 77] (рис. 8).

Не противоречат этой датировке и детали поясной гарнитуры из погр. 111 Никитинского могильника – литого прямоугольныго прорезного наконечника пояса, близкого формам крымских наконечников варианта I-1 2-ой половины VI – начала VII в., но более вытянутых пропорций (рис. 8: 6) [Айбабин, 1990, с. 55, рис. 48: 1]. Близкие наконечники известны также в погребениях I периода могильника Чми в Осетии, в Квемо-Алеви в Закавказье [Гавритухин, Обломский, 1996, рис. 79: 92; 82: 60, 69; 82].

Наконечники боковых ремней в виде щитков с боковыми вырезами, с орнаментом в виде буквы V (Рис. 8: 5, 7, 8) находят аналоги в Керчи, Сиреневой бухте, Рисовом, Богачевке, Кугуле, Нижнем Баксане, Дюрсо, Селиксе. Эту разновидность наконечников И.О. Гавритухин относит к варианту 3 [Гавритухин, Обломский, 1996, с. 31] (рис. 7).

Все вышеперечисленные данные свидетельствуют о том, что погр. 111 и 129 следует относить к несколько более раннему времени, чем погр. 108 и 235. Если наиболее вероятная дата первых двух погребений может быть определена в рамках 1-ой четверти – 1-ой трети VII в., то последние могут быть датированы более поздним временем, включающим в себя и середину VII в. Этому предположению не противоречит и положение погребений на площади могильника. Как уже указывалось выше, погребение 235 является одним из самых крайних погребений в юго-восточной части памятника (рис. 5). Погр. 108 и 111 расположены практически в одном ряду, находящемся на расстоянии 20-25 м к северо-западу от погр. 235, на участке, к которому примыкала отдельная, самая поздняя северо-восточная группа погребений. Судя по расположению и плотности погребений на этом участке, он только начал использоваться сравнительно незадолго до момента прекращения совершения захоронений в Никитинском могильнике.

Погребение 129 (мужское), составлявшее пару с погребением 128 (женским), как уже было указано выше, располагались на противоположной части площади памятника, на северо-восточной границе центрального участка среди погребений V-VI вв. Здесь же, в 6-10 м к северо-востоку, Р.Ф. Ворониной были изучены погр. 15 и 16, также относящиеся к позднему периоду использования площади памятника.

Таким образом, в качестве рабочей гипотезы можно предположить, что время прекращения захоронений на Никитинском могильнике следует определять не ранее середины VII в. Более точные датировки, требующие дальнейшей разработки, пока не могут быть даны. Предложенная датировка верхней границы времени использования для захоронений площадей могильников рязано-окских финнов может быть справедливой и для других памятников. Все известные наборы геральдического облика из рязано-окских памятников, за исключением могильников Курман и Шокшинского, собранные в рамках уже упоминавшегося проекта «Ременные гарнитуры “геральдических” стилей бассейна рек Оки и Суры», не выходят за рамки общего облика «геральдических» гарнитур II периода для древностей Поволжья и Приуралья.

Для погребений позднего периода Никитинского могильника характерны также крупные кольцевые застежки с сильно выступающими усами, как с круглодротовыми, так и пластинчатыми и двускатными рамками, которые изготавливались и из железа, и из цветных сплавов и металлов (рис. 6: 2; 7, 5; 8: 1; 9; 2; 10: 2). Также весьма характерны круглодротовые браслеты с раскованными и закругленными концами, а также однолезвийные мечи – палаши, встреченные в погр. 129 (рис. 9: 17), 146, 231, возможно, и в погр. 245. Нижняя граница бытования большинства вещей не установлена, то одна категория украшений появляется на финальной стадии рязано-окских могильников. Это пластинчатые и двускатные застежки – прототипы крупных престижных застежек с «крылатой» иглой, очень характерного украшения поволжских финнов в последней четверти I тысячелетия. Целая серия этих застежек (3 экз.) известна в могильнике Кораблино – погр. 153, 160, 176; одна в погр. 247 Никитинского могильника. Это пока очень небольшие экземпляры, размерами рамки 5,8 – 6 x 5,2 – 5,6 см, длиной усов от 2,2 до 3 см, у основания игл имеется характерное ромбовидное или трапециевидное расширение, в одном случае украшенное орнаментом из мелких «жемчужин».

Погр. 247 Никитинского могильника – крайнее на восточной границе памятника, а погребения с ранними застежками с крылатой иглой в Кораблинском могильнике располагаются в непосредственной близости друг к другу, в группе погребений, лежащих на юго-восточной границе площади могильника. Основой для появления этих застежек, бесспорно, являются крупные застежки из бронзы и железа, также являющиеся характерными для позднего этапа классической фазы рязано-окских могильников.

Появление застежек с крылатой иглой В.Н. Шитов, на примере комплекса погр. 70 Волчихинского могильника, содержавшего поясной набор «геральдического» облика с псевдопряжками, относит к середине – 2-ой половине VII в. [Шитов, 1988б, с. 31]. Подобные ранние формы застежек с крылатой иглой есть и в комплексах погр. 218 и 220 Подболотьевского могильника с поздними формами псевдопряжек и деталями «геральдических» наборов, близких прикамским образцам уже неволинского облика, относящихся к III периоду ременных гарнитур Поволжья и Приуралья, начало бытования которого относится уже ко 2-ой половине – концу VII в. [Гавритухин, Обломский, 1996, с. 84-89, рис. 90]. Все это указывает на обоснованность предположения о датировке верхней хронологической границы финальных погребений рязано-окских могильников временем, близким середине VII в.

Развитые формы застежек с крылатой иглой практически не встречены в рязано-окских памятниках, за исключением могильников Курман, где известны застежки уже следующего типа: с размерами двускатной рамки 9,2 x 8,5 см, с большим треугольным расширением у основания и иглы (погр. XX, раскопки Ф.А. Уварова) [Уваров, 1890, табл. VII], а также целой серии всего эволюционного ряда этой категории украшений на Шокшинском могильнике (погр. 40, 68, 93, 218, 252, 421) [Циркин, 1987, с. 48-49, рис. 11: 6; Шитов, 1983].

Комплекс женского захоронения 247 Никитинского могильника, в состав которого входила застежка с «крылатой» иглой, демонстрирует характерные для поздней фазы составляющие женского инвентаря – двухъярусные накосники с двухъярусными коническими привесками, гривны с взаимноперепендикулярными крючками с небольшими сегментовидными утолщениями на концах, круглодротовые браслеты с раскованными, слегка скругленными концами (рис. 10: 2-4, 7, 15).

Прослеживаемое одновременное прекращение захоронений почти на всех могильниках рязано-окских финнов правобережья р. Оки наводит на предположения о трагических причинах этого явления. Вряд ли стоит говорить о естественных причинах. Никаких сведений о природных катаклизмах в VII в. в лесной зоне Восточной Европы мы не имеем, а эпидемии в условиях достаточно разреженного расселения рязано-окских финнов вряд ли могли уничтожить коллективы, жившие на территории длиной около ста километров по течению р. Оки и ее притоков. На протяжении всего времени изучения культуры рязано-окских финнов причина этого явления не определялась исследователями. Лишь А.Л. Монгайт осторожно предполагал, с одной стороны, проникновение «славянских» элементов в рязано-окскую среду, и в то же время, появление кочевнического «салтовского» населения на южной, уже практически лесостепной окраине Рязанской земли, основываясь на находке погребения кочевника у с. Арцыбашево, Скопинского уезда [Монгайт, 1961, с. 78-85].

Отсутствие детальных сведений о поселениях рязано-окских финнов делало этот вопрос еще более загадочным.

Новые данные, полученные уже в результате работ сезона 2007 г. (первого года изучения одного из интереснейших поселенческих памятников рязано-окских финнов – Тереховского городища – в Шиловском районе Рязанской области) позволяют предложить новую гипотезу, касающуюся обстоятельств исчезновения рязано-окской финской культуры классического облика. Несмотря на то, что масштабы раскопок еще невелики – на верхней площадке городища, защищенной дополнительным валом, площадь раскопа составляла всего двадцать квадратных метров – нам удалось проследить в культурном слое следы гибели городища в VII в. Об этом свидетельствуют находки в подпечной яме (объект 1). Здесь наряду с большим количеством керамики, литейными формами, камнем-терочником, бусами и фрагментами украшений женского убора, были обнаружены кольцевая железная воинская застежка, нож, согнутая от удара трехлопастная стрела и фрагменты черепа и отдельных костей одного или нескольких человек (рис. 11: 1-3). Кости разрознены, а сам облик заполнения подпечной ямы свидетельствует о том, что все эти вещи были сброшены в нее во время вторичного заселения городища в последние столетия I тыс. н.э. Городище просуществовало, как минимум, еще до последней четверти X в., о чем свидетельствует состав клада восточного серебра, происходящего с его территории и хранящегося в Шиловском народном музее[1]. Возможно, кости и вещи были сброшены в яму при нивелировке поверхности и обустройстве территории при вторичном заселении. А это свидетельствует о тотальности штурма городища в VII в., после которого убитых защитников поселения уже некому было хоронить.

С площади городища из сборов происходит значительное количество наконечников стрел –

[1] Любезное сообщение А.П. Гаврилова.

более 60 экземпляров разных типов, относящихся как к 3-ей четверти I тыс., так и к началу II тыс. н.э. Образцы ранних наконечников приведены на рис. 12. В рамках данной работы нет возможности детального анализа этих предметов, однако само количество этих находок свидетельствует в пользу гипотезы о штурме городища.

Тереховское городище находится в особой части «племенной» территории рязано-окских финнов – в ядре, где на небольшом участке сконцентрированы не только одни из самых репрезентативных могильников (Борок 2, Ундрих, Кулаковский, Прибрежный, Тырновский), но и погребальные памятники иного рода, например курганный могильник «Белые Бугры», а также целая серия поселений.

Концентрация престижных категорий инвентаря в комплексах, которые нам удалось учесть в рамках работы по сбору материалов по проекту «Геральдические гарнитуры....», указывает на то, что Шиловская группа памятников занимает одно из центральных, если не главное, место в структуре памятников культуры рязанских финнов. Если это так, то тем важнее свидетельство о тотальном разрушении одного из центральных поселений. На наш взгляд, правомерны предположения, что причиной финала «классического» периода культуры рязано-окских финнов мог быть вооруженный рейд или серия рейдов кочевников, которые и пользовались сложносоставными луками и трехлопастными стрелами. В комплексах же самих рязано-окских финнов лук и стрелы неизвестны, за исключением нескольких наконечников стрел в костяках погибших в погребениях V в. в могильнике Кораблино.

В свете подобных предположений иное значение приобретает погребение кочевника у с. Арцыбашево Скопинского уезда Рязанской области. Погребение, случайно обнаруженное более ста лет назад, было издано В. Крейтоном в 1905 г. и с тех пор остается уникальным комплексом не только для Рязанской области, но и для всей территории пограничья лесной и лесостепной зоны Центральной России [Крейтон, 1905, с. 85-89, 207-212]. Захоронение было совершено в прямоугольной яме глубиной около двух метров. Погребенного сопровождал скелет лошади, богатый комплекс личного убора и оружия, узды. Уровень предметов, составляющих комплекс личного убора, чрезвычайно высок.

В него входили золотая серьга с грузиком в виде пирамидки зерни и дополнительных шариков, как минимум одиннадцать золотых наконечников ремней и накладок, украшенных сканью, зернью, тиснением, серебряные и бронзовые детали поясного убора и узды, однолезвийный меч палаш с остатками гарнитуры ножен, сложносоставной лук, от которого сохранилась костяная пластина – накладка с композицией из прочерченного и циркульного орнамента, трехлопастные черешковые наконечники стрел (рис. 13). Особо отмечаются также фрагменты сосудов с «волнистым и линейным» орнаментом, близкие по определению А.Л. Монгайта «серой салтово-маяцкой керамике» [Монгайт, 1961, с. 82]. А.Л. Монгайт практически первым из исследователей обратил серьезное внимание на этот комплекс. Он определил принадлежность его к кругу степных кочевнических памятников, в число которых он включал комплексы из Вознесенки, Ново-Покровки и Тополей, что отражает уровень представлений раннесредневековой археологии Восточной Европы пятидесятых годов, когда был написан труд А.Л. Монгайта. Ученый отрицает, что погребение могло принадлежать кочевнику, попавшему в силу каких-либо обстоятельств сюда из южнорусских степей. По его мнению, близость погребения к северной границе ареала салтовской культуры, а также частые находки в комплексах погребений рязано-окских могильников деталей поясных гарнитур «геральдического» облика, оружия и конского убора, характерных для воинского обихода народов степи, свидетельствуют о том, что «Арцыбашевское погребение – не случайное в этой полосе, а принадлежит населению, постоянно жившему или кочевавшему в верховьях Дона и близко соприкасавшемуся с населением, оставившим рязанские могильники» [Монгайт, 1961, с. 84].

За прошедшие почти полстолетия с момента выхода в свет книги А.Л. Монгайта изменились не только представления специалистов о культурах последней трети I тысячелетия. Новые сведения о древностях южной части Рязанской земли были собраны в результате археологических разведок и паспортизации памятников археологии, проводившихся в рамках создания «Свода памятников истории и культуры народов России», в которых принимали участие целый ряд специалистов из учреждений Москвы и Рязани. За это время только на территории Скопинского района обнаружено несколько десятков памятников, из которых ни один не был отнесен к кочевническим древностям последней четверти I тысячелетия н.э. Неизвестны они и на территории непосредственно примыкающего к месту расположения Арцыбашевского погребения Ряжского района [АКР, 1993, с. 25-27; 1996].

Арцыбашевское погребение располагалось на правобережье р. Ранова, недалеко от впадения в нее левого притока – р. Верда. Сама р. Ранова является правым притоком р. Прони, крупнейшего правого притока Оки в рязанском Поочье, соединявшим его с районом верховьев Дона. Проня – одна из важнейших водных артерий региона. Она с древности связывала Рязанщину со степными территориями. Не случайно именно в низовьях Прони располагался один из интереснейших рязано-окских могильников – Заречье 4,

а место впадения Прони в Оку контролировал воинский коллектив, оставивший могильник у с. Никитино. Именно на Проне, в первую очередь на ее левом берегу, фиксируются памятники, содержавшие следы пребывания на них рязано-окских финнов. Например: керамика рязано-окского облика обнаружена на городище Вуколов Бугор недалеко от Пронского городища; слои III-VII вв. обнаружены в самом Пронске, рязано-окская керамика найдена на Чертовом городище в пяти километрах от Пронска [Монгайт, 1961, с. 42-43, 57; Мальм, Фехнер, 1974, с. 195, 196, рис. 2] (рис.14).

Таким образом, от реальной южной границы ареала культуры рязано-окских финнов Арцыбашевское погребение отделяло лишь около пятидесяти километров, а от низовий Прони, которые уже находились в сердце территорий рязанских финнов – около семидесяти километров. Однако это уже другая ландшафтно-географическая зона, в которой берут начало не только правые притоки рязанского течения р. Оки, но и истоки мелких рек – притоков р. Дон. Это уже безлесная территория, носившая в средневековье название «Половецкое поле», здесь начинается зона черноземных почв. Вполне возможно, что беглецы из степи или степные завоеватели именно здесь, в более привычном для себя ландшафте, и похоронили знатного сородича.

В то же время здесь локализуется один из перекрестков «Южного» пути, который вел на р. Дон и далее в Приазовье. Через верховья рек Рановы и Хупты шел волок на р. Рясу, приток р. Воронеж, а истоки рек Прони и Верды через волок соединялись с верхней и нижней Таболами, притоками р. Дон. Этот южный «донской» путь, судя по всему, функционировал еще с римского времени и вполне мог использоваться и степными кочевниками в течение I тысячелетия. Так, рязано-окские вещи V в. найдены в памятниках типа Замятино и Ксизово на Острой Луке в Подонье, а целый комплекс рязано-окских украшений 1-ой половины V в. был обнаружен еще в XIX в. в Танаисе. Все это свидетельствует в пользу функционирования «Донского пути». При этом мы даже можем представить себе примерную скорость передвижения по нему. Существует описание третьего путешествия митрополита Пимена в Константинополь в 1389 году, составленное писцом епископа Смоленского Михаила, также члена делегации Пимена, Игнатием. По этим данным реконструируется путь движения делегации по западному маршруту через реки Проню и Верду. Время в пути от Переяславля Рязанского до Острой Луки, которая упомянута в описании, составило около 10 дней (25 апреля – 5 мая). При этом необходимо учитывать, что делегация церковных иерархов вряд ли двигалась галопом. Они находились под охраной отряда рязанских воинов под предводительством Станислава, которые одновременно занимались также транспортировкой трех стругов. Все это обязательно должно было замедлять движение (рис.14) [Острая Лука..., рис. 144: 11; Веневитинов, 1890, с. 316-321; Монгайт, 1961, с. 311].

Инвентарь Арцыбашевского погребения широко использовался в работах, посвященных степным древностям VI-VII вв. А.К. Амброз относил этот комплекс к IV группе кочевнических погребений VI-VII вв., синхронных группе V. Группа IV определяется им как могилы рядовых кочевников (Иловатка, Бережновка и др.), а группа V объединяла комплексы знати (Малое Перещепино, Келегеи, Глодосы) [Амброз, 1981, с. 13, табл. 5, 6, 7]. Он также отмечал, что комплекс погребения в Арцыбашево богаче остальных погребений своей группы.

Комплексы Перещепинского круга были отнесены им ко 2-ой половиной VII в., а позже – к последней четверти VII в. [Амброз, 1971, с. 118-120, 122; 1973, с. 297; 1982, с. 220]. Позже вещи из Арцыбашево привлекались в качестве аналогов в контексте анализа ювелирных произведений из Борисово, Перещепино, Глодос, Керчи с подтверждением широкой даты – 2-ой половины VII в. [Амброз, 1992, с. 82, 83]. Эти аргументы использовались и другими исследователями при изучении поясных гарнитур в кочевнических погребениях Крыма и Приазовья (памятников сивашовского типа), которые относились ими к древним болгарам или хазарам [Айбабин, 1990, с. 72; Орлов, Рассамакин, 1996, с. 111, 115].

Горизонт Глодосы-Перещепино получил в работах исследователей и более детальную хронологию: З.А. Львова считает, что Глодосы должны датироваться временем около середины VII в., а Перещепино – последней четвертью VII в. [Львова, Маршак, 1997, с. 98, 99].

Существует и другая точка зрения. И. Вернер, основываясь на монетных находках, датировал Перещепино временем около 650 года [Вернер, 1988, с. 35, 36, 39-41]. А.Г. Атавин, анализируя аналогичные арцыбашевским зерненые золотые наконечники из погребений в Восточном Приазовье, найденные также в Камунте и Уч-Тепе, указывает на то, что они типологически более ранние, чем находки в Перещепино, Келегеях, Вознесенке, Галиата, Мадары (курган 3, погребение 5). По его мнению, время бытования этих изделий – первая половина VII в. [Атавин, 1996, с. 223, 224].

К первой трети VII в. относит погребения из Арцыбашево и Уч-Тепе Ч. Балинт (Balint, 1989, S. 36, 37, 41, Abb.15, 16). Основываясь на этой дате, А.Г. Атавин относит погребение у хутора Крупской, наиболее близкое по набору зерненых наконечников и прессованных бляшек погребению из

Арцыбашево, 1-ой третью – началом 2-ой трети VII в. [Атавин 1996, с. 228, 229].

Таким образом, верхняя граница бытования комплексов Крупская – Уч-тепе – Арцыбашево приближается к середине VII в. К тому же времени близки датировки стилистически похожих вещей: серьги с пирамидками зерни и детали поясных гарнитур, украшенные зернью, периода IIIа и начала периода IIIб по системе И.О. Гавритухина и В.Ю. Малашева для раннесредневековых древностей Кисловодской котловины [Гавритухин, Малашев, 1998, с. 60, 61].

Таким образом, появление погребения кочевника у с. Арцыбашево, гипотетический разгром на основной территории рязано-окских финнов и прекращение использования большинства могильников могут быть весьма близки по времени и взаимосвязаны. Сейчас нет оснований конкретизировать этническую принадлежность погребенного кочевника у с. Арцыбашево. Так или иначе, это уникальное для археологии Центральной России погребение может рассматриваться как в свете тесных связей рязано-окского населения с миром приазовско-причерноморских кочевников, так и как свидетельство того, что среднее Поочье было включено в сферу драматических событий, сопровождавших изменение этнополитической картины мира Восточной Европы в VII в. А о том, что около 3-ей четверти VII в. эти события достаточно сильно затронули южную границу лесной зоны, свидетельствуют синхронные явления на других территориях: например, выпадение первой группы днепровских кладов, финал колочинской и пеньковской культур. Эти явления рассматриваются исследователями как результат военных действий. В целом же передел политической и культурной картины охватывает еще более значительные территории Восточной Европы – это пожары в Зимно и Никодимово, финал именьковской культуры и появление памятников новинковского типа на средней Волге, изменение ситуации в Прикамье [Обломский, Гавритухин, 1996, с. 95, 146-148].

Исчезновение основной части рязано-окских памятников предположительно в середине – 3-ей четверти VII в. не стало концом культуры окских финнов. Продолжали использоваться могильники Курман и Шокша; первый – до X в., а второй – минимум до XI в. К позднему этапу рязано-окской культуры относится поздний слой Тереховского городища, а также, судя по керамике, поселение и погребения в Алеканове [Городцов, 1897, с. 370-371]. Из погребальных памятников следует указать также на могильники в Дубровичах и на Облачинской дюне, Глушицкий могильник. В течение сезона 2007 г. при осмотре грабительских ям на рязано-окском могильнике Шагара V также выявлены находки VIII-XI вв., что свидетельствует о том, что памятник функционировал и в это время (рис. 15) [Городцов, 1897; 1898; 1905; 1925; Буланкин и др. 1992, с. 48-49].

Однако это была уже совсем другая эпоха, а остатки рязано-окского населения уже не являлись тем достаточно монолитным этническим массивом, который, во многом, доминировал в регионе на протяжении предыдущих почти пятисот лет.

Указанные пункты располагаются либо на левом берегу р. Оки в Рязанском, Спасском районах, либо уже достаточно далеко к северу от р. Оки – в рязанской части озерной Мещеры. На правом берегу р. Оки рязано-окское население сохраняется лишь в Касимовском районе и, возможно, в северной части Шиловского района. Таким образом, среднее течение р. Оки из главной водной артерии, соединявшей коллективы на различных территориях рязано-окского «союза», превратилось в пограничную реку для остатков этого населения, южный рубеж, отделявший его от новых соседей (рис. 15).

Соображения, предложенные в этой работе, являются, по сути, лишь первым подходом к теме. Многие положения, и в первую очередь, уточнение верхней границы классического этапа существования культуры рязано-окских финнов, нуждаются в дальнейшей разработке на более широком круге материалов. Однако эта работа показывает возможные направления путей решения поставленных проблем, имеющих важное значение для археологии Центральной России эпохи раннего средневековья.

Литература

Айбабин А.И. 1990. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. 1.

АКР. 1993. Археологическая карта России. Рязанская область. Часть 1.

АКР. 1996. Археологическая карта России. Рязанская область. Часть 3.

Алихова А.Е. 1959а. Из истории мордвы конца I-го – начала II-го тыс. н.э. // Древняя и средневековая история мордовского народа. Саранск.

Алихова А.Е. 1959б. Серповской могильник // Древняя и средневековая история мордовского народа. Саранск.

Амброз А.К. 1971. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы. Часть 2 // СА. 3.

Амброз А.К. 1973. Рецензия на книгу Y. Erdelyj, E. Ojtozy, W. Gening. Das Graberfeld von Nevolino // СА. 2.

Амброз А.К. 1981. Восточноевропейские и среднеазиатские степи V – первой половины VIII в. // Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. М.

Амброз А.К. 1982. О Вознесенском комплексе VIII в. на Днепре – вопрос интерпретации // Древности эпохи Великого Переселения народов V-VIII веков. М.

Амброз А.К. 1992. Боспор. Хронология раннесредневековых древностей // Боспорский сборник. 1. М.

Атавин А.Г. 1996. Погребения VII – начала VIII вв. из Восточного Приазовья // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. Самара.

Афанасьев Г.Е., Рунич А.П. 2001. Мокрая Балка. Выпуск 1. Дневник раскопок. М.

Ахмедов И.Р. 1995. Из истории конского убора и предметов снаряжения всадника рязано-окских могильников // Археологические памятники Среднего Поочья. 4. Рязань

Ахмедов И.Р. 1998. Рязанские «крестовидные» фибулы // Исследования П.Д. Степанова и этнокультурные процессы древности и современности. Материалы международной конференции, посвященной 100-летию П.Д. Степанова. Саранск.

Ахмедов И.Р. 2001. Воинское погребение из могильника Борок II // ТАС. 4 – II.

Ахмедов И.Р. 2003. Комплекс предметов с городища Долматово Старожиловского района Рязанской области // Проблемы древней и средневековой археологии Окского бассейна. Рязань.

Ахмедов И.Р. 2007. Инвентарь мужских погребений // Восточная Европа в середине I тысячелетия н.э. Культура рязано-окских могильников. М.

Ахмедов И.Р. В печати. Признаки социальной иерархии у рязано-окских финнов в эпоху Великого переселения народов // Сборник материалов коллоквиума. Эпоха Меровингов. Европа без границ. СПб.

Ахмедов И.Р., Белоцерковская И.В. 1998. О начальной дате рязано-окских могильников // Археологический сборник. Труды ГИМ. 96.

Ахмедов И.Р., Белоцерковская И.В. 1999. Хронология Кошибеевского могильника // Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья. М.

Ахмедов И.Р., Белоцерковская И.В. 2007. Культура рязано-окских могильников // Восточная Европа в середине I тысячелетия н.э. М.

Ахмедов И.Р., Белоцерковская И.В. Рукопись. Могильник Кораблино.

Ахмедов И.Р., Казанский М.М. 2004. После Аттилы. Киевский клад и его культурно-исторический контекст // Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем средневековье. Доклады научной конференции, посвященной 60-летию со дня рождения Е.А. Горюнова. СПб.

Ахмедов И.Р., Фурасьев А.Г., Щукин М.Б., Белоцерковская И.В. 2007. Лесная зона Восточной Европы в эпоху Великого Переселения народов и в раннем средневековье // Эпоха Меровингов. Европа без границ. Берлин.

Ахмедов И.Р., Гавритухин И.О., Шитов В.Н. Рукопись. Ременные гарнитуры «геральдических» стилей бассейнов рек Оки и Суры.

Белоцерковская И.В., Ахмедов И.Р. 1996. О кошибеевской культуре // СА. 4.

Буланкин В.М., Челяпов В.П., Вячин А.А., Токарев В.Е. 1992. Могильники раннего железного века на территории Рязанской области (Материалы к Своду памятников) // Археологические памятники среднего Поочья. Рязань.

Веневитинов М.А. 1890. По поводу пятисотлетия перваго русского путешествия по Дону // Древности. Труды МАО. 14. М.

Вернер Й. 1988. Погребалната находка от Малая Перешчепина и Кубратхан на Българите. София.

Вихляев В.И. 2000. Происхождение древнемордовской культуры. Саранск.

Воронов Ю.Н. 2003. Могилы апсилов. Итоги исследования некрополя Цибилума в 1977-1986 годах. Пущино.

Воронина Р.Ф., Зеленцова О.В., Энговатова А.С. 2005. Никитинский могильник. Публикация материалов раскопок 1977-78 гг. // Труды отдела Охранных раскопок. 3. М.

Восточная Европа. 2007. Восточная Европа в середине I тысячелетия н.э. М.

Гавритухин И.О. 1999. В-образные пряжки, изготовленные вместе со щитовидной обоймой // Пермский мир в раннем средневековье. Ижевск.

Гавритухин И.О. 2001а. Эволюция восточноевропейских псевдопряжек // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (Из истории костюма). 2. Самара.

Гавритухин И.О. 2001б. Периодизация раннесредневековых древностей Кисловодской котловины на основе керамики в свете изучения изделий из металла. Приложение 1 // Малашев В.Ю. Керамика раннесредневекового могильника Мокрая Балка. М.

Гавритухин И.О. Обломский А.М. 1996. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М.

Гавритухин И.О., Малашев В.Ю. 1998. Перспективы изучения хронологии раннесредневековых древностей Кисловодской котловины // Культуры евразийских степей. 2. Самара.

Гавритухин И.О., Пьянков А.В. 2003. Раннесредневековые древности побережья (IV-IX вв.) // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV-XIII века. Археология. М.

Городцов В.А. 1897. Заметка о глиняном сосуде с загадочными знаками // АИЗ. 5-12. М.

Городцов В.А. 1898. Заметка о загадочных знаках на обломках глиняной посуды // АИЗ. 6-11-12. М.

Городцов В.А. 1905. Материалы для археологической карты долины и берегов реки Оки // Труды XII Археологического съезда. 1. М.

Городцов В.А. 1909. Бытовая Археология. М.

Городцов В.А. 1925. Дубровичский финский могильник // К материалам по археологии Рязанского края. Труды общества исследователей рязанского края. V. Рязань.

Гольмстен В.В. 1923. Хронологическое значение эволюции древних форм. Самара.

Григорьев А.В. 2005. Славянское население водораздела Оки и Дона. Тула.

Дмитриев А.В. 2003. Могильник Дюрсо – эталонный памятник древностей V-IX веков // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV-XIII века. Археология. М.

Зеленеев Ю.А., Шитов В.Н. 1979. О планировке Старокадомского могильника // Археологические памятники мордвы I тысячелетия н.э. Труды МНИИЯЛИЭ. 63.

Ефименко П.П. 1926. Рязанские могильники. Опыт культурно-стратиграфического анализа могильников массового типа // Материалы по археологии. III-1. Л.

Ефименко П.П. 1937. К истории Западного Поволжья в I тысячелетии по археологическим источникам // СА. II.

Казанский М.М. 1999. О балтах в лесной зоне России в эпоху Великого переселения народов // Археологические вести. 6. СПб.

Ковалевская В.Б. 1979. Поясные наборы Евразии IV-IX вв. Пряжки // САИ. Е1-2. М.

Комар А.В., Кубышев А.И., Орлов Р.С. 2006. Погребения кочевников VI-VII вв. из северо-западного Приазовья // Степи Евразии в эпоху средневековья. 5. / Хазарское время. Труды по археологии. Донецк.

Кравченко Т.А. 1974. Шатрищенский могильник (по раскопкам 1966-1969 гг.) // Археология Рязанской земли. М.

Крейтон В. 1905. Случайная находка могилы всадника близ с. Арцыбашево в Скопинском уезде Рязанской губернии // ТРУАК. XX-1.

Львова З.А., Маршак Б.И. 1997. Кому принадлежало Перещепинское сокровище // Залеская В.Н., Львова З.А., Маршак Б.И., Соколова И.В., Фонякова Н.А. Сокровища хана Кубрата. Перещепинский клад. СПб.

Малашев В.Ю. 2001. Керамика раннесредневекового могильника Мокрая Балка. М.

Мальм В.А., Фехнер М.В. 1974. Археологические исследования древнего Пронска и городища на горе Гневне // Археология Рязанской земли. М.

Монгайт А.Л. 1961. Рязанская земля. М.

Орлов Р.С., Рассамакин Ю.А. 1996. Новые памятники VI-VII вв. из Приазовья // Материалы I тыс. н.э. по археологии и истории Украины и Венгрии. Киев.

Острая Лука Дона в древности. 2004. Замятинский археологический комплекс гуннского времени. М.

Румянцева О.С. 2005. Хронология и периодизация стеклянных бус могильника Кораблино // II Городцовские чтения. Материалы научной конференции, посвященной 100-летию деятельности В.А. Городцова в ГИМ. Труды ГИМ. 145.

Смирнов А.П. 1961. Железный век Чувашского Поволжья // МИА. 95.

Смирнов А.П., Трубникова Н.В. 1965. Городецкая культура // САИ. Д1-14. М.

Спицын А.А. 1901. Древности бассейнов рек Оки и Камы // МАР. 25.

Трубникова Н.В. 1966. К вопросу о погребальном обряде и планировке Кошибеевского могильника // Археологический сборник. Труды ГИМ. 40.

Трубникова Н.В. 1967. Кошибеевский могильник и его место в этнической истории междуречья рр. Цны и Волги в первые столетия н.э. // Происхождение марийского народа. Йошкар-Ола.

Трубникова Н.В. 1969а. Женские погребения с оружием из Кошибеевского могильника.// Древности Восточной Европы. М.

Трубникова Н.В. 1969б. Погребение шамана в Кошибеевском могильнике и верования позднегородецких племен // СА. 3.

Трубникова Н.В. 1970. Некоторые погребения Кошибеевского могильника и черты общественного строя того времени // Труды МНИИЯЛИЭ. 39.

Трубникова Н.В. 1982. Головные уборы из Кошибеевского могильника // Археологические исследования на юге Восточной Европы. Труды ГИМ. 54.

Третьяков П.Н. 1966. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.-Л.

Уваров А.С. 1890. Курманский могильник. Древности // Труды МАО. 14.

Циркин А.В. 1987. Материальная культура и быт народов среднего Поволжья в I тыс. н.э. Красноярск.

Циркин А.В. 1995. В защиту кошибеевской культуры // РА. 1.

Шитов В.Н. 1983. Отчет о работе Шокшинской археологической экспедиции в Мордовской АССР и Рязанской области в 1983 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 9611.

Шитов В.Н. 1988а. Кошибеевский могильник (по материалам раскопок В.Н. Глазова в 1902 г.) // Вопросы этнической истории мордовского народа в I – начале II тысячелетия н.э. Труды МНИИЯЛИЭ. 93. Саранск.

Шитов В.Н. 1988б. Сергачский могильник «Святой Ключ» // Материалы по археологии Мордовии. Труды МНИИЯЛИЭ. 85. Саранск.

Шитов В.Н. 1988в. Старокадомский могильник // Материалы по археологии Мордовии. Труды МНИИЯЛИЭ. 85. Саранск.

Balint Cs. 1989. Die Archaologie der Steppe. Wien; Koln.

I.R. Akhmedov

The problem of "final" period of the Ryazan-Oka Finn culture
The modern state of the issue

Resume

The article of I.R. Akhmedov is dedicated to one of the most undeveloped themes of the Central Russia forest cultures archaeology of the Early Middle Ages. This researcher examines the problem of Finn culture end that existed in the Ryazan and Oka regions. This commonality was one of the brightest in the southern borderlands of forest zone during the most of the 1st millennium AD.

The final stage indicators of classical Borki and Kuzminki period of the Ryazan-Oka cemeteries existence are distinguished in the article. These indicators are marked out on the basis of late graves that belonged to the most documented and fully excavated cemeteries: Starij Kadom, Nikitino and Korablino. These indicators include "heraldic" belt fittings typical for the second period of their existence in the Middle Volga and Transurals regions, as well as early forms of fasteners with "wingy" needle.

I.R. Akhmedov compares antiquities of this horizon with the newest materials that illustrate the downfall of one of the most interesting sites of the Ryazan-Oka Finns culture – Terekhovo settlement. The author also finds parallels with the unique complex for the forest zone – burial ground of a nomad near Artsybashevo in the south of Ryazan region. As a result, the final date of the majority of Ryazan-Oka cemeteries is set: the middle – the third quarter of the 7th century AD.

The article also gives information on a circle of currently known late sites situated in the Ryazan-Oka region and dated by the last quarter of the 1st millennium AD.

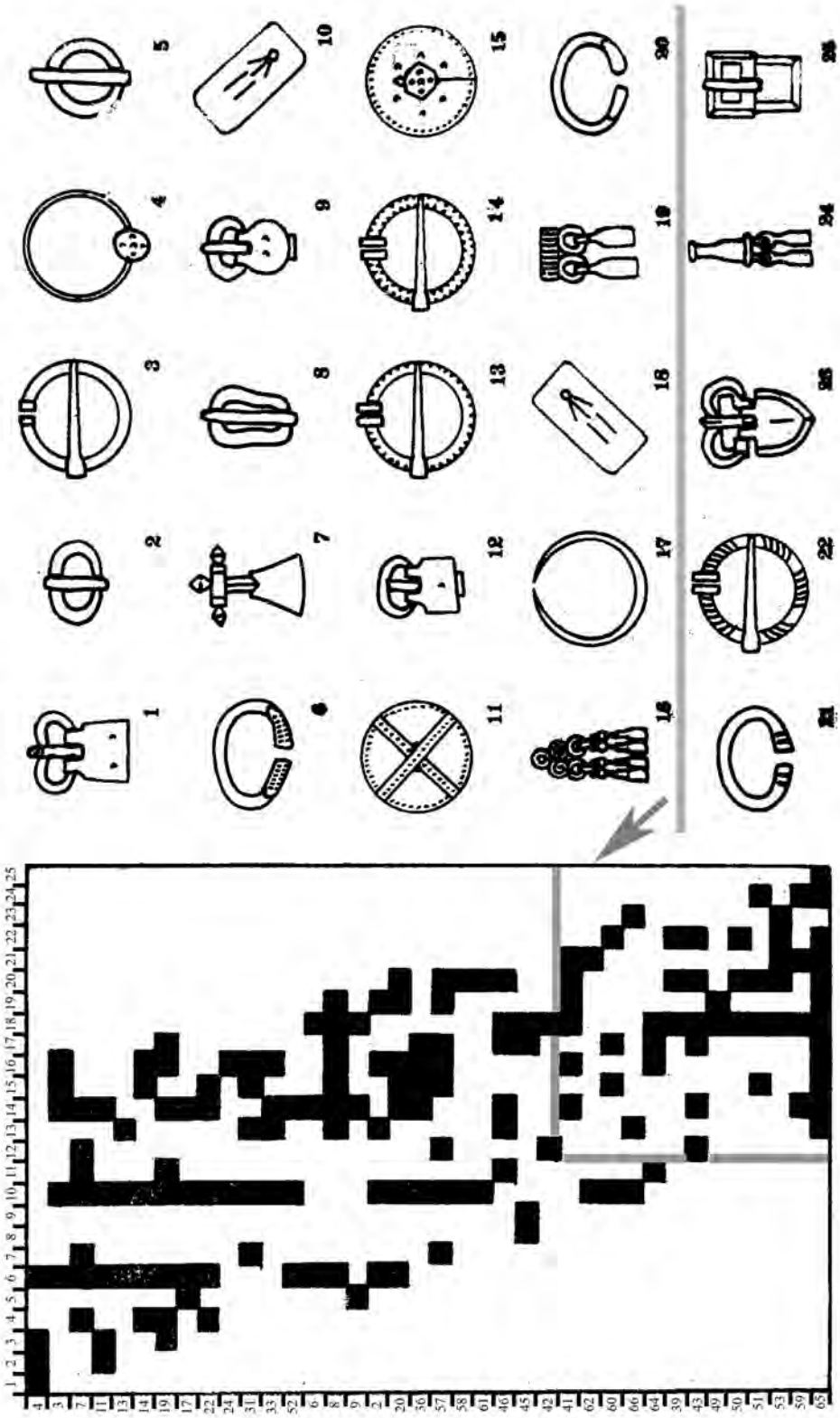


Рис. 1. Сериация погребений Старокадомского могильника. Серой линией отделена поздняя группа (по В.Н. Шитову).

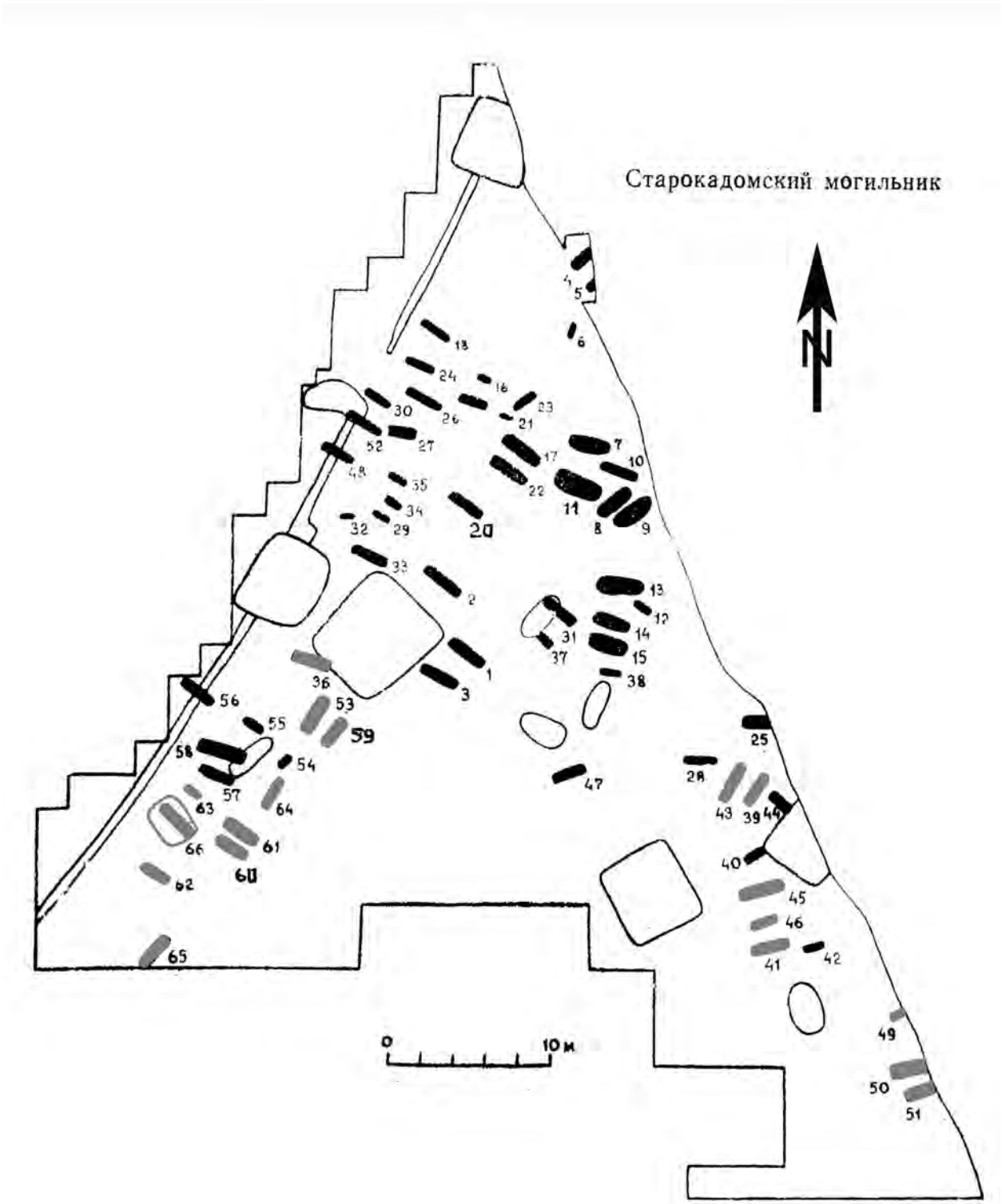


Рис. 2. План расположения погребений на Старо-Кадомском могильнике (по В.Н. Шитову). Серым цветом показаны наиболее поздние погребения.

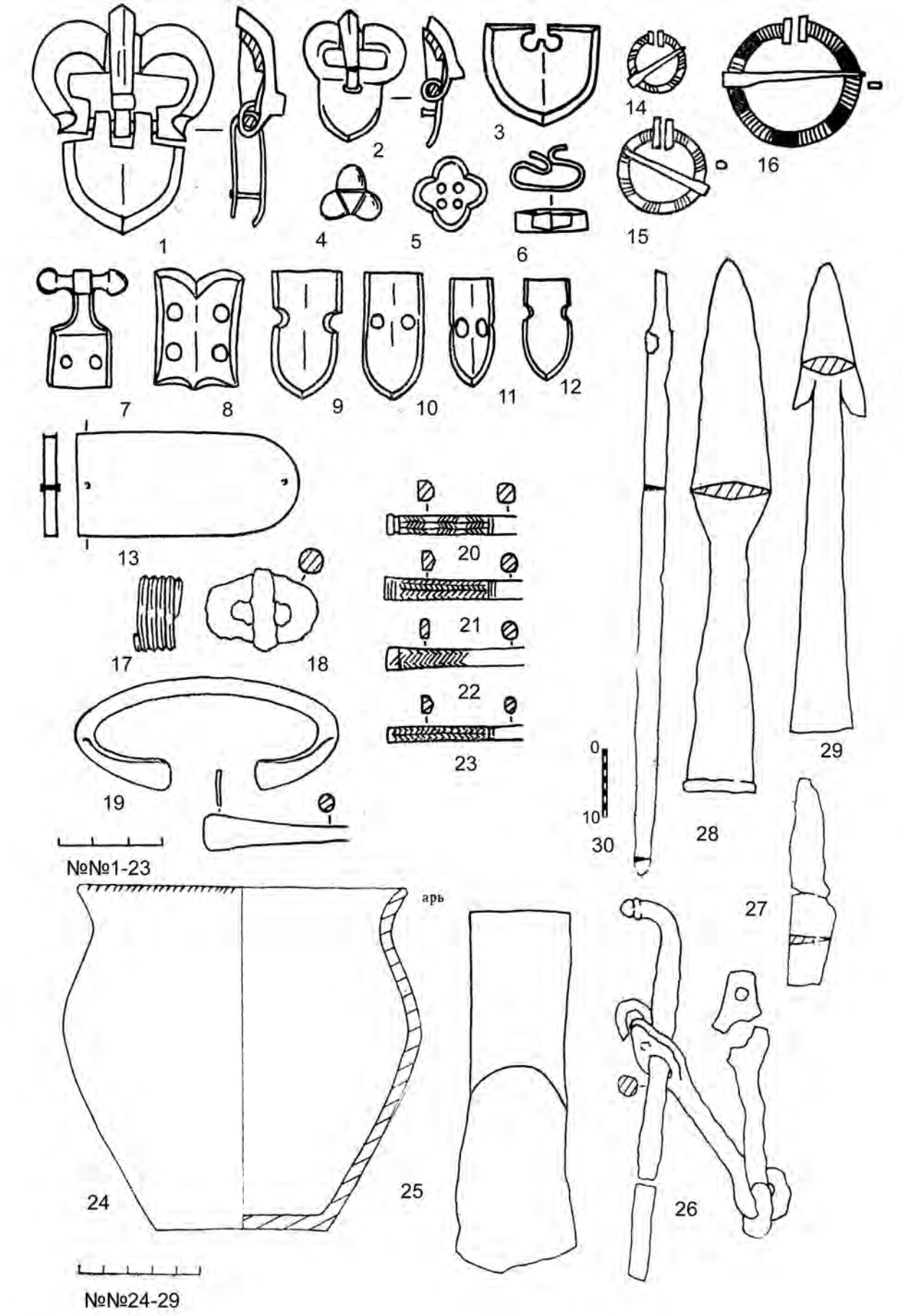


Рис. 3. Комплекс инвентаря погребения 53 Старо-Кадомского могильника (по В.Н. Шитову).

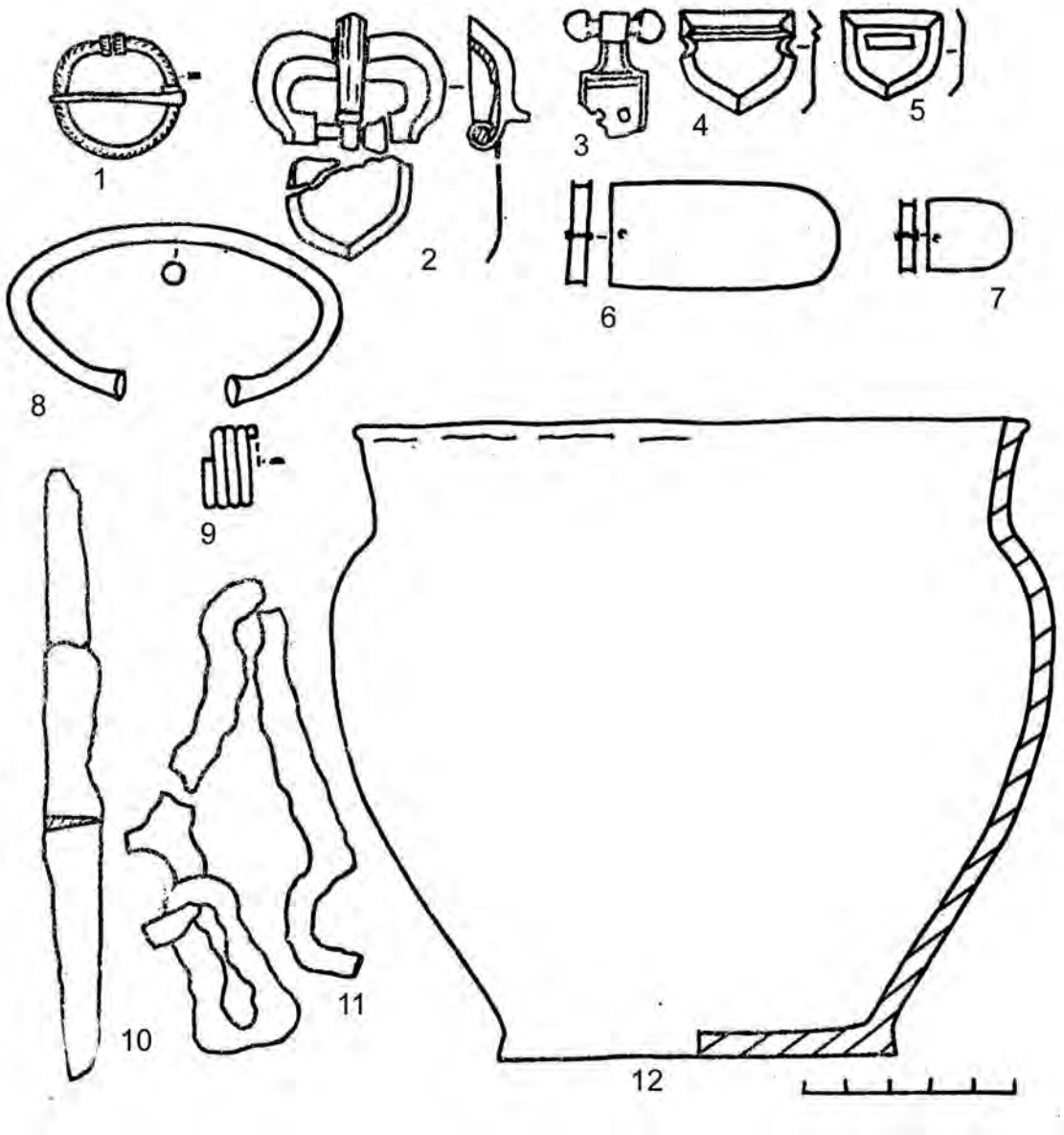


Рис. 4. Комплекс инвентаря погребения 66 Старо-Кадомского могильника (по В.Н. Шитову).

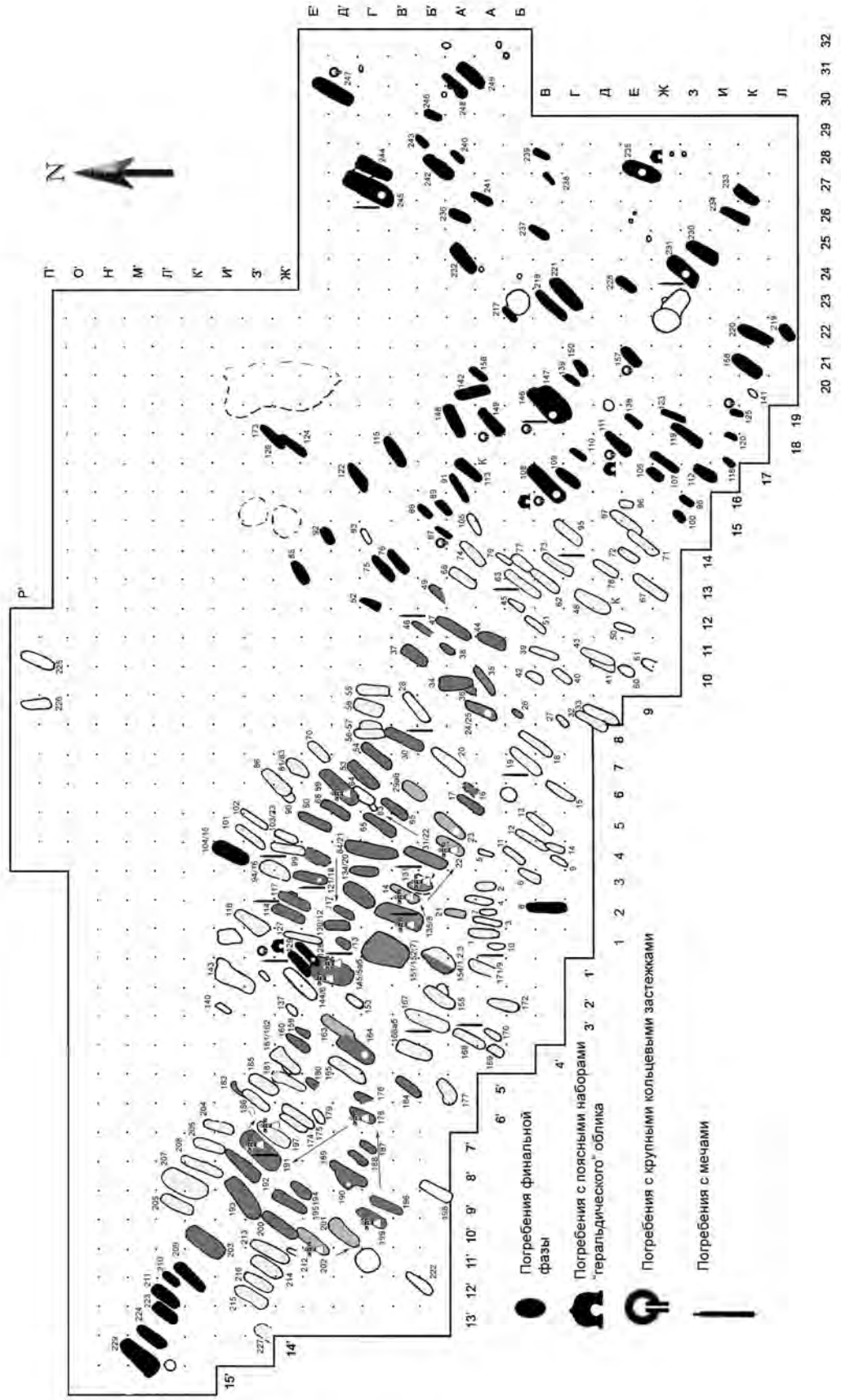


Рис. 5. План расположения погребений на могильнике у с. Никитино.

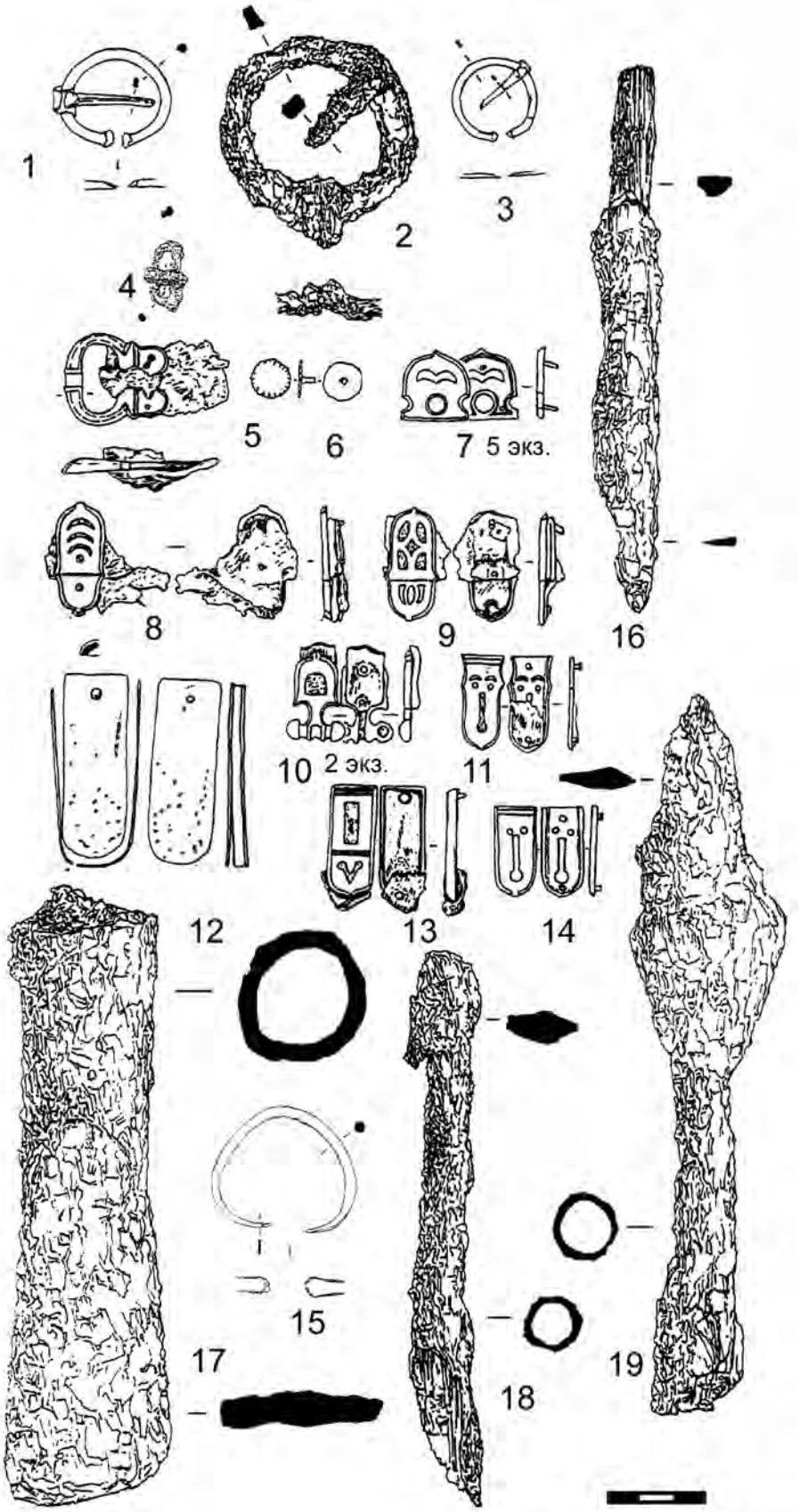


Рис. 6. Комплекс погребения 108 Никитинского могильника.
1, 3 – сплавы цветных металлов; 5-15 – сплавы цветных металлов, кожа; 2, 16-19 – железо.

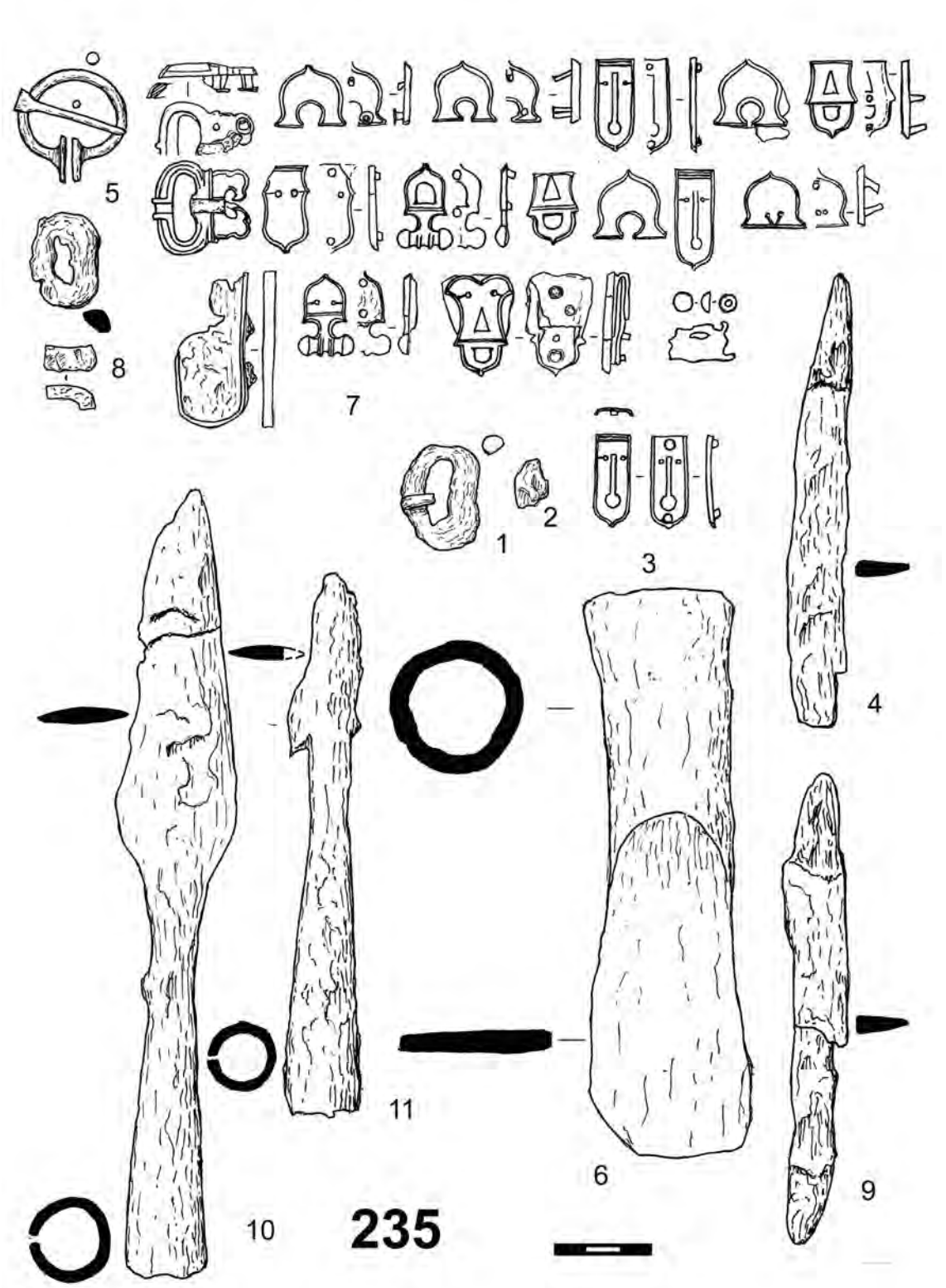


Рис. 7. Комплекс погребения 235 Никитинского могильника.
1, 2, 4, 6, 8-11 – железо; 5 – бронза; 7 – сплав цветных металлов, кожа.

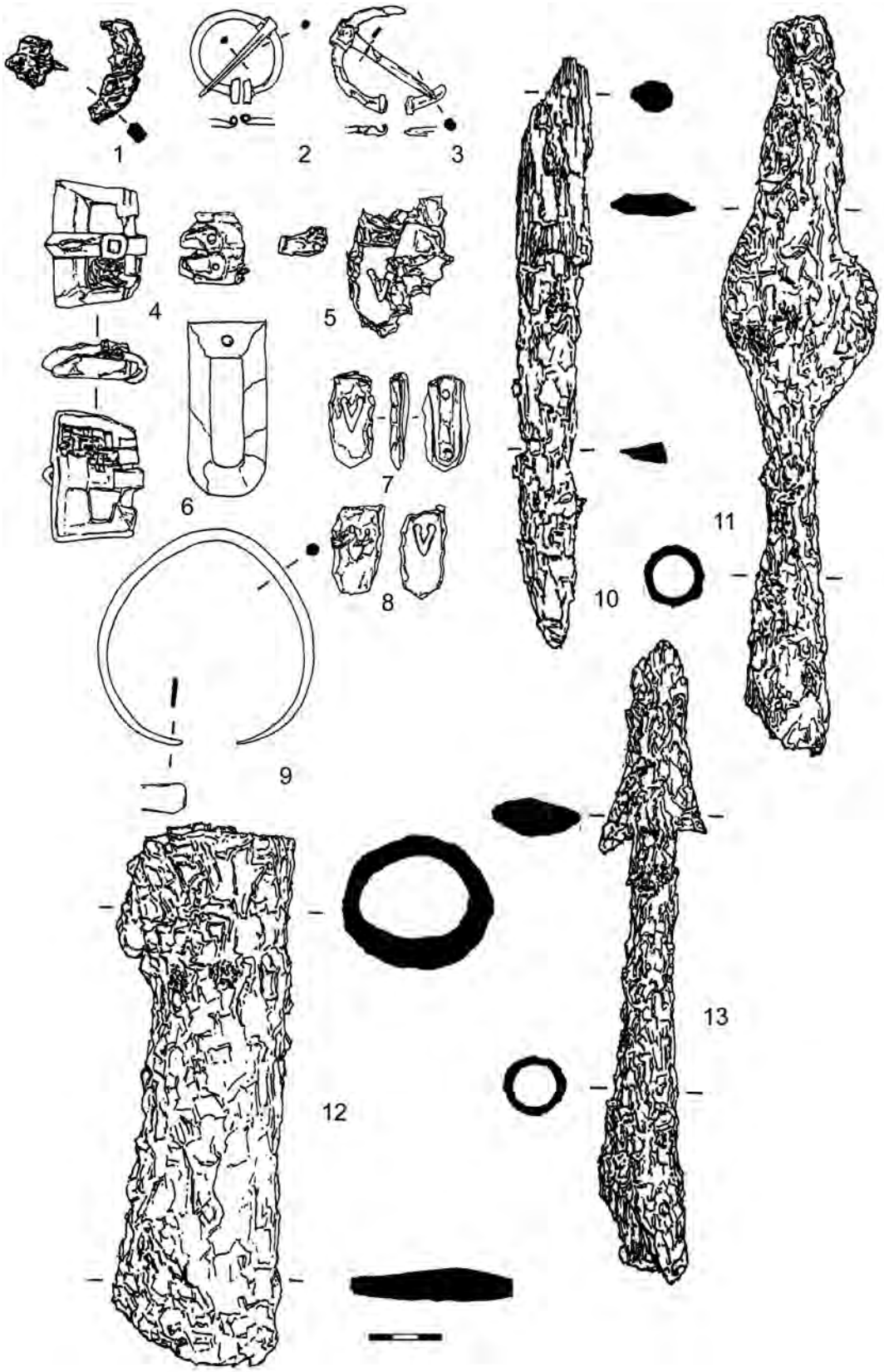


Рис. 8. Комплекс погребения 111 Никитинского могильника.
1, 10-13 – железо; 2-3, 6 – бронза; 4-8 – бронза, кожа.

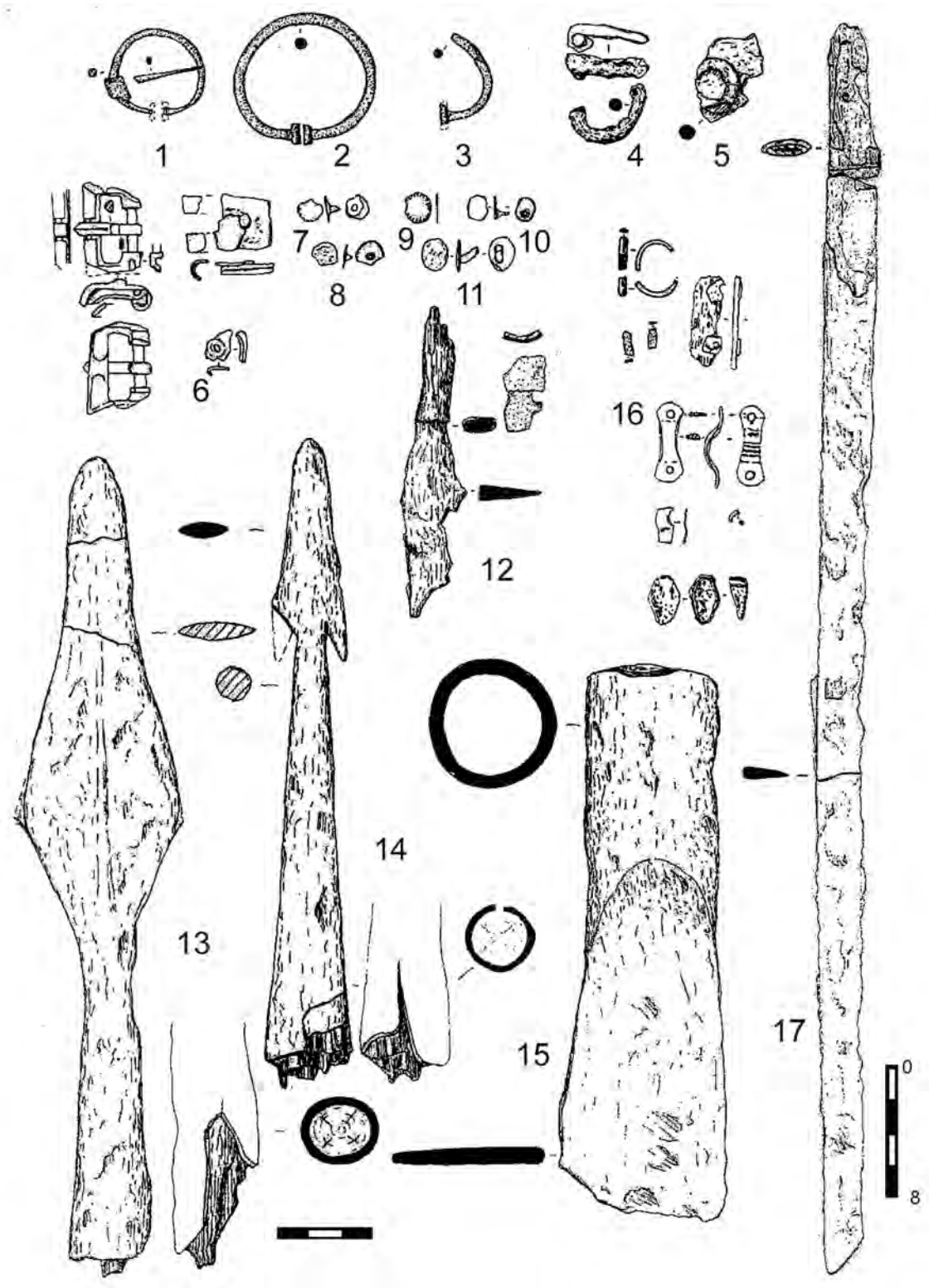


Рис. 9. Комплекс погребения 129 Никитинского могильника.
1-3, 6-11, 16 – бронза; 4, 5, 12-15, 17 – железо.

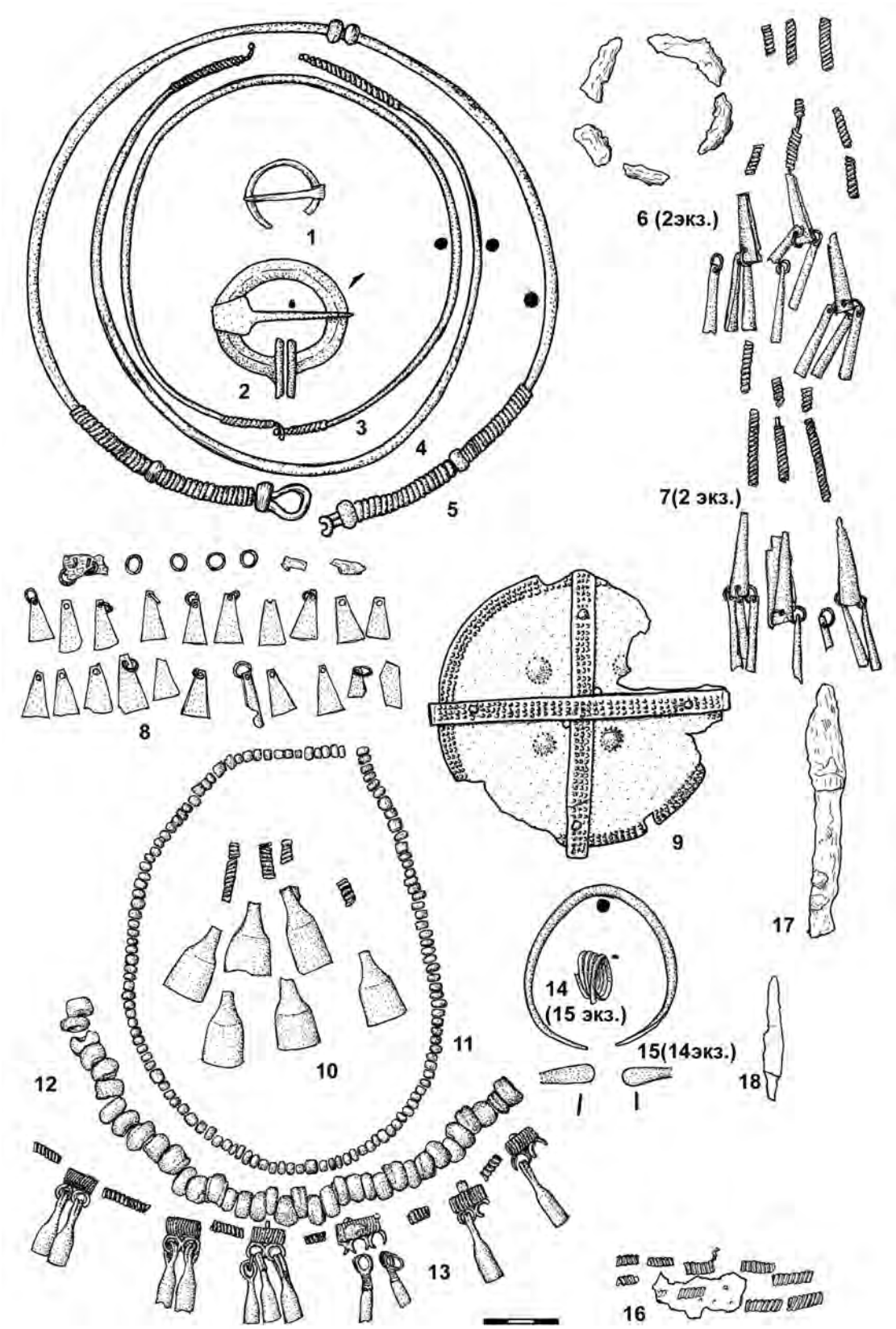


Рис. 10. Комплекс погребения 247 Никитинского могильника.
1, 3-5, 8-10, 13-15 – бронза. 2 – белый металл; 6 – свинцово-оловянный сплав; 7, 16 – бронза, кожа; 11-12 – стекло; 17-18 – железо.

Рис. 11. Находки из объекта 1 раскопа 1 на Тереховском городище.
1-3 – железо; 4-5 – бронза, стекло; 6-9 – камень; 10 – глина.

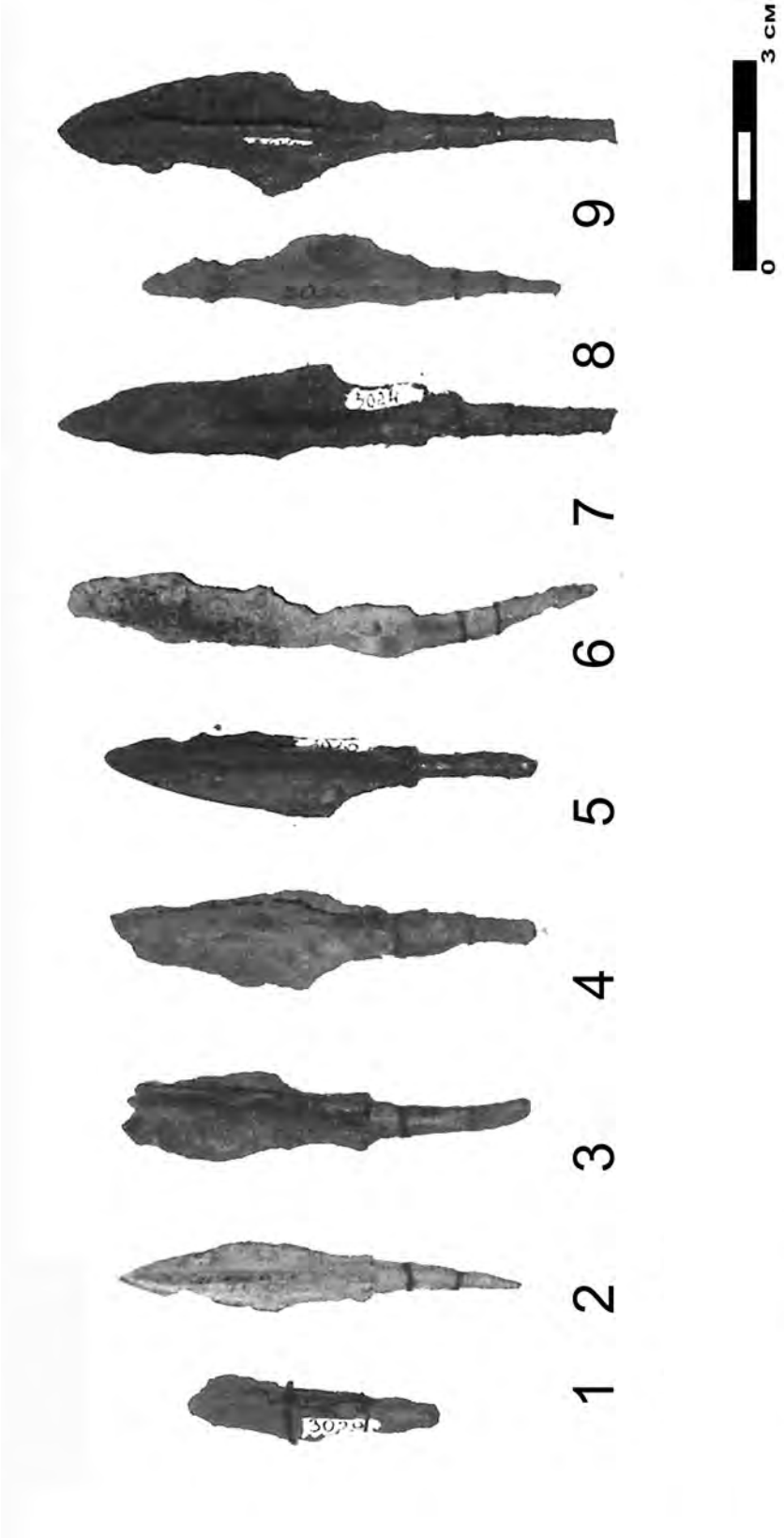


Рис. 12. Стрелы с Тереховского городища.
1-9 – железо.

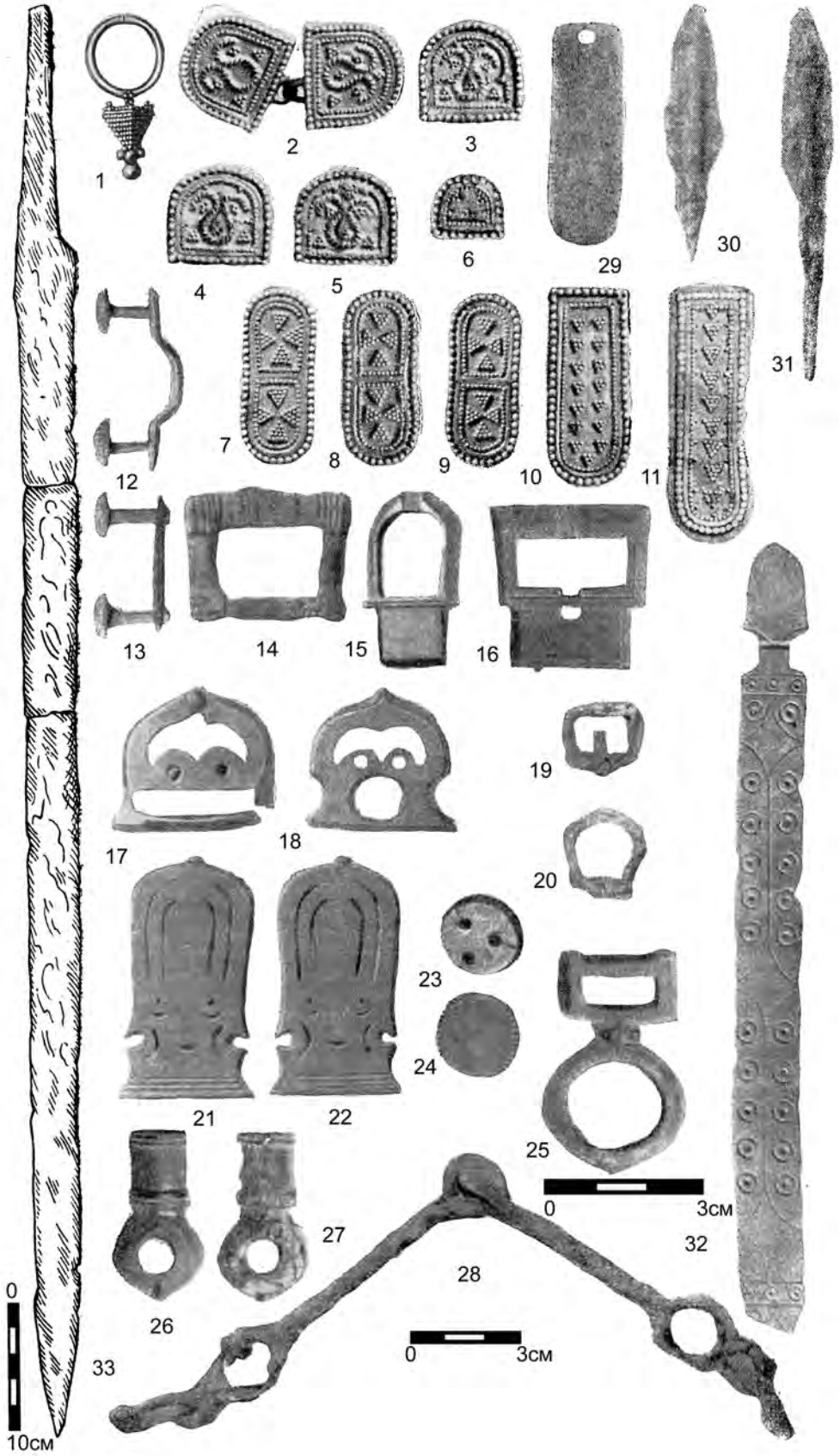


Рис. 13. Комплекс инвентаря погребения кочевника у с. Арцыбашево.
1-11 – золото; 12-18, 21-27, 29 – сплавы цветных металлов;
28, 30-31, 33 – железо; 32 – кость (по А.Л. Монгайту).

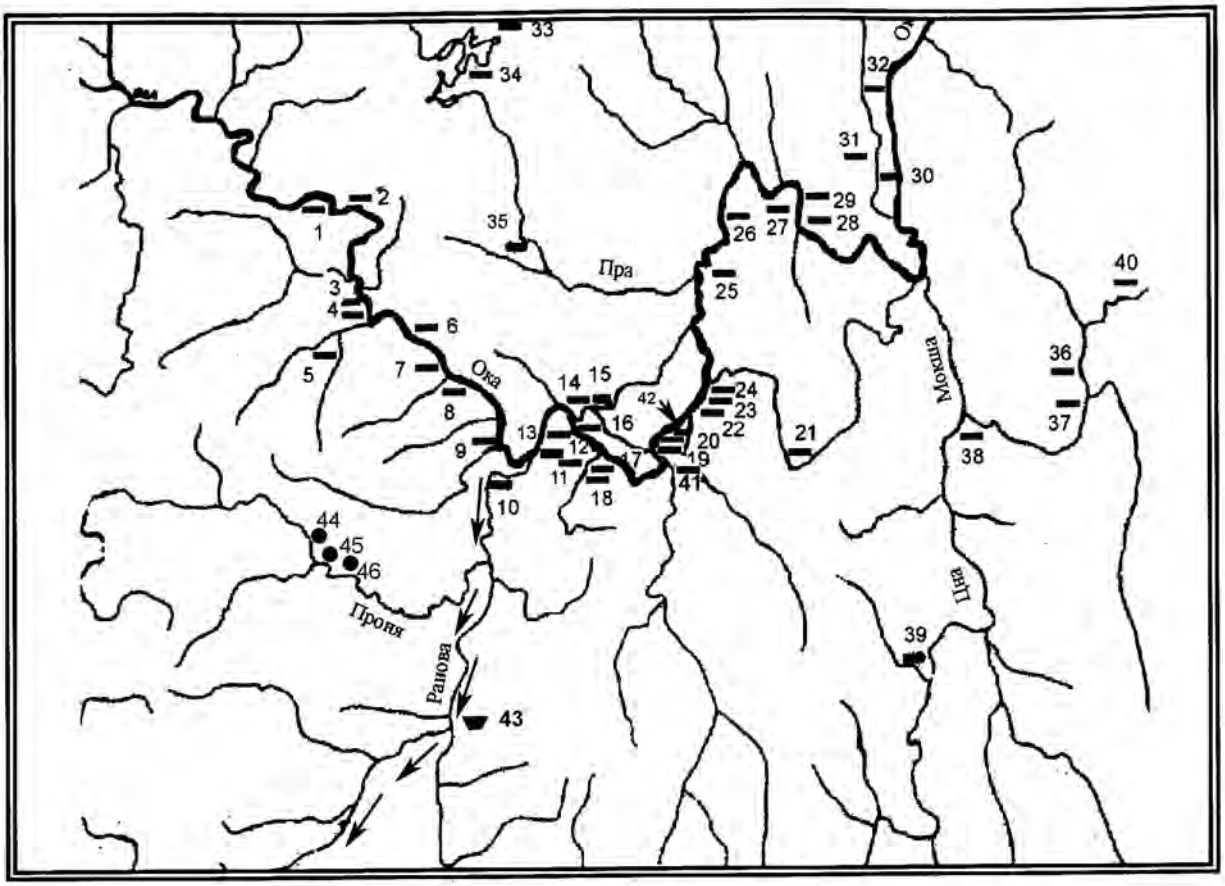


Рис. 14. Карта расположения памятников рязано-окских финнов, погребения у с. Арцыбашево и реконструируемого «западного» пути к верховьям р. Дон.

1 – Вакинский; 2 – Кузьминский; 3 – Фефеловский; 4 – Борковский; 5 – Дашковский; 6 – Дубровичский; 7 – Кораблинский; 8 – Гавердовский; 9 – Троице-Пеленицкий; 10 – Заречье-IV; 11 – Еремеевский; 12 – Никитинский; 13 – Шатрищенский; 14 – Киструсский; 15 – Дегтяновский; 16 – Облачинский; 17 – Бортниковский; 18 – Дуброво-Срезневский; 19 – Кулаковский; 20 – Ундрих; 21 – Мелеховское погребение; 22 – Тереховский; 23 – Тырновский 1; 24 – Тырновский 2; 25 – Куземкинский; 26 – Курманский; 27 – Бабенское местонахождение; 28 – Поповский; 29 – Старо-Посадское погребение; 30 – Мишуковский; 31 – Фоминский; 32-Михайловский; 33 – Глушицкий; 34 – 2-й Шагарский; 35 – Деулинский; 36 – Кокуй; 37 – Старокадомский; 38 – Кошибеевский; 39 – Польно-Ялтуновский; 40 – Шокшинский; 41 – Борок 2; 42 – Тереховское городище; 43 – Арцыбашевское погребение; 44 – Чертово городище; 45 – Вуколов бугор; 46 – Пронское городище.

Реконструируемый путь к верховьям Дона

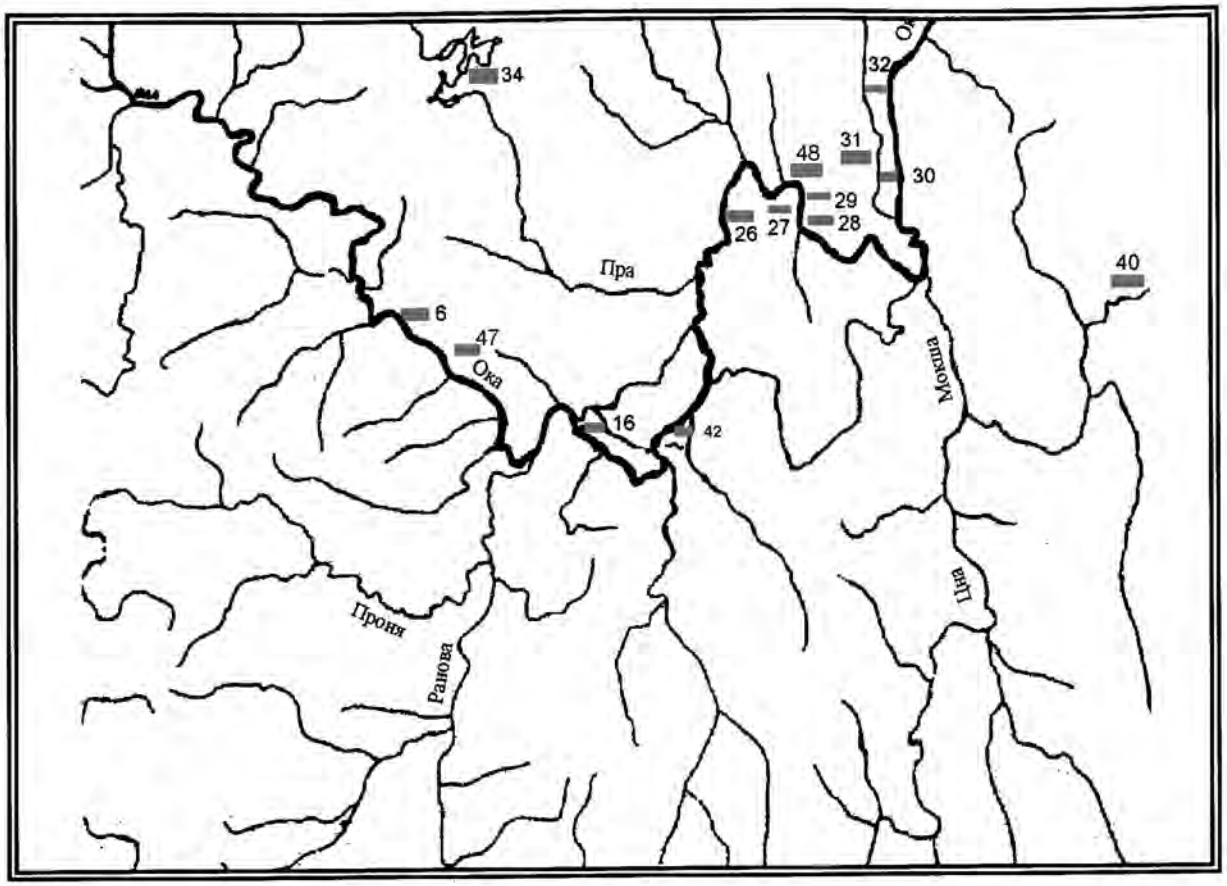


Рис. 15. Карта расположения рязано-окских памятников с зафиксированными материалами последней четверти I тыс. н.э.
Номера памятников соответствуют нумерации на рис.14.

6 – Дубровичский; 16 – Облачинский; 26 – Курманский; 27 – Бабенское местонахождение; 28 – Поповский; 29 – Старо-Посадское погребение; 30 – Мишуковский; 31 – Фоминский; 32 – Михайловский; 34 – 2-й Шагарский; 40 – Шокшинский; 42 – Тереховское городище; 47 – Алекановское селище и могильник; 48 – Земляной Струг.

Византийские подвязные фибулы с S-видной петлей для оси пружины. Находки к северу и востоку от Дуная

(И.О. Гавритухин)

1. Вводные замечания

Данная работа является частью цикла статей о металлических деталях уборов позднеримского – ранневизантйского круга (фибул, ременной гарнитуры и др.) за пределами Империи, но в контексте их аналогов в метрополии. Несколько работ о фибулах [Гавритухин, Обломский и др., 1996, с. 38-40; Гавритухин, 2002а; 2003; в печати 1] и пряжках [Гавритухин, 1994; 2004б; 2005б, с. 405; в печати 2; Gavritukhin, в печати] опубликовано или подготовлено к печати. В предлагаемой статье[1] рассматривается один из типов византийских подвязных фибул, представленный к северу и востоку от Дунайской границы Византии восемью известными мне образцами (рис. 1).

Хотя на специфику балканских подвязных фибул V-VII вв., которые специалисты единодушно и оправданно связывают с ранневизантийской средой, обратил внимание еще О. Альмгрен и специально о них писали такие признанные специалисты, как Х. Пешек, З. Вински и др. [Almgren, 1923 (1897), тип 160; Pescheck, 1953; Vinski, 1974, s. 39-41], основополагающие работы по более дробной классификации этой (византийской) субгруппы фибул[2] появились сравнительно недавно. Речь идет прежде всего о публикациях Дж. Янковича, Г.Д. Теодора, С. Уенце, А. Хараламбиевой. Эти работы построены на разном материале, что наряду с разницей в подходах привело авторов к существенно различающимся результатам.

Дж. Янкович представил первую версию своей типологии в докладе на III Конгрессе славянской археологии в Братиславе в 1975 г. [Янкович, 1980]. Византийские подвязные фибулы он рассматривал в качестве дериватов византийских цельнолитых[3]. Эти дериваты сформировались в эпоху разгромов, связанных с аварскими и славянскими нападениями на Балканы (отсюда предложенное им название «византийские варваризованные»). Варваризованные фибулы сербский ученый разделил на несколько групп. К первой отнесены фибулы, сходные по облику с цельнолитыми, ко второй – с широкой уплощенной спинкой; отмечалась также особая группа, характеризующаяся удлинённой ножкой, и единичные (не серийные, судя по доступной тогда выборке) образцы. В рамках групп выделялись варианты по ширине и другим особенностям сечения и орнаментации спинки, с учетом способа крепления оси пружины и оформления этой части застежки «рогом» или S-видным завитком, а также других характеристик.

---

[1] Первоначально эта работа планировалась для публикации в качестве небольшого очерка в выпуске МАИЭТ, посвященном 60-летию Александра Ильича Айбабина, одного из ведущих специалистов в изучении взаимоотношений Византии и Восточной Европы. Но обстоятельства не позволили подготовить ее к сроку; в существенно дополненном и переработанном виде она публикуется здесь.

[2] Системы классификационных единиц и признаков для описания и типологии фибул византийского круга у разных авторов существенно различаются. Под «византийской субгруппой» я имею в виду подразделение, включающее несколько серий группы 16, «прогнутые подвязные фибулы» (по [Амброз, 1966]) и объединяющее блоки серий разных подгрупп, связанные рядом признаков и общностью культурно-исторической среды. Используемая мной терминологическая система в основном базируется на той, что предложена А.К. Амброзом, но возросший объем материала и его специфика заставляют внести в схему основоположника отечественной школы изучения фибул ряд модификаций. Некоторые из этих дополнений и уточнений отражены в части 2 предлагаемой статьи. При использовании наблюдений других авторов, как правило, сохраняется и их терминология.

[3] Употребление термина «цельнолитые» для фибул, которые обычно называют «византийскими литыми», «псевдоподвязными», «дунайско-иллирийскими» и т.д. (см. [Гавритухин, 2002]), связано в данной работе с тем, что литьем изготавливались и некоторые подвязные фибулы, в частности, рассматриваемые ниже варианты и серии, характеризующиеся рельефно украшенным корпусом, на что обратил внимание Дж. Янкович. Конечно, цельнолитым был только корпус фибул, но я не считаю нужным усложнять термин еще больше и еще дальше уводить его от общепринятого словоупотребления.

В монографии Дж. Янковича, посвященной ранневизантийским памятникам области Аквиса, на основе публикуемых находок более детально был охарактеризован ряд вариантов византийских фибул; часть из них была связана с местным производством, другие оценены как привозные [Јанковић 1981, с. 172-174]. Эти наблюдения получили развитие в докторской диссертации, где был учтен практически весь корпус находок, отраженных в печати к началу 1980-х гг., но, к сожалению, это исследование, во многом не потерявшее актуальности до сих пор, осталось неопубликованным[4].

Г.Д. Теодор в основном опирался на представленный им ценный свод находок «романо-византийских» фибул с территории современной Румынии [Teodor, 1988]. Наряду с цельнолитыми он рассматривает как особые группы бронзовые подвязные и железные фибулы. Среди бронзовых подвязных фибул выделяются варианты: с узкой ножкой, близкой по ширине спинке; с трапециевидной ножкой, нередко более широкой, чем спинка; со спинкой, более широкой, чем ножка. Железные фибулы разделяются на подгруппы по наличию сплошного или подвязного приемника; среди последних рассматриваются еще четыре варианта, в основном аналогичные выделенным для бронзовых изделий. В работе были приведены даты памятников, с которыми связаны рассматриваемые находки, но, к сожалению, обоснованные конспективно или указанные априорно. Если же говорить о предложенных румынским коллегой вариантах, то почти все они оказались в контексте как ранних, так и поздних (по его оценкам) памятников.

С. Уенце основывалась прежде всего на публикуемой коллекции из византийских крепостей в районе современного г. Садовец, рассматриваемой на фоне выборки других опубликованных к тому времени находок [Uenze, 1992, S. 145-149]. Она выделяет формы, имеющие аналогии среди серий IV-V вв., типичные византийские «VI века» и производные от них «VII века». Для форм «VI в.», составляющих основную массу находок из Садовца, основные различия фиксируются по схеме крепления оси пружины (через загнутое кольцо или вертикальную стойку – «схемы I и II по Амброзу» в ее терминологии) и по соотношению ширины (а также насыщенностью орнаментом) спинки и ножки. По второму основанию выделяются: фибулы с широкой, разнообразнее орнаментированной спинкой; со спинкой, близкой по ширине более разнообразно украшенной ножке; промежуточные формы.

А. Хараламбиева и ее соавторы в ряде статей представили несколько из богатейших коллекций с территории Северо-Восточной Болгарии [Хараламбиева, 1989; 1994; Хараламбиева, Атанасов, 1991; 1992а; 1992б; 1997; Хараламбиева, Иванов, 1986; Койчева, Хараламбиева, 1993]. Для каждой из них предложен каталог, обозначены типы и варианты фибул (для классификационных единиц употреблялись и другие термины), выделяемые на основании признаков, нередко соотносимых с теми, на которые обратили внимание упомянутые выше авторы. Кроме того, описывался ряд типов и вариантов с учетом местной выборки и форм, неизвестных по другим коллекциям. В ряде случаев такие находки позволяют существенно откорректировать имевшиеся представления. К сожалению, эти ценные материалы и наблюдения пока не сведены в общую картину. Не сделано это и в недавней обобщающей работе о фибулах с территории Болгарии [Генчева, 2004], где наблюдения А. Хараламбиевой оценены как основанные на неверных типологических подходах и содержащие ошибки [Генчева, 2004, с. 12], но без необходимой для этого аргументации и огульно.

Из недавних публикаций, не предлагающих специальных типологических разработок, следует отметить монографию о позднеантичных некрополях Виминация с богатейшей подборкой подвязных византийских фибул из комплексов, сводки ранневизантийских фибул с территории Македонии и с памятников Аварского каганата [Ivanišević, Kazanski, Mastykova 2006; Микулчик, Лилчик 1995; Garam 2003]. За пределами вводного обзора остался ряд других работ, важных прежде всего публикуемым материалом или не связанных напрямую с темой данного исследования, что, конечно, не уменьшает их значимости (о некоторых речь пойдет ниже).

2. Принципы типологии ранневизантийских подвязных фибул

Как мы видели, одним из ведущих признаков, учитываемых практически во всех классификациях византийских подвязных фибул, является ***сравнительная ширина спинки***. Очевидно, значение этого признака в глазах исследователей обусловлено не только тем, что он легко фиксируется даже на образцах с утратами, но и тем, что две широко известные явно поздние серии подвязных фибул византийского круга имели широкую спинку. Это подвязные фибулы, представленные в днепровских раннесредневековых кладах, за которыми даже закрепилось название (по-моему, неудачное) «широкопластинчатые» [Кухаренко, 1959; Горюнов, Казанский, 1978; Гавритухин, Обломский и др., 1996, с. 38-40], и подвязные

[4] Благодарю Джордже Янковича за возможность ознакомиться с главой о фибулах и пряжках его диссертации, любезные консультации, разрешение использовать материалы, приводимые в его рукописи.

фибулы культуры Коман (вариант 3 второй группы варваризованных фибул по [Янкович, 1980, с. 177], см. также рис. 10: 1; подборки образцов и литературу в [Vinski, 1974, s. 40, 41, tab. XXV: 8; XXXVI; Горюнов, Казанский, 1978; Гавритухин, Обломский и др., 1996, рис. 52: 13-15; Anamali, Spahiu, 1988; Uenze, 1992, 152-154]). Однако значение данного признака именно как основополагающего для классификации остается неясным. Он явно не локален (ср. восточно-, и западнобалканские образцы, например по [Uenze, 1992, Abb. 5], что подчеркивает и подборка с юга, из Македонии [Микулчик, Лилчик, 1995]). Не является он и жестко хронологическим (см. наблюдения на ряде примеров в [Гавритухин, Обломский и др., 1996, с. 62] и, с уточнением на некоторых новых материалах, в данной работе ниже).

Другим важным основанием для классификации является ***способ крепления оси пружины***. Как правило, речь идет о модификациях в рамках двух основных типов крепления оси: загнутым из части корпуса кольцом или вертикальной стойкой, в которой сделано отверстие. А.К. Амброз и Г. Дьякону убедительно показали [Амброз, 1966; Diaconu, 1971], а ряд более поздних исследований подтвердил, что для подвязных фибул позднеримского времени и начала эпохи Великого переселения народов рассматриваемый признак является одним из важных диагностов культурных традиций. В отношении византийских фибул важен и способ оформления держателя оси пружины, в ряде случаев явно отражающий локальные, а может быть, и особые культурные традиции. По этим основаниям выделяются три основные схемы крепления оси пружины с подразделениями по способу оформления держателя (рис. 2).

1-1. С простой, часто округлой вертикальной стойкой для оси пружины (как на рис. 2: 5). Эта схема – прямое продолжение традиций «римского» типа подвязных фибул (по [Diaconu, 1971]) позднеримского времени. От «черняховского» («готского») типа такие фибулы отличаются прежде всего плавной (близкой «полуциркульной» по терминологии А.К. Амброза) профилировкой спинки, а от серий, связанных, например, с Повисленьем (вельбарская культура, зоны ее влияния и др.), – сечением, орнаментацией дужки и другими деталями. Образец византийских фибул именно этой схемы крепления оси пружины привел О. Альмгрен для иллюстрации типа 160 своей системы [Almgren, 1923 (1897), Taf. VII: 160].

1-2. С вертикальной стойкой для оси пружины, заканчивающейся кнопкой (как на рис. 2: 1-4). Дж. Янкович ряд таких вариаций (с «совсем коротким рогом», иногда с «шариком» на конце) с удлиненной ножкой, известных преимущественно из западных районов Балкан, объединил в третью группу «варваризированных» византийских фибул [Янкович 1980, с. 177; Јанковић 1981, с. 174-175]. Выделяла их и С. Уенце [Uenze,1992, S. 151, 152, Abb. 5]. Особая линия развития византийских фибул, в т.ч. с кнопкой, связана с северо-востоком Балкан, откуда такие вещи попадали к славянам на Средний Днестр (подробнее см. [Гавритухин, 2003]). Отмечу, что кнопки у византийских фибул весьма разнообразны (на рис. 2: 1-4 приведены только несколько вариаций), но систематического исследования этого и многих других признаков византийских фибул с кнопками пока нет (некоторые наблюдения см. в [Гавритухин, в печати 1]).

1-3. С вертикальной стойкой для оси пружины, имеющей длинный «рог», иногда чуть согнутый, как правило, заканчивающийся кнопкой (как на рис. 2: 6). Выразительна упомянутая выше локальная серия с особенно широкой и профилированной в сечении спинкой, представленная на памятниках культуры Коман. По-видимому, серии, для которых характерен такой «рог», связаны с западнобалканскими традициями, проявившимися и на цельнолитых фибулах [Гавритухин, 2002а, с. 242] (см. также [Гавритухин, в печати 1]).

1-4. С вертикальной стойкой для оси пружины, заканчивающейся тонким «рогом» в виде петли – «крючка» с ровным или слегка профилированным концом (как на рис. 2: 7, 8). Такие фибулы весьма многочисленны в восточных и центральных районах Балкан и нередко имеют близкие соответствия по ряду признаков среди фибул с S-видным держателем оси пружины (некоторые примеры см. ниже). В ряде случаев, судя по публикациям, «рог» бывает замкнутым и образует кольцо; к сожалению, часто непонятно, образовано это кольцо механическим загибом или отлито замкнутым вместе со стойкой оси пружины. Рассмотрение разновидностей таких фибул далеко выходит за рамки данной статьи.

2-1. С простым широким кольцом для оси пружины, как равным по ширине спинке, так и уже ее (как на рис. 2: 9, 10). Скорее всего, этот способ крепления оси пружины – продолжение традиций «дакийского» типа подвязных фибул позднеримского времени (по [Diaconu, 1971]). Такая схема показательна и для представительного ряда серий фибул, распространившихся в эпоху Великого переселения народов в Северо-Восточном Причерноморье и на Кавказе, генезис которых во многом неясен, а развитие происходило зачастую независимо от балканских (ранневизантийских) серий (например, [Амброз, 1966, с. 68, подгруппа 3 прогнутых подвязных; Дмитриев, 1982, с. 78, вариант 2; Гавритухин, Пьянков, 2003, с. 192, 193; Гавритухин, Малашев, 1998, с. 47] и др.; ср. ряд наблюдений о фибулах со сплошным приемником [Гавритухин, 2007б; 2008б]). Ранневизантийские и связанные с ними серии, как правило, отличают орнаментация, сечение спинки и другие признаки.

2-2. С широким кольцом для оси пружины, переходящим в S-видный завиток. Именно об этих фибулах (как на рис. 1 и др.) и пойдет речь в данной работе.

3. С двумя стойками для оси пружинящего (прижимающего иглу к приемнику) устройства (как на рис. 2: 11, 12), что излишне для пружинного, но необходимо для шарнирного механизма. Среди подвязных фибул, формирование которых связано с византийским влиянием, такая схема характерна для днепровской серии (подробнее см. [Гавритухин, Обломский и др., 1996, с. 38-40]).

Признак ***«материал»*** ставится в ряд основополагающих лишь Г.Д. Теодором [Teodor, 1988], в других классификациях этот признак – только один из учитываемых. Отмечу, что в отношении многих железных фибул, представленных в упомянутой работе румынского коллеги, связь с романо-византийской традицией сомнительна (во всяком случае, требует особого обоснования); а некоторые из этих фибул явно связаны с другим кругом культур (например, найденные в Кодыне [Гавритухин 1989; Schulze-Dörrlamm 1986, тип Прага; Гавритухин, 2005б, с. 406; Гавритухин, Воронцов, 2008, с. 40-44]). В то же время, рассматриваемый признак в ряде случаев может отражать особенности местного производства (например, ряд наблюдений в [Гавритухин, 2003; Gavritukhin, в печати]; подбор фибул из Македонии [Микулчик, Лилчик, 1995], где число железных ранневизантийских образцов можно значительно увеличить за счет неопубликованных находок; в данной статье часть 3 о находках из Габрово, часть 4.6). Тем не менее говорить о железных ранневизантийских фибулах как об особом блоке серий, отражающем устойчивую типологическую и технологическую традицию, я считаю преждевременным. Это, скорее, признак (иногда «статистический») некоторых локальных традиций и серий, но иногда – особых вариаций (единичные имитации бронзовых образцов и т.д., ср. часть 4.5).

Признак ***«длина ножки»*** в большей степени хронологический и бывает показательным для синхронных фибул нескольких групп [Schulze-Dörrlamm, 1986; Гавритухин, 2002а, с. 235, 236; Гавритухин, Воронцов, 2008, с. 41]. Однако следует учесть, что в разных, пусть даже связанных, территориальных и культурных традициях этот признак имеет не одинаковую «значимость», в т.ч. датировку (например, см. [Гавритухин, Воронцов, 2008, с. 41]). Поэтому в каких-то случаях длинная ножка является признаком сравнительно кратковременных хронологических вариантов, в других – показателем локальных серий (ср., например, выше о схеме крепления оси пружины 1-2; [Schulze-Dörrlamm, 1986]).

Широкая щель приемника, придающая ***U-образный профиль ножке с приемником***, – одна из важнейших особенностей и яркий отличительный признак ранневизантийских подвязных и связанных с ними цельнолитых фибул. Тем не менее генезис основных форм и ранние серии в рамках византийских традиций относятся ко времени, когда эта особенность еще не появилась или не получила широкого распространения (о ее генезисе см. ряд наблюдений в [Гавритухин, 2002а, с. 235, 236] и ниже). Таким образом, данный признак – общий для многих серий ранневизантийской субгруппы подвязных фибул, хотя для субгруппы в целом он и не «жесткий». В ряде случаев выделенные по нему византийские серии являются одним из важных оснований для византийской атрибуции схожих серий с приемником других форм и даже типов (например со сплошным приемником, как рис. 4: 14; 6: 9; [Uenze, 1992, Abb. 2: 2, 3] и т.п.).

Дж. Янкович первым обратил внимание на важность таких признаков, как ***особенности сечения и орнаментации*** спинки, а иногда и ножки византийских фибул. На этой основе он выделил несколько выразительных таксонов, выстраиваемых в типологические ряды (он называл их по-разному, сначала вариантами в рамках групп, позднее – «врста», «подврста» и т.д.). В ряде случаев таким образом были получены довольно выразительные выборки явно взаимосвязанных вещей. Но практически всегда они предстают как некое типологическое ядро, наряду с которым можно указать на образцы с аналогичной спинкой, но с другой системой крепления пружины, иной ножкой и т.д., причем по этим признакам можно выделить не менее выразительные подборки взаимосвязанных вещей. В итоге получается несколько типологических срезов, иногда пересекающихся и дающих «сгустки». Такие срезы ниже будут называться **«ряд»** с указанием признака, по которому он выделен.

Пересечение выразительных рядов, с учетом ***других признаков*** фибул, вплоть до размеров, важно для выделения **серий**. Они подразделяются на **блоки вариантов** и **варианты**. То, что серии и варианты выделяются не по стандартному набору оснований, неудобно и вызовет порицание поклонников формально жестких схем. Но мне кажется, что важнее постараться отразить действительную сложность и взаимосвязи материала, следуя пути создателей эффективных до сих пор классификаций (начиная с О. Альмгрена). Иногда четко определить серию, к которой относится фибула, не представляется возможным. Не исключено, что это можно будет сделать по мере увеличения числа находок или с помощью их более углубленного анализа. Но в ряде случаев такая ситуация – отражение реального феномена, например появления специфичных **вариаций** и **модификаций** на «стыке» традиций, в рамках несерийного производства и т.д.

Как уже говорилось, полнее всего представить ранневизантийские подвязные фибулы в рамках

единой системы пытался Дж. Янкович, но его наиболее обстоятельная работа на эту тему не опубликована, а материалы, ставшие известными за прошедшие после ее написания четверть века, заставляют относится к ней как к ценной подборке материалов и наблюдений, а не готовой систематической классификационной схеме. Важные материалы и наблюдения А. Хараламбиевой также пока не могут быть использованы как целостная («базовая») система. К сожалению, работами этих специалистов опыт детальной классификации византийских подвязных фибул пока исчерпывается. Конечно, желательно, чтобы типологическая система византийских фибул была создана балканскими коллегами, имеющими доступ к основному массиву материала, включая неопубликованные коллекции, по оригиналам.

3. Хронология фибул с S-видной петлей для оси пружины

Почти все рассматриваемые в данной работе находки за пределами метрополии, как и большинство их ближайших аналогий с территории Империи, найдены не в узко датируемых комплексах. Это заставляет обратиться к основам хронологии фибул рассматриваемого круга (ряда) в целом. Следует отметить, что надежных реперов для этого немного, а до недавнего времени и они не были опубликованы.

Дж. Янкович пытался компенсировать отсутствие датированных комплексов построением эволюционно-типологических рядов и их привязкой к этапам крушения Нижнедунайского лимеса Византии. Исходным пунктом послужила гипотеза о том, что собственно балканские подвязные фибулы (в отличие от принесенных вещей и подражаний им) появились как упрощение («варваризация») цельнолитых образцов. Прекращение массового производства цельнолитых фибул связывалось с разгромом многих византийских центров на Балканах в ходе аварских и славянских походов 570-580-х годов. Первая группа «варваризованных» фибул, близкая по многим признакам и частично синхронная цельнолитым, стала основой для появления второй группы. Вторая группа (к ней относятся и образцы с S-видной петлей для оси пружины) уже вполне своеобразна; стимулом к ее развитию послужило кратковременное восстановление лимеса в период подготовки и собственно контрнаступления византийцев на Дунае при императоре Маврикии [Янкович, 1980]. В неопубликованной рукописи диссертации Дж. Янковичем была предложена более сложная картина состава и взаимоотношения серий и вариантов, но общая схема осталась той же (рассмотрение дискуссии о соотношении цельнолитых и подвязных византийских фибул см. в [Гавритухин, 2003]).

С. Уенце, публикуя материалы византийских крепостей у Садовца, оценила историко-хронологические построения Дж. Янковича как «проблематичные» [Uenze, 1992, S. 148], но и не могла привести жестких аргументов против них. При этом предложенная ею типологическая схема византийских фибул во многом близка той, что следует из наблюдений сербского ученого, но без построения эволюционных рядов и детализации. Важным было выделение (хотя и довольно конспективное) некоторых форм византийских подвязных фибул с S-видной петлей для оси пружины (крупных, с пластинчатой дужкой шире ножки), украшенных «штемпельным» и «пуансонным» орнаментом (как рис. 4: 17, 18), сходных с рядом находок IV-V вв. [Uenze, 1992, S. 145, 146]. Все они имеют не U-образный профиль ножки и в крепостях у Садовца сравнительно немногочисленны. В итоге, учитывая отсутствие в крепостях у Садовца материалов VII в., основная масса рассматриваемых ею византийских подвязных фибул (с U-образным профилем ножки и их аналоги, сохранившиеся частично), в т.ч. и большинство фибул с S-видной петлей, были отнесены к VI в. без типологической или хронологической детализации.

А. Хараламбиева при рассмотрении фибул с S-видной петлей в ранних работах, не имея других оснований, опиралась в основном на вполне логичные построения Дж. Янковича, хотя и не соглашалась с некоторыми его оценками [Хараламбиева, Иванов, 1986, с. 17; Хараламбиева, 1989, с. 32-34]. Лишь в ходе работы с коллекцией из позднеантичной крепости-города в местности **Градище** современного г. **Габрово** появились основания для иного взгляда на такие застежки. Для нашей темы этот памятник является одним из ключевых, что заставляет рассмотреть его материалы подробнее.

Из 52 фибул, найденных на Градище в Габрово, 17 (№ 9-25 по каталогу в [Койчева, Хараламбиева, 1993]; нумерация по этому каталогу дается далее и на рис. 3) отнесены авторами публикации к подтипу III.2 («арбалетовидных, с S-видным краем дуги»). Кроме того, интересующий нас признак отмечен у одной из фибул (№ 36), отнесенной к подтипу III.3 («арбалетовидных, из кованной железной ленты»). Не исключено, что такую же деталь имели и некоторые из образцов, сохранившихся неполностью или плохо. Т.е. фибул с S-видной петлей для оси пружины здесь было более трети, а может быть до половины от общего числа византийских застежек. Некоторые из упомянутых экземпляров, по словам авторов публикации, «одинаковы», что является еще одним аргументом в пользу наличия здесь фибульной мастерской [Койчева, Хараламбиева, 1993, с. 61].

К сожалению, материалы раскопок на Градище почти не опубликованы, что заставляет принимать хронологические оценки авторов публикаций почти бесконтрольно (краткие характеристики памятника и библиографию см. в [Хараламбиева, Атанасов, 1992а, с. 89, 90; Койчева, Хараламбиева, 1993, с. 58]), оставляя проверку и возможные уточнения делом будущего. В целом в истории крепости выделено 3 периода, датированных со ссылкой на неопубликованные керамику и монеты так: 1-й период – «IV век»; 2-й – «1-я половина V в.» (упоминаются монеты Гонория – 395-423 гг., без уточнения эмиссии и других характеристик), а слой разгрома соотносится с гуннскими походами 440-х годов; 3-й – до окончания жизни города. Последний период то датируют 2-й половиной V – 2-й третью VI вв., опираясь на монеты (упоминаются эмиссии от Анастасия до Юстиниана I, без детализации), то верхнюю границу поднимают до «конца VI – начала VII в.». При описании отдельных фибул фигурирует некий контекст с монетами «начала VI в.» (или упоминаются монеты Анастасия (491-518 гг.), Юстина I (518-527 гг.)), а также помещения «определенно VI в., крайней фазы существования поселения». При этом неясно, можно ли говорить о более дробном подразделении материалов периода 3 в целом или речь идет о единичных комплексах, позволяющих узкую датировку.

На рис. 3 я попробовал суммировать и представить зрительно данные о контексте фибул с S-видной петлей для крепления оси пружины из Градище в Габрово на основе данных из публикации фибул [Койчева, Хараламбиева, 1993]. К периоду 2 («1-й половине V в.») авторами статьи отнесен нижний слой помещения 12, где найдены две существенно отличающиеся по размерам, пропорциям деталей, материалу фибулы (№ 9 и 10). Из более верхнего слоя того же помещения происходит крупная железная фибула из широкой плоской ленты (№ 15), «близкая бронзовым образцам»; она и застежка, найденная в раскопе у крепостной стены (№ 16), выделены А. Хараламбиевой в особый вариант. Очевидно, в отношении находок из верхнего слоя помещения 12 упоминаются монеты «начала VI в.», датирующие этот вариант.

Три бронзовых (№ 11-13) и один «медный» (№ 14) образцы явно относятся к разным вариантам. В отношении них указано, что им «неизменно сопутствуют монеты Юстина I» [Койчева, Хараламбиева, 1993, с. 61]. Фибула № 13 найдена в помещении 26 на глубине 1 м, но непонятно, один ли это слой с находками, расположенными несколько выше, среди которых фибула, относимая к заключительной фазе поселения (№ 25, см. ниже), и обломок цельнолитой фибулы (№ 72), датируемой не ранее середины VI в. [Гавритухин, 2002а]. Образец № 12 (авторы публикации считают, что ее массивный железный пружинный механизм – следствие ремонта) найден в помещении 23 на одной глубине с еще двумя фибулами. Одна из них (№ 34) относится к подтипу III.3, датированному в рамках всего 3-го периода, вторая (№ 46) – к подтипу III.4, т.е., по А. Хараламбиевой, к «позднейшим подвязным», датированным последними десятилетиями VI – началом VII в. [Койчева, Хараламбиева, 1993, с. 62]. Уточнить контекст фибул № 11 и № 14 по опубликованным данным я не смог.

Все остальные рассматриваемые фибулы железные. Наиболее массовый вариант, выделенный авторами публикации (с полуовальным сечением дужки), представлен пятью образцами (№ 17-21), в отношении которых отмечена хорошая сохранность, что объясняют изготовлением из качественного сырья. Именно этот вариант (назовем его «габровским») рассматривается как продукция одной из местных мастерских. Еще четыре находки (№ 22-25) оценены как типологически близкие только что охарактеризованным, а их контекст – как финальный для поселения. В помещении 25 на глубине 0,2 м (как и образец № 22) найдена упомянутая выше фибула № 36, отнесенная в публикации к другому типу, но тоже имеющая S-видную петлю для крепления оси пружины. Фибула № 17 найдена в помещении 14, как и образец № 23. Если 20-сантимитровая разница в глубине не препятствует их отнесению к одному контексту (по публикации это неясно), то можно полагать, что употребление, а может быть, и производство застежек габровского варианта продолжалось до финальной фазы жизни крепости.

Среди фибул с S-видной петлей для крепления оси пружины, хранящихся в музее в Габрово, еще две происходят из датированного контекста – с поселений **Казанджийска лука** и **Пречиста** в Градище. К сожалению, и эти памятники не опубликованы, но утверждается, что интересующие нас фибулы (рис. 4: 15, 16; № 27 и № 26 по каталогу в [Койчева, Хараламбиева, 1993]) происходят из слоя «VI века» [Койчева, Хараламбиева, 1993, с. 61].

В работах, опубликованных после знакомства с габровским материалом, А. Хараламбиева в рамках выделяемого типа/подтипа фибул «арбалетных с S-видным концом дуги» приводит еще несколько различных образцов, ограничивая анализ подбором единичных аналогий и хронологическими реперами, предоставляемыми материалами из Габрово, или ссылкой на мнения других авторов о схожих находках [Хараламбиева, Атанасов, 1992а, с. 89, 90, тип IV; Хараламбиева, Атанасов, 1992б, с. 66; Хараламбиева, Атанасов, 1997, с. 72, 73, тип 5].

Фибулы с интересующей нас схемой крепления оси пружины учтены А. Хараламбиевой и в рамках типов или вариантов, выделенных по другим признакам. Один из таких типов объединяет

фибулы, «изготовленные из тонкой ленты», «миниатюрные», «с высоким содержанием меди» (к нему отнесены образцы, представленные на рис. 8: 16; 9: 10, и другие, в том числе с иной схемой крепления оси пружины). Он рассматривается как принадлежащий кругу позднейших среди типов византийских подвязных фибул, опираясь в основном на работы Дж. Янковича [Хараламбиева, Атанасов, 1992б, с. 67, 68; Хараламбиева, Атанасов, 1997, с. 74, 75, тип 7]. Встречаются фибулы с S-видной петлей для крепления оси пружины и среди выделяемого А. Хараламбиевой типа «изготовленные из железной ленты» (например, рис. 9: 4), датируемого в рамках 2-й половины V – VI в. со ссылкой на габровские находки [Хараламбиева, 1994, с. 39, тип XV]. Правда, аналогичная фибула из Градище в Габрово (рис. 3: 36) найдена вместе с фибулой, отнесенной к финальной части существования памятника (см. выше).

К опубликованным поселениям, где фибулы с S-видной петлей для крепления оси пружины найдены в датированном контексте, среди ранневизантийских крепостей можно причислить, пожалуй, лишь **Ятрус**. Два образца с S-видной петлей для оси пружины (рис. 4: 13, 14; [Iatrus-Krivina, 1983, N 251; 1991, N 743]) относятся к периоду B/C, ведь в соответствии с недавней ревизией стратиграфии крепости предлагавшееся ранее различие периодов B и C расценивается как трудноопределимое, и лишь для отдельных участков в рамках общего периода B/C можно выделить локальные строительные фазы [Iatrus-Krivina, 1995, S. 29-31]. Г. Гомолка-Фукс обе эти фибулы характеризует как развитие германских традиций под влиянием римского ремесла, что, в соответствии с новой интерпретацией памятника, свидетельствует о новой культурно-исторической ситуации, наступившей с 380-х годов, когда, как считается, в Ятрусе появился германский воинский контингент [Iatrus-Krivina, 1995, S. 95, 96, 104]. Верхнюю границу периода B/C, отмеченную разрушениями, как и в более ранних работах, исследователи Ятруса связывают с гуннскими походами 440-х годов [Iatrus-Krivina, 1995, S. 43-52].

Третья интересующая нас находка из Ятруса сделана в слое, относящемся, судя по всему, к периоду D (рис. 4: 12 [Iatrus-Krivina, 1983, N 261; S. 151-152]). Его начало датируют концом V в. (после предполагаемого временного запустения крепости), а финал, датированный монетой 577/578 г., сопоставляют с аварскими разрушениями 580-х годов [Iatrus-Krivina, 1995, S. 55-56, 65-66].

В слое E2, относящемся к VII в., найдена единственная для позднего этапа существования поселения в Ятрусе фибула (рис. 4: 11 [Iatrus-Krivina 1986, N 664]), не исключено, что относящаяся к рассматриваемому ряду находок. Аналогичные фибулы с S-видной петлей для крепления оси пружины известны в Драгоево [Хараламбиева, Атанасов, 1992а, № 31 по каталогу] и по коллекции НМБ (приведен в диссертации Дж. Янковича), есть и их прототипы (например, рис. 11: 7, 11; см. часть 4.3). Даже если интересующая нас находка из Ятруса имела другую схему крепления оси пружины, она важна как образец стилей орнаментации, известных в позднем контексте.

Как уже говорилось, новые возможности в изучении интересующих нас фибул дает публикация некрополей **Виминация** эпохи Великого переселения народов [Ivanišević, Kazanski, Mastykova, 2006]. Все фибулы с S-видной петлей для крепления оси пружины происходят с могильника II (Выше гробле), и ниже при упоминании комплексов (они приведены на рис. 5) подразумевается именно он. Комплексы с подвязными византийскими фибулами отнесены авторами публикации к периоду C2 памятника (около 2-й и 3-й четвертей VI в. или 530-580-е года), для выделения которого эти фибулы сами являются одним из основных показателей. При анализе бус оказалось, что ожерелья из погр. 132 и 143 относятся к группе V, обычной для периода C2, а набор из погр. 100 принадлежит группе IV, известной по комплексам, датированным 2-й половиной (концом) V – началом VI в., и лишь другие вещи из погр.100, соотносимые с показателями периода C2, заставляют поднять верхнюю границу бытования бус группы IV до 1-й половины VI в. [Ivanišević, Kazanski, Mastykova, 2006, p. 103, 104].

Хронологической оценке важных для нашей темы бус Виминация, предложенной А.В. Мастыковой, по-моему, соответствует и датировка пряжек из этих же комплексов. Образец со щитовидной площадкой на язычке из погр. 144 в хронологии меровингских древностей является одним из показателей ступени II (около 525-600 гг.) по классической схеме К. Бёнера. Начиная, кажется, с М. Мартина писалось, что такие пряжки появляются чуть раньше [Martin, 1989], и в схеме французских исследователей [Legoux, Périn, Vallet, 2004, признак 115] их появление относится к поздней части фазы MA1 (около 470/480-520/530 гг.), активное бытование – к фазе MA2 (520/530-560/570 гг.), единично они известны и позже (до 600/610 г.). Однако по схеме У. Кох, такие пряжки (типы M66, M37 и т.п.) появляются и особенно популярны на фазе 5 (около 530-555 гг.), бытуя до рубежа VI и VII вв. [Koch, 2001]. Пряжка из погр. 100 наиболее близка типу, оцененному французскими специалистами (признак 113) как прототип пряжек, имеющих щитовидную площадку на язычке, и датированному в основном фазой MA1, но встречающемуся и на фазе MA2 [Legoux, Périn, Vallet 2004]. По У. Кох, пряжки с небольшой щитовидной площадкой на язычке (тип Y24) показательны для фаз 4 и 5, датируемых около 510-555 гг. [Koch, 2001].

Керамике, встреченной в тех же комплексах Виминация, авторы публикации видят аналоги среди находок на могильниках гепидов и в ряде комплексов, известных северо-западнее с конца гуннского времени и позднее (в основном долангобардских). Лишь для группы сосудов, куда входит образец из погр. 132, указывается, что у гепидов таковые типичны для 1 и 2-й третей VI в. [Ivanišević, Kazanski, Mastykova, 2006, p. 47, 48]. Впрочем, керамика не рассматривается авторами публикации как важный показатель для исследования хронологии памятника. Остальные находки не противоречат указанным датам, но пока и не могут служить для их уточнения.

Таким образом, среди рассматриваемых комплексов можно выделить сравнительно поздние, с бусами группы V (погр. 132 и 143), причем керамика из погр. 132 (да и остальных упомянутых комплексов) свидетельствует в пользу того, что их датировка тяготеет к «доаварскому» времени. Можно согласиться, что верхняя граница фазы С2 некрополей Виминация проходит около 580 г. При этом, судя по всему, верхняя хронологическая граница некрополя не намного позднее аварского погрома 584 г., и его фаза С3, возможно, отражает лишь кратковременное возрождение жизни в Виминации во время контрнаступления византийцев при императоре Маврикии (основные аргументы и литературу см. в [Ivanišević, Kazanski, Mastykova 2006; Поповић 1987]). Погр.144 также следует относить к не ранним, учитывая, что пряжки со щитовидной площадкой не балканского происхождения и получили распространение в Подунавье тогда, когда стали массовыми в культурах меровингского круга, то есть с 520/530-х годов., что и является terminus post quem для погр. 144. Погр. 100 по сочетанию пряжки и бус группы IV датируется в рамках 1-й половины VI в. (вероятно, около 510-530 гг.), а дата погр. 112, судя по фибулам, схожим с образцами из погр. 100, едва ли существенно отличается от этих хронологических рамок.

В погребении 1 из **Каменово** византийская фибула с S-видной петлей для крепления оси пружины встречена вместе с пальчатой фибулой (рис. 6: 2, 3 [Vinski, 1974, tab. XXXV: 1-2]). Последняя своеобразна, ее точные аналоги мне неизвестны. Отмечу лишь, что длинные трехчастные пальцы, ножка без выступов и другие признаки явно отличают эту вещь от образцов, получивших распространение в Подунавье и на Балканах в VII в., хотя слабо профилированная дужка сближает с рядом типов днестро-дунайской подгруппы поствосточногерманских фибул ([Werner, 1950; Гавритухин, 1991]; наиболее полный обзор находок см. в [Katsougiannopoulu, 1999]). По сумме признаков пальчатая фибула из Каменово ближе всего небольшим гепидским застежкам, отнесенным М. Надь к группе I (украшенных «круглыми глазками»). Слабую профилировку дужки эта исследовательница (вслед за И. Вернером) считает показателем аварского времени, что и явилось основанием для датировки фибул группы I около 4-й четверти VI в. [Gepidische ..., 2005, S. 110, 111; Abb. 9]. Строго говоря, жестких оснований для отнесения таких находок только к аварскому времени нет; вполне можно предполагать, что они могли появиться как единичные упрощенные вариации и несколько раньше. Но еще меньше причин причислять эти фибулы к кругу ранних пальчатых, известных в середине и 2-й половине V в. (о них см. [Гавритухин, 2004в]), или кругу «классических» восточногерманских пальчатых фибул, обычных в некрополях остготов или гепидов до крушения их королевств (соответственно в начале 550-х годов и в 568 г.).

Верхнюю дату упомянутых гепидских пальчатых фибул, схожих с каменовской, определяет то, что на гепидских могильниках нет материалов, безусловно датируемых VII в., но в ходе византийского контрнаступления на Среднем Дунае под командованием Приска засвидетельствовано пребывание гепидов в местах их традиционного пребывания в конце VI в. (Theophilaktos Simokates VIII.3). Таким образом, финал ряда гепидских некрополей следует датировать около начала VII в.

Культурный контекст погр. 1 в Каменово схож с тем, что представлен в погр. 133 Виминация периода С2 и на других памятниках, где тоже известны пары из византийской подвязной и «германской» фибулы с рельефно украшенными пластинами (рис. 5: 133; [Vinski, 1974, tab. XXXV: 6-7]). Косвенно это может свидетельствовать в пользу сравнительно ранней (до аварских нападений 580-х годов) даты интересующего нас комплекса. Однако разрушения и вывод византийских войск в начале VII в. не означали тотальной смены населения в Подунавье. «Германский» компонент его полиэтничной культуры, судя по всему, проявился в формировании поствосточногерманских подгрупп фибул и некоторых других находках конца VI – VII в. из балкано-дунайско-днестровского региона. Сказанное позволяет датировать комплекс из Каменово в рамках 2-й половины VI – 1-й половины VII в., причем дата, предложенная М. Надь (около 4-й четверти VI в.), выглядит наиболее вероятной.

В погр. 455 из **Дюрсо**, где есть и интересующая нас фибула, для датировки показательны элементы ременных геральдических гарнитуров (рис. 4: 1-10; [Дмитриев, 1982, рис. 12: 26, 34-40; 2003, табл. 83: 13, 29, 33, 45, 49, 55][5]). А.В. Дмитриев отнес этот комплекс к этапу, датируемому 3-й тре-

[5] Благодарю Александра Васильевича Дмитриева за возможность работать с коллекцией металлических изделий из его раскопок в Дюрсо (хранится в НГИМЗ), разрешение использовать эту информацию, в т.ч. публиковать мои рисунки; полная публикация памятника готовится А.В. Дмитриевым.

тью VI – VII в. или 2-й половиной VI – началом VIII в. [Дмитриев, 1982, с. 106; 2003, с. 20], причем само погр.455 явно не принадлежит к наиболее ранним или поздним в рамках этого этапа. Более детально дату геральдического набора из погр. 455 Дюрсо можно установить исходя из периодизации таких гарнитуров.

По хронологической схеме, предложенной А.И. Айбабиным, в погр. 455 из Дюрсо есть пряжки, накладки и наконечники, известные в комплексах конца VI – 1-й половины VII вв. (признак 87; здесь и далее даны номера признаков по [Айбабин, 1990, рис. 2]), 2-й четверти VII в. (признак 123), 2-й – 3-й четвертей VII в. (признак 127), 3-й четверти и 2-й половины VII в. (признаки 129, 138, близкий 140 и др.). Следует отметить, что поздние датировки ряда геральдических наборов в этой системе обусловлены сихронизацией могил, где они встречены, с комплексами круга Перещепино (4-я четверть VII в. по А.И. Айбабину). Если же принять более раннюю (и, как я считаю, более реальную) дату комплексов круга Перещепино (около середины VII в.; [Гавритухин, 2005а], там обзор проблемы и литература), то «сдвижка вглубь» потребуется для ряда других комплексов и хронологических рамок периодов. По предложенной мной корректировке, полностью построенной на материалах из упомянутой работы А.И. Айбабина, интересующий нас набор из Дюрсо имеет аналоги в группах 2-3 и 5, показательных для южнокрымских фаз IIб и IIIа, что указывает на дату в рамках 1-й половины VII в. [Гавритухин, Обломский и др., 1996, с. 66, 68, 91-92, рис. 68, 72, 90].

Среди кавказских материалов с геральдическими ременными гарнитурами наиболее основательно разработана хронология комплексов из Кисловодской котловины. Гарнитура из погр. 455 Дюрсо находит там соответствия в материалах этапа II, датируемого в рамках 560/600-650/670 гг. [Гавритухин, 2001а]. Если говорить о развитии геральдических наборов в целом, следует отметить, что в рассматриваемом комплексе из Дюрсо нет показателей ни ранних (2-я половина VI в.), ни поздних (2-я и 3-я четверти VII в.) стилей (см. о них в [Гавритухин, Обломский и др., 1996; Гавритухин, 2001б; 2005а; Гавритухин, Иванов, 1999]). Такая оценка соответствует наблюдениям о наборах с Черноморского побережья Кавказа [Гавритухин, Пьянков, 2003, с. 192]. Судя по всему, дата погр. 455 из Дюрсо не выходит за рамки конца VI – 1-й половины VII в., наиболее вероятно, что оно датируется около 1-й трети VII в.

Обобщим приведенные наблюдения.

Наиболее ранние фибулы с S-видной петлей для крепления оси пружины известны с гуннского времени (Ятрус, Градище в Габрово). В Ятрусе они представлены крупными образцами: фасетированным подвязным (рис. 4: 13) и обильно орнаментированным с пластинчатой спинкой, сужающейся к ножке со сплошным приемником (рис. 4: 14). Последний, а также серия Топрайкиой (рис. 4: 17, 18; см. о ней в части 4.1.) и другие материалы подтверждают датировки С. Уенце, предложенные для интересующих нас схожих подвязных фибул (см. части 1 и 4.1). Среди близких аналогов крупной фасетированной застежке можно указать находку из Исторического музея в Разграде (№ 5797[6]). Ранние находки рассматриваемого ряда фибул в Габрово представлены небольшим бронзовым и крупным железным экземплярами (рис. 3: 9S, 10S), к сожалению, в публикации очень скупо описанными и невнятно прорисованными; похоже, что крупный образец был украшен. К сравнительно ранним, судя по профилировке спинки, сплошному приемнику, фасетировке, не характерным для балканских фибул VI в., относится и находка из Войниково (рис. 6: 9).

Крупные фибулы с пластинчатой спинкой, судя по их железным имитациям из Габрово, продолжают существовать, по крайней мере, до первых десятилетий VI в. (рис. 3: 15S, 16S). Не позднее 1-й половины (трети?) VI в. получает распространение U-образный профиль ножки (рис. 5: 100), столь характерный для многих серий византийских фибул, что соответствует или не противоречит общепринятым оценкам.

На протяжении VI в. многочисленны и разнообразны серии как сравнительно небольших, часто бронзовых, так и крупных, нередко железных фибул (ряд образцов см. на рис. 3, кроме нижних; 5; 4: 12, 15, 16). Сходство некоторых из них с цельнолитыми, отмеченное Дж. Янковичем, судя по всему, свидетельствует об общих прототипах или влиянии близких по времени серий (не обязательно именно цельнолитых на подвязные), а не о том, что одни производны от других. Время бытования цельнолитых фибул практически совпадает с периодом активности Дунайского лимеса Византии; скорее всего, Дж. Янкович прав в том, что упадок или прекращение их производства относится к 580-м годам, но для жесткого доказательства этого тезиса материала слишком мало.

Подвязные фибулы византийского круга, в т.ч. с S-видной петлей для крепления оси пружины, продолжали бытовать в конце VI – 1-й половине VII в. (комплекс на рис. 4: 1-10 и материалы по [Дмитриев, 1982, с. 101, 102, вариант 2д; Айбабин, Хайрединова, 2008, рис. 12: 15; 16: 4, 17-18; 19: 28; 23: 13-14]). Пока трудно достоверно выделить формы или признаки, показательные именно для этого времени. Кроме небольшого числа датированных комплексов, эта трудность связана с тем, что производство фибул, судя по всему, стало

[6] Коллекция фибул из Археологического заповедника «Абрит» Исторического музея в Разграде готовится к публикации болгарскими коллегами; благодарю Георги Дзанева за возможность работы с материалом.

замкнутым на небольшие локальные центры, имевшие избирательные контакты. Некоторые из них оказали влияние на серии, существовавшие, по крайней мере, в середине VII в. (например, подвязные фибулы культуры Коман или представленные в кладах типа Мартыновки; см. литературу о них в части 2), которые позволяют получить дополнительные типологические (косвенные) реперы для выделения поздних собственно византийских форм.

4. Фибулы с S-видной петлей для оси пружины, известные за пределами метрополии, и их аналогии

4.1. Бухарест (рис. 1: 7; 8: 12), поселение **Милитари** (Кымпул Божа – Милитари), полуземлянка 6; раскопки Музея истории Бухареста в 1960 г. [Zirna, Cazimir 1962, p. 63; fig. 17: 3; Sgîbea, 1962, p. 378, 379; Tedor, 1988, fig. 3: 6; p. 199, 200, 210; № 4 по каталогу]. Авторы первых публикаций оценили эту фибулу как византийскую, датировали VI в., исходя из представления о дате единичных аналогий на уровне субгруппы византийских подвязных фибул в целом [Zirna, Cazimir, 1962, p. 63; Sgîbea, 1962, p. 379].

Дж. Янкович сначала, в докладе 1975 г. [Янкович, 1980, с. 174], выделял такие фибулы в вариант 1 группы 2 («с широкой плосковидной» спинкой) «варваризованных» фибул. Для этого варианта характерно ребро треугольного сечения вдоль спинки, по обеим сторонам от которого идут выпуклые зигзагообразные линии, а головка имеет S-видный завиток. К данному варианту относились и схожие фибулы с несколько иным орнаментом или имеющие на головке «рог». Производство таких вещей связывалось с районом Аквиса в период от восстановления лимеса после аварских походов 580-х годов до его «окончательного падения» в начале правления Ираклия и, возможно, чуть позже. Находку из Бухареста Дж. Янкович без аргументации отнес к позднейшим для варианта.

В более поздней работе Дж. Янковичем [Јанковић, 1981, с. 173, 174] среди подвязных фибул Аквиса был выделен вариант 2, характеризуемый небольшими размерами (длина около 40 мм), спинкой с литым орнаментом из зигзагообразных линий и точек, широким низким ребром. К варианту 3 были отнесены более крупные фибулы (длиной около 50, с дужкой шириной около 12 мм), нередко с ребром треугольного сечения, их зигзаговидный орнамент мог быть врезным или штампованным. Вариант 2 был представлен тремя находками из области Аквиса и одной из Бухареста (рис. 8: 7, 12-14), что и указывало на центр производства. Вариант 3 расценивался как распространенный широко и как послуживший основой для формирования подвязных фибул культуры Коман. Дата варианта 2 как не самого раннего из «варваризованных» фибул (по Дж. Янковичу, их начали делать после того, как область оправилась от разгрома в 585/6 г.) определялась от начала VII в. до «около 615 г.», а 3-го – после того, до середины VII в.

В написанной позднее (в начале 1980-х годов) рукописи диссертации Дж. Янкович оставил характеристику фибул варианта 2 Аквиса неизменной (назвав его «врста малых Аквиса, украшенных ломаными линиями»), выделив подварианты 1 и 2 по наличию S-видного завитка или «рога», завершающего головку фибулы, и расширив список находок. Фибулы, относимые к варианту 3, теперь стали рассматриваться в рамках особой серии – широкопластинчатых («врста с широкой дужкой»), внутри которой был выделен особый вариант с зигзаговидным орнаментом. В этом же контексте рассматривались и схожие фибулы с плоской спинкой.

А. Хараламбиева три фибулы из Археологического музея в Варне, наиболее схожие с рассматриваемой застежкой из Бухареста по орнаментации, несмотря на имеющиеся явные отличия по системе крепления пружины и сечению дужки (рис. 8: 16; 9: 10; 10: 11), как и некоторые иначе орнаментированные фибулы, отнесла к варианту I,4 («литые, с большим содержанием меди, маленькие»). Она атрибутировала эти вещи по Дж. Янковичу, указав лишь на неточность, по ее мнению, употребляемого им термина [Хараламбиева, 1989, с. 34, 35]. В более поздних работах ее оценки практически не изменились (например, [Хараламбиева, Атанасов, 1997, с. 74, 75, тип 7]).

Г.Д. Теодор отнес интересующую нас фибулу из Бухареста-Милитари к варианту I-1c (бронзовые, подвязные, с узкой ножкой), к формам, показательным для VI-VII вв., датировав, судя по хронологической таблице, поселение, где они найдены, в рамках около конца V в. – 580-х (?) годов, но без специального обоснования [Teodor, 1988, p. 199-202]. Авторы других публикаций атрибутировали фибулы, схожие с рассматриваемой, еще более общо, в рамках византийских подвязных фибул как целого, без более детального обоснования [Czerniak 1974, s. 86-87; Трбуховић 1983, с. 93; Pawlak 1995, p. 45; Ivanišević, Kazanski 2002, p. 116; Ivanišević, Kazanski, Mastykova , 2006, p. 19, 20].

Рассматриваемая фибула из Бухареста принадлежит серии, образованной на пересечении нескольких типологических рядов (см. часть 2). **Ряд фибул с S-видной петлей для оси пружины** в целом охарактеризован выше (в части 3), а к рассмотрению важных для нас серий мы еще вернемся.

Не менее выразителен **ряд, характеризуемый орнаментом спинки в виде двух вертикальных линий зигзагов**. К ранним из датированных фибул этого ряда на Балканах принадлежит образец из Градище в Габрово (рис. 4: 20). Он найден в помещении 24, отнесенном к раннему периоду памятника, и датирован «2-й половиной 4 в.» [Койчева, Хараламбиева, 1993, с. 59, № 4 по каталогу]. В Габровском музее, по уверению К. Койчевой и А. Хараламбиевой, есть «подобная» фибула, к сожалению, не приведенная в иллюстрациях к статье [Койчева, Хараламбиева, 1993, с. 59, № 8 по каталогу]. Упомянутой находке из Габрово близка более схематично украшенная фибула из Топрайкиой в Румынской Добрудже (рис. 4: 19), относящаяся к гуннскому времени (среди датирующих находок упомянута монета Феодосия Великого (379-395 гг.) без уточнения эмиссии) [Teodor, 1988, p. 201]. Эта ***серия*** крупных фибул с кольцом для оси пружины и зигзаговидным орнаментом (назовем ее «***Топрайкиой***») принадлежит намеченному С. Уенце кругу архаичных византийских (восточноримских) фибул, для которых характерны сравнительно крупные размеры, пластинчатый обильно орнаментированный корпус (как рис. 4: 14, 17, 18; см. части 1 и 2).

К кругу архаичных образцов фибул с двумя вертикальными линиями зигзагов относится и находка, хранящаяся в Народном музее г. Пожаревец, вероятно, происходящая из Виминация или его окрестностей (рис. 6: 8; Античное собрание, № 2322). Узкая щель приемника, украшение корпуса кольцами, шарнирный механизм свидетельствуют в пользу отнесения ее к ***кругу фибул позднеримского времени***. Схожая, хотя и более простая орнаментация представлена на образцах нескольких серий фибул за пределами Империи в конце римского времени и начале эпохи Великого переселения народов (например, рис. 6: 7 и [Schuster, 2001, Abb. 5: 1-2; 6: 10]).

Такая же орнаментальная схема спинки имеется и у византийских подвязных фибул с вертикальной стойкой для оси пружины, например у находки ***из Иерусалима*** (рис. 7: 15). Не чужд этот мотив и ***византийским цельнолитым («дунайско-иллирийским») фибулам*** (например, рис. 7: 1, 9 [Гавритухин, 2002а, рис. 4: 1; Hattatt, 1987, p. 274, 275, fig. 85: 1248]), хотя он и не относится к характерным для них.

Рассматриваемый орнаментальный ряд представлен и образцом из Звонецкого (рис. 6: 1), относящимся к одному из вариантов типа 1 ***шарнирных подвязных фибул днепровской серии***, формирование которой связано с византийским влиянием [Гавритухин, Обломский и др., 1996, с. 38-40]. Вероятно, находка из балки Яцевой (рис. 2: 11) свидетельствует о сохранении этого типа орнаментации в рамках традиций днепровских мастеров, хотя не исключается, что его образцом и в данном случае была одна из привозных фибул.

Наличие интересующего нас орнамента не обязательно указывает на преемственность, влияние или другую форму непосредственных связей мастерских. Об этом свидетельствует наличие схожих мотивов украшения спинки фибул, относящихся к сериям, не отражающим, судя по всему, византийские влияния, т.е. совершенно ***других традиций***. Например, у алан в 1-й половине – середине VIII в. (рис. 7: 2 [Хайнрих, 1995]; уточнение хронологической позиции комплекса см. в [Гавритухин, Обломский и др., 1996, рис. 83; Гавритухин, 2005]) или в салтово-маяцкой культуре, где такие фибулы, очевидно, связаны с аланским компонентом (например [Плетнева, 1989, рис. 59, кат. 110 и два образца разных типов из кат. 11; Винников, Плетнева 1998, рис. 41: О]).

Приведенные материалы позднеримского – ранневизантийского круга показывают среду, в которой сформировалась интересующая нас разновидность рассматриваемого ряда фибул (характеризумого орнаментом спинки в виде двух вертикальных линий зигзагов) – ***«с двумя вертикальными линиями зигзагов и точками»***. Наиболее подробно она проанализирована Дж. Янковичем. На его наблюдениях во многом и основана предлагаемая ниже типология, правда, модифицированная с учетом новых материалов, позволяющих несколько иную общую группировку, и в соответствии с разделяемыми мною терминологическими и типологическими подходами (части 1 и 2).

Весьма типологически компактная и многочисленная ***серия Прахово – Виминаций*** включает небольшие фибулы (длинной 35-50, в основном около 40-45 мм, со спинкой шириной около 8-9 мм, редко чуть у́же), с S-видной петлей для оси пружины; все недеформированные образцы имеют U-образный профиль приемника. В целом она соответствует выделяемым Дж. Янковичем фибулам подварианта 1 варианта 2 «врста малых Аквиса, украшенных ломаными линиями» (см. выше). В рамках серии различаются *блоки вариантов: 1. Прахово*, с литой спинкой, имеющей вдоль центра возвышение (рис. 8: 5-16; список 1.1); *2. Виминаций*, с плоской, по-видимому, кованой спинкой, украшенной врезным орнаментом (рис. 9: 6-12; список 1.2). Варианты могут выделяться по форме ножки (трапециевидная, прямоугольная, в т.ч. зауженная), ее орнаменту (линия розеток, косых («андреевских») крестиков, точек; крест; горизонтальные линии и т.д.), правда, орнамент ножки не всегда ясен из-за сохранности вещи или качества публикации.

Серия Прахово – Гераклея Понтийская объединяет фибулы той же схемы, что и серия Прахово – Виминаций, но других размеров: длина от 45, нередко более 50 мм, ширина спинки более 11 мм (рис. 8: 1-4; список 2). В целом они соответствуют

выделявшемуся Дж. Янковичем варианту 3 подвязных фибул Аквиса или особому варианту широкопластинчатых (см. выше). Дж. Янкович также обратил внимание, что ребро по центру спинки рассматриваемых образцов более резкое, чем у фибул с рельефной спинкой серии Прахово – Виминаций (блок вариантов Прахово), в сечении оно близко треугольнику. В рамках серии выделяется *блок вариантов с зауженной ножкой*; у всех опубликованных находок ножка орнаментирована «елочкой» (как рис. 8: 1, 2). Варианты выделяются и по относительной ширине спинки, числу и орнаменту площадок на ней (по этим признакам образец из Прахово выглядит архаичнее, чем из Гераклеи Понтийской). Особый *вариант* (блок вариантов?), пока представленный одной находкой, отличается *трапециевидной ножкой*, украшенной крестом (рис. 8: 4).

Особенности фибул серии Прахово – Гераклея Понтийская позволяют согласиться с Дж. Янковичем в том, что данная серия производна от блока вариантов Прахово серии Прахово – Виминаций. Для блока вариантов Виминаций серии Прахово – Виминаций такая же выразительная линия преемственности пока неизвестна, зато следует отметить фибулы, схожие по схеме крепления пружины и наличию плоской спинки, но отличающиеся особенностями орнаментации и другими признаками (например, рис. 9: 3-5; показательные для датировки на рис. 3: 36, 13S, 11S; и т.п.). Скорее всего, среди образцов этого довольно обширного круга следует видеть прототипы фибул, схожих с находками серии Прахово – Гераклея Понтийская, но отличающихся сечением и орнаментацией спинки (ср. рис. 9: 1, 2 и рис. 8: 4).

Серия ***Гамзиград – Сучидава*** включает фибулы, близкие серии Прахово – Виминаций, но имеющие другую схему крепления оси пружины – через отверстие в вертикальной пластине-стойке, завершающейся тонким «рогом» (рис. 10: 8-12; список 3). В целом они соответствуют выделяемым Дж. Янковичем фибулам подварианта 2 варианта 2 «врста малых Аквиса, украшенных ломаными линиями» (см. выше). В рамках этой серии (как и в серии Прахово – Виминаций) выделяются *блоки вариантов* с рельефной и плоской спинкой, а внутри них – вариантов, тоже находящие соответствия среди вариантах серии Прахово – Виминаций. Отмеченные переклички и послужили основанием для объединения Дж. Янковичем образцов серий Прахово – Виминаций и Гамзиград – Сучидава в один вариант, с различием на уровне подвариантов.

Признавая плодотворность и правильность этого сопоставления, я считаю отличия систем крепления оси пружины все же весьма существенным показателем особой традиции изготовления фибул (см. в части 2), что и является в данном случае основанием для отнесения фибул с одинаковой орнаментацией к разным сериям. Кроме того, форма и орнаментация спинки, такие же, как у рассматриваемых изделий, известны и у образцов не только указанных серий. Таксоны, объединяющие серии, можно строить в соответствии с разными «рядами», в т.ч. и следуя логике Дж. Янковича. Будущие исследования должны показать, какая группировка в «блоки серий» окажется наиболее точно отражающей реальное развитие производства фибул.

Серия Гамзиград – Сучидава, как и блок вариантов Виминаций серии Прахово – Виминаций, имеет аналоги, отличающиеся орнаментом спинки (на рис. 10: 5-7 приведены некоторые образцы мотивов, наиболее близких интересующим нас). Среди фибул, связанных с этим кругом, можно выделить и аналоги серии Прахово – Гераклея Понтийская (ср. рис. 10: 2, 3 и рис. 8: 1, 2; рис. 10: 4 и рис. 8: 4). Как и в случае с блоком вариантов Виминаций серии Прахово – Виминаций, речь может идти о параллельно развивающихся в близкой среде сериях, прототипы которых не сводимы к серии Гамзиград – Сучидава.

Возвращаясь к рассматриваемой застежке из Бухареста, отметим еще один **ряд** ее аналогий: фибулы **с вертикальным валиком на спинке**. К кругу ранних находок этого ряда относится ***образец «из Югославии»*** в коллекции Р. Хаттатта (рис. 7: 18). Для атрибуции этой вещи показателен способ крепления оси пружины – сквозь кольцо, образованное зауженным концом спинки, загнутым внутрь нее. Такая схема известна на фибулах позднеримского времени к югу от Дуная (например, [Bojović, 1983, tab. XXXIV: 330];) и в Потисье[7]. Следует отметить, что, в отличие от упомянутой находки «из Югославии», большинство фибул рассматриваемого ряда составляют образцы, спинка которых выполнена литьем и внутри плоская.

Несколько образцов этого ряда известно на ***Кавказе и Боспоре*** (как на рис. 7: 19-21). Они отнесены А.К. Амброзом к варианту 4 серии VI («лебяжинской») группы 15, датируемому в рамках от «второй половины IV» до «частично VI» в. [Амброз, 1966, с. 57]. Происхождение упомянутых фибул рассматриваемого ряда неясно; А.К. Амброз рассматривает вариант 4 как завершающий эволюцию лебяжинской серии, связанной с Кавказом, но у застежек предшествующего варианта 3 вертикальных ребер на спинке неизвестно. Очевидно, с кругом традиций, представленных на приведенных находках варианта 4 лебяжинской серии, связано наличие вертикального «хребта» у кавказских фибул более позднего времени (например, рис. 6: 4; 17: 9) и появление вертикального валика у единичных фибул в Закавказье (например, рис. 7: 12).

[7] Благодарю за любезную консультацию Эстер Иштванович, в справедливости слов которой я имел возможность убедиться на примере некоторых коллекций в музеях Венгрии.

В Поднепровье ряд фибул с вертикальным ребром на спинке представлен образцом из Большой Даниловки (рис. 12: 1), принадлежащим кругу изделий, отражающих византийские влияния 2-й половины V – 1-й половины VI в. [Гавритухин, 2008а, с. 31, 32], и из Звонецкого (рис. 6: 1; см. о ней выше, при обсуждении ряда фибул с орнаментом спинки в виде двух вертикальных рядов зигзагов). В отношении обеих находок есть основания говорить о связи принесенных образцов и местных традиций (см. также часть 4.4).

На Балканах кроме особенно интересующего нас блока вариантов Прахово серии Прахово – Виминаций и серии Прахово – Гераклея Понтийская (см. выше) к византийскому кругу фибул рассматриваемого ряда относятся находки и других серий (например, рис. 7: 5, 6, 8, 14; возможно, 7: 13 и др.). Вероятно, количество таких изделий больше, чем можно представить по литературе, учитывая, что многие балканские находки не опубликованы и особенности сечения спинки не всегда достоверно определимы по публикациям.

Соотношение кавказско-боспорских и балканских фибул с вертикальным валиком на спинке неясно. Возможно, это несвязанные (конвергентные) традиции. Ведь орнаментальное выделение центральной вертикальной оси на корпусе распространено у весьма различных фибул и достигалось разными способами (например, рис. 7: 4, 7; ср. рис. 2: 2, 8; 4: 12; 6: 2; 11: 5, 6, 8; 12: 6 и многие другие, не говоря уже о фибулах с треугольным сечением спинки). Идея сделать вертикальную ось рельефной не так уж сложна. Для нашей темы важно, что подобная ось имеется на застежках разных балканских мастеров. Круг таких изделий, по-видимому, и был средой, в которой появился валик на спинке фибул блока вариантов Прахово серии Прахово – Виминаций (ей принадлежит и интересующая нас находка из Бухареста) и производной от нее серии Прахово – Гераклея Понтийская.

Балканское происхождение, судя по всему, имеет и присутствующий на рассматриваемой фибуле из Бухареста признак «**зигзаговидный орнамент, выполненный литьем**». Во-первых, он представлен на Балканах у находок, принадлежащих нескольким сериям. Часть таких вещей имеет обычный зигзаговидный орнамент (как рис. 7: 3, 16 [Hattatt, 1987, fig. 85: 1244; Popescu, 1945, Abb. 10: 109, 110]), известный и в более простом исполнении гравировкой (например, рис. 7: 11, 14, 17 и многие другие). Особенно важны находки, у которых литьем сделаны не только зигзаги, но и точки, как у фибулы из Бухареста и ее ближайших аналогов. Таковые известны в разных частях Балкан, например в Крань на северо-западе, Пернике в центральной зоне, Златаре на северо-востоке полуострова (рис. 6: 5; 7: 10 [Перник, 1981, обр. 110: 4; Хараламбиева, Атанасов, 1997, Т. 2: 2]). Этот же мотив есть на дужке или ножке фибул из Виминация (рис. 5: 132.2-3, 7-8; 144.2), правда, по публикации не ясно, как он выполнен (похоже, что гравировкой или штампом). Во-вторых, для варварских традиций характерно изготовление подвязных фибул ковкой, в отличие от ряда серий византийских подвязных фибул. На изготовление некоторых византийских подвязных фибул литьем обратил внимание Дж. Янкович и писал даже о «варваризации» технологии изготовления фибул, когда их начали делать только ковкой [Янкович 1980 и др. его работы; Гавритухин 2002, с. 231].

Оснований **для определения узкой хронологии фибулы из Бухареста** немного. Дата, предложенная Г.Д. Теодором для поселения, где она найдена, как было отмечено выше, к сожалению, дана без необходимого обоснования, хотя нельзя исключить, что эта дата и правильная. Систематическая публикация находок из полуземлянки 6 (как и других комплексов этого поселения) отсутствует, что оставляет вопрос о проверке и уточнении даты открытым.

Образцы фибул блока вариантов Прахово серии Прахово – Виминаций, которому принадлежит экземпляр из Бухареста (рис. 8: 5-16), найдены в ходе раскопок еще трижды (список 1.1). Два раза – при исследовании византийских городов (Новы и Периник), однако на основе доступных мне публикаций связать эти фибулы с узкодатируемым слоем нет возможности. Единственная находка в погребении (Сингидун, погр. 82) сама является для этого комплекса основой датировки, поэтому, приняв для него дату, предложенную авторами публикации (конец VI, вероятно, начало 7 вв., см. [Ivaniševič, Kazanski, 2002, p. 116, 119, 124]), мы получим «логический круг».

Больше оснований имеется для уточнения хронологии блока вариантов Виминаций той же серии (список 1.2). Это, прежде всего, три погребения из Виминация, одно из которых датировано в рамках 1-й половины VI в. (вероятно, около 510-530 гг.; рис. 9: 11; 5: 100.2), одно – позднее (около 530-580 гг., рис. 9: 8; 5: 144.3), еще одно может быть синхронно как первому, так и второму (рис. 9: 6-7; 5: 112.4-5; обоснование дат см. в части 3). Остальные находки не могут уточнить дату. В пользу возможности ее перенесения на фибулы блока вариантов Прахово свидетельствует сходство облика и прямые соответствия в деталях многих фибул серии. Различия же, как показано выше (при обсуждении типологических рядов фибул, аналогичных находке из Бухареста), нет оснований рассматривать в качестве хронологических. Вероятнее всего, разница блоков вариантов интересующей нас серии отражает специфику мастерских, близких по времени. В пользу этого свидетельствует и предложенное ниже рассмотрение ареалов. Вопрос о вероятном приоритете (и соответственно несколько более раннем появлении)

того или другого блока вариантов серии Прахово – Виминаций остается до появления новых материалов, строго говоря, открытым.

Показательны **ареалы фибул серии Прахово – Виминаций и близких ей**. Находки застежек блока вариантов Прахово серии Прахово – Виминаций, которому принадлежит и образец из Бухареста (рис. 7: А.б; список 1.1), наиболее многочисленны в области Аквиса (две или три в Прахово; Траянов мост; не исключено, что, как предположил Дж. Янкович, там же найдены экземпляры из НМБ). В других пунктах известно по одной такой вещи, при этом коллекции фибул с памятников, где проводились раскопки, весьма представительны (Новы, Перник, Сингидун). Судя по всему, Дж. Янкович прав, считая центром производства интересующего нас блока вариантов область Аквиса.

Блок вариантов Виминаций серии Прахово – Виминаций представлен в Виминации четырьмя находками, в двух остальных пунктах – их известно по одной (рис. 7: А.а; список 1.2). Скорее всего, центр их производства находился в Виминации, расположенном сравнительно недалеко от другого центра производства фибул этой же серии (в области Аквиса, вероятно, в Прахово). В материалах из некрополя Виминация фазы С2 исследователи видят ряд восточногерманских черт [Ivanišević, Kazanski, Mastykova, 2006]. Это позволяет предполагать, что более простая технология изготовления фибул блока вариантов Виминаций связана с «варварским» компонентом культуры людей, похороненных на некрополе Выше гробле («византинированный» варвар или ромей, работающий на варваров), что перекликается с наблюдениями Дж. Янковича о «варваризации» византийских фибул, хотя и получает другую интерпретацию. Изготовление литьем может свидетельствовать и о большей технологической мощности центра в Аквисе (см. число находок по блокам вариантов в списке 1, и следует учесть, что в области Аквиса не раскапывались некрополи VI в.). Впрочем, одно объяснение не отменяет другого.

Фибул серии Гамзиград – Сучидава (список 3) во всех известных пунктах найдены по одной. Нет оснований, чтобы хотя бы наметить их территориальные скопления. Можно лишь указать на то, что схема крепления оси пружины с помощью вертикальной стойки, заканчивающейся тонким «рогом» (способ крепления 1-4, часть 2), показательна для фибул центральных и восточных областей Балкан (это отражает география находок и интересующей нас серии). То, что фибулы серий Прахово – Виминаций и Гамзиград – Сучидава ни разу не найдены в одном пункте, и отличие их ареалов свидетельствуют в пользу связи серий с разными центрами производства. Вопрос о причинах близкого сходства облика фибул этих серий остается открытым.

Находки серии Прахово – Гераклея Понтийская разбросаны весьма широко: от Железных ворот до южного побережья Черного моря (список 2). Типологическая близость этих фибул застежкам серии Прахово – Виминаций и наличие тех и других в одном или близких пунктах (происходят ли все фибулы из Прахово с одного памятника – неясно) свидетельствуют в пользу взаимосвязи серий. Пока оснований для датировки серии Прахово – Гераклея Понтийская недостаточно. Вполне приемлемы типологические наблюдения Дж. Янковича о том, что она производна от образцов серии Прахово – Виминаций (см. выше). Правда, пересмотр датировки последней удревняет и весь типологический ряд, а типологическая последовательность не подразумевает жесткую хронологическую. В данном случае, скорее, наоборот, необходимо предполагать период сосуществования серий. Возможно, типологически наиболее поздний образец (рис. 8: 1) попал далеко от Прахово, в Гераклею Понтийскую, с переселенцами, бежавшими от аварских разгромов середины 580-х годов или в смутное время, наступившее после бунта Фоки в 602 г. Рассуждениям об этом препятствует то, что фибулы Малой Азии, особенно за пределами Эгейского побережья, известны нам очень плохо.

Как следует из рассмотрения типологических рядов и других наблюдений, представленных выше, фибулы, аналогичные находке из Бухареста, в частности блок вариантов Прахово серии Прахово – Виминаций, к которому она относится, сделаны в византийских традициях. Исходя из этого, находки за пределами Византии (Бухарест; вероятно, Сербский Банат – см. часть 4.2) правильнее всего рассматривать как перемещенные с ее территории. Они могли быть получены в ходе многочисленных славянских походов на Балканы в VI в. или принадлежать кому-нибудь из тысяч пленных, которых славяне приводили с Балкан и которые жили у них до выкупа или оставались в составе славянских коллективов. Данных о производстве таких фибул за пределами Империи даже пленными византийскими мастерами нет (см. также об экземплярах с зигзаговидным орнаментом, выполненным литьем). Нет севернее Дуная и подражаний рассматриваемым застежкам. Также нет оснований говорить о продаже византийцами фибул славянам.

Итак, рассматриваемая фибула из Бухареста принадлежит блоку вариантов Прахово серии Прахово – Виминаций. Производство таких фибул связано с областью Аквиса; оно началось не позднее 1-й половины и продолжалось во 2-й половине VI в. (вероятно, в рамках 510/530 – середины 580-х годов). Этот производственный центр был довольно мощным, его продукция распространялась в ряде областей Подунавья (как минимум от Сигидуна до Нов) и южнее. Как

добыча или часть одежды пленных с указанных территорий рассматриваемая фибула попала к жителям поселка в Бухарест-Милитари.

4.2. Сербский Банат (рис. 1: 8; 8: 5), отдельная находка; прорисована по оригиналу в Народном музее г. Вршац (№ 13 по картотеке музея). Не публиковалась. Длина 38 мм, ширина спинки около 8,5 мм; корпус бронзовый литой; пружина и ее ось железные кованые; орнамент затерт и на ножке почти не читается. Поскольку археологический контекст находки неясен, можно предполагать ее принадлежность как варварскому населению, так и византийцам, жившим на Дунае. Данный образец принадлежит блоку вариантов Прахово серии Прахово – Виминаций, результаты рассмотрения которого, представленные выше (часть 4.1), относятся и к этой находке.

4.3. Медведевка (рис. 1: 7; 11: 4) на р. Тясмин, отдельная находка; прорисована по оригиналу в частной коллекции (планируется для передачи в Киевский университет), сведения о местонахождении предоставлены владельцу находчиком. Не публиковалась. Фрагмент; спинка из бруска 6,5x1 мм; украшена штампованным орнаментом из четырехлепестковых розеток в виде косого («андреевского») креста, окаймленного тонкими врезными линиями. Орнамент хорошо читается ближе к концу спинки, прилегающему к пружине; далее он неясен, вероятно, сбит. Корпус сделан из бронзы, ось и сохранившийся фрагмент пружины железные. Точные аналогии этой вещи мне не известны.

По **схеме крепления оси пружины**, наличию **спинки из неширокого** сравнительно с длинной дужки **бруска**, структуре **орнаментальной композиции** (вертикальная линия штампов по центру, окаймленная линиями) рассматриваемой фибуле ближе всего находки ***с территории Болгарии***: Пречиста в центральной части, чуть севернее Планины, и Арбит на крайнем северо-востоке (рис. 11: 7, 11). В отношении застежки из Пречисты К. Койчева и А. Хараламбиева указали, что эта фибула относится к типу подвязных, подтипу с S-видной петлей для крепления пружины (III.2 по номенклатуре для находок из Габровского музея), а найдена в слое поселения, отнесенном к VI в. (см. часть 3). Фибула из Арбита рассматривалась в более ранней публикации А. Хараламбиевой в таком же типологическом контексте, а предложенная дата (2-я половина VI в.), судя по ссылкам, была интуитивна, во всяком случае, убедительно не обоснована [Хараламбиева, 1989, с. 52, 53, № 14 по каталогу, со ссылками на Хараламбиева, Иванов, 1986, где тоже не приведены основания для узкой датировки].

Бронзовый и железный экземпляры, сопоставимые с упомянутыми по всем отмеченным показателям, но без орнамента на спинке, встречены на Градище у Габрово, где датированы монетами «начала VI в.» (рис. 3: 16 S, 15S; о хронологии см. в части 3). Отмечу, что весьма многочисленные находки, датированные позднее (в основном связываемые со слоями разрушений византийских крепостей в 580-х годов или в начале VII в.), отличаются от рассмотренных выше образцов пропорциями деталей, стилем и элементами орнаментации, другими признаками.

Если говорить об истоках интересующей нас орнаментальной композиции (вертикальная линия штампов в окаймлении), следует указать на архаичные фибулы византийской традиции, в том числе и с S-видной петлей для оси пружины (как рис. 11: 9; о датах см. в частях 3 и 4.1). По-видимому, этому контексту принадлежит и фибула из Одерци (рис. 11: 10), найденная на «сельском торжище», откуда происходит и более 150 монет, из которых 127 не ранее IV в., причем позднейшие принадлежат Гонорию (393-423 гг.), в т.ч. выпущенная в Фесалонике между 408 и 423 годами [Торбатов, 1993]. Упомянутые ранние фибулы имеют узкую щель приемника (см. также рис. 11: 8 и т.п.), в то время как ближайшие аналогии рассматриваемой находке – U-образную, появившуюся к 1-й половине VI в., судя по всему, не ранее конца V в. (см. части 2; 3 и [Гавритухин, 2002а]). К позднейшим образцам, украшенным рассматриваемой композицией, относится фибула из Ятруса (рис. 4: 11), свидетельствующая о бытовании подобной орнаментальной стилистики до VII в. (см. часть 3).

Мотив четырехлепестковой розетки был широко распространен для украшения металлических деталей ременных гарнитуров и фибул Римской империи, по крайней мере, с поздней античности, а у варваров – с 1-й половины V в. (например, см. рис. 7: 22-26). Сохраняется он и для украшения более поздних византийских фибул некоторых серий, в т.ч. и из комплексов, отнесенных к фазе С2 Виминация, датированной около 2-й трети VI в., до 584 г. (рис. 11: 1-3; 5: 133.4; см. [Ivanišević, Kazanski, Mastykova, 2006]). Возможно, тогда же, едва ли существенно позднее, был сделан образец, найденный в Юго-Западном Крыму (рис. 11: 6; ср. часть 4.6). В достоверном более позднем контексте использование штампов в виде четырехлепестковой розетки для украшения византийских фибул мне неизвестно.

Итак, ближайшие аналогии рассматриваемому образцу из Медведевки известны на северо-востоке Балкан в VI в. (не исключая конец V в.), причем их датировка последними десятилетиями VI в. весьма маловероятна. В пользу сравнительно ранней даты (на фоне византийских фибул с U-образным приемником) говорит архаичность мотива орнамента. Никаких данных о производстве или популярности именно таких фибул в Поднепровье нет. Сказанное делает наиболее приемлемой до появления новых данных атрибуцию фибулы из

Медведевки как продукции одной из небольших мастерских на северо-востоке Балкан, работавшей около 1-й половины – середины VI в.

4.4. Медведевка (рис. 1: 5; 12: 3) на р. Тясмин (там же, где фибула, описанная в части 4.3), отдельная находка; прорисована по оригиналу в частной коллекции (планируется для передачи в Киевский университет), сведения о местонахождении предоставлены владельцу находчиком. Не публиковалась. Ножка деформирована, приемник утрачен, современная длина 55 мм (первоначально была около 60 мм). Сечение спинки в виде сильно уплощенного (8x2 мм) шестиугольника, близкого ромбу; ножки – аналогичное, но еще более плоское, так что ребро вдоль ее центра почти не ощущается; петля для оси пружины и завязка приемника выполнены в виде тонких лент; все детали прокованы. Орнамент нанесен «бегущим» инструментом, похожим на узкую стамеску; возможно, использовался и штамп, оставивший ряды точек; отпечатки неаккуратные, не всегда отчетливо пропечатаны; композицию образуют параллельные вертикальные полосы; на спинке около ножки врезаны линии, образующие параллельные «галочки». Корпус и ось пружины бронзовые, причем сплав, из которого изготовлена ось, визуально отличается от сплава, из которого сделан корпус; пружина – железная. Точные аналогии этой вещи мне неизвестны.

По схеме, размерам, пропорциям, насыщенности орнаментацией из мелких деталей рассматриваемому экземпляру близки находки ***с Северо-Востока Балкан***, правда, с прямоугольной, а не слегка расширенной ножкой (например, рис. 12: 7, 11 и др.). Если акцентировать последний признак, ближайшие аналоги найдутся в том же регионе (например, рис. 12: 9, 10 и др.), правда, они имеют другую схему (вертикальная стойка с отверстием для оси пружины, заканчивающаяся тонким «рогом», или широкое кольцо). Там же есть экземпляры с аналогичной орнаментальной композицией (как рис. 12: 6 и др.). По сочетанию элементов орнамента все эти фибулы уникальны и на уровне блоков вариантов малочисленны, что, по-видимому, указывает на их изготовление в маломощных мастерских, работавших на заказ. В узко датированном контексте такие фибулы мне неизвестны, что заставляет принять дату, определяемую для византийских фибул с U-образным приемником в целом (около VI – начала VII в., не исключено, что несколько шире).

Обсуждавшиеся экземпляры, судя по публикациям, имеют спинку, в сечении прямоугольную или покатую сверху. Рассматриваемый же экземпляр по признаку «**сечение спинки**» можно соотнести с фибулами, имеющими ромбическое сечение (как рис. 12: 8). Однако в подавляющем большинстве случаев известные мне фибулы с такими спинками имеют сечение в виде ромба, еще менее уплощенного, чем у приведенного образца, и существенно отличаются от интересующей нас фибулы по другим признакам. Судя по всему, сходство по рассматриваемому признаку, если брать его обобщенно, не является показателем единого типологического ряда и может отражать конвергентное развитие.

Фибула, спинка которой имеет сечение, близкое тому, что у анализируемого образца, происходит из Большой Даниловки (рис. 12: 1), то есть из того же историко-культурного региона, что Медведевка – ***днепро-донской лесостепи***. Выше (часть 4.1, о ряде фибул с вертикальным валиком на спинке) уже говорилось, что застежка из Большой Даниловки принадлежит кругу находок, отражающих византийское влияние 2-й половины V – 1-й половины VI вв., и для них не исключается местное производство по инокультурным образцам. Рассматриваемый экземпляр из Медведевки вполне может иметь подобное объяснение происхождения. В пользу точки зрения о «местном» производстве свидетельствует и отмеченная неаккуратность орнаментации интересующей нас фибулы. В любом случае образцом для нее послужили изделия византийского круга, судя по всему, из северо-восточных районов Балкан.

Другой регион, где есть фибулы с сечением дужки в виде сильно уплощенного ромба, весьма близким тому, что у интересующей нас застежки из Медведевки, – ***северная часть Черноморского побережья Кавказа***. Одна такая находка происходит из погр. 39 могильника Бжид северо-западнее Туапсе (рис. 12: 4), еще несколько – с могильника Дюрсо западнее Новороссийска (например, рис. 12: 2, 5; не опубликованы, охарактеризованы в [Дмитриев, 1982, рис. 11 и 16]). Все они принадлежат группе фибул с трубчатым приемником, распространенной в VI-VII вв. в треугольнике Новороссийск – Краснодар – Туапсе [Дмитриев 1982, с. 78, тип 3; Гавритухин, Пьянков 2003, с. 192-193]. Большинство образцов этой группы имеют более простое сечение спинки, а интересующие нас относятся как к ранним вариантам, о чем свидетельствует датировка погр. 39 из Бжида в рамках конца V – середины VI в. (см. приложение 1), так и к более поздним. К позднейшим принадлежит находка из погр. 433 в Дюрсо, судя по пряжке (как рис. 13: 42), аналоги которой известны в комплексах и с ранней геральдической гарнитурой (Шелюги), и с более поздней, а в одном случае (Чми, катакомба 2 из раскопок Д.Я. Самоквасова) – в постгеральдическом контексте (наиболее представительный, хотя и не полный, подбор таких пряжек см. в [Комар, Кубышев, Орлов, 2006, с. 328, 334, 359], упомянутый комплекс из Чми – в [Гавритухин, Обломский и др., 1996, рис. 83]).

Связь фибул и других находок из днепро-донской лесостепной зоны и Северо-Восточного

Причерноморья неоднократно обсуждалась. Напомню, что если застежки середины – 2-й половины V в. в лесостепи принадлежат сериям, представленным в Причерноморье, то, вероятно, с последних десятилетий V в. здесь начинают складываться местные серии, имитирующие причерноморские образцы [Гавритухин, 2004а, с. 208, 211, 212-214; 2007а, с. 30-32, там литература]. Для более позднего времени (в рамках VI в.) контексту связей Среднего Поднепровья и Кавказа принадлежит комплекс из Бабичей ([Гавритухин, 2004а, с. 209-211]; см. приложение 2). Для VI-VII вв. можно говорить и о боспорском «анклаве» в Поднепровье [Гавритухин, 1997]. В рамках разнообразных связей Поднепровья и Кавказа в VII в. (многие примеры см. в [Гавритухин, Обломский и др., 1996]) выделяются находки из Северо-Восточного Причерноморья. Если влияние зооморфных фибул (как [Родинкова, 2006, рис. 2]) на форму ножки некоторых поздних двупластинчатых фибул из Дюрсо (рис. 13: 7, 8 [Дмитриев, 1982, рис. 3: 26, 27; 2003, табл. 83: 74, 75]) может быть связано не обязательно с днепровскими, скорее даже с крымскими образцами (подробнее см. [Гавритухин, в печати 2], там же об антропоморфном окончании ножки, как у фибул на рис. 13: 5, 6), то пластинчатые подвески, найденные на территории могильника «Ленинский путь» между Анапой и Новороссийском, имеют прямые аналогии в лесостепных кладах типа Мартыновского [Гавритухин, Пьянков, 2003, табл. 73: 24-26; с. 198].

В этом контексте следует вернуться к вопросу о происхождении шарнирной системы крепления оси пружины у застежек днепровской серии подвязных шарнирных фибул (как рис. 2: 11, 12; 6: 1; см. часть 2, схема крепления оси пружины 3). Я уже писал, что шарнирная конструкция фибул в VII в. могла попасть в Поднепровье только с Кавказа [Гавритухин, Обломский и др., 1996, с. 39-40]. После знакомства с материалами Дюрсо, с учетом приведенных выше наблюдений, можно говорить об этом конкретнее (пример, наиболее близкий днепровским фибулам, см. на рис. 13: 48). Шарнирная конструкция, весьма близкая днепровской, представлена на ряде фибул из Дюрсо в комплексах с геральдическими ременными гарнитурами и синхронными им вещами (например, рис. 13: 36-47). К кругу более ранних относится погр. 339 в Дюрсо (рис. 13: 62-63), где есть полая, имитирующая массивность, В-образная пряжка. Такие вещи появляются в постгуннское время и весьма многочисленны в ременных гарнитурах с ранними геральдическими накладками и ранними псевдопряжками (например, см. [Гавритухин, 2001б, о горизонтах 1 и 1/2; Гавритухин, Пьянков, 2003, табл. 75: 5]), то есть особенно характерны для VI в. Т.е. интересующая нас шарнирная конструкция фибул в Северо-Восточном Причерноморье появилась не позднее конца VI в., и скорее всего, этот регион следует рассматривать как наиболее вероятный источник заимствования шарнирной конструкции для днепровских фибул.

В отношении упомянутой выше находки из Большой Даниловки отмечу, что вертикальный валик на ее спинке, кроме балканских образцов, имеет аналогии на Боспоре и Кавказе (наиболее близки экзепляры как на рис. 7: 20; подробнее см. часть 4.1). При этом длинный вырез для завязки, орнамент, общий типологический контекст (см. [Гавритухин, 2007а, с. 31-32] и часть 4.1) свидетельствуют о византийских, неизвестных на Кавказе, прототипах фибулы из Большой Даниловки. То же можно сказать и о рассматриваемой находке из Медведевки (см. выше). Было бы соблазнительно считать совмещение на фибулах из днепро-донской лесостепи византийских и кавказских влияний показателем особого периода, но имеющиеся данные не позволяют исключать другие варианты.

Итак, для рассматриваемой фибулы из Медведевки следует оставить широкую датировку – около VI – начала VII в. и рассматривать ее в контексте местных переработок образцов из Византии (скорее всего, с Северо-Восточных Балкан) и из северной части Черноморского побережья Кавказа.

4.5. Дюрсо (рис. 1: 4; 14: 5), погр. 455, раскопки А.В. Дмитриева в 1974 г. Не публиковалась. Приемник утрачен, длина сохранившейся части фибулы 50 мм, что, судя по всему, несущественно меньше первоначальной длины корпуса; сечение спинки уплощенное треугольное, ножки – плоское; ножка украшена по бокам фасетками, на которые нанесены перпендикулярные им врезки-черточки, и у конца – двумя врезными линиями, перпендикулярными оси ножки. Корпус сделан из бронзы, пружинный механизм железный. Точные аналогии этой вещи мне неизвестны.

Схема крепления оси пружины и треугольное (или близкое уплощенному треугольному) **сечение спинки** указывают на довольно пестрый круг фибул, распространенных преимущественно ***в северо-восточных районах Балкан*** (например, рис. 14: 4, 8-12 и др.). Эти находки не серийные, а встреченные на них элементы известны на византийских же фибулах, имеющих другую схему крепления оси пружины (ср., например: рис. 14: 4, 9 и рис. 15: 4-6; рис. 14: 8, 12 и рис. 15: 7, 8; и т.д.).

Мною уже рассматривались византийские фибулы с треугольным сечением спинки в связи с другими экземплярами, известными ***за пределами Византии***, в частности, с поселения пражской культуры в Луке Каветчинской (рис. 15: 8; см. в [Гавритухин, 2003], новая прорисовка ее ближайшего аналога – рис. 15: 7). Список застежек византийской традиции с таким сечением спинки в этом ареале можно продолжить (карта на рис. 16: Б). Многие такие фибулы, и за пределами Импе-

рии, и на ее территории, железные. Как и экземпляру из Луки Каветчинской, соответствия им на уровне варианта единичны или отсутствуют (некоторые аналогии приведены на рис. 15, см. также [Гавритухин, 2003, рис. 2]). Это, наверное, не случайно и отражает специфику производства довольно простых по облику железных застежек. Такие фибулы делали параллельно с более сложными на протяжении всего периода существования фибул византийского круга (см. приложение 3).

На этом фоне интересующая нас застежка из Дюрсо явно своеобразна. Если схема крепления оси пружины указывает на византийские прототипы, то другие признаки позволяют говорить **о местных традициях** производства фибул. Уплощенно-треугольное сечение спинки весьма распространено в северной части Черноморского побережья Кавказа у фибул различных, в т.ч. и специфичных местных, серий VI-VII вв. (некоторые примеры см. на рис. 14: 1, 2, 6; 13: 2, 27, 28, 49, 54-56 и в публикациях [Гавритухин, Пьянков, 2003, табл. 77: 60, 61; 78: 62а; Дмитриев, 1982, рис. 3: 8, 10, 11, 22; 2003, табл. 83: 63, 64]).

Показательно для местной традиции и украшение ножки фасетками в сочетании с перпендикулярными им врезками-черточками, известное по материалам периода 1 Дюрсо, датируемым около 3-й трети V в. и включающим принесенные переселенцами вещи середины V в. (рис. 14: 7; 17: 16-46; о хронологии см. [Дмитриев, 1982; Казанский, 2001]). На Северном Кавказе, особенно в центральной его части, такая орнаментация ножки представлена рядом образцов (например, рис. 17: 1-3, 9, 10) или на разных экземплярах в одном комплексе (как рис. 17: 47 и 48). Истоки этой традиции фиксируются не позднее 1-й половины V в. (рис. 17: 47-60), сохраняется она и позднее (рис. 17: 10-15), до горизонта конца VII – середины VIII в. (рис. 17: 4-9; хронологическую позицию комплекса см. в [Гавритухин, Обломский и др., 1996, рис. 83: период 2]). Таким образом, все элементы рассматриваемой фибулы из погр. 455 в Дюрсо могут быть связаны с местными традициями (некоторые из них – явно специфические северокавказские), кроме схемы крепления оси пружины. Такая схема в регионе известна лишь на интересующем нас экземпляре и явно связана с византийской культурной средой.

Византийские подвязные фибулы представлены в Дюрсо весьма выразительным набором (рис. 7: 7 и [Дмитриев, 1982, рис. 3: 18-21; 2003, табл. 83: 70-73]). Усиление византийского влияния, отразившееся на деталях костюма, можно связать с последствиями посольства готов-тетракситов в Константинополь в 548 г. (Proc. B.G. IV(VIII).4.9-13; обсуждение этого сюжета см. в [Казанский, 2001, с. 41] и многих других поблика-циях) и, по-видимому, продолжавшимися позднее прямыми контактами. Популярность византийских фибул привела к появлению местных подражаний. К их кругу, кроме рассматриваемой застежки, относятся известные в Дюрсо и Бжиде экземпляры со сложным сечением спинки (рис. 13: 25; [Дмитриев, 1982, рис. 3: 17; 2003, табл. 83: 69; Гавритухин, Пьянков, 2003, табл. 77: 69]), не характерные для местных стилей, но имеющие византийские аналоги (например, рис. 2: 2; 6: 6 и многие другие), а также, вероятно, некоторые другие находки.

Итак, фибула из погр. 455 в Дюрсо принадлежит кругу переработок византийских образцов в традициях северной части Черноморского побережья Кавказа в конце VI – 1-й половине (трети?) VII в. (о дате см. в части 3).

4.6. Запрудное (рис. 1: 3; 18: 2), находка А.В. Лысенко близ села Запрудное недалеко от Алушты. Не опубликована (благодарю Александра Владимировича Лысенко за разрешение опубликовать находку). Длина фибулы 71 мм; корпус плоский, покатый с внешней стороны, его ширина до 10,5 мм, толщина – до 1,5 мм. Пружинный механизм и часть завязки утрачены. Корпус железный. Точные аналогии этой вещи мне неизвестны.

На принадлежность этой застежки **византийской традиции** указывает схема крепления оси пружины и U-образный профиль ножки с приемником. Находок византийских фибул такой схемы **с уплощенными широкими неорнаментированными или почти неорнаментированными спинкой и ножкой** немного (например, рис. 18: 6, 7). Есть византийские железные фибулы других схем, по облику схожие с рассматриваемой (например, рис. 18: 4, 5). К сожалению, известные мне образцы происходят не из надежно датированного археологического контекста. Более представителен массив железных, часто неорнаментированных фибул с широкой спинкой и узкой ножкой, среди которых есть находки из слоев VI в. (например, рис. 3: 36; 9: 4; см. о них в частях 3 и 4.1).

Подборка фибул, схожих с рассматриваемым экземпляром, но с другой схемой крепления оси пружины, известна в Южном Крыму благодаря раскопкам А.И. Айбабина и Э.А. Хайрединовой на могильнике Лучистое под Алуштой (рис. 19: 3-4; 20: 7-8, 15; 21: 28; 22: 13-14; 23: 17). Они, судя по всему, принадлежат одной серии, которую следует назвать ***«серия Лучистое»***. Авторы раскопок и публикаций датируют три комплекса с пятью образцами этой серии около конца VI – 1-й четверти VII в. (рис. 19; 20; 21), один комплекс с двумя образцами (рис. 22) – 1-й половиной VII в. и один комплекс с одним образцом (рис. 23: 14-73) – 2-й половиной VII в. [Айбабин, Хайрединова, 1996, с. 91; 2008, рис. 12; 19; 23]. Однако для датировки четырех комплексов (нижние слои склепов 38 и 232, рис. 19-22) наиболее показательны орлиноголовые пряжки 2-го

варианта (рис. 19: 14; 21: 27; 22: 12), что позволяет говорить о синхронности фибул между собой и по пряжкам датировать комплексы в рамках последних десятилетий VI – первых десятилетий VII в. Еще одна аналогичная фибула, из склепа 77 (рис. 23-24), близка остальным хронологически (см. приложение 4).

По общему облику и материалу фибулам серии Лучистое и находке из Запрудного близок ***экземпляр из Чуфут-кале*** (рис. 18: 1; комплекс, к сожалению, не опубликован). Правда, он имеет широкое кольцо для оси пружины, чем явно отличается от серии Лучистое, для которой характерна стойка с отверстием для оси пружины, часто с кнопкой. Поскольку экземпляр из Чуфут-кале сохранился плохо, нельзя исключить, что кольцо для оси пружины у него заканчивалось завитком. Тогда это – ближайший аналог находке из Запрудного.

Больше всего византийских подвязных фибул в Крыму известно в Суук-Су и Лучистом, т.е. на могильниках неподалеку от византийской крепости ***Алустон*** (в центре современной Алушты), а датируются эти вещи так же, как серия Лучистое, или чуть раньше [Амброз, 1966, с. 69; табл. 12: 12; Айбабин, 1990, с. 18; рис. 8: 11-13, 2: 94; 1999, табл. XXVIII; 2007, с. 133-134; Айбабин, Хайрединова, 2008, рис. 16]. Другое место не единичных находок византийских фибул – ***Эски-Кермен*** – тоже связано с византийской крепостью (рис. 11: 6; см. [Айбабин, 2007]). Очевидно, появление в Крыму этого элемента костюма связано с усилением византийского влияния, в частности – отраженным в строительстве Алустона и других мероприятиях при Юстиниане Великом. Следует также отметить укрепление византийской администрацией крымских владений в период тюркской опасности [Айбабин 1999, глава III; 2007] и в период конца VI – начала VII в., когда часть населения из Балканских провинций Византии могла бежать в Крым, спасаясь от аварских и славянских вторжений.

Византийские фибулы в Крыму типологически весьма гетерогенны, что, наверное, отражает разные источники и время их поступлений. Часть этих фибул, несомненно, византийской работы и сделаны в метрополии или в Юго-Западном Крыму, некоторые, вероятно, являются местными имитациями (для конкретной атрибуции требуется специальное исследование, выходящее за рамки данной работы). Говорить о местном производстве достаточно уверенно пока можно лишь в отношении упомянутой серии Лучистое. Интересующая нас фибула из Запрудного по конструкции держателя оси пружины для Крыма уникальна, но и точно таких фибул с других территорий я не знаю. Покатый корпус сближает ее с образцами серии Лучистое, что является аргументом в пользу местного (возможно, «приалустонского») производства.

Итак, фибула из Запрудного отражает византийские влияния в Южном Крыму в период от середины VI до начала VII в. и, вероятнее всего, принадлежит кругу местных изделий, имитирующих византийские образцы.

4.7. Коллекция Национального музея древностей в Бухаресте (рис. 1: 2; 25: 5); отдельная находка; по предположению Г.Д. Теодора – «Мунтения или Олтения?», т.е. к северу от Нижнего Дуная [Popescu, 1945, Abb. 10: 116; Teodor, 1988, fig. 3: 7; p. 199, 200, 211; № 21 по его каталогу].

Г.Д. Теодор отнес эту фибулу к варианту I-1c (бронзовые, подвязные, с узкой ножкой), так же как фибулу из Бухареста-Милитари (см. часть 4.1) и некоторые другие находки с территории Румынии. Он определил ее как принадлежащую формам VI-VII вв. и датировал поздним периодом их бытования, судя по хронологической таблице, в рамках около середины VI – начала VII в., но без специального обоснования [Teodor, 1988, p. 199-202].

Дж. Янкович в диссертации поставил рассматриваемый экземпляр в ряд с единичными находками на Балканах (как рис. 25: 6, 9) исходя из признаков: одинаковая конструкция (схема крепления пружины, подвязной приемник и т.д.), небольшие размеры, отсутствие орнаментации. Эти вещи он рассматривал в рамках несерийных образцов «византийских варваризованных» фибул, отметив, что конструкция крепления оси пружины указывает на традиции производства, близкие представленным на фибулах области Аквиса. Такая атрибуция свидетельствует, что по системе Дж. Янковича (см. части 1; 3; 4.1) указанные застежки должны датироваться около конца VI – первых десятилетий VII в.

К близким аналогиям рассматриваемой находке следует отнести фибулу из Исторического музея во Львове (рис. 25: 1; часть 4.8), отличающуюся чуть более широкой спинкой и более резко расширенной ножкой. Аналогии, предложенные Дж. Янковичем, также относятся к ближайшим, хотя и немного меньше по размерам. Этот круг можно дополнить, например, находкой у с. Стан в Шуменской области Болгарии (рис. 25: 13), отличающейся несколько более узким корпусом, но учитывая, что судя по описанию, корпус сделан из тонкой пластины [Хараламбиева 1989, № 25 по каталогу].

Ряд двучленных подвязных фибул с «ленточным» неорнаментированным корпусом восходит к застежкам позднеримского времени. ***В черняховской традиции*** он представлен «южным» вариантом [Амброз 1966, с. 66: группа 16, серия I, вариант «южные»]. Черняховеды часто его называют «крымским», имея в виду список, приведенный А.К. Амброзом. Однако учитывая, что большинство таких фибул сейчас известно в юго-западных областях черняховской культуры, правильнее от

этой модификации термина отказаться и оставить только старое название, введенное А.К. Амброзом. Есть образцы этого ряда и ***среди балкано-дунайских фибул*** как черняховской традиции (например, рис. 25: 14; см. в части 2 о схеме крепления оси пружины 1-1), так и с широким кольцом для оси пружины (схема 2, см. часть 2) позднеримского (как на рис. 25: 15) и ранневизантийского (как на рис. 2: 9; 25: 10) времени. **Пересечение** этого ряда с **традицией**, представленной рядом **фибул с S-видной петлей** для оси пружины, нет оснований выделять в особую серию (что отмечал и Дж. Янкович) из-за немногочисленности находок, нестандартности их деталей, географического разброса. Скорее всего, это немногочисленные вариации, получающиеся в результате упрощения образцов разных серий орнаментированных фибул.

Упрощеные модификации фибул с S-видной петлей для оси пружины (что указывает на их принадлежность византийской традиции) и ленточным неорнаментированным корпусом могли делать как мастера на территории метрополии, так и ремесленники других культур по известным им византийским образцам (рис. 25: 1, 5, 6, 9, 12, 13, возможно, 8; 2: 15S, 15S и, возможно, некоторые другие; 18: 6, 7). В пользу последнего предположения свидетельствует наличие за пределами Империи нескольких фибул с «ленточным» корпусом, сделанных, как и рассматриваемый экземпляр, судя по профилировке ножки и другим деталям, по византийским образцам, но других серий (например, рис. 25: 2-4, 8, 11; 18: 3).

Прототипами для интересующей нас фибулы могли быть экземпляры, массово бытовавшие в основном в VI в., например, рассмотренные ранее застежки блока вариантов Виминаций серии Прахово – Виминаций или многих других серий и вариаций (как на рис. 3: 13S; 5: 100.1-2, 154.1-2; 9: 9-11; 11: 7, 11; и т.п.; см. также части 3; 4.1; 4.8).

Итак, рассматриваемая находка из Национального музея древностей в Бухаресте принадлежит кругу единичных упрощенных воспроизведений византийских образцов, скорее всего, VI в.

4.8. Коллекция Исторического музея во Львове (рис. 1: 1; 25: 1), отдельная находка; прорисована по оригиналу (№ 35200; старый № 3559). Не публиковалась. Длина корпуса 37 мм, ширина спинки до 8,5 мм; корпус изготовлен из пластины толщиной не более 1 мм. Все детали бронзовые; без орнамента. Происходит из старых коллекций и могла поступить из любого места, входившего в юго-восточную часть Австрийской Галиции или Польши до 1939 г. Нельзя полностью исключить и того, что она была приобретена местным коллекционером за пределами региона.

Близкий аналог этой фибуле – только что рассмотренный экземпляр из Национального музея древностей в Бухаресте (часть 4.7). Общая характеристика типологических рядов, рассмотренных при его атрибуции, вполне применима к львовскому экземпляру, но следует обратить внимание и на отличия этих двух застежек.

К аналогиям интересующей нас фибуле **по размерам и очертаниям деталей** следует отнести лишь некоторые образцы из блока вариантов Виминаций серии Прахово – Виминаций (как рис. 9: 6-7) и подобные им изделия. Указанные застежки серии Виминаций явно не принадлежат к наиболее ранним модификациям в рамках серии, но близки находкам, относящимся к сериям, появившимся позднее, чем серия Прахово – Виминаций (как на рис. 9: 1, 2 и т.п., см. часть 4.1). Отмеченные аналогии, образцы, близкие застежке из слоя VII в. в Ятрусе (рис. 4: 11; часть 3), и подобные им другие орнаментированные византийские фибулы с плоской спинкой могут рассматриваться среди вероятных прототипов экземпляру из львовского музея (ср. часть 4.7).

По облику рассматриваемой находке близки и днепровские шарнирные фибулы варианта 2а (рис. 25: 3-4; см. [Гавритухин, Обломский и др., 1996, с. 39]). Сейчас я считаю, что этот вариант точнее рассматривать как блок вариантов, включающий: а) две очень близкие вещи (рис. 25: 3-4), найденные неподалеку, на левом берегу среднего течения Днепра (вариант 2а1, можно назвать его «Кагарлык»); б) отличающуюся пропорциями частей и наличием скудного орнамента на спинке находку из Давидень (вариант 2а2; рис. 25: 2). Застежки этого блока вариантов не представлены в датированных комплексах, но им близки образцы, известные в составе кладов типа Мартыновского (вариант, точнее блок вариантов, 2б днепровских шарнирных фибул). Судя по всему, эти блоки вариантов не сильно отличаются хронологически. Поздние варианты датируются временем расцвета стилей и выпадения кладов типа Мартыновского – около 2-й – 3-й четверти VII в., другие разновидности подвязных застежек, как и архаичные образцы ряда типов иных категорий находок, представленных в этих кладах, появились несколько раньше [Гавритухин, Обломский и др., 1996].

Фибула из Национального музея древностей в Бухаресте, таким образом, должна рассматриваться по отношению к интересующей нас застежке из львовского музея как более архаичная. Эти экземпляры могли иметь лишь схожий механизм появления – как единичные упрощенные подражания орнаменитрованным образцам византийского круга (ср. часть 4.7). Вполне вероятно и то, что фибулы, как рассматриваемая львовская, сложились в рамках эволюции образцов, близких бухарестскому, причем эта эволюция происходила за пределами Империи, но, конечно, в рамках зоны византийского влияния.

Итак, рассматриваемая фибула из Исторического музея во Львове принадлежит кругу упрощенных воспроизведений образцов, возможно, полученных непосредственно с византийских территорий. Не исключено , однако, что прототипами этой и подобных застежек были вещи, бытовавшие за пределами Империи, тогда можно говорить о фибулах византийского круга, составляющих к северу от Дуная локальную линию эволюции. Дату львовской фибулы пока можно определить в рамках от середины VI до середины VII в.

5. Итоговые заметки

Две из находок, которым посвящена эта статья (из Бухареста-Милитари и Сербского Баната), происходят из областей, примыкающих к левому берегу Дуная, и принадлежат одному блоку вариантов (Прахово) серии Прахово – Виминаций (часть 4.1 и 4.2). Как показал анализ, типологическая и территориальная близость этих двух застежек говорит не об особой общности среди соседей Империи, а свидетельствуют о схожих источниках и механизмах поступления. Рассматриваемые вещи могли быть как трофеями, полученными в ходе многочисленных славянских вторжений на Балканы в середине – 2-й половине VI в., так и принадлежать пленным, тысячами приводимым из этих походов. По-видимому, люди, носившие интересущие нас фибулы, в отличие от пленных, которых выкупили родственники или Церковь, были включены в славянские коллективы. Причем рассматриваемые застежки не были особенно интересны для славян, во всяком случае, мы пока не знаем свидетельств их производства или имитаций к северу от Дуная. Вероятно, определенную роль здесь сыграло то, что изготовление корпуса подвязных фибул литьем нехарактерно для варварского ремесла, а известные славянам экземпляры не относились к кругу настолько престижных, чтобы такое производство налаживать.

Образец из Медведевки, рассмотренный в части 4.3, показывает, что похожие механизмы распространения византийских фибул за пределами Империи существовали не только около ее границ, но и далеко от них, например в Среднем Поднепровье. Сравнивая две фибулы с S-видной петлей для оси пружины из Медведевки, можно отметить следующее. Одна из них (часть 4.3) отражает связи населения Среднего Поднепровья с северо-востоком Балкан и, скорее всего, попала на Днепр из Византии. Вторую (часть 4.4) есть основания атрибутировать как сделанную в Поднепровье в ремесленных традициях, отражающих контакты и с Византией, и с Северо-Восточным Причерноморьем. Малочисленность местных аналогий, скорее всего, связана с тем, что это были первые и единичные попытки воспроизведения привнесенных образцов в культурной среде лесостепной зоны Поднепровья (ср. [Гавритухин, 2007а, с. 33]).

Адаптацию византийских фибул в традициях культур Северного Причерноморья отражают застежки из Дюрсо и Запрудного, рассмотренные в частях 4.5 и 4.6. Активность контактов северопонтийского населения с Империей объяснимы деятельностью Константинополя со 2-й четверти VI в., совпадающей с устремлениями ряда групп местного населения, или другими путями влияния византийской культуры. О разнобразии форм этого влияния свидетельствуют как находки фибул, полностью аналогичных вещам, известным в пределах Империи, так и вариации застежек византийского круга, связанные с местными производственными традициями (в т.ч. экземпляры из Дюрсо и Запрудного).

Особенности застежки из Национального музея древностей в Бухаресте, рассмотренной в части 4.7, вполне могли бы объясняться в рамках форм византийского влияния, охарактеризованных в связи с находками из Медведевки. Однако сопоставление застежки из музея в Бухаресте с экземпляром из Исторического музея во Львове (часть 4.8) позволяет, по крайней мере, ставить вопрос об эволюции фибул византийской традиции и за пределами метрополии.

Список 1. Фибулы серии Прахово – Виминаций

(карта на рис. 7: А)

1.1. Блок вариантов Прахово (с литой рельефной спинкой)

1. Бухарест (рис. 8: 12; 1: 7), поселение Милитари – Кымпул Божа; полуземлянка 6 (см. часть 4.1).

2. Новы (рис. 8: 6), Западный сектор, участок VIII, квадрат XXXVII 96; слой I, глубина -1,1 м [Czerniak, 1979, tabl. XXI: 6, № 6 по каталогу; Pawlak, 1995, fig. 1: 7, № 3 по каталогу].

3. Перник (рис. 8: 9), контекст по публикации не ясен [Перник, 1981, обр. 110: 1; 109: 2, слева вверху]; прорисовка Джордже Янковича по фото в публикации.

4. Прахово (рис. 8: 14); отдельная находка [Јанковић, 1981, сл. 69; т. XVI: 1-фото].

5. Прахово (рис. 8: 15); отдельная находка [Јанковић, 1981, т. XVI: 3].

6. Св. Никола (рис. 8: 16); отдельная находка [Хараламбиева, 1989, т. III: 5, № 29 по каталогу].

7. Сербский Банат (рис. 8: 5; 1: 8); отдельная находка (см. часть 4.2).

8. Сингидун (рис. 8: 11), некрополь на ул. Тадеуша Костюшко, Господаря Јованова, Риге од Фере; погр. 82 [Ivanišević, Kazanski, 2002, pl. VII: 82.1].

9. Траянов мост (рис. 8: 13); отдельная находка [Uenze, 1992, Abb. 5: 6] опубликована как Корбово, место находки уточнено Дж. Янковичем, приведено из рукописи его диссертации.

10. Коллекция НМБ (рис. 8: 8); отдельная находка [Трбуховић, 1983, т. II: 5, № 10 по каталогу].

11. Коллекция НМБ (рис. 8: 10); отдельная находка [Трбуховић, 1983, т. II: 7, № 11 по каталогу].

Скорее всего, аналогична им была

12. Прахово (рис. 8: 7); отдельная находка; по фото в [Јанковић, 1981, Т. XVI: 2].

1.2. Блок вариантов Виминаций (с плоской спинкой)

13. Виминаций (рис. 9: 9; 5: 100.2), могильник II (Выше гробле); погр. 100 [Ivanišević, Kazanski, Mastykova, 2006, fig. 9: 13].

14. Виминаций (рис. 9: 6, 7; 5: 112.4-5), могильник II (Выше гробле); погр. 112, пара с несущественными отличиями [Ivanišević, Kazanski, Mastykova, 2006, fig. 9: 14, 15].

15. Хамбарлека (рис. 9: 10), крепость у с. Снежина; отдельная находка [Хараламбиева, 1989, т. III: 9, № 32 по каталогу].

16. Коллекция НМБ (рис. 9: 11); отдельная находка [Трбуховић, 1983, т. II: 6, № 15 по каталогу].

Особый вариант (с зауженной ножкой)

17. Виминаций (рис. 9: 8; 5: 144.3), могильник II (Выше гробле); погр. 144 [Ivanišević, Kazanski, Mastykova, 2006, fig. 9: 26].

Упрощенная вариация

18. Стара Загора (рис. 9: 12); отдельная находка [Генчева, 1989, с. 33, рис. 1: 4; 2004, с. 170-171, т. XVII: 4].

Список 2. Фибулы серии Прахово – Гераклея Понтийская

2.1. Блок вариантов с узкой ножкой

1. Гераклея Понтийская (рис. 8: 1); отдельная находка [Uenze, 1992, Abb. 5: 10].

2. Келнево; отдельная находка [Хараламбиева, Атанасов, 1997, т. 2: 8], качество изображения в публикации (лишь отчасти компенсируемое описанием), к сожалению, делает его воспроизведение нецелесообразным.

3. Прахово (рис. 8: 2); отдельная находка [Янкович, 1980, рис. 2: 4; Јанковић, 1981, сл. 69: е; т. XVI: 6, фото].

4. Экспозиция Регионального Исторического музея в г. Трговище.

2.2. Вариант с резко расширяющейся трапециевидной ножкой

5. Прахово (рис. 8: 4); отдельная находка [Янкович, 1980, рис. 2: 3; Јанковић, 1981, т. XVI: 5, фото].

Вариант неясен

6. Габрово, ур. «Градище» (рис. 8: 3), вход № 2, глубина -0,8 м [Койчева, Хараламбиева, 1993, т. III: 5, № 47 по каталогу].

Список 3. Фибулы серии Гамзиград – Сучидава

3.1. Блок вариантов с литой рельефной спинкой

1. Везенково (рис. 10: 11); отдельная находка [Хараламбиева, 1989, т. III: 8, № 31 по каталогу].

2. Гамзиград (рис. 10: 8); слой D-E [Јанковић, 1983, с. 136, № 194 по каталогу]; прорисовка Дж. Янковича по фото в публикации.

3. Сучидава (рис. 10: 12); слой крепости [Teodor, 1988, fig. 3: 3].

4. Чечан (рис. 10: 9); отдельная находка; информация находке и ее рисунок взяты благодаря любезному разрешению Джордже Янковича из рукописи его диссертации.

3.2. Блок вариантов с плоской спинкой

5. «Шуменско» (рис. 10: 10), отдельная находка в районе Шумена [Хараламбиева, Атанасов, 1992а, т. 6: 9].

Приложение 1

Группа **фибул с трубчатым приемником** довольно многочисленна и представлена рядом серий. Такие застежки неоднократно встречены в ***комплексах с геральдическими ременными гарнитурами*** (например, ряд комплексов на рис. 13, см также [Дмитриев, 1982, с. 78, 101-102, тип 3; признак 22 по рис. 11], ряд комплексов по [Дмитриев, 2003, табл. 83; Гавритухин, Пьянков, 2003, табл. 78: 54-57, 62а, 65, 66, 68-72]; и др.).

В ***погр. 39 из Бжида*** (полностью не опубликовано; благодарю Алексея Васильевича Пьянкова за информацию) представлен выразительный набор бус, в т.ч.: небольшие глухого стекла, украшенные с противоположных сторон овалами, от которых отходят «лучи»; крупные янтарные, тщательно обработанные; крупные хрустальные многогранные. Сочетание двух последних типов особенно характерно для варварских погребений середины V – VI в. [Казанский, Мастыкова, 1998, с. 125-127]. При этом в опорном памятнике региона ***Дюрсо*** все три упомянутых типа бус показательны для ***фазы 3*** некрополя [Дмитриев, 1982, рис. 11, признаки 4, 5, 16]. Для нее характерно присутствие в женском костюме поздних двупла-

стинчатых фибул с накладками и отсутствие геральдических ременных гарнитуров, показательных для следующей (4-й) фазы Дюрсо. На синхронизацию с «догеральдическими» фазами Дюрсо указывает и наличие в погр. 39 Бжида серег с 14-гранником, цепочки из 8-видных звеньев, выполненных из металлической ленты, отходящей от завязанного кольца, коробочка – «булла» (см. об этом уборе [Мастыкова, 2001]).

Наиболее подробно обоснованы два варианта ***даты фазы 3 Дюрсо***: 470/480-530/540 гг. и 1-2 треть VI в. [Казанский, 2001; Дмитриев, 1982, с.99-101]. Предложенная и аргументированная М.М. Казанским ранняя дата нижней границы представляется мне не противоречащей материалам, на которые опирался А.В. Дмитриев (см. также о дате набора схожих вещей в Кисловодской котловине [Гавритухин, 2001а, с. 42-43]). При определении верхней даты фазы 3 Дюрсо следует учесть, что смена фаз была не кратковременной, а датировка появления набора вещей, показательного для следующей фазы, включающего геральдические ременные гарнитуры [Дмитриев, 1982, рис. 11], не позднее 530/540 гг. (если основываться на разработках М.М. Казанского) представляется мне недостаточно аргументированной. Ранняя дата верхней границы фазы 3 обоснована М.М. Казанским исходя из сопоставления двупластинчатых фибул с накладками, найденными в Дюрсо, с другими локальными сериями, известными в Галлии и Испании. Там двупластинчатые фибулы с накладками датируются по 1-ю треть VI в. включительно, что, конечно, нельзя просто механически перенести на материалы Северо-Восточного Причерноморья. Даже на Боспоре, где новые веяния моды распространялись быстро благодаря присутствию византийских администрации и войск, двупластинчатые фибулы некоторое время сосуществовали с застежками, сформировавшимися не ранее 530-х гг. [Гавритухин, Казанский, 2006, с. 304, 314, 319]. Судя по материалам, приведенным М.М. Казанским, не исключают датировку, включающую и хронологический отрезок «около середины VI в.», и стеклянные сосуды, известные по некоторым комплексам фазы 3 Дюрсо, что снимает второй (последний) аргумент М.М. Казанского в пользу удревнения верхней границы фазы 3.

Таким образом, 3-ю фазу Дюрсо пока следует датировать около конца V – середины VI вв. Уточнение ее верхней границы зависит от полной публикации опорных комплексов фазы 4, развернутой атрибуции комплексов с пряжками, такими как [Дмитриев, 2003, табл. 83: 1-3], анализа других материалов. Для датировки начала фазы 4 Дюрсо важно погр. 422 с серьгой, показательной для фаз 1-3, пряжкой с геральдической накладкой (индикатор фазы 4), фибулами с трубчатым приемником (см. рис. 13: 58-61), краснолаковой посудой, определенной Кшиштофом Домжальским (благодарю его за информацию) как характерной для 2-й половины VI – начала VII в. Для уточнения датировки фазы 4 есть и другие комплексы с импортными изделиями.

В отношении фибул Черноморского побережья Кавказа сказанное позволяет утверждать, что на фазе 3 Дюрсо происходит смена двупластинчатых фибул с накладками и прочих архаичных форм застежками других типов, среди которых и ранние варианты фибул с трубчатым приемником, доминирующие на фазе 4 Дюрсо.

Приложение 2

Предложенную ранее **датировку погребения из Бабичей** в рамках VI в. [Гавритухин 2004а, с. 210] сейчас можно дополнить новыми аргументами. Речь идет о ***ременном наконечнике*** с круглой площадкой, заметно более широкой, чем вытянутая нижняя часть этого изделия [Гавритухин, 2004а, рис. 3: 1г]. Очень близкая аналогия ему есть в погр. 1967 г. из Цебельды [Воронов, Юшин, 1971, рис. 42: 8], датированном тремя золотыми и серебряными монетами Юстиниана Великого (527-565 гг.).

В подготовленной к печати работе о ременной гарнитуре могильника Клин-Яр (благодарю авторов раскопок Андрея Борисовича Белинского и Генриха Харке за возможность использовать материалы до публикации памятника) я отнес упомянутый цебельдинский наконечник к ***серии Шапка***, объединяющей плоские наконечники с выступающей округлой или четырехугольной площадкой в верхней части, пробитой по центру шпеньком для крепления к ремню. Кроме упомянутого цебельдинского наконечника такие вещи известны еще в трех хорошо датируемых комплексах.

Наконечник из катакомбы 357 могильника Клин-Яр 3 [Гавритухин, 2001б, рис. 2: 11] происходит из погребения, которое относится к северокавказским памятникам, отражающим влияния Первого тюркского каганата, что и свидетельствует в пользу датировки комплекса около последней трети VI – начала VII в. [Гавритухин, 2001б; 2001а]. Аналогичный прессованный наконечник происходит из катакомбы 4 (раскопок В.Б. Ковалевской) в Мокрой Балке [Ковалевская, 2005, рис. 90: 5]; этот комплекс датирован около середины – 2-й половины VI в. [Гавритухин, 2001а, с. 43].

Еще один наконечник найден в погр. 2 могильника Шапка, Юстинианов холм [Воронов, Юшин, 1973, рис. 11: 6]. Предлагаемая в последних исследованиях дата этого и близких комплексов весьма широка (в рамках 2-й половины V – VII в.), хотя для некоторых находок из упомянутого погребения предлагается и более узкая (конец V – середи-

на VI в. [Kazanski, 1994, 143-144, 151]). Корректировки И.А. Бажана и О.А. Гей, отнесших интересующий нас комплекс к периоду, датированному 2-й половиной V – 1-й половиной VI в. [Гей, Бажан, 1997, табл. 30], аргументированы явно недостаточно.

Судя по малочисленности и типологической «компактности», маловероятно, что наконечники серии Шапка изготавливались на протяжении столетия. Учитывая три монеты Юстиниана Великого в погр. 1967 г. из Цебельды и комплекс раннетюркского времени из Клин-Яра (для Кавказа не ранее 3-й трети VI в.), представляется, что пик «актуальности» таких наконечников приходился на середину – 2-ю половину VI в.

Кроме подтверждения датировки комплекса из Бабичей, рассмотренный наконечник важен для нашего исследования и как еще один показатель днепровско-кавказских связей.

Приложение 3

К кругу архаичных вариантов **византийских железных фибул с треугольным сечением спинки** относятся часто довольно крупные образцы, но со сравнительно неширокой спинкой, в сечении, как правило, имеющие форму относительно высокого треугольника; у них нередки площадки, часто орнаментированные (например, рис. 14: 8, 10-12; 15: 7-9). Датируются они около конца (не ранее 2-й половины) V – 1-й половины (середины?) VI в. [Гавритухин, 2003].

Образцы VI в. часто бывают меньше, с более плоским сечением спинки (как рис. 14: 4, 9; 15: 4, 5). Реперами для их датировки являются находки в византийских крепостях, реконструированных при Юстиниане Великом или чуть раньше, а разрушенных во время аварских нападений 580-х гг.

Среди наиболее поздних фибул есть экземпляры довольно крупных размеров, с широкой, но не особенно высокой в сечении спинкой. Таковые дважды встречены за пределами Империи в датированных комплексах. Находка из Никодимово (рис. 15: 3; благодарю автора раскопок Анатолия Алексеевича Седина за помощь в работе и разрешение опубликовать эту фибулу) связана со слоем пожара на городище, где найдены также многочисленные вещи, известные по кладам типа Мартыновского (например [Седзін, 1994; 2000]), что и определяет дату пожара около 2-й - 3-й четвертей VII в [Гавритухин, Обломский и др., 1996]. В погр. 9 (рис. 16: А) могильника Будапешт, ул. Пустадомби 12 (Бекашмедьяр) кроме фибулы есть наконечник и накладки (рис. 16: 1, 2, 8), наиболее характерные для раннеаварского и среднеаварского I периодов (например [Гавритухин, 2001в, рис. 2: 46; 35: 48; 36: 45, 55 (орнамент накладок); 38: 40 (форма наконечника)] и др.), что определяет дату комплекса в пределах 3-й трети VI – 3-й четверти VII в. (568 – 660/680 гг.) [Гавритухин, 2001в; 2005а].

Приложение 4

Орлиноголовые пряжки 2-го варианта (с держателем длиной 1,6-2,2 см; как на рис. 19: 14; 21: 17, 27; 22: 8, 12) А.И. Айбабин раньше датировал 1-й половиной VII, позднее – концом VI – 1-й четвертью VII в. [Айбабин, 1990, рис. 2, признак 90; 1999, табл. XXIX; Айбабин, Хайрединова, 2008, рис. 12; с. 56]. Интервал «конец VI в.», учитывая, что даты хронологических групп А.И. Айбабин определяет по половинам календарных столетий, по-видимому, указывает на частичную синхронность группе 7 его системы (2-я половина VI в. по А.И. Айбабину). Для многих вещей, показательных для выделения группы 7, им же указано на прототипы в восточногерманских древностях конца V – 1-й половины VI в. или византийских, как получивших распространение с эпохи Юстиниана I (пряжки типа Сучидава, геральдические ременные гарнитуры, цельнолитые византийские фибулы), так и более ранних [Айбабин, Хайрединова, 2008, с. 52-55]. Это заставляет включать в хронологический интервал группы 7 как минимум середину VI в., а в отношении появления орлиноголовых пряжек 2-го варианта, наверное, точнее говорить о времени не позднее последних десятилетий 6 в.

Большая часть находок из ***склепа 77 в Лучистом*** (рис. 23-24) имеют аналогии в хронологических группах 7 и 8 по А.И. Айбабину, т.е. датируются не позднее 1-й половины VII в., что отмечено при хронологическом анализе инвентаря автором публикации [Айбабин, 1996, с. 89-91]. Уточнения датировок ряда показательных категорий находок (в т.ч. пряжек с крестами, как рис. 23: 12; 24: 38; фибул балкано-дунайской серии типа Удине – Планис, как рис. 23: 6, 7; и др.), принятые А.И. Айбабиным недавно [Айбабин, Хайрединова, 2008, с. 22-28, 52-55, рис. 15; 16: 8], позволяют считать, что начало использования склепа относится к середине или 2-й половине VI в. (см. выше, о дате группы 7).

Только в отношении погребения 2 (с интересующей нас фибулой; рис. 23: 14-62) указана более поздняя дата – 2-я половина VII в., а при анализе инвентаря речь идет только о 3-й четверти VII в. Предложена эта дата на основании атрибуции прессованного (имитирующего технику зерни) ременного гарнитура, найденного между погребениями 1 и 2 (рис. 23: 64-67). Ему указаны аналогии в могилах 63 и 109 Суук-Су [Айбабин, 1996, с. 90-91], а единственный аргумент в пользу поздней даты этих комплексов – пряжка с ложем для язычка (по А.И. Айбабину вариант 1 – без обой-

мы) из могилы 109 Суук-Су [Айбабин 1990, с. 57, 41; рис. 2: 143; 40: 1]. При этом аналогичные пряжки, отлитые вместе с обоймой, этот же автор считает возможным датировать и более ранним временем [Айбабин, 1990, с. 57]. Прототипы пряжки из погребения 2 склепа 77 в Лучистом (рис. 23: 55) А.И. Айбабин справедливо указывает в гепидских древностях, датированных около 1-й половины VI в. [Айбабин 1996, с. 90]. Как мы видим, даже на основании наблюдений А.И. Айбабина следует, что погребение 2 не выпадает из хронологических рамок, предложенных для остальных комплексов склепа 77 в Лучистом.

Погребение 2 принадлежит ребенку, положенному на нижнюю часть женского погребения 1, у дальнего от входа угла склепа 77 (рис. 23: А). Это позволяет считать, что погребение 2 совершено не в начале использования склепа, но и едва ли является в нем последним. Таким образом, комплекс с железной фибулой из склепа 77 оказывается близок по времени или синхронен остальным комплексам с аналогичными застежками в Лучистом.

Примечания к иллюстрациям

Рис. 2. Все рисунки с оригиналов. 1, 4 – Народный музей, Любляна (№ S2562, № S990), Словения; 2, 3, 5, 9, 10 – коллекция Университета им. Св. Кирилла и Мефодия (Скопье) и частные собрания в Македонии; 6 – музей в Охриде, Македония; 7 – РИМД (№ Аа 2658), Болгарская Добруджа; 8 – НМП (античный отдел), Восточная Сербия, Подунавье; 11- фонды ИА НАНУ, рисунок Максима Евгеньевича Левады, которому я благодарен за возможность использования изображения, Днепровское Надпорожье; 12 – Курский государственный областной музей археологии (опубликовано [Гавритухин, Обломский и др., 1996, рис. 25: 1; № 22 по каталогу]), Посеймье.

Рис. 4. 1-10 – с оригиналов в НГИМЗ (№№ 3932-3949), для одинаковых вещей приведен один образец (др. прорисовки в [Дмитриев, 1982, рис. 12; 2003, табл. 83]), черноморское побережье близ Новороссийска; 11-18, 20 – Северная и Центральная Болгария: 11 – по [Iatrus-Krivina, 1986, N 664]; 12, 13 – по [Iatrus-Krivina, 1983, N 261, N 251]; 14 – по [Iatrus-Krivina, 1991, N 743]; 15, 16, 20 – по [Койчева, Хараламбиева, 1993, №№ 27, 26, 4 по каталогу]; 17, 18 – по [Uenze, 1992, № B9 и B8 по каталогу]; 19 – по [Teodor, 1988, fig. 1: 2], Румынская Добруджа.

Рис. 6. Все рисунки с оригиналов. 1 – фонды ИА НАНУ, рисунок Максима Евгеньевича Левады, которому я благодарен за возможность использования изображения (1а – по [Кухаренко, 1957, рис. 60: 6; Бодянский, 1960, рис. 1: 7]), Днепровское Надпорожье; 2, 3, 9 – НМП (для 2 и 3 есть другие прорисовки, например [Vinski, 1974, tab. XXXV: 1-2]), Восточная Сербия, Подунавье; 4 – КГИАМЗ (1-я публикация [Гавритухин, Пьянков, 2003, табл. 76: 3]), черноморское побережье близ Туапсе; 5 – Природно-исторический музей, Вена (№ 62975; др. прорисовка [Vinski, 1974, tab. XXXII: 14]), северо-запад Балкан; 6 – по рисунку Э.А. Сымоновича (хранится в его архиве, который обрабатывается О.А. Гей и И.А. Бажаном; публикация фото [Пачкова, 1983, рис. 3: 1]; найдена на раскопе I, в кв. 35, на глубине –0,5 м), Среднее Поднестровье; 7 – Археологический музей, Одесса (др. прорисовка [Гудкова, Фокеев, 1984, рис. 21: 3-4]), Буджакская степь, севернее устья Дуная; 9 – РИМД (№ Аа 2636), Болгарская Добруджа.

Рис. 7. 1, 3, 18 – по [Hattatt, 1987, NN 1248, 1244, 1245]; 2 – по [Хайнрих, 1995, табл. XII: 2; Гавритухин, Обломский и др., 1996, рис. 83], Северная Осетия; 4 – по рисунку Р.Л. Розенфельда (хранится в фонде А.К. Амброза, архив ИА РАН; опубликована [Гавритухин, Обломский и др., 1996, рис.53: 3]), Днепровское Надпорожье; 5, 6, 8 – по [Микулчик, Лилчик, 1995, №№ 16, 18, 24 по каталогу], Македония; 7 – с оригинала в НГИМЗ, др. прорисовка [Дмитриев, 1982, рис. 3: 20; 2003, табл. 83; 73]), черноморское побережье близ Новороссийска; 9 – с оригинала в Археологическом музее Львовского университета (опубликована [Гавритухин, 2002а, рис. 4: 1]), верховья Западного Буга; 10 – по [Перник, 1981, обр. 110: 4], Западная Болгария; 11, 15 – по [Vinski, 1974, tabl. XXXIII: 6; I: 7], Далмация и Палестина; 12, 19 – рисунок А.К. Амброза (его фонд в архиве ИА РАН), Восточная Грузия, Северная Осетия; 13, 14, 17 – Северо-Восточные Балканы: 13 – по [Койчева, Хараламбиева, 1993, № 41 по каталогу], 14 – по [Хараламбиева, 1989, № 7 по каталогу]; 17 – по [Genčeva, 1998, № 143 по каталогу]; 16 – по [Popescu, 1945, Abb. 10: 110], Румыния; 20, 21 – по [Амброз, 1966, табл. 10: 10, 9]; 22, 23 – по [Tejral, 1997, Abb. 17: 18; 15: 7], Северо-Восточная Польша и Сербия; 24-26 – по [Sommer, 1984], Франция, Венгрия, Швейцария.

Рис. 9. 1 – с оригинала в Народном музее, Любляна (S2691), Словения; 2 – по [Hattatt, 1987, № 1246]; 3 – по [Койчева, Хараламбиева, 1993, № 55 по каталогу], Центральная Болгария; 4 – с оригинала в РИМД (№ Аа 2648; др. прорисовка [Хараламбиева, 1994, № 33 по каталогу]), Болгарская Добруджа; 5 – по [Хараламбиева, 1989, № 15 по каталогу], Северо-Восточная Болгария.

Рис. 10. 1 – с оригинала в музее в Охриде, Македония; 2-7 – Центральная и Северная Болгария: 2, 3 – по [Хараламбиева, Атанасов, 1992а, № 69 и 59 по каталогу]; 4 – по [Хараламбиева, Иванов, 1986, № 21 по каталогу]; 5, 7 – по [Хара-

ламбиева, 1989, № 21 и 22 по каталогу]; 6 – с оригинала в РИМД (№ Аа 2930).

Рис. 11. 1, 3 – Восточная Сербия, Подунавье: 1 – с оригинала в НМП (др. прорисовка [Ivanišević, Kazanski, Mastykova, 2006]); 3 – по [Ivanišević, Kazanski, Mastykova, 2006]; 2 – по [Микулчик, Лилчик, 1995, Т. I: 4], Македония; 4 – см. данные в части 4.3 данной статьи; 5 – с оригинала в Музее града Белграда (№ 4263; благодарю за помощь в работе Милицу Янкович), Сербское Подунавье; 6 – по [Айбабин, 2007, рис. 6: 1]; Юго-Западный Крым; 7-11 – Северная и Центральная Болгария: 7 – по [Койчева, Хараламбиева, 1993, № 26 по каталогу]; 8, 9 – по [Uenze, 1992, № D113 по каталогу и Abb. 4: 1]; 10 – с оригинала в РИМД (др. прорисовка [Торбатов, 1993]); 11 – по [Хараламбиева, 1989, № 14 по каталогу].

Рис. 12. 1-5 – с оригиналов в: 1 – музее Слободской Украины (Харьковский национальный университет; опубликовано [Гавритухин, 2007а, рис. 22: 6]), Восточная Украина; 2, 4, 5 – север черноморского побережья Кавказа; 2, 5 – НГИМЗ; 4 – КГИАМЗ (опубликовано [Гавритухин, Пьянков, 2003, табл. 76: 2]); 3 – данные см. части 4.4 данной статьи; 6-11 – северо-восток Балкан: 6 – по [Uenze, 1992, № C29 по каталогу]; 7 – по [Хараламбиева, 1989, № 10 по каталогу]; 8 – по оригиналу в Археологическом музее, Варна (№ II.6372); 9 – по [Teodor, 1988, fig. 2: 5]; 10 – по [Койчева, Хараламбиева, 1993, № 45 по каталогу]; 11 – по [Genčeva, 1998, № 142 по каталогу; Генчева, 2004, табл. XVII: 6]

Рис. 13. 1, 3, 4 – по [Гавритухин, Пьянков, 2003, табл. 77: 57, 53, 54 (в публикации опечатка: 45 – не в этом комплексе, а из Дузу-кале)]; 2 – с оригинала в КГИАМЗ; 5-11, 16-21, 23-25, 29-37, 39-41, 43-48, 53, 58 – по [Дмитриев, 1982, рис. 3 и 12; 2003, табл. 83], но многие даны в других прорисовках: 5-7, 16 – с уточнениями по оригиналу; 12-15, 23, 25-29, 35-40, 42-48, 53-57, 59-63 – с оригиналов в НГИМЗ; 17, 18, 20-22, 24, 41 – с уточнениями по фотографиям, предоставленным А.В. Дмитриевым; 49-52 – по оригиналу в ГИМ.

Рис. 14. 1-3, 5-8 – с оригиналов в: 1 – ГИМ, 2 – КГИАМЗ (опубликовано [Гавритухин, Пьянков, 2003, табл. 77: 61]), 3, 5-7 – НГИМЗ (см. комплексы для: 3, 6 – на рис. 13: 5-21, 56-57; 5 – на рис. 4: 1-10; 7 – на рис. 17: 16-46), 8 – РИМД (№ Аа 2913, благодарю Бояна Тотева за помощь в работе); 4 – по [Uenze, 1992, № SK 77 по каталогу]; 9 – по [Хараламбиева, Атанасов, 1997, № 39 по каталогу]; 10 – по [Genčeva, 1998, № 144 по каталогу]; 11 – по [Генчева, 1989, рис. 1: е]; 12 – по [Хараламбиева, Атанасов, 1992б, табл. V: 10]; 1-3, 5-7 – Черноморское побережье Кавказа; 4, 8-12 – Северо-Восточные Балканы.

Рис. 15. 1 – с оригинала в ГИМ (опись 1745, № 2); 2 – по рисунку, предоставленному Валентиной Алексеевной Петрашенко, которой я благодарен за возможность его публикации; 3 – по оригиналу в Могилёвском областном краеведческом музее, благодарю автора раскопок, Анатолия Алексеевича Седина, за помощь в работе и разрешение опубликовать эту находку; 4 – по [Uenze, 1992, № SK75 по каталогу], Северная Болгария; 5, 9 – с оригиналов в частной коллекции, Македония; 6 – с оригинала в Археологическом музее, Варна (№ II.6310); 7 – с оригинала в РИМД (№ Аа 2577; др. прорисовка [Хараламбиева, 1994, № 35 по каталогу]), Болгарская Добруджа; 8 – с оригинала из фондов ИА НАНУ (опубликовано [Гавритухин, 2003]); местоположение 1-3, 8 см. на рис. 16: Б.

Рис. 16. А – по [Nagy, 1998, FO 9]; 9 – с оригинала в Историческом музее Будапешта, благодарю Маргит Надь за помощь в работе.

Рис. 17. 1-15 – Северная Осетия: 1-3 – рисунки А.К. Амброза с оригиналов в ГИМ (хранятся в Архив ИА РАН); 4-9 – по [Гавритухин, Обломский и др., 1996, рис. 83]; 10-15 – по [Амброз, 1989, рис. 27: 16-21]; 16-46 – по [Дмитриев, 1982, рис. 1: 3, 5; 9: 1-18], черноморское побережье близ Новороссийска; 47-60 – по [Амброз, 1989, рис. 10, 47-49], но 52, 53, 55, 59 – с оригиналов в Ставропольском государственном краеведческом музее, (частично опубликовано в [Гавритухин, Малашев, 1998, рис. 2; Гавритухин, 2001а, рис. 76: 39-48]; в подписях к иллюстрациям обеих публикаций в отношении этого комплекса сделана опечатка), Кисловодская котловина.

Рис. 18. 1 – по рисунку из архива В.В. Кропоткина (находка № 25 по полевой описи этого комплекса; Архив ИА РАН) Юго-Западный Крым; 2 – см. данные в части 4.6. данной статьи; 3 – по рисунку Э.А. Сымоновича (хранится в его архиве, который обрабатывается О.А. Гей и И.А. Бажаном; другая прорисовка [Гавритухин, Обломский и др., 1996, рис. 53: 14]; находка 1953 г., № 6 по полевой описи), Днепровское Надпорожье; 4, 7 – по [Хараламбиева, Атанасов, 1991, № 52 и 38 по каталогу], Северо-Восточная Болгария; 5 – по [Ivanišević, Bugarski, 2008, fig. 8: 8], Сербский Банат; 6 – по [Uenze, 1992, Abb. 4: 3], Северная Болгария.

Рис. 25. 1, 5 – см. данные в частях 4.8 и 4.7 данной статьи; 2, 8 – по [Teodor, 1988, fig. 2: 7, 6], Румынская Молдова и Семиградье; 3, 4 – по [Рутковская, 1979, рис. 21: 5; 22: 2], Среднее Поднепровье; 6 – по [Vinski, 1974, tab. XXXII: 12], Восточная Хорватия; 7, 12 – по [Хараламбиева, Иванов, 1989, № 15 и 16 по каталогу], Северная Болгария; 9 – информация и рисунок взяты благодаря любезному разрешению Джордже Янковича из рукописи его диссертации, № 1015 в таблицах, Сербия; 11 – по рисункам Э.А. Сымоновича (хранится в его архиве, который обрабатывается О.А. Гей и И.А. Бажаном) и Р.Л. Розенфельдта (хранится в фонде А.К. Амброза в Архиве

ИА РАН), находка 1952 г., Днепровское Надпорожье; 12, 13, 15 – Северо-Восточная Болгария: 13 – по [Хараламбиева, 1989, № 25 по каталогу]; 15 – с оригинала в Археологическом музее, Варна (№ II.7341) ; 14 – с оригинала в Народном музее г. Вршац (№ Аа 427), Северо-Восточная Сербия.

Литература

Айбабин А.И. 1990. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. 1.

Айбабин А.И. 1999. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь.

Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. 1996. Новый комплекс с пальчатыми фибулами с некрополя у с. Лучистое // МАИЭТ. V.

Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. 2008. Могильник у села Лучистое. 1. Симферополь; Керчь.

Амброз А.К. 1966. Фибулы юга европейской части СССР. (САИ. Д1-30). М.

Амброз А.К. 1989. Хронология древностей Северного Кавказа V-VII веков. М.

Бодянский А.В. 1960. Археологические находки в Днепровском Надпорожье // СА. 1.

Винников А.З., Плетнева С.А. 1998. На северных рубежах Хазарского каганата. Маяцкое поселение. Воронеж.

Воронов Ю.Н., Юшин В.А. 1971. Погребение VII в. н.э. в с. Цебельда // КСИА. 128.

Воронов Ю.Н., Юшин В.А. 1973. Новые памятники Цебельдинской культуры в Абхазии // СА. 1.

Гавритухин И.О. 1989. Кодынские фибулы (типы и некоторые проблемы интерпретации) // Vakarų baltų archeologija ir istorija (Археология и история западных балтов). Klaipėda.

Гавритухин И.О. 1991. Пальчатые фибулы пражских памятников Приднестровья // Древности Северного Кавказа и Причерноморья. М.

Гавритухин И.О. 1994. Пряжки с коробчатой петлей // МАИЭТ. IV.

Гавритухин И.О. 1997. Боспор и Поднепровье в 6-7 вв. (к изучению северопонтийских ювелирных школ) // Международная конференция «Византия и Крым» (Севастополь, 6-11 июня 1997 г.). Симферополь.

Гавритухин И.О. 2001а. Периодизация раннесредневековых древностей Кисловодской котловины на основе керамики в свете изучения изделий из металла // Малашев В.Ю. Керамика раннесредневекового могильника Мокрая Балка. М.

Гавритухин И.О. 2001б. Эволюция восточноевропейских псевдопряжек // Культура евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. Самара.

Гавритухин И.О. 2001в. Хронология «среднеаварского» периода // Степи Европы в эпоху средневековья. 2. Донецк.

Гавритухин И.О. 2002а. Фибулы византийского круга в Восточной Европе (I. Дунайско-иллирийские) // МАИЭТ. IX.

Гавритухин И.О. 2002б. Фибулы и ременные гарнитуры из цистерны П-1967 г. в Херсонесе. // МАИЭТ. IX.

Гавритухин И.О. 2003. Фибула из Луки-Каветчинской в контексте славяно-византийских связей // Słowiane i ich sąsiedzi we wczesnym średniowieczu. Lublin; Warszawa.

Гавритухин И.О. 2004а. Среднедпровские ингумации второй половины V – VI вв. // Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем Средневековье. СПб.

Гавритухин И.О. 2004б. Детали поясов «позднеримского воинского» стиля с поселения Замятино 10 // Острая Лука в древности. Замятинский археологический комплекс гуннского времени (РСМ. 6). М.

Гавритухин И.О. 2004в. Ранние формы пальчатых фибул и образец из Замятино // Острая Лука в древности. Замятинский археологический комплекс гуннского времени (РСМ. 6). М.

Гавритухин И.О. 2005а. Хронология эпохи становления хазарского каганата // Хазары (Евреи и славяне. 16). М.; Иерусалим.

Гавритухин И.О. 2005б. Комплексы пражской культуры с датирующими вещами // Archeologia o początkach Słowian. Kraków.

Гавритухин И.О. 2007а. Ингумации, связанные с культурой оседлого населения, и отдельные находки постгуннского времени. Днепровское лесостепное Левобережье // Восточная Европа в середине I тысячелетия н.э. (РСМ. 9). М.

Гавритухин И.О. 2007б. К вопросу о верхней дате городища Зилги // Три четверти века. Д.В. Деопику – друзья и ученики. М.

Гавритухин И.О. 2008. Фибула из раскопок А.Г. Атавина в Фанагории в 1989 г. // Древности юга России. Памяти А.Г. Атавина. М.

Гавритухин И.О. 2009. Элементы «Юстинианов-ского» воинского стиля у северных варваров (пряжки типа Сучидава) // Studia Antiqua et Medievalia. Miscellania in honoreu annos LXXV peragentis Professoris Dan Gh. Teodor oblata. Bucureşti.

Гавритухин И.О. В печати 1. Фибула из Тисасентмартон // Сборник в честь Э. Гарам. Будапешт.

Гавритухин И.О. В печати 2. Необычная находка из Крыма (к изучению поздних форм двупластинчатых фибул) // Сборник в честь М. Мончыньской. Лодзь.

Гавритухин И.О., Воронцов А.М. 2008. Фибулы верхнеокско-донского водораздела: двучленные прогнутые подвязные и со сплошным приемником // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Тула.

Гавритухин И.О., Иванов А.Г. 1999. Погребение 552 Варнинского могильника и некоторые вопросы изучения раннесредневековых культур Поволжья // Пермский мир в раннем средневековье. Ижевск.

Гавритухин И.О., Малашев В.Ю. 1998. Перспективы изучения хронологии раннесредневековых древностей Кисловодской котловины // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии). Самара.

Гавритухин И.О., Обломский А.М. и др. 1996. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст (РСМ. 3). М.

Гавритухин И.О., Пьянков А.В. 2003. Северо-Восточное Причерноморье. Раннесредневековые древности побережья // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV-XIII века (Археология). М.

Генчева Е. 1989. За типологического развитие на късноримските фибули с подвито краче в Южна България // Археология. 4.

Генчева Е. 2004. Римските фибули от България от края на I в. пр. н.е. до края на VI в. на н.е. Велико Търново.

Горюнов Е.А., Казанский М.М. 1978. О происхождении широкопластинчатых фибул // КСИА. 155.

Гудкова А.В., Фокеев М.М. 1984. Земледельцы и кочевники в низовьях Дуная I-IV вв. н.э. Киев.

Дмитриев А.В. 1982. Раннесредневековые фибулы из могильника на р. Дюрсо // Древности эпохи великого переселения народов V-VIII веков. М.

Дмитриев А.В. 2003. Могильник Дюрсо – эталонный памятник V-IX веков // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV-XIII века (Археология). М.

Ковалевская В.Б. 2005. Кавказ – скифы, сарматы, аланы I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. М.

Койчева К., Хараламбиева А. 1993. Фибули от историческия музей в Габрово (III-VII век) // ГМСБ. XIX.

Комар А.В., Кубышев А.И., Орлов Р.С. 2006. Погребения кочевников VI-VII веков из Северо-Западного Приазовья // Степи Европы в эпоху Средневековья. 5. Донецк.

Кухаренко Ю.В. 1959. Широкопластинчатые фибулы // КСИИМК. 74.

Микулчик И., Лилчик В. 1995. Фибули и појасни украси од 6 и 7 век во Македонија // Годишен сборник на философскиот факултет на универзитетот «Св. Кирил и Методиј». Скопје.

Пачкова С.П. 1983. Археологические исследования многослойного поселения у с. Горошова Тернопольской области // Археологические памятники Среднего Поднестровья. Киев.

Перник. 1981. I. София.

Плетнева С.А. 1989. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. М.

Поповић М. 1987. Светиња, нови подаци о рановизантијском Виминацијму // Старинар. XXXVIII.

Родинкова В.Е. 2006. К вопросу о типологическом развитии антропозооморфных фибул (простые формы) // РА. 3.

Рутковская Л.М. 1979. Археологические памятники IV-VI вв. в районе Кременчугского моря (Украина) // Slovenská archelógia. XXVII-2.

Седзін А.А. 1994. Пальчатыя фібулы з Нікадзімава // Археалогія і старажытная гісторыя Магілёўшчыны і сумежных тэртыторый. Магилёў.

Седзін А.А. 2000. Никодимово – городище третьей четверти 1-го тысячелетия н.э. в Восточной Беларуси // Край: Дыялог на сумежы культур. Магилёў.

Торбатов С. 1993. Антично периодично тържище край с. Одърци, Добричко // ИНМВ. 29 (44).

Трбуховић Л. 1983. Фибула са посураћеном ногом из збирке Народног музеја у Београду // Зборник Народног музеја. XI/археологија. Београд.

Хайнрих А. 1995. Раннесредневековые катакомбные могильники у селений Чми и Кобан // Аланы: история и культура. III. Владикавказ.

Хараламбиева А. 1989. Два типа късноантични фибули във Варненския музей // ИНМВ. 25 (40).

Хараламбиева А. 1994. Новопостъпили фибули от I-VI в. в Добричкия музей // Добруджа. 11.

Хараламбиева А., Атанасов Г.Ат. 1991. Фибули от V-VI в. в Шуменския музей // ИНМВ. 27 (42).

Хараламбиева А., Атанасов Г.Ат. 1992а. Новопостъпли фибули от III-VII в. в Шуменския музей // ИНМВ. 28 (43).

Хараламбиева А., Атанасов Г.Ат. 1992б. Фибули от Новопазарско от I-VII в. // ГМСБ. XVIII.

Хараламбиева А., Атанасов Г.Ат. 1997. Необнародовани фибули с обърнато назад краче и псевдонавивки от Шуменския музей // Известия на историческия музей Шумен. IX.

Хараламбиева А., Иванов Д. 1986. Късноантични фибули от музея в Русе // ГМСБ. XII.

Янкович Дж. 1980. Позднеантичные фибулы VI-VII веков и славяне // Raports du IIIe Congres International d'Archeologie Slave. 2. Bratislava.

Almgren O. 1923 (1897). Studien uber nordeuropaische Fibelformen der ersten nachchristlichen Jahrhunderte mit Beruksichtigug der provinzialromisschen und südrussichen Formen. Leipzig (Stokholm).

Anamali S., Spahiu H. 1988. Stoli Arbërore. Tiranë.

Bojović D. 1983. Rimske fibule Singidunuma. Beograd.

Czerniak L. 1979. Fibule z badań w roku 1972 i 1974. Klasyfikacja typologiczno-chronologiczna // Novae – sektor zahodni 1974. Poznań.

Diaconu Gh. 1971. Uber die Fibel mit umgeschlagen Fuss in Dazien // Dacia. XV.

Garam É. 2003. Avar kori fibulák // Archaeologiai Értesítő. 128

Gavritukhin I.O. В печати. Late Roman Military Style in the Forest and Forest-Steppe Zone of East Europe // Journal of Roman Military Studies.

Genčeva E. 1998. Zapinki rzimskie i późnoantyczne z Novae // Novensia. 11.

Gepidische Gräberfelder im Thiessgabiet II. 2005. (Monumenta Germaborum Archaeologica Hungarie. 2). Budapest.

Hattatt R. 1987. Brooches in Antiquity. A third selection of brooches from the author's collection. Oxford.

Iatrus-Krivina. 1983. II. Berlin.

Iatrus-Krivina. 1986. III. Berlin.

Iatrus-Krivina. 1991. IV. Berlin.

Iatrus-Krivina. 1995. V. Berlin.

Ivanišević V., Bugarski I. 2008. Western Banat during the Great Migration Period // The Turbulent Epoch. New materials from the Late Roman Period and the Migration Period. Lublin.

Ivanišević V., Kazanski M. 2002. La nécropole de l'époque des Grandes migrations à Singidunum // Singidunum. 3. Beograd.

Ivanišević V., Kazanski M., Mastykova A. 2006. Les nécropoles de Viminacium à l'époque des Grandes migrations. Paris.

Јанковић Đ. 1981. Подунавски део области Аквиса у VI и почетком VII века. Београд.

Јанковић Đ. 1983. У сутону антике. Рановизантијски Гамзиград // Гамзиград – касноантички дворац. Београд.

Katsougiannopoulu Ch. 1999. Studien zu ost- und südosteuropäischen Bügelfibeln. Inaugural-Dissertation. Bonn.

Koch U. 2001. Das alamannisch-fränkische Gräberfelder bei Pleidelsheim. Stuttgart.

Legoux R., Périn P., Vallet F. 2004. Chronologie normalisée du mobilier funéraire mérovingen entre Manche et Lorraine. Paris.

Martin M. 1989. Bemerkungen zur chronologischen Gliederung der frühen Merowigerzeit // Germania. 67-1.

Nagy M. 1998. Awarenzeitliche Gräberfelder im Stadtgebiet Budapest (Monumenta Avarorum Archaeologica. 2). Budapest.

Pawlak P. 1995. A typological-chronological classification of the fibulae found during excavations at Novae in the years 1970-1972 // Novae. Studies and Materialas. I. Poznań.

Pescheck Chr. 1953. Zur Südausbreitung der Fibel mit umgeschlagenem Fuss // Prahistorische Zeitschrift. 34/35.

Popescu D. 1945. Fibeln aus dem Nationalmuseum für Altertümer in Bucureşti // Dacia. IX-X (1941-1944).

Schulze-Dörrlamm M. 1986. Romanisch oder Germanisch? Untersuchungen zu den Armbrust und Bügelknopffibeln des 5. und 6. Jahrhunderts n.Chr. aus den Gebieten westlich des Rheins und südlich der Donau // Jahrbuch des Römisch-Germanisches Zentralmuseums. Mainz. 33.

Suster J. 2001. Untersuchungen zu den spätkaizerzeitlichen Fibelformen Almgren 185 und 172 und deren gegenseitigem Verhältnis // Veröffentlichungen zur branderburgeschen Landesarchäologie. 35.

Sgîbea M. 1962. Fibile din sec. III şi VI descoperite în săpăturile arheologice de la Militari // Cercetări arheologice în Bucureşti. Bucureşti.

Sommer M. 1984. Die Gürtel und Gürtelbschläge des 4. und 5. Jahrhunderts im römischen Reich. Bonn.

Tejral J. 1997. Neue Aspekte der frühvölkerwanderungszeitlichen Chronologie im Mitteldonauraum // Neue Beiträge zur Erforschung der Spätantike im mitteltren Donauraum. Brno.

Teodor D.Gh. 1988. Consideraţii privid fibulele romano-bizantine din secolele V-VII e.n. în spaţiul carpato-dunăreano-pontic // Arheologia Moldovei. XI.

Uenze S. 1992. Die spatantiken Befestungen von Sadovec (Bulgarien). Munchen.

Vinski Z. 1974. Kasnoantički staroednoci u salonitanskoj regiji prema archeološkoj ostavštini predslavenskog supstrata // Viesnik za arheologiji i historiji dalmatinsku. LXIX.

Werner J. 1950. Slawische Bügelfibeln des 7. Jahrhunderts // Reinecke Festschrift. Mainz.

Zirna V., Cazimir Ch. 1962. Unele reziltate ale săpăturilor arheologice de pe "Cîmpul Boja" – Militari // Cercetări arheologice în Bucureşti. Bucureşti.

I.O. Gavritukhin

Byzantine fibulae with narrow foot with S-type loop for axis of spring. Finds discovered to the north and east of the Danube river

Resume

The **1st part** of the article gives an overview of basic research, in which fibulae with narrow foot with S-type loop for axis of spring were examined. The typology principles of Byzantine circle fibulae with narrow foot are discussed in the **2nd part**. Attention is paid to the types of spring's axis fixation (Fig. 2); the concept of "range" is introduced for investigation of fibulae with one common feature important for traditions study. The **3rd part** describes the dating grounds of fibulae with narrow foot with S-type loop for axis of spring. The earliest finds may be dated by the Hun time (the end of the 4th – the 1th half of the 5th centuries AD). The most of them are large fibulae. These items include narrow fibulae decorated by facets (Fig. 4: 13); richly decorated fibulae with platelike bow and tapering to a stalk with solid foot (Fig. 4: 14); large iron fibulae (Fig. 3: 10S). There are some small items. This group of finds includes bronze fibulae with narrow foot (Fig. 3: 9S; details are not clear); fibulae with facets and solid foot (Fig. 6: 9). Large fibulae with platelike bow continued to exist till the first decades of the 6th century AD (Fig. 3: 15S, 16S). The U-shape foot profile became widespread not later than the first third of the 6th century AD (Fig. 5: 100.1-2), typical of many series of Byzantine fibulae of the 6th century AD. Series of relatively small, as well as large, usually bronze, also iron fibulae (Fig. 3, except for the bottom row, 4: 12, 15, 16, 5) were numerous and various in the 6th century AD. These fibulae continued to exist from about the third part of the 6th century AD (Fig. 6: 2) and in the end of the 6th century AD – the first third (half?) of the 7th century AD (Fig. 4: 7).

Fibulae from Bucureşti-Militari and from Serbia Banat (Fig. 1: 7, 8) are analyzed in the **parts 4.1** and **4.2.** A series of analogies have been examined: fibulae with bow ornamented by two rows of zigzags, including fibulae enriched by dots, with a zigzag ornament made by casting, with vertical ridge on the bow. Fibulae of interest to us belong to the block of Prakhovo variants (Fig. 8: 5-16), series Prakhovo-Viminacium (Fig. 8: 5-16; 9: 6-12; list 1). Its production was connected with the region Aquis; it started not later than the first half and continued in the second half of the 6th century AD (probably, within 510/530 – mid-580). Later productive manufacturing center was located here. Its products were distributed in several areas of the Danube region and further south (Fig. 7: A). The examined fibulae of the mentioned areas got to the north from the Danube river region population (mostly Slav at that time) as trophies or part of prisoners' clothes. These items had no impact on local production (samples of close series, see Fig. 8: 1-4; 9: 1 -5, 10, lists 2 and 3). Fibula from Medvedevka (Fig. 1: 6, **part 4.3**) reflects the relations of the Middle Dnieper area population and the north-east Balkans people during the first half – middle of the 6th century AD. The item was decorated in the late antique style known to barbarians (Fig. 7: 22-26), and, most likely, it was brought from Byzantine Empire (Fig. 11) without influencing local production. Another find from Medvedevka (Fig. 1: 5) is examined in the **Part 4.4**. Its back section shows the connection of the Middle Dnieper region with the north-eastern Black Sea region (Fig. 12: 1-5), which is fixed by other materials, including the hinge construction origin of the Dnieper region fibulae of the 6th-7th centuries (Fig. 2: 11-12; 6: 1; 7: 4; 13: 41, 48, 63). Other features of Medvedevka fibula indicate on the influence of the north-east Balkans region (Fig. 12: 6, 7, 9-11). Most likely it demonstrates the adaptation model of brought samples to local artisanal traditions in the 6th – beginning of the 7th centuries AD. The find from burial ground 455 in Durso (Fig. 1: 4; 4: 1-10; **part 4.5**) belongs to the circle of fibulae with a flattened triangular cross-section of the bow that reflect Byzantine influence in the Central and Eastern Europe in the 6th – middle of the 7th centuries AD. (Fig. 14: 8-12; 16; 17). However, all the details of Durso fibula have local analogies. The foot ornament is especially demonstrative, as a number of the Northern Caucasus fibulae of the 5th-7th centuries AD (Fig. 14: 7; 17: 1-3, 9, 10, 17, 47, 48). Find form Zaprudnoe reflects adaptation of Byzantine samples with S-type loop for axis of spring in the cultures of the Northern Black Sea region (Fig. 1: 3, **part 4.6**). Fibulae of Luchistoe series give one more sample of Byzantine influence in the Eastern Europe (Fig. 19: 3, 4; 20: 7, 8; 21: 28; 22: 13-14; 23: 17), especially active in the Crimea in the middle of the 6th – early 7th centuries AD. As the find from Zaprudnoe, they are known in the southern Crimea near the fortress Aluston built by Justinian the Great. Fibulae of Luchistoe series are dated by the last decades of the 6th – the first decades of the 7th centuries AD. (Fig. 19-24). Fibula from the National Museum of Antiquities in Bucharest (Fig. 1: 2, **part 4.7**) belongs to fibulae series with band like unornamented body and is connected to Byzantine traditions (Fig. 24: 6, 9, 12, 13). This fibula and some other finds reflect the diverse forms of Byzantine influence on numerous more northern cultures in the 6th century AD. A similar item from the Historical Museum in Lvov (Fig. 1: 1, **part 4.8**) and its analogs (Fig. 24: 1-4) are dated by the later period – the middle of the 6th – the middle of the 7th centuries AD. They may be regarded as items reflecting the Byzantine influence directly. The fibulae similarity with Eastern Europe topologically earlier finds (Fig. 24: 5, 8, 11, etc.) may raise a question of Byzantine tradition evolution outside the metropolis.

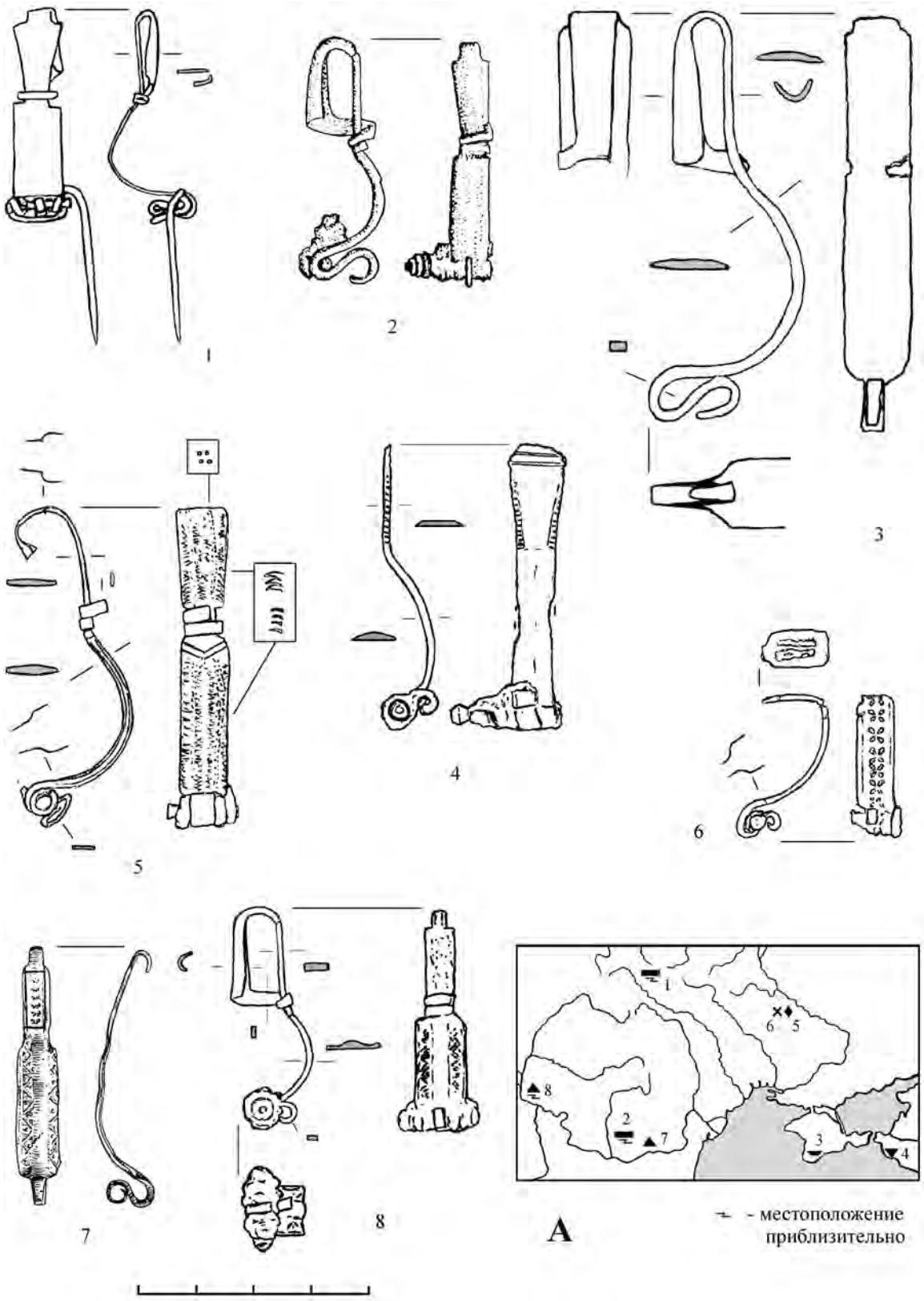


Рис. 1. Фибулы с S-видной петлей для оси пружины к северу и востоку от Дуная (в скобках указана часть данной статьи, где приведены более подробные данные). 1 – коллекция Исторического музея во Львове (4.8); 2 – коллекция Национального музея древностей в Бухаресте (4.7); 3 – Запрудное (4.6); 4 – Дюрсо, погр. 455 (4.5); 5-6 – Медведевка (4.3 и 4.4); 7 – Бухарест-Милитари, полуземлянка 6 (4.1); 8 – Сербский Банат (4.2.); А – карта находок, номера соответствуют номеру образцов на данном рисунке.

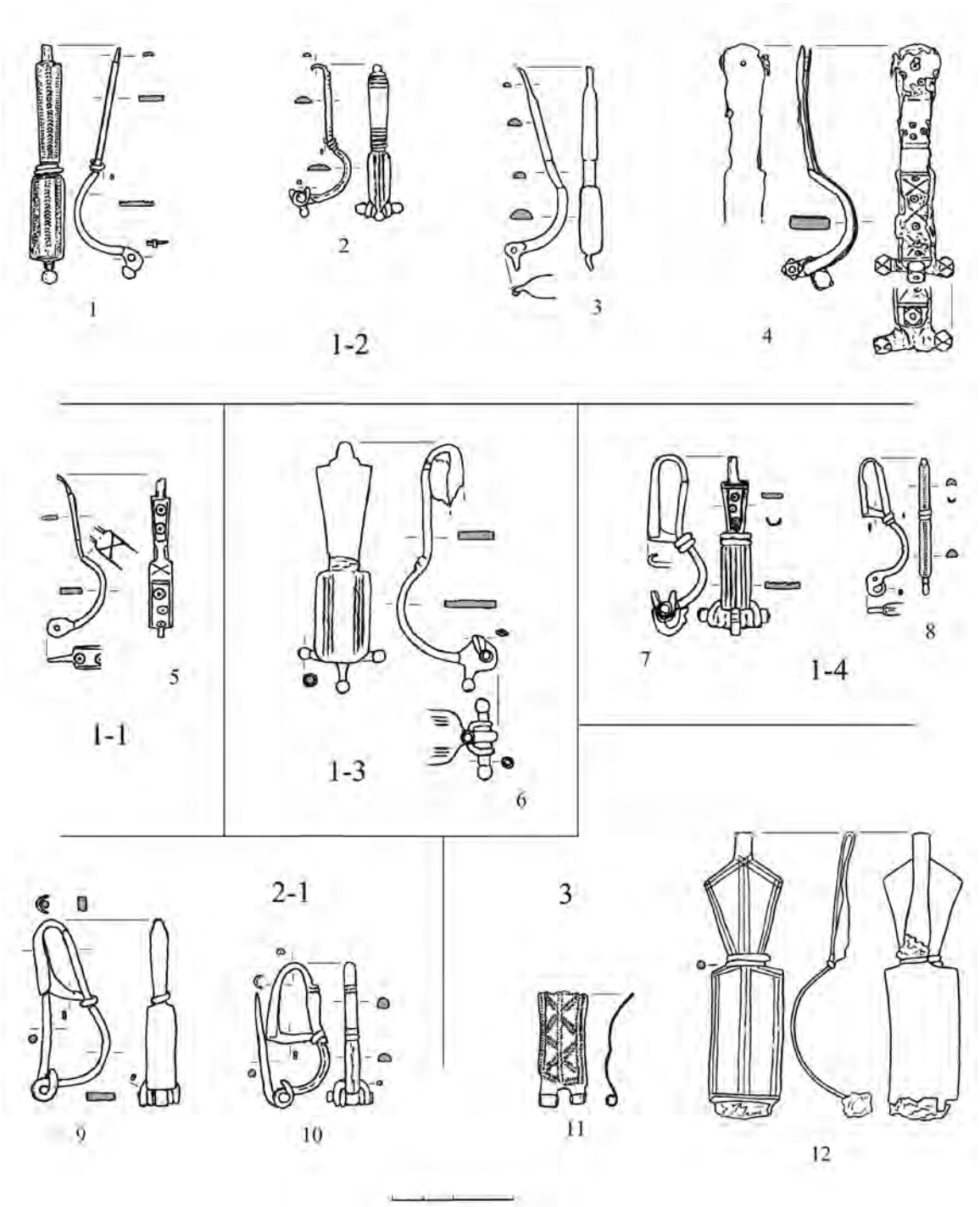


Рис. 2. Схемы и оформление крепления оси пружины у подвязных фибул византийской традиции. Образцы: 1 – Кориньский хриб над Великим Кориньем; 2 – Чайле; 3 – Давина; 4 – Крань, погр. 112; 5 – Будинарци; 6 – Охрид или окрестности; 7 – район Добрича; 8 – Виминаций; 9 – Рогле, ур. «Кука»; 10 – Ижиште; 11 – балка Яцевая; 12 – Гапоново (см. примечание на с. 59).

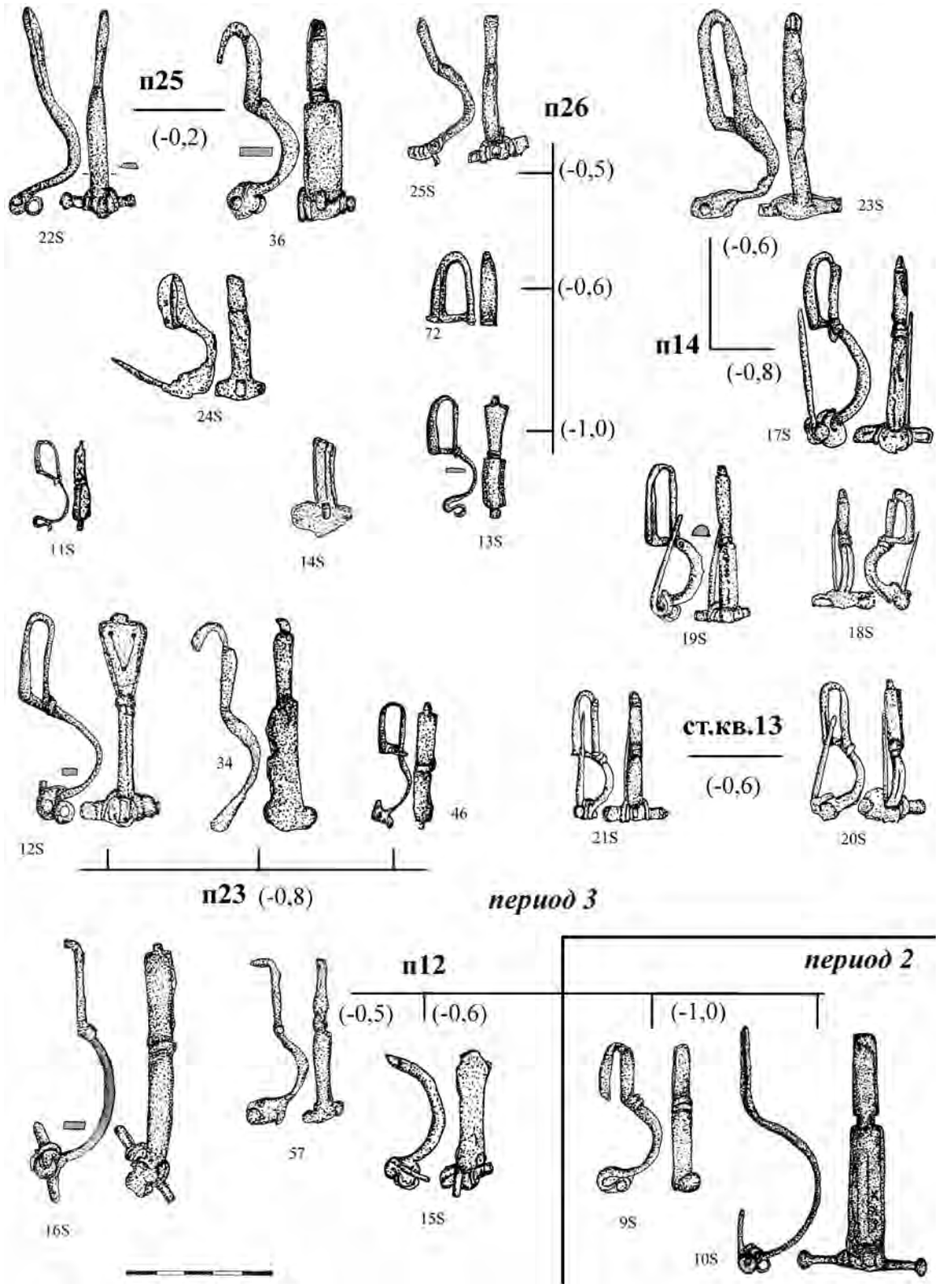


Рис. 3. Габрово, ур. «Градище». Контекст фибул с S-видной петлей для оси пружины (по материалам в [Койчева, Хараламбиева, 1993]).
Номера около фибул соответствуют каталогу в публикации, S – отнесены А. Хараламбиевой к подтипу III.2 («с S-видным краем дуги»); п – помещение и его номер, ст.кв.13 – «стена», квадрат 13; (в скобках дана глубина находки в метрах).

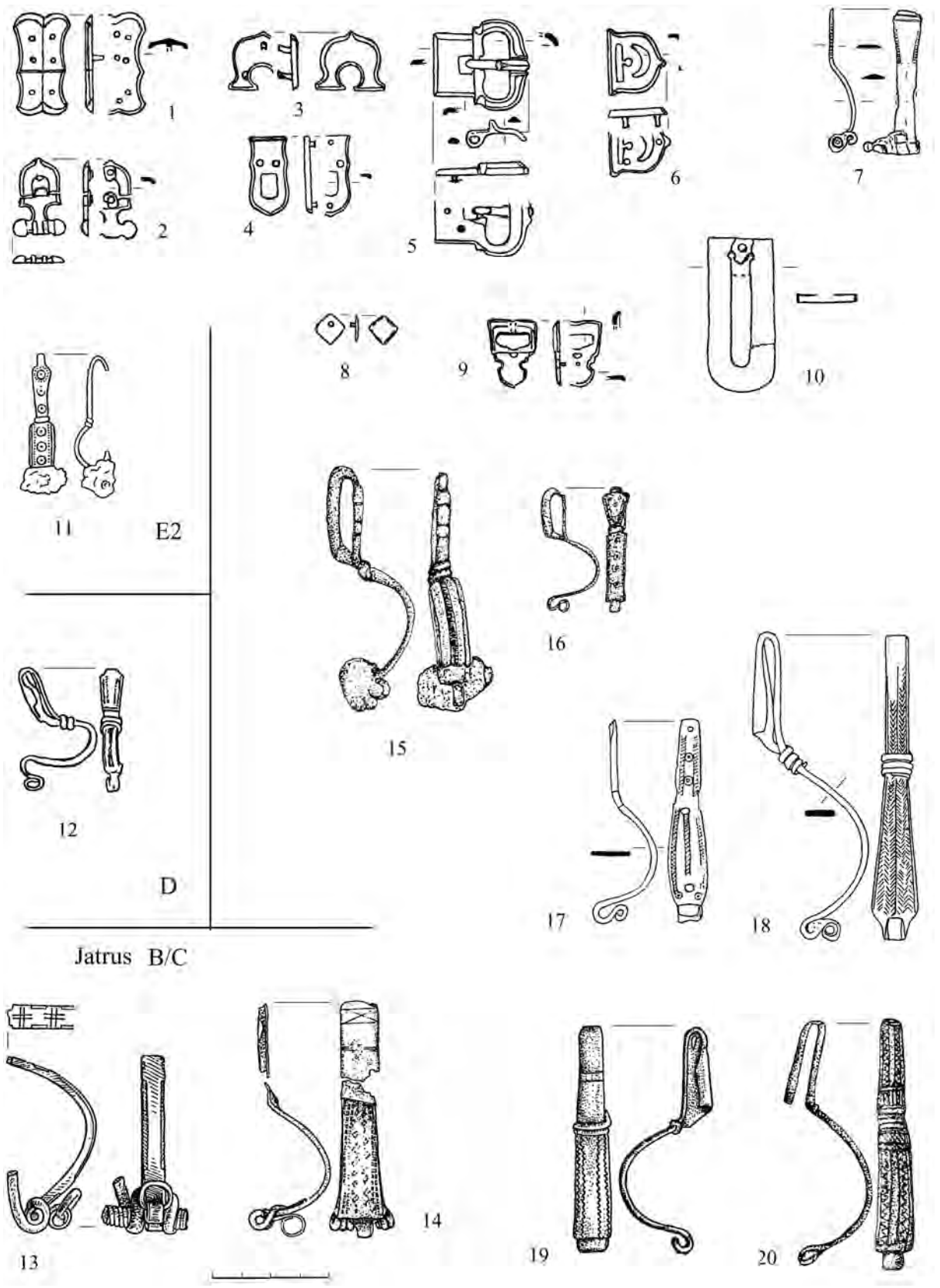


Рис. 4. Основания датировки фибул с S-видной петлей для оси пружины.
1-10 – Дюрсо, погр. 455; 11-14 – Ятрус, с указанием периодов; 15-16 – Градница (15 – ур. «Казанджийска лука», сектор А, кв. 27/37, -0,3 м; 16 – ур. «Пречиста», сектор Г); 17-18 – Садовец, Големаново кале; 19 – Топрайкиой; 20 – Габрово, «Градище», помещение 24, -1,5 м (см. примечание на с. 59).

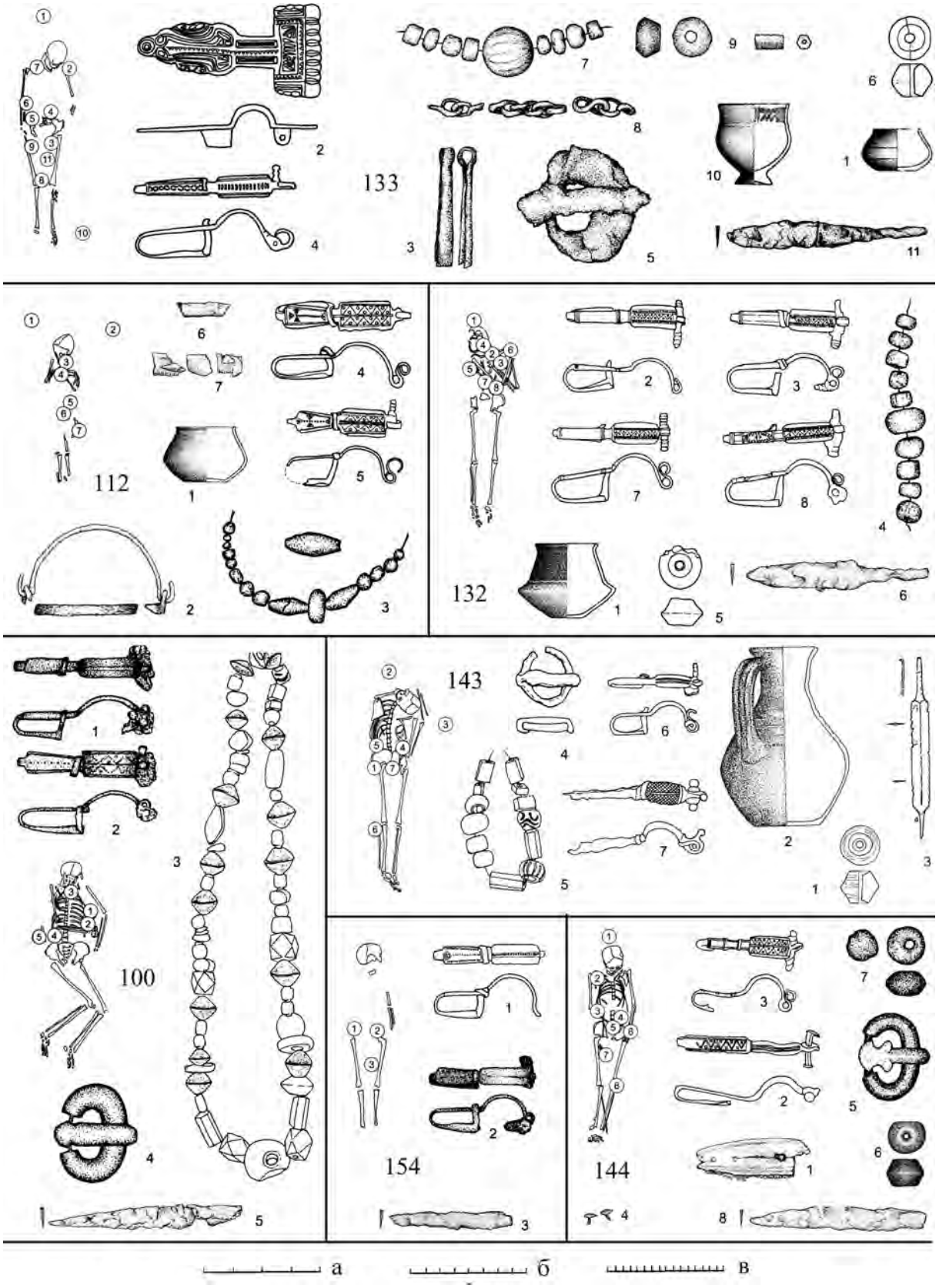


Рис. 5. Виминаций, могильник II (Выше гроблье) (по [Ivanišević, Kazanski, Mastykova, 2006]). Комплексы погребений (указаны крупно); номера находок соответствуют номерам в кружочках на плане погребения (даны без масштаба и ориентировки).
Масштабы: а – фибул, пряжек, бус; в – керамических сосудов и деталей железного ведра (в погр. 112); б – остальных находок.

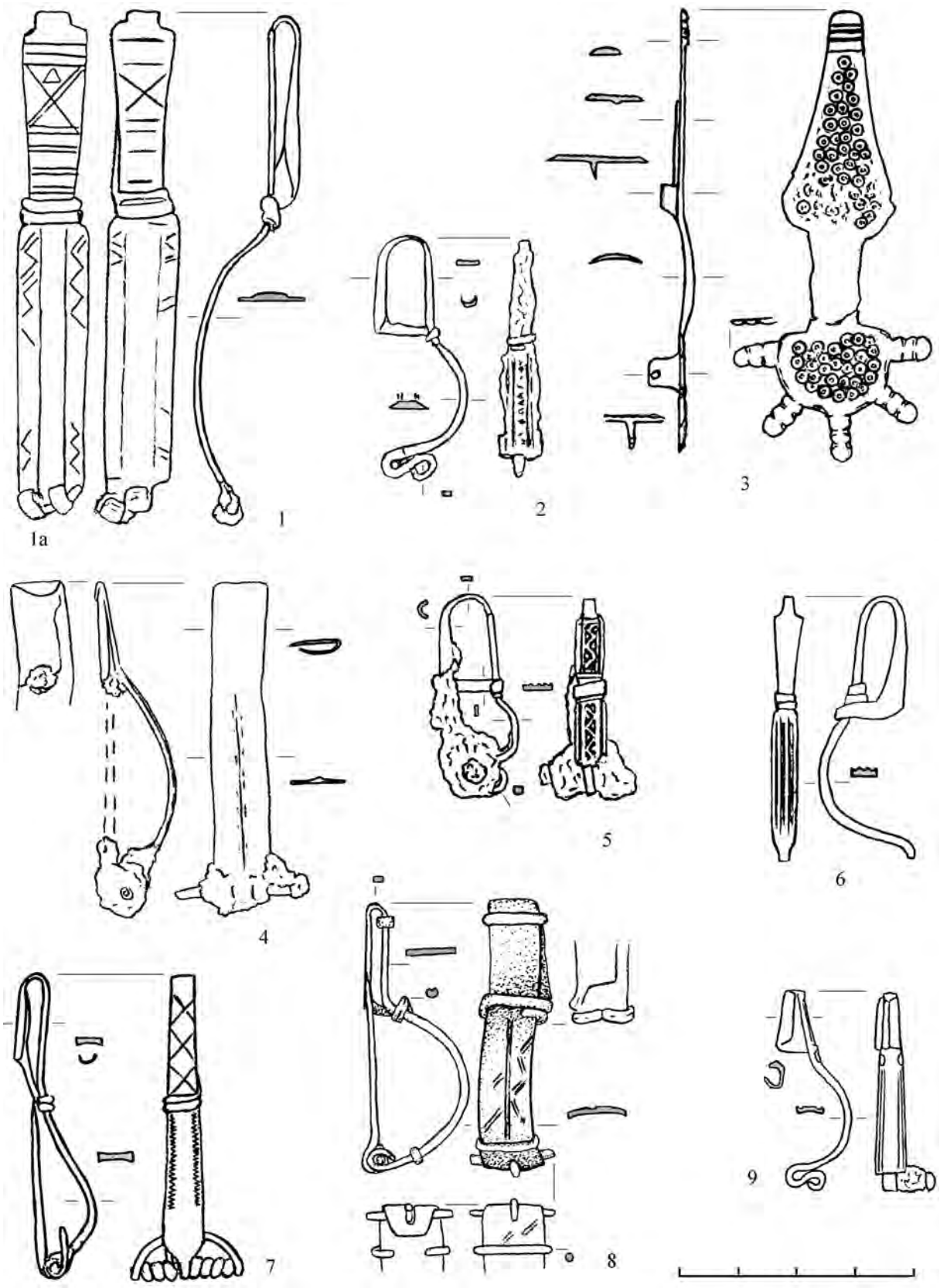


Рис. 6. 1 – Звонецкое; 2-3 – Каменово, Меджа, погр.1; 4 – Бжид, погр. 46; 5 – Крань; 6 – Горошова; 7 – Холмское, погр. 19; 8 – Виминаций или его окрестности; 9 – Войниково (см. примечание на с. 59).

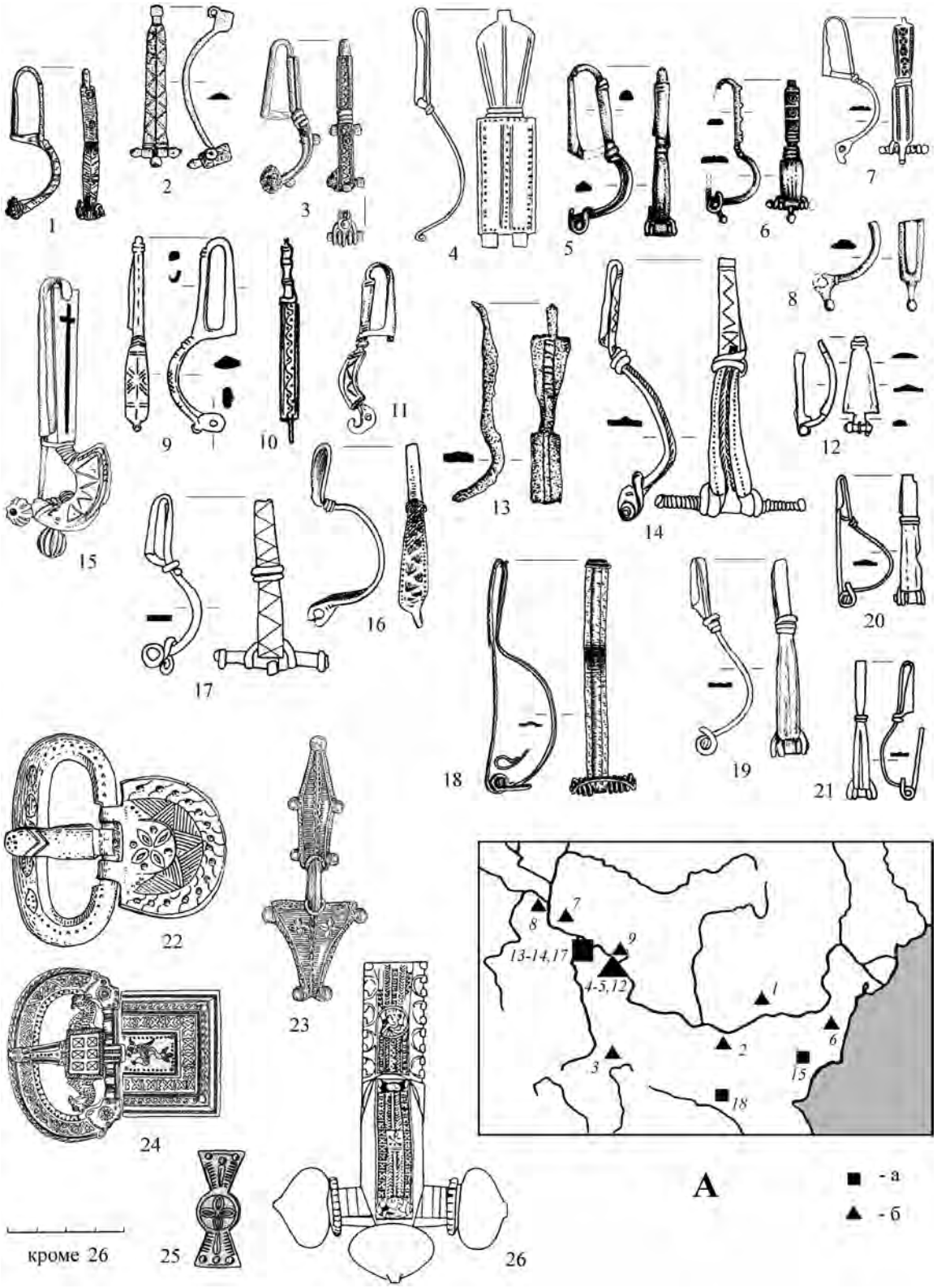


Рис. 7. 1, 18 – «Югославия»; 2 – Чми, коллекция Природно-исторического музея в Вене, катакомба В; 3 – «Северная Греция»; 4 – Волошское; 5 – Шипковица, ур. «Исар»; 6 – Чайле, ур. «Каля»; 7 – Дюрсо, погр. 475; 8 – Пчиня, ур. «Градиште»; 9 – Рипнев; 10 – Перник; 11 – Салона; 12 – Самтавро, погр. 164/1938 г.; 13 – Габрово, «Градище»; 14 – Комарово; 15 – Иерусалим, гробница пророков; 16 – коллекция Национального музея древностей в Бухаресте; 17 – Новы; 19 – Рутха; 20 – Пантикапей; 21 – «Кавказ»; 22 – Цецеле, погр. 407; 23 – Ваюга; 24 – Мисри; 25 – Шагвар погр. 56; 26 – Базель-Ашенформштадт, погр. 375 (см. примечание на с. 59).
А – Распространение находок серии Прахово – Виминаций, блоков вариантов:
а – Прахово, б – Виминаций (номера соответствуют списку 1).

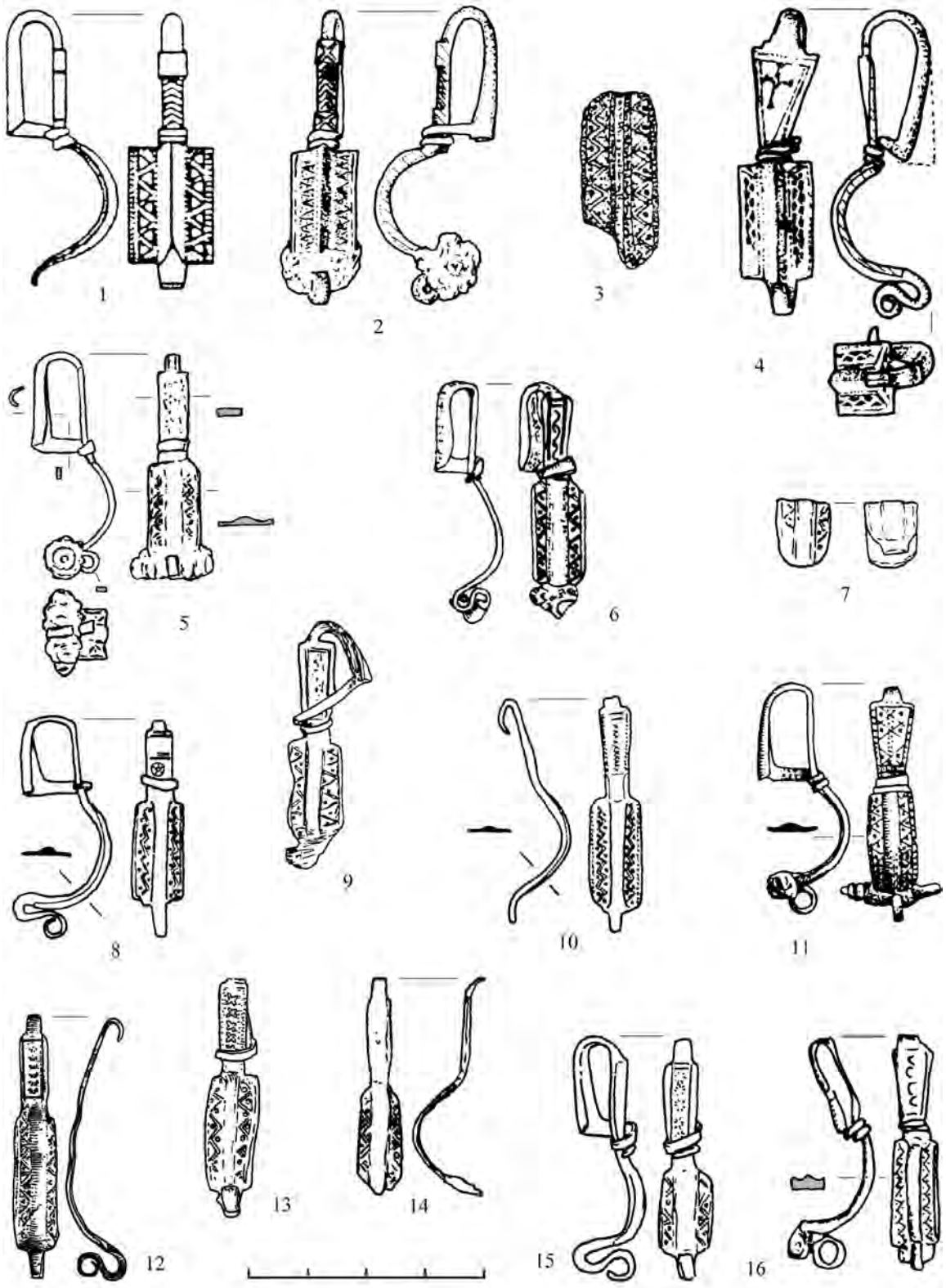


Рис. 8. Фибулы серии Прахово – Гераклея Понтийская (1-4) и блока вариантов Прахово серии Прахово – Виминаций (5-16).
1 – Гераклея Понтийская; 2, 4, 7, 14, 15 – Прахово; 3 – Габрово, «Градище»; 5 – Сербский Банат; 6 – Новы; 8, 10 – коллекция НМБ; 9 – Перник; 11 – Сингидун; 12 – Бухарест-Милитари; 13 – Траянов мост; 16 – св. Никола (см. списки 2 и 1.1 в приложении к данной статье).

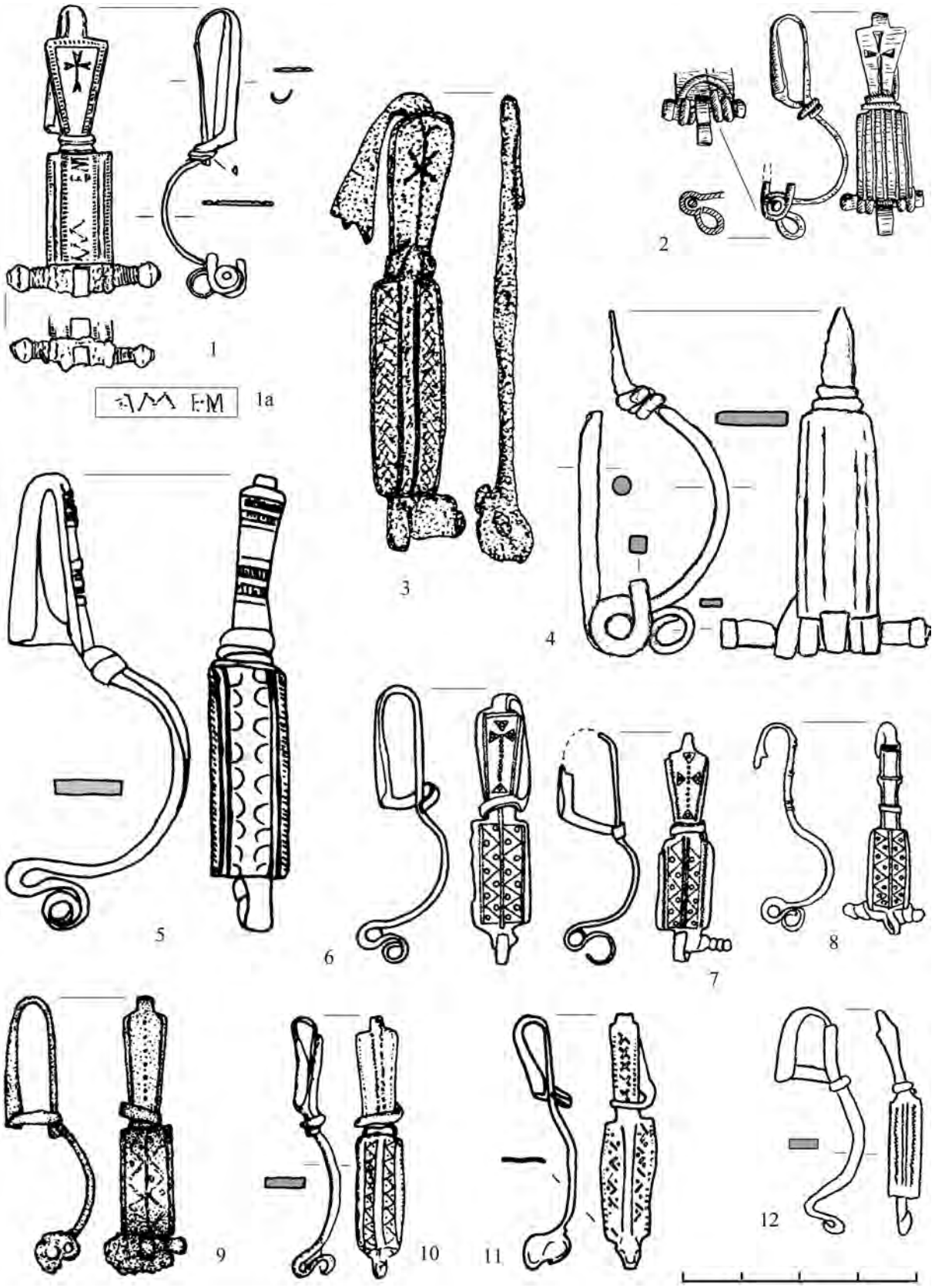


Рис. 9. Фибулы блока вариантов Виминаций серии Прахово – Виминаций (6-12) и других серий. 1 – близ Любляны; 2 – «Югославия»; 3 – Здравковец, ур. «Витата стена»; 4 – Северцы; 5 – Невша, ур. «Малкото слеме»; 6-9 – Виминаций, погр.: 6-7 – 112, 8 – 144, 9 – 100; 10 – Снежин; 11 – коллекция НМБ; 12 – Стара Загора (для 1-5 см. примечание на с. 59; для 6-12 см. список 1.2 в приложении к данной статье).

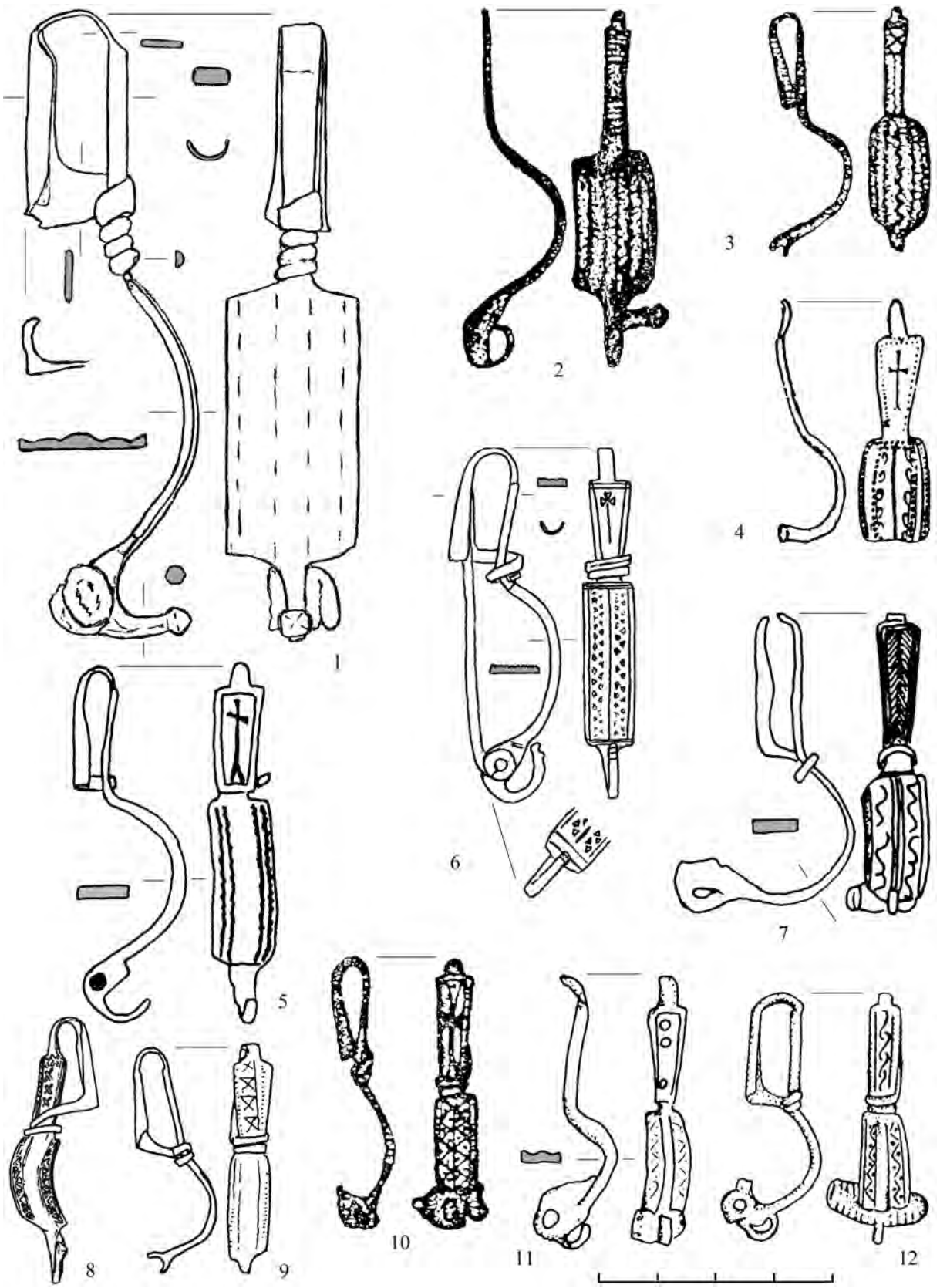


Рис. 10. Фибулы серии Гамзиград – Сучидава (8-12) и других серий.
1 – Радолиште, некрополь в ур. «Цигански гробишта»; 2 – Пет могили, ур. «Чатмалека»; 3 – Драгоево; 4 – коллекция Окружного исторического музея, Русе; 5 – античная крепость близ с. Венчан; 6 – Болгарская Добруджа; 7 – Ген. Контарджиево, ур. «Чатал чешма»; 8 – Гамзиград; 9 – Чечан; 10 – обл. г. Шумен; 11 – Везенково; 12 – Сучидава (для 1-7 см. примечание на с. 59; для 8-12 см. список 3 в приложении к данной статье).

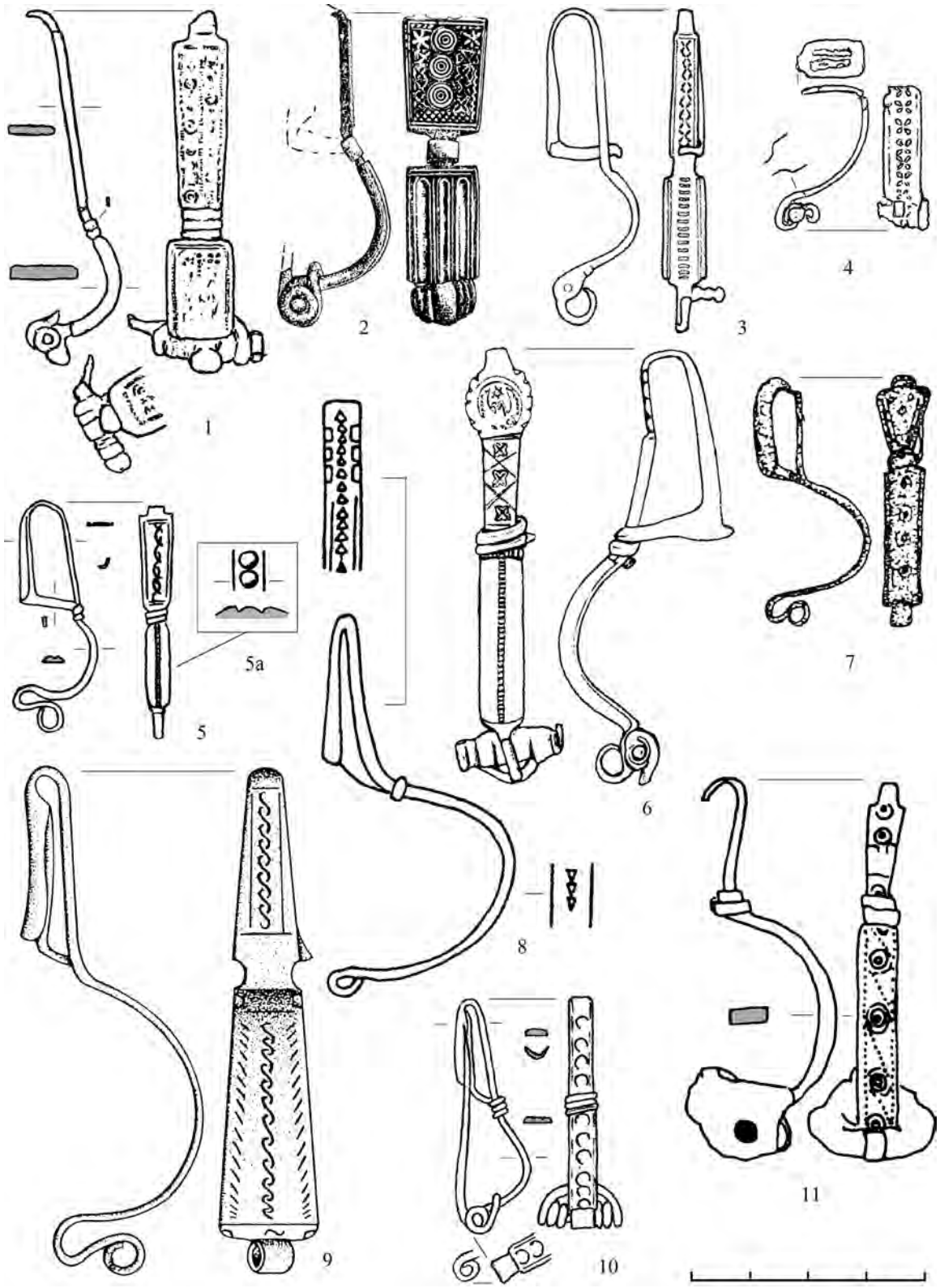


Рис. 11. Образцы фибул, украшенных вертикальной линией штампов, в т.ч. 4-х лепестковой розеткой (1-4, 6).
1, 3 – Виминаций, погр.: 1 – 40, 3 – 133; 2 – Водно; 4 – Медведевка; 5 – коллекция Музея града Белграда; 6 – Эски-Кермен; 7 – Градница, ур. «Пречиста»; 8 – Садовец, Големаново кале; 9 – обл. Велико Тырново; 10 – Одерци; 11 – Арбит (см. примечание на с. 60).

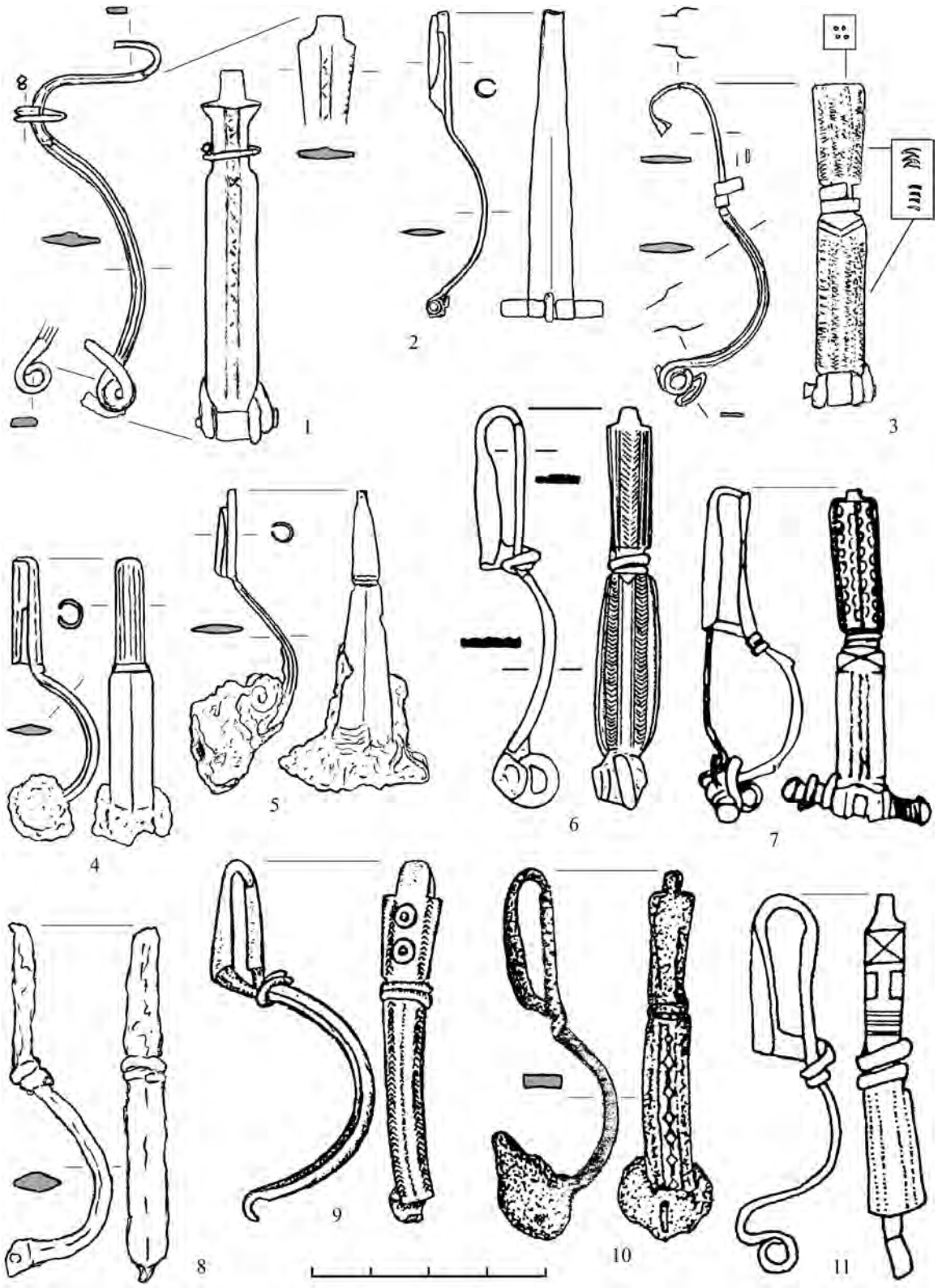


Рис. 12. Образцы фибул с уплощенно-ромбическим сечением спинки (1-5, 8) и византийских, с «насыщенной» орнаментацией (3, 6, 7, 9-11).
1 – Данилова Балка; 2, 5 – Дюрсо, погр.: 2 – 433, 5 – 152; 3 – Медведевка; 4 – Бжид, погр. 39; 6 – Садовец, Големаново кале; 7 – Стан, ур. «Станата»; 8 – Суворово; 9 – Овидиу; 10 – Габрово, «Градище»; 11 – Новы (см. примечание на с. 60).

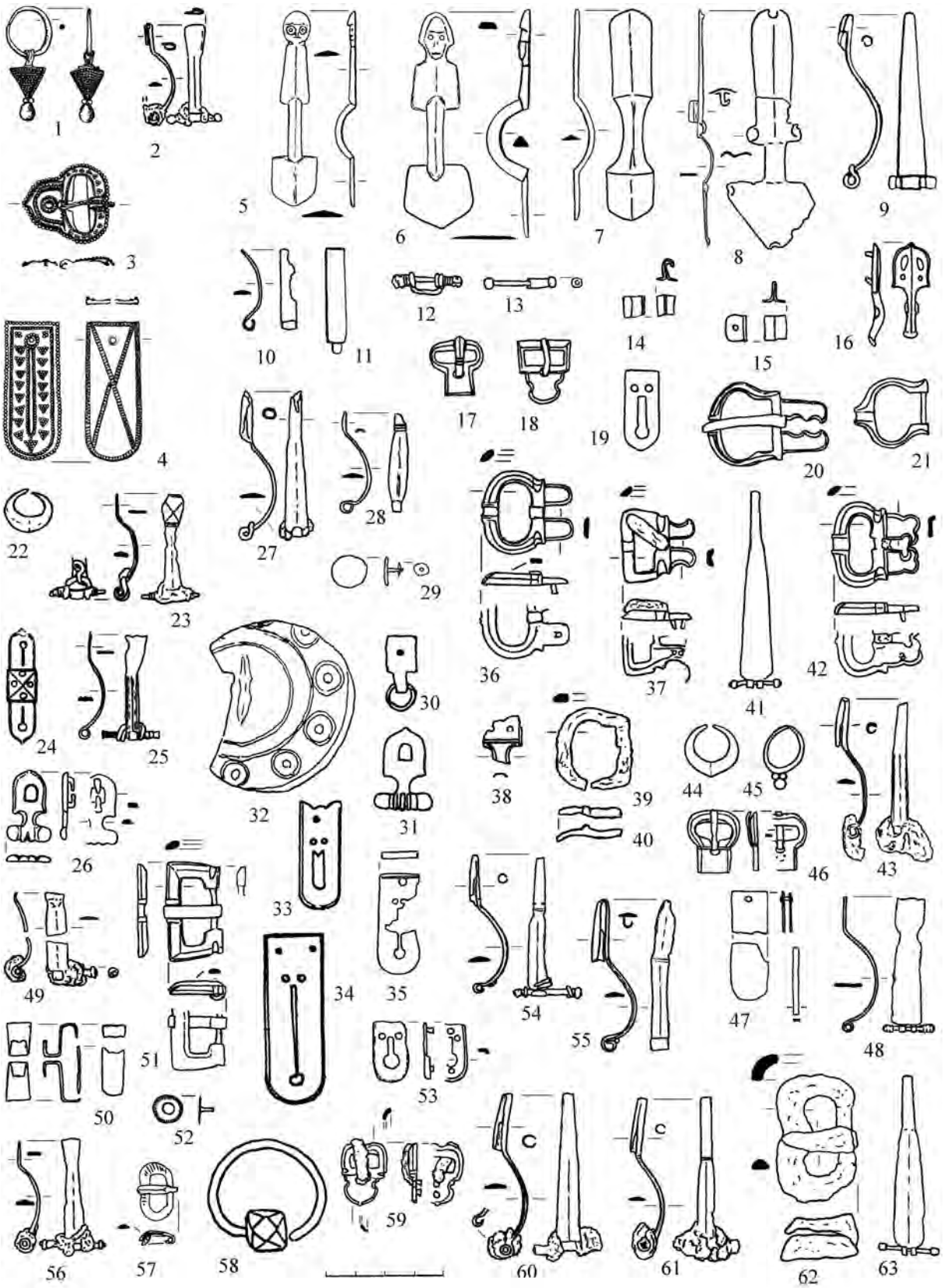


Рис. 13. Север черноморского побережья Кавказа. Комплексы с фибулами.
1-4 – Бжид, погр. 101; 5-48, 53-63 – Дюрсо, погр.: 5-21 – 402, 22-26 – 347, 27-35 – 476, 36-41 – 353, 42-43 (и как 41) – 412, 44-47 (и как 41) – 451, 48 – 242, 53-55 – 218, 56-57 – 217, 58-61 – 422, 62-63 – 339; 49-52 – Борисово, погр. 57 (см. примечание на с. 60).

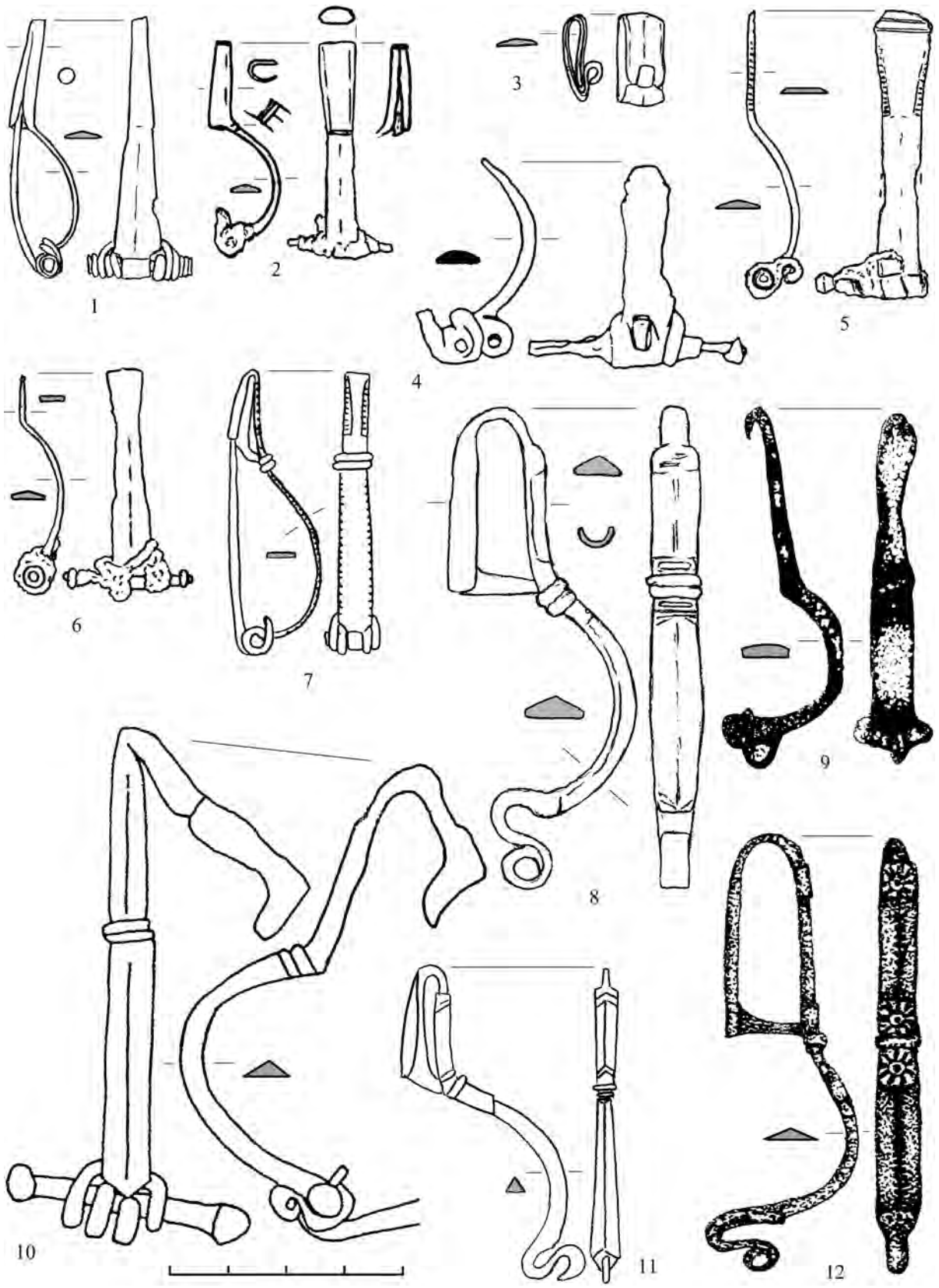


Рис. 14. Аналоги фибуле из Дюрсо, погр. 455.
1 – Борисово, погр. 153; 2 – Бжид, погр. 32; 3,5,6,7 – Дюрсо, погр.: 3 – 402, 5 – 455, 6 – 483, 7 – 483; 4 – Садовец, Садовско кале; 8 – между Черна и Каратулево; 9 – Келново; 10 – Новы, уч. X; 11 – Стара Загора; 12 – Стан, крепость (см. примечание на с. 60).

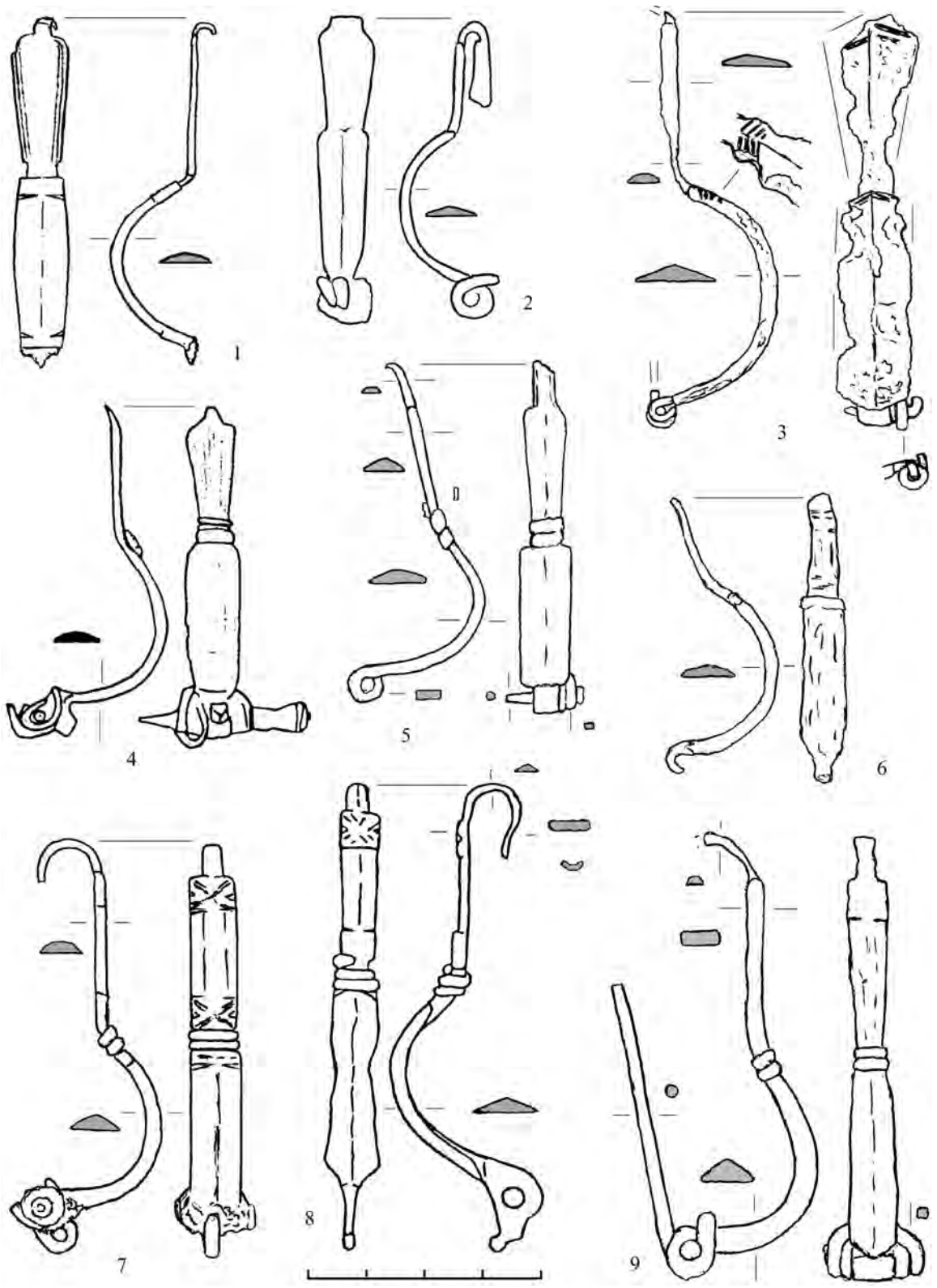


Рис. 15. Образцы византийских фибул с уплощенно-треугольным сечением спинки.
1 – окрестности Овруча; 2 – близ Каневского водохранилища; 3 – городище Никодимово;
4 – Садовец, Садовско кале; 5 – Шелковица, ур. «Исар»; 6 – Северо-Восточная Болгария;
7 – Дебрене; 8 – Лука Каветчинская, жилище 27; 9 – Браилово, ур. «Кале» (см. примечание на с. 60).

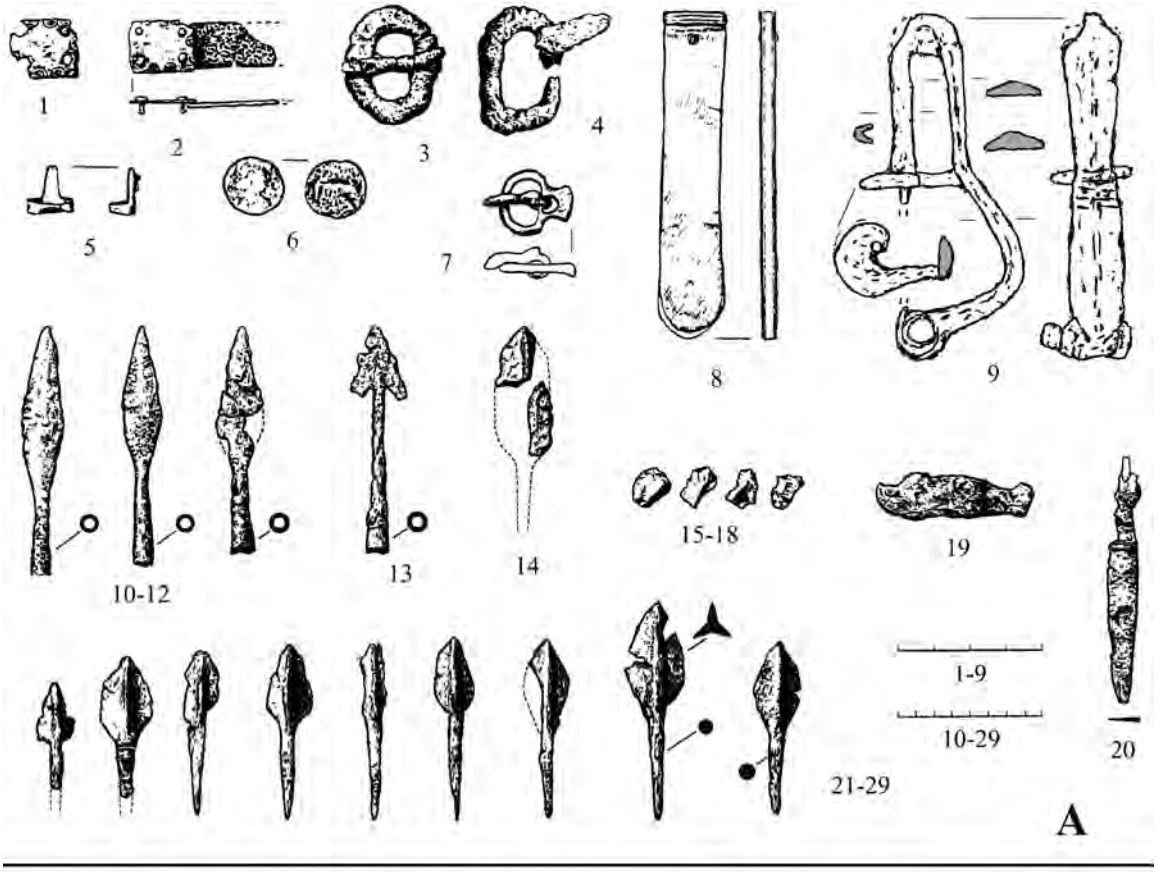


Рис. 16. А – Будапешт, ул. Пустадомби 12 (Бекашмедьяр), погр. 9 (см. примечание на с. 60); **Б** – местонахождения фибул византийской традиции с уплощенно-треугольным сечением спинки, найденных за пределами Империи: 1 – Никодимово (рис. 15: 3); 2 – Будапешт (рис. 16: 9); 3 – окрестности Овруча (рис. 15: 1); 4 – Лука Каветчинская (рис. 15: 8); 5 – близ Каневского водохранилища (рис. 15: 2); 6 – Дюрсо (рис. 14: 5; 1: 4).

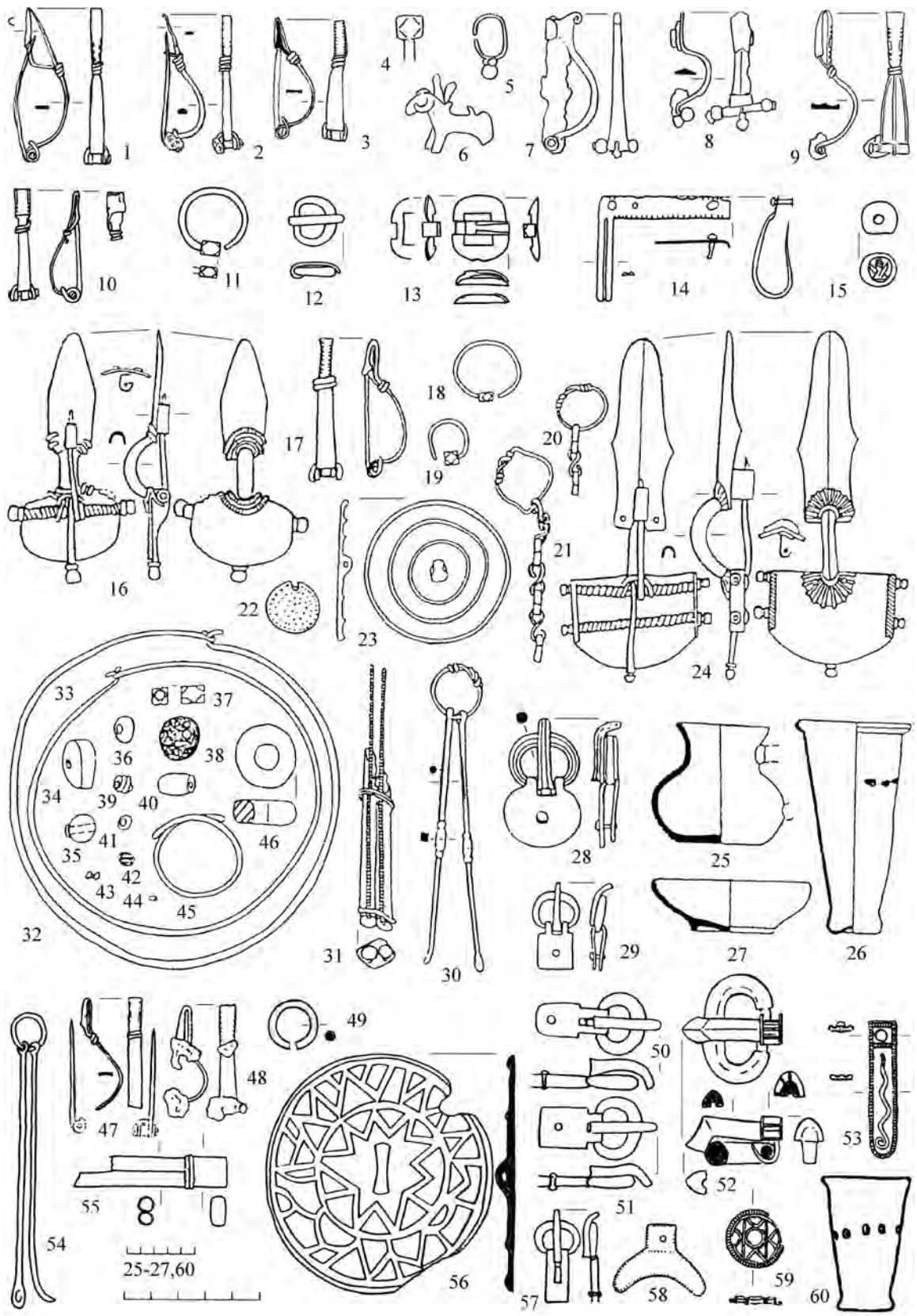


Рис. 17. Северокавказские фибулы с насечками на ножке (1-3, 9, 10, 17, 48) и комплексы. 1 – Кумбулта; 2 – Лезгур; 3 – Рутха; 4-9 – Чми-Суаргом, катакомба 25 из раскопок Д.Я. Самоквасова; 10-15 – Чми-Беахникуп, погр. 8 из раскопок М.П. Абрамовой; 16-46 – Дюрсо, погр. 483; 47-60 – Лермонтовская скала 2, катакомба 11 (см. примечание на с. 60).

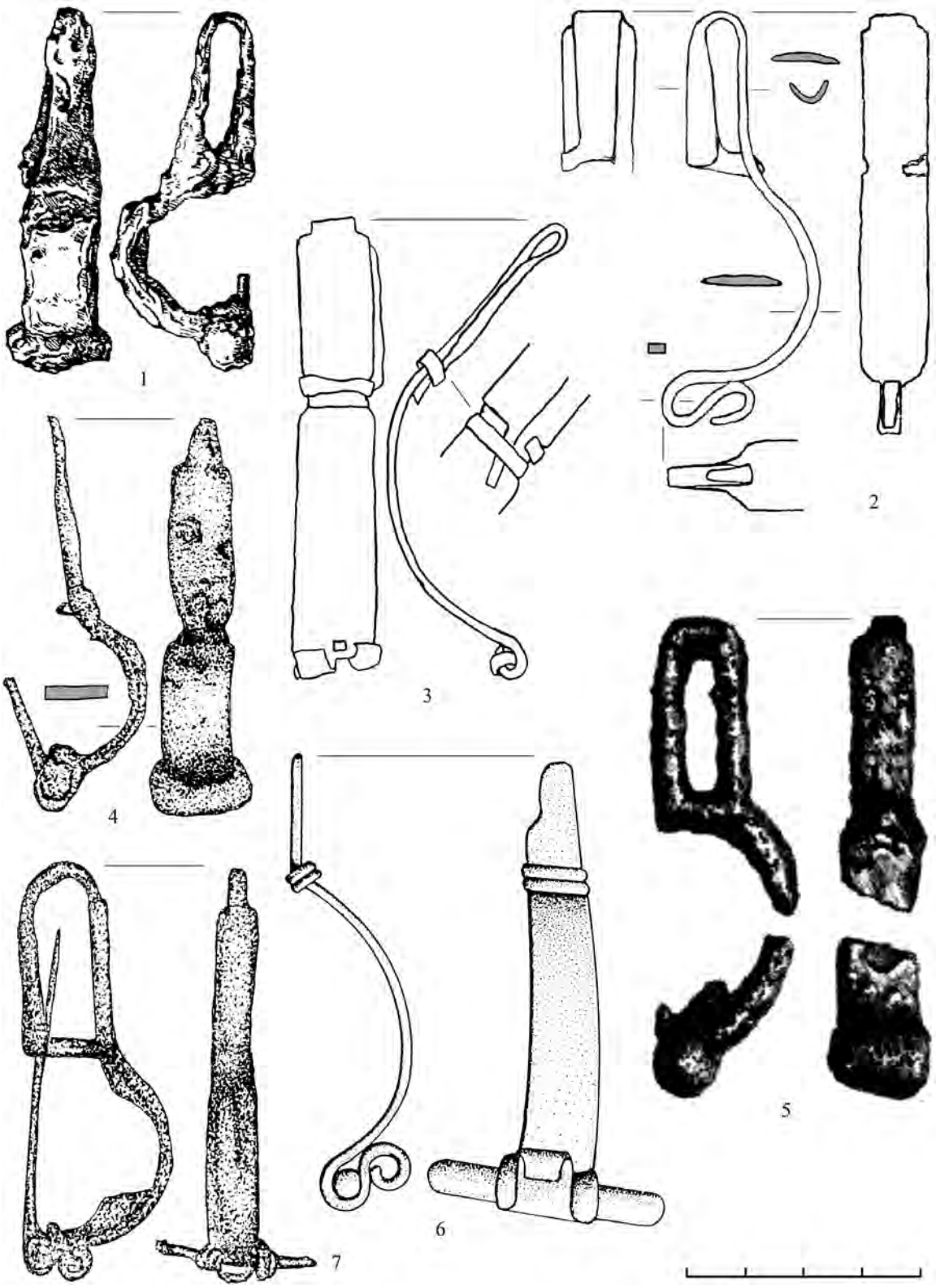


Рис. 18. Образцы крупных фибул византийской традиции с широким плоским корпусом.
1 – Чуфут-кале, склеп 104; 2 – Запрудное; 3 – Волошское, Сурская Забора; 4 – Могила (позднеантичная крепость на юго-западе Мадарского плато); 5 – Ковин; 6 – обл. Велико Тырново; 7 – Драгоево (см. примечание на с. 60).

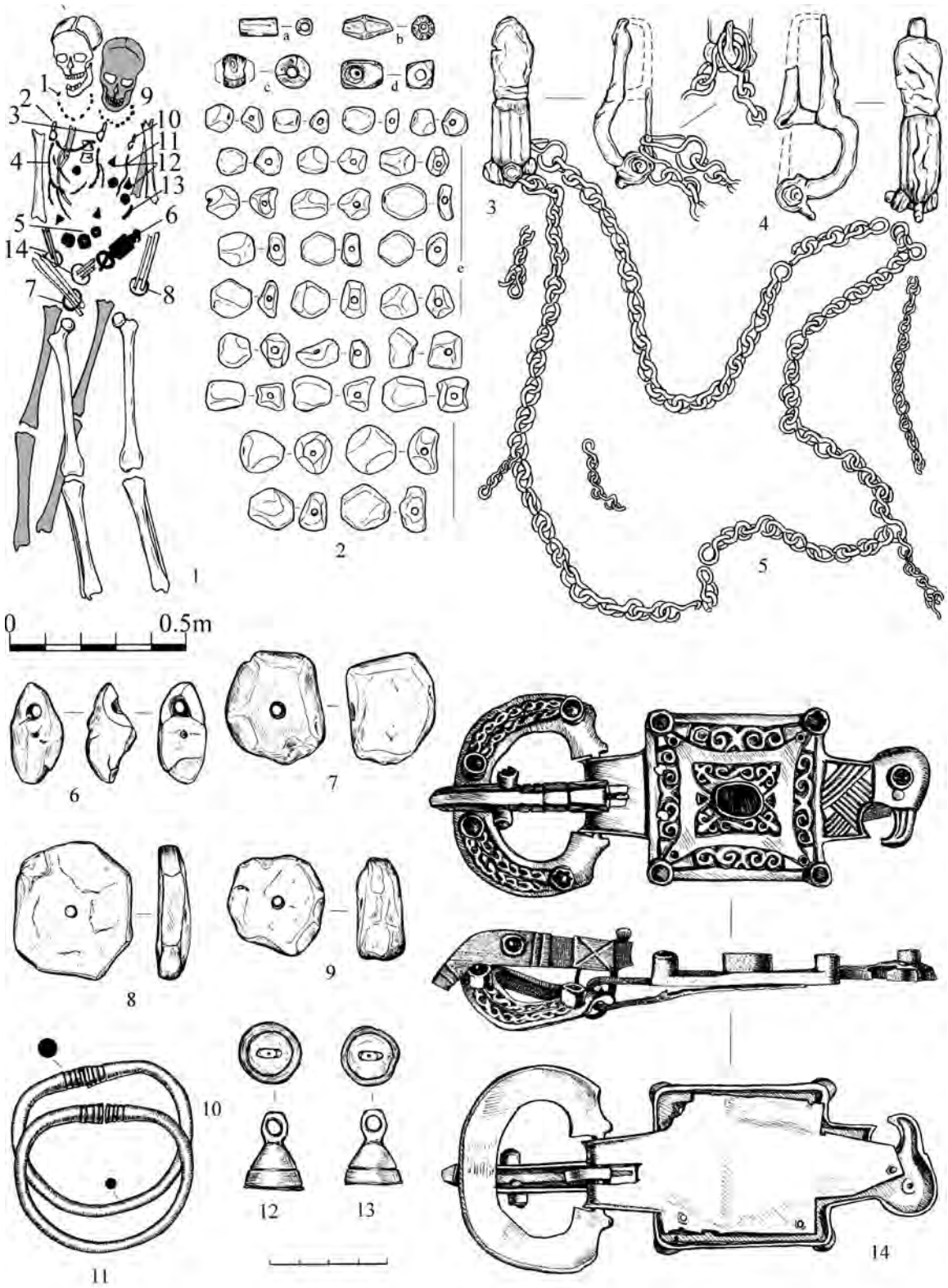


Рис. 19. Лучистое, склеп 38 (слой 4), погр. 17
и план перекрытого им погр. 16 (залито; вещи см. на рис. 20).
Цифры на плане произвольны (По [Айбабин, Хайрединова, 2008].).

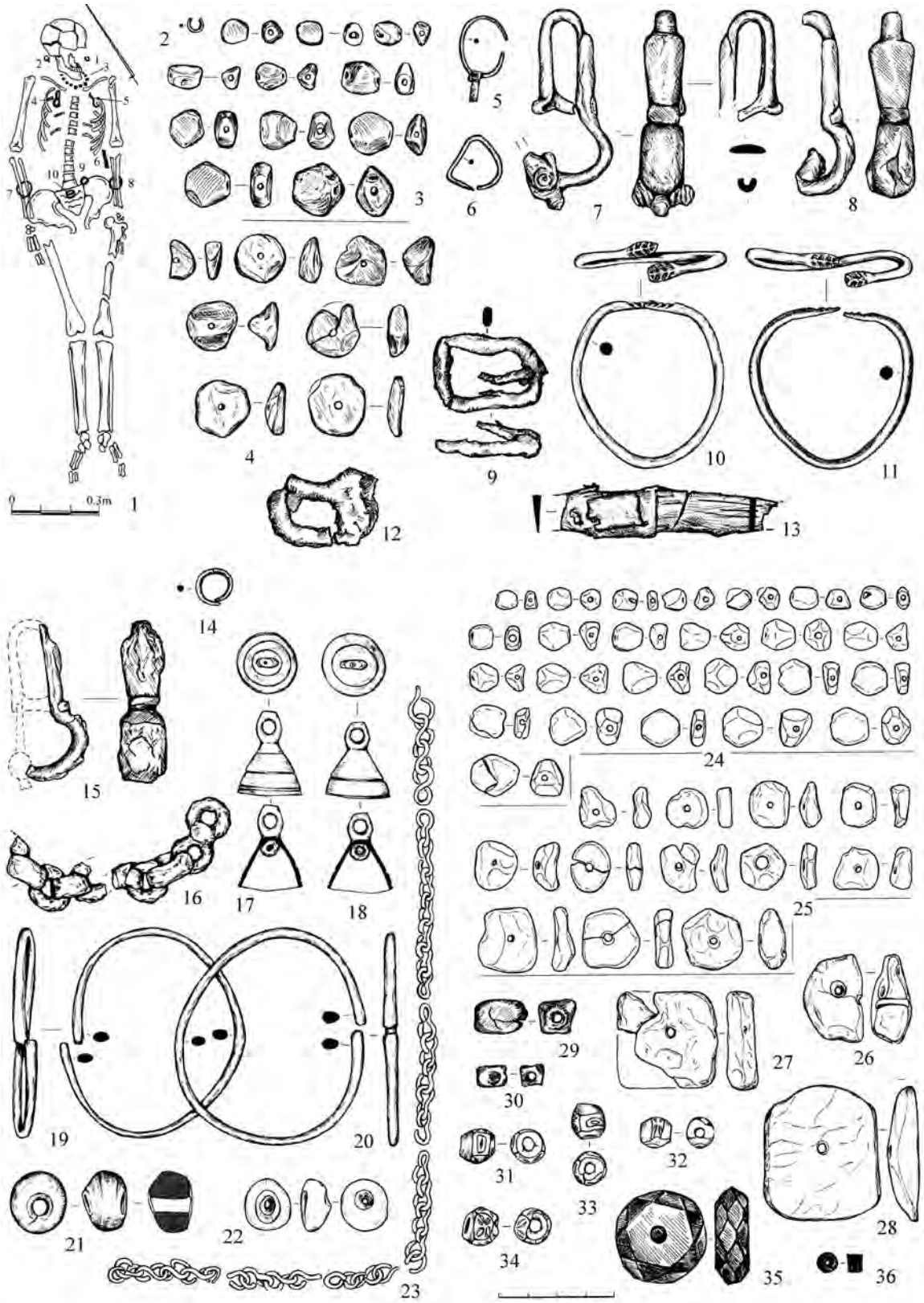
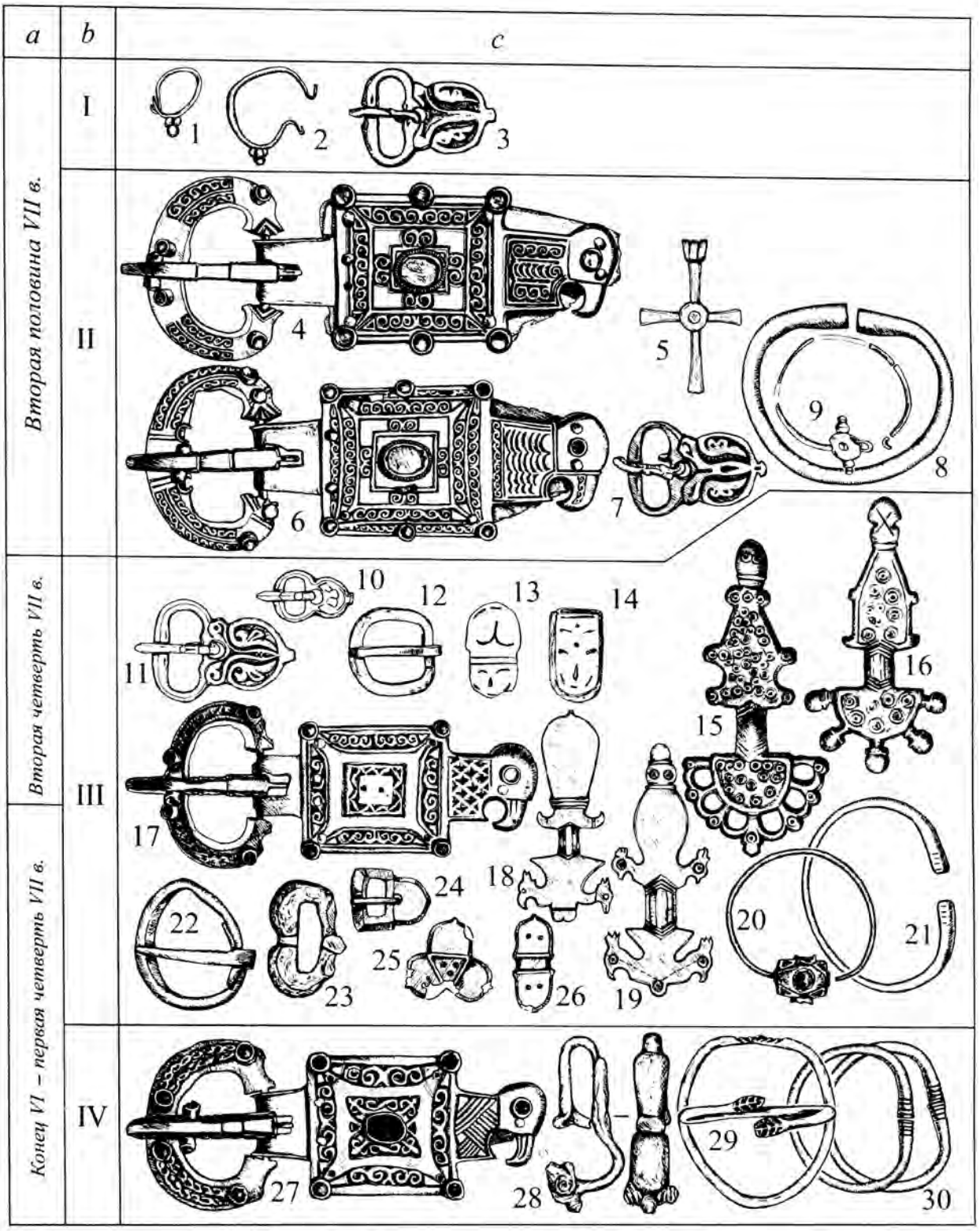
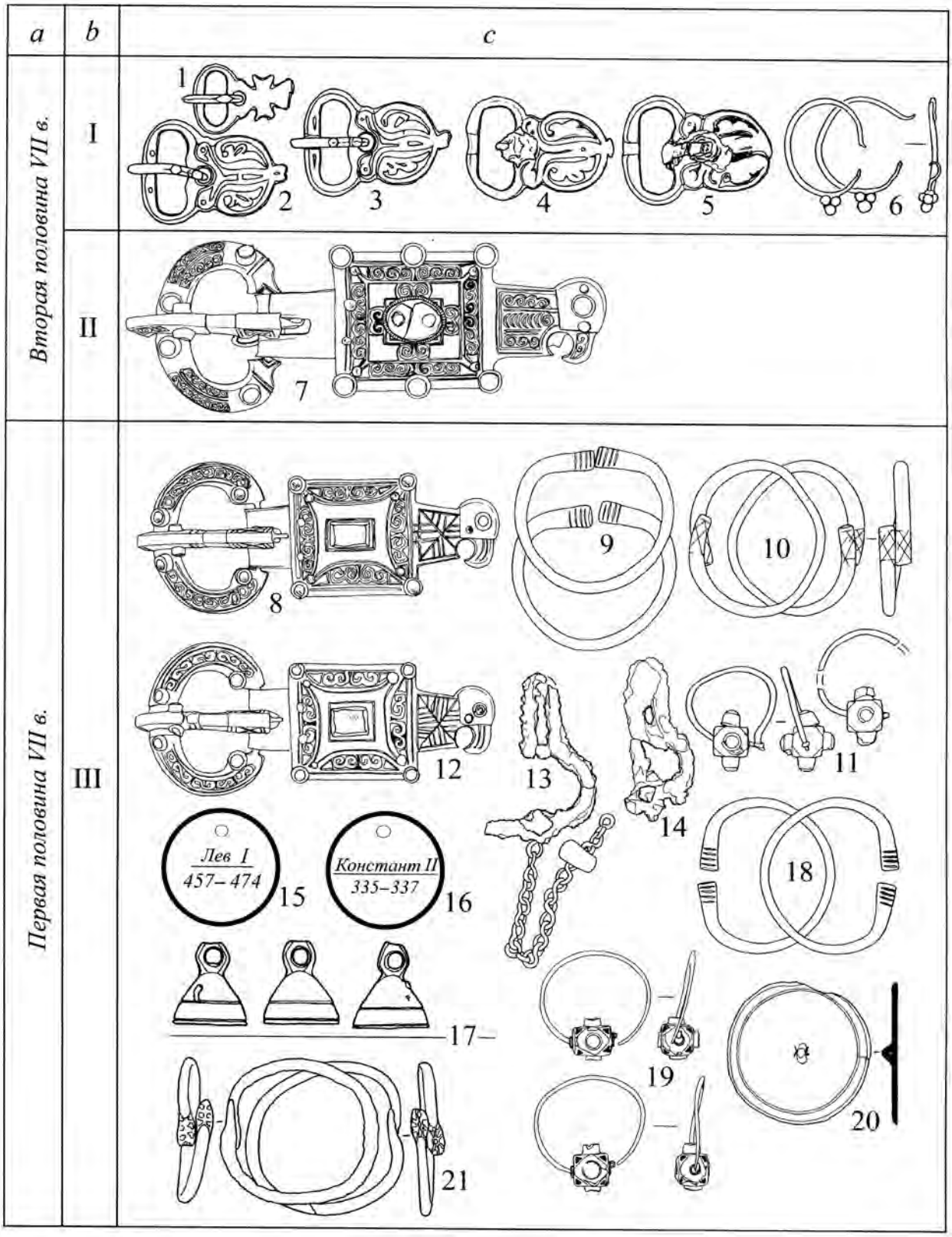


Рис. 20. Лучистое, склеп 38 (слой 4), погр. 14 (1-13) и 16 (14-36; план см. на рис. 19). Цифры на плане произвольны (По [Айбабин, Хайрединова, 2008].).



Стратиграфия склепа 38. *a – датировка; b – номера слоев с захоронениями; c – инвентарь погребений. 1, 3 – погребение 2; 2 – погребение 1; 4 – погребение 4; 5 – погребение 6; 6–9 – погребение 3; 10 – погребение 12; 11 – погребение 10; 12–16 – погребение 9; 17–21 – погребение 8; 22, 23 – погребение 13; 24–26 – погребение 11; 27, 30 – погребение 17; 28, 29 – погребение 14*

Рис. 21. Стратиграфия находок в склепе 38 из Лучистого (по [Айбабин, Хайрединова, 2008]).



Стратиграфия склепа 232. *a – датировка; b – номера слоев с захоронениями; c – инвентарь погребений. 1, 2 – погребение 3; 3, 4 – погребение 1; 5, 6 – погребение 2; 7 – погребение 4, орлиноголовая пряжка 5-го варианта; 8, 9 – погребение 10 (8 – орлиноголовая пряжка 2-го варианта; 9 – потертая позднеримская монета); 10, 11 – погребение 11; 12–20 – погребение 9 (12 – орлиноголовая пряжка 2-го варианта); 21 – погребение 7*

Рис. 22. Стратиграфия находок в склепе 232 из Лучистого (по [Айбабин, Хайрединова, 2008]).

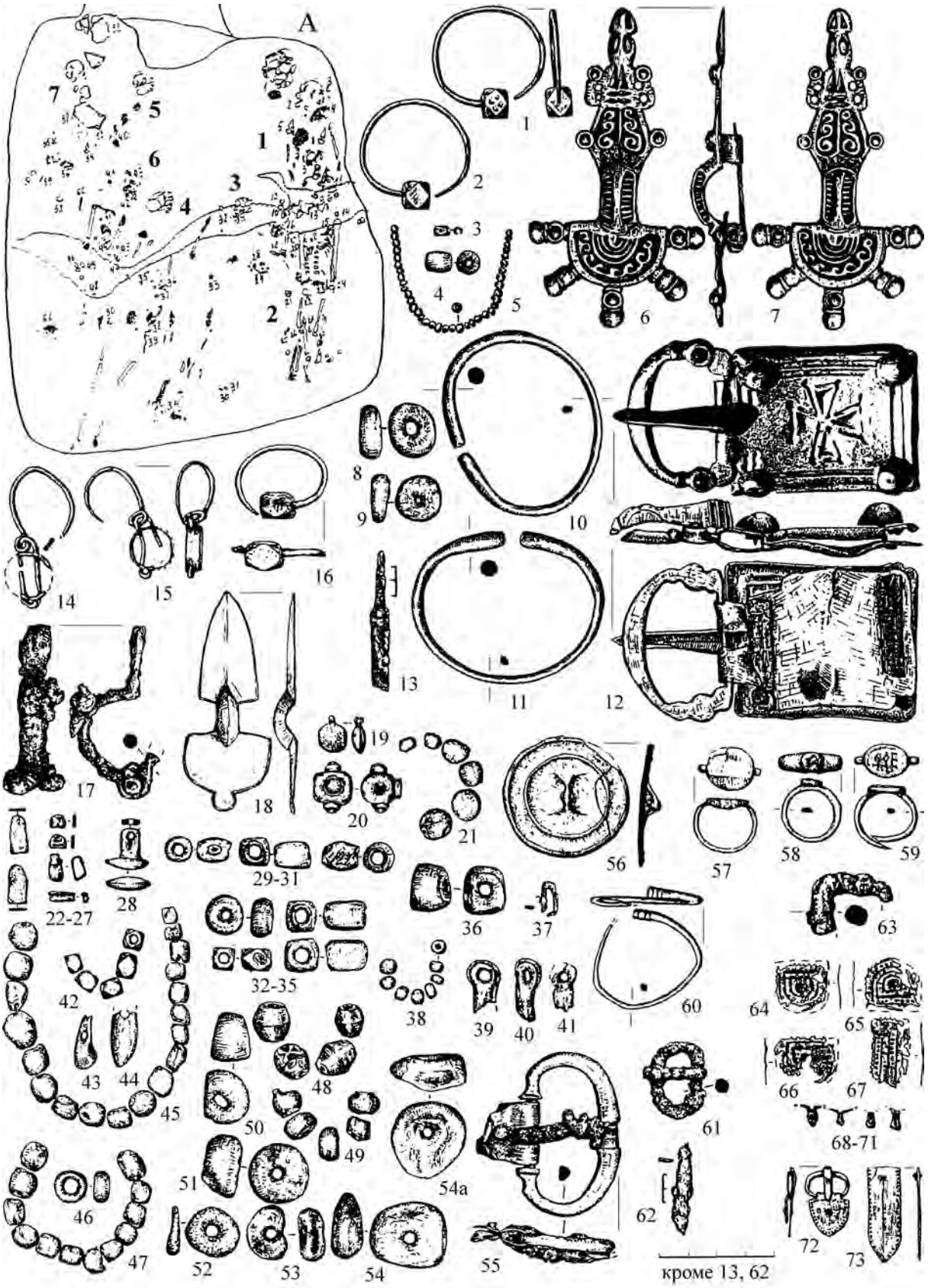


Рис. 23. Лучистое, склеп 77 (по [Айбабин, Хайрединова, 1999]).
А – план (без масштаба и ориентировки); 1-13 – погр. 1; 14-62 – погр. 2; 63-73 – погр. 1 или 2.
Продолжение на рис. 24.

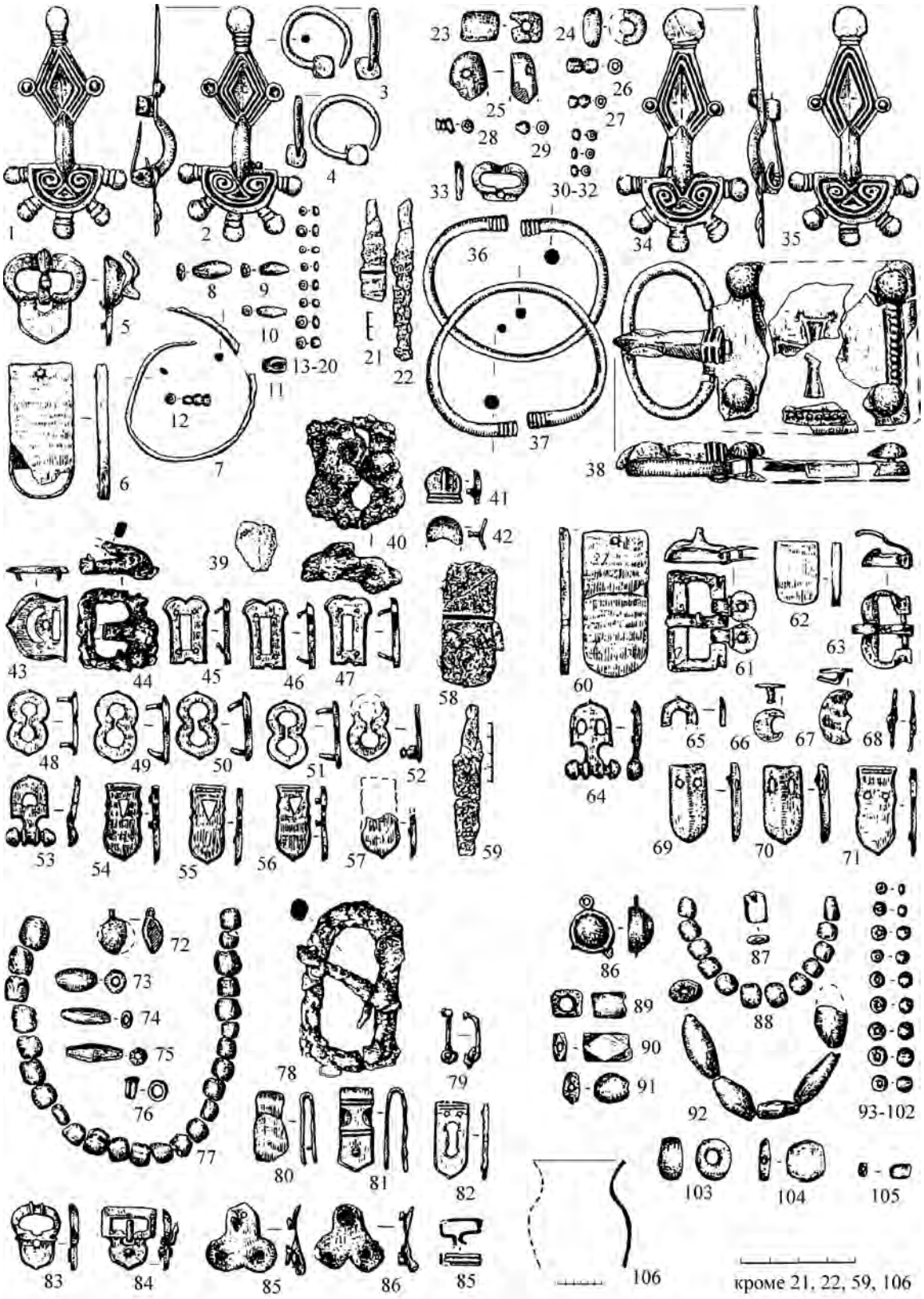


Рис. 24. Лучистое, склеп 77 (по [Айбабин, Хайрединова, 1999]).
1-20 – погр. 6; 21-38 – погр. 7; 39-59 – погр. 4; 60-71 – погр. 5; 71-85 – погр. 3;
86-105 – у северо-западной стенки; 106 – близ погр. 1.
Начало на рис. 23.

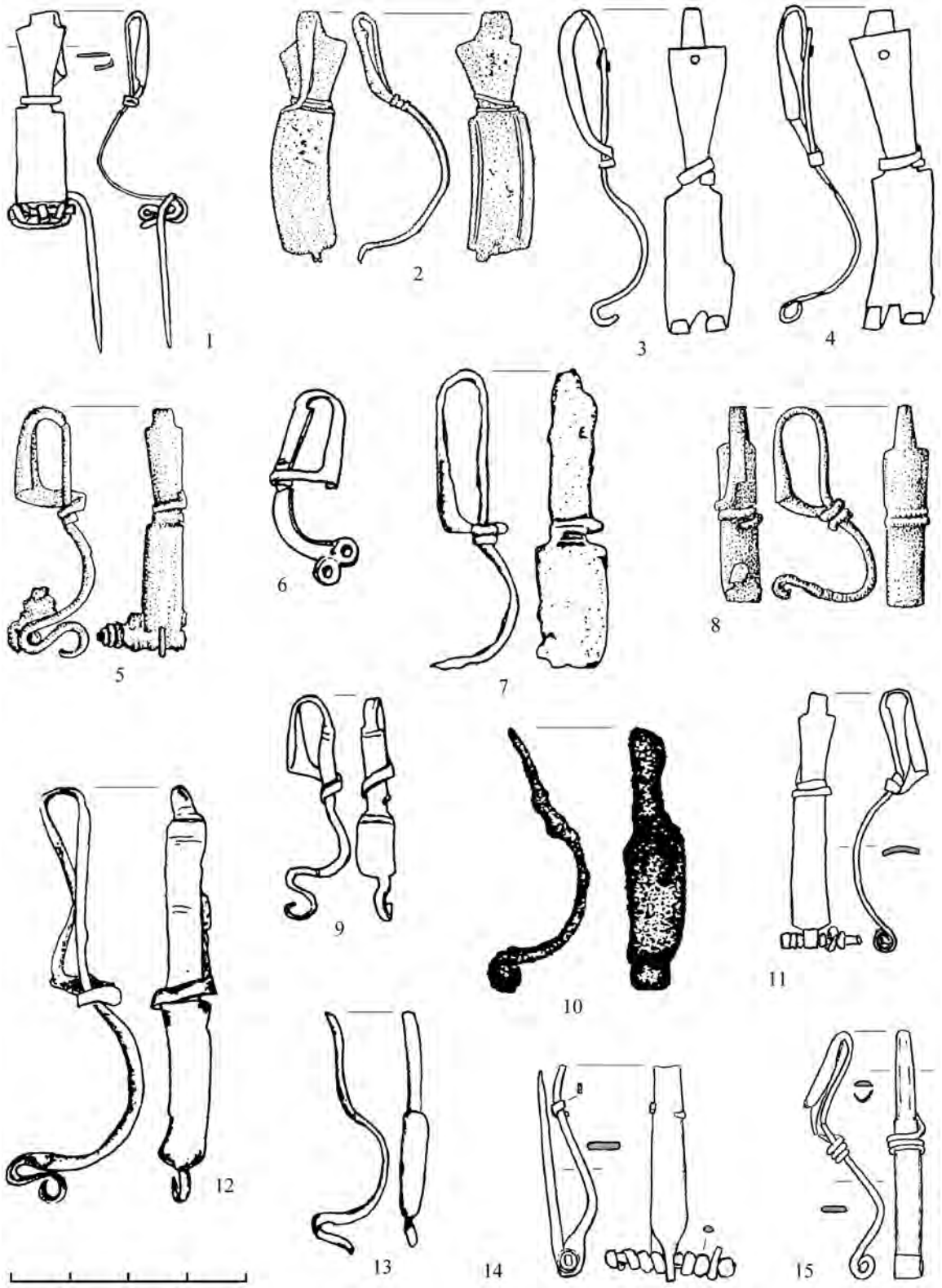


Рис. 25. Неорнаментированные фибулы с пластинчатым корпусом.
1 – коллекция Исторического музея во Львове; 2 – Давидень-Нямц; 3 – Кагамлык; 4 – Градижск; 5 – коллекция Национального музея древностей в Бухаресте; 6 – Нови Бановци; 7 – Малек Преславец, жилище; 8 – Поян-Ковасна; 9 – Горний Стредец у Прилужья; 10 – Драгоево; 11 – Волошское, Сурская Забора; 12 – Копривец, в крепости; 13 – Стан, ур. «Станата»; 14 – Сербский Банат; 15 – Одерци (см. примечание на с. 60).

Памятники типа Беседы на Верхней Волге

(И.В. Исланова)

Многочисленные вопросы, связанные с изучением дьяковских древностей (границы их ареала, хронология, этнокультурная принадлежность), вызваны, прежде всего, нерасчлененностью памятников (и горизонтов на них) по культурно-хронологическим группам. Накопленный к настоящему времени материал по неукрепленным поселениям (многослойные городища менее информативны) позволяет выделять на Верхней Волге особые типы (группы) памятников, различающиеся между собой культурной наполняемостью[1] [Исланова, 2007, с. 306-308, 310, 311].

Опорным поселением при выделении одной из таких культурно-хронологических групп является селище Беседы (рис. 1, 2). Оно находится в Калининском районе Тверской области на правом коренном берегу р. Волги на высоте 15 м над водой. Памятник многослойный, однако разновременные материалы достаточно четко удается дифференцировать по объектам разных эпох: эпоха бронзы, ранний железный век, древнерусское время, средневековье.

Интересующий нас слой поселения был поврежден при сооружении здесь древнерусских курганов, а его северо-восточная часть перекрыта отложениями средневековой деревни. Судя по распространению лепной керамики раннего железного века, протяженность селища вдоль реки составляет 255 м при ширине до 70 м [Кунгурцева, Степанова, Жукова, 2009]. Мощность культурного слоя (черной гумусированной супеси с обожженными камнями) в центральной прибрежной части – 0,5 м, на периферийных участках – 0,2 м.

Поселения эпохи бронзы и раннего железного века у д. Беседы были выявлены в 1975 г. Г.В. Харитоновым при обследовании им курганного могильника Беседы 1, известного с начала XX в. Культурный слой исследовался экспедицией Тверского государственного университета в 1994, 1997-1999, 2000-2001 гг. при изучении курганов и в небольших раскопах. В общей сложности было вскрыто 260 кв. м. Результаты этих работ неоднократно публиковались [Лагуткина, Степанова, 2001; Степанова, Жукова, 2002; Кунгурцева, Степанова, Жукова, 2009], а в 2004 г. С.А. Кунгурцевой было защищено дипломное сочинение, составной частью которого стал анализ материалов селища Беседы раннего железного века [Кунгурцева, 2004]. Однако за рамками публикаций и диплома остались некоторые аспекты, связанные со своеобразной керамикой и неординарностью самого поселения[2].

На рассматриваемом памятнике, по моему мнению, присутствуют материалы двух разновременных поселений раннего железного века. Более ранние находки, относящиеся, видимо, к сильно поврежденным отложениям **раннедьяковского селища**, выделяются достаточно четко.

Керамическая коллекция с поселения Беседы насчитывает свыше 3300 фрагментов посуды и 6 миниатюрных сосудиков (целых и реконструируемых). С раннедьяковским горизонтом можно связать не менее 98 фрагментов сетчатой посуды. Судя по фрагментам, это были в основном горшки плавной профилировки (рис. 3: 1-4) К тому же периоду следует отнести не менее шести гладкостенных фрагментов, в том числе двух венчиков, с орнаментом в виде отпечатков гребенчатого штампа (рис. 3: 5), часто украшавшего раннедьяковскую посуду [Исланова, 2008, с. 34]. Время отложения раннедьяковского слоя уточняет находка наконечника железной стрелы с черенком в виде «ласточкина хвоста», датируемого IV-III вв. до н.э. (тип 5 по К.А. Смирнову) [Смир-

[1] Следует сразу оговорить, что хронологические рамки остаются довольно расплывчатыми, так как на подавляющем большинстве дьяковских памятников нет или не выявлены «условно закрытые» комплексы.

[2] Пользуюсь случаем поблагодарить авторов раскопок селища Беседы, любезно предоставивших возможность непосредственно ознакомиться с керамическими и вещевыми материалами.

нов, 1974, с. 34]. Возможно, к раннедьяковскому горизонту относится и серия неопределимых костяных предметов.

С поселением следующего периода можно связать обнаруженные в раскопе 2001 г. остатки хозяйственной постройки с квадратной (3х3 м) ямой, углубленной в материк на 0,8-0,9 м. В углах ямы были прослежены (не обозначенные на плане) столбовые ямки, заглубленные относительно дна на 5-10 см (рис. 4) [Степанова, Жукова, 2002, с. 16]. В нижней части заполнения объекта найдены фрагмент костяного предмета (рис. 16: 7) и миниатюрный сосуд (рис. 5: 8). Нет никаких оснований для предлагаемой в публикациях интерпретации зафиксированной ямы как остатков полуземлянки. Вне всякого сомнения, на селище существовали постройки столбовой конструкции, от которых в материке были прослежены следы канавок. Керамический материал из ямы, к сожалению, был собран единым массивом из разных слоев. Верхняя часть заполнения ямы (не менее 0,55-0,6 м от поверхности материка), судя по стратиграфии, не относилась к остаткам постройки.

Характеризующая поселение керамика происходит из культурного слоя двух небольших раскопов, а также из шурфов, зачисток, напластований, сохранившихся под основаниями древнерусских курганов, и слоев, использованных для их сооружения. В последнем случае собранные фрагменты фактически являются подъемным материалом.

До моего обращения к материалам селища Беседы посуда анализировалась по типологии И.Г. Розенфельдт [Розенфельдт, 1974]. Найденная керамика была распределена С.А. Кунгурцевой (в зависимости от реконструируемой формы верхней части сосудов) по отделам, типам, вариантам [Кунгурцева, 2004, с. 51-54]. Вся посуда лепная. В керамическом тесте встречена примесь дресвы, в основном крупной; днища, как правило, имеют закраины. Как отдельная категория анализировались шесть миниатюрных сосудиков. Также были рассмотрены виды орнамента: защипной, ямчатый, штамп, ногтевой, прочерченный и гребенчатый. Выяснено, что господствуют три первых вида.

Следуя предлагаемой мною классификации (на уровне групп или стилей), которая включает и миниатюрную керамику [Исланова, 2001; 2008, с. 32], на селище Беседы можно выделить следующие группы сосудов: 1; 2; 3, подгруппа 1 (с S-видной профилировкой) и подгруппа 2 (с плавной профилировкой); 4, подгруппа 1 (с «густым» орнаментом), подгруппа 2 (с резко отогнутой шейкой и орнаментом только по краю венчика) и подгруппа 3 (с плавной профилировкой и редким орнаментом, преимущественно по краю венчика); 7 и обломки крышек. Подгруппа 3 группы 4 была выделена после анализа материалов именно этой коллекции. Всего анализируется 3 целых и 64 фрагмента верхних частей сосудов.

Керамика **группы 1** представлена 19 фрагментами и тремя целыми и реконструируемыми сосудами (рис. 3: 6, 7; 5: 5-9; 6: 1; 7: 3, 7). Это горшки без шейки и плечиков. По И.Г. Розенфельдт, они относятся к слабопрофилированным типам 1, 2 и 3 [Розенфельдт, 1974, с. 127, 129]. За исключением миниатюрного экземпляра, они украшены ямками, нарезками по тулову, а иногда и по краю венчика. Орнаментированный миниатюрный сосудик почти идентичен горшочку с Троицкого городища (рис. 5: 6; 12: 8) [Розенфельдт, 1971, рис. 11: 21]. Преобладающая форма группы 1 – баночная; встречены мисковидные горшки.

Сосуды этой группы хорошо представлены на раннедьяковских памятниках Верхнего Поволжья с сетчатой посудой [Исланова, 2008, с. 32]. Впрочем, подобная профилировка, видимо, универсальна для лепной керамики. Она известна на многих памятниках лесной зоны Восточной Европы и доживает до 2-ой половины I тыс. н.э., например, на поселении Крутик [Макаров, 1991, рис. 6: 4]. Отличительной чертой дьяковских древностей типа Беседы является орнаментация такой посуды.

К **группе 2** можно отнести шесть фрагментов слабопрофилированных горшков с короткой, утончающейся к краю венчика шейкой (рис. 5: 1; 6: 2; 7: 5, 6, 8; 8: 6). Только один фрагмент не имеет орнамента, остальные украшены по тулову и плечу защипами, вдавлениями, ямками и нарезками по срезу венчика.

Подобная посуда известна на городищах Верхнего Поволжья, в частности на городище Отмичи, и, видимо, не характерна для остальных дьяковских регионов и смежных с ними территорий. Следует отметить, что в рассматриваемом ареале такая же форма верхней части сосудов встречена у сетчатой керамики раннедьяковского времени [Исланова, 2008, с. 34, рис. 115-119]. Это, возможно, позволяет говорить о культурной преемственности и о том, что при исчезновении сетчатой посуды здесь не произошла полная смена населения.

В **группу 3** *подгруппу 1* вошло пять фрагментов горшков с S-видным профилем (рис. 7: 2; 8: 7). К слабопрофилированным сосудам подгруппы 2 причислены десять фрагментов (рис. 7: 1, 5; 8: 2, 3; 10: 1,3, 5-8). Такая посуда соотносится с типом 5 по И.Г. Розенфельдт [Розенфельдт, 1974, с. 129]. По наличию рельефного орнамента из ямок и защипов и орнаментированному краю венчика керамика близка следующей группе 4.

Керамика **группы 4** – сосуды с плавно изогнутой шейкой и, как правило, орнаментированным краем венчика. Она делится на три подгруппы[3].

[3] Следует отметить, что данная классификация дьяковской керамики находится в стадии разработки и при появлении нового материала дополняется и уточняется. Первоначально (по материалам городища Отмичи) выделялось только две подгруппы [Исланова, 2008, с. 34, 35].

По классификации И.Г. Розенфельдт такая посуда сопоставима с типом 3 и вариантами 2 и 3 типа 5 [Розенфельдт, 1974, с. 128-130]. Выделяемые мною подгруппы керамики находятся как бы «внутри» ее классификации.

В *подгруппу 1* включены девять фрагментов сосудов, имеющих орнамент (защипы, разнообразные штампы, в том числе рельефный) не только по краю венчика, но и по тулову, плечикам или шейке (рис. 6: 4; 7: 4; 8: 1, 4, 5; 9: 2-5).

В *подгруппу 2* вошли семь фрагментов верхних частей сосудов с резко изогнутой длинной шейкой и длинным пологим плечом, относительно толстостенных (в области шейки – 5-8 мм). Орнамент по краю венчика у них несколько иной: отпечатки веревочки или шнура, двудольные ямки (рис. 11: 2, 4-8). Только в одном случае прослежен тычковый орнамент на участке перехода от шейки к плечу. Фрагменты сосудов подгруппы 2 не найдены в слое раскопа, где были обнаружены остатки постройки, а происходят из зачистки на краю берега, а также из переотложенного грунта насыпей курганов.

Можно предполагать, что керамика группы 4 подгруппы 2 бытовала не одновременно с остальными подгруппами, а несколько позже. Например, на Троицком городище, в отличие от фрагментов сосудов подгруппы 1, такая посуда обнаружена преимущественно в верхнем горизонте слоя I [Розенфельдт, 1971, с. 72-73]. Основанием для вывода о более позднем бытовании керамики подгруппы 2 также служат материалы городища Орлов Городок, расположенного в бассейне Верхней Волги и датируемого III-VII вв. н.э. На этом городище группа 4 подгруппа 2 представлена вторым по количеству массивом после набора посуды мощинского круга (фонды ТГОМ). Гладкостенные сосуды, имеющие орнамент только по краю венчика и S-видную профилировку верхней части, встречены и в лесной, и в лесостепной зонах Восточной Европы. Не исключено, что наиболее близкие аналоги керамике подгруппы 2 следует искать в древностях среднего слоя Тушемли (варианты 1, 2 по А.Г. Фурасьеву), датируемых концом I – началом III вв. н.э. [Лопатин, Фурасьев, 2007, с. 83-85, рис. 39: 10; 40: 11, 12; 41: 5]. Более аргументированно об истоках традиции изготовления такой посуды на Верхней Волге можно будет говорить только после увеличения источниковой базы.

В *подгруппу 3* включены семь фрагментов сосудов, преимущественно со слабо и плавно изогнутой шейкой, без орнамента или украшенных (мелкими ямками, нарезками) только по краю венчика. Керамика относительно тонкостенна (толщина шейки 3,5-4 мм) (рис. 5: 2-4, 11: 3). Основанием для выделения сосудов с такой формой верхней части в отдельную группу послужило происхождение большинства их из вышеописанной подпольной материковой ямы постройки, а также наличие подобной керамики в слое раннего железного века, зафиксированном на правом берегу р. Волги под отложениями средневекового бывш. Затьмацкого посада г. Твери (сообщение И.А. Сафаровой). Данных об одновременности бытования посуды подгрупп 1 и 3 нет. Время ее появления и происхождение остаются под вопросом. По профилировке верхней части она близка среднетушемлинской керамике вариантов 3, 4 по А.Г. Фурасьеву [Лопатин, Фурасьев, 2007, с. 84], но сосуды из Бесед более тонкостенны и имеют иной («мелкий») орнамент по краю венчика.

Близкая группе 4 (всех вариантов) посуда известна на дьяковских поселениях Верхневолжья и юго-западного Москворечья [Розенфельдт, 1971, рис. 12, 13, 21; 1974, рис. 24; Исланова, 2008, рис. 133-138].

Два фрагмента сосудов с высокой «наклоненной внутрь» шейкой предположительно отнесены к **группе 7** (рис. 9: 1; 11: 1). Один орнаментирован по краю венчика нарезками и почти аналогичен фрагменту, найденному в Отмичах [Исланова, 2008, рис. 161: 7]. Другой имеет рельефный орнамент в виде защипов по тулову и мелкие ямки по краю венчика.

В коллекции есть также фрагменты не менее четырех **крышек** (рис. 6: 3; 10: 4). Среди них имеются изделия с рельефным и прочерченным орнаментом. Следует также упомянуть о двух фрагментах сосудов с прочерченными линиями (рис. 9: 6). Такая орнаментация встречена на керамике Троицкого городища [Розенфельдт, 1971, рис. 22: 12, 15, 17] и поселения Царицыно 1 («Церера») [Кренке и др., 2008, рис. 46].

Рассмотренный материал можно распределить по нескольким наборам. Наборы дьяковской посуды Верхневолжья, характерные для определенных культурно-хронологических периодов, первоначально были выделены на материалах городища Отмичи [Исланова, 2008, с. 37, 38]. В них входят сосуды разных групп и форм (баночные, воронковидные, мисковидные, округлобокие горшки и миски). На селище Беседы представлены наборы с «густо орнаментированной» гладкостенной керамикой и с тонкостенной керамикой, орнаментированной по краю венчика. Последний был выделен после анализа материалов данного поселения.

В набор «густо орнаментированной» посуды включены сосуды групп 1, 2, 3, 4 (подгруппа 1) и 7 с ямочным, рельефным (в основном защипами), штамповым орнаментом (овальные, дугообразные, кольцевидные отпечатки) и двудольными нарезками (рис. 6: 1- 4; 7: 1-6, 8; 8: 3-5, 7; 9: 1, 4; 10: 1, 3, 5-8). Этот набор является основным маркером для древностей типа Беседы. В зависимости от вида орнаментации в нем можно выделить несколько «сервизов», например с

ямочным орнаментом, с рельефным орнаментом и т.п.

Наиболее близкие по формам и орнаментации, а иногда почти идентичные данному набору сосуды известны на Троицком городище и происходят в основном из нижнего слоя, датируемого концом I тыс. до н.э. (рис. 12) [Розенфельдт, 1971, с. 72-75, рис. 24; 27]. И.Г. Розенфельдт прослежена общая тенденция изменения украшений на посуде: рельефная керамика нижнего горизонта нижнего слоя городища сменяется более профилированными сосудами со «слабо выступающим орнаментом».

Во второй набор вошли тонкостенные в верхней части сосуды групп 1, 2 и 4 (подгруппа 3), орнаментированные мелкими ямками по краю венчика (рис. 5: 1-5; 11: 3). Недостаточная источниковая база не позволяет говорить о синхронности или асинхронности существования рассмотренных наборов.

Предположительно, на заключительном этапе функционирования поселения здесь появляется керамика среднетушемлинского круга (группа 4 подгруппа 2) (рис. 11: 2, 4-9). Возможно, к этому набору «тяготеет» какая-то часть керамики с «разреженной орнаментацией», расположенной, помимо края венчика, на участке перехода от шейки к плечу (рис. 7: 7; 8: 1, 2, 6; 9: 2, 3, 5). Следует также обратить внимание на отсутствие на селище Беседы находок лощеной и подлощенной посуды, появляющейся в юго-западной части Волго-Окского междуречья (городище Дьяково) примерно в I-II вв. н.э. (Кренке, 1987, с. 10), а на верхневолжском городище Отмичи – не ранее IV в. н.э. [Исланова, 2008, с. 38].

С двумя основными керамическими наборами поселения Беседы связано и большинство индивидуальных находок, позволяющих определить общее время функционирования исследованных участков селища. Это восемь дьяковских грузиков типов 1, 7, 9 по К.А. Смирнову [Смирнов, 1971б, рис. 1]. Из них один сильно фрагментирован (рис. 14). Четыре изделия, орнаментированные крупными ямками, близки к выделенной мной на городище Отмичи группе 2 [Исланова, 2008, с. 24]. Возможно, особенностью грузиков из Бесед является то, что насечки на верхнем диске для них не характерны. По К.А. Смирнову, грузики зафиксированных типов в основном бытовали в конце I тыс. до н.э. – первых веках н.э. [Смирнов, 1974, с. 65].

Три грузика имеют иной орнамент: единичные вдавления (?) и прочерченные линии (зигзаги и клетки) (рис. 14: 3, 4, 8). Последнее изделие происходит из верхнего заполнения подпольной ямы постройки. Аналогичный декор есть на грузиках Троицкого городища [Смирнов, 1971б, рис. 3, 4]. Зигзаг распространен на грузиках и керамике днепро-двинской культуры; реже встречается на верхневолжских поселениях [Исланова, 2008, с. 26, рис. 79: 3]. Схожие зигзагообразные нарезки встречены и на фрагментах посуды из Бесед (рис. 10: 2, 4). По наблюдениям И.Г. Розенфельдт, керамика с аналогичным орнаментом фиксируется в нижнем слое Троицкого городища [Розенфельдт, 1971, с. 47].

Железные изделия представлены спиралеконечной булавкой (рис. 15: 7). Подобные предметы известны на дьяковских памятниках в слоях последних веков I тыс. до н.э. [Смирнов, 1974, с. 45]. Фрагмент железного предмета (рис. 15: 5), определенный авторами раскопок как булавка, к таковым отнести нельзя.

Со слоем рассматриваемого поселения связаны, возможно, обломок железного кольца-полуфабриката (рис. 15: 3) и два железных ножа с горбатой спинкой (рис. 15: 1, 2). По К.А. Смирнову, такие ножи (тип 2) бытуют в лесной зоне Восточной Европы с конца I тыс. до н.э. по середину I тыс. н.э. [Смирнов, 1974, с. 37, 38]. Железный втульчатый с ушком топор-кельт (рис. 15: 4) происходит из подъемного материала. Он был обнаружен на бечевнике и связан, по всей видимости, с разрушенным рекой слоем поселения. Находка хорошо «укладывается в культурные рамки» анализируемого селища. Ближайший аналог ей найден в нижнем слое Троицкого городища, датируемом концом I тыс. до н.э. – первыми веками н.э. [Розенфельдт, 1971, с. 76]. Сходные находки происходят с городища Подгай (днепро-двинская культура) и из могильников первых веков н.э. в Эстонии [Смирнов, 1974, с. 42].

Аналоги крупной серебряной умбоновидной бляхе неизвестны (рис. 16: 1). Фрагменты похожих крупных ажурных блях из «домика мертвых» (раскоп 3) Усть-Бельского комплекса в Мологo-Шекснинском междуречье датируются II в. до н.э. – I в. н.э. [Башенькин, Васенина, 2004, с. 21, рис. 3: 10-12, 17]. Таким образом, основной вещевой материал, найденный на селище Беседы, позволяет определить хронологию анализируемого слоя концом I тыс. до н.э. – первыми веками н.э.

Помимо обозначенных вещей с культурными отложениями этого времени можно связать следующие изделия: бронзовую пластину, предполагаемые костяные рукояти ножей, неопределимый костяной предмет, фрагменты оселка и тигля, грузило из известняка и прямоугольный камень для обработки (шлифовки?) каких-то изделий (рис. 16: 2-9).

Рассмотренные материалы основных напластований селища (без учета единичных раннедьяковских находок и фрагментов посуды среднетушемлинского круга) являются опорными для выделения особой культурно-хронологической группы древностей в Верхневолжском регионе – памятников типа Беседы. Эти древности возникают здесь после прекращения изготовления (в мас-

совом количестве) сетчатой керамики. Главные отличия их от предшествующих и последующих памятников следующие.

1. Преобладание «густо орнаментированной» керамики с рельефным и/или «слабо выступающим» орнаментом.

2. Наличие грузиков дьякова типа с крупным ямчатым (группа 2 по И.В. Ислановой) и/или нарезным орнаментом

3. Наличие среди индивидуальных находок изделий (например, топор-кельт), имеющих аналоги в балтских древностях, лежащих южнее и юго-западнее (в Верхнем Поднепровье и Подвинье).

4. Отсутствие лощеной и подлощенной посуды.

На основании указанных выше маркеров на Верхней Волге и в ее бассейне среди материалов поселений, имеющих мощные напластования, можно выделить «комплексы», указывающие на наличие здесь культурного горизонта типа Беседы.

Судя по материалам стационарно исследовавшихся памятников, в настоящее время можно говорить о наличии таких горизонтов на пяти поселениях (рис. 1). Самый южный памятник – городище Лесничино на р. Вазузе, левом притоке Волги. Судя по фото в полевом отчете [Смирнов, 1971а], здесь помимо раннедьяковского слоя были зафиксированы напластования с «густо орнаментированной» керамикой (ямочный орнамент). Коллекция посуды не сохранилась. Ниже по течению Волги горизонты с подобной керамикой (с ямочным, рельефным и прочерченным орнаментом) и грузиками дьякова типа, украшенными крупными ямками, известны на городищах Дулёво, Отмичи, Поминово (рис. 13), Пекуново и селище Ширяково [Исланова, 2002, рис. 8; 2008, рис. 178-179].

Выделяемая группа дьяковских памятников типа Беседы позволяет говорить об определенном культурном этапе в конце I тыс. до н.э. – начале I тыс. н.э. на Верхней Волге и в юго-западной части Москворечья. Как исчезает сетчатая керамика (резко или постепенно), остается неясным. На поселениях (горизонтах) типа Беседы доминируют наборы с гладкостенной «густо орнаментированной» посудой. На имеющихся материалах невозможно проследить развитие этой посуды в зависимости от характера орнамента (например, от рельефного к «слабо выступающему»). Не исключено, что параллельно или на каком-то из хронологических подэтапов (выделение которых – дело будущего) здесь бытовали тонкостенные сосуды, орнаментированные только по краю венчика.

Несомненно, что новое культурное наполнение возникает при импульсе – скорее всего, притоке нового населения. О том, что не происходит полная смена населения, свидетельствует особая группа (2) массового материала, присутствующая в керамических наборах и не имеющая аналогов за пределами дьяковского ареала. Возможно, существовала преемственность в орнаментации ямками между раннедьяковской сетчатой и посудой памятников типа Беседы (ямочный орнамент известен на сетчатой керамике городищ Отмичи [Исланова, 2008, рис.118: 8; 157: 1], Лесничино [Смирнов, 1992, с. 52], селища Непеино 1 (фонды ТГОМ, раскопки И.Н. Черных)).

Новый культурный импульс (а их было явно несколько в разные периоды дьяковской культуры) достигает не только верховьев Волги, но и бассейна Верхней Москвы-реки. С Троицкого городища (преимущественно из нижнего слоя) происходят наиболее близкие или почти идентичные материалам селища Беседы по форме и орнаментации керамика, грузики Дьякова типа, другие изделия.

Исходная территория культурных импульсов лежит юго-западнее и западнее представленного в статье региона. На появление новых черт, свойственных балтским культурам, исследователи неоднократно обращали внимание (см., например [Розенфельдт, 1974, с. 196]). Прежде всего, по орнаментации керамика памятников (и горизонтов) типа Беседы близка посуде «городищ Смоленщины, Белоруссии, Прибалтики», Верхней Оки, т.е. днепро-двинской и верхнеокской культур [Розенфельдт, 1971, с. 75], а также, по нашему мнению, и верхнего течения Десны, т.е. юхновской культуры (см., например [Алихова, 1962, рис. 18: 2-5]). Какие-либо окончательные суждения по этому поводу возможны после увеличения источниковой базы, причем не только по верхневолжским, но и по перечисленным балтским древностям.

Литература

Алихова А.Е. 1962. Древние городища Курского Посеймья // МИА. 113.

Башенькин А.Н., Васенина М.Г. 2004. Усть-Бельский археологический комплекс на р. Кобоже // Чагодощенская земля. Культура, история, люди. Вологда.

Исланова И.В. 2001. Опыт классификации керамики поселений дьякова типа // ТАС. 4-II.

Исланова И.В. 2002. Керамика городища Дулёво (Козлово) // ТАС. 5.

Исланова И.В. 2007. Верхневолжье и Валдай // Восточная Европа в середине I тысячелетия н.э. М.

Исланова И.В. 2008. Городище Отмичи. М.

Кренке Н.А. 1987. Культура населения бассейна Москвы-реки в железном веке в раннем средневековье. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.

Кренке Н.А., Агеева К.Е., Григорян С.Б., Ершов И.Н., Кравцов А.Е., Леонова Е.В. 2008. Поселение Царицыно 1 («Церера») // Археология парка Царицыно. М.

Кунгурцева С.А., Степанова Ю.В., Жукова Е.Н. 2009. Поселение раннего железного века Беседы в Тверской области // ТАС. 7. Тверь.

Кунгурцева С.А. 2004. Комплекс археологических памятников Беседы. Дипломная работа // ТГУ, исторический факультет. Тверь.

Лагуткина Е.В., Степанова Ю.В. 2001. Комплекс археологических памятников у д. Беседы: предварительные итоги исследований // ТАС. 4-II. Тверь.

Лопатин Н.В., Фурасьев А.Г. 2007. Северные рубежи раннеславянского мира в III-V вв. М.

Макаров Н.А. 1991. Лепная керамика поселения Крутик // Голубева Л.А., Кочкуркина С.А. Белозерская весь. Петрозаводск.

Розенфельдт И.Г. 1971. Керамика Троицкого городища // Древнее поселение в Подмосковье (МИА. 184). М.

Розенфельдт И.Г. 1974. Керамика дьяковской культуры // Дьяковская культура. М.

Смирнов К.А. 1971а. Отчет о раскопках на городище Лесничино // Архив ИА РАН. Р-1. № 4415.

Смирнов К.А. 1971б. К вопросу о систематизации грузиков «дьякова типа» с Троицкого городища // Древнее поселение в Подмосковье (МИА. 184). М.

Смирнов К.А. 1974. Дьяковская культура // Дьяковская культура. М.

Смирнов К.А. 1992. Жилище на городище у д. Лесничино на р. Вазузе // СА. 1.

Степанова Ю.В., Жукова Е.Н. 2002. Археологические исследования комплекса памятников у д. Беседы в 2000-2001 годы // Из архива Тверских историков. Тверь.

I.V. Islanova

The sites of Besedy type in the Upper Volga region

Resume

A new cultural-chronological group of Besedy type sites was distinguished for the forest zone antiquities of the Eastern Europe dated by the end of the 1st millennium BC – 1st millennium AD. The site Besedy is a basic unfortified settlement that was investigated in 1994 and 1997-2001. Despite of the layer damage by the later period Old Russian burial mounds, we have obtained objects and ceramics material (Fig. 2, 5-10, 14-16), basically, of the period that we are interested in.

Thus far, 6 objects may be classified as sites of Besedy type, which have layers and horizons with the same material. These are fortified settlements Lesnichino, Duliovo, Pominovo, Otmichi, Pekunovo, and unfortified settlement Shiriakovo (Fig. 1, 13). It should be noted that ceramics (Fig. 12) and items similar to unfortified settlement Besedy objects were found in the lower layer of the fortified settlement Troitskoe located in the neighboring region (in the south-western part of the Moscow river region).

The following characteristics are typical for the determined type of antiquities: 1) the prevalence of "densely ornamented pottery" with relief and/or "slightly exerted" ornament; 2) weights presence of Diakovo type with large pitted and/or rifled ornament; 3) presence of items among individual finds that have analogies with Baltic antiquities; 4) absence of polished and smooth dishes. The appearance of sites of Besedy type is connected, apparently, to the new population inflow from the regions located westward and south-westward (in the basins of the upper currents of the Oka, Desna, Dnieper, and Western Dvina rivers regions).

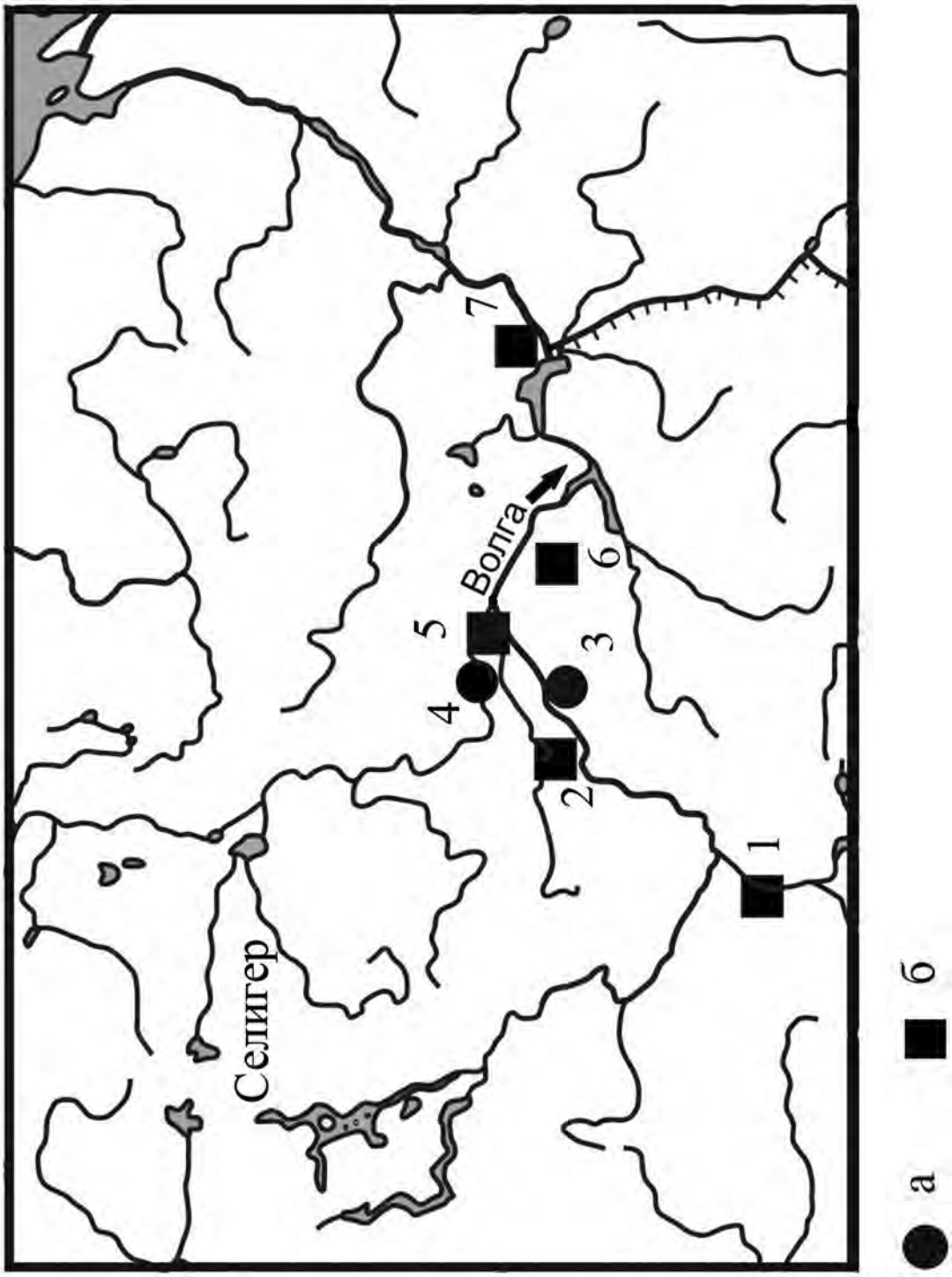


Рис. 1. Поселения (горизонты) типа Беседы на Верхней Волге.
а – городище, б – селище.
1 - Лесничино; 2 - Дулёво; 3 - Беседы; 4 - Ширяково; 5 - Отмичи; 6 - Поминово; 7 - Пекуново.

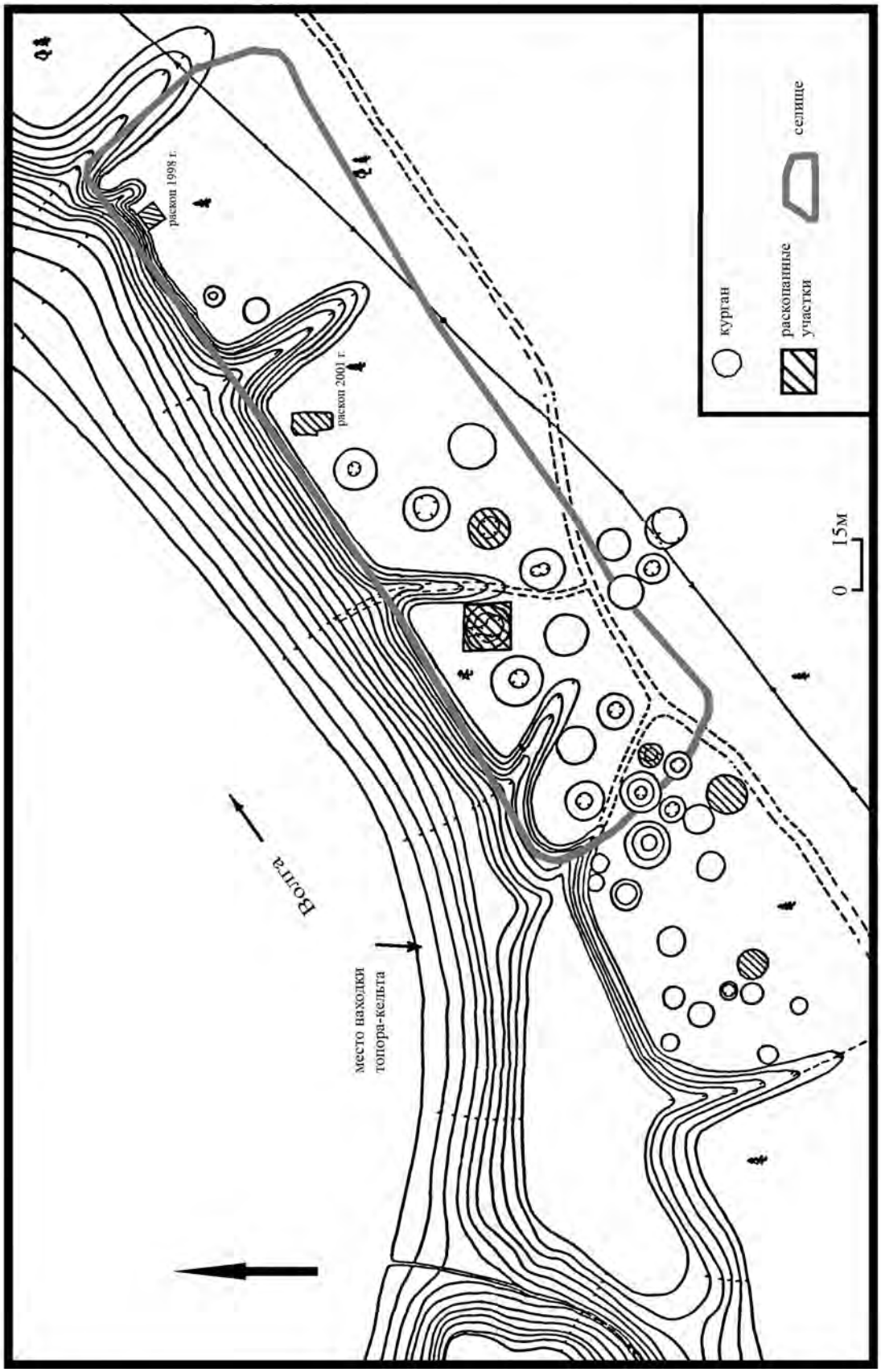


Рис. 2. Археологический комплекс памятников Беседы. План по Е.В. Лагуткиной и Ю.В. Степановой.

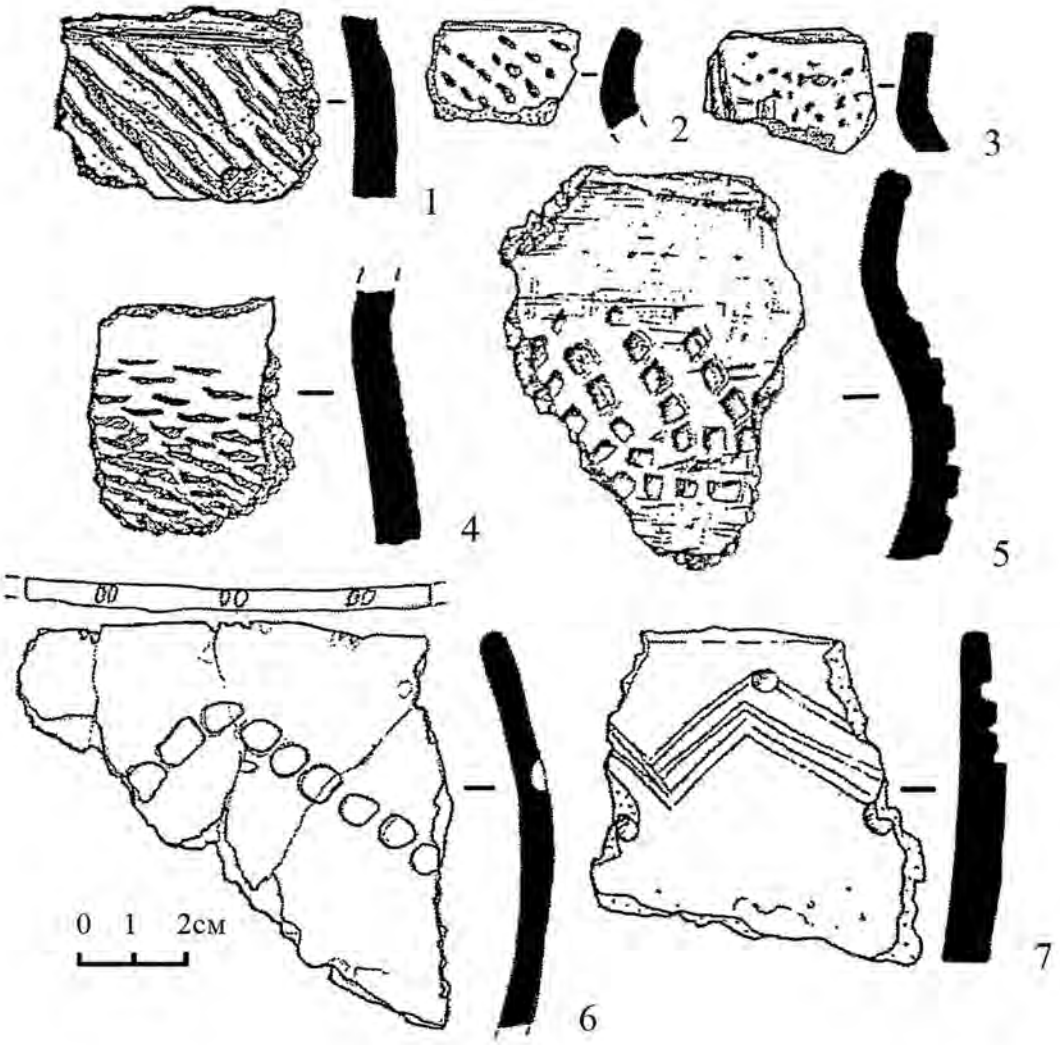


Рис. 3. Керамика селища Беседы по С.А. Кунгурцевой.

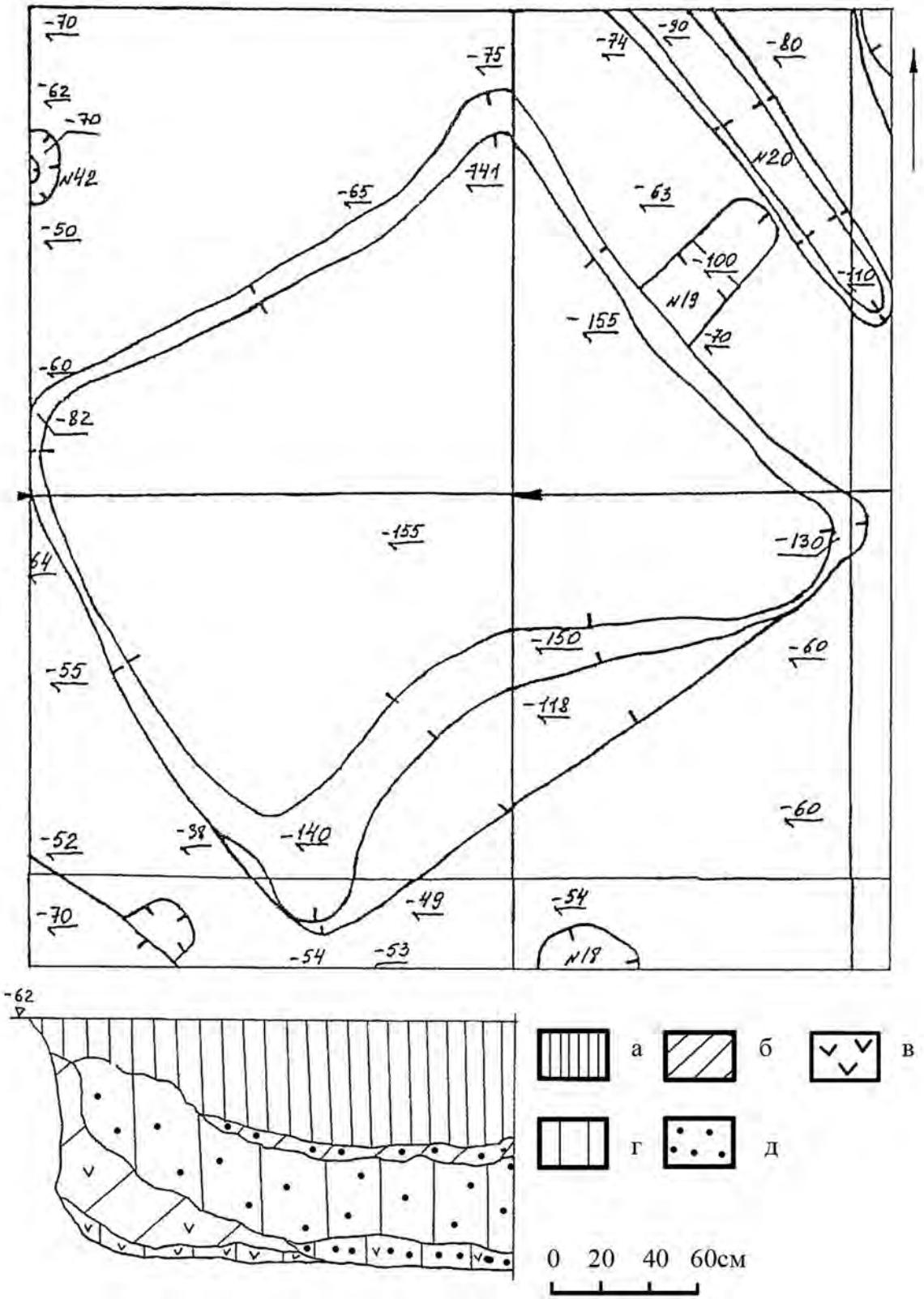


Рис. 4. Материковые ямы и разрез ямы постройки на участке раскопа 2001 г. по Ю.В. Степановой. а – черная гумусированная супесь; б – коричневая супесь; в – угли; д – серая супесь; е – желтая супесь.

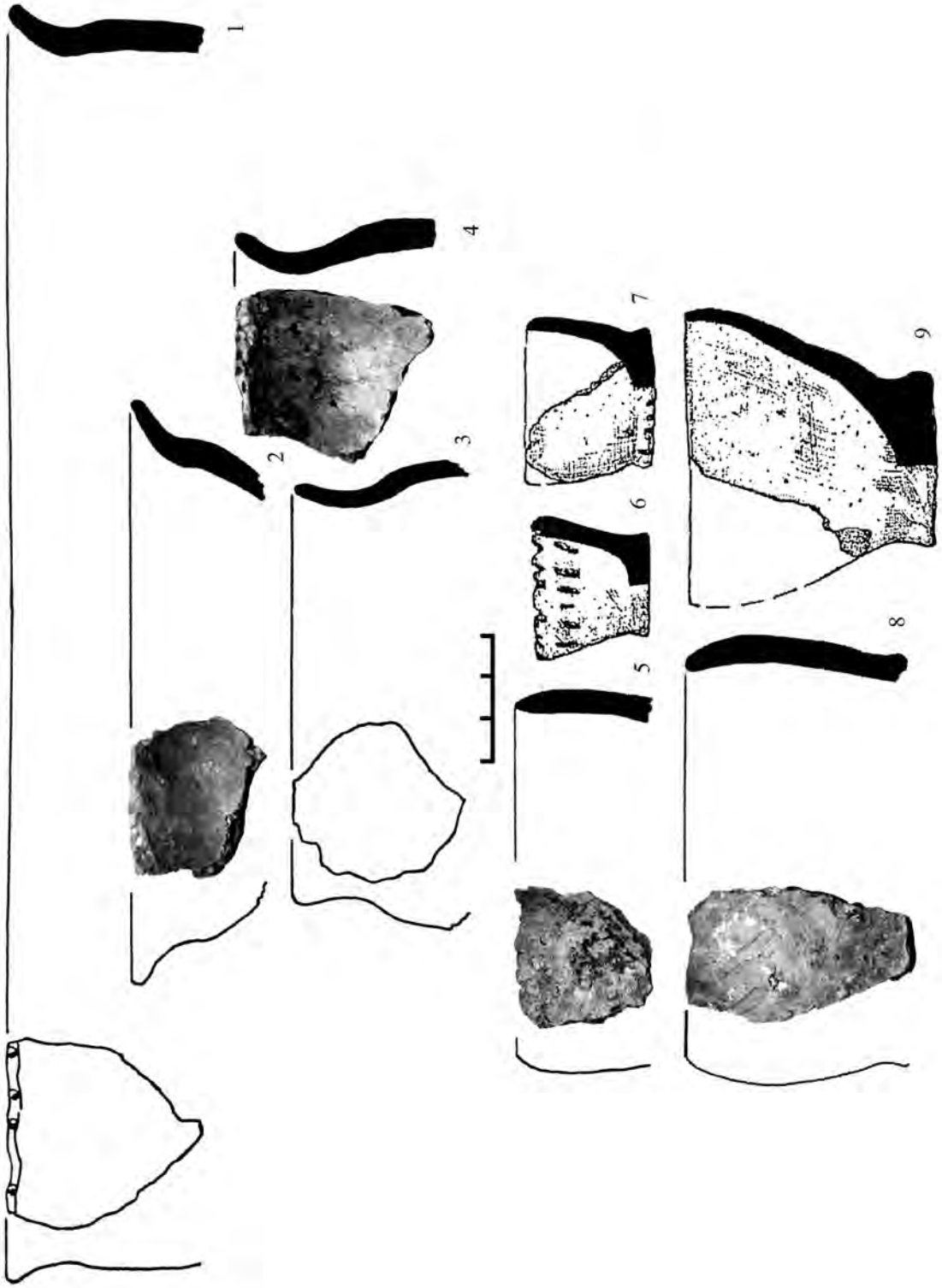


Рис. 5. Керамика из ямы постройки селища Беседы.

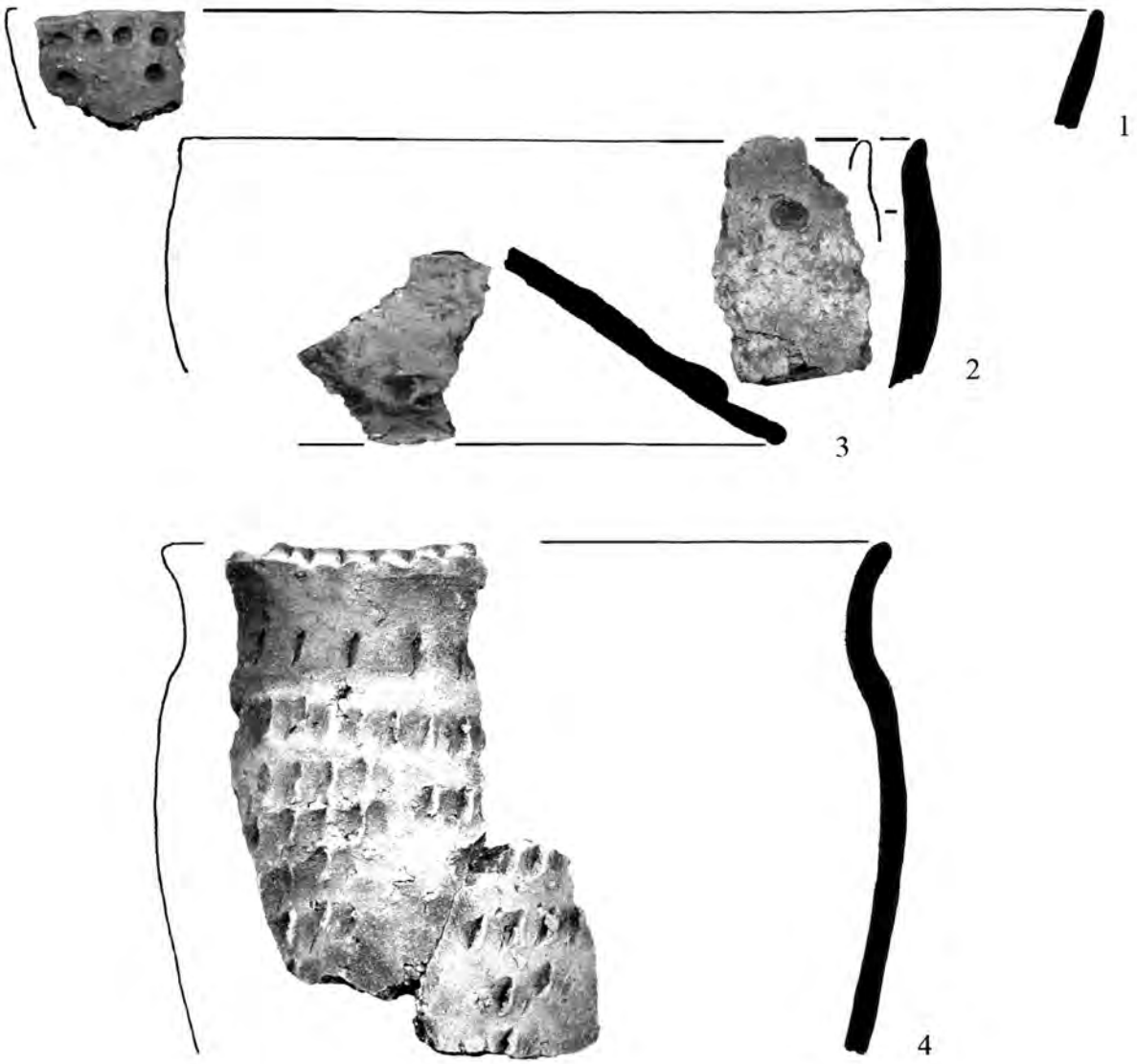


Рис. 6. Керамика из ямы постройки селища Беседы.

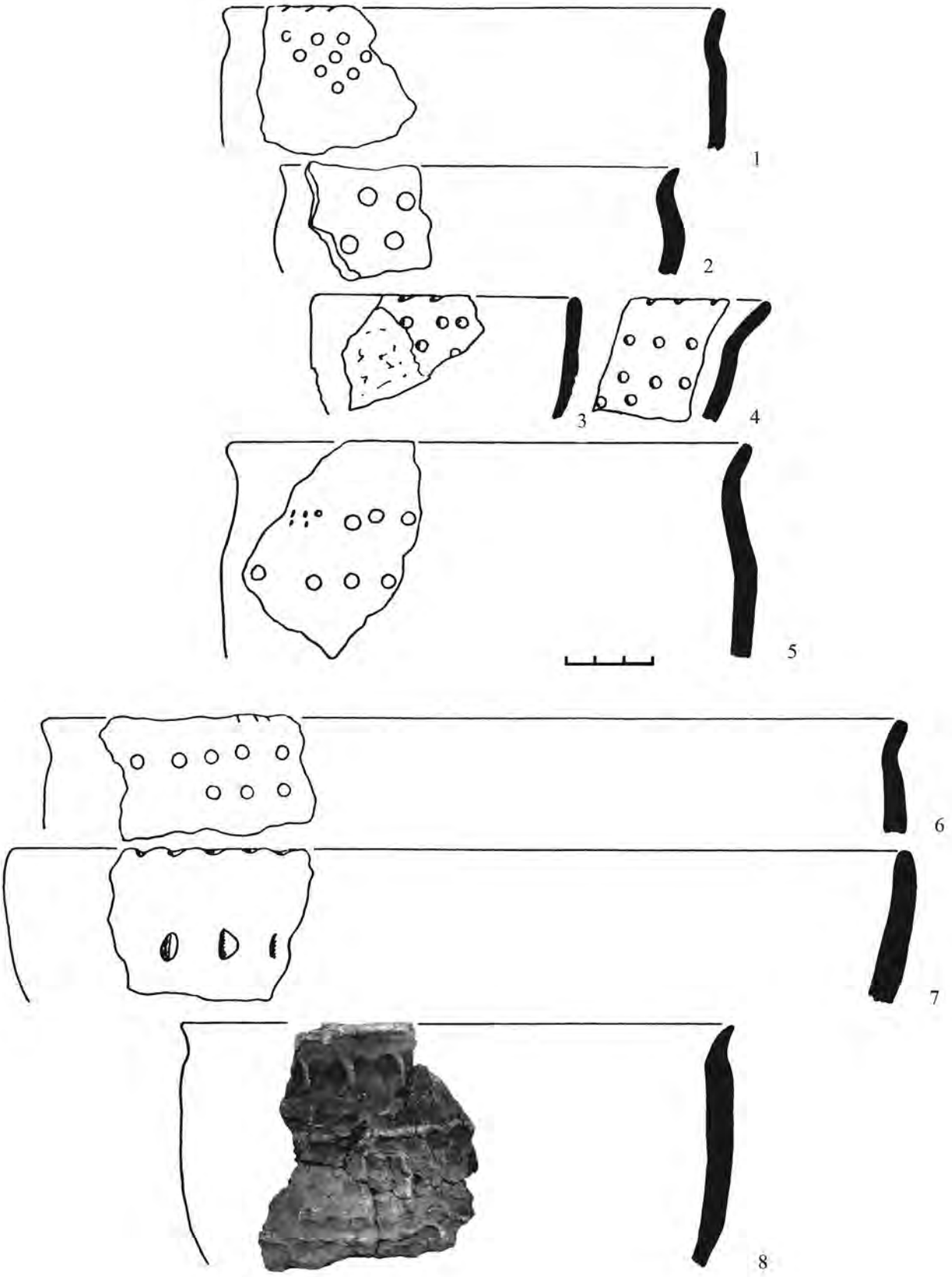


Рис. 7. Керамика селища Беседы.

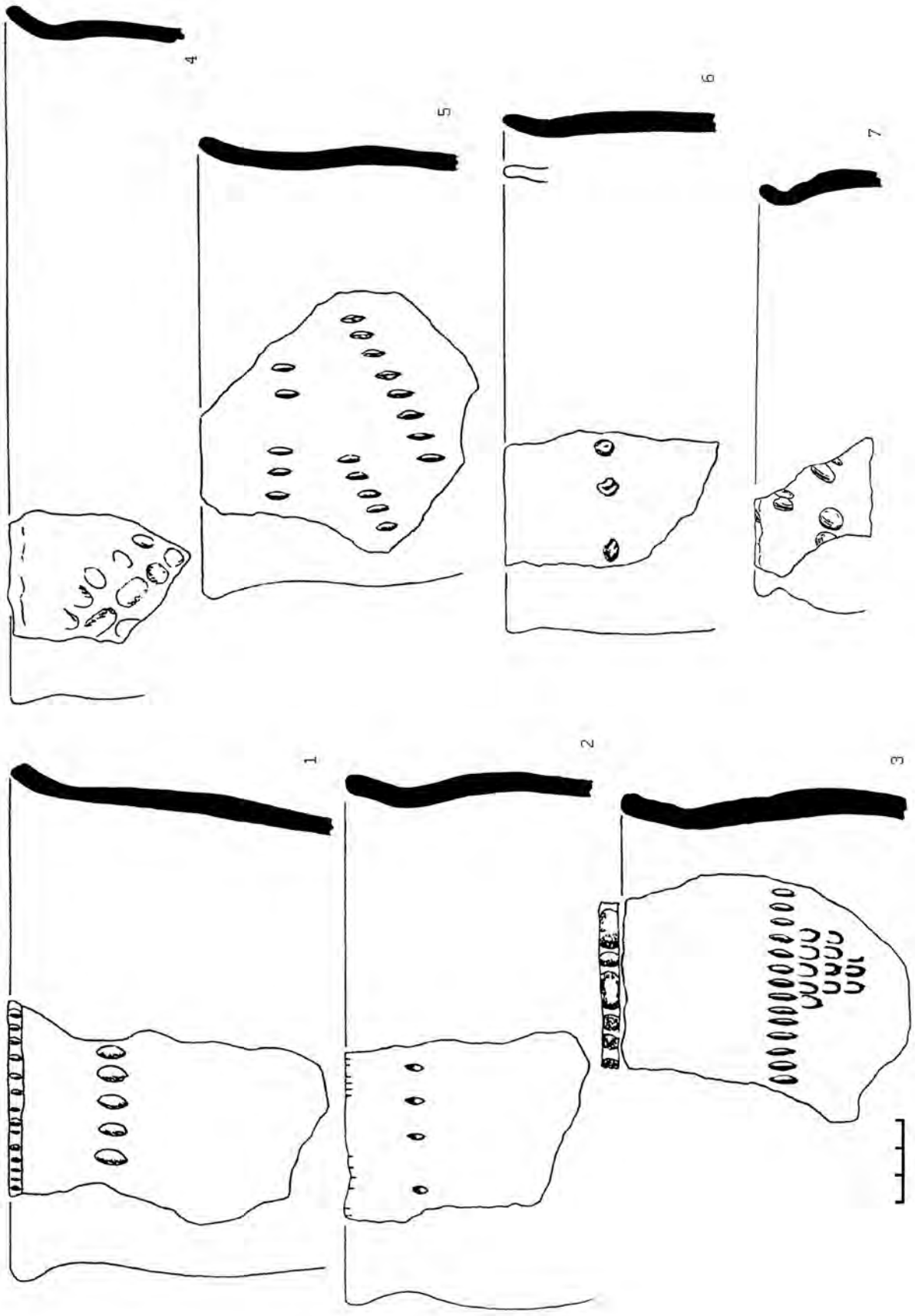


Рис. 8. Керамика селища Беседы.

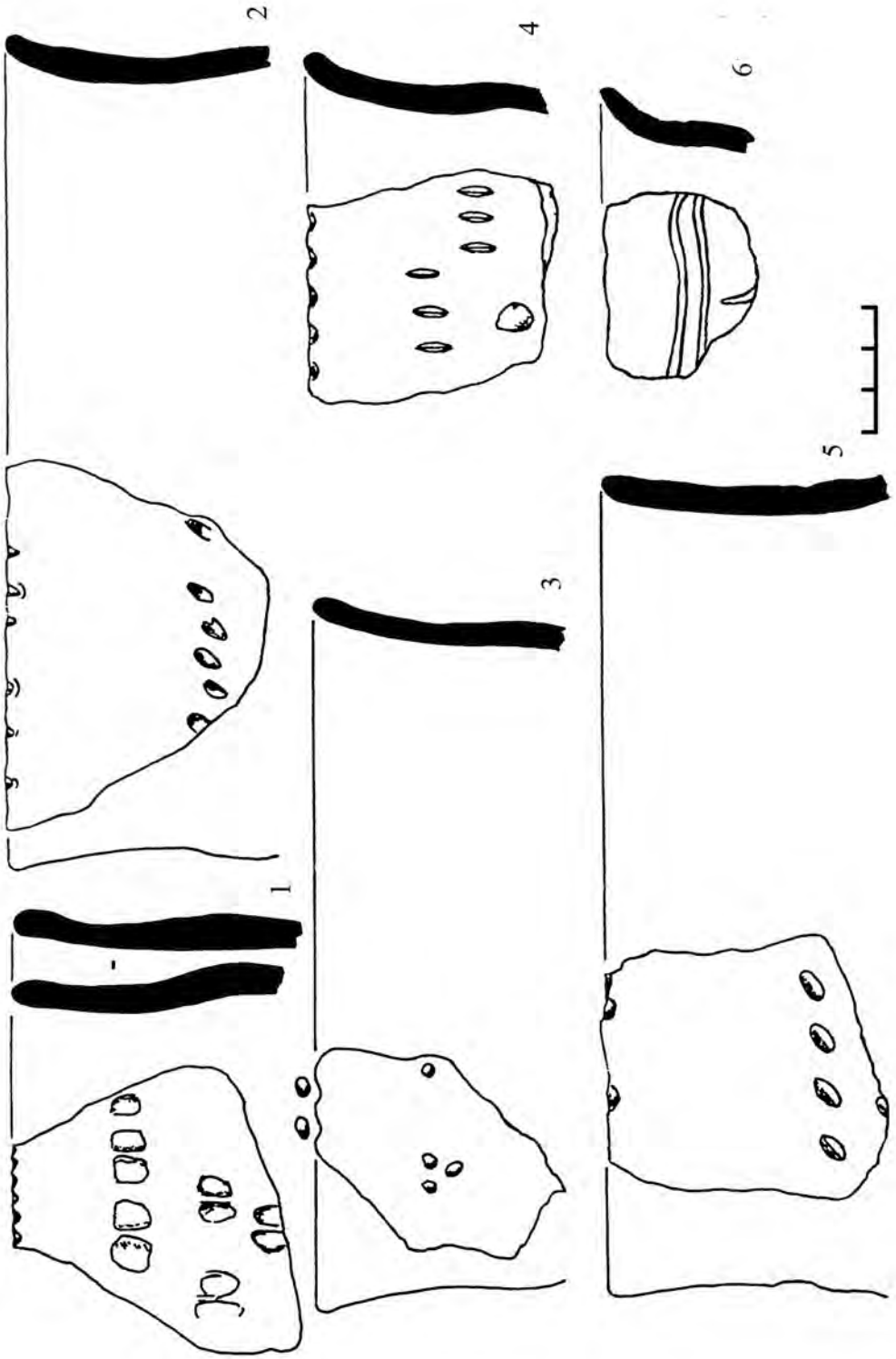


Рис. 9. Керамика селища Беседы.

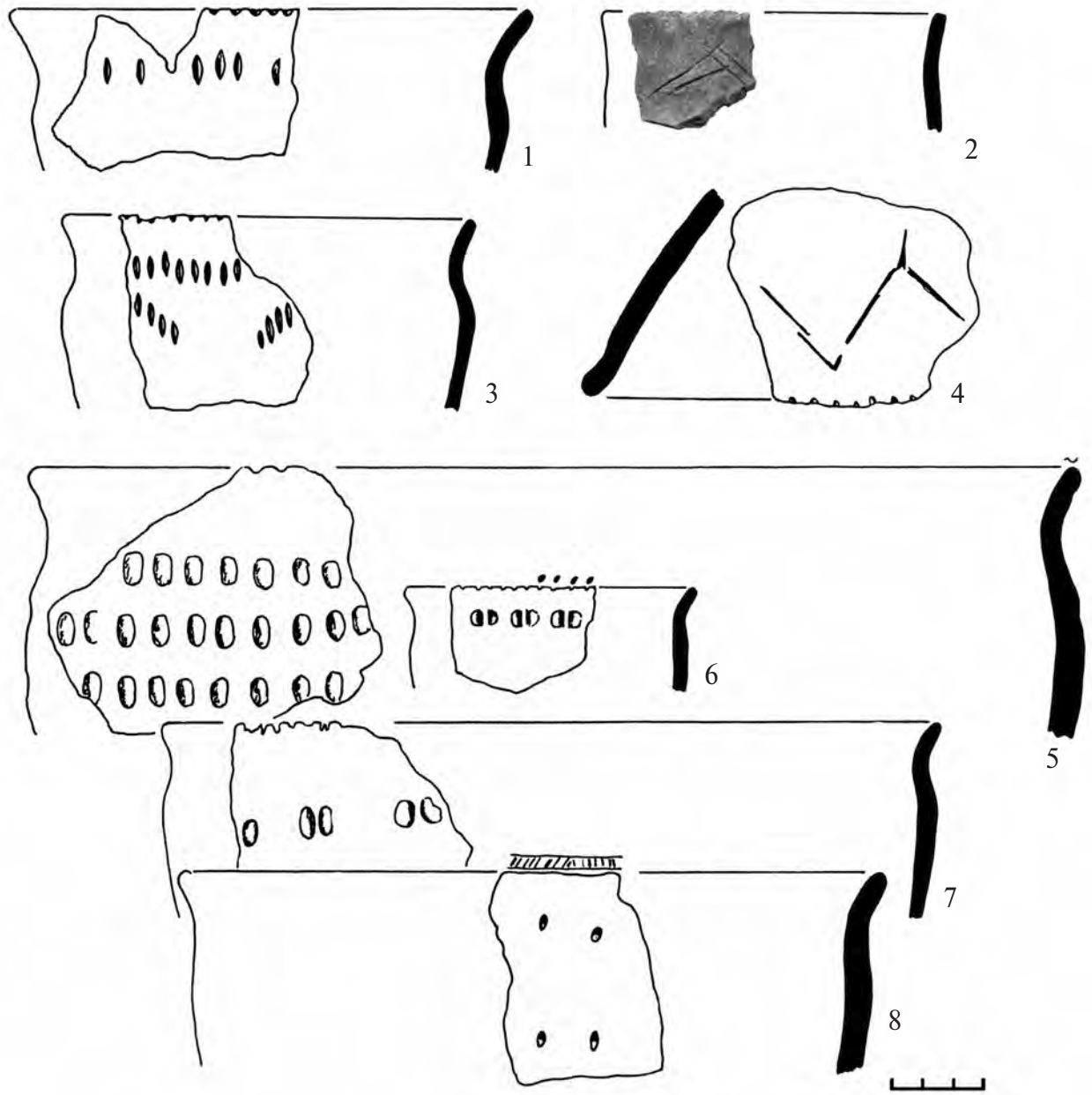


Рис. 10. Керамика селища Беседы.

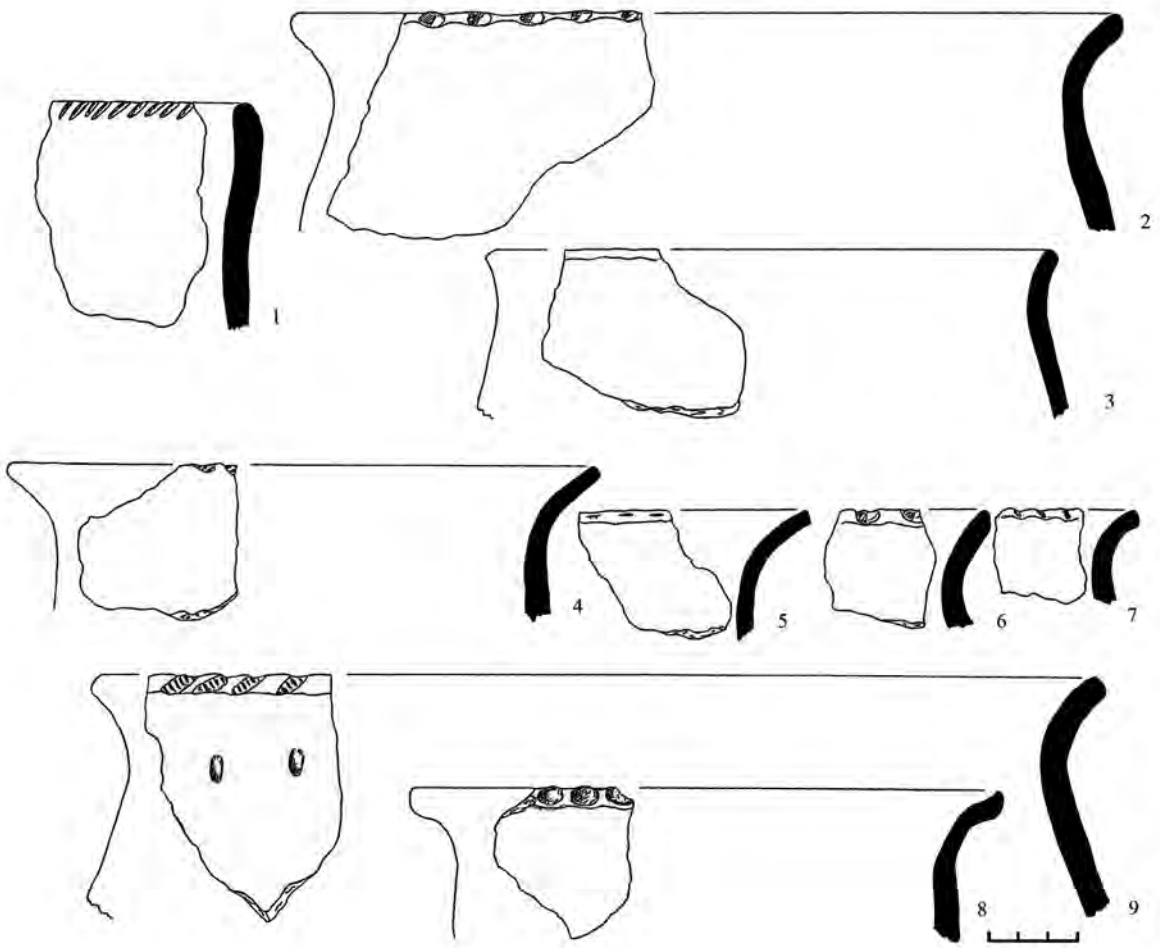


Рис. 11. Керамика селища Беседы.

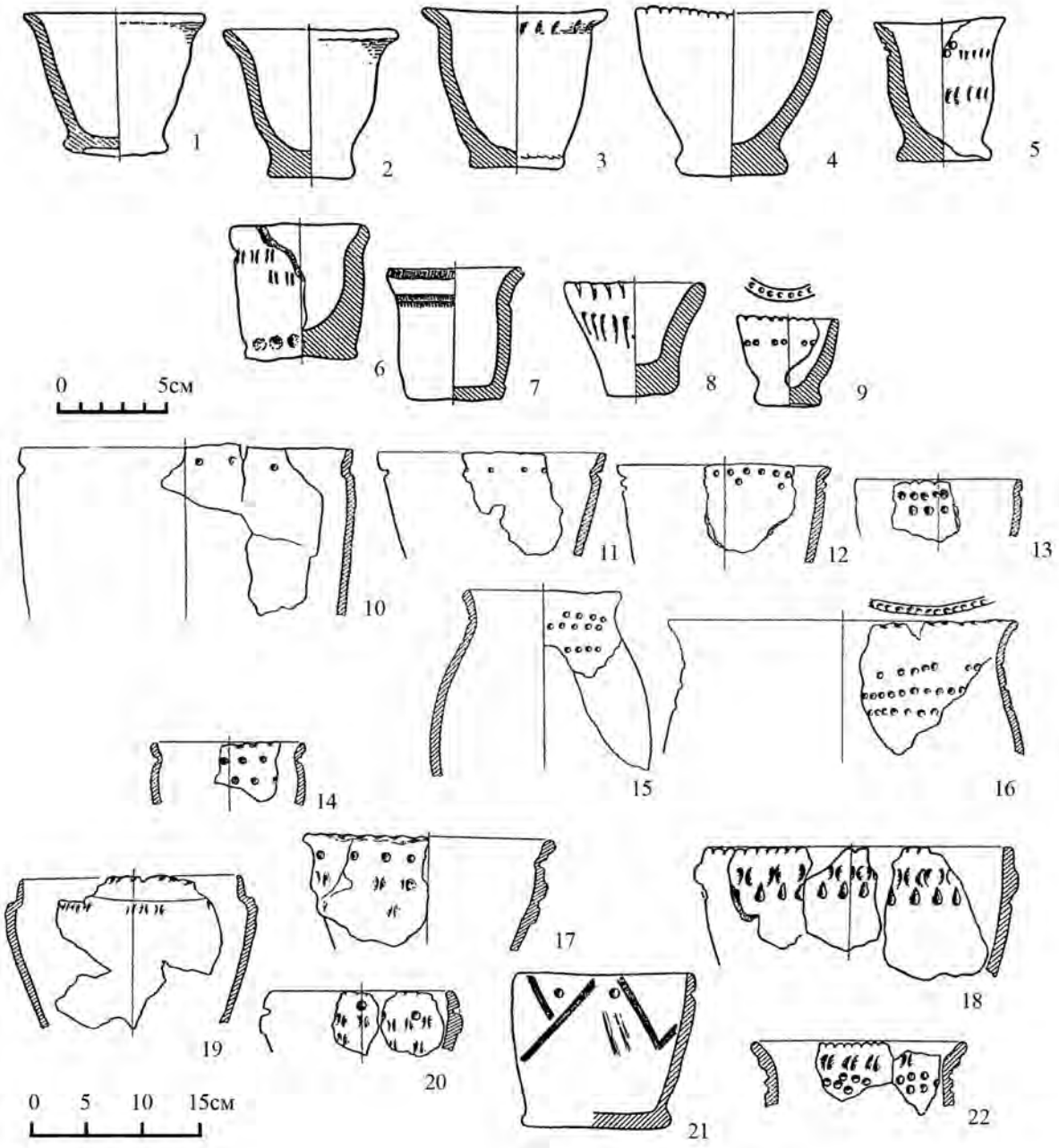


Рис. 12. Керамика Троицкого городища по И.Г. Розенфельдт.

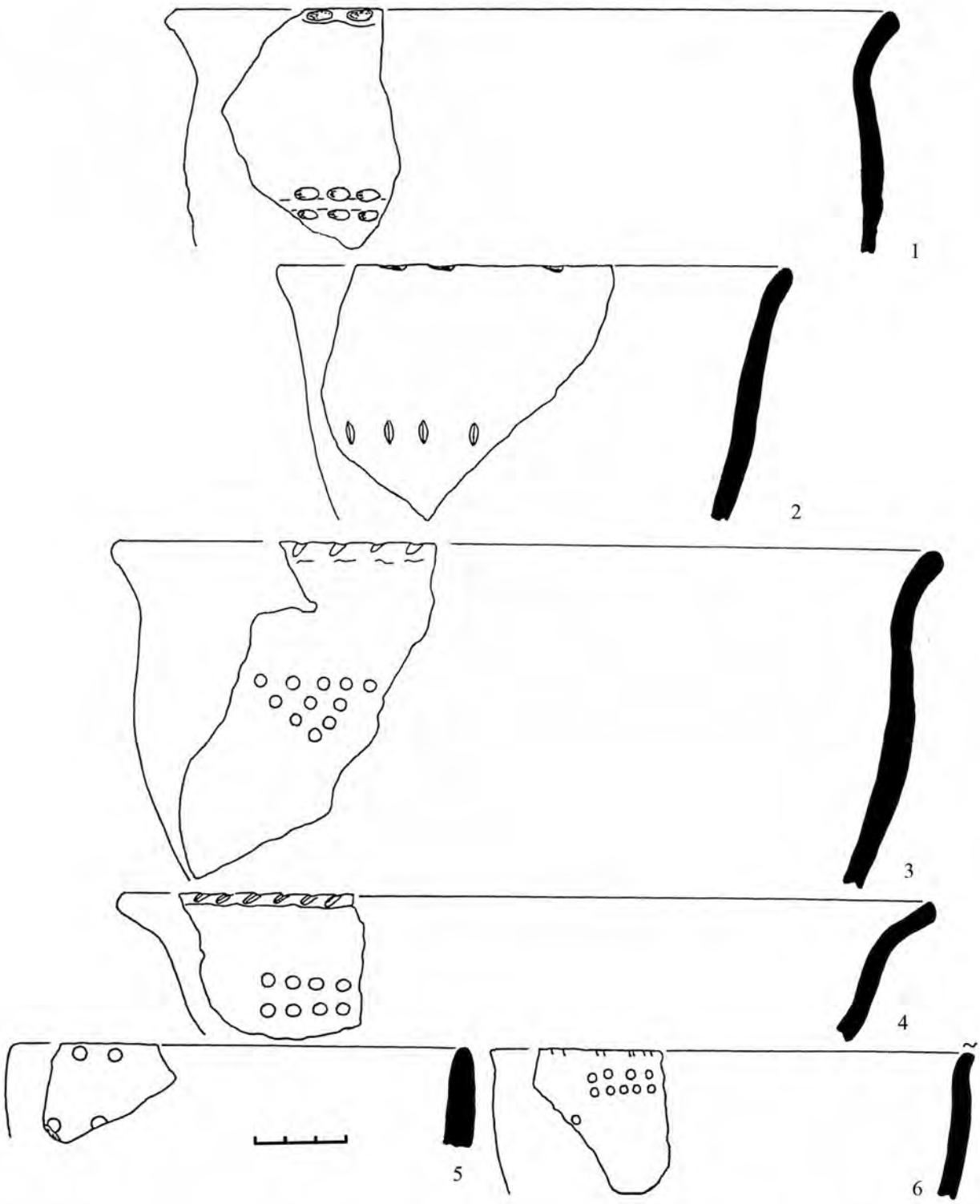


Рис. 13. Керамика городища Поминово.

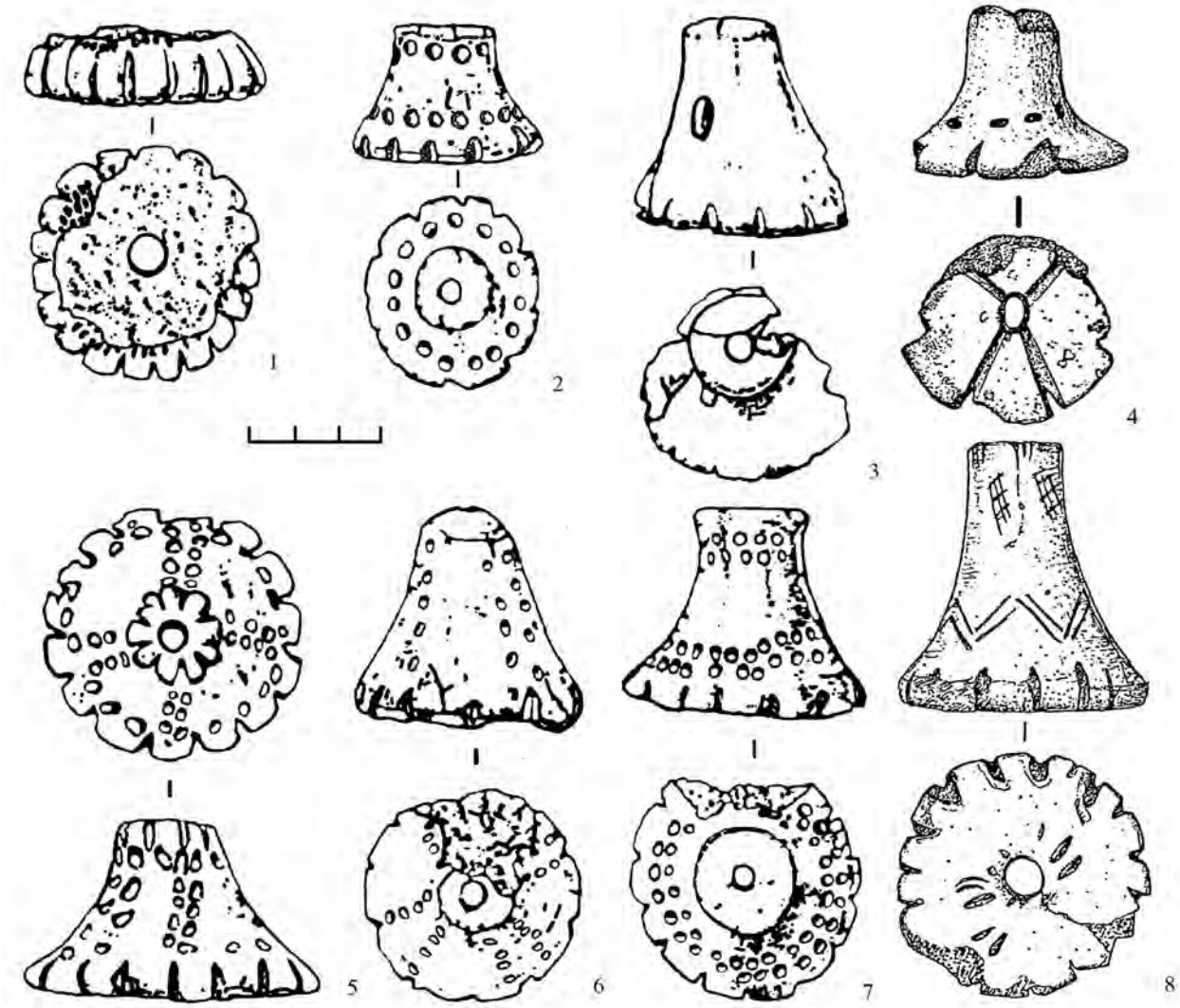


Рис. 14. Грузики дьякова типа селища Беседы по Ю.В. Степановой.

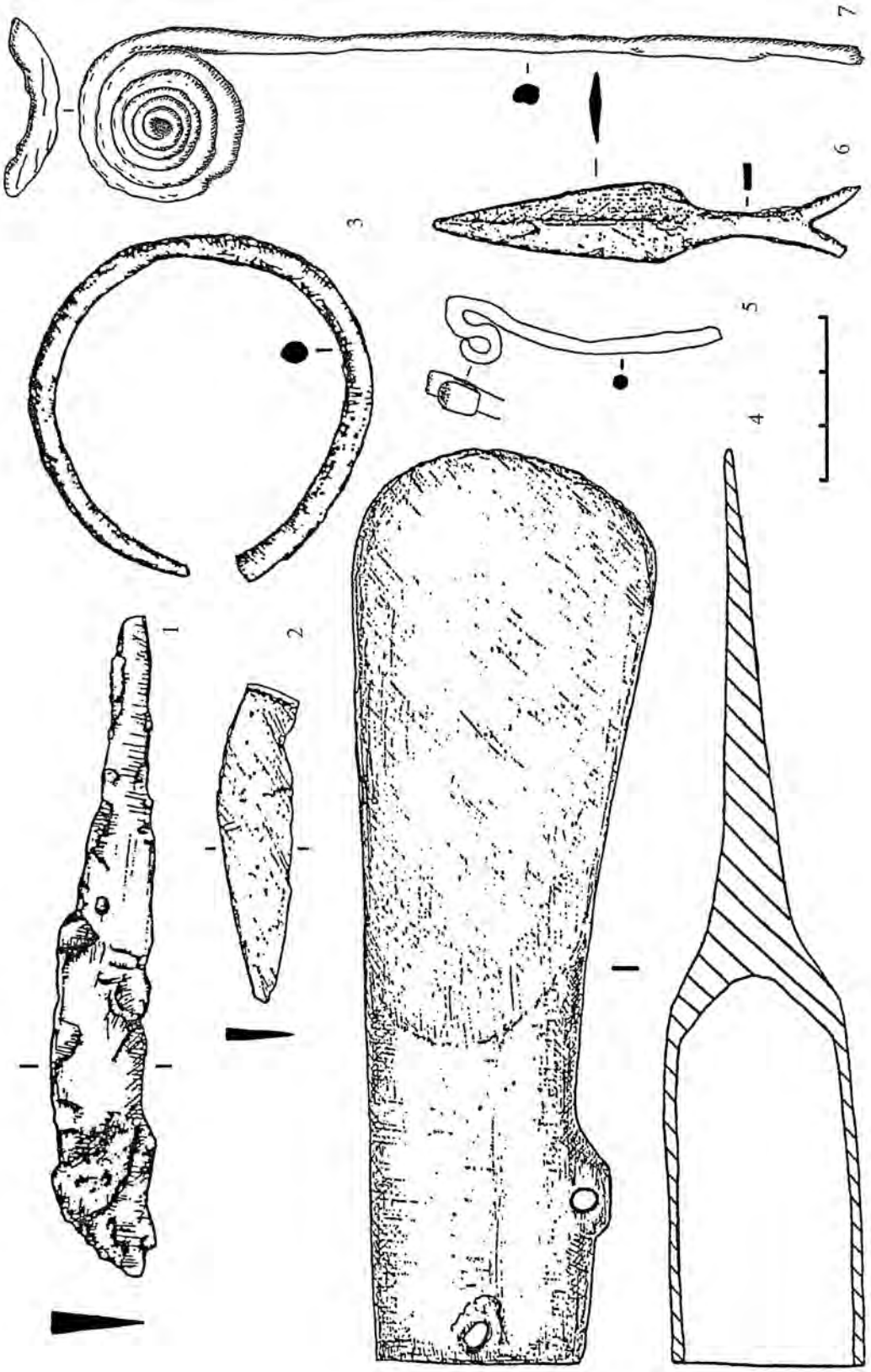


Рис. 15. Изделия из черного металла селища Беседы по Ю.В. Степановой и И.В. Исланoвой.

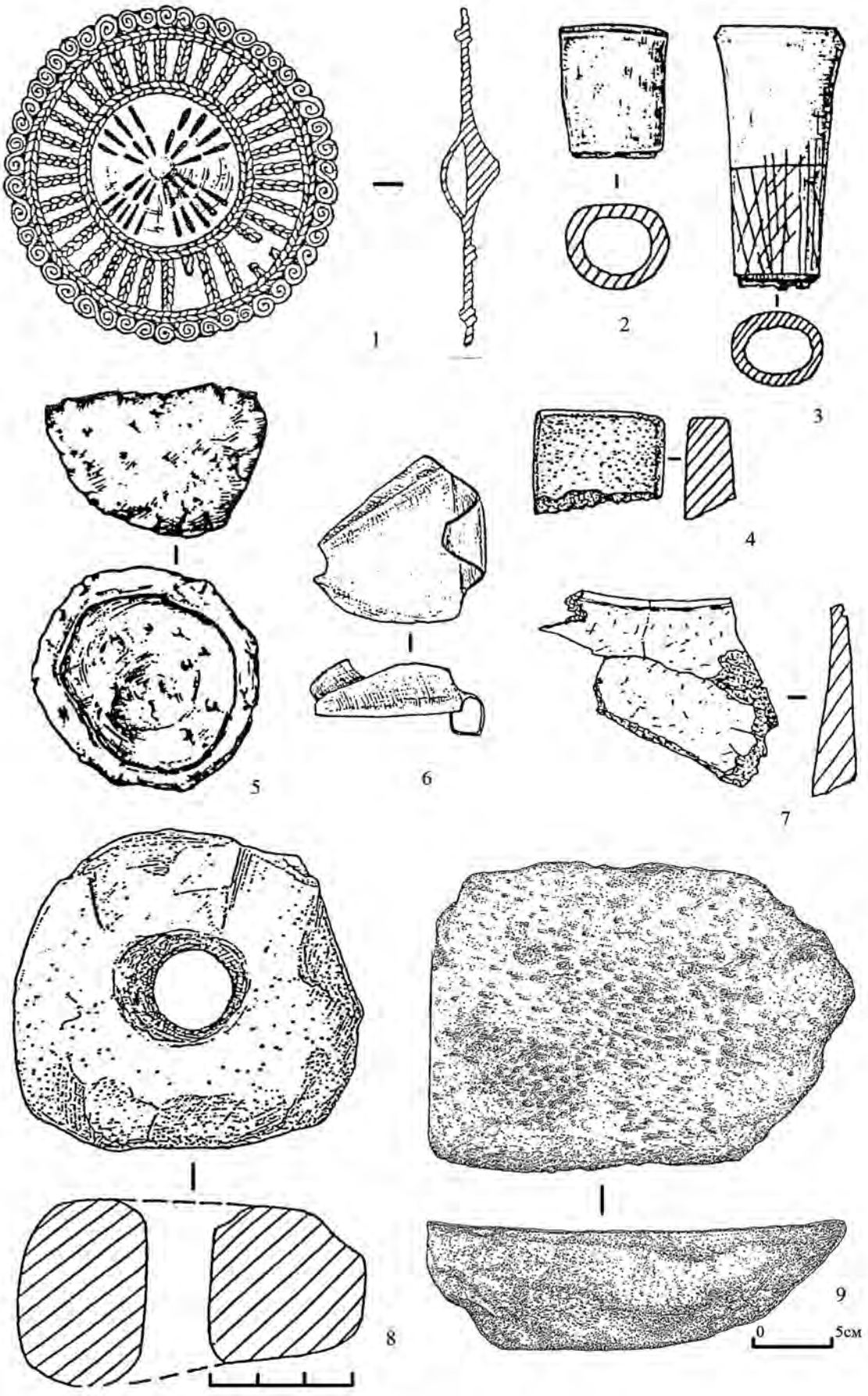


Рис. 16. Вещевые находки селища Беседы по Ю.В. Степановой.
1, 6 – цветной металл; 2, 3, 7 – кость; 4, 8, 9 – камень; 5 – глина.

Оружие горизонта Сёсдала-Унтерзибенбрунн в Янтарном крае

(В.И. Кулаков)

Изучение истории оружия и боевого снаряжения балтских племён среднего железного века на современном этапе развития археологии Балтии находится на подъёме. Особо следует отметить высокую степень прогресса в деле изучения оружия племён Понеманья в эпоху Великого переселения народов. В частности, впервые в современной археологической науке известным литовским археологом Витаутасом Казакявичюсом, к сожалению, безвременно от нас ушедшим, была обозначена проблема появления и распространения ножей-кинжалов (Dolch-Messer). Для V-VI вв. н.э. литовский коллега считал их продуктом производства балтских мастеров [Казакявичюс, 1988, с. 94].

В развитие положительного импульса, данного оружиеведению работами В. Казакявичюса, считаю необходимым в предлагаемой статье попытаться рассмотреть такой пока еще малоизвестный аспект истории военного дела племён Балтии, как номенклатура вооружения в комплексах горизонта, именуемого в настоящее время «Сёсдала». Регион исследования – юго-восточная Балтия (в том числе северная часть бывшей имперской провинции Восточная Пруссия, ныне – Калининградская область России), включая и соседствующие племенные ареалы балтов на правом берегу р. Неман на территории современной Литовской Республики.

«Горизонт Сёсдала» (Sösdala) для Скандинавии и Балтии определяется в современной археологии как хронологически дискретная группа комплексов, включающих в свой состав сделанные из бронзы (нередко – плакированные по лицевой плоскости серебром) и серебра предметы декоративного искусства, несущие орнамент, состоящий из звёздчатых фигур, штампованных различными пуансонами и полосами, составленными из оттисков таких пуансонов (рис. 1). Важным признаком этого орнамента является то, что он покрывает исключительно плоские поверхности и реализуется через оттиски по остывшему металлу штампов треугольной и серповидной форм. Эти принципы составляют характеристику стиля Сёсдала и, фактически, также стиля Унтерзибенбрунн.

Впервые проблему стиля Сёсдала поставил Нильс Оберг в начале XX в., именуя его «звёздчатый орнамент» (Sternornament). В отношении юго-восточной Балтии и Скандинавии исходным ареалом появления этого стиля Н. Оберг считал рейнские провинции Римской Империи [Åberg, 1919, S. 47]. Датируя восточно-прусские находки памятников «звёздчатого стиля» 2-ой половиной V в. н.э., исследователь склонялся к тому, что древнегерманское население Янтарного края приняло традиции этого стиля от провинциально-римских мастеров без посредничества скандинавов. В меровингскую эпоху изделия, несущие этот стиль в Балтии, теряют свою германскую принадлежность [Åberg, 1919, S. 52]. Современная польская исследовательница западнобалтских древностей середины I тыс. н.э. Анна Битнер-Врублевска, ссылаясь на Н. Оберга, считает, что данный декор, «...определяемый как западнобалтская звёздчатая орнаментика, появился под влиянием стиля Сёсдала-Унтерзибенбрунн, (который) охватывает на фазе D значительные ареалы Средней и Северной Европы» [Bitner-Wróblewska, 1986-1990, S. 52]. Констатируя справедливость выделения горизонта Сёсдала для Скандинавии (признаки декора на севере Европы: стилизованные изображения звериных голов в профиль и представленные чеканкой по серебру полосы чеканного орнамента, изредка – звёздчатые фигуры), ныне А. Битнер-Врублевска предлагает, учитывая местную специфику «звёздчатого стиля» (его связь со стилем Сёсдала польской коллегой признаётся), ввести для Балтии новое хронологическое понятие – «горизонт Самланд» [Bitner-Wróblewska, 2001, p. 107]. Рамки этого «горизонта» предложены в пределах фаз C3-D/E (сер. IV – нач. VI в. н.э.). Вещевыми индикаторами для юго-восточной Балтии начала

«горизонта Самланд» именуются ранние формы фибул типа Schönwarling. Конец этого «горизонта» обозначен позднейшими вариантами «звёздчатых» фибул [Bitner-Wróblewska, 2001, p. 119, 120]. Для горизонта Сёсдала в Скандинавии предлагаются хронологические рамки: 2-ая пол. IV – 1-ая пол. V в. н.э. [Bitner-Wróblewska, 2005, p. 213]. Попробуем проверить справедливость теории о «горизонте Самланд» на примере взаимовстречаемости памятников с чеканным орнаментом с предметами вооружения на Янтарном берегу (на том самом «Самланде», в честь которого поименован «горизонт») и в соседних с ним этнокультурных ареалах.

Ранее данная тема не привлекала внимания археологов. Однако уже в 50-х годах XX в. в южной Польше на могильнике Якушовице (Келецкое воеводство) было обнаружено трупоположение молодого гуннского вождя (?) с конём. В состав погребального инвентаря входил двулезвийный меч-спата с янтарной бусиной (подвеска к темляку), сложносоставной лук, покрытый золотой фольгой. Конь сопровождался богатым снаряжением для верховой езды, серебряные и бронзовые детали которого были орнаментированы в стиле Сёсдала-Унтерзибенбрунн. Данный комплекс датирован 2-ой пол. V в. [Dąbrowski, 1981, S. 282]. Высокий социальный статус погребённого, на который указывает «представительский» вид деталей инвентаря, подчёркивается изящным декором в стиле Сёсдала-Унтерзибенбрунн на деталях конского снаряжения. Рядовому члену общины гуннского или древнегерманского «героического» общества такие изделия не были доступны имущественно и не предназначались по социальному статусу.

Однако в целом северо-восточная окраина Барбарикума (бассейн р. Вислы в её нижнем течении) в гуннское время, как и ранее, в эпоху римского влияния, крайне бедна находками оружия в погребениях. Немалую роль сыграли в появлении этого феномена грабители, нередко действовавшие в древности по свежим следам погребения вождей и военачальников. Так, например, хрестоматийное подкурганное «княжеское» захоронение в Пильгжимове (Варминьско-Мазурское воеводство Польши, бывш. Pilgrammsdorf, Kr. Neidenburg) 2-ой пол. IV в. н.э. наряду с престижными деталями пояса, декорированными в стиле, близком Унтерзибенбрунн, не могло не сопровождаться роскошным оружием. Однако раскопки кургана выявили остатки древнего перекопа, что указывает на причину исчезновения основного массива «княжеского» инвентаря, в том числе, возможно, оружия [Bohnsack, 1938, S. 76].

Современное состояние археологии Балтии позволяет составить

Каталог

погребальных комплексов с оружием и памятниками декоративного искусства в стиле Сёсдала-Унтерзибенбрунн

Первомайское, Багратионовский р-н Калининградской обл., бывш. Warnikam, Kr. Heiligenbeil, **Warnikam-31** (рис. 3) – безурновое трупосожжение (далее – КРМ). Инвентарь: 1 – бронзовая, плакированная серебром «звёздчатая» фибула (под)типа Bitner-Wróblewska II, 2 – серебряная пряжка типа Madyda-Legutko H3 [Madyda-Legutko, 1986, S. 86], 4 – одна из пары бронзовых шпор с железными остриями подгруппы Ginalski H, 5 – круговой кувшин, ремень с серебряными накладками и узким наконечником, нож-кинжал и прочие находки. Орнамент в стиле Сёсдала-Унтерзибенбрунн представлен на «звёздчатой» фибуле. Ранее автор этих строк датировал это погребение знатного воина временем ок. 450 г. [Кулаков, 1997, с. 146].

Бывш. **Grebiten**(Süd-южная часть могильника)**-43,** Kr. Fischhausen-Samland, ныне – Зеленоградский р-н (рис. 4) – КРМ в урне типа Grebieten (n) с парным налепом на ребре тулова. В урне с кальцинированными костями обнаружены: a, b – бронзовые пряжки типа Madyda-Legutko H3 [Madyda-Legutko, 1986, S. 86], c – умбон щита типа Vermand, d – боевой нож с полосой оттисков С-образного чекана у спинки, e – коса, f – янтарная бусина типа Bassonia, g – бронзовая, плакированная серебром «звёздчатая» фибула (под)типа Bitner-Wróblewska II, h – бронзовый языковидный наконечник ремня, i – наконечник копья с пером ланцетовидной формы, k, m – пара железных шпор подгруппы Ginalski H, l – наконечник дротика с пером ланцетовидной формы [Heydeck, 1888, Taf. VIII, a-1]. Орнамент в стиле Сёсдала-Унтерзибенбрунн представлен на «звёздчатой» фибуле. По пряжкам воинское погр. G(Süd)-43 датируется фазой C2 (по системе Тишлера-Годловского-Тейрала), то есть концом IV в. н.э.

Коврово, Зеленоградский р-н, бывш. Dollkeim, Kr. Fischhausen-Samland, **Do-146** – *урновая* КРМ. Инвентарь: нож-кинжал (рис. 5: 1), бронзовая фибула типа Duratón (рис. 5: 2), железная пряжка типа Madyda-Legutko H14 (рис. 5: 3), плакированный серебром бронзовый языковидный наконечник ремня (рис. 5: 4), урна (рис. 5: 5), наконечник копья с мощным осевым утолщением на пере [Tischler, Kemke, 1902, S. 23]. Судя по составу инвентаря, Do-146 содержит останки мужчины-воина и датируется по фибуле, пряжке и наконечнику ремня V в. Орнамент в стиле Сёсдала-Унтерзибенбрунн представлен на языковидном наконечнике ремня. Данный комплекс (как и Do-109) по номенклатуре погребального инвентаря находит весьма убедительные аналогии в моги-

лах вождей видивариев бассейна р. Прохладная/ Frisching (могильник Первомайское/Warnikam, Wa-30 и Wa-31), датируемых фазами D2-D3 [Кулаков, 2004, с. 23].

Do-163 – *урновая* КРМ. Инвентарь: бронзовая арбалетовидная фибула типа Duratón (рис. 6: 2), покрытая серебром бронзовая пряжка типа Madyda-Legutko H38 (рис. 6: 3), покрытый серебром (?) бронзовый языковидный наконечник ремня (рис. 6: 4), нож-кинжал (рис. 6: 1), урна с орнаментом, составляющим «лоскутную» композицию из оттисков палочки (?) (рис. 6: 5), копьё с осевым утолщением, коса, точило, две литавровидные янтарные бусины, бронзовый спиральный перстень и прочие находки [Tischler, Kemke, 1902, S. 24]. Орнамент в стиле Сёсдала-Унтерзибенбрунн представлен на пряжке и на языковидном наконечнике ремня. Судя по составу инвентаря, Do-163 содержит останки мужчины-воина и датируется по фибуле и пряжке фазой D2/D3 (ок. 450-470 гг.) [Кулаков, 2004, с. 24, 25].

Do-164 – *урновая* КРМ. Инвентарь: бронзовая арбалетовидная фибула Bitner-Wróblewska II (рис. 7: 1), бронзовая пряжка типа Madyda-Legutko H38 (рис. 7: 3), покрытый серебром (?) бронзовый языковидный наконечник ремня (рис. 7: 3), наконечник копья (рис. 8: 4), урна, большая железная пряжка, два ножа, фрагмент пинцета с широкими боковыми плоскостями [Tischler, Kemke, 1902, S. 24]. Орнамент в стиле Сёсдала-Унтерзибенбрунн представлен на языковидном наконечнике ремня. Судя по составу инвентаря, Do-164 содержит останки мужчины-воина и датируется по фибуле и пряжке фазами D2 и D2/D3 [Кулаков, 2004, с. 25].

Do-370 (рис. 8) – *урновая* КРМ в округлой в плане яме диаметром 0,46 м, глубиной от уровня предматерика 0,42 м, заполненной слабо-золистой супесью. Урна представляет собой лепной сосуд типа Grebieten высотой 0,43 м серо-охристого цвета, его внешняя поверхность заглажена. На плечике урны отмечены три небольших вертикальных выступа прямоугольной формы, предназначенные для фиксации ремней или верёвок при транспортировке урны от костра к могиле. Урна в своей верхней половине заполнена слабо-золистой супесью. У нижней границы этого заполнения были открыты первые находки, среди которых – ланцетовидный наконечник копья 370-6, направленный острием вниз. Ниже, в слое супеси с частицами золы, обнаружены остатки лежавшего дном вверх ритона. От него сохранилась бронзовая оковка устья типа Andrzejowski K.1. У остатков ритона обнаружены кальцинированные кости, общее количество которых в урне достигло более 600 экз. Их основной массив был сконцентрирован в придонном пространстве урны в виде прослойки толщиной 0,20 м. Вне урны, в непосредственной близости от нее были найдены некомплектные обломки терракотового зеркально лощёного лепного сосуда-приставки типа Dollkeim (рис. 8: 370-2,24), фрагмент ножа, бронзовый наконечник ремня (рис. 2: XVII-11), кусок обожжённой бронзы. Основной массив находок располагался в урне ниже упомянутого наконечника копья, среди обломков кальцинированных костей. Этот массив составляли находки со следами термального воздействия, ниже представленные в виде двух комплексов деталей убора А-В.

Кроме наконечника копья и остатков ритона в более престижный в Do-370 **комплекс А** входят: нож-кинжал общей длиной 24 см (рис. 8: 370-5); мелкие железные пластины ножен ножа-кинжала, фрагменты украшавших ножны или портупею серебряных заклёпок (рис. 2: 370), бусина тёмно-красного янтаря типа Pauckenperle (рис. 8: 370-7) – подвеска к темляку ножа-кинжала, бронзовые пряжка и разделительные кольца портупеи ножа-кинжала (рис. 8: 370-11,8,17), бронзовая пряжка с рифлёной рамкой (рис. 8: 370-9), входящий с ней (судя по параметрам) в единую поясную гарнитуру бронзовый языковидный наконечник ремня с остатками серебряного покрытия (рис. 8:370-23), бронзовая фибула со звёздчатой ножкой (рис. 8: 370-10) типа Bitner-Wróblewska IV с орнаментом в стиле Сёсдала-Унтерзибенбрунн. Польская коллега относит застёжки этого типа ко времени «до начала ранней фазы переселения народов». Изучение комплексов с луковичноголовыми фибулами и их дериватами (арбалетовидные фибулы с гранёно-фасетированными шайбами) позволяет уточнить датировку таких застёжек в пределах второй четверти V в. (C3b(C2/D1)-D1 – ок. 360-410 гг. н.э.) [Кулаков, 2006]. Кроме того, к комплексу А относятся: бронзовая пряжка (рис. 8: 370-22) типа Madyda-Ledutko H38 (фаза D3), бронзовый языковидный наконечник ремня (рис. 8: 370-12) с орнаментом в стиле Сёсдала-Унтерзибенбрунн, наконечник дротика типа SPb2 (с фазы B2/C1) [Adler, 1993, S. 88], железное острие, брусковидное точило из весьма мягкого светло-серого сланца, приспособленное для подвешивания (рис. 8: 370-20). Лишь одна из шпор (рис. 8: 370-16) обнаружена рядом с отмеченным выше оружием. Вторая шпора лежала в северном секторе урны. В соответствии с выбранным при формировании модели состава комплекса А приоритетным критерием престижности артефактов означенные шпоры эвентуально относятся к комплексу А. Они совершенно стандартны, их дуги изготовлены литьём по тонкой восковой модели, базировавшейся на массивной дугообразной матрице таким образом, что конечной продукцией явились пустотелые бронзовые шпорные дуги, по своему центру пробитые железными остриями, тщательно зафиксированными бронзовыми шайбами. Этот сложнейший металлургический приём, а также декорирование внешней плоскости

дуги лишь с одной, обращённой наружу стороны (рис. 8: 370-16) не являются признаками, свойственными древнегерманским и вообще «варварским» мастерам римской эпохи. «Варварские» варианты шпор в пшеворском ареале составляют подгруппу Ginalski H, относимую к фазе D. Однако шпоры из Do-370 по высокому качеству своего исполнения могут быть связаны, скорее, с провинциально-римскими мастерскими. В одном стиле с ними созданы и бронзовые детали крепления шпор к сапогам всадника.

Комплекс B включает: двучастную подвязную фибулу третьего варианта I серии, относимого А.К. Амброзом в Восточной Европе ко «всему IV в.», в Подунавье – к концу IV – началу V в. н.э. [Амброз, 1966, с. 64]; бронзовую пряжку типа Madyda-Ledutko H12, относимую к начальной фазе эпохи переселения народов. По ширине упомянутой пряжке может соответствовать лишь обозначенный выше наконечник ремня (рис. 8: XVII-1) с элементами орнамента в стиле Сёсдала-Унтерзибенбрунн. Согласно своим очертаниям, он является типологическим предшественником языковидных наконечников из комплекса A. Последним в достаточно скромном комплексе B следует упомянуть обломок ножа (рис. 8: 370-1). Do-370 содержит останки двух воинов различных социальных и возрастных категорий и датируется в пределах фазы D1 [Кулаков, 2003а, с. 67-73].

Greibau-63 (Зеленоградский р-н, бывш. Kr. Fischhausen-Samland) (рис. 9) – *урновая* КРМ. Инвентарь: 1 – урна типа Grebieten (очертания находок на рис. 4 даны по аналогичным находкам, упоминаемым в публикации комплекса), 2 – бронзовая (?) «звёздчатая» фибула (под)типа Bitner-Wróblewska II, 3, 4 – бронзовые, плакированные серебром языковидные наконечники ремней, повреждённая железная арбалетовидная фибула с бронзовой пружиной, бронзовые (?) длинный узкий пинцет, спиральный перстень, два браслета с рифлёными концами, наконечник ремня с тремя заклёпками, наконечник копья с листовидным (ланцетовидным?) пером, обломки второго наконечника копья, большой остроконечный умбон щита с широким краем, рукоять щита [Tischler, Kemke, 1902, S. 29]. Орнамент в стиле Сёсдала-Унтерзибенбрунн представлен на «звёздчатой» фибуле и большом наконечнике ремня. А. Битнер-Врублевска датирует воинское погр. Grei-63 фазой D, причём наконечники ремня с орнаментом в технике tremolo, как в Grei-63, для Скандинавии исследовательница считает самбийским импортом (Bitner-Wróblewska, 1992, p. 250).

Б. Исаково (Гурьевский р-н) – **Lauth-209** (раскоп XIIINord, кв. 47; рис. 10) – КРМ в округлой в плане яме диаметром 0,68 м, глубиной в пределах культурных напластований 0,26 м. Могила не достигла материка. В юго-западной части контур могилы нарушен позднейшей столбовой ямой трапециевидной формы размерами 0,23 x 0,23 м, глубиной 0,28 м, заполненной переотложенными остатками погребального костра (ОПК). Сама могила заполнена напластованиями интенсивно-золистой супеси с различным содержанием частиц органики. Несколько севернее центральной части могилы, перекрытой группой небольших валунов, выявлено скопление обломков кальцинированных костей (в верхней части скопления – фрагменты лобных костей), в южной части которых точно под камнями найдены: фрагментированная бронзовая «звёздчатая» фибула (под)типа Bitner-Wróblewska II с остатками орнамента в стиле Сёсдала-Унтерзибенбрунн, железная арбалетовидная фибула с трапециевидной ножкой и паяным иглоприёмником, железная пряжка типа Madyda-Legutko H17, небольшой нож-кинжал, янтарная бусина типа Bassonia – подвеска к темляку ножа-кинжала, фрагмент лепного сосуда. Судя по «звёздчатой» фибуле (под)типа Bitner-Wróblewska II, воинское погребение L-209 датируется временем около 460-470 гг. [Кулаков, 2003в].

Marvelė-312 (Каунасский р-н Литовской Республики) (рис. 11) – ИНГ в могильной яме прямоугольной в плане формы размерами 2,6 x 0,69 м, глубиной 2,7 м. Костяк, руки которого сложены на груди, ориентирован головой на северо-запад. У темени обнаружены втульчатый топор (рис. 11: 10) и остатки кожаной портупеи общей длиной 0,43 м с бронзовыми накладкой и коническими заклёпками (рис. 11: 1, 2). У левого плеча найден сломанный наконечник копья (рис. 11: 8), у левого локтя – боевой нож (рис. 11: 9). Ниже рёбер, в районе живота найдена бронзовая арбалетовидная фибула с кольчатой гарнитурой типа grosse ABF, острием иглы направленная к левому локтю костяка. Фибула лежит поперёк корпуса. Она, очевидно, застёгивала на покойном погребальную одежду (большой кусок ткани?). У правой берцовой кости выявлена железная пряжка с овальной рамкой (рис. 11: 4). На правой ступне найден железный умбон щита типа Dobrodzeń (рис. 11: 6). Эта находка свидетельствует о том, что нижнюю часть ног погребённого покрывал щит. Кроме того, в комплекс входят два бронзовых пластинчатых кольца (рис. 11: 3) и кусок кремня (рис. 11: 7). Автор публикации этого комплекса ошибочно датирует его рубежом фаз D/E [Bertašius, 2005, S. 80, Taf. CXL, CXLI]. На самом деле этот комплекс, как Plinkaigalis-61 и Žviliai-47 (см. ниже), датируется по фибуле, близкой застёжкам типов AVI,167, AVI,168 с кольцевой гарнитурой, фазой C2/D1, не позднее 400 г. [Кулаков, 2005а, с. 44]. Правда, в ареале аукштайтов поздние формы таких артефактов известны и в комплексах VI в. [Кулаков, 2005б, с. 124]. Однако фибула из Marvelė-312 является ранним прототипом для этих находок.

Стилю Сёсдала-Унтерзибенбрунн в данном комплексе близко изображение, представленное в центре композиции на прямоугольной накладке портупеи (рис. 11: 1). Правда, оно – не чеканное, а прессованное (литое?). М. Берташюс правильно определяет его как Sonnenornament [Bertašius, 2005, S. 80]. Как и звёздчатые фигуры стиля Сёсдала-Унтерзибенбрунн, «солнечная фигура» на портупее Marvelė-312 имитирует, скорее всего, находившуюся на прототипе этой накладки вставку из какого-либо блестящего материала (камень или стекло). Судя по архаичности предметов в комплексе Marvelė-312, его можно считать своеобразным предтечей комплексов горизонта Сёсдала-Унтерзибенбрунн в современной Литве.

Žviliai-47 (Шилальский р-н Литовской Республики) (рис. 12) – ИНГ в прямоугольной в плане могиле размерами 2,30 x 0,90 м, перекрытой несколькими камнями. Костяк (сохранился лишь тлен) ориентирован головой на запад. На месте костей груди обнаружены железная булавка и бронзовая с частичной серебряной плакировкой арбалетовидная фибула типа grosse ABF. Обе застёжки направлены остриями на север, они, очевидно, застёгивали на груди покойного погребальную одежду. В районе шеи выявлена бронзовая гривна с Т-образным отверстием для застёжки. На левом запястье найден бронзовый браслет с расширенными гранеными концами. У правого плеча найдены втульчатый железный топор и остатки перевязи с бронзовыми сфероидными заклёпками. У левого плеча найдены наконечник копья, пара бронзовых шпор подгруппы Ginalski H с комплексом ремней с бронзовыми пряжками и накладками и конское оголовье с кольчатыми удилами. В его состав входит налобная (?) бронзовая подвеска-лунница с орнаментом в стиле Сёсдала-Унтерзибенбрунн. Лайма Вайтунскене, автор публикации могильника Жвиляй, датирует погребение 47 IV в. н.э. и относит погребённого в нём воина-всадника к западным балтам [Vaitkunskienė, 1999, p. 159, 209-211]. Аналогичное конское оголовье в погребении 79 курганно-грунтового могильника Netta (Подляское воеводство Польши) датируется фазами C1b-C2 [Bitner-Wróblewska, 2003, p. 35].

Kalniškiai (3)-39 (Расейняйский р-н Литовской Республики) (рис. 13) – ИНГ в могиле размерами 3,20 x 1,80 м. Здесь найдены остатки скелета воина с северо-западной ориентировкой. Погребение сопровождалось двумя конскими захоронениями с западной и северо-западной ориентировками. У головы воина обнаружены наконечник копья и втульчатый топор. Южнее выявлены две бронзовые (одна из них – с серебряной плакировкой) арбалетовидные фибулы и нож с деталями перевязи. Последние представлены бронзовым трапециевидным наконечником ремня и бронзовыми заклёпками со сферо-коническими навершиями, покрытыми оловом. Кроме того, в могиле найдены две бронзовые пряжки и два наконечника ремней, причём один из них – с орнаментом в стиле Сёсдала-Унтерзибенбрунн (рис. 12: 9). Перевязь боевого ножа считается римским импортом, по ней погребение датируется рубежом фаз C3/D [Astrauskas, Gleiznienė, Šimėnas, 1999, p. 141].

Plinkaigalis-50 (Кедайняйский р-н Литовской Республики) (рис. 14) – ИНГ в прямоугольной в плане яме размерами 2,08 x 1,20 м, глубиной 0,44 м, перекрытой несколькими камнями. Костяк ориентирован головой на запад, череп перекрыт валуном. С костяком найдены: рядом с черепом – бронзовые детали оковки рога для питья, на шее костяка находилась серебряная гривна, на груди – серебряная (тип große ABF) и бронзовая арбалетовидные фибулы, на правой руке – серебряный браслет с расширяющимися гранёными концами, на левой руке – бронзовый пластинчатый перстень, у правой руки – втульчатый топор, у пояса – серебряные пряжка и наконечник ремня (рис. 14: 6), остатки портупеи с серебряной накладкой и оловянными декоративными заклёпками, в нижней части костяка – сланцевое точило, две бронзовые шпоры, пара бронзовых пряжек и три наконечника ремня, относящиеся к обуви или к креплению шпор. Упомянутый выше наконечник ремня (рис. 14: 9), декорированный в стиле Сёсдала-Унтерзибенбрунн, является упрощённой версией роскошного наконечника ремня из Замошча (Южная Польша) [Madyda-Legutko, 1978, fig. 4: g; Bliujenė, 2000, p. 106, 107], имеющего очевидное провинциально-римское происхождение. Автор раскопок и публикации могильника Плинкайгалис Витаутас Казакявичюс датировал погр. 50 поздним V в. н.э. [Kazakevičius, 1993, p. 126].

Plinkaigalis-61 (Кедайняйский р-н Литовской Республики) (рис. 15) – ИНГ в прямоугольной в плане яме размерами 2,55 x 0,85 м, глубиной 0,58 м, ограниченной несколькими камнями. Костяк ориентирован головой на северо-восток. С костяком найдены: серебряная арбалетовидная фибула, боевой нож, проушной узколезвийный топор (группа Malonaitis 3c, датируемая рубежом IV-V – концом V в. н.э.) [Malonaitis, 2002, S. 167, 168] с остатками деревянной рукояти, долото (?), бронзовый браслет с расширенными гранёными концами, бронзовые пружинка и ведерковидный миниатюрный предмет, два обувных ремня с бронзовыми пряжками (рифлёные рамки) и накладками, бычий (турий) рог для питья с серебряными оковками, зубы коня. Дно ритона (рис. 15: 9) декорировано в стиле Сёсдала-Унтерзибенбрунн. Декоративные полосы на обкладке ритона, заполненные рядами различных зверей и птиц, в современной литовской археологии трактуются как отражение верований древних балтов в трёхуровневую структуру Вселенной и символизиру-

ют небо, землю и подземный мир [Vaitkunskienė, 1995, p. 104]. Правда, по материалам культовой керамики оксывской культуры такое же образное отражение троичности мира характерно в раннем железном веке для германцев [Niewęglowski, 1981, rys. 214]. Автор раскопок и публикации могильника Плинкайгалис Витаутас Казакявичюс относил захороненного в погр. 61 воина к носителям древностей аукштайтов [Kazakevičius, 1993, p. 127, 140]. Фибулы с фасетками на ножке, как в Plinkaigalis-61, датируются в юго-восточной Балтии фазой C2/D1 [Кулаков, 2003б, рис. 121].

Marvelė-337 (Каунасский р-н Литовской Республики) (рис. 16) – ИНГ в могильной яме прямоугольной в плане формы размерами 2,4 x 0,8 м, глубиной 2,73 м. Остатки костяка находятся в деревянном «саркофаге» (шириной 0,55 м), череп ориентирован на северо-запад. К юго-западу от остатков черепа, за пределами «саркофага» найден наконечник дротика (рис. 16: 4). На груди костяка иглой на север найдена бронзовая арбалетовидная фибула с фасетками на ножке с гранёными шайбами (рис. 16: 1), аналогичная фибуле из Plinkaiglis-61 (рис. 15: 3). У правого бедра костяка найден нож-кинжал (рис. 16: 5), у правой ноги – втульчатый топор (рис. 16: 3). Также справа от костяка были найдены остатки balteus Vidgiriai (длина 0,26 м) с бронзовыми накладками и умбоновидными декоративными заклёпками. На трапециевидном наконечнике ремня этой перевязи отмечен тиснёный звёздчатый орнамент (рис. 16: 2), близкий стилю Сёсдала-Унтерзибенбрунн. Автор публикации комплекса ошибочно датирует его фазой E [Bertašius, 2005, S. 87, Taf. CL, 37; CLIV]. На самом деле этот комплекс, как и Plinkaigalis-61, датируется по фибуле с фасетками фазой C2/D1.

Taurapilis-5 (Утенский р-н Литовской Республики) (рис. 17) – подкурганная ИНГ в яме размерами 3,2 x 1,6 м с западной ориентировкой. У черепа найден точильный камень, на правом плече – бронзовая арбалетовидная фибула с рифлёной спинкой (рис. 17: 6), на одном из пальцев – серебряный спиральный перстень (рис. 17: 12), у правого бедра – двулезвийный меч типа спата (рис. 17: 11) в деревянных ножнах с позолоченными серебряными и бронзовыми деталями (рис. 17: 4, 5, 9, 10). По бокам меча выявлены детали портупеи – позолоченные серебряные пряжки (рис. 17: 2, 3, 7, 8), а также бронзовый пинцет, нож (рис. 17: 20), позолоченная серебряная пряжка (рис. 17, 1), железная пряжка с обоймицей, украшенной альмандинами, два бронзовых спиральных перстня; под мечом – каменная бусина – подвеска к темляку. На груди у погребённого обнаружена серебряная оковка питьевого ритона (рис. 17: 21). Слева от тазовых костей найден проушной топор (рис. 17: 15). У ног лежали пара бронзовых шпор (рис. 17: 16, 17), бронзовая, частично плакированная серебром пряжка (рис. 17: 23) и ремни крепления шпор с двумя серебряными наконечниками (рис. 17: 24), умбон щита типа Liebenau (V-VI вв.) в сопровождении бронзового кольца (рис. 17: 25), пара наконечников копий. Плакированная серебром шпорная пряжка и пара связанных с ней наконечников ремней (рис. 17: 23, 24) декорированы чеканами в стиле Сёсдала-Унтерзибенбрунн. К северу от костяка воина обнаружен скелет коня, лежащего головой на запад на левом боку. Центральное мужское погребение в кург. 5 окружают могилы нескольких воинов [Tautavičius, 1981, p. 20-31].

Данный комплекс привлек внимание многих известных европейских археологов. Общепризнанным является мнение, впервые высказанное Йоахимом Вернером, о высоком социальном положении погребенного «князя» по обряду, характерному для культуры восточнолитовских курганов, и о преимущественно дунайском происхождении деталей инвентаря. Дату появления в Балтии некоего вождя балтского (?) происхождения, участника событий, происходивших в королевстве восточных готов в начале эпохи Теодориха Великого, немецкий коллега связывал с уходом готов из Подунавья в Италию (498 г.) или же с возвращением на север Европы в 504 г. гепидов [Werner, 1977, S. 90]. По декору в технике Kerbschnitt большая часть артефактов из данного комплекса соответствует горизонту Каравуково-Гава (D3) [Щукин, 2005, табл. VII]. Памятники поздней фазы развития декоративного стиля Сёсдала-Унтерзибенбрунн в комплексе Taurapilis-5 привлекли внимание М.Б. Щукина и С.Ю. Каргапольцева, отнёсших пряжку (рис. 17: 23) к концу IV – середине V в. Сам комплекс Taurapilis-5 коллеги из города на Неве датируют на основании пересмотра хронологии его компонентов 450-475 гг. [Каргапольцев, Щукин, 2002, с. 86].

Представленный каталог содержит комплексы, явно находящиеся на различных ступенях развития и включающие памятники декоративного искусства в стиле Сёсдала-Унтерзибенбрунн. Об этих ступенях, а также о генезисе упомянутого стиля и о появлении связанного с ним (?) «горизонта Самланд» А. Битнер-Врублевска, взявшая на себя труд собрать максимум сведений о стиле Сёсдала на энциклопедическом уровне, читателю не сообщает [Bitner-Wróblewska, 2005, p. 210-213]. Более того, археологический материал позволяет охарактеризовать «звёздчатый» стиль и связанный с ним «горизонт Самланд» в Балтии иначе, чем это сделала варшавская коллега.

Орнамент, использующий шести – девятилучевую звезду в виде центра композиции, прекрасно представлен в германском материале в рамках «дунайской моды» на Балканах и в Подунавье в

горизонте Унтерзибенбрунн на фазах D и D-D3 [Kazanski, 2002, p. 409]. Становление этой «моды» произошло на рейнском лимесе, где группы восточных германцев, вступая с середины IV в. в римские легионы и в том числе в отряды ауксилариев-федератов, снабжались снаряжением, изготовленным в местных провинциально-римских мастерских [Kazanski, 1995, p. 40-42]. Как показывает соответствующий рейнский материал 2-ой пол. IV в., группы Böhme B, римские пряжки с тиснёным орнаментом и вставками полудрагоценных камней эволюционируют в артефакты со «звёздчатым» орнаментом (рис. 18). «Звёзды» при отсутствии на артефактах вставок камней или цветного стекла были призваны, тем не менее, имитировать перед наивными «варварами»-реципиентами их сияние и блеск. Предположение о появлении «звёздчатой» орнаментальной композиции на горизонте Унтерзибенбрунн под влиянием комплекса пластичного декора и вставок камней ранее уже высказывалось [Кулаков, 1999, с. 207]. Наиболее типологически ранний памятник провинциально-римского искусства с имитационной «солнечной» («звёздной») фигурой – перевязь из Marvelė-312.

На рейнском лимесе параллельно с процессом становления «звёздчатого» орнамента идёт развитие от типа AVIII,190 к типу AVIII,191 фибул с луковичными навершиями, встреченных в одних комплексах с пряжками – непременной принадлежностью убора легионера позднего Рима. Процессы развития накладок, пряжек и фибул синхронно идут во 2-ой пол. IV в. (рис. 18).

Формирование древностей горизонта Унтерзибенбрунн в Подунавье связано с германскими (в основном) воинскими объединениями, действовавшими в рамках «Гуннской державы» с самого начала её сложения в Подунавье. Боевая активность этих формирований подчёркивается выпадением отдельных находок и кладов горизонта Унтерзибенбрунн в Южной Польше на финальном этапе развития пшеворской культуры [Mączyńska, 1998, s. 27-31]. Походы ветеранов гуннских войн способствовали разрушению этой культуры, и так ослабленной с уходом основной массы вандальского населения Повисления на территорию Империи. Кстати, сходная военная активность на примере находок трёхлопастных стрел зафиксирована в юго-восточной Балтии примерно через столетие – на исходе V в. н.э. [Кулаков, 2002, с. 109-111]. Ясно, что в обоих упомянутых случаях ветераны имперских войн стремились в пунктах своего мирного базирования практиковать способы добывания средств к существованию, сложившиеся на неспокойном римском лимесе.

Среди упомянутых групп имеются представители воинской аристократии, чьим погребениям соответствуют изделия с декором в стиле Унтерзибенбрунн, во многом сходным со стилем Сёсдала. В целом мастера, работавшие в этих стилях, ориентировались на образцы деталей римского воинского снаряжения. Оба горизонта – Унтерзибенбрунн и Сёсдала, характеризующиеся присутствием артефактов с декорами указанных стилей, – синхронны и датируются 2-ой пол. IV – 1-ой пол. V в. н.э. [Kazanski, 1996, p. 193]. Важным различием между обоими стилями (и, соответственно, между обоими горизонтами) является присутствие в стиле Унтерзибенбрунн звёздчатых фигур на деталях конского снаряжения, выполненных, как и на провинциально-римских орнаментальных схемах (рис. 18: Vermand), углублёнными овальными фигурами, прочерченными в восковой модели предмета. В скандинавском стиле Сёсдала их нет (хотя детали конского снаряжения в нём представлены), а в «горизонте Самланд» такие фигуры выполнены на отливках фибул и пряжек исключительно при помощи штампов (рис. 4: 6). Это несходство – причина различных аспектов, связанных с обретением образцов для своих стилей жителями разных регионов Барбарикум. Для германских пеших воинов рейнских легионов (судя по набору инвентаря в могилах) детали поясов производились в местных римских мастерских; эти же детали были доставлены на Самбию (возвращение «демобилизованных» ветеранов) и копировались уже в Балтии. Прототипы сходного декора в Подунавье попали и на детали поясов («звёздчатый» орнамент на пряжках), и на детали церемониального, статусного конского снаряжения (в том числе – профильные головки животных и чеканный орнамент по периметру предмета). При этом в древностях горизонта Унтерзибенбрунн на ранней фазе эпохи Великого переселения народов известен более сложный, нежели штампованный, орнамент – декор в технике Kerbschnitt, редкий в Балтии. Наконец, в скандинавском стиле Сёсдала наиболее близкими к провинциально-римским прототипам являются детали роскошной конской упряжи. «Звёздчатый» орнамент редок и на пряжках не представлен. Параллельно стилю Сёсдала активно используется орнамент, исполненный в техниках Kerbschnitt, Niello, Tula-Arbeit (в основном – стиль Нюдам). Оба стиля представлены не на дериватах римских изделий, а исключительно на артефактах местного происхождения. В этом наблюдении, думается, кроется разгадка проблемы взаимосвязи стилей и горизонтов Унтерзибенбрунн и Сёсдала, оно устраняет путаницу, возникшую благодаря попыткам интерпретации А. Битнер-Врублевской чеканного орнамента V в. на памятниках прусской культуры.

Происходя из одного источника с декором в стиле Унтерзибенбрунн, декор самбийских находок является несколько упрощённым вариантом указанного стиля и в гораздо меньшей степени связан со стилем Сёсдала. К сожалению, А. Бит-

нер-Врублевска этого не заметила. Важнейшее различие между номенклатурой артефактов с чеканным орнаментом на Самбии и в Подунавье заключается в том, что на Янтарном берегу набор декорируемых предметов ограничивается несколькими формами деталей убора. В Подунавье эта номенклатура значительно шире. Правда, этим различия исчерпываются. Соответственно «горизонт Самланд» правильнее будет обозначать как «горизонт Сёсдала-Унтерзибенбрунн» на Самбии. При этом если в Подунавье горизонт Унтерзибенбрунн охватывает древности различных племён и «...отличить погребения остготов, алан, скиров, ругиев, гепидов друг от друга не представляется возможным» [Щукин, 2005, с. 395], то в Балтии выделяются (по крайней мере, на основании корреляции оружия с находками в стиле Унтерзибенбрунн) два ареала древностей этого горизонта: Самбия и Центральная Литва (рис. 2). Если на Самбии в эпоху Меровингов изобразительные традиции стиля Сёсдала-Унтерзибенбрунн трансформируются в «стиль волчьего зуба», характеризующийся зубчатыми полосами оттисков штампа по периметру предмета [Кулаков, 1999, с. 207], то на землях будущих Литвы и Латвии в VI-VIII вв. тиснёные и чеканные «звёздные» и Х-образные композиции сохраняются на пластинах женских головных венцов [Bliujenė, 2000, p. 102; Vaškevičiūtė, 2004, 40. pav.]

На Самбии, судя по материалу воинских погребений с ножами-кинжалами (рис. 3; 8; 10), традиции скандинавского горизонта Сёсдала актуальны для Янтарного берега тем, что «звёздчатый» орнамент наносится на украшение, имеющее местное происхождение и восходящее к североевропейским образцам. Этой деталью мужского (и женского также) убора является звёздчатая арбалетовидная фибула (под)типа Bitner-Wróblewska II (рис. 3: 1). Как показывают материалы погребения Do-370 (см. выше), такие фибулы на Самбии датируются временем не позже 2-ой четверти V в., в пределах фазы D2. Однако эту датировку уточняют (ближе к первой четверти V в. для Самбии) находки бронзовых шпор типа Leuna B (например – рис. 3: 4). Первоначально появляясь у германцев бассейна р. Эльбы во 2-ой пол. III в. н.э., такие шпоры распространяются в западном направлении вместе с группами воинов, воевавших по обеим сторонам рейнского лимеса. Шпоры типа Leuna B характерны для снаряжения легионеров галльских провинций конца IV – начала V в. [Kazanski, 1990/1991, p. 119]. Эти шпоры, как и детали поясов (рис. 18), изготавливавшиеся в провинциально-римских мастерских, в комплексе принесли на Янтарный берег ветераны легионов, вернувшиеся на землю предков после многих лет службы на чужбине. Таким образом, начинает складываться устойчивый набор воинского снаряжения горизонта Сёсдала-Унтерзибенбрунн на Самбии, являющийся продуктом местных мастеров, ориентировавшихся на изделия нижнерейнских коллег. Обязательными атрибутами горизонта Сёсдала-Унтерзибенбрунн являются и ланцетовидные наконечники копий и дротиков (рис. 4; 7; 8), относимые к типу Böhme 2 и появляющиеся на рейнском лимесе опять же с восточными германцами, вошедшими в состав легионов в конце IV – начале V в. [Kazanski, 1990/1991, p. 124]. Отдельные находки умбонов щитов типа Vermand (рис. 4) подтверждают тезис о том, что на Янтарный берег в 1-ой четверти V в. н.э. вернулась довольно компактная, судя по единообразию снаряжения, группа воинов-германцев, ранее проходивших службу на рейнском лимесе в римских легионах. Эти воины, обладая шпорами (нередко – римского производства, судя по находкам в Do-370), тем не менее не владели церемониальными конскими оголовьями (как их «коллеги» горизонта Унтерзибенбрунн в Подунавье и горизонта Сёсдала в Скандинавии) и, видимо, не входили в состав престижных кавалерийских формирований. Скорее всего, воины Самбии являлись ауксилариями (мобильной пехотой), посаженными на коней для ускорения передислокации. Этот метод перемещения боевых соединений по рокадным дорогам вдоль лимеса использовался римлянами уже в III в. н.э. Кроме того, обзор воинских погребений Янтарного берега римского времени свидетельствует о том, что на протяжении III-V вв. н.э. те воины Самбии, которые служили Риму в легионах, обладали комплексом вооружения именно ауксилариев [Kulakov, 2005, p. 139].

Несмотря на свою малочисленность (8 комплексов), группа погребений горизонта Сёсдала-Унтерзибенбрунн на Самбии обладает устойчивым сочетанием признаков, в ряде случаев – эксклюзивных. К ним относятся ножи-кинжалы и языковидные наконечники ремня. Упомянутые однолезвийные клинки с иглоподобным острием никогда не затачивались и применялись исключительно для нанесения колющих ударов наподобие позднейших рыцарских кинжалов типа misericordia. Ножи-кинжалы своим происхождением связаны с Подунавьем гуннского времени и появляются в Балтии до середины V в. [Кулаков, Скворцов, 2000, с. 46, 47]. Предназначались они для поражения (добивания после удара лучников) тяжеловооружённых бойцов противника. Факт распространения объектов специфического (если не сказать – экзотического) вооружения на значительные расстояния в эпоху гуннских войн недавно зафиксирован на примере находки в Турово (Ленинградская обл.) однолезвийного клинка, аналогичного известным в локальном микрорегионе Северной Испании, в бассейне р. Дуэро. М.Б. Щукин считал этот клинок статусным, «вроде кортиков современных морских офи-

церов» [Щукин, 2005, с. 417]. Однако очертания футляра этого миниатюрного «ножа» более всего напоминают контуры римских бритв и, очевидно, данные «ножи» таковыми и являются.

Ранее считалось, что появление на Самбии и на территории современной северо-восточной Польши языковидных наконечников ремня в «стиле Сёсдала» свидетельствует о развитии скандинавских декоративных традиций в Балтии [Madyda-Legutko, 1978, p. 11; Bitner-Wróblewska, 1992; p. 258; Wyszomirska-Werbart, 1992, p. 64]. Правда, если на рейнском лимесе прототипы языковидных наконечников ремня широко представлены (рис. 18: Vermand), то в Скандинавии, судя по данным А. Битнер-Врублевской, лишь на о. Готланд (рис. 19) есть одна находка такого артефакта (результат матримониальных контактов?). Основные два ареала языковидных наконечников ремня – Самбия и Мазурское Поозерье [Bitner-Wróblewska, 2001, fig. 28]. Прямым предшественником для языковидных наконечников является «спаренный» наконечник ремня горизонта Унтерзибенбрунн (рис. 14: 6). Итак, самбийская группа древностей данного горизонта характеризуется трупосожжениями с ножами-кинжалами и языковидными наконечниками ремня. Эта группа погребений датируется преимущественно в рамках фаз D1 и D2.

Семь погребальных комплексов с оружием и с предметами, декорированными в стиле Сёсдала-Унтерзибенбрунн, найденные в Центральной Литве (рис. 2), своей малочисленностью не позволяют сделать окончательные выводы о характеристике древностей горизонта Сёсдала-Унтерзибенбрунн на Неманском правобережье. Однако очевидны отличия, характерные для литовских находок в сравнении с синхронным самбийским материалом. Центрально-литовская группа состоит исключительно из трупоположений, нередко сопровождаемых конскими захоронениями и/или комплексами роскошного (церемониального, статусного) конского снаряжения. Последняя черта роднит древности этой группы с синхронными материалами Скандинавии и Подунавья. Кроме того, погребения в Центральной Литве имеют в составе набора инвентаря гривны и браслеты с расширенными концами, топоры, ритоны для питья и перевязи для боевого ножа типа balteus Vidgiriai. Все эти компоненты набора показывают высокий социальный статус погребённых воинов. Портупеи типа balteus Vidgiriai, характерные в Балтии для фазы C1b/D1 (не позже 420 г.), имеют провинциально-римское происхождение и были приспособлены воинами Балтии к ношению не ножей-кинжалов, а более ранних форм клинков – боевых ножей с горбатой спинкой [Кулаков, Скворцов, 2000, с. 44, 45]. Единственный случай взаимовстречаемости перевязи и ножа-кинжала отмечен в Marvelė-337 (рис. 16). Более ранняя относительно самбийских комплексов датировка воинских погребений с территории Литвы подтверждается обязательным присутствием в них арбалетовидных фибул типа große ABF (Åberg 33), датируемых в юго-восточной Балтии III-IV вв. н.э., а на правом берегу р. Неман доживающих до IV – 1-ой пол. V в. [Кулаков, 2005а, с. 44, 45]. При этом в комплексе Marvelė-312 обнаружена наиболее архаичная (для материала нашего каталога) форма фибулы типа Åberg 3. Примечательно, что в комплексе ей сопутствует перевязь с рисунком, являющимся прототипом для «звёздчатых» композиций стиля Сёсдала-Унтерзибенбрунн. Ни одного случая корреляции звёздчатых фибул с оружием и с памятниками указанного стиля в Литве не обнаружено. Здесь нет не только языковидных наконечников ремней, но и пряжек со «звёздчатым орнаментом», где «звезда» представлена в единственном числе. Напротив, здесь в составе перевязей balteus Vidgiriai встречаются трубкообразные завершения ремней (рис. 18, Vermand), известные на Янтарном берегу в погребениях фаз C2/D1 и никогда не встречающиеся с характерными для самбийского материала горизонта Сёсдала-Унтерзибенбрунн пряжками типа Madyda-Legutko H38 и языковидными наконечниками ремней. На наконечниках ремней на территории Литвы наличествует по нескольку «звёзд» (рис. 14; 15).

Таким образом, можно констатировать следующее. Группы воинских комплексов, представленные в «литовской» части каталога, указывают на чёткую унификацию инвентаря и краткое время его существования. Возможно, это свидетельствует о принадлежности указанных воинов к одному роду войск или даже к одному подразделению, характеризовавшемуся наличием в униформе перевязей balteus Vidgiriai. Воины-всадники, погребённые в Центральной Литве, оказались здесь, за северо-восточным пределом Барбарикума, несколько раньше воинов-пехотинцев на Самбии. Если ветераны ауксилий Рима появились на Янтарном берегу на фазах D1 и, в меньшей степени, D2, то конные федераты скрылись в лесах будущей границы Аукштайтии и Жемайтии в основном на рубеже фаз C2/D1. Обращают на себя внимание особые формы обрядности, принесённые ими в литовское Понеманье. Трупоположения в ямах с заплечиками, где костякам воинов сопутствуют захоронения коней (Vidgiriai, Marvelė), до прихода ветеранов гуннских войн не были известны в Балтии [Šimėnas, 2006, p. 42-52]. Таким образом, можно полагать, что группа аллохтонов позиционировала себя в местной среде, её представители хоронили своих умерших по особому обряду. Этого нельзя сказать о владельцах предметов, орнаментированных в стиле Сёсдала-Унтерзибенбрунн на Самбии. Они хоронили своих умерших в рамках единого для Янтарного

берега обряда – урновая кремация, характерная для ранней фазы прусской культуры.

Особое место в составе литовских находок горизонта Унтерзибенбрунн занимает комплекс Taurapilis-5, где предметы с декором в стиле Сёсдала-Унтерзибенбрунн, скорее, «наследие предков», нежели актуальный хронологический индикатор.

Находки ланцетовидных наконечников копий типа Böhme 2, многочисленных на Самбии, в Литве единичны (рис. 12). Здесь основным оружием воинов-всадников горизонта Унтерзибенбрунн являлись втульчатый или проушной топор и боевой нож. Такой набор оружия характерен в римское время для балтских воителей [Кулаков, 2003б, с. 280]. Напротив, комплекс из боевого ножа, умбона, наконечников копья и дротика в Самбии является характерным для северных германцев в IV – начале V в. (правда, последние вместо тяжёлого ножа использовали меч-спату). Отсутствие в таком наборе наконечника дротика специфично для вандальских (?) комплексов в пшеворской культуре [Schulze-Dörrlamm, 1985, S. 558] и позже – на Янтарном берегу для горизонта Унтерзибенбрунн.

Итак, в итоге анализа комплексов с оружием горизонта Унтерзибенбрунн на Самбии и в Литве можно сделать следующие выводы:

1. Предложенные А. Битнер-Врублевской для «горизонта Самланд» хронологические рамки в рамках фаз C3-D/E (середина IV – начало VI в. н.э.) неверны. Сам горизонт логичнее будет именовать «горизонт (Сёсдала-)Унтерзибенбрунн на Самбии», и его датировка не выходит за рамки фаз C2 (по Я. Тейралу)/D2. Эта датировка полностью совпадает с рамками горизонта Сёсдала в Скандинавии.

2. Древности с памятниками стиля Сёсдала-Унтерзибенбрунн на территории Литвы можно именовать «горизонтом Унтерзибенбрунн в Литве». Комплексы с оружием в этом горизонте датируются рубежом фаз C2/D1. Отдельные находки, связанные с указанным горизонтом, встречаются на правобережье р. Неман на протяжении всего VI в. (пример – Taurapilis-5).

3. Вещевыми индикаторами горизонта Унтерзибенбрунн для воинских комплексов Самбии являются звёздчатые фибулы, пряжки типа Madyda-Legutko H38, языковидные наконечники ремней, ножи-кинжалы и ланцетовидные наконечники копий/дротиков. Эти комплексы принадлежат германским воинам, отслужившим в римских ауксилиях на рейнском лимесе.

4. Вещевыми индикаторами горизонта Унтерзибенбрунн для воинских комплексов Неманского лесного правобережья являются арбалетовидные фибулы типа große ABF=Å3, церемониальные конские оголовья, ритоны, перевязи balteus Vidgiriai. Эти комплексы принадлежат балтским (?) воинам, отслужившим в римских вспомогательных кавалерийских частях где-то на лимесе (дунайском?).

Появление этих не слишком многочисленных групп воинов сыграло для Янтарного берега и для нижнего Понеманья ключевую роль. Получившие боевой опыт на полях сражений гуннских войн, снабжённые тактическими познаниями и актуальными для эпохи Великого переселения народов видами вооружения, ограниченные воинские контингенты ветеранов кардинально изменили историческую картину юго-восточной Балтии в первой половине V в. н.э. На Янтарном берегу эти воины стали у истоков прусской культуры, в лесных чащах Центральной Литвы ветераны гуннских войн способствовали укреплению межплеменных контактов по речному пути «Самбия-Вирумаа» (отрезок по рекам Дубисса и Нявежис). Тем самым они способствовали укреплению материально-экономической основы балтских племён на пороге средневековья [Kulakov, 2000, p. 285]. Возможно, следами военных действий ветеранов гуннских войн являются находки в Литве трёхлопастных стрел [Кулаков, 2002, с. 108, 109].

Сохранившиеся в фольклоре пруссов и жителей Литвы предания о пришельцах из Рима Палемонасе и из «Кимбрии» Видевуте, о прародителе литовцев Литалане [Šimėnas, 2006, p. 112, 113], не исключено, отражают реальные исторические события. Они могут быть связаны с приходом в Понеманье воинов-всадников на фазе C2/D1 и пехотинцев-ауксилиев на фазах C2-D2 на Самбию. Возможно, вожди тех и других были соответственно персонифицированы в балтских легендах как «Палемонас», «Литалан» (Понеманье) и Видевут (Самбия и Натангия).

Литература

Амброз А.К. 1966. Фибулы юга европейской части СССР // САИ. Д1-30. М.

Казакявичюс В.К. 1988. Оружие балтских племён II-VIII веков на территории Литвы. Вильнюс.

Каргапольцев С.Ю., Щукин М.Б. 2002. Новая находка оружия позднеримского времени на западе Ленинградской области // Старая Ладога и проблемы археологии Северной Руси. СПб.

Кулаков В.И. 1997. Варникам. Древности прусских вождей // ГАЗ. 12.

Кулаков В.И. 1999. Балтийский акцент в движении викингов (этнические диффузии и традиции искусства) // Archaeologia Lituana. I. Vilnius.

Кулаков В.И. 2002. Эхо гуннских войн в Балтии // ГАЗ. 17.

Кулаков В.И. 2003а. Два поколения воинов Do-370 // Чтения, посвященные 100-летию деятельности Василия Алексеевича Городцова в Государственном Историческом музее. Тез. конф. II. М.

Кулаков В.И. 2003б. История Пруссии до 1283 г. М.

Кулаков В.И. 2003в. Отчёт о работе Балтийской экспедиции на грунтовом могильнике Lauth у пос. Б. Исаково (Гурьевский р-н Калининградской обл.) в 2003 г. // Архив ИА РАН, Ф-I.

Кулаков В.И. 2004. Доллькайм-Коврово. Исследования 1879 г. Минск.

Кулаков В.И. 2005а. Подвязные фибулы в юго-восточной Балтии // РА. 1.

Кулаков В.И. 2005б. Фибулы Балтии с кольцевой гарнитурой из архива копий Центрального Римско-Германского Музея (Майнц) // РА. 3.

Кулаков В.И. 2006. «Варварские» подражания фибулам с луковичными навершиями в Балтии // Slavia Antiqua (в печати).

Кулаков В.И., Скворцов К.Н. 2000. Клинки из Кляйнхайде // ГАЗ. 15.

Щукин М.Б. 2005. Готский путь. Готы, Рим и Черняховская культура. СПб.

Åberg N. 1919. Ostpreussen in der Völkerwanderungszeit. Uppsala-Leipzig.

Adler W. 1993. Studien zur Germanischen Bewaffnung. Waffenmitgabe und Kampfweise in Niederelbegebiet und im übrigen Freien Germanien um Christi Geburt. Bonn.

Astrauskas A., Gleiznienė G., Šimėnas V. 1999. Perpetės baltų kraštuose I tūkstantmečio vidurije // Archaeologia Lituana. I. Vilnius.

Bertašius M. 2005. Marvėle. Ein Gräberfeld Mittellitauens.

Vidurio Lietuvos aukštaičių II-XII a. kapinynas. Kaunas.

Bitner-Wróblewska A. 1986-1990. Zapinki z gwiaździstą i łopatkowatą nózką z południowo-wschodnich wybrzeży Bałtyku // Wiadomości Archeologiczne. LI-1.

Bitner-Wróblewska A. 1992. The souther Baltic zone and Skandinavia in the Migration Period // Barbaricum. 2. Warszawa.

Bitner-Wróblewska A. 2001. From Samland to Rogaland. East-West connections in the Baltic basin during the Early Migration Period. Warszawa.

Bitner-Wróblewska A. 2003. Family groups at Netta cemetery. From studies on horizontal stratigraphy // Archaeologia Lituana. 4. Vilnius.

Bitner-Wróblewska A. 2005. Sösdala und Sösdala-Stil // Reallexikon der Germanischen Altertumskunde. 29. Berlin; New York.

Bliujienė A. 2000. Lokalių Europos puošybos stilių įtaka I tūkstantimečio vidurio baltų genčių ornamentikai // Is baltu kulturos istorijos. Vilnius.

Bohnsack D. 1938. Die Germanen im Kreise Neidenburg unter Berücksichtigung der neuesten Funde // Alt-Preußen. 3-3.

Dąbrowski K. 1981. Kultura hunów // Prahistoria ziem polskich, t. V. Późny okres lateński i okres rzymski. Wrocùaw; Warszawa; Kraków; Gdańsk.

Ginalski J. 1991. Ostrogi kabłakowe kultury przeworskiej. Klasyfikacja typologiczna // Przegląd archeologiczny. 38.

Günther C., Voss A. 1880. Photographisches Album der Prähistorischen und Anthropologischen Ausstellung zu Berlin. I. Berlin.

Heydeck J. 1888. Der südliche Teil des Gräberfeldes von Grebieten, Kr. Fischhausen // Prussia. 13.

Kazakevičius V. 1993. Plinkaigalio kapinynas // Lietuvos archeologija. 10. Vilnius.

Kazanski M. 1990/1991. Les Germains de l'Elbe-Jder-Vistule et la Gaule au Bas-Empire // Antiquités Nationales. 22/23. Paris.

Kazanski M. 1995. L'équipement et le matériel militaries au Bas-Empire en Gaule du Nord et de 'Est // Revue du Nord-Archeologie. LXXVII-313.

Kazanski M., 1996. Les tombes "princières" de l'horizon Untersiebenbrunn, le probleme de l'identification etnigue // L'Identité des Populations Archéologiques. XVIe Recontres Internationales d'Archéologie et d'Historie d'Antibes. Sophia Antipolis.

Kazanski M. 2002. Les Antiquites germaniques de l'epoque Romaine tardive en Crimee et dans la Region de la Mer d'Azov // Ancient West & East. 1-2. Leiden; Boston.

Kulakov V. 2000. La terre prusse entre Scandinavie et Orient // Les centres proto-urbains russes entre Scandinavie, Byzance et Orient, Réalités Byzantines. 7. Paris.

Kulakov V. 2005. Légionnaires romains et guerriers mérovingies sur la côte d'Ambre // Voies d'eau, commerce et artisanat en Gaule mérovingienne. Namur.

Madyda-Legutko R. 1978. The bucles with imprint ornamentation // Wiadomości Archeologiczne. XLIII.

Madyda-Legutko R. 1986. Die Gürtelschnallen der Römischen Kaiserzeit und der frühen Völkerwanderungszeit im mitteleuropäischen Barbaricum. Oxford.

Mączyńska M. 1998. Schyłkowa faza kultury przeworskiej // Kultura przeworska. Lublin.

Malonaitis A. 2002. Schmaläxte mit Hacken in Litauen // Archaeologia Baltica. 5. Vilnius.

Niewęglowski A. 1981. Elementy religii // Prahistoria ziem polskich. V. Późny okres lateński i okres rzymski. Wrocùaw; Warszawa; Kraków; Gdańsk.

Šimėnas V. 2006. Etnokūlturiniai procesai Vakarų Lietuvoje pirmojo mūsų eras tūkstantmečio viduryje. Vilnius.

Schulze-Dörrlamm M. 1985. Germanische Kriegergräber mit Schwertbeigabe in Mitteleuropa aus dem spätem 3. Jahrhundert und der ersten Hälfte des 4. Jahrhunderts n. Chr. Zur Entstehung der Waffenbeigabensitte in Gallien // Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums. 32. Jg.

Tautavičius A. 1981. Taurappilii "kunigaikščio" kapas // Lietuvos archeologija. 2. Vilnius.

Tischler O., Kemke H. 1902. Ostpreussische Altertümer aus der Zeit der grossen Gräberfelder nach Christi Geburt. Königsberg.

Vaitkunskienė L. 1995. The formation of a warrior elite during the Middle Iron Age in Lithuania // Archaeologia Baltica. 1. Vilnius.

Vaitkunskienė L. 1999. Žvilių kapinynas // Lietuvos archeologija. 17. Vilnius.

Vaškevičiūte I. 2004. Žemgaliai V-XII amžiuje. Vilnius.

Werner J. 1977. Der Grabfund von Taurapilis, Rayon Utena (Litauen) und die Verbindung der Balten zum Reich Theoderichs // Archäologische Beiträge zur Chronologie der Völkerwanderungszeit. Bonn.

Wyszomirska-Werbart B. 1992. Scandinavia and the Eastern Balti1c during the Migration Period. The Cultural Interactions // Contact across the Baltic Sea during the Late Iron Age (5th-12th centuries). Lund.

V.I. Kulakov

The arms of Sösdala – Untersiebenbrunn horizont on Amber shore

Resume

The arms nomenclature of the horizon complexes now called Sösdala is examined in the article. The area of studies – the south-eastern Baltic region (former province East Prussia, now – the Kaliningrad region of Russia) and the neighboring tribal areas of the Balts on the right bank of the river Neman.

Niels Åberg set up a problem of Sösdala style for the first time in the early 20th century, he named it Sternornament. Niels Åberg considered Rhine provinces of the Roman Empire the initial geographic area of this style in the second half of the 5th century AD. Anna Bitner-Wróblewska, contemporary Polish researcher of the Western Baltic region antiquities of the middle of the 1st millennium AD, believes, referring to N. Åberg, that these decorations were widespread on major areas of the Central and Northern Europe during phase D. Let's try to check the justness of "Samland horizon" theory on the example of sites mutual occurrence with hammered ornamentation and arms items on Amber shore and in the neighboring ethnocultural areas.

Antiquities formation of the Untersiebenbrunn horizon of the Danube region is connected to Germanic military units that acted under the "Hun power" since its establishment.

Military activity of these groups is accented by the difference of individual finds and buried treasures of the Untersiebenbrunn horizon in the Southern Poland on the final stage of Przeworsk culture development.

The materials of military cemeteries with knives-daggers of Sambia show that the traditions of Scandinavian horizon Sösdala were relevant for Amber shore. "Star-shape" ornament was applied on a decoration of local origin; it ascended to the northern Europe models. This detail of male (and female, as well) attire is the arbalest type fibula with star shape foot of Bitner-Wróblewska II (sub)type.

Despite its small number (8 complexes), cemeteries group of the Untersiebenbrunn horizon in Sambia has a stable combination of characteristics, which in some cases are exclusive. These include daggers-knives and tongue-shaped belt points. The mentioned above blades with one edge and needle type point were never sharpened and were used only for jabs stabbing. Hun time daggers-knives are of the Danube region origin. These items were intended for defeating heavy armored enemy fighters (finishing off after archers blow); they appeared before the middle of the 5th century AD.

Due to small number of burial complexes (5 finds) with weapons and items decorated in Sösdala – Untersiebenbrunn style of Central Lithuania, it is not possible to make final conclusions on antiquities characteristics of the Untersiebenbrunn horizon on the Neman river right bank area. The central Lithuania sites group consists only of cremations often accompanied by horse burials and/or complexes of luxury (ceremonial) horse harness. The latter trait makes antiquities of this group closer to the synchronous materials of Scandinavia and the Danube region. In addition, cemeteries in the Central Lithuania have neck rings and bracelets with widened ends in the funeral implement, as well as axes, rhytons for drinking, baldrics for combat knives of balteus Vidgiriai type. All of these collection components show a high social status of buried warriors.

Warriors-riders buried in the Central Lithuania showed up here, beyond the north-eastern border of Barbarikum, somewhat earlier than the infantry warriors in Sambia. The horse federates hid in the forests of the future borders of Aucshtaja and Zhematija mainly at the turn of the C2/D1 phases. Roman auxiliae veterans appeared on Amber shore in phases D1 and, to a lesser extent, in phase D2. Complex Taurapilis-5 occupies a special place in the Lithuanian finds collection of the Untersiebenbrunn horizon. In this complex the items decorated in Sösdala – Untersiebenbrunn style are more likely "ancestors' heritage" rather than actual chronological indicator.

The appearance of these not very numerous warriors groups played a key role for Amber shore and the Lower Neman region. Limited veterans' forces got their combat experience on the battlefields of Hun wars; they were equipped with tactical knowledge and types of arms essential for the Great Migration era. These warriors changed dramatically historical image in the south-eastern Baltic area in the first half of the 5th century AD. They were at the origins of the Prussian culture on Amber shore. The Hun wars veterans helped to strengthen inter-tribal contacts in the Central Luthnania forest region, on the river way "Sambia-Virumaa" (a part of the rivers Dubissa and Niavejis). Thus, they raised the economic development level of the Baltic tribes on the verge of the Middle Ages.

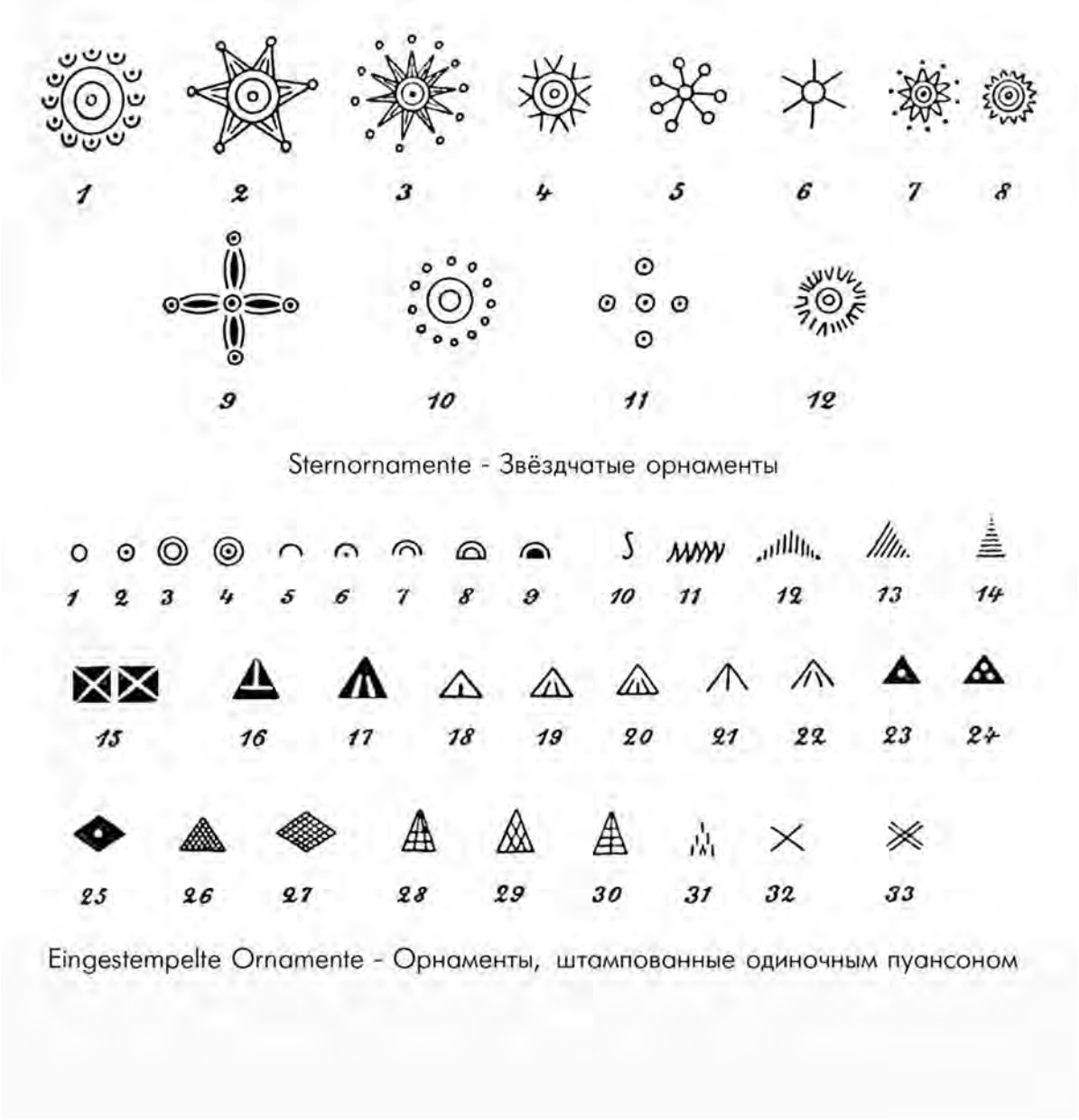


Рис. 1. Варианты звёздчатых фигур и виды отдельных штампов, характерные для стилей Сёсдала и Унтерзибенбрунн (по: Åberg, 1919, S. 43, 44).

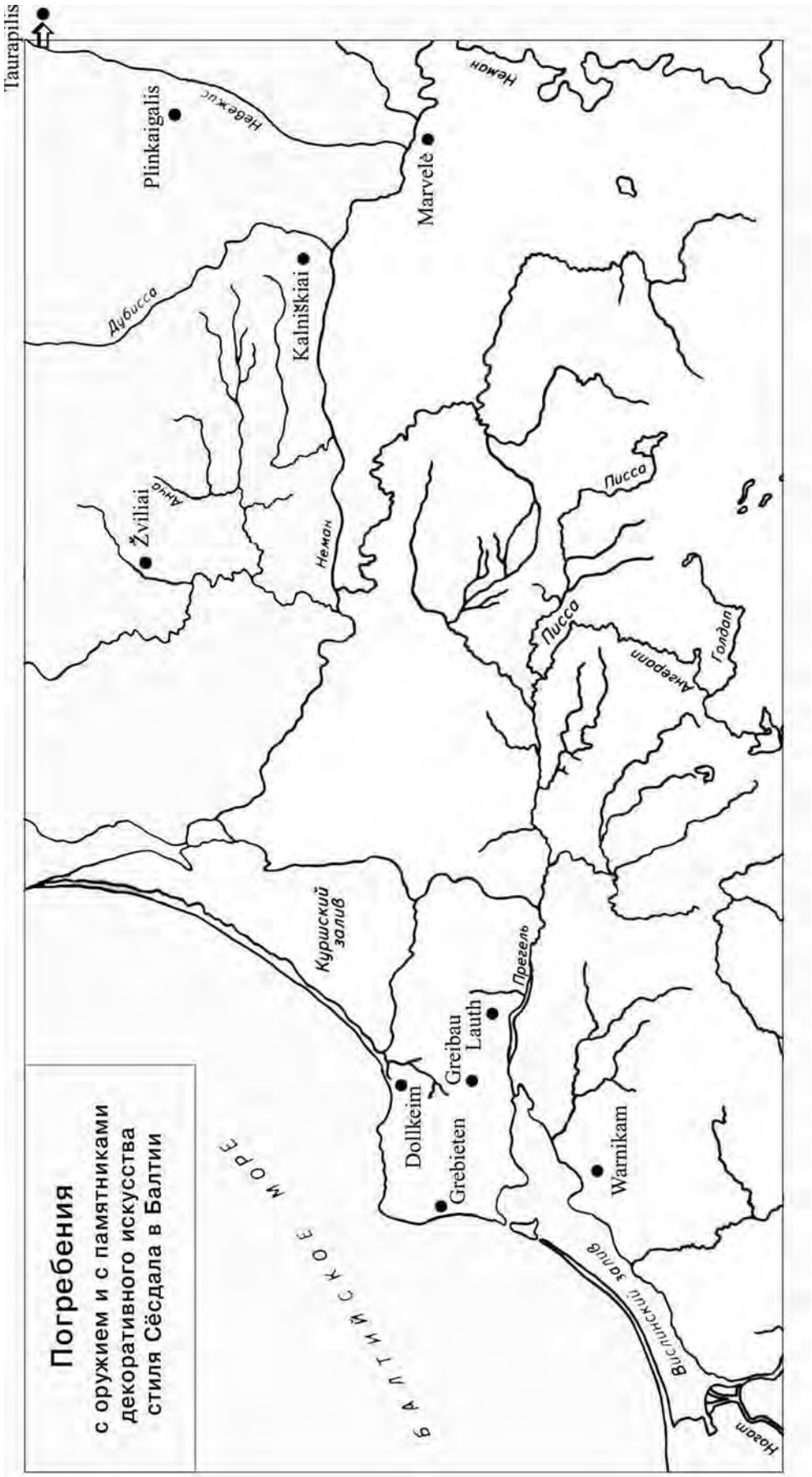


Рис. 2. Погребения с оружием и с памятниками стиля Сёсдала-Унтерзибенбрунн в Балтии.

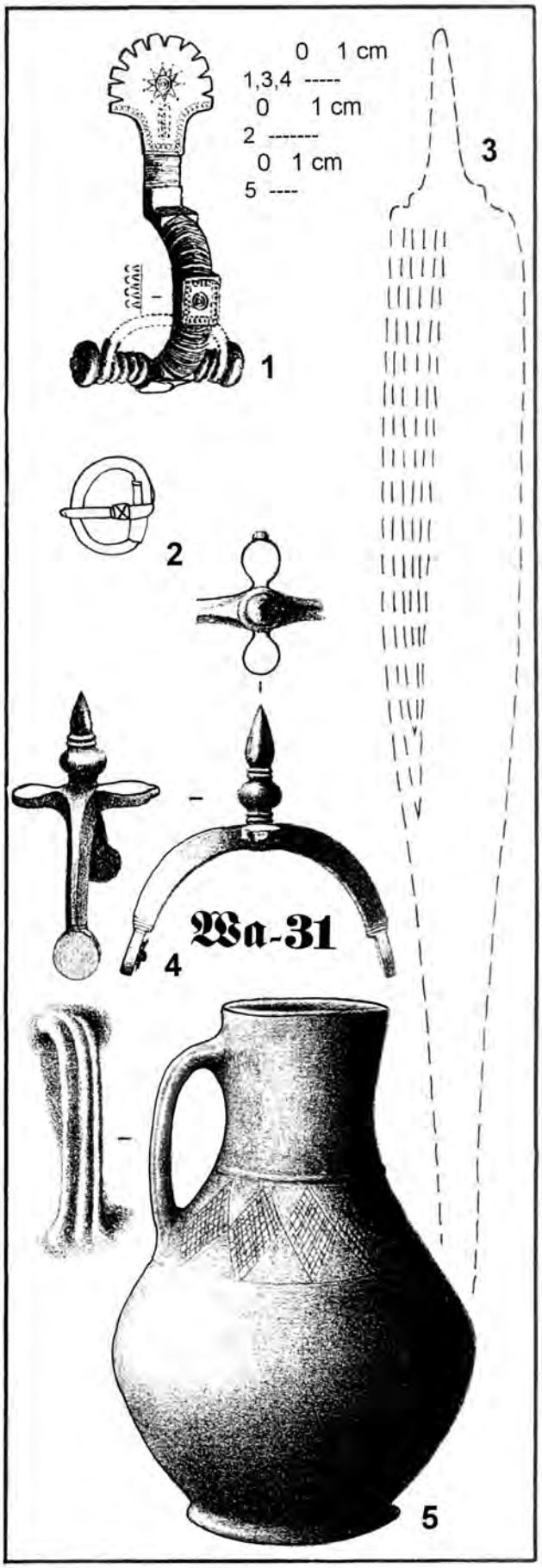


Рис. 3. Комплекс Первомайское-Warnikam-31 (по: Кулаков, 1997, рис. 8).

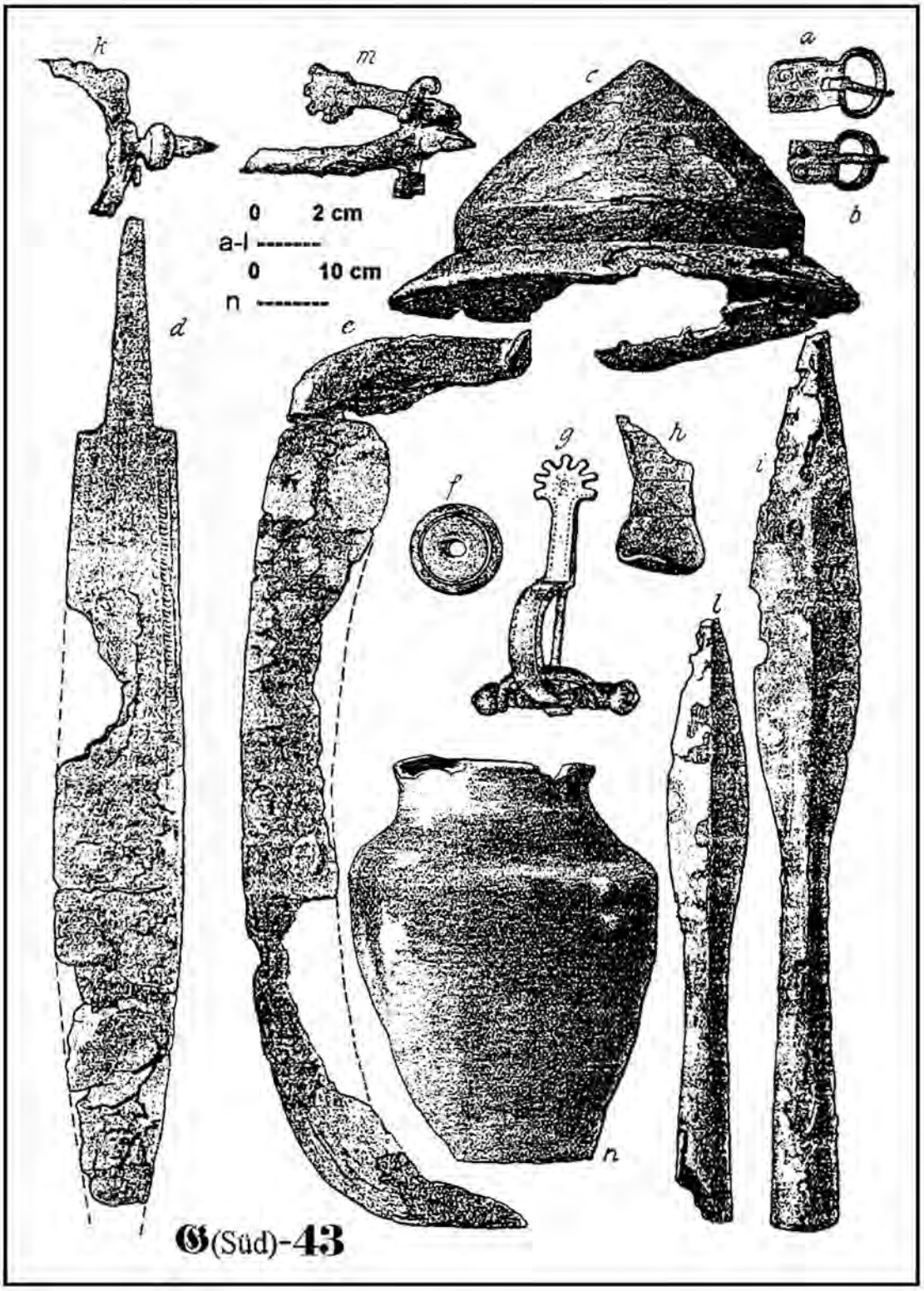


Рис. 4. Комплекс бывш. Grebiten (Süd)-43 (по: Heydeck, 1888, Taf. VIII: a-l).

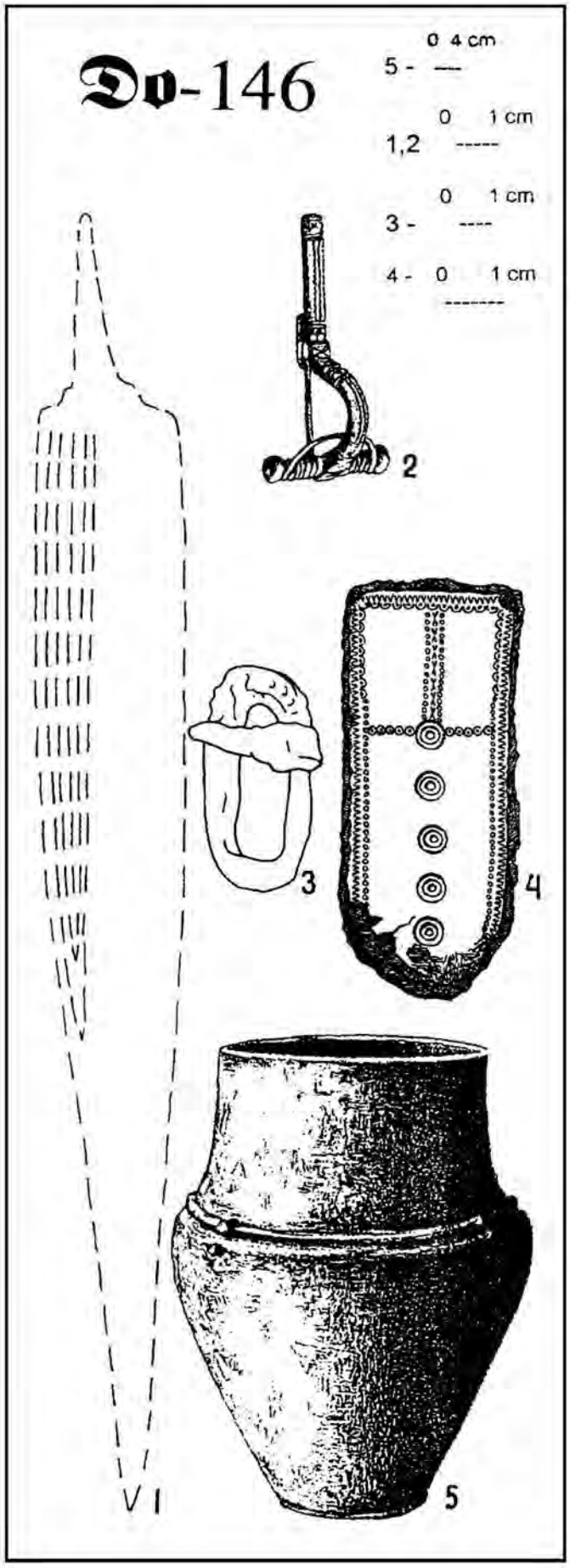


Рис. 5. Комплекс Коврово-Dollkeim-146 (по: Кулаков, 2004, рис. 54).

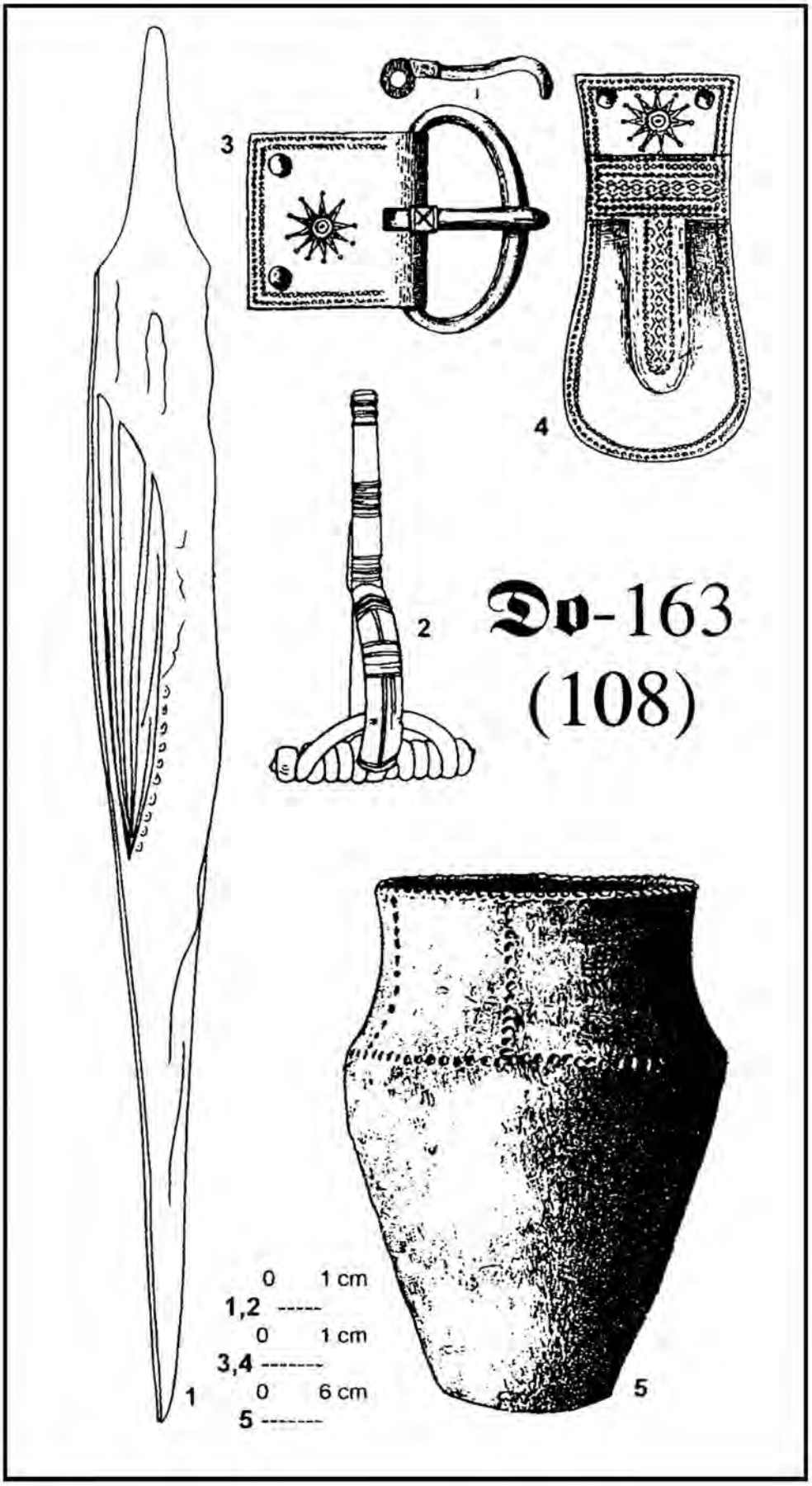


Рис. 6. Комплекс Коврово-Dollkeim-163 (по: Günther, Voss, 1880, Nr 429, 707; Tischler, Kemke, 1902, Taf. XI: 1, 1a, 2, 5; XXVIII: 2).

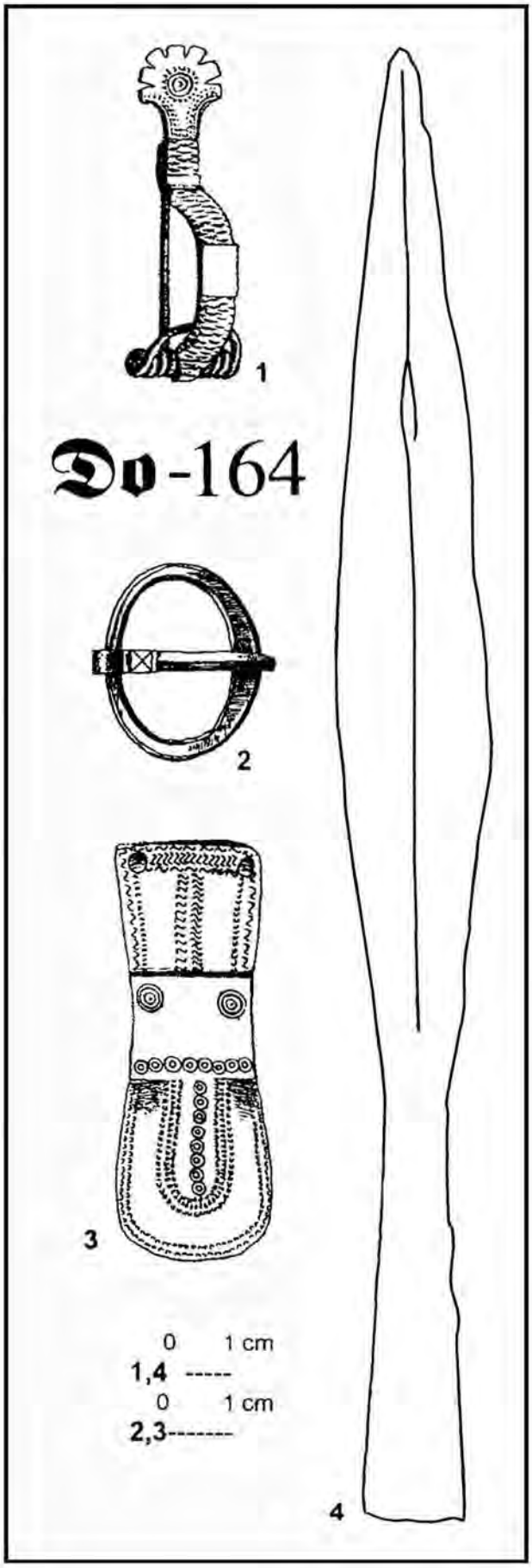


Рис. 7. Комплекс Коврово-Dollkeim-164 (по: Кулаков, 2004, рис. 63).

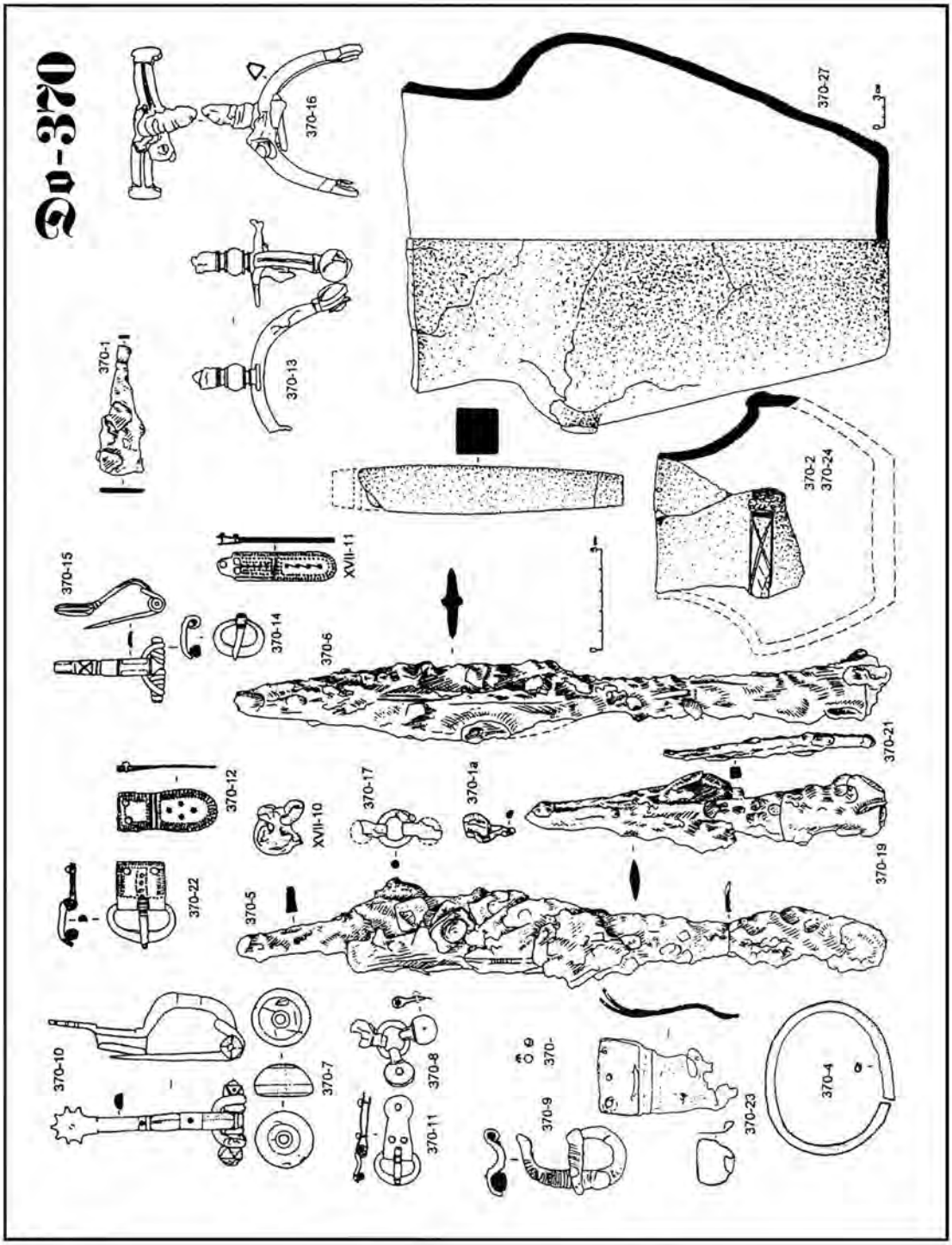


Рис. 8. Комплекс Коврово-Dollkeim-370 (по: Кулаков, 2003, рис. 2).

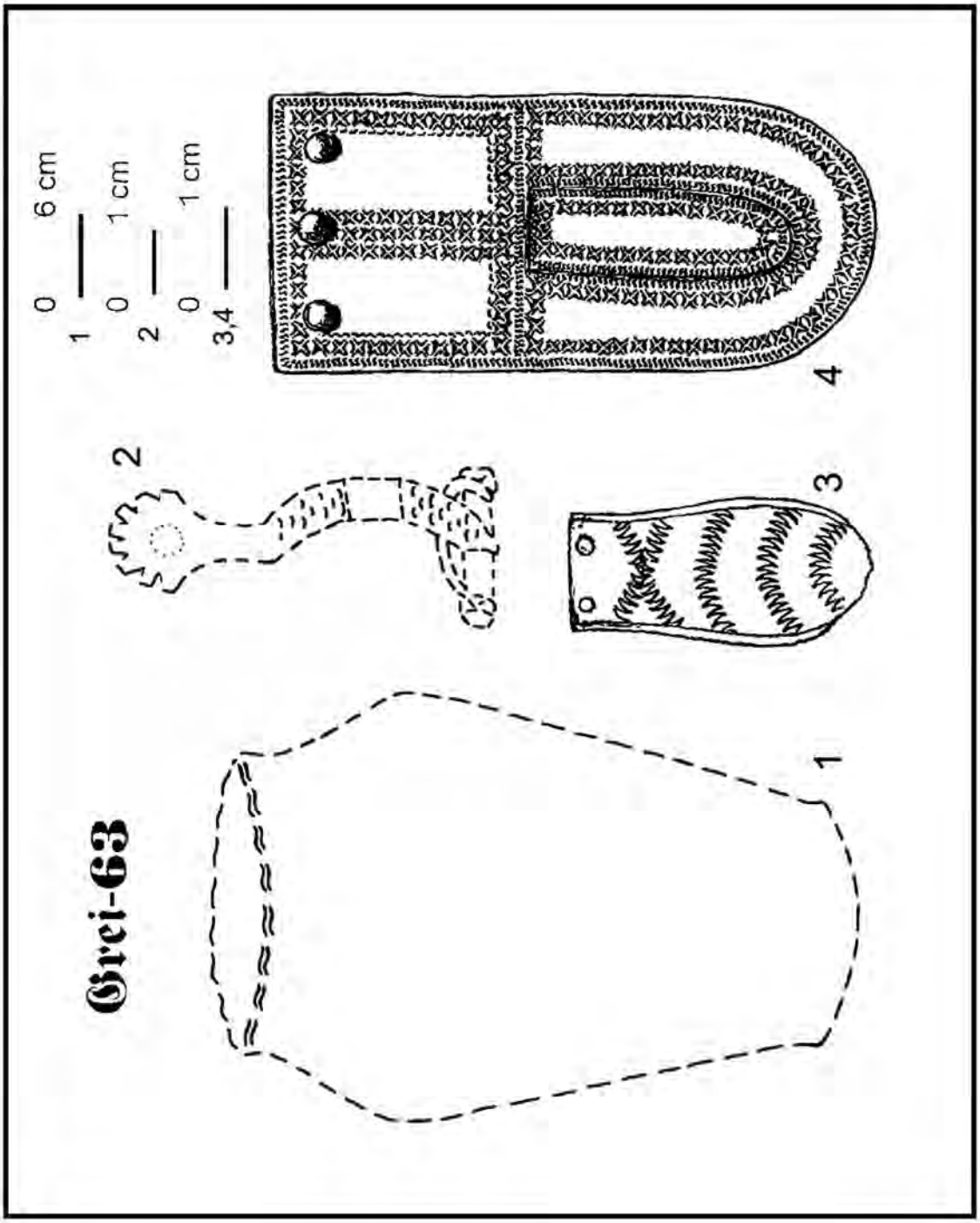


Рис. 9. Бывш. Greibau-63 (по: Tischler, Kemke, 1902, Taf. XI: 7, 11; XXVIII: 2).

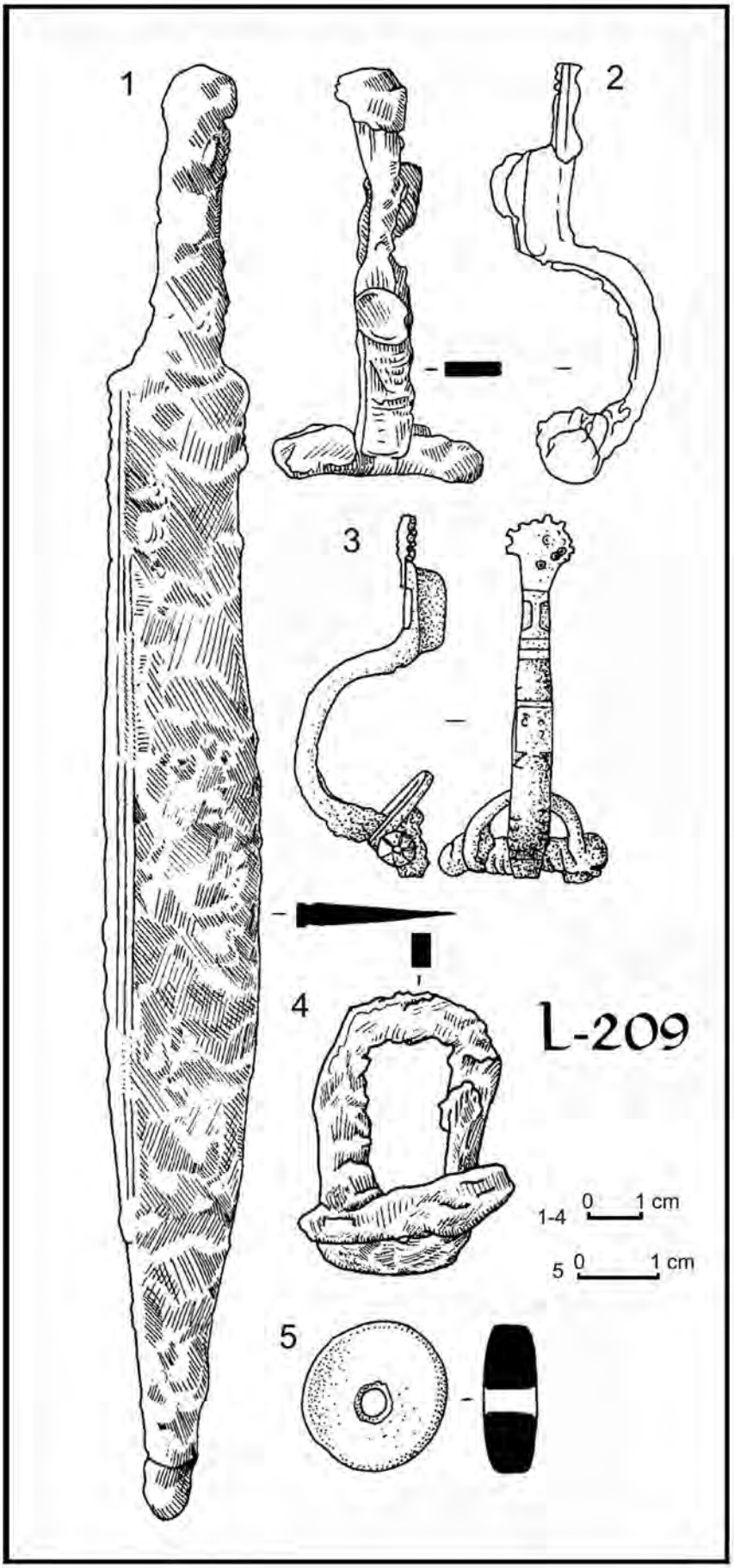


Рис. 10. Комплекс Б.Исаково-Lauth-209 (по: Кулаков, 2003в).

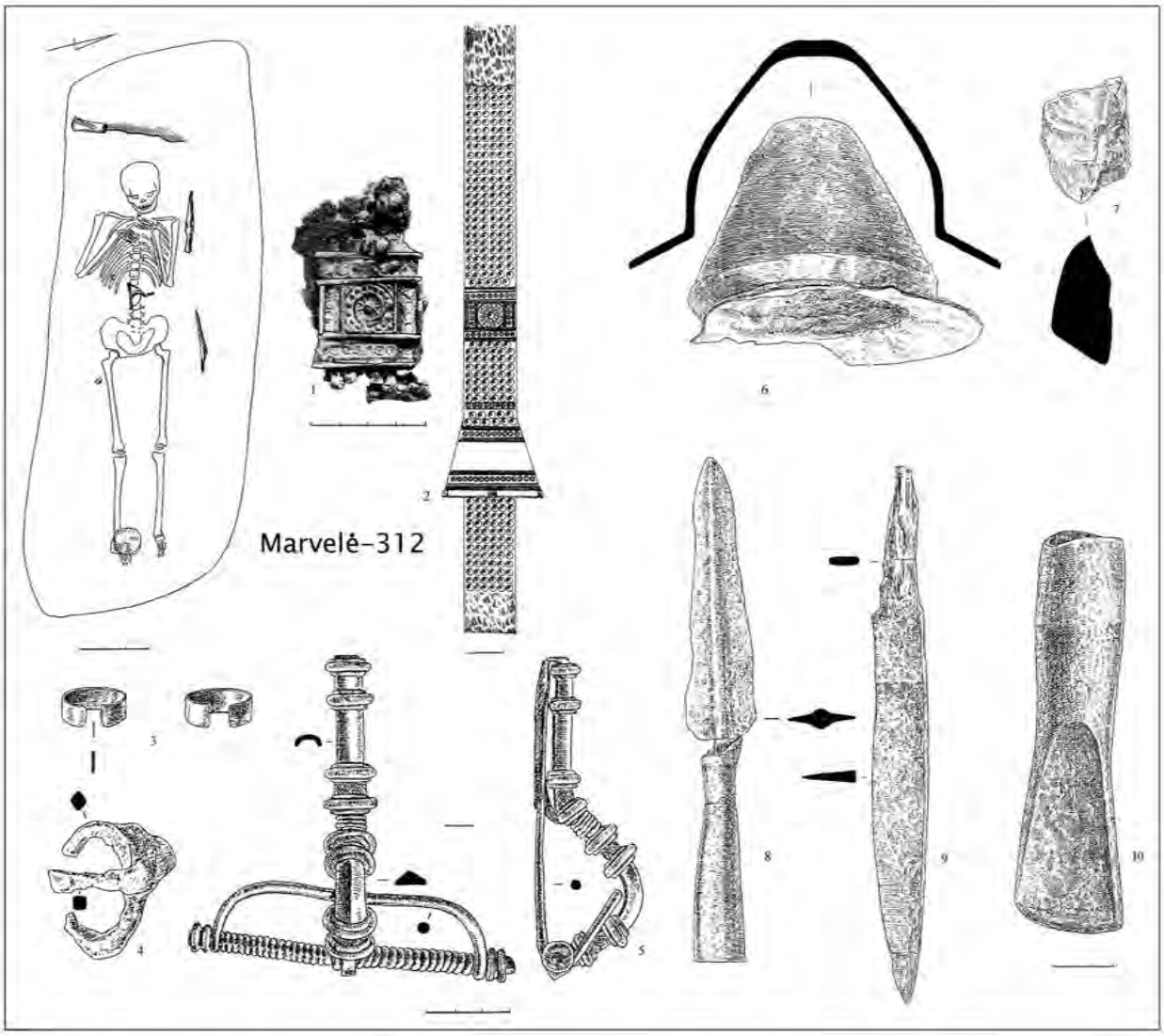


Рис. 11. Комплекс Marvelė-312 (по: Bertašius, 2005, Taf. CXL; CXLI).

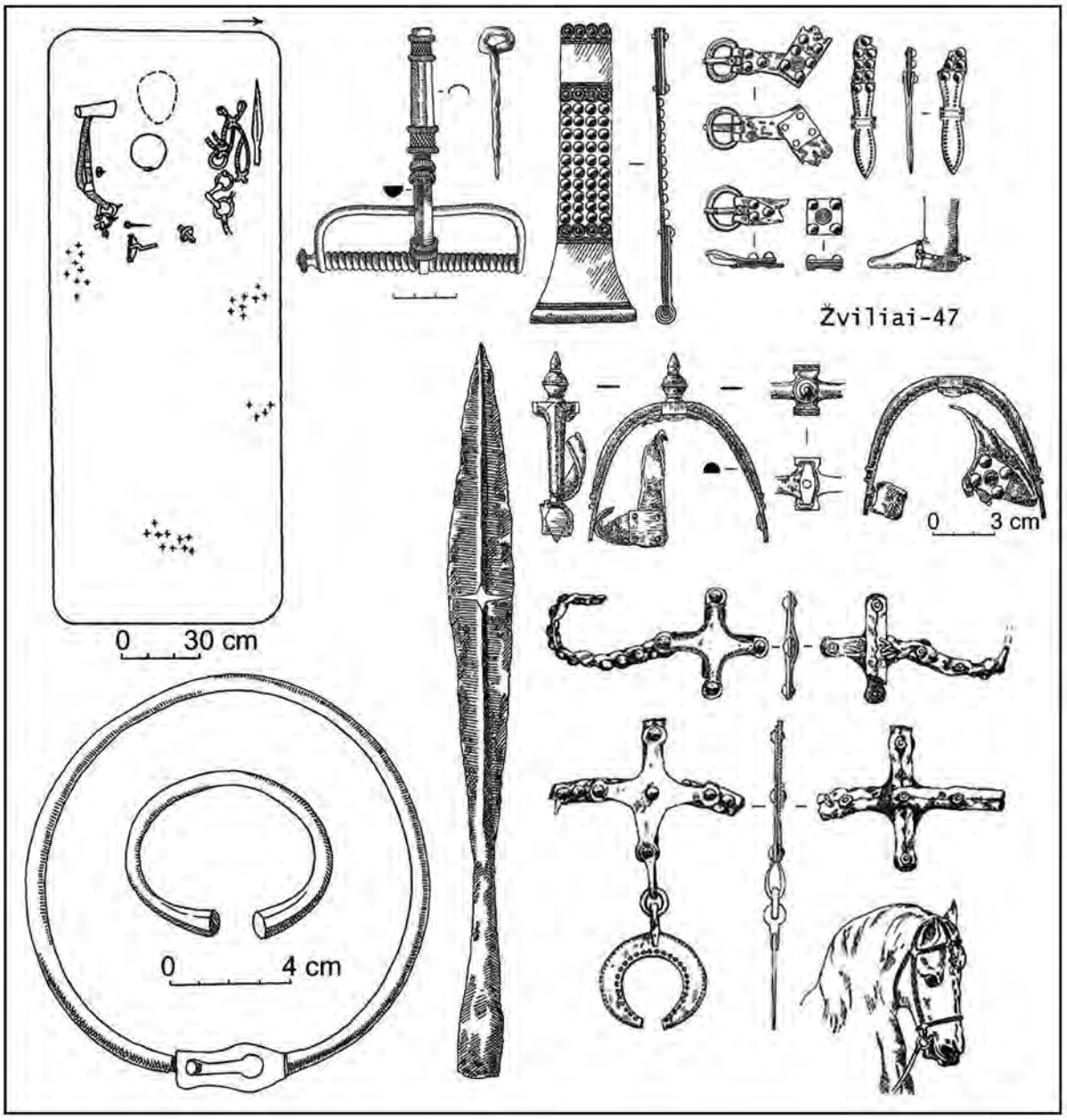


Рис. 12. Комплекс Žviliai-47 (по: Vaitkunskienė, 1999, 145, 207, 214 pav.).

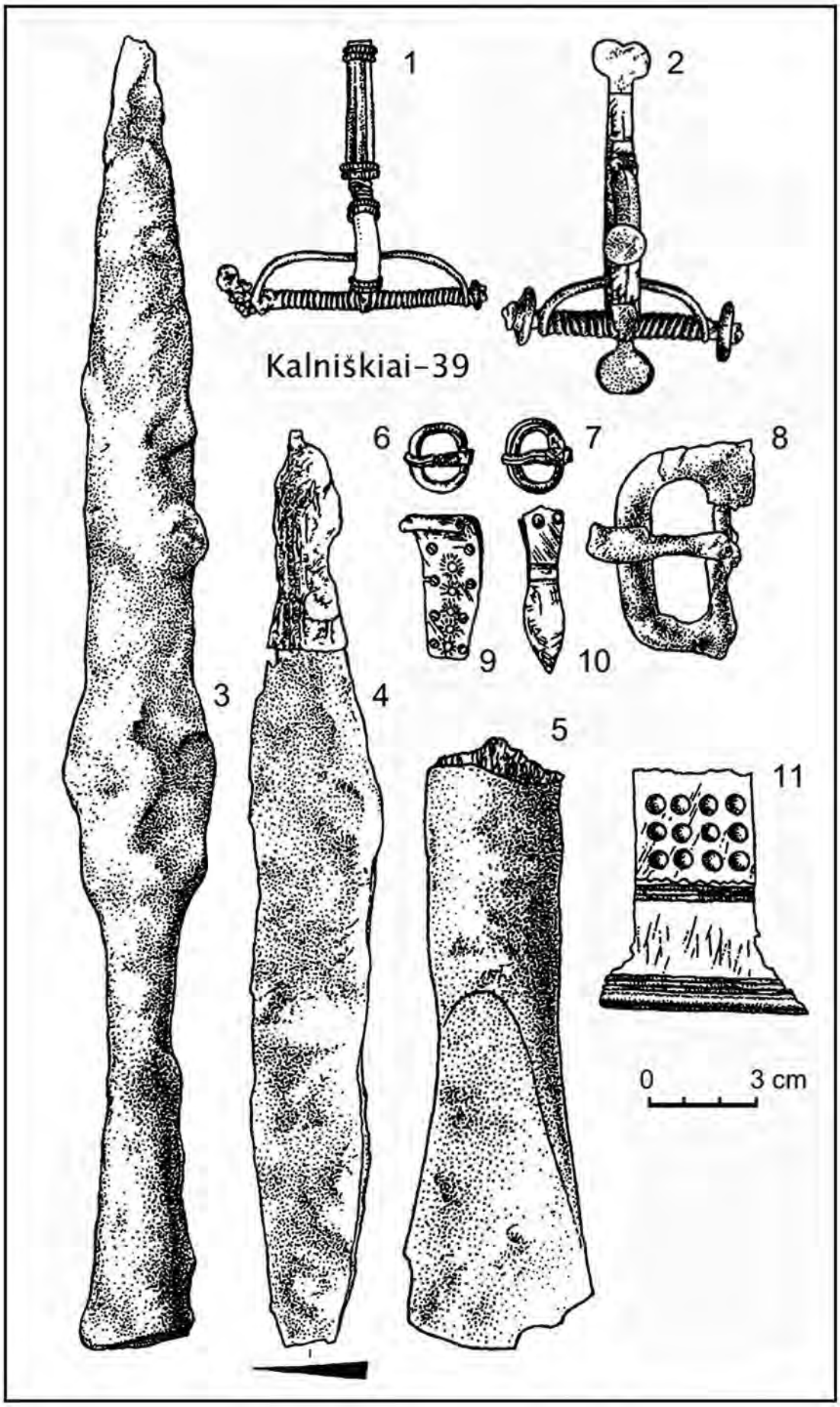


Рис. 13. Комплекс Kalniskiai-39 (по: Astrauskas, Gleiznienė, Šimėnas, 1999, 3 pav.).

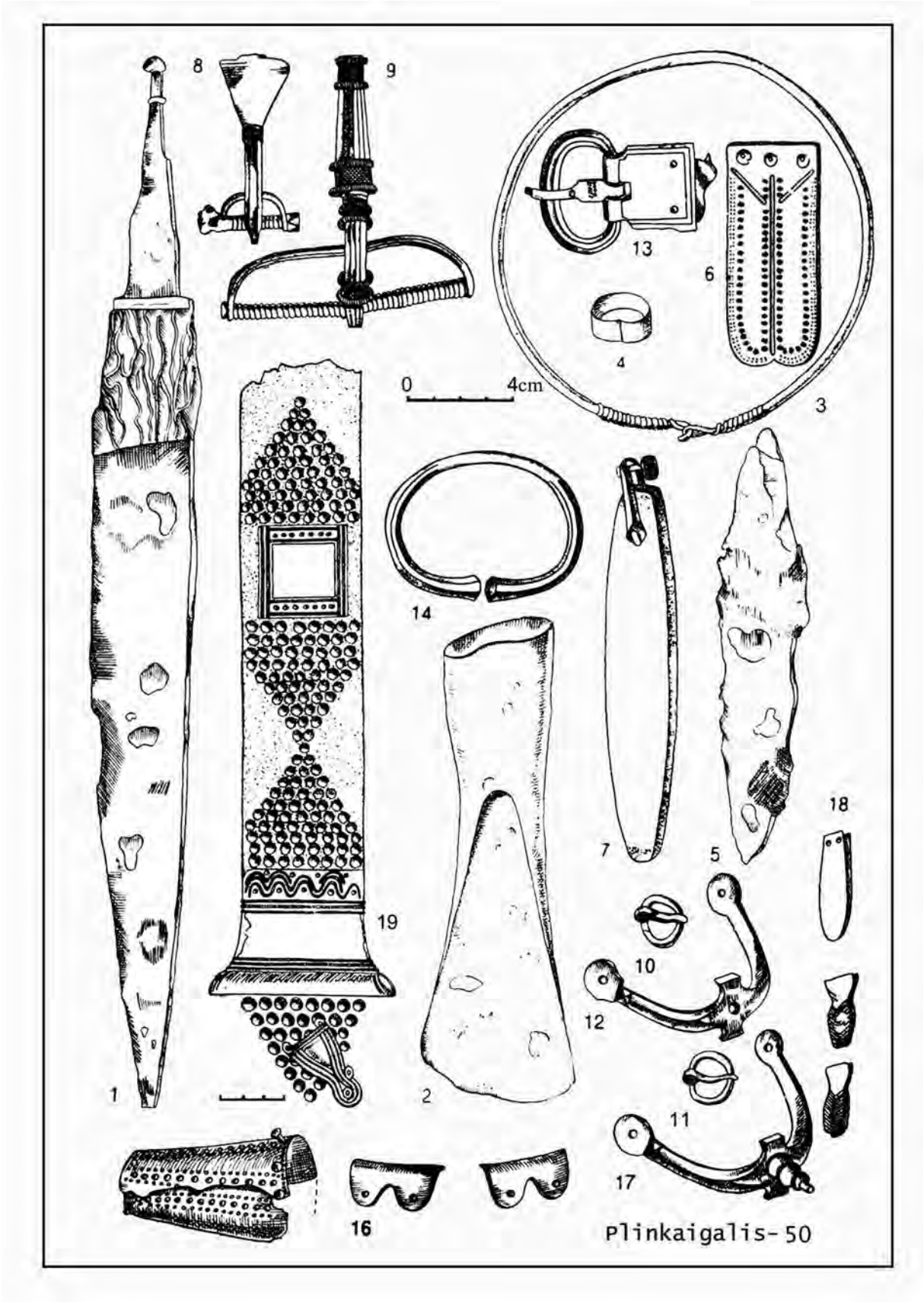


Рис. 14. Комплекс Plinkaigalis-50 (по: Kazakevičius, 1993, 137 pav).

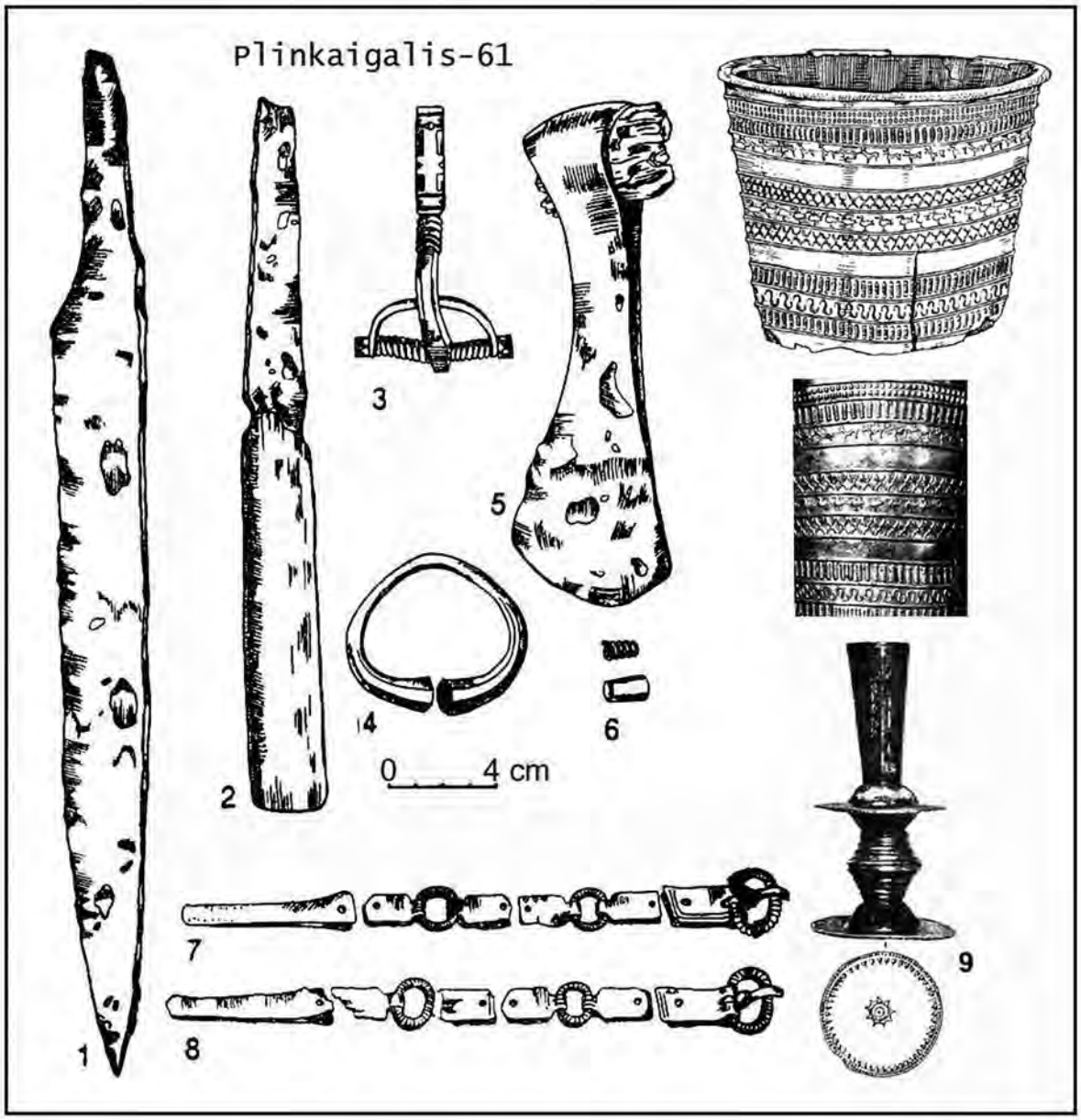


Рис. 15. Комплекс Plinkaigalis-61 (по: Kazakevičius, 1993, 202, 203 pav).

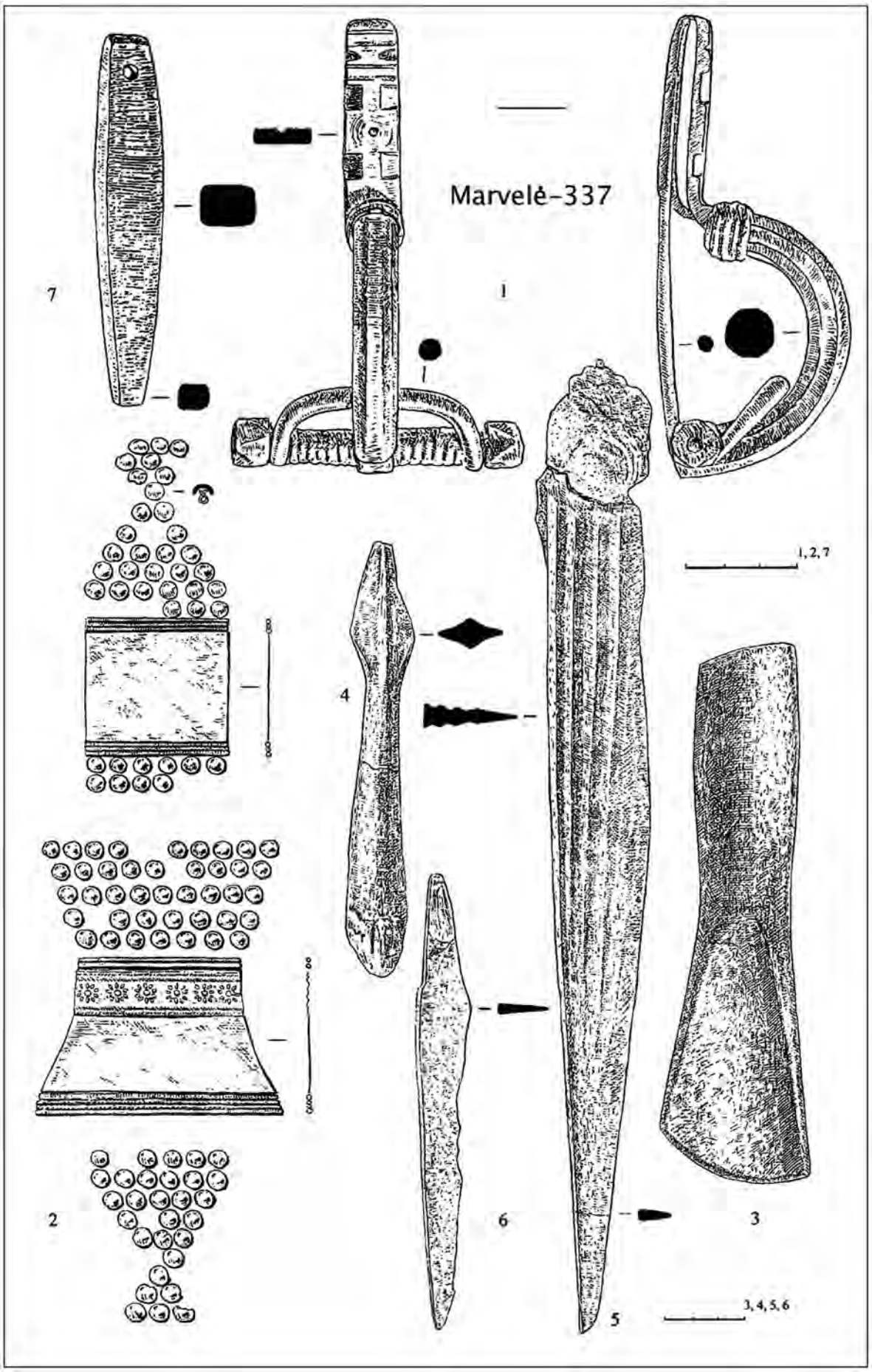


Рис. 16. Комплекс Marvelė-337 (по: Bertašius, 2005, Taf. CLIV).

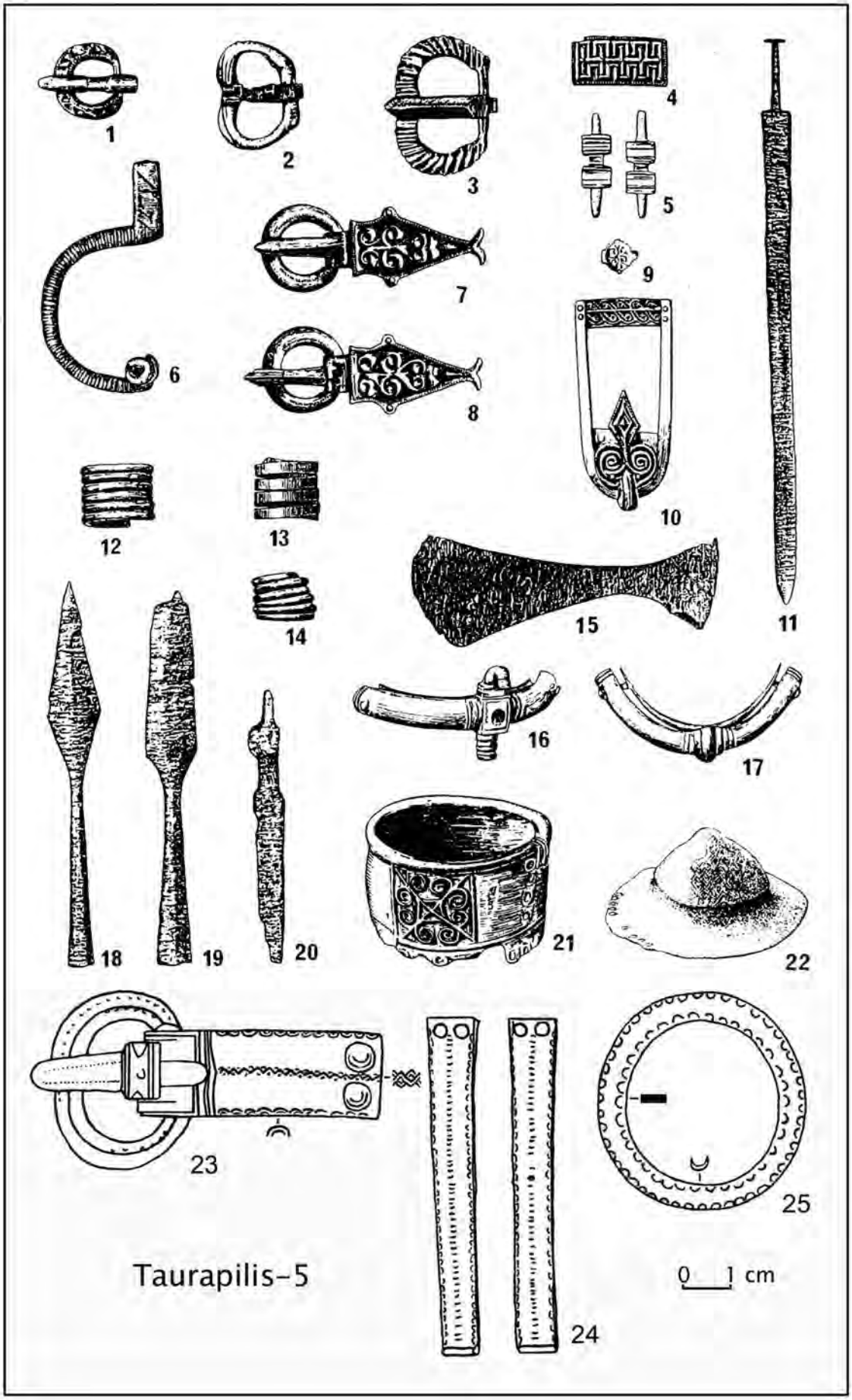


Рис. 17. Комплекс Taurapilis-5 (по: Tautavičius, 1981, 7-33 pav.).

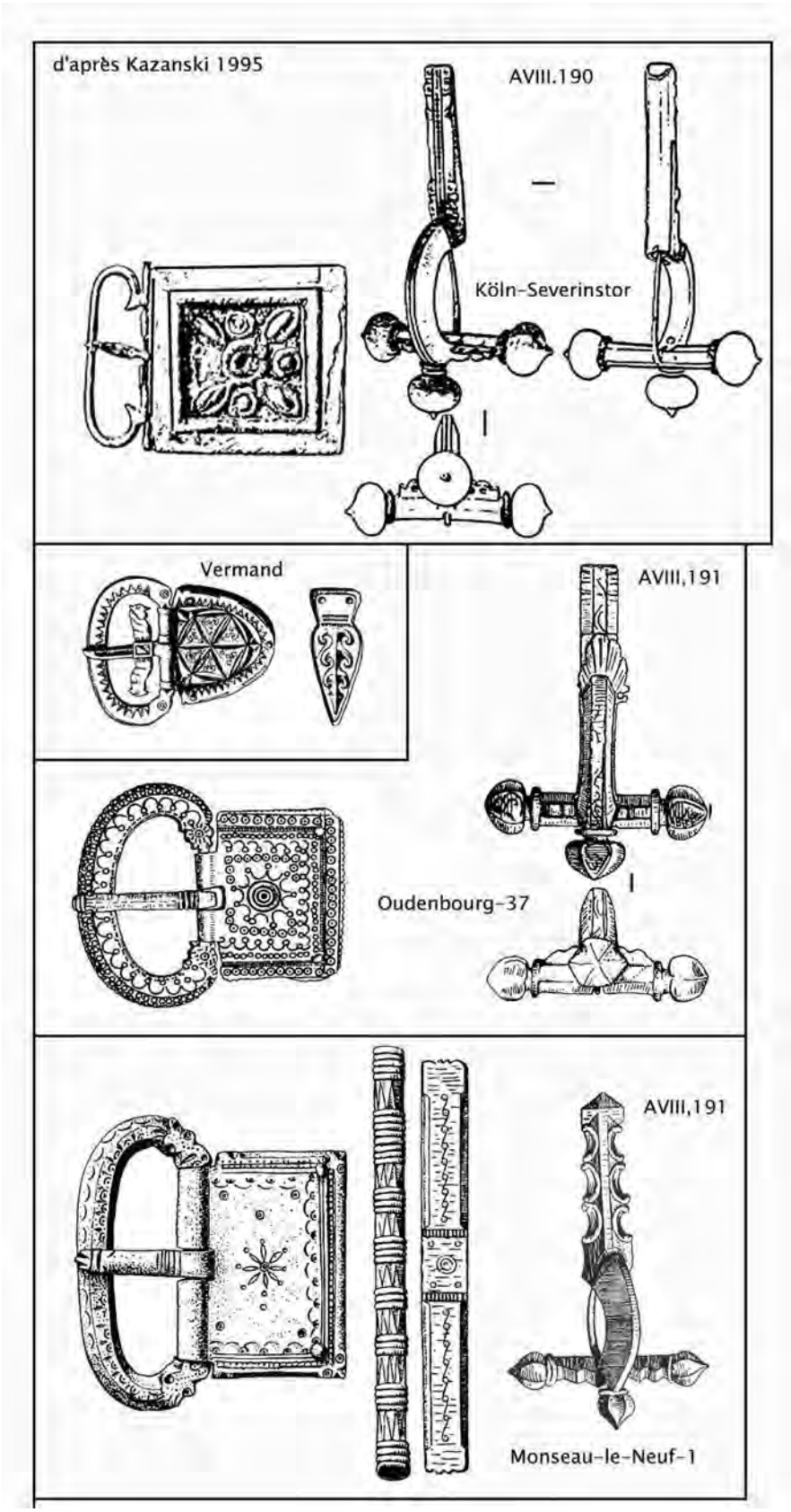


Рис. 18. Корреляция деталей поясов и фибул «варваров»-легионеров в погребальных комплексах рейнского лимеса (по: Kazanski, 1995, fig. 2, 3, 5).

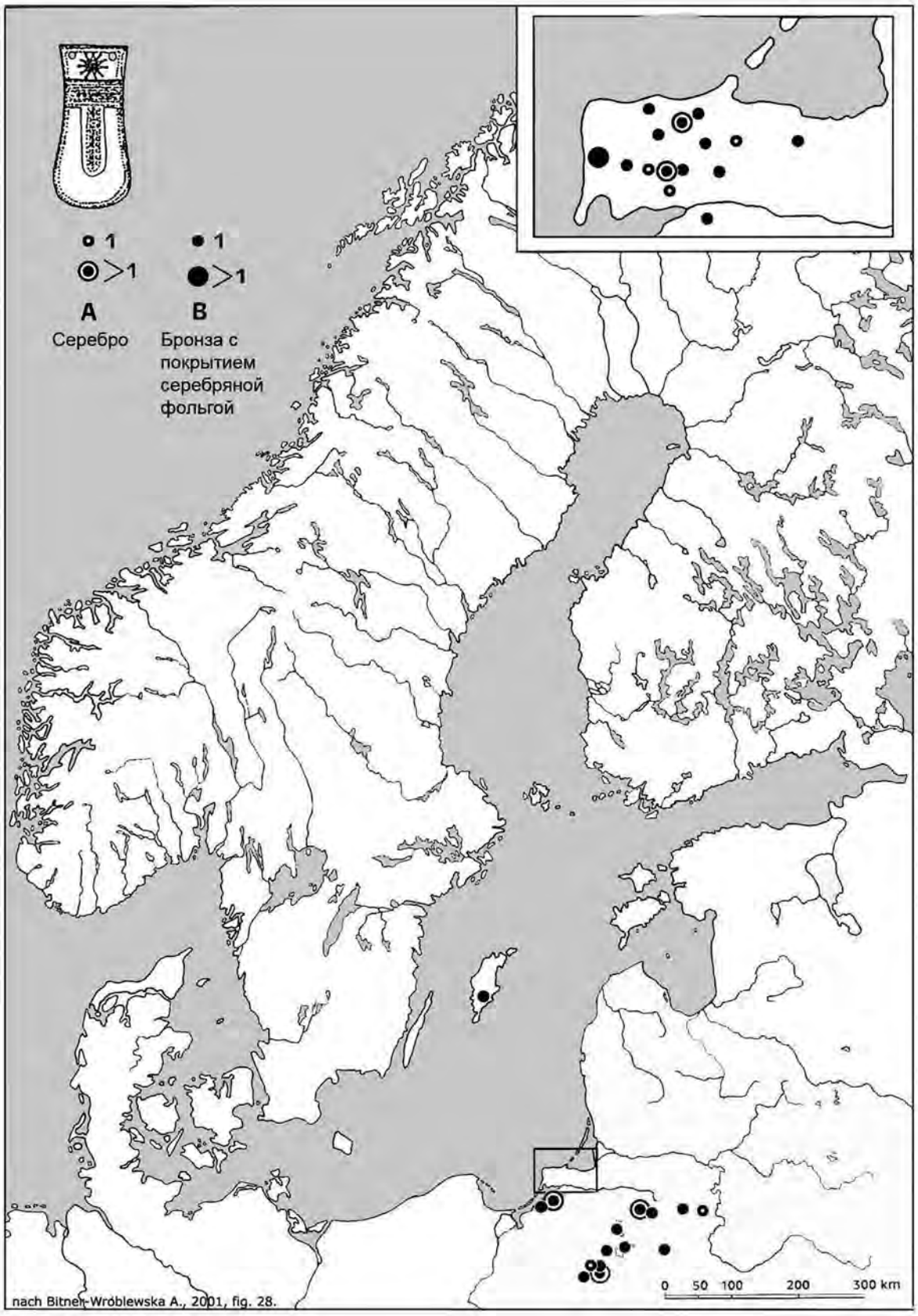


Рис. 19. Распространение языковидных наконечников ремня горизонта Унтерзибенбрунн на Самбии (по: Bitner-Wróblewska, 2001, fig. 28).

Материалы поселения Журавка Ольшанская

(А.М. Обломский)

Журавка Ольшанская является одним из наиболее полно изученных черняховских поселений, а на территории Среднего Поднепровья ни по размерам вскрытых площадей, ни по количеству объектов и находок оно до сих пор не имеет себе равных. После завершения его раскопок в 1963 г. Э.А. Сымонович неоднократно обращался к материалам этого памятника, которые включались им в своды гончарной и лепной черняховской керамики, построек и отдельных категорий находок, например железных гребней, а также фигурировали практически во всех его обобщающих статьях по черняховской культуре Поднепровья. Была издана также краткая информация о раскопках [Сымонович, 1963; 1966].

Находки из Журавки привлекли внимание многих исследователей. В общих работах по славянскому этногенезу лепная керамика этого поселения использовалась И.П. Русановой, В.В. Седовым и В.Д. Бараном. Материалы памятника послужили, кроме того, основой некоторых специальных исследований, в частности, металлообработки и ювелирного ремесла черняховского населения (Т.Б. Барцева и Е.Н. Черных), гончарства Восточной Европы позднеримского периода (А.А. Бобринский). Фибулы, гребни и пряжки из Журавки использовались Е.Н. Гороховским при изучении черняховской хронологии.

К сожалению, Журавку Ольшанскую постигла судьба большинства раскопанных широкими площадями в 1950-1960-е годы памятников I тыс. н.э. лесостепи. Материалы поселения интересовали и до сих пор интересуют многих специалистов, активно использовались и используются сейчас во многих научных трудах, но из-за очень большого объема информации, нуждающегося в обработке, они так и не были изданы в полной мере. Э.А. Сымонович готовил публикацию памятника, но смерть ученого не позволила завершить этот труд. Тем не менее значительная часть работы была проделана: в архиве Э.А. Сымоновича, переданном в Институт археологии РАН, сохранились подготовленные к печати рисунки всех комплексов, происходящих из построек, и индивидуальных находок как из объектов, так и из культурного слоя, а также описание подавляющего большинства сооружений (отсутствуют сведения лишь о ямах 59, 100, 220, 227, 283, 285 и 326). К сожалению, предлагаемая вниманию читателя публикация далеко не полна. Не все материалы Э.А. Сымоновичу удалось обработать. В первую очередь это касается керамики, изготовленной на круге, из гончарной печи 1 и из культурного слоя. Она в настоящем издании не приводится, поскольку в большинстве случаев требует первичной реставрации (склейки, графического реконструирования и т.д.). Гончарная керамика черняховских поселений вообще нуждается в специальном исследовании, результаты которого, будем надеяться, когда-нибудь появятся в печати.

В ряде случаев в подписях под рисунками не отмечен характер поверхности гончарных сосудов, поскольку комментарии к рисункам Э.А. Сымоновича сохранились не полностью. В некоторых описаниях комплексов приведены вещи, которых на рисунках нет.

Коллекция материалов Журавки Ольшанской хранится в Государственном Историческом музее в Москве. Она, как и описания материала, далеко не полна. Отсутствуют большинство изделий из металла, которые не были переданы в музей автором раскопок, нет также части керамики. Отобранную Э.А. Сымоновичем для издания информацию мне удалось дополнить рисунками лепных сосудов, которые хранятся в ГИМ (из некоторых полуземлянок, большинства ям и из культурного слоя). В публикацию, таким образом, вошли планы памятника и раскопов, планы, разрезы и комплексы всех построек, сведения о хозяйственных ямах и очагах и обо всех индивидуальных находках, включая датирующие вещи, рисунки всей типологически определимой лепной керамики (в том виде, в котором она сохранилась к настоящему времени), данные о видовом составе костей

животных и о породах деревьев по углю из объектов, иными словами, публикация содержит информацию, пригодную в первую очередь для этнокультурных и хронологических исследований, а также для реконструкции хозяйства черняховского населения.

Свое представление о культурно-хронологическом членении материалов Журавского селища я опубликовал в «Гістарычна-археалагічном зборніке», который издается в г. Минске [Обломский, 1998]. В более краткой форме в той степени, в которой это необходимо для понимания материалов Э.А. Сымоновича, часть положений этой статьи приводятся в настоящей публикации. Тогда же, в конце 1990-х годов, я подготовил к печати полный текст работы о поселении Журавка. По не зависящим от меня причинам она в то время не была издана. С тех пор прошло около 10-ти лет. Разумеется, за это время наука не стояла на месте, и в статью, предлагаемую вниманию читателя, внесены некоторые коррективы.

Ниже следует описание материалов из раскопок селища, сделанное в основном по отчетам Э.А. Сымоновича, сведениям из его личного архива и по коллекции находок, хранящейся в ГИМ[1].

* * *

Поселение расположено в 1 км от с. Журавка Ольшанского р-на Черкасской обл. по дороге на г. Ольшану в том месте, где находится мост через пересыхающий ручей, текущий по балке (рис. 1). Памятник занимает ее северный (считая от Ольшаны) склон и небольшой мыс напротив него (ур. Горобинец). Размеры поселения на северном склоне оврага – 1 300 x 350 м, на южном – 100 x 200 м, высота над уровнем основания балки – соответственно 3-13 и 10-14 м. В 100 м к северу от границы поселения по дороге на Журавку находится могильник.

Работы на селище проводились с 1959 по 1963 г. За пять лет раскопок на памятнике вскрыто 6624 кв. м: 4 раскопа и зачистка заложены на северном склоне балки, три и две траншеи – в урочище Горобинец. Исследовано 33 углубленных в материк постройки[2], 329 хозяйственных ям, более 20 выносных очагов, 2 гончарных печи. Все постройки[3] находились на раскопах в северной части селища. В первый же год раскопок вся территория поселения на северном склоне оврага была разбита по единой сетке на площади размерами 10 x 10 м, обозначенные по оси север-юг буквами, а по линии запад-восток – цифрами. Внутри площадей выделялись квадраты размерами 2 x 2 м, пронумерованные от 1 до 25 (рис. 1-5). Гумусный слой на памятнике представлял собой чернозем мощностью 0,6 – 1,2 м. Массовый материал (керамика, кости животных) брался по штыкам толщиной 20 см по участкам, равным половине условной площади, но иногда – по «малым» квадратам, а в постройках – по пластам толщиной 20 см в пределах заполнения и отдельно с пола, очагов или из развалов печей[4]. Раскопы в урочище Горобинец обозначались римскими цифрами от I до III.

Описание построек приводится ниже[5], сведения о ямах помещены в табл. 1, об очагах, расположенных вне построек, – в табл. 2.

ЗЕМЛЯНКА 1 (рис. 6). Состоит из жилой части и сеней[6]. Жилая часть – прямоугольная несколько суживающаяся к северу. Размеры ее – 3,55 x 3,00-2,90 м. Глубина пола от современной поверхности – 1,57 м (0,6 м от уровня материка). Сени, расположенные у северо-западного угла, имеют трапециевидную форму. Пол их на 0,3-0,4 м выше жилого помещения (находился на уровне 0,2-0,3 м от поверхности материка). Пол в сенях постепенно понижается к ступеньке входа в жилище. В обеих частях пол земляной, особенно ровный и хорошо утрамбованный в основном помещении. В северо-восточной стороне пол жилища постепенно повышается, образуя ровную площадку-припечек, возвышающийся на 0,3 м над уровнем пола. В северной стенке была выкопана печь. Она представляла собой пещерку в стене дома с прожженным глиняным подом толщиной 78 см. Свод печи не прослежен, хотя следы его в виде развала глиняной обмазки над очагом зафиксированы в процессе раскопок. Такая печь топилась по-черному и дым вытягивало внутрь отверстия через сени. Стены жилища покоились на столбах, ямы для которых были выкопаны на углах и посередине коротких стен жилого поме-

[1] Приношу глубокую благодарность сотрудникам ГИМ Е.Ю. Новиковой и И.Р. Ахмедову за предоставленную мне возможность ознакомиться с этой коллекцией.

[2] По данным Э.А. Сымоновича, на самом деле не менее 39.

[3] «Землянки» по терминологии Э.А. Сымоновича.

[4] Шифр типа «76, Н, вост.ч./3» обозначает «площадь 76, Н, восточная ее часть, штык 3».

[5] К сожалению, в отчетной документации отсутствуют сведения о расположении напластований (слоев, прослоек) в заполнении объектов. На разрезах ям и построек приводятся лишь их контуры.

[6] В своих отчетах 4 сооружения Э.А. Сымонович трактовал как «двухкамерные жилища с сенями» (землянки 1, 6, 11, 14). Сравнение описания этих построек с их планами показало, что во всех случаях объединение двух помещений в одно сооружение недостоверно. В трех объектах вдоль стен котлованов сеней не были зафиксированы столбовые ямы, тогда как по периметру «жилых помещений» они прослеживались (1, 4, 6), т.е. стены в двух камерах одних и тех же по Э.А. Сымоновичу сооружений имели разную конструкцию. Полы в двух «камерах» землянок 1 и 11 находились на разных уровнях, а в постройке 14 «сени» представляли собой довольно глубокую яму, что невероятно с точки зрения планировки традиционного жилища в лесостепи, где сени расположены в месте входа. Кроме того, помимо Журавки, ни на одном из черняховских селищ по всей территории распространения этой культуры двухкамерные углубленные сооружения прослежены не были. По всей видимости, эти постройки и в самой Журавке представляют собой результат наложения двух разновременных объектов друг на друга.

щения. Особенно глубокими были ямы центральная и расположенные по длинной оси постройки (глубина 0,6 и 0,63 м). Ямы имели цилиндрическую форму и плоское дно. На столбах были укреплены стены из прутьев, обмазанные глиной. На одном из столбов у сеней, вероятно, была навешена дверь. Крыша постройки была двускатная. Балка конька крыши опиралась на глубоко зарытые столбы посередине узких стен. Угли в заполнении, принадлежавшие клену[7], говорят о пожаре, хотя большинство вещей жителям удалось спасти. Череп коня, лежавший на полу жилища неподалеку от глубокого столба у южной стенки, почти наверняка был укреплен на коньке крыши и рухнул во время пожара вниз.

В заполнении обнаружена лепная и гончарная керамика, причем первая преобладала (рис. 6: 1, 2, 5-7)[8]. Миска-плошка имела примесь дресвы и шамота в керамическом тесте, верхняя часть горшка содержала примесь песка, прочие фрагменты лепных сосудов – дресвы и органики. Амфора, фрагмент ручки которой происходит со второго пласта заполнения, была розовоглиняной. В тесте заметны включения черных частиц (рис. 6: 5).

Из заполнения происходят также кости животных[9]. Кроме массового материала, в верхнем слое заполнения обнаружен опиленный с двух сторон рог оленя (рис. 6: 4), во втором слое – кусок шлака и обломки большого глиняного грузила конической формы с отверстием в верхней части (рис. 6: 3), на полу – ребро животного со следами сработанности. В сенях найден обломок железной иглы.

ЯМА 79 (рис. 7)[10].Размеры котлована составляли 2,6 x 2,31 м, максимальная глубина – 1,55 м от уровня современной поверхности. В средней части заполнения (а не на полу) зафиксированы «остатки очага» в виде площадки неправильно округлой формы размерами 1,16 x 1,06 м со следами прожженности. На глубине 0,65-0,7 м от уровня материка по краям котлована прослежены заплечики, а ниже – округло уплощенное уступчатое дно.

В заполнении обнаружено довольно много фрагментов сосудов (рис. 7: 1-7), железный нож с горбатой спинкой и кости животных. В тесте лепных сосудов наблюдаются примеси песка и дресвы. Поверхность может быть заглаженной, лощеной и хроповатой.

ЗЕМЛЯНКА 2 (рис. 8). Прямоугольная с закругленными углами. Размеры 3,92 x 2,86 м. Глубина пола от современной поверхности – 1,04 м, от уровня материка – 0,8 м. Пол – ровный, земляной, утрамбованный. Вход – в юго-западном углу, где прослежена ступенька, на которой лежал крупный фрагмент лепного горшка. Посередине западной стенки была выкопана печь в виде округлой пещерки, обмазанной по стенкам и, в особенности, на поду глиной. Устье печи было обращено на юг. Глиняная полоса, отделявшая топку печи с запада, являлась следом свода. В печи найдены камни. Высота печи – 0,38 м, ширина – 0,60 м. Перед устьем прослеживалось углубление в полу, являвшееся предочажной ямой и наполненное золой. Восточнее печи на полу лежали 2 скопления некрупных камней. Стены постройки были укреплены на столбах, ямы которых прослежены по углам и по середине южной короткой стороны землянки. Возле печи и предпечной ямы также имелись следы столбов.

Находки массового материала в землянке на различных уровнях ее заполнения показывают преобладание грубой гончарной посуды, за которой идет лощеная и лепная (рис. 8: 1-5). Найдены также кости животных. Характерные обломки лепной керамики с порога, пола и из печи принадлежат желтовато-сероватым грубоглиняным горшкам с отогнутым немного венчиком и резким перегибом тулова или с вертикально поставленным краем.

ЗЕМЛЯНКА 3 (рис. 9). Имеет неправильно прямоугольную форму с выступами с трех сторон. Размеры (без выступов) – 4,4 x 4,25 м. Глубина пола от современной поверхности – 0,7-0,97 м, причем следует учитывать, что пол постройки оказался не везде ровным. Наиболее глубоким котлован был в центральной части вокруг возвышавшегося здесь очага. Развал обожженного глиняного пода последнего был обнаружен на уровне 0,6 м от дневной поверхности. Выступ, на котором помещался очаг, имел неправильную овальную форму и размеры 1,6 x 1,12 м. Другой останец представлял собой выступ неизвестного назначения в северо-восточном углу постройки. Однако вход в жилище, видимо, располагался с юга, где другой выступ образует ступеньку, обращенную в сторону ручья. Столбовые ямы, выкопанные возле стен, имели глубину 0,13-0,3 м. Возле очага прослежен центральный опорный столб кровли. В заполнении постройки преобладала лепная керамика, на полу землянки – гончарная посуда (рис. 9: 1-5). Обломки лепных сосудов имели плотное тесто, примесь песка и подлощенную поверхность. Кроме керамики, обнаружены кости животных.

ЗЕМЛЯНКА 4 (рис. 10). Имеет прямоугольную близкую к квадрату форму, размеры – 4,1 x 3,45 м. Глубина пола от современной поверхности

[7] Здесь и далее породы дерева определены Г.Н. Лисицыной.

[8] Статистические данные о соотношении разных категорий керамики в постройках приводятся в табл. 3.

[9] Сведения о видовом составе костей животных приводятся в табл. 4. Числитель обозначает количество костей данного вида, знаменатель – минимальное число особей. Определения В.И. Цалкина.

[10] Судя по плану, приведенному в отчете, была постройкой.

– 1,45 м, от уровня материка – 0,6-0,7 м. Прямоугольный с закругленными углами выступ, обозначавший место входа, был расположен в юго-восточном углу и обращен в южную сторону. В полу южной части землянки прослежено 3 неглубоких округлых углубления. Одно из них, находившееся возле южной стенки, видимо, было предочажным, т.к. севернее этого углубления был расположен очаг. Очаг был помещен в чуть углубленную ямку и имел прожженный глиняный под, на котором лежала зола и угольки клена. Стены землянки – почти отвесные, с ямками для столбов, на которых держался каркас из прутьев. Крыша, кроме столбов у стен, опиралась на глубоко зарытый центральный столб. Она, вероятно, была двускатной. Ступенька входа возвышалась над уровнем пола на 0,2 м. Среди материалов из постройки резко преобладала гончарная керамика (рис. 10: 1-9). Фрагменты лепных сосудов единичны и невыразительны. Из обломков светлоглиняных амфор определению поддается горло, которое относится к типу F[11]. Найдены также кости животных.

ПОСТРОЙКА на участке 76,Н. В юго-западной части участка прослежено округлое углубление размерами 2,5 x 3,0 м с остатками очага. Скопление камней на глубине 0,73 м окружало и перекрывало глинобитный очаг с хорошо прослеживаемым обожженным подом диаметром 0,58 м. Камни имели диаметр около 10 см. Среди них были найдены обломки костей животных и угольки. Севернее в пределах углубления было обнаружено еще одно скопление камней. Под ним была выбрана неправильной формы ямка глубиной 0,17 м. Возле этого скопления были найдены 2 индивидуальные находки – кусочек бронзовой пластинки и стеклянная граненая бусина. Между камнями у очага было встречено довольно много керамики, в основном, лепной с примесью дресвы и изредка шамота в плотном керамическом тесте. Из черепков удалось реконструировать верхние части четырех округлобоких горшков, кроме того, было обнаружено 2 фрагмента дисков (одного плоского и другого – с небольшим бортиком по краю; рис. 11: 1-6) и 3 обломка гончарных сосудов с шероховатой поверхностью.

ЗЕМЛЯНКА 5 (рис. 12). Представляет собой огромную постройку, неглубоко впущенную в материк. Она имеет почти правильную прямоугольную форму. Размеры – 13,8 x 6,2 м в западной части и шириной 4,6 м в восточной стороне. Глубина от уровня зачистки по материку – 0,47 м, от современной поверхности – 0,93 м. Пол – не особенно ровный, земляной, имеет в основном 2 уровня. Более углубленной является северо-восточная часть постройки. В западной приподнятой в среднем на 0,25 м стороне постройки на полу прослежены три ямы-углубления овальной и неправильно круглой формы. Они имеют глубину 0,10-0,18 м. По длинной оси постройки и в ее северо-западном углу прослежены столбовые ямы диаметром 0,25-0,30 м и глубиной 0,2-0,25 м. Таким образом, можно предполагать, что крыша постройки была двускатная и матица лежала на столбах, идущих вдоль длинной оси сооружения, а низ упирался в землю за пределами постройки. Ни одного столба вдоль стен ее не было, и это обстоятельство дает основания для подобного реконструирования необычайно большого строения. Вход в постройку, видимо, помещался с восточной стороны, где в стене был выступ. Никаких следов печи или очага не прослежено, что говорит о специальном хозяйственном или культовом значении сооружения. Последнее кажется маловероятным, т.к. в заполнении постройки не было находок, позволяющих об этом судить. В сооружении преобладала гончарная керамика (рис.12: 1-5), хотя встречалась и лепная. Последняя совершенно отсутствовала на полу. Обнаружены также кости животных.

ЗЕМЛЯНКА 6 (рис. 13). Состоит из жилой части и сеней. Жилая половина прямоугольная, несколько суживающаяся к востоку. Ее размеры – 5,5 x 2,2-2,88 м. Глубина от современной поверхности – 1,05 м, от уровня материка – 30 см (максимальная). Вдоль северной стены помещения идет возвышение типа лежанки, в западной части которого располагался очаг или печь. Развал обмазки пода прослеживался с глубины 0,67 м от дневной поверхности и занимал площадь, большую, чем выступ на полу, предназначенный для очага или печи. В юго-восточной стороне пол находился на 0,15 м ниже лежанки, а в западном углу был на 0,35 м глубже, образуя предпечное углубление. Как в жилом помещении, так и в сенях пол земляной, утрамбованный, не очень ровный. Сени примыкают к юго-западному углу постройки. Их отделяет от жилого помещения уступ, образующий порог. Уровень пола сеней на 0,14-0,12 м выше уровня пола предочажного углубления. По обе стороны порога и в жилом помещении по углам и по середине длинной оси жилища прослежены ямы от столбов диаметрами от 0,15 до 0,25 м и глубинами от 0,07 до 0,40 м. Среди развала обмазки печи или очага оказался скелет собаки, лежавщий в анатомическом порядке и целиком сохранившийся.

В заполнении и на полу постройки (в обоих помещениях) найдены лепная и гончарная керамика (рис. 13: 1-8), а также кости животных.

ЗЕМЛЯНКА 7 (рис. 14). Овальная в плане, углубленная в землю постройка. Размеры – 3,6 x 3,2 м (без печи). Глубина пола от современной поверхности – 1,8 м, в наиболее углубленной части от уровня зачистки по материку – 0,6-0,8 м. Постройка имеет двухчастную конструкцию.

[11] По Д.Б. Шелову.

Сильнее всего углублена южная часть жилища, а северная – на 0,2 м выше. В северо-западном углу между двумя возвышениями ссыпалась зола из печи. Печь была выкопана с северной стороны. Примыкавшее к ней возвышение являлось припечком. Устье печи было обращено на юг. Печь имела чуть покатый ровный хорошо прожженный под, обмазанный глиной. Его форма – округлая и размеры – 1,6 x 1,28 м. Ниже глиняной обмазки сплошным слоем лежали обломки лепных сосудов (трех ребристых и двух округлобоких), фрагменты диска с невысоким бортиком и обломок стенки светлоглиняной рифленой амфоры. Очевидно, при сооружении печи вымостка из черепков играла роль субструкции пода. Три лепных горшка из пяти были обожжены вторично (рис. 15: 1-3). В тесте они содержали примесь дресвы (рис. 15), а два остальных – шамота (рис. 16). Печь была сводчатой. Судя по остаткам свода, сохранившимся в основании, он не был очень высоким и не превышал 0,4-0,5 м. Так же, как и под, свод был обмазан глиной. Пол (земляной утрамбованный) переходил в почти отвесные стенки котлована постройки. Стены ее были укреплены на столбах, ямы от которых прослеживались по периметру котлована. Наиболее важная для конструкции кровли постройки яма была расположена в ее центре. В восточной части котлована находилась ступенька и выступ входа.

В заполнении постройки и на ее полу резко преобладала лепная керамика с примесью дресвы, песка и реже шамота в тесте, хотя встречались и фрагменты гончарных сосудов с шероховатой поверхностью, а также отдельные обломки стенок светлоглиняных амфор. Из индивидуальных находок в заполнении обнаружен обломок глиняного биконического пряслица (рис. 17: 8).

Сверху на глубине 0,33 м от дневной поверхности постройка была перекрыта скоплением обожженной глиняной обмазки размерами 2,2 x 4,24 м, которое находилось над северо-западным углом котлована. В скоплении также встречены обломки лепных сосудов с примесью дресвы в тесте, фрагмент днища гончарной красноглиняной лощеной миски, обломок стенки светлоглиняной амфоры, фрагмент глиняного пирамидального грузила. На том же уровне, что и скопление, обнаружены 3 сцепленные вместе бронзовые подвязные фибулы (рис. 14: 1-7). Последние датируют уровень древней поверхности, перекрывающей постройку, который фиксируется по развалу обмазки.

ЗЕМЛЯНКА 8 (рис. 8). По-видимому, является хозяйственным сооружением, чем-то вроде кладовой. Постройка имеет неправильную квадратную форму и размеры 2,8 x 2,7 м. В северо-восточном углу помещался выступ входа и ступенька, ведущая внутрь помещения. В северо-западном находится соединенная с помещением глубокая яма. Она имеет округлую форму (диаметр 1,3 м), расширяющиеся книзу стенки и плоское дно. Глубина ямы от уровня пола постройки – 0,78 м. Как видно на разрезе, в центральной части постройки земляной пол имеет углубление, а у юго-восточного ее угла оставлен уступ, возвышающийся над основным уровнем пола. В центре постройки, несколько ближе к ее южной стенке, прослежена столбовая яма овальной формы глубиной 0,4 м. На этом центральном столбе держалась крыша. В зольном заполнении постройки найдена керамика и кости животных. Так же, как и в постройке 7, на полу помещения преобладали находки лепной посуды, в числе которых были выразительные фрагменты горшка яйцевидной формы с хроповатой поверхностью (рис. 18: 6). Из заполнения постройки 8 происходят обломки двух биконической формы пряслиц (рис. 18: 1-2). В яме обнаружен фрагмент шейки узкогорлой розовоглиняной амфоры.

ЗЕМЛЯНКА 9 (рис. 19). Близка по форме к квадрату с выступом на месте входа, который находился с южной стороны. Размеры сооружения – 2,93 x 2,53 м. Глубина от уровня материка составляет 1,1 м, от современной поверхности – 1,7 м. У западной стены прослежена ступенька, ведущая в наиболее углубленную часть котлована. С трех сторон (северной, восточной и западной) вокруг нее прослеживается уступ, являющийся своего рода лежанкой. В северо-восточной стороне углубления помещался очаг. Его место обозначал прожженный участок пола диаметром около 0,7 м. Для того, чтобы расширить углубленную часть постройки, с западной и северной сторон были сделаны небольшие подбои. Столбы, на которых были укреплены крыша и стены постройки, располагались на возвышенной части дна котлована возле его углов. Ямы от столбов имели диаметр 0,2-0,3 м и глубину 0,15-0,35 м. В заполнении, кроме костей животных, обнаружены обломки лепных и гончарных сосудов (впрочем, невыразительные). Лепная керамика резко преобладала. Найдены также обломок круглого в сечении железного пробойника, фрагменты ручки и горла амфоры (вероятно, одной) кирпично-красного цвета с включениями белых частиц в тесте, которая относится к типу Зеест-75 (рис. 19: 3).

ЗЕМЛЯНКА 10 (рис. 20). Квадратная в плане с выступом, обозначающим место входа, находящимся в северо-западном углу. Размеры постройки – 3,7 x 3,33 м, глубина от уровня материка – 0,7 м, от современной поверхности – 1,3 м. Материковая перемычка разделяла постройку на 2 части: западную и восточную. Восточная половина менее глубокая, чем западная, в полу которой наблюдается несколько уступов. Пол земляной. В нем (главным образом, по углам) прослеживались ямы от столбов, на которых держались стенки и крыша постройки. Диаметры ям от столбов –

0,15-0,20 м, глубины – 0,12-0,25 м. Один столб стоял перед устьем печи-каменки, помещавшейся в северо-восточном углу напротив входа. Печь была немного приподнята над уровнем пола. Она возведена на материковом останце. Из материковой глины вырезаны подковообразные челюсти и под. Свод был сделан из глины и камней. Он завалился внутрь печи. Под завалом камней был прослежен хорошо прожженный глиняный под. Он, округло поднимаясь, переходил в стенки, которые тоже были покрыты слоем прожженной глины. В заполнении печи среди камней было обнаружено 14 фрагментов лепных сосудов и обломок глиняного биконического пряслица.

На полу постройки была найдена целая глубокая миска (у северной стены) и обломки нижних частей двух лепных горшков, один из которых был округлобоким, а другой – с ребром чуть ниже шейки (рис. 20: 2, 3, 5). Оба сосуда содержали примесь дресвы в рыхлом керамическом тесте. Из заполнения котлована происходят кости животных и керамика, причем преобладает гончарная.

ЗЕМЛЯНКА 11 (рис. 21). Состоит из двух частей: из жилой (восточной) и сеней. Обе части постройки имеют неправильную квадратную форму. Размеры жилой части – 5,3 x 4,43 м. Глубина от уровня материка – 0,27 м, от современной поверхности – 0,87 м. Размеры западного помещения – 4,4 x 3,7 м. Уровень пола сеней – несколько более высокий. Их отделяет от жилой половины валик порога, который хорошо виден на разрезе сооружения. Ровный земляной твердый пол восточной части постройки прорезают в северной стороне 2 ямы. Они имеют неправильную овальную форму и глубину 0,22 и 0,42 м. С юга, образуя выступ в стене, была расположена еще одна яма больших размеров. Она имела небольшой подбой, обращенный в южную сторону, и глубину 0,4 м. Столбовые ямы располагались вдоль стен постройки, а особенно мощные столбы, судя по глубине и диаметру ям, были закопаны посередине вдоль длинной ее оси. Они идут на одной линии и в жилой части, и в сенях. Наиболее глубокие ямы с подбоями, обращенными в восточную сторону, прослежены на пороге между обоими частями постройки и у восточной стороны жилого помещения (глубина 0,81 и 0,6 м). Еще две ямы были выкопаны по обе стороны очага, расположенного в центре восточной части сооружения. Место очага обозначает прожженный участок пола диаметром около 1 м. Он прокален на глубину 3-4 см.

В заполнении постройки резко преобладала гончарная керамика (рис. 22). Обнаружены также обломки горла и ручки светлоглиняной амфоры типа F (рис. 21: 1; 22: 7). Встречались также кости животных. Индивидуальные находки представлены двумя обломками пряслиц и просверленной костью (рис. 21: 2-4).

ЗЕМЛЯНКА 12 (рис. 23). Представляет собой близкое к квадрату углубление с выступом на месте входа, расположенном посередине западной стороны. Размеры сооружения (без выступа-входа) – 3,8 x 4,6 м в западной части и 3,95 м – в восточной. Глубина от уровня материка – 0,73 м и от современной поверхности – 1,2 м. Пол – земляной, ровный, утрамбованный. Над ним возвышается уступ-лежанка, идущий вдоль северной стенки. На месте выступа-входа прослежена ступенька. По углам постройки и по обе стороны от входа располагались ямки от столбов, на которых держалась наземная часть стен. Они имели диаметр около 0,2 м и глубину 0,2-0,31 м. Интересно, что ямка от столба в северо-восточном углу жилища была расположена на уступе лежанки. Земляные стены котлована были почти совершенно отвесными. В том же северо-восточном углу располагалась печь-каменка, с помощью которой отапливалось жилище. Примыкая к уступу-лежанке, располагался материковый останец, который образовывал челюсти печи. Более высокой была северо-западная челюсть, на ней почти не было камней. Юго-восточная низкая челюсть и часть печи, примыкающая к восточной стенке жилища, были выложены некрупными камнями, диаметром в среднем 0,1-0,15 м. Под печи был глинобитным, отлично обожженным. Он был завален камнями обрушившегося свода и кусками обожженной глины. Среди камней обнаружен обломок венчика с насечками по краю сильнопрофилированного округлобокого сосуда с примесью песка в тесте (рис. 23: 3).Заполнение жилища не особенно богато. На разных глубинах преобладала то грубая гончарная, то лепная керамика. Встречались также кости животных.

ЗЕМЛЯНКА 13 (рис. 24). Является одним из самых маленьких жилищ, обнаруженных на поселении. Это близкое к квадрату в плане помещение со срезанным северо-восточным углом. Размеры – 2,8 x 2,3 м. Глубина от современной поверхности – 1,1 м, от уровня материка – 0,28 м. Пол – земляной, утрамбованный. В северо-западной стороне его уровень понижается на 0,05 м. По углам и вдоль стен котлована прослежены столбовые ямки. Они имели диаметр 0,15-0,20 м и глубину 0,16-0,30 м. В северо-западном углу помещения была выкопана яма сложного профиля с уступом и подбоем (глубина – 0,7 м). По-видимому, это была своего рода яма-погреб. В ее заполнении встречались отдельные лепные и гончарные черепки. Помещение отапливалось очагом, расположенным у северо-восточной стенки. Место очага отмечал прожженный участок пола диаметром около 0,4 м и скопление угольков. В заполнении и на полу жилища преобладали находки грубой гончарной керамики (рис. 24: 1-5). Встречались также кости животных.

ЗЕМЛЯНКА 14 (рис. 25). Имела овальную форму и сени с юго-западной стороны. Размеры жилой части – 3,5 x 2,85 м. Глубина от уровня материка – 0,55-0,75 м, от современной поверхности – 1,15-1,25 м. Пол жилой половины – ровный, земляной, утрамбованный. При этом в западной и восточной сторонах постройки он был настолько утоптан, что образовал слой мощностью 0,05 м, под которым был другой уровень утоптанного до твердости пола. В полу на месте поворота стен и посередине постройки вдоль ее длинной оси прослежены столбовые ямы диаметром 0,2-0,25 м от 0,08 до 0,35 м. Стены жилого помещения почти отвесные. С севера и с юга в их основании были небольшие подбои. В восточной стороне жилища на полу сохранился след очага округлой формы. Никаких признаков того, что здесь была печь, нет. Место очага фиксируют прожженный участок пола диаметром около 0,7 м и находки угольков. Сени от жилой части отделены довольно широким уступом. Они имели округлочетырехугольную форму и размеры 2,5 x 1,84 м. Пол ровный, стенки отвесные. В западной стороне сеней находилась столбовая яма диаметром 0,2 м и глубиной 0,25 м.

Заполнение было довольно бедным. Из индивидуальных находок с ним достоверно связан только обломок глиняного биконического орнаментированного пряслица (рис. 25: 1). Находки керамики (и лепной, и гончарной) невыразительны (рис. 25: 2-5). Один из обломков венчиков лепных сосудов относится к скифской эпохе (рис. 25: 3). На глубине 0,7 м обнаружен скелет собаки, на полу – части черепа лошади.

ЗЕМЛЯНКА 15 (рис. 26). Почти квадратной формы. Размеры сооружения – 3,4 x 2,92 м. Прослежена на уровне 0,4-0,5 м, углублена в материк на 0,42 м. Стенки котлована – отвесные. В северо-восточной стороне находилась приподнятая над полом лежанка в виде уступа шириной до 1,2 м. По углам и серединам стен зафиксированы ямки от столбов диаметрами 0,19-0,22 м и глубинами 0,13-0,2 м. Пол – твердый, утрамбованный, ровный. Перед лежанкой в полу было углубление нечетких контуров. Вход, отмеченный ступенькой, выступающей за пределы квадрата, располагался с южной стороны. У юго-восточной стены постройки в заполнении на глубине 0,4 м от современной поверхности залегало скопление глиняной обмазки диаметром около 0,7 м. Грунт под ним прокален не был. В заполнении найдены мелкие дубовые угли. Лепная керамика с примесью шамота в тесте, относящаяся к римскому времени, преобладала (рис. 26: 2-4, 7), хотя встречались и отдельные черепки сосудов скифского периода. Гончарная керамика сильно измельчена. На полу обнаружены крупные обломки верхней части и ручки красноглиняной амфоры типа Зеест-75 с включениями мелких белых частиц в тесте (рис. 26: 5-6). Во втором пласте заполнения найден каменный точильный брусок (рис. 26: 1).

ЗЕМЛЯНКА 16 (рис. 27). Имела неправильно-квадратную форму. Прослежена на уровне 0,4 м от современной поверхности. Глубина сооружения составляла 0,28 м. Размеры постройки – 3,55 x 3,0 м (с выступом, где находится очаг). Пол – земляной с предочажным углублением. Его в западной и северной сторонах постройки прорезали столбовые ямки диаметрами от 0,13 м до 0,22 м и глубинами от 0,10 м до 0,30 м. Выступ у юго-восточного угла обозначал место входа, а полукруглая ниша посередине восточной стороны была сделана для устройства отопительного сооружения. От него сохранился хорошо обожженный глиняный под округлой формы диаметром около 0,65 м. Глина вокруг пода была прокалена. Возле очага у стенки постройки на полу была найдена нижняя часть толстостенного лепного горшка. В заполнении преобладала лепная керамика, а на полу встречена только она. Фрагменты принадлежат округлобоким горшкам с отогнутыми наружу венчиками, как с плотным тестом и относительно тонкими стенками, так и рыхлым толстостенным. Все сосуды содержали включения дресвы. Обломки гончарных горшков и мисок мелки и невыразительны (рис. 27: 1-6).

ЗЕМЛЯНКА 17 (рис. 28). В плане близка к прямоугольнику, один угол которого был закруглен. Постройка прослежена на уровне 0,3 м от современной поверхности и имела глубину 0,4 м. Ее размеры составляли 3,6 x 2,7 м. Пол – земляной, утрамбованный, ровный. Ямки от столбов были расположены по углам и по периметру котлована. Они имели диаметр 0,2-0,25 м и глубину 0,07-0,25 м. Характерным исключением являлась угловая северо-восточная ямка, достигавшая глубины 0,28 м. Она отчасти прорезала большую округлую расширяющуюся книзу яму (диаметр – 1,13 м, глубина – 0,7 м), вырытую в восточной стене постройки. Земля на уровне пола над ямой была утрамбована. Этот факт, так же как и заполнение, относящееся к скифскому времени, указывает на то, что конструктивно яма с землянкой не связана. Очаг, которым отапливалась постройка 17, имевший форму округлого пятна размерами около 1,0 x 0,7 м, располагался на полу в ее центральной части. Место его отмечала прожженная глина и угольки, принадлежавшие мелколиственной породе дерева.

Гончарной керамики в заполнении было сравнительно немного. Лепная посуда в этнокультурном отношении неоднородна. Часть фрагментов с мелкими слабо выраженными примесями в тесте принадлежит вельбарским сосудам (лепной чернолощеной миске, бомбовидному горшку и какому-то сосуду с лощеной верхней частью и хроповатым туловом, рис. 28: 6, 7, 9). Прочая керамика (с включениями дресвы) относится к киевскому кру-

гу (обломки сильнопрофилированных округлобоких горшков, фрагменты двух стенок сосудов с расчесами, нанесенными гребнем, рис. 28: 8, 10, 11; 29). Встречены также кости животных.

Из первого слоя заполнения происходят обломки трех биконических пряслиц и железная булавка (рис. 28: 1-3, 5), из второго слоя – обломок еще одного пряслица (рис. 28: 4).

ЗЕМЛЯНКА 18. Относится к скифскому времени. Из заполнения происходит, в основном, скифская лепная керамика с налепными валиками и жемчужными вдавлениями под краями горшков. Несколько мелких обломков черняховских гончарных сосудов могли попасть в котлован случайно (в результате не прослеженных перекопов, занесены кротами и т.д.).

ЗЕМЛЯНКА 19 (рис. 30). Имеет близкую к овалу форму и выступ с севера. Размеры постройки – 2,2 x 1,52 м (длина с выступом – 2,83 м). Контуры сооружения прослежены на уровне 0,6 м от современной поверхности. Глубина котлована – 1,15 м. Его стены расширялись книзу с западной и восточной сторон и были отвесными с севера. С юга находились три ступеньки и помещался выступ входа. Выступ с северной стороны обозначал место печи, расположенной на возвышении на 0,05 м ниже уровня фиксации верхнего края котлована. Там прослежен под из обожженной глины, имеющий субструкцию из обломков сосудов. Размеры печи (по поду) – 0,7 x 0,62 м. Свод ее образовывали земля и глиняная обмазка, куски которой покрывали под. Печь, очевидно, представляла собой пещерку, выкопанную в земляной стенке. В субструкцию пода входили обломки лепных сосудов, в т.ч. фрагменты венчика тюльпановидного горшка. С пода печи снят большой обломок края лощеной гончарной биконической миски темно-серого цвета, украшенной по плечикам рядом вертикальных параллельных прощенных линий, которые пересекает горизонтальная лощеная линия (рис. 30: 3-5). Ровная площадка пола постройки очень невелика, и вряд ли на ней могли жить даже двое. Единственный столб, несущий перекрытие, прослежен в южной части постройки у входа. Столбовая яма имела диаметр 0,12-0,23 м. В заполнении преобладала лепная керамика. Обнаружены выразительные обломки венчиков горшков со слегка отогнутым краем, пологими плечиками и шероховатой поверхностью и крупный фрагмент лепной миски с вертикальным краем и ребристым переломом тулова (рис. 31: 1-5). Из постройки происходят также кости животных, большой фрагмент рога лося со следами спила, обломок глиняного пирамидального грузила (рис. 30: 1, 2), фрагмент ручки светлоглиняной амфоры с включениями мелких черных частиц в тесте (рис. 31: 6).

ЗЕМЛЯНКА 20 (рис. 31). В плане – почти квадратная с выступом в южном углу. Размеры составляли 2,81 x 2,36 (длина с выступом – 3,3 м). Сооружение прослежено на уровне 0,6 м от современной поверхности, глубина котлована – 0,2 м. Стенки были отвесными, пол – ровным. Вдоль стен находились ямы от столбов. Они имели диаметр 0,15-0,20 м и глубину 0,12-0,20 м. На месте выступа участок глины был прожжен. В заполнении найдены невыразительные обломки лепной и гончарной керамики (рис. 31: 7).

ЗЕМЛЯНКА 21 (рис. 32). Имела неправильно-овальную форму: с юга сегмент овала оказался как бы срезанным. Размеры постройки – 6,08 x 3,96 м. Прослежена на уровне 0,55-0,6 м от современной поверхности, углублена в материк на 0,42-0,53 м. Стенки – почти отвесные, пол – ровный, утрамбованный. Вдоль стен расположены ямы от столбов диаметром 0,18-0,3 м и глубиной 0,15-0,26 м. Еще три ямы находились посередине постройки, и одна большая овальная предочажная яма была прослежена у северной стенки. Ее размеры – 1,37 x 0,6 м. Возле нее был расположен очаг округлой формы, место которого отмечает прожженная глина и угольки. Вход находился с северной стороны постройки, где был выступ и ступенька. В заполнении на всех глубинах преобладала лепная керамика, которая имела плотное тесто с примесью песка или мелкой дресвы с шероховатой, лощеной и хроповатой поверхностью. Некоторые сосуды орнаментированы пальцевыми вдавлениями по тулову (рис. 32, 33).

Встречались также кости животных и угольки дуба. Из заполнения происходят глиняное пряслице, обломок костяного гребня, бронзовая и железная прогнутые подвязные фибулы, галька со сглаженной поверхностью, обломок глиняного лепешковидного грузила, рама железной полукруглой пряжки (рис. 32: 1-5).

ЗЕМЛЯНКА 22 (рис. 34). Имела неправильную квадратную форму с выступом у юго-восточного угла. Размеры – 2,55 x 2,40 м (с выступом длина 3,64 м). Постройка зафиксирована на уровне 0,4 м от современной поверхности, была углублена в грунт на 0,5 м. Стенки – почти отвесные. Вдоль стен расположены ямы от столбов диаметром 0,18-0,32 м и глубиной 0,18-0,50 м. Вход, вероятно, помещался на месте выступа. В заполнении котлована и на полу преобладает гончарная керамика, но встречена и лепная с плотным тестом и примесью песка, в т.ч. фрагмент верхней части баночного сосуда с хроповатым туловом и венчик лощеной ребристой миски (рис. 34: 1-4). Найдены, также, кости животных.

ЗЕМЛЯНКА 23 (рис. 35). Неправильно-прямоугольной формы. Выше постройки над ее западной оконечностью на глубине 0,2-0,4 м прослеживался завал обмазки размерами 1,0 x 1,6 м, в котором обнаружены обломки сосудов, кости животных, железный проушной топорик и фрагмент глиняного пирамидального грузила (рис. 35: 6, 8).

Это скопление помещалось над глубокой ямой (диаметр – 1,65 м), выкопанной в пределах постройки. Из ямы также происходит гончарная и лепная керамика и опиленная кость (рис. 35: 7). Хотя заполнение обоих углубленных объектов мало чем отличалось по структуре грунта, все же вряд ли яма связана с постройкой. Скорее всего, землянка перекрывает яму. Завал обмазки свидетельствует, что на месте засыпанной ямы позже располагалась печь или очаг, сильно разрушившийся.

Постройка 23 прослежена на том же уровне, что и землянка 22, и была углублена в грунт на 0,7-0,75 м. Стенки котлована – отвесные, пол – ровный, земляной. Вдоль стен находились ямы от столбов диаметрами 0,2-0,28 м и глубинами 0,14-0,35 м. Вход, видимо, помещался со стороны западного выступа, где была прослежена ступенька. В заполнении преобладает гончарная керамика (рис. 35: 9-15). Кроме того, отсюда происходят костяные проколка и две иглы (рис. 35: 2-4). Угли из постройки 23 принадлежали дереву широколиственной породы, может быть, дубу.

ЗЕМЛЯНКА 24 (рис. 36). Прослежена на глубине 0,4 м от современной поверхности, углублена в материк на 0,8 м. Размеры постройки – 3,6 x 3,47 м. Стенки – отвесные, пол – утрамбованный, ровный, с округлой выемкой на месте очага в северном углу жилища. По углам и вдоль стен помещались ямы от столбов диаметрами 0,22-0,3 м и глубинами 0,15-0,27 м. Еще одна столбовая ямка была расположена в полу, несколько отступя от середины западной стены постройки (диаметр 0,36 м, глубина 0,11 м). Начиная от северного угла, вдоль западной стены шел выступ, может быть, являвшийся остатками некогда здесь бывшей ступеньки входа. Очаг в северном углу не имел четких границ. Это было углубление, в котором глина приобрела красный цвет от воздействия огня и были найдены угольки. Диаметр очага – около 0,75 м.

В противоположном, южном углу постройки находился развал мелких камней, образующий форму подковы размерами 1,2 x 0,65 м. Камни окружали прожженный глиняный под и, возможно, принадлежали своду печи, который разобрали и наиболее крупные камни унесли. Среди развала камней найдены обломки лепной посуды и дубовые угольки. В заполнении постройки, кроме дубовых угольков, встречались угли вяза.

Находок в постройке было мало. Керамика сильно фрагментирована (рис. 36: 1-7). Обращают на себя внимание фрагменты двух сковородок со специально смоделированными бортиками с обильной примесью соломы и зерен в рыхлом тесте (рис. 36: 5).

ЗЕМЛЯНКА 25 (рис. 37). Имела форму неправильного овала. Размеры постройки составляли 5,04 x 2,9 м, глубина пола от уровня материка – 1,75 м, от современной поверхности – 2,5 м. Землянка имела как бы два уровня пола: более глубокая часть была в центре, а в северной стороне имелся уступ, возвышавшийся над самым глубоким местом на 0,65 м. К северо-западу от этого уступа шириной около 1 м в узком месте постройки расположено углубление. Дно последнего зафиксировано на уровне 0,72-0,78 м ниже поверхности материка. Это углубление имело почти цилиндрические стенки. От остальной площади постройки оно было отделено невысоким валиком. Каких-либо остатков очага в углублении не было, следы пода или обжига стенок отсутствовали. Южная часть постройки имела округлую форму и размеры 2,36 x 1,95 м. Ближе ко дну стенки были цилиндрическими, выше начинались уступы. Особенно выразительные уступы-ступеньки прослежены в южной стороне, где, по-видимому, находился вход в постройку. Ямы от столбов, которые поддерживали стены и кровлю, располагались на таких уступах по периметру котлована. С западной стороны была зафиксирована яма почкообразной формы, углубленная в самый нижний уровень пола землянки на 0,15 м. Глубина остальных столбовых ям колебалась в пределах 0,15-0,23 м. В землянке обнаружено много находок, причем гончарная керамика резко преобладала (рис. 37: 1-8). На полу сооружения найдено глиняное пряслице с бугристой поверхностью (рис. 37: 9).

ЗЕМЛЯНКА 26 (рис. 38). Имела неправильно-трапециевидную форму. Ее размеры составляли 3,07 x 1,9-2,8 м. Глубина пола от уровня материка – 0,35 м, от современной поверхности – 0,65 м. Пол – земляной, утрамбованный. Стенки – почти отвесные. В центральной части постройки и близ ее южного угла прослежены две столбовые ямки глубиной 0,18 и 0,08 м. Глубокая округлая цилиндрическая яма в северном углу постройки имела диаметр 0,83 и глубину 1,8 м. Она содержала угольки и находки керамики черняховского типа. Гончарная посуда в заполнении численно преобладала. Из ямы происходит также обломок края лепного диска (рис. 38: 2).

В восточном углу постройки находился развал камней, среди которых многие подверглись сильному обжигу. Здесь располагалась печь или очаг. Среди развала найдены фрагменты лепного округлобокого горшка с примесью песка и дресвы в тесте (рис. 38: 4), а также гончарного сосуда с шаровидным туловом и вертикальным венчиком и подлощенной поверхностью желтого цвета (рис. 38: 5). Из скопления камней происходит, кроме того, кость животного. В заполнении обнаружены немногочисленные фрагменты лепных и гончарных черняховских сосудов, а также обломок лезвия железного ножа (рис. 38: 1).

ЗЕМЛЯНКА 27 (рис. 39) (т.н. мастерская гончара). Подробное описание с реконструкцией технологического процесса изготовления керами-

ки опубликовано А.А. Бобринским [Бобринский, 1991, с. 56-67]. В нашей публикации приводится комплекс находок из заполнения постройки.

ПОСТРОЙКА, совмещенная с горном 2 (рис. 40). Находилась рядом с предыдущей и составляла вместе с ней единый комплекс гончарного производства. Описание сооружения также опубликовано А.А. Бобринским [Бобринский, 1991, с. 144-146]. В настоящем издании приводится план объекта и рисунки находок из его заполнения.

ЗЕМЛЯНКА 28 (рис. 41). Неправильно-квадратная жилая постройка с выступом на месте входа возле южного угла. Сторона, где расположен вход, имеет несколько приподнятый уровень земляного пола по сравнению с западной частью. Разница уровней – 0,15-0,2 м. Глубина постройки от современной поверхности – 0,78 м, от уровня материка – 0,35 м. Стенки – почти отвесные. Вдоль них прослежено несколько столбовых ям диаметром около 0,2 м и глубиной 0,1-0,15 м. В северном углу постройки находилась печь, основание которой зафиксировано на 10 см выше уровня пола. Печь была вылеплена из глины, в плане она имела трапециевидную форму и широкой стороной, где помещалось устье, была обращена к югу. Глинобитный прожженный под плавно переходил в стенки свода. Сам свод не сохранился. Данные о том, замыкался ли он сверху, отсутствуют. Размеры печи – 0,63 x 0,47 м. В центре постройки был небольшой развал обожженной глины. В заполнении сооружения находок было немного. Значительный процент (31) составляла лепная посуда, в числе обломков которой был большой фрагмент края горшка со слегка отогнутым венчиком и довольно крутым изгибом плечиков в верхней трети высоты (рис. 41: 3). Численно преобладавшие обломки гончарной посуды представлены более мелкими фрагментами (рис. 41: 1, 2). Обломков привозной посуды провинциально римских центров не было. Из заполнения происходили также кости животных.

ЗЕМЛЯНКА 29 (рис. 42). Неправильно-квадратная в плане, размерами 4,44 x 4,5 м. В северном углу находилась выступающая за контур постройки округлая расширяющаяся книзу яма-погреб диаметром 1,2 м. За пределы постройки вынесены две печи, расположенные рядом в северо-восточной стене котлована. Стенки самой землянки – отвесные. Пол – земляной, утрамбованный. Его глубина составляет 1,15 м от современной поверхности и 0,8 м от уровня материка. Вдоль стен и по углам находились столбы, от которых уцелели ямки диаметром в среднем около 0,25 м при глубине 0,15-0,55 м. Загадочным является сооружение рядом двух одинаковых конструкций печей в пределах одной постройки. Первая печь (А) помещалась в средней части северо-восточной стены котлована. Она имела ровный глинобитный под округлой формы и сводчатые прожженные стенки. Диаметр пода – 1,18 м. Свод неплохо сохранился, т.к. топка была довольно глубокой: под находился на уровне пола постройки. От последнего его отделял невысокий валик, перед которым были прослежены 4 небольших ямки от столбиков, возможно, удерживавших заслонку во время топки. Вторая печь (Б), расположенная возле восточного угла, имела ровный обожженный глиняный под и сводчатый, вырытый в материке верх. Диаметр пода – 1,17 м. Он был приподнят над поверхностью пола (глубина 0,2 м ниже уровня фиксации контуров котлована). Пол в восточном углу перед печами был усыпан золой и угольками, а перед первой печью, кроме того, был развал побывавших в огне небольших камней. Развал имел квадратную форму. Перед ямой-погребом на полу лежала кучка глины светло-зеленоватого цвета диаметром 0,6 м. Не исключено, что из нее лепили от руки горшки, для обжига которых употребляли одну из печей. Скорее всего, для этой цели могла служить печь А, имевшая большее внутреннее пространство. В заполнении постройки преобладала лепная керамика (в среднем). Наиболее выразительные фрагменты принадлежали сильнопрофилированным округлобоким горшкам с примесью дресвы в тесте (рис. 42: 5-7). Встречались также кости животных. Индивидуальные находки представлены двумя глиняными пряслицами, найденными на полу (боченкообразное – с гладкой поверхностью, второе – с шероховатой, рис. 42: 2, 3), стеклянной бусиной и ребром животного со следами сработанности из заполнения (рис. 42: 1, 4).

ЗЕМЛЯНКА 30 (рис. 43). Имела прямоугольную форму и размеры 3,14 x 2,17 м. Пол постройки находился на глубине 0,82 м от современной поверхности или 0,32 м от уровня материка. За пределы постройки была вынесена яма-погреб, расположенная в северном углу, и отчасти печь, помещавшаяся посередине юго-восточной стены. Стенки котлована – отвесные, пол – земляной, утрамбованный, ровный. По периметру сооружения расположены ямки от столбов диаметром 0,1-0,15 м и глубиной 0,1-0,2 м, поддерживавших кровлю и наземную часть стен. Кроме столбовых ям в полу было сделано предпечное углубление неправильно-овальной формы, ориентированное широтно (глубина – 0,28 м). Другое углубление, наполненное золой, которую выгребли из печи, было расположено на запад от ее устья. На его дне прослеживался след округлой ямки глубиной 0,25 м, в то время как дно предпечного углубления залегало на 0,18 м ниже уровня пола постройки.

Печь имела круглую в плане форму и в основном была вынесена за контур стен жилища. Круглый глинобитный под диаметром 1,0 м ограждали

два переходящих в свод выступа из материковой глины. Внутреннее пространство печи представляло собой низкую широкую с полукруглым сводом пещерку, вырытую в юго-восточной стене постройки. Под был тщательно подмазан глиной, и на нем были видны следы пальцев, оставшиеся при его заглаживании.

Яма-погреб имела округлую форму, расширяющиеся книзу стенки, диаметр 1,23 м и глубину 0,74 м от уровня верхнего края котлована.

В заполнении постройки в среднем преобладала лепная керамика (рис. 43: 2-9). Наиболее выразительные фрагменты принадлежали округлобоким сосудам с отогнутыми наружу венчиками, плотным тестом со слабо выраженными примесями. Из второго слоя заполнения происходит обломок ручки светлоглиняной амфоры, которая в равной степени могла относиться к типам D и F (рис. 43: 1). Встречены также кости животных.

ЗЕМЛЯНКА 31 (рис. 44). Постройка была вытянутой, неправильной формы, расширяющаяся в юго-западном направлении. Ее длина составляла 5,4 м, а ширина – 2,3 м в восточной стороне и 3,38 м – в западной. Отапливалась постройка двумя печами, расположенными с северной и южной стороны, причем северная печь была вынесена за пределы контура котлована. Кроме того, остатки разрушенного отопительного устройства были прослежены с западной стороны. Место входа обозначали выступ и сглаженные ступеньки в восточной части жилища. Стенки котлована постройки имели небольшую покатость и переходили в земляной, особенно сильно в центральной части утрамбованный пол. По стенам и напротив входа прослежены следы ямок от столбов диаметрами в среднем около 0,2 м и глубинами около 0,2 м. Пол жилища находился на глубине 0,47 м в западной и 0,35 м в восточной части от уровня материка или на 0,82 м (в самом глубоком месте) от современной поверхности. В западном углу прослежен выступ-лежанка, ранее располагавшийся, видимо, вблизи печи, которая затем почему-то была оставлена. От нее сохранился поврежденный, отчасти срезанный стеною землянки глинобитный под. Он имел форму неправильного треугольника, ориентированного по линии северо-запад – юго-восток. Под находился на глубине 0,05-0,07 м от верхнего края котлована. Вторая печь была расположена направо от входа. Ее под имел близкую к овалу форму и размеры 1,56 x 1,2 м. Под зафиксирован на уровне 0,16 м от верхних контуров постройки, т.е. почти совпадал по глубине залегания с подом разрушенной юго-западной печи. От свода второй печи сохранился завал глиняной обмазки над ее подом. Уровень пода третьей печи соответствовал полу постройки. Эта печь имела подковообразную форму и глинобитный прямоугольный под размерами 0,6 x 0,5 м. Печь обращена устьем на запад. Ее южную и отчасти северную стенку образовывали стены землянки, а с севера в материке был сделан ограничивающий под материковый валик, переходящий, как и материковые останцы с юга и севера, в свод. Как этот свод завершался и был ли он сплошным, установить не было возможности. Южнее устья печи на 1,2 м на полу постройки лежало небольшое скопление камней.

В заполнении постройки обнаружены кости животных и керамика. Преобладали обломки лепных сосудов с плотным тестом и примесью песка или шамота. Гончарная керамика была сильно фрагментирована (рис. 44: 2-8). Ручка светлоглиняной амфоры, приведенная на рисунке 44: 1, обнаружена в культурном слое выше сооружения.

ЗЕМЛЯНКА 32 (рис. 45). Постройка имела в плане неправильную почкообразную форму. Ее размеры составляли 3,6 x 2,1 м. В заполнении на глубине 0,25 м сохранился развал кусков глиняной обмазки от печного пода. Диаметр скопления достигал 1,0 м. Вперемешку с обмазкой встречались зола, угольки и обломки керамики, в том числе фрагменты лепного бомбовидного шероховатого с примесью песка в тесте горшка, полный профиль которого удалось восстановить, и еще одного такого же по форме сосуда, но с лощеной поверхностью (рис. 45: 1, 2).

Пол постройки в южной части был утрамбован, а в северной стороне находилась обширная яма с обожженными стенками. Края котлована постройки книзу немного расширялись, образуя подбой, и затем плавно переходили в ровный пол. Яма имела округлую форму (диаметр – 1,7 м, глубина – 0,45 м), расширяющиеся книзу стенки и заостренное дно. В заполнении постройки преобладала гончарная керамика, встречались также кости животных. Индивидуальные находки из заполнения представлены фрагментом глиняного пряслица, железным предметом, костяными проколками и иглой, ребром животного со следами сработанности, клыком животного с просверленным отверстием для ношения (рис. 45: 3-8). Из ямы происходит фрагмент венчика лепного горшка с вдавлениями по краю, очевидно, скифского (рис. 45: 10), и днище черняховского гончарного сосуда. Еще один скифский венчик обнаружен в пятом слое заполнения постройки (рис. 45: 20).

ЗЕМЛЯНКА 33 (рис. 46). Имела неправильно-прямоугольную форму. В северо-восточном углу сооружения помещался выступ входа, а около северо-западного – яма-погреб, вынесенная за основной контур стен. Размеры постройки – 3,7 x 3,0 м при глубине 0,7 м от уровня материка и 1,3 м от современной поверхности. Стенки котлована были отвесными. Пол – земляной, утрамбованный, с уступами в южной части и с большой округлой западиной с твердым углистым

заполнением в северной, возле входа. Диаметр западины – приблизительно, 1,6 м. По всей видимости, здесь находился очаг. По стенам и возле углов постройки прослежены столбовые ямы диаметрами в среднем 0,25 м и глубинами 0,17-0,35 м. Исключение составляет яма, выкопанная в пределах западины очага, достигавшая глубины 0,65 м.

Яма-погреб имела уровень дна, соответствовавший полу постройки. Она расширялась книзу, ее диаметр составлял почти 1 м. В заполнении постройки преобладала гончарная керамика, обнаружена, также, ножка светлоглиняной амфоры типа F (рис. 46: 3-12). Индивидуальные находки происходят из заполнения. Они представлены обломком глиняного пряслица, фрагментом железного серпа, ребром животного со следами сработанности (рис. 46: 1-3). Встречены, кроме того, кости животных.

РАСКОПКИ В УРОЧИЩЕ ГОРОБИНЕЦ

В 1959 г. на этом участке памятника проведена шурфовка и заложены 2 раскопа.

РАСКОП I имел размеры 60 кв.м. Он ориентирован широтно. В его пределах на глубине 0,25 м от современной поверхности обнаружены остатки сильно разрушенного распашкой очага в виде скопления обожженной глины. Форму и размеры объекта установить невозможно. Прослежены, также 2 ямы (87 и 88). Из индивидуальных находок в слое обнаружены обломок железной иглы и серебряная монета Антонина Пия. Аверс: голова императора в венке, вправо ANTONI – NVS – AVG PIVS PP. Реверс: фигура Справедливости с весами в правой руке и посохом в левой. COSIIII. Вес монеты 3,295 г. Дата выпуска 145-161 гг. Место чеканки – Рим[12].

РАСКОП II имел такую же площадь, но он был ориентирован меридионально. В его пределах обнаружены ямы 80, 81 и наземный очаг. Из слоя происходят три глиняных пряслица и железный гребень.

В 1960 г. исследовался РАСКОП III площадью 108 кв.м. В его границах прослежены 2 выносных глинобитных очага. В слое, кроме керамики и костей животных, найдены 4 глиняных пряслица (одно из них изготовлено из стенки лепного сосуда, другое имело вставки из обломков стеклянных кубков), железный нож, глиняное лепешковидное грузило, глиняная бусина, обработанная опиленная кость трапециевидной формы, костяная круглая в сечении проколка с обоюдоострыми концами, обломок каменного точильного бруска, железные квадратное в сечении шило и обломок лезвия ножа.

В 1963 г. заложены 2 поисковые траншеи (NN 1 и 2) площадями 30 и 20 м соответственно. В культурном слое обнаружена лишь керамика, никаких сооружений не было.

Лепная керамика из ур. Горобинец приводится на рис. 60-64, индивидуальные находки – на рис. 75.

Постройки

В отчетах Э.А. Сымоновича все сооружения селища, кроме скифской землянки 18, были отнесены к римскому времени. По моему мнению, на памятнике выделяется группа более поздних жилищ. Ими являются пять построек, в углах которых находились печи, как вырезанные в глинистом материке со сводом из камней, так и каменки без глиняной основы. Материалы этих жилищ имеют ряд поздних признаков. Среди развала печи постройки 26 (рис. 38) между составляющих его камней, кроме крупного фрагмента округлобокого груболепного горшка, найден обломок верхней части желтоглиняного лощеного сосуда с прямым венчиком и «раздутым» туловом (рис. 38: 4,5). Аналогии таким гончарным горшкам во множестве известны на Пастырском городище [Приходнюк, 2005, рис. 85: 4; 87: 3, 5; 90: 2, 3, 5; 93: 4]. Для керамического комплекса этого памятника, а также для древностей круга Сахновки – Луки Райковецкой и Волынцево характерны и округлобокие горшки с раздутым туловом и коротким изогнутым, отогнутым наружу венчиком [Петрашенко, 1992, рис. 13-16; Приходнюк, 2005, рис. 75: 1, 3; 78: 1, 4, 7; 79: 4]. Яма-погреб, находившаяся внутри этой постройки, прямого отношения к ней не имеет, т.к. в заполнении ямы преобладала гончарная керамика черняховской культуры, а в котловане полуземлянки керамики, изготовленной на круге, было очень мало, и встречалась она лишь в верхнем слое заполнения. В скоплении камней завала печи постройки 24 (рис. 36) обнаружен небольшой обломок венчика сероглиняного гончарного сосуда с прямым краем. Его форма и орнаментация (волной и полосой) скорее характерны для волынцевского или пастырского гончарства, чем для посуды римского периода. Из верхнего слоя заполнения котлована постройки происходят два фрагмента сковородок с высокими специально смоделированными краями (рис. 36: 5). В печи жилища 12 (рис. 23) найден крупный обломок сильнопрофилированного округлобокого горшка с вдавлениями по венчику (рис. 23: 3). Лепная керамика Журавки, которая достоверно связана с комплексами римского времени, никогда не орнаментирована подобным способом. По этому признаку, а также по форме сосуд, фрагмент которого попал в развал печи, близок горшкам круга Сахновки-Луки Райковецкой [Приходнюк, 1980, рис. 28: 5, 6; 29: 1, 3, 4; 31: 1-3; 32: 4, 5, 8; 33: 2, 5, 7, 8 и др.] и упомянутым выше округлобоким лепным горшкам Пастырского городища. В заполнении построй-

[12] Определение К.В. Голенко.

ки 10 (рис. 20) лепная керамика составляет 25%, а на полу – 16%. Прочие находки представлены античной гончарной керамикой, как черняховской, так и фрагментами амфор. Тем не менее для датирования объекта это не имеет существенного значения, т.к. in situ на полу у печи находились развалы горшка с резким переломом тулова непосредственно под шейкой и лепной S-овидной миски (рис. 20: 2, 3). Оба сосуда по форме близки керамике круга Луки Райковецкой – Сахновки – Волынцево, хотя округлобокие миски в большей степени характерны для Днепровского Левобережья, чем для Среднего Поднепровья [Петрашенко, 1992, с. 71-74; рис. 27: 1, 3-7; Приходнюк, 1980, рис. 33: 1, 6]. Фрагменты лепных сосудов периода раннего средневековья происходят, кроме того, из культурного слоя раскопов на северном склоне оврага и из некоторых хозяйственных ям (рис. 47; 48: 2). Кроме упомянутых выше форм к ним относятся обломок верхней части лепного подражания волынцевскому гончарному горшку (округлобокий с прямым венчиком – рис. 56: 1), фрагмент сосуда с округлым туловом и ребром в верхней части под изогнутым венчиком (рис. 47: 8), небольшие раскрытые горшки с максимальным расширением тулова под венчиком (рис. 58: 1, 2), а также сковороды как с низким, но специально сформованным бортиком, так с высоким (рис. 47: 5, 9; 58: 6; 59: 2). В Среднем Поднепровье подобная керамика характерна для набора VIII – IX вв. [Приходнюк, 1980, рис. 35: 4, 19, 20; 36: 8; 40: 6; Петрашенко, 1992, рис. 9]. Встречены также немногочисленные обломки, по-видимому, биконических сосудов (рис. 47: 2, 3). Последние хотя и типичны для более раннего пеньковского керамического комплекса, но встречаются в виде реликта и на сахновском этапе [Приходнюк, 1980, рис. 28: 7; 29: 2; 32: 7]. К этому же периоду существования памятника, по всей видимости, относится и зооморфная фибула, найденная на поверхности поселения в 1963 г. (рис. 65: 20). В целом раннесредневековые материалы Журавки, судя по находкам пастырского изготовленного на круге сосуда и лепного подражания волынцевскому гончарному горшку, а также по отсутствию гончарной керамики круга Луки Райковецкой, датируются VIII в. [Петрашенко, 1992, с. 89; Михайлина, 2007, с. 19-27]. Находки этого времени концентрируются на центральном раскопе в северной части памятника, где жилища с материалами раннего средневековья занимают компактный участок (рис. 76). Отдельные фрагменты раннесредневековых сосудов происходят из урочища Горобинец.

Все постройки Журавки углублены в грунт. Э.А. Сымонович называет их «землянками». Существовали ли на памятнике наземные сооружения, выяснить не удалось. Ямы от столбов вне построек прослеживались неоднократно, но не исключено, что эти столбы служили опорами ограждений загонов для скота, заборов и т.д. Очаги, расположенные вне жилищ, могли играть роль летних кухонь. Вообще подобные сооружения, как известно, для черняховских селищ весьма типичны. Обширные завалы обожженной обмазки, которые образуются при разрушении сгоревших наземных построек, в Журавке не прослежены, хотя отдельные небольшие пятна глины в слое встречались. Тем не менее отсутствие скоплений и полос обожженной обмазки не может быть однозначным свидетельством того, что наземных сооружений не было. Они просто могли не сгореть. Последнее весьма вероятно, если учесть, что ни в одной из «землянок» Журавки следы пожара не прослежены.

Стены многих построек были каркасными. Они возводились с опорой на столбы, ямы от которых прослежены по периметру котлована. Исследованы и сооружения без остатков столбов, вероятно, срубные. Отсутствие завалов обмазки на полах построек заставляет предполагать, что их стены не были глинобитными, а глина могла применяться при конопачении, о чем свидетельствуют отдельные кусочки обожженной обмазки, которые встречены в заполнении котлованов.

По форме котлована в плане, по особенностям рельефа его дна, наличию и конструкции отопительного сооружения постройки Журавки делятся на несколько типологических групп.

Класс I. Прямоугольные или подпрямоугольные постройки.

Тип 1. Без отопительного сооружения.

Вариант 1. Прямоугольные сооружения с плоским полом. Могут иметь столбовые ямы по периметру котлована и иногда в его центре (землянки 6 «жилая часть», 8, 11 «сени», 15, 20, 22; рис. 13, 18, 21, 26, 31, 34). В одной постройке ямы от столбов совершенно отсутствовали (6 «сени»; рис. 13).

Вариант 2. Прямоугольное сооружение с неровным полом (на нем имеются разнообразные по форме углубления, которые тем не менее нельзя отнести к категории хозяйственных ям) без следов от столбов – постройка 1 «сени» (рис. 6).

Вариант 3. Прямоугольные постройки с внутренней глубокой ямой, со столбами по периметру котлована – постройка, соединенная с гончарной печью 2; землянки 9 и 23 (рис. 19; 35; 40).

Вариант 4. «Длинный дом» (землянка 5) – обширное сооружение без очагов, 2 столбами по периметру котлована, несколькими столбами в центральной части котлована, 3 внутренними ямами. Пол западной части постройки несколько выше, чем восточной. В последней имеется лежанка (рис. 12).

Тип 2. С открытыми очагами. Последние представляли собой либо костер, горевший в постройке (от него остается пятно прокала материкового пола

и иногда угли), либо хорошо обожженную глинобитную площадку овальной или круглой формы.

Вариант 1. Сооружения с плоскими полами. Ямы от столбов по периметру котлована прослежены в постройках 17, 27, 33, центральные опорные столбы кровли – в землянках 4 и 16. В сооружении на кв. 76 Н вообще не было столбовых ям (рис. 10; 27; 28; 46).

Вариант 2. С внутренней ямой-погребом, со столбами по периметру котлована и плоским полом – 13 (рис. 24).

Вариант 3. Аналогичная, но с двумя внутренними ямами-погребами, столбами по периметру котлована и в центре помещения – 11 «жилая часть» (рис. 21) .

Вариант 4. С неровным полом, очагом на материковом останце и столбами по периметру котлована – 3 (рис. 9).

Тип 3. Постройки с печами-каминами. Эти отопительные сооружения своеобразны по конструкции и представляют собой ниши-пещерки, врезанные в материковую глину борта котлована постройки таким образом, что под печи находится в подбое и выступает за пределы землянки. Сам под и стенки печи хорошо обожжены, а ее основание иногда дополнительно подмазано глиной. В качестве субструкции в этом случае используются черепки сосудов (постройка 7). От печей конца I тыс. н.э. камины римского времени отличаются тем, что последние всегда выступают за пределы котлованов, а не находятся внутри полуземлянок.

Вариант 1. С одной печью, столбами по периметру котлована и внутри сооружения, пол – плоский: 1 «жилая часть», 2 (рис. 6; 8).

Вариант 2. Со столбами вдоль стен, плоским полом и 2 печами-каминами – 29 (рис. 42).

Вариант 3. Аналогична предыдущей, но имеет 3 печи-камина и обширный выступ-апсиду, который Э.А. Сымонович трактует как место входа в постройку – 31 (рис. 44).

Вариант 4. Со столбами вдоль стен постройки, плоским полом, 2 хозяйственными ямами и одной печью – 30 (рис. 43).

Вариант 5. С неровным полом, столбами по периметру котлована и центральным столбом – опорой кровли, с одной печью – 7 (рис. 14).

Класс II. Постройки овальной формы.

Тип 1. Без отопительных сооружений.

Вариант 1. С сильно углубленной частью и столбами по периметру котлована – 25 (рис. 37).

Вариант 2. Аналогичные, но без столбовых ям по периметру – 32, «яма 79» (рис. 7; 45).

Тип 2. С открытыми очагами.

Вариант 1. Со столбовыми ямами по периметру котлована и плоским полом – 14 «жилое помещение» (рис. 25).

Вариант 2. Аналогичное по основным признакам, но столбовые ямы имеются и внутри котлована. Здесь же расположена и яма-погреб – 21 (рис. 32).

Тип 3. С печью-камином. Имеет сильно углубленную часть – 19 (рис. 30).

Жилищами могут считаться постройки, которые имеют отопительное сооружение, плоский пол (иногда с материковыми лежанками и ямами-погребами, но большая часть пола котлована должна быть ровной) и размеры, достаточно большие для проживания хотя бы двух человек. Этим признакам соответствуют 14 сооружений (33, 17, 4, 16, западина на кв. 76 Н,13,11 «жилая часть», 1 «жилая часть», 2, 29, 31, 30, 14 «жилое помещение», 21). Прочие постройки, очевидно, имели хозяйственное или какое-то другое назначение.

Ямы

По данным Э.А. Сымоновича, на поселении исследовано 329 ям. В отчеты включены сведения о 322 из них. 4 ямы по составу находок из заполнения относятся к скифскому периоду. На гистограмме 1 показано соотношение количества ям разных размеров, которые, очевидно, отражают функции объектов. На основании этого графика, ориентируясь на его пики, можно выделить 5 типов, границы которых, естественно, условны. К первому относятся ямы диаметром 0,2-0,4 м. Их всего 14, они явно были столбовыми. Второй тип (0,41-0,7 м) составляет 51 яма, которые, вероятнее всего, выкапывались под массивные столбы, а некоторые из них могли представлять собой небольшие хранилища. Ямы прочих трех типов (0,71-1,3 м – 163 объекта; 1,31-1,8 м – 58 об.; больше 1,8 м – 32 об.) являются погребами. Из них резко преобладают небольшие, имеющие диаметр около 1 м. Глубина подавляющего большинства ям независимо от размеров составляет 0,2-0,5 м, что, по всей видимости, определяется толщиной слоя гумуса и плотностью материкового грунта на поселении. Лишь некоторые из них достигают глубины более 1 м. Все они относятся к типам 3-5, т.е. представляют собой погреба.

Очаги

Вне построек зафиксировано 23 очага (три из них – в урочище Горобинец). Те, что сохранились сравнительно неплохо, имеют довольно стандартную конструкцию: это овальные или круглые глинобитные площадки без субструкций, как правило, хорошо обожженные. Большинство их них – однослойные, лишь 2 имели по два слоя обмазки, а на кв. 79 Н друг на друге было обнаружено 3 пода. На кв. 80 О у очага прослежена яма для выброса золы. Глинобитные очаги встречены на всех черняховских поселениях, раскопанных сравнительно большими площадями.

Лепная керамика

Лепная посуда селища позднеримского времени делится на два довольно резко отличающихся друг от друга культурно-типологических комплекса или набора. Первый из них составляет керамика вельбарского круга. По формам и декору она вписывается в рамки набора, который Р. Волангевич считал характерным для периода B2/C1 – C1b. [Wolagiewicz, 1993, s. 24-29, ryc. 3]. Сосуды подразделяются на несколько функциональных категорий: горшки, миски-вазы, плошки.

Наиболее широко распространены «яйцевидные» или «бомбовидные» сосуды с округлобоким туловом без выделенного венчика или с небольшой закраиной в верхней части (45 экз.). Довольно редки округлобокие горшки с прямым или слегка отогнутым наружу венчиком (10 экз.) и сосуды без венчика с ребристым переломом корпуса (4 экз.) (рис. 7: 1, 3; 9: 5; 18: 6; 28: 9; 32: 7, 8; 33: 1, 2, 5-8, 10-14, 16-18; 34: 1; 45: 1, 2, 12; 49: 7; 50: 1-4; 51: 3, 5; 52: 1, 5, 8; 53: 1, 3, 4; 60; 61; 63: 1, 3-8; 64: 8, 9).

Миски и вазы обычно относят к разным категориям посуды, которые, в первую очередь, различаются по своим пропорциям: общая высота мисок меньше диаметра их наибольшего расширения, а у ваз она значительно превышает ее, кроме того, вазы иногда имеют характерные высокие поддоны. Поскольку материал из Журавки, в основном, фрагментирован, то общую высоту сосуда и форму его нижней части, как правило, определить невозможно или достаточно трудно. По этой причине эти две категории объединяются в одну.

Округлобокие миски-вазы представлены двумя основными формами: чашеоборазными сосудами без венчика или с небольшой закраиной в верхней части (3 экз.) и с S-овидным профилем (12 экз.) (рис. 7: 2; 50: 5, 6; 51: 4; 52: 4; 53: 7; 62: 1-6).

Формы со сглаженным ребром имеют отогнутые наружу венчики, прямую или вогнутую линию профиля на участке от шейки до места наибольшего расширения тулова (10 экз.) (рис. 31: 3; 33: 19-24; 51: 8; 62: 7; 64: 1, 2).

Миски-вазы с острым ребром на месте плеча либо подобны предыдущим по профилировке (5 экз.), либо имеют зигзаговидный профиль, т.е. все его участки, начиная от края венчика до нижней части, представляют собой прямые линии, а переломы между ними – резкие, ребристые (8 экз.) (рис. 7: 6, 7; 28: 6; 31: 2; 51: 6; 64: 3, 4, 6).

Исключением является редкая форма – обломок сосуда с небольшим отогнутым наружу венчиком, цилиндрическим горлом и округлым плечом (рис. 53: 6). Необычна и орнаментация этого сосуда: он украшен рельефно выступающим валиком на горле и косыми налепами – «дольками» на тулове.

Плошки делятся на 2 типа: высокие с выпуклыми стенками, полым или сплошным поддоном (3 экз.) (рис. 63: 2; 64: 7) и низкие с полым поддоном (1 экз.) (рис. 54: 3). Впрочем, они являются не специфически вельбарскими, а скорее общечерняховскими формами.

В структуре керамического комплекса поселения преобладают «бомбовидные» или «яйцевидные» сосуды, на втором месте находятся округлобокие горшки с отогнутым наружу венчиком и миски-вазы с S-видным профилем, на третьем – миски-вазы со сглаженным ребром. Прочие формы представлены небольшими сериями или единичны.

Кроме структуры профиля, сосуды центральноевропейского происхождения различаются и по декору. В это понятие входит характер поверхности и орнаментация горшков и мисок-ваз. Сочетание этих признаков образует 13 типов.

1. Сосуды с шероховатой поверхностью – 32 экз., т.е. «кухонные». Ими являются в основном горшки, поверхность мисок остается шероховатой лишь в виде исключения, причем все миски с такой поверхностью – округлобокие (рис. 7: 3, 4; 28: 9; 31: 3; 32: 7, 8; 33: 6, 8-10, 12-18; 45: 2, 12; 49: 6, 7; 50: 3, 4; 51: 3, 5; 52: 5-8; 53: 3, 5; 60: 3-5; 61: 1, 4, 5, 7; 62: 5, 8; 63: 1-3, 5-8; 64: 1, 2, 7-9).

2. Лощеные сосуды – 31 экз. Лощеную поверхность имеют, в основном, миски. Поверхность горшков подобным образом обрабатывается значительно реже (рис. 7: 5-7; 28: 6, 33: 1, 3-5, 14, 19, 20, 22-24; 34: 3, 4; 45: 1; 49: 8; 50: 1, 5; 51: 2, 6, 7; 52: 1-4; 53: 1, 4, 6, 7; 60: 2, 6; 61: 3, 6; 62: 1-4, 7; 64: 3-6).

3. Сосуды с заглаженной (подлощенной) поверхностью – 6 экз. (5 горшков и 1 округлобокая миска) (рис. 9: 5; 33: 2, 7).

4. Горшки с хроповатой (искусственно ошершавленной) поверхностью от венчика и далее книзу. В Журавке их всего два. Оба они – «бомбовидные» (рис.18: 6; 61: 2).

5. Сосуды с лощеной или тщательно заглаженной поверхностью выше плеча и с шероховатой – ниже его – 5 экз. К ним относятся два «яйцевидных» горшка, один округлобокий с отогнутым наружу венчиком и по одной миске: округлобокой с S-видным профилем и со сглаженным ребром (рис. 51: 8; 62: 6).

6. Сосуды с лощеной или тщательно заглаженной верхней частью и хроповатой поверхностью ниже плеча – 9 экз., из них «бомбовидные» горшки – 4, округлобокий с отогнутым наружу венчиком – 1, ребристый – 1, миски округлобокие S-овидные – 2 экз., со сглаженным ребром – 1 (рис. 7: 1, 2; 33: 21; 34: 1; 50: 2, 6; 51: 4; 53: 2; 60: 1; 63: 3).

7. Сосуды с защипами и вдавлениями, нанесенными по лощеной (чаще) или по шероховатой (реже) поверхности. Защипы расположены горизонтальными или вертикальными рядами. Подобный декор имеется на черепках не менее чем десятка сосудов из Журавки, но в виде, пригодном для типологического определения, восстановима

форма лишь трех горшков – округлобокого с отогнутым наружу венчиком и округлобокого без венчика. Вдавления на поверхности третьего сосуда («яйцевидного») расположены дугами, «подчеркнутыми» горизонтальной линией (рис. 18: 3; 33: 1, 15; 50: 4; 51: 7; 52: 2).

8. Сосуд с бороздами, проведенными по сырой глине до обжига, составляющими комбинацию из параллельных прямых линий и косых отрезков. От него сохранился лишь один фрагмент. Форма не поддается реконструкции (рис. 51: 1).

9. Лощеные сосуды с налепными валиками. Подобным образом орнаментированы 2 формы: уже упоминавшаяся выше ваза с цилиндрическим горлом и округлобокая S-видная миска (рис. 53: 6; 62: 2).

10. Сосуды с лощеной поверхностью и налепным псевдоушком: миски округлобокая S-видная и остроребернаяс зигзаговидным профилем – по одной. В одном случае ручка имеет Х-видную форму, а в другом – петлеобразную (рис. 7: 6; 62: 1).

13. Миска со сглаженным ребром, шероховатой поверхностью и налепом-выступом (рис. 64: 2).

Сосуды центральноевропейского круга отличаются сравнительно тонкими стенками, примесью мелкой дресвы или песка в тесте. Зачастую на их поверхности видны небольшие каверны от выгоревших включений органики.

Лепная керамика вельбарской традиции обнаружена в одном жилище (21), пяти хозяйственных постройках (3, 8, 22, 32, яма 79) и двух ямах (170 и 205), культурном слое северной части поселения. Кроме нескольких фрагментов раннесредневековых сосудов, вельбарской является вся керамика из урочища Горобинец. Жилище имеет овальную форму в плане, открытый очаг и внутреннюю яму-погреб, стены столбовой конструкции, причем ямы от столбов расположены по периметру овала.

Вельбарская по происхождению лепная керамика на территории Среднего Поднепровья и в прилегающих к нему районах встречена на черняховских поселениях Глеваха [Терпиловский, 1988, с. 210, рис. 2], Жуковцы, Цыбли, Максимовка, Новолиповское[13], Большая Снитынка [Магомедов, 1992, с. 97-100, 114, рис. 3, 4; 1994, с. 15, рис. 3], Малополовецкое [Кравченко, Петраускас, Шишкин, Петраускас, 2007, глава 2.1, рис. 14] и на ряде других, на могильниках Косаново [Кравченко, 1967, табл. VI: 6, 7, 9, 11, 13, 16, 19], Журавка[14], Компанийцы [Махно, 1976, рис. 2], Деревьяна [Кравченко, 1979, с. 80, рис. 3; Кравченко, Петраускас, Шишкин, Петраускас, 2007, глава 3.1, рис. 16: 2; 18: 4, 5; 19: 7-9]. Находки лепных сосудов центральноевропейского облика в Журавке свидетельствуют о наличии германского этнического компонента среди населения поселка.

Ко второму комплексу относятся сравнительно толстостенные сосуды с бугристой поверхностью, носящей следы небрежного заглаживания пальцами. В керамическом тесте заметна примесь крупной дресвы или (реже) шамота. В ряде случаев лепная керамика этого круга составляет закрытые комплексы, которые подтверждают правильность выделения набора в целом. К ним относятся вымостка пода печи-камина из землянки 7, материалы из завала печи постройки 19, среди которых кроме обломков лепных сосудов имеется и фрагмент гончарной черняховской миски, скопление обмазки над землянкой 7, скопление керамики на кв. 76, Л, 4 и у очага в «западине» на кв. 76, Н. По формам лепные горшки этого круга вполне укладываются в предложенную автором типологию посуды позднезарубинецкого этапа и киевской культуры [Обломский, Терпиловский, 1991, с. 14, 15; Обломский, 1991, с. 35, 36]

Горшки

Класс I, тип 1, вариант а, разновидность а (округлобокие с выпуклой дугой профиля между шейкой и бочком, с изогнутым отогнутым наружу венчиком, закрытые) – 18 экз. (рис. 8: 4, 5; 11: 1; 15: 1; 21: 5; 26: 2, 3; 27: 4, 5; 28: 2; 29: 3, 4; 31: 1; 42: 5; 43: 4; 44: 3; 48: 1; 54: 5; 55: 1, 2). Необходимо оговориться, что точное количество их неизвестно, поскольку горшки очень похожей формы встречены и в сахновских комплексах, в т.ч. и в Журавке, где они составляют «постпеньковскую» керамическую традицию. По этой причине в рассматриваемый набор включены лишь сосуды из объектов, которые перечислены выше.

Класс I, тип 1, вариант а, разновидность б (те же признаки, только сосуды этого таксона – открытые) – 2 экз. (рис. 11: 4, 6).

Класс I, тип 1, вариант б (те же признаки, что и у предыдущих, отличия – в форме венчика: он – прямой, вертикальный) – 2 экз. (рис. 6: 1; 13: 1).

Класс I, тип 3, разновидность а (округлобокие с отогнутым наружу изогнутым венчиком, неопределенной формы дугой между шейкой и плечом – слегка выпуклой или слегка вогнутой, закрытые) – 4 экз. (рис. 11: 2; 29: 1; 43: 5; 54: 4).

Класс I, тип 3, разновидность б (округлобокие «тюльпановидные», признаки те же, что и у предыдущего таксона, но формы – открытые) – 2 экз. (рис. 26: 7; 30: 3).

Класс I, тип 4, вариант б (округлобокие баночные сосуды с небольшой закраиной на венчике) – 4 экз. (рис. 13: 2; 55: 3).

Класс II, тип 1 (ребристые с изогнутым, отогнутым наружу венчиком и с вогнутой дугой на отрезке профиля от шейки до плеча) – 3 экз. (рис. 16: 1; 17: 3).

[13] Фонды Института археологии НАН Украины.

[14] Судя по отчётам Э.А.Сымоновича, вельбарская лепная керамика происходит из погребений 20, 21, 34.

Класс II, тип 2, вариант а (имеют признаки предыдущего таксона, за исключением формы отрезка профиля от шейки до плеча: он прямой) – 4 экз. (рис. 14: 7; 15: 2, 3; 16: 2; 54: 1).

Диски

Все имеют слегка отогнутые края – 6 экз. (рис. 11: 3, 5; 15: 4).

Кроме того, из заполнения землянки 17 происходит 2 обломка стенок сосуда с расчесами, нанесенными гребнем (рис. 28: 10, 11), из ямы-погреба постройки 19 – один, а из заполнения жилища 31 – два фрагмента ребристых горшков, более точное типологическое определение которых невозможно (рис. 44: 2, 4).

В нескольких случаях в объектах с керамикой второго культурно-типологического комплекса найдены и отдельные фрагменты вельбарских сосудов. Так, из заполнения постройки 15 происходит обломок округлобокой лощеной миски, из первого слоя землянки 17 – черепок лепного сосуда с лощением изнутри и хроповатой поверхностью снаружи, обломки «кухонного» горшка с загнутым внутрь венчиком, остроребернoй лощеной миски (рис. 28: 6, 7, 9), из заполнения постройки 19 – фрагмент ребристой лощеной миски (рис. 31: 3).

Лепная посуда второго журавского набора имеет прямые аналогии на памятниках киевской культуры среднеднепровской группы, причем наибольшее число соответствий этот комплекс находит на тех поселениях, где отсутствует или единична посуда с расчесами, нанесенными гребнем по поверхности (Обухов-1, 2, 3 и Сушки-2). На этих селищах встречены все разновидности форм округлобоких и ребристых горшков из Журавки, а также диски со слабо отогнутым краем [Абашина, Гороховський, 1975, рис. 3-5; Терпиловский, Абашина, 1992, рис. 10: 16, 17; 23-28; Приходнюк, 1991, рис. 6][15].

Типологически близкие сосуды происходят также с некоторых памятников Среднего Поднепровья, которые традиционно считаются черняховскими (могильники Большая Бугаевка и Компанийцы, поселения Черняхов, Хлопков-1, Стецовка-2, Радуцковка, Новолиповское, Максимовка, Ломоватое-1 и 2). Этот факт свидетельствует о том, что в состав некоторых черняховских общин региона входило население, этнически близкое носителям киевской культуры [Абашина, Обломский, Терпиловский, 1999].

Керамика киевского комплекса происходит из 7 жилищ – западины с очагом на кв. 76, Н; 1 «жилая часть»; 16, 17, 29; 31; 30 и 5 хозяйственных построек – 6 «жилая часть»; 6 «сени»; 7; 15; 19, ямы 214 и из культурного слоя всех раскопов, кроме тех, которые заложены в урочище Горобинец. Все жилища с материалами этого круга – прямоугольные со стенам столбовой или срубной конструкции. В постройке 16 имеется центральный опорный столб кровли. Отопительные сооружения представляют собой открытые очаги или печи-камины. Последние вообще в Журавке «жестко связаны» с киевским керамическим набором. Все постройки с каминами (как жилые, так и хозяйственные) содержат относящуюся к этому комплексу керамику. Ни одна постройка с вельбарской лепной посудой печей-каминов не имеет.

Лепная керамика из 3 сооружений (9; 14 «жилое помещение»; 20), где она преобладает в процентном отношении, невыразительна.

На могильнике, расположенном около Журавского поселения, прослеживаются некоторые элементы погребального обряда (обычай подмазывать дно могильных ям глиной, уступы по их краям), генезис которых связан со скифо-сарматским миром [Сымонович, Кравченко, 1983, с. 20-22]. Лепная керамика, характерная для позднескифских и сарматских культурных групп, на селище отсутствует. Где жили эти выходцы с юга, остается загадкой. Не исключено, что жилища скифо-сарматского по происхождению населения находились на каком-то компактном участке в не исследованной еще части селища или на другом поселении из тех, что окружают Журавский могильник, либо оно вело кочевой образ жизни.

Амфоры

Определимые фрагменты амфор, обнаруженные в Журавке, относятся к трем основным типам: светлоглиняные – к D и F по классификации Д.Б. Шелова («танаисские» и «инкерманские» по другой терминологии), красноглиняные – к типу 75 по И.Б. Зеест [Зеест, 1960; Шелов, 1978]. Обломки амфор типа D происходят из заполнения построек 1 и 19 (рис. 6: 5; 31: 6), F – из второго горизонта построек 4 и 11 (рис. 22: 7), из заполнения постройки 33 (рис. 46: 4) и из ям 35, 41, Зеест-75 – из заполнения постройки 9 (рис. 19: 3) и с пола землянки 15 (рис. 26: 5, 6). В постройке 30 обнаружен обломок ручки, которая в равной степени могла принадлежать амфорам как типа D, так и F (рис. 43: 1). По северопричерноморской античной хронологической шкале амфоры типа Зеест-75 датируются концом II – первой половиной III вв. н.э., F – концом III – началом V в. [Абрамов, 1993, с. 47, 49, 50; Сазанов, 1993,

[15] Необходимо оговориться, что второй керамический комплекс Журавки хотя и близок к среднеднепровскому киевскому по большинству входящих в состав набора форм, не идентичен ему. Не меньшее количество аналогий сосуды из Журавки находят на памятниках Прикарпатья типа Черепин-Демьянов и водораздела Днепра и Дона круга Букреевки-Тазово. То же самое относится и к планировке жилищ и хозяйственных построек. Термин «киевская», который в дальнейшем изложении применяется к керамике из Журавки, нужно воспринимать с некоторой долей условности.

с. 18,19; Кропотов, 1998, с. 131]. Дискуссионной является верхняя дата амфор типа D. Традиционно считается, что они исчезают не позже середины III в. [Абрамов, 1993, с. 46-47].

Специальное исследование показало, что на территории черняховской и киевской культур (по данным Прикарпатья, Причерноморья, востока Днепровского Левобережья и бассейна Северского Донца) происходит некоторое запаздывание существования амфор типа D (с тем набором признаков, который был очерчен Д.Б. Шеловым и конкретизирован А.П. Абрамовым): они синхронны вещам, характерным для первой фазы черняхова по Е.Л. Гороховскому (фибулам группы VII О. Альмгрена, ранним типам составных гребней), которая датируется второй третью – третьей четвертью III в. В некоторых комплексах обломки амфор типов D и F найдены вместе [Обломский, 1999], т.е. до конца III в. D все же доживают.

Позже известны амфоры, по форме близкие типу D, но отличающиеся от них некоторыми деталями. Примером такого сосуда может служить амфора из погр. 86 черняховского могильника Оселивка, которая найдена вместе со стеклянным кубком типа Эггерс-228. О.А. Гей и И.А. Бажан относят это захоронение к третьему периоду черняховской культуры, который датируется 310/320 – 350/355 гг. [Гей, Бажан, 1997, табл. 68: 6]. В отличие от «классических D» экземпляр из Оселивки более вытянутый, имеет другой профиль венчика, сплошное, а не кольцевидное дно, почти круглые в сечении ручки, а не плоские с 1-2-мя выделенными валиками, и т.д. [Никитина, 1995, с. 84-86]. Близкие сосуду из Оселивки амфоры известны в донских степях, например в Новосадковском курганном могильнике [Ильюков, 1985], где они также существуют достаточно долго – едва ли не до гуннского времени[16]. Относятся ли экземпляры из Оселивки и донские сосуды к одному и тому же типу, или они представляют собой две самостоятельные более поздние разновидности «танаисских» амфор – покажет специальное исследование. В любом случае, они отличаются от D Д.Б. Шелова и представляют собой особое типологическое явление. Ручки амфор из построек 1 и 19 Журавки по профилю вполне характерны для классической танаисской серии и должны датироваться не позднее, чем концом III в.

Стеклянная посуда

На поселении представлена мелкими обломками и, как правило, типологически не определима (рис. 66: 10; 69: 3-14). На одном из фрагментов различим налеп-капля из синего стекла (рис. 69: 12). В зависимости от формы подобные сосуды датируются по-разному, но начало их массового использования относится к концу IV в., а не к догуннскому периоду, как предполагала Н.П. Сорокина [Гавритухин, 2000, с. 269-273; Гавритухин, Обломский, 2007, с. 11-13].

Украшения

Фибулы

В слое поселения обнаружено 18 фибул позднеримского времени, 17 из которых поддаются типологическому определению, и одна раннесредневековая. 16 фибул относятся к группе прогнутых подвязных (XI),подгруппе 2 по классификации Е.Л. Гороховского. Эти фибулы наиболее типичны для черняховских памятников (Е.Л. Гороховский прямо называет эту подгруппу «черняховской»)[17]. Изделия принадлежат вариантам А1 (1 экз.) (рис. 65: 6), А1 или 2 без конкретизации (1 экз.) (рис. 65: 7), А3 (1 экз.) (рис. 65: 8), Б1 (4 экз.) (рис. 65: 2, 9, 10, 11), Б2 (4 экз.) (рис. 65: 3, 4, 12, 13), Б1 или 2 без уточнения (3 экз.) (рис. 65: 14, 16, 17), Б3 (2 экз.) (рис. 65: 5, 18). Ещё одна фибула относится к подгруппе двучленных воинских, варианту А3 (рис. 65: 19).

Еще 5 фибул связаны с сооружениями. В заполнении постройки 21, откуда кроме керамики происходят обломок костяного гребня, кольцо от железной пряжки, найдены две фибулы – бронзовая и железная. Типологически определима лишь бронзовая (рис. 32: 5). Она относится к варианту А1 прогнутых подвязных. Три сцепленные вместе бронзовые фибулы варианта Б1 (рис. 14: 1-4) обнаружены на уровне древней поверхности, на которой находилось скопление обмазки и керамики, перекрывающее постройку 7. Соответственно, землянка относится к более раннему времени.

Детали поясной гарнитуры

Кроме сильно корродированной пряжки из постройки 21, все прочие металлические детали поясного набора происходят из культурного слоя. Это три рамы пряжек и узкая треугольная обойма, одна целая пряжка с обоймой, 2 бляшки или наконечника пояса в виде простых скругленных с одной стороны пластин: 2 сцепленных вместе железных язычка (рис. 65: 1; 66: 1-4).

Все пряжки из слоя Журавки включены Е.Л. Гороховским в подгруппу 1/2 класса В, из них серии А принадлежит 1 экз. (рис. 66: 2), серии Г –

[16] Пользуясь случаем, приношу благодарность В.Ю. Малашеву за показанные мне аналогии.

[17] Определения фибул и пряжек даются по [Гороховский, 1988а, с. 247-346]. Сцепленные вместе фибулы из слоя над постройкой 7 Е.Л. Гороховским были ошибочно отнесены к варианту А1 или А2 по неправильному рисунку, помещенному в отчете Э.А. Сымоновича. На самом деле на фибулах имеются фасетки (признак серии Б).

1 экз. (рис. 66: 1), серии Е – 2 экз., причем один из них снабжен язычком варианта 3б (рис. 66: 3).

Гребни

Из слоя поселения происходят фрагменты пяти костяных гребней и двух железных. Из костяных определимы лишь три. Все они – трехчастные. По классификации Г.Ф. Никитиной, они относятся к типу II варианту 2 (1 экз.) (рис. 66: 5), к типу III вариантам 1 а (рис. 66: 6) и, возможно, 2 а (рис. 66: 7) [Никитина, 1969, с. 148-149].

Еще один обломок гребня найден в заполнении ямы 172 (рис. 66: 8). Судя по фрагменту, гребень был трехчастным с треугольной или трапецевидной спинкой и состоял из узких пластин. Из ямы и происходит такая пластина, которая была расположена на краю изделия и поэтому даёт представление о форме его спинки. По Г.Ф. Никитиной, подобные изделия относятся к типу I варианту 2 или 2а либо к типу II варианту 1.

Железный гребень с полностью сохранившейся спинкой происходит из культурного слоя в урочище Горобинец (рис. 75: 18), второй обломок найден на центральном раскопе в северной части памятника (рис. 66: 9).

Бусы

На памятнике найдено не менее двух десятков стеклянных бус и несколько вставок для перстней. К сожалению, в отчетах Э.А. Сымоновича цвет, прозрачность, размеры бус и детали их орнамента не описаны, поэтому в публикацию материалов поселения бусы не включены.

Прочие украшения

Из бронзы изготовлены простые проволочные браслет и кольцо. Непонятно назначение медной или бронзовой полоски с вырезами по краям. Все эти находки происходят из культурного слоя северной части селища.

* * *

В системе относительной хронологии черняховской культуры Е.Л. Гороховского прогнутые подвязные фибулы вариантов А1 и 2 характерны, в основном, для первой фазы (что не исключает возможности более длительного использования отдельных экземпляров), гребни типа II – для первой и второй фаз, фибулы типа А3 – для второй фазы. Украшенные фасетками застежки группы Б появляются: Б1 – во второй фазе, Б2 и 3 – в третьей. Начиная с нее, фибулы всех вариантов группы Б сосуществуют вплоть до финала черняхова. Аналогично фибулам вариантов Б2 и 3 датируются и пряжки серии Г. Пряжки серии Е для черняховской культуры являются одними из самых поздних и существуют, в основном, на ее пятой заключительной фазе. Гуннским временем датируются пряжки с овальной рамой, которая практически полностью охватывается концом язычка, имеющего уступ с тыльной стороны (рис. 66: 3). К четвертой – пятой фазам относятся гребни типа III, причем экземпляры варианта 1а – наиболее поздние из них. Воинские фибулы варианта А3 появляются в третьей фазе, но, в основном, датируются более поздним временем. Пряжки с рамами серии А использовались в течение всего периода существования черняховской культуры. Определить более точно хронологическую позицию экземпляра из слоя Журавки не позволяет отсутствие язычка [Гороховский, 1988б].

Железные гребешки из Журавки М.Е. Левада относит: фрагментированный – к типу III, целый к варианту 5 того же типа. Основной период использования железных гребней он относит к середине – второй половине III – IV вв. [Левада, 1999, с. 113, 118].

Датирующие вещи из Журавки свидетельствуют, что поселение существовало достаточно долго: от времени возникновения черняховской культуры до ее финала, т.е. до раннегуннского периода.

Амулеты

Представляют собой подвески из костей различных животных с просверленными в них отверстиями. Из слоя северной части селища происходят амулеты из трубчатых костей птиц (2 экз.) (рис. 74: 36, 37), из челюсти куницы (рис. 74: 59), кости петуха (рис. 74: 52) и клыков каких-то хищных животных (две) (рис. 74: 34, 35). Аналогичная подвеска из клыка обнаружена в постройке 32 (рис. 45: 3), а еще один амулет из трубчатой кости птицы – в яме 205 (рис. 69: 19). В описании ямы 317 упоминается находка ожерелья из просверленных клыков и косточек.

Инструментарий

Представлен множеством предметов разнообразного назначения – от ремесленного до сельскохозяйственного. Не все эти вещи достоверно относятся к черняховскому горизонту памятника, не исключена принадлежность части из них раннесредневековому периоду. Для удобства описания эта категория находок разбита на группы по материалу, из которого изготовлены орудия труда и предметы быта.

Изделия из камня

Из камня сделаны разнообразные точила. Их всего обнаружено 54 (целых и фрагментированных). 50 из них происходят из культурного слоя

раскопов, расположенных в северной части селища, 2 – из урочища Горобинец (рис. 75: 7, 11), по одному – из постройки 15 (рис. 26: 1) и ямы 297. Как правило, они представляют собой бруски, близкие к параллелепипедным, но встречаются и куски камня неправильной формы с одной или несколькими гранями, зашлифованными в процессе работы.

На участке 76 Н обнаружена ручная мельница, находившаяся около открытого очага. Она состояла из двух жерновов, лежащих друг на друге. Оба они имели диаметр 46 см и круглые сквозные отверстия диаметром около 6 см. Нижний жернов был более массивным: его толщина составляла около 16 см, толщина верхнего была не более 12 см (рис. 67: 15, 16).

Из культурного слоя северного участка селища происходят 2 круглых камня-терочника диаметром 5-7 см. Не исключено, правда, что эти предметы относятся к скифскому времени. В постройке 27 (мастерской гончара) обнаружены 4 камня-лощила, изготовленные из кремневой гальки с заполированными краями [Бобринский, 1991, с. 61], а также более массивное, чем они, галечное орудие для нанесения каких-то ударов (рис. 39: 1-5).

Из мергеля сделано высокое биконическое пряслице (культурный слой северной части поселения) (рис. 71: 17).

Изделия из глины

Из глины изготовлены типичные для всех поселений черняховской культуры слабо обожженные грузила для ткацких станков. Как ни странно, в Журавке их гораздо меньше, чем можно было бы ожидать на столь большой вскрытой площади. Среди грузил преобладают лепешковидные – 12 экз. (из них – 3 целых). 10 происходят из культурного слоя северной части селища (рис. 68: 1-8; 69: 1, 2), 1 – из урочища Горобинец (рис. 75: 8), 1 – из постройки 21. На втором месте находятся пирамидальные грузила (10 экз., все – фрагментированные), 6 из них найдены в культурном слое северной части селища (рис. 68: 9-13), по одному – в постройке 7, яме 227 (рис. 69: 18), скоплениях обмазки над землянками 7 (рис. 14: 5) и 23 (рис. 35: 8). Обломок конического грузила происходит из второго слоя заполнения постройки 1 (рис. 6: 3).

В Журавке обнаружено множество глиняных пряслиц, которые по форме делятся на несколько групп. В качестве основы использована типология, которая опубликована в [Обломский, 1991, с. 53, 104-107].

Тип 1. Пряслица из стенок сосудов (4 экз., из них – 3 целых). Все они происходят с северного участка селища (рис. 71: 3, 12, 14; 72: 21).

Тип 2. Лепешковидные пряслица (15 экз. из них – 8 целых). Горобинец – 1 экз. (рис. 75: 9), слой северной части поселения – 13 экз. (рис. 70: 2, 4, 6, 15, 25, 27; 71: 1, 2, 4, 5, 9; 72: 22, 23), постройка 29 – 1 экз. (рис. 42: 2).

Тип 3. Шаровидные пряслица (4 экз., из них – 2 целых). Все они найдены на северном участке селища в культурном слое (рис. 70: 22, 24; 71: 23; 72: 15).

Тип 4. Боченковидные пряслица (5 экз., из них – 3 целых). Слой северной части селища – 4 экз. (рис. 70: 14, 17; 71: 15; 72: 10), постройка 29 – 1 экз. (рис. 42: 3). Одно из пряслиц имеет рельефную орнаментацию в виде четырех налепных валиков, расчлененных насечками. 2 валика помещены в центральной части изделия, по одному – на каждом из оснований (рис. 71: 19).

Тип 5. Низкие биконические пряслица (7 экз., из них – 6 целых). Все найдены в слое северной части поселения (рис. 70: 12, 18, 19; 71: 7; 72: 14, 16, 17)

Тип 6, вариант 1. Биконические пряслица средней высоты с наибольшим расширением по середине. Большинство имеет воронкообразные основания (44 экз., из них – 18 целых). Горобинец – 3 зкз. (рис. 75: 10, 13, 16), слой северной части селища – 32 экз. (рис. 70: 3, 7-12, 20, 26; 71: 8, 10, 11, 20-22; 72: 1-9, 12-14, 16-19), постройка 17 – 3 экз. (рис. 28: 1, 2, 4), постройки 7, 8, 14, 32 – по одному (рис. 17: 8; 18: 2; 25: 1; 45: 8). Одно из пряслиц орнаментировано сложной композицией из наколов и точек, другое – зигзагами, 10 имеет рельефную орнаментацию. Последняя представляет собой либо косые канелюры в месте наибольшего расширения корпуса, либо грани в верхней и нижней частях изделия. В плане пряслице в этом случае приобретает форму многоугольника.

Тип 6, вариант 2. По форме аналогично предыдущим, но имеет наибольшее расширение в нижней части (1 экз.). Происходит из урочища Горобинец (рис. 75: 14).

Тип 7. Высокие биконические пряслица (8 экз., из них 5 целых). Горобинец – 1 экз. (рис. 75: 15), слой северной части памятника – 5 экз. (рис. 70: 1, 16, 21; 71: 17, 18), постройки 8 и 17 – по одному (рис.18: 1; 28: 3).

Тип 10. Пряслица средней высоты с плоской полосой на месте наибольшего расширения (3 экз., все – целые). Горобинец – 1 экз. (рис. 75: 12), слой северной части селища – 1 экз. (рис. 72: 11), постройка 25 – 1 экз. (рис. 37: 9). Последнее имеет сильные прогибы стенок выше и ниже полосы.

Тип 11. Грибовидное пряслице (1 экз.). Происходит из слоя северного участка памятника (рис. 70: 13). Не исключено, что относится к скифскому времени.

Подавляющее большинство пряслиц имеет лощеную поверхность и лишь немногие – шероховатую.

В культурном слое северной части поселения встречено 5 глиняных кружочков диаметром до

3 см, которые, возможно, служили фишками для игр (рис. 70: 28-30; 72: 24). Один из них изготовлен из стенки лепного сосуда. Из глины сделана также шаровидная бусина диаметром около 1 см (рис. 72: 25) и льячка с полой втулкой для вставки ручки (рис. 72: 26).

Изделия из железа

Наиболее многочисленны ножи и пробойники. Ножей обнаружено 25 экз. (из них 7 целых: Горобинец – 2 экз. – рис. 75: 4, 5, прочие – слой северной части селища – рис. 73: 1-21, 24, 26). Типологически определимые представляют собой изделия с прямой или слегка изогнутой спинкой и уступами сверху и снизу у черешка (12 экз.) (рис. 73: 1, 4, 6, 8, 11, 14, 15-18, 24; 75: 5) с прямой спинкой и уступом в верхней части (4 экз.) (рис. 73: 3, 12, 26). Своеобразен нож с листовидным односторонним лезвием и длинной круглой в сечении рукоятью (рис. 73: 7). Не исключено, что он представляет собой хирургический инструмент вроде скальпеля.

Целых и фрагментированных пробойников (возможно, часть из них представляла собой шилья) найдено 28 (27 – в слое северной части поселения и один – в яме 203) (рис. 69: 16; 73: 22, 23; 74: 1, 3-11, 13, 15-19, 21-24, 26-29). Все они представляют собой различные по размерам многогранные в сечении стержни с одним или двумя заостренными концами.

На поселении обнаружено 5 целых и фрагментированных игл или булавок (2 экз. в урочище Горобинец – рис. 75: 3, 2 экз. в слое северной части селища – рис. 74: 2, 12, 1 экз. – в постройке 17 – рис. 28: 5).

Земледельческие орудия представлены тремя обломками рабочих частей наральников (рис. 67: 1-3) и серпом (рис. 67: 6), инструменты для обработки дерева – долотом (рис. 73: 25) и двумя теслами (втульчатым и черешковым) (рис. 67: 8, 9). Все эти предметы происходят из культурного слоя северной части памятника. Кроме того, здесь же найдены крючок (возможно, рыболовный) (рис. 67: 13), маленький ухватик, вероятно, предназначенный для вынимания из очага тигля с расплавленной бронзой (рис. 67: 12), подтреугольная пластина, которую Э.А. Сымонович интерпретирует как кресало (рис. 67: 10), несколько кованых гвоздей (рис. 67: 11), втульчатая пешня (рис. 67: 7).

Изделия из кости

Одним из занятий жителей поселения было косторезное ремесло, о чем свидетельствуют находки 9 фрагментов рогов и плотных костей со следами спилов (6 происходят из слоя северной части селища, по одному – из построек 1 и 19 и из ямы в землянке 23) (рис. 6: 4; 30: 2; 35: 7). Орудий труда из кости очень много, но они достаточно однообразны и представлены несколькими основными категориями.

Многочисленны тупики (орудия, служащие для того, чтобы счищать мездру со шкуры). Они представляют собой ребра животных со следами сработанности. Их всего 26. 20 из них обнаружены в слое северной части поселения, по одному – в постройках 1, 27, 29, 32, 33 и яме 205 (рис. 39: 6; 42: 4; 45: 5; 46: 2; 69: 20).

Для разглаживания кож служили костяные коньки – утюжки из плотных костей животных. Обломок одного такого изделия найден в слое северной части селища (рис. 74: 58).

Из трубчатых костей изготавливались массивные проколки. Их найдено всего 4 (слой северной части памятника – 2, яма 205 – 1, постройка 32 – 1; рис. 45: 6; 69:21).

Самой многочисленной категорией орудий труда являются полированные шилья, круглые в сечении и заостренные с двух концов. Их найдено 23 (из них – 12 экз. целых), 2 экз. происходят из урочища Горобинец (рис. 75: 1,2), 16 – из слоя северного участка селища (рис. 74: 30-32, 38-42, 45-50, 53, 54), 2 – из землянки 23 (рис. 35: 1, 2), 1 – из постройки 32 (рис. 45: 4).

Обнаружено также 5 (из них 3 целых) игл или булавок (4 экз. – в слое северной части поселения: рис. 74: 33, 43, 44, 51), 2 экз. – в постройке 23: рис. 35: 3, 4). Они изготовлены из тонких костей, имеют характерное расширение в верхней части, в трех случаях снабженное отверстием.

Кроме того, из кости изготовлены 2 полированые трубочки-игольника (одна – из слоя, другая – из ямы 223) (рис. 69: 17; 74: 55), 3 целых и 2 фрагментированных накладки (одна из них представляет собой рукоятку ножа), в трех случаях украшенные циркульным орнаментом (рис. 66: 11; 74: 56, 57, 60, 61).

* * *

Набор орудий труда и предметов быта из Журавки типичен для черняховской культуры по всей территории ее распространения: от Подунавья до Днепровского Левобережья [Магомедов, 1990, с. 162-166; Сымонович, 1993, с. 145-146].

Инструментарий и находки костей животных свидельствуют о том, что хозяйство жителей поселения было многофункциональным. Они занимались пашенным земледелием, придомным скотоводством (в составе стада преобладал крупный рогатый скот), в меньшей степени охотой. Из домашних промыслов зафиксированы ткачество, обработка шкур и кож, косторезное и бронзолитейное ремесла. Специализированным было гончарное производство, о чем свидетельствуют мастерская по изготовлению сосудов и 2 горна для их обжига.

Оружие

Представлено двумя втульчатыми наконечниками копий, которые происходят из северной части селища (один найден в культурном слое: рис. 67: 5; другой – на поверхности поселения: рис. 67: 4) и проушным топориком (рис. 35: 6). Типологическое определение этих изделий и аналогии см. в статье Б.В. Магомедова и М.Е. Левады [Магомедов, Левада, 1996, с. 314].

Хронология объектов и планиграфия

В полевом отчёте за 1959 г. Э.А. Сымонович отметил, что постройки и хозяйственные ямы Журавского селища не могут быть одновременны, т.к. в их заполнении наблюдается различное соотношение лепной и гончарной черняховской керамики (см. табл. 3). В соответствии с этим принципом все объекты позднеримского времени можно условно разделить на 4 группы: со средним содержанием лепной керамики от 95 до 76%(первая), от 75 до 51 % (вторая), от 50 до 26% (третья) и от 25% до 0 (четвертая). К первой группе относятся постройки 7 (95%), 17 (92,5%), 16 (87,5%), 9 (87%), 1 (86%), 19 (84,5%), 15 (83,7%), 30 (83%), 3 (82,5%), западина у очага на кв. 76 Н (86%), ко второй – землянки 31 (69,7%), 29 (60%), 21 (55,7%), 8 (54%), яма 79 (56%), к третьей – постройки 6 (45,7%), 20 (35%), 22 (26%), к четвертой – 13 (17%), 32 (13%), 23 (8,3%) 2 (6,7%), 5 (5%), 25 (4,6%), 11 (3%), 4, 27, 33, сооружение перед гончарным горном 2, яма 41 (0%), ямы 205 (11%) и 172 (7%).

С объектами первой группы связаны самые ранние для черняховской культуры датирующие вещи (фрагменты амфор типа Зеест-75 из заполнения простройки 9 и с пола постройки 15, обломки ручек светлоглиняных амфор типа D из заполнения землянок 1 и 19). Постройку 7, которая относится к первой группе, перекрывает горизонт скопления обмазки и керамики, с которым связаны три сцепленные вместе прогнутые подвязные фибулы варианта Б1. По Е.Л. Гороховскому, они появляются на второй фазе черняховской культуры, но существуют и позже. Соответственно, постройка, которая по стратиграфии является более ранней, датируется, вероятнее всего, первой или второй фазами.

Хронологический репер при датировании построек второй группы представляет собой бронзовая фибула из заполнения постройки 21, которая относится к варианту А1 прогнутых подвязных и, следовательно, тоже датируется преимущественно первой фазой черняховской культуры.

В сооружениях третьей группы вещи, имеющие узкий период использования, не обнаружены. Из объектов четвёртой группы происходят обломки амфор типа F (ручки из горизонтов 2 построек 4 и 11 и горло из ямы 41) конца III – начала V в. и фрагмент гребня типа I варианта 2 или 2а, либо типа II варианта 1 из ямы 172. По Е.Л. Гороховскому, гребни этих типов и вариантов существуют в первой (вторая треть – третья четверть III в.) и второй (последняя треть III – первая треть IV в.) фазах черняхова, но переживают и на третьей (вторая – третья четверть IV в.) [Гороховский, 1988а, с. 164-166].

Учитывая хронологические индикаторы из объектов, наиболее вероятно, что сооружения с преобладанием лепной керамики (группы 1 и 2) относятся к первой фазе черняховской культуры, а постройки и ямы с абсолютным господством гончарной посуды в заполнении (четвертая группа) – ко второй фазе и более позднему времени. Намеченное Э.А. Сымоновичем разделение объектов поселения по составу их заполнения, таким образом, имеет хронологический смысл.

С учетом относительной хронологии объектов рассмотрим планиграфию Журавки. Информативна в этом отношении лишь центральная часть поселения, где исследована большая сплошная площадь. В ее пределах расположены постройки 1-26, множество хозяйственных ям и выносных очагов. Ниже не рассматриваются постройки 14 и 20, содержащие настолько мало материала, что связать его с каким-то определенным культурно-хронологическим комплексом не представляется возможным. По этой же причине не атрибутированы большинство ям и все выносные очаги.

Наиболее ранние объекты в центральной части памятника (с лепной керамикой в количестве 95-76%) составляют 2 группы в северо-западной и юго-восточной частях раскопа (рис. 76). К первой из них относятся 2 жилища (постройки 1 «жилая часть» и «западина с очагом на кв. 76-Н») и 2 хозяйственных сооружения (землянки 1 «сени» и 7), ко второй – также 2 жилища (16 и 17) и 2 хозяйственных постройки (15 и 19). Все перечисленные выше постройки содержат керамику киевского комплекса.

Наиболее раннее вельбарское сооружение (хозяйственная постройка 3, содержащая в заполнении 82,5% лепной керамики в среднем) находится в центральной части раскопа. Не исключено, что к вельбарской группе объектов относятся еще и землянка 9 с обломками ранней красноглиняной амфоры в заполнении, лепной керамикой в количестве 87%, но невыразительной для аттрибуции, и овальная в плане со столбовыми ямами по периметру (как более позднее вельбарское жилище 21) постройка 14, из которой происходит слишком мало материала для точного культурно-хронологического определения. Так или иначе, но самые ранние сооружения с близкой киевской и вельбарской керамикой планиграфически отделены друг от друга.

Та же самая картина наблюдается и позже. Все вельбарские объекты, лепная керамика в заполнении которых составляет чуть больше половины, расположены цепочкой в северной части центрального раскопа (жилище 21, хозяйственные постройки «яма 79» и 8). Последняя «вклинивается» в более раннюю группу сооружений с киевским керамическим комплексом. Этот факт свидетельствует в пользу того, что к моменту возникновения объектов «северной вельбарской цепочки» ранняя северо-западная группа построек уже перестала существовать. В Журавке известны 2 постройки с содержанием лепной посуды, подобной киевской, в количестве 60 и 69,7% (29 и 31), но они находятся на других участках памятника. Аналогичная лепная керамика, но составляющая чуть меньше 50%, обнаружена лишь в одном объекте центрального раскопа – постройке 6, которая расположена в его юго-западном углу, т.е. в противоположной стороне от вельбарских сооружений. Вероятно, на этом же этапе существования памятника начинает функционировать вельбарский поселок в урочище Горобинец, поскольку на этом участке Журавского селища в нижних слоях раскопов лепная керамика составляет в среднем около 50% от всех обломков сосудов, а почти вся она – вельбарская по происхождению.

Сооружения с резким преобладанием гончарной посуды (не менее 70%) концентрируются в северо-восточной части центральной исследованной площади. Четыре из них (2, 4, 11 «жилая часть», 13) представляют собой жилища, прочие (11 «сени», 22, 23, 25) – хозяйственные постройки. Особыми значками на рис. 76 отмечены ямы, из заполнения которых происходит в основном гончарная керамика. На плане они занимают участок, охватывающий дугой с востока, севера и запада зону, где концентрируются синхронные им постройки. Вне этой системы расположен «длинный дом» без очагов, который, по всей видимости, не был жилым, а имел другую, возможно, ритуальную функцию. Он находится на юго-западной оконечности раскопа.

Планиграфия центральной части памятника показывает, что структура поселка несколько раз менялась. Если учесть, что первая и вторая хронологические группы сооружений (с содержанием лепной керамики 95-76 и 75-51%) вместе синхронны первой фазе черняховской культуры, которая, по Е.Л. Гороховскому, существовала около 40 лет, то каждая из них охватывает период не более 20 лет в среднем. На протяжении римского времени памятник перепланировался, по крайней мере, три раза. На каждом из двух его ранних этапов (разумеется, в рамках хронологического периода) сосуществовали группы построек с вельбарской и киевской лепной керамикой, причем располагались они изолированно друг от друга. Сам же поселок в это время, видимо, имел планировку, близкую хуторной.

Как уже указывалось выше, во второй фазе черняховской культуры и позже лепная керамика на поселении Журавка почти полностью вытесняется гончарной. По этой причине достаточно трудно определить, какие этнические группы составили население поселка на позднем этапе его существования. Тем не менее некоторые наблюдения в этом отношении всё же можно сделать.

Совершенно очевидно, что часть «позднего» населения Журавки была вельбарской по происхождению. Об этом свидетельствуют материалы хозяйственной постройки 22, в заполнении которой гончарная керамика составляет 74% в среднем, а лепная относится к вельбарскому набору (рис. 34: 1, 3, 4). Два сильнопрофилированных округлобоких горшка из землянки 2 имеют параллели в киевском керамическом комплексе, однако ярко выраженной лепной посуды киевского круга в объектах с резким преобладанием гончарной керамики нет. Тем не менее некоторые выводы позволяет сделать конструкция построек. Все 4 поздних жилища Журавки (2, 4, 11 «жилая часть», 13) имеют прямоугольную форму и столбы по периметру котлована. Три последних отапливались открытыми очагами, которые в двух случаях находились в центре постройки, там же, где и ямы от столбов, служивших опорой кровли. Подобная планировка жилища не характерна для вельбарской культуры, но зато весьма типична для киевской по всей территории распространения ее древностей. Аналогичную конструкцию стен и яму от столба в центре помещения имеет постройка 11 «сени» без отопительного сооружения. Весьма показательно и то, что в жилище 2 находилась печь-камин – характерный тип отопительного сооружения для построек Журавки, содержавших лепную керамику киевского круга. В период массового распространения в Среднем Поднепровье гончарной керамики население Журавки, таким образом, состояло, как и до этого, из потомков вельбарских племен (очевидно, германцев по происхождению) и какой-то протославянской (точнее, протоантской) группировки.

История Журавского поселения в позднеримское время выглядит следующим образом. Первоначально в его северной части возник поселок, состоявший, как минимум, из трех хуторов, на двух из которых проживали семьи протославянского происхождения, а на третьем – германского. Гончарной керамики в этот период в быту использовалось крайне мало. Очевидно, она представляла собой импорт. С течением времени ее количество нарастало. На позднем этапе существования поселения она фактически вытеснила лепную посуду, что, очевидно, связано с функци-

онированием на поселении собственных гончарных мастерских. Несмотря на то, что структура поселения несколько раз менялась, а на второй фазе его существования возник отдельный поселок в ур. Горобинец, населенный преимущественно германцами, присутствие протославянских по происхождению и германских семей в общине Журавки сохранялось до ее финала.

Журавка находится практически на водоразделе Днепра и Южного Буга. Основной ареал среднеднепровского варианта киевской культуры расположен северо-восточнее: в Среднем Поднепровье до впадения в Днепр р. Рось [Терпиловский, Абашина, 1992, рис. 1]. Памятники типа Черепин-Демьянов, лепной посуде которых в некоторой степени близок комплекс протославянской керамики из Журавки, локализуются в Верхнем и Среднем Поднестровье [Баран, 1981], вельбарская культура имеет центральноевропейское происхождение. Таким образом, община Журавки практически полностью состояла из переселенцев. Появление ее следует связывать с начавшейся на первой фазе черняховской культуры колонизацией водораздела Днепра и Южного Буга. Позволю себе высказать предположение, что именно миграционные процессы, приведшие к образованию полиэтничных общин, и являются основным признаком формирования черняховского социума, власть которого ликвидировала барьеры для перемещения небольших коллективов и даже отдельных семей за пределы существовавших в поздней первобытности племенных территорий.

Положение о полиэтничности населения черняховской культуры в трудах многих исследователей стало общим местом. Материалы Журавского селища позволяют проследить конкретный механизм, каким образом из нескольких различных по происхождению семей формировалась единая община. Необходимо отметить, что модель контактов протославянского и германского населения в черняхове, прослеженная в Журавке – не единственная из известных. На поселении Глеваха зафиксированы 2 этапа заселения: более ранний – киевский и более поздний – черняховский с вельбарскими традициями керамического комплекса, т.е. в Глевахе протославянское население сменяется германским [Терпиловский, 1988]. Лепная керамика, близкая киевской, наряду с вельбарской, имеется в коллекциях многих черняховских поселений: в знаменитой Лепесовке, Новолиповском, Жуковцах и на ряде других. К сожалению, все они плохо документированы, поэтому ответить на вопрос, одновременна ли посуда различного происхождения на этих памятниках, невозможно. Для того, чтобы установить, какая из моделей взаимоотношений киевского и вельбарского населения в Среднем Поднепровье типична для этого региона, необходимы новые раскопки.

Таблица 1. Ямы поселения Журавка Ольшанская.

№	Диаметр или размеры (в м)	Глубина (в м)	Находки					Примечания
			Лепная керамика	Грубая гончарная керамика	Лощеная гончарная керамика	Амфоры	Кости	
1	1,34	0,4	12	30	4	0	17	
2	1,18	0,6	6	57	4	2	99	
3\1	1,64 x 1,48	0,72	4	109	9	4	46	3\1 и 3\2 – сдвоенные ямы (т.е. два соприкасающихся объекта)
3\2	1,82							
4	1,96	1,15	7	52	11	1	60	
5	0,94	0,21	0	1	0	0	0	
6	1,14 x 1,32	0,65	0	0	0	0	0	заполнена зеленоватой глиной (сырье для гончарного производства?)
7	0,3	0,2	0	0	0	0	0	
8	0,54	0,16	0	0	0	0	0	
9	2,0	0,3	7	0	1	0	2	
10	0,9	0,31	0	0	0	0	0	
11	1,24	0,29	1	1	0	0	0	
12	1,03	0,35	1	2	2	0	0	
13	0,64	0,27	0	0	0	0	0	
14	0,65	0,25	0	0	0	0	0	
15	0,44	0,16	0	0	0	0	0	
16	0,42	0,10	0	0	0	0	0	
17	1,09 x 0,94	0,17	2	5	0	0	0	
18	0,57	0,5	0	0	0	0	0	

Таблица 1. Ямы поселения Журавка Ольшанская (продолжение).

№	Диаметр или размеры (в м)	Глубина (в м)	Находки					Примечания
			Лепная керамика	Грубая гончарная керамика	Лощеная гончарная керамика	Амфоры	Кости	
19	1,39 x 1,17	0,2	3	1	0	0	0	перерезана ямой 20, из заполнения кроме керамики римского времени происходят глиняное пряслице и венчик подгорцевского сосуда
20	1,42 x 1,23	0,23-0,4	2	3	0	0	0	
21	0,5	0,16	0	0	0	0	0	
22	0,9 x 0,8	0,35	1	0	0	0	1	
23	0,43	0,11	0	0	0	0	0	венчик лепного сосуда имеет жемчужный орнамент
24	0,5	0,39	0	0	0	0	0	
25	0,43	0,15	0	0	0	0	0	
26	0,47	0,19	0	0	0	0	0	
27	1,35	0,19	0	0	0	0	0	
28	0,45	0,19	0	0	0	0	0	
29	0,98	0,27	0	0	0	0	0	
30	1,26	1,0	1	117	29	1	61	
31	1,25 x 1,15	0,18	1	0	1	0	0	
32	1,22 x 1,03	?	0	0	0	0	0	
33	1,05	0,16	0	0	0	0	0	
34	0,9 x 0,61	0,23	0	0	0	0	0	
35	1,9 x 1,71	0,4	1	4	4	1	7	
36	0,93	0,26	0	0	0	0	0	ручка светлоглиняной амфоры типа F
37	0,89	0,22	1	0	3	0	3	
38	0,67	0,18	0	0	0	0	0	
39	0,6	0,23	0	0	0	0	1	
40	1,13 x 0,88	0,5	0	1	0	0	1	
41	1,63 x 1,31	0,72	0	46	4	2	30	
42	0,93	0,46	1	9	1	0	2	горло светлоглиняной амфоры типа F
43	0,73	0,25	0	0	0	0	0	
44	1,13	1,57	1	37	5	0	23	
45	0,43	0,35	0	0	0	0	0	
46	0,53	0,26	0	0	0	0	0	
47	0,35	0,47	0	0	0	0	0	
48	0,42	0,15	0	0	0	0	0	
49	0,61	0,23	0	0	0	0	0	
50	1,72	1,15	28	5	2	0	18	
51	0,68	1,0	12	8	1	0	7	лепная керамика - эпохи бронзы и скифского времени
52	1,02	0,33	0	0	0	0	0	
53	1,37	0,35	0	0	0	0	1	
54	0,48	0,18	0	0	0	0	0	
55	0,28	0,15	0	0	0	0	0	
56	0,4	0,21	0	0	0	0	0	
57	0,45	0,12	0	0	0	0	0	
58	0,45	0,2	0	0	0	0	0	
60	0,68	0,23	0	0	0	0	0	
61	0,33	0,17	0	0	0	0	0	
62	1,47	0,19	12	2	0	0	44	
63	0,59	0,19	0	0	0	0	0	
64	0,55	0,32	0	1	0	0	0	
65	0,71	0,25	0	0	0	0	0	
66	0,4	0,24	0	0	0	0	0	

Таблица 1. Ямы поселения Журавка Ольшанская (продолжение).

№	Диаметр или размеры (в м)	Глубина (в м)	Находки					Примечания
			Лепная керамика	Грубая гончарная керамика	Лощеная гончарная керамика	Амфоры	Кости	
67	0,49	0,3	0	0	0	0	0	
68	0,37	0,4	0	0	0	0	0	
69	0,31	0,22	0	0	0	0	0	
70	1,84 x 1,22	0,24	1	0	0	0	7	
71	1,16	0,2-0,9	29	1	0	0	0	прямоугольная в плане
72	0,6	0,3	0	0	0	0	0	лепная керамика – скифского времени
73	0,43	0,27	0	0	0	0	0	
74	1,93 x 1,66	0,42	5	4	0	0	8	
75	0,83	0,2	0	0	0	0	0	
76	1,02	0,28	0	2	0	1	61	
77	1,09	0,22	1	4	0	0	2	
78	0,59	0,16	0	0	0	0	0	
80	1,97 x 1,72	0,2	0	2	0	0	4	в заполнении – глиняное пряслице
81	?	0,28	0	0	0	0	0	
82	0,53	0,2	0	0	0	0	0	
83	1,2	0,4	2	0	0	0	1	
84	1,21	0,43	1	0	0	0	1	пересекается ямой 84
85	1,42 x 1,16	0,55	85	0	0	0	7	
86	0,37	0,7	0	0	0	0	0	лепная керамика – скифского времени
87	0,75	0,45	0	0	0	0	0	
88	0,27	0,23	0	0	0	0	0	
89	1,03 x 0,7	0,27	0	0	0	0	0	
90	1,2	0,76	0	4	0	0	0	
91	0,52	0,3	0	0	0	0	0	
92	0,47	0,35	0	0	0	0	0	
93	1,75	0,75						
94	1,92	1,2	0	42	4	0	53	ямы 93 и 94 накладываются друг на друга. Находки подсчитаны суммарно из обеих
95	1,01 x 0,93	1,0	4	5	1	0	5	
96	0,92	0,11	0	1	0	0	0	из заполнения происходит фрагмент глиняного граненого пряслица
97	0,64	0,14	0	0	0	0	0	
98	0,75	0,32	0	0	0	0	0	
99	0,8	0,25	0	0	0	0	0	в заполнении ямы – скопление камней
101	0,97	0,45	0	0	0	0	2	
102	1,63 x 1,48	0,2	0	0	0	0	0	
103	0,56	0,25	0	0	0	0	0	
104	0,48	0,47	0	0	0	0	2	
105	0,84 x 0,73	?	0	0	0	0	0	
106	1,48	0,38	1	0	0	0	0	
107	1,25	0,75	2	9	2	0	10	
108	0,66	0,4	0	0	0	0	0	
109	0,72	0,26	0	0	0	0	0	
110	0,98 x 0,76	0,33	0	0	0	0	0	
111	1,13 x 1,0	0,25	0	0	0	0	0	
112	0,78	0,37	0	3	0	0	0	
113	0,73	0,2	0	0	0	0	0	
114	0,84 x 0,66	0,2	0	0	0	0	0	
115	1,4	0,63	1	7	0	4	2	
116	1,43	0,73	6	0	0	0	0	

Таблица 1. Ямы поселения Журавка Ольшанская (продолжение).

№	Диаметр или размеры (в м)	Глубина (в м)	Находки					Примечания
			Лепная керамика	Грубая гончарная керамика	Лощеная гончарная керамика	Амфоры	Кости	
117	1,02	0,4	2	0	1	0	0	среди лепной керамики есть черепки скифских сосудов
118	1,4	0,65	3	0	0	0	2	
119	2,05	0,22	0	2	0	0	1	в верхней части заполнения – обожженная глиняная обмазка
x	0,9 x 0,73	0,5-0,8	0	1	0	0		
121	1,06	0,37	0	0	0	0	+	
122	1,14	0,5	1	1	0	0	2	
123	1,46	1,15	1	3	0	0	5	
124	0,92 x 0,78	0,25	0	0	0	0	+	
125	1,04	0,68	1	1	0	0	3	
126	2,7 x 2,28	0,45	2	1	0	0	3	
127	1,45	0,78	2	2	3	0	0	
128	0,84	0,4	0	0	0	0	1	наряду с керамикой римского времени – фрагмент скифской миски
129	1,05	0,56	0	4	0	0	1	
130	1,02	0,6	3	1	1	0	4	
131	1,25 x 1,03	0,47	2	9	1	0	4	один из венчиков лепных сосудов – скифский
132	1,56	0,37	3	0	0	0	1	
133	1,15	0,3	2	2	0	0	0	
134	1,0	0,65	2	1	0	0	7	из заполнения происходит фрагмент глиняного пряслица
135	1,16	0,45	0	x	0	0	1	из заполнения происходит фрагмент стенки стеклянного сосуда
136	0,94 x 0,76	0,35	0	0	0	0	0	
137	0,55	0,2	0	0	0	0	0	
138	0,54	0,3	0	0	0	0	0	
139	0,96	0,37	0	0	0	0	0	
140	1,52	0,45	0	0	0	0	0	
141	1,6	0,47	6	13	3	1	16	
142	1,46 x 1,21	0,37	0	0	0	0	0	ямы 140 и 141 накладываются друг на друга
143	1,62	0,67	9	6	0	0	11	
144	0,68	0,33	0	0	0	0	0	
145	1,22	1,1	2	6	0	0	10	
146	1,24	0,4	1	2	2	0	0	
147	0,92	0,4	3	17	0	0	24	
148	0,4	0,3	0	0	0	0	0	
149	1,96	0,35	3	8	3	4	0	
150	0,88	0,53	1	3	0	0	4	
151	0,87	0,6	1	1	0	0	3	
152	0,93	0,58	2	5	1	0	9	
153	1,07	0,38	1	2	0	0	3	
154	0,88	0,4	0	0	0	0	4	
155	1,85	0,7	15	7	0	2	9	
156	0,87	0,65	4	6	3	0	10	
157	1,12	0,23	0	4	0	0	3	
158	1,12	0,75	0	4	1	0	62	из заполнения происходит железный стержень

Таблица 1. Ямы поселения Журавка Ольшанская (продолжение).

№	Диаметр или размеры (в м)	Глубина (в м)	Находки					Примечания
			Лепная керамика	Грубая гончарная керамика	Лощеная гончарная керамика	Амфоры	Кости	
159	1,17	0,28	3	2	1	0	1	
160	1,07 x 0,86	?	1	0	0	0	1	
161	1,02	0,47	0	7	1	0	7	
162	1,08	0,47	4	3	0	1	4	
163	1,52 x 1,12	0,24	0	2	1	1	1	
164	1,03	0,37	2	0	0	0	1	
165	0,89	0,55	0	3	2	0	4	из заполнения происходит железный нож
166	0,52	0,83	2	2	0	0	4	
167	1,58	0,30	0	4	1	0	0	
168	0,78 x 0,6	0,4	0	0	0	0	0	
169	1,42	1,07	1	8	5	0	8	
170	2,23 x 1,75	?	1	2	3	0	+	
171	0,93	0,58	0	6	1	0	2	
172	1,6	0,85	1	31	19	1	70	
173	0,92	0,5	0	4	0	0	1	из заполнения происходит обломок костяного гребня
174	0,86	0,25	0	0	0	0	0	
175	1,7 x 1,5	1,25	0	15	0	0	21	
176	0,38	0,51	0	0	0	0	0	
177	0,81	0,27	0	0	0	0	0	
178	1,14 x 1,12	0,37	0	4	1	0	3	
179	1,47	0,47	13	0	0	0	2	
180	1,13	0,4	8	0	0	0	2	
181	0,54	0,45	0	0	0	0	0	лепная керамика – скифского времени
182	1,54	0,58	0	7	0	0	6	
183	1,01	0,18	0	0	0	0	0	
184	0,92 x 0,6	0,35	1	0	0	0	0	
185	2,07	1,65	4	67	11	2	63	из заполнения происходят стенка стеклянного сосуда, фрагмент античной миски, железный предмет
186	1,01	0,45	0	2	2	0	0	
187	0,4	0,35	2	0	0	0	0	
188	1,43	0,48	1	1	0	1	2	
189	0,92	0,89	2	1	0	0	2	
190	0,96	0,38	0	5	3	2	5	
191	1,25	0,3	0	5	0	1	1	
192	1,35 x 1,2	0,43	8	4	2	2	4	
193	0,73	0,4	0	0	0	0	0	
194	0,94	0,39	2	3	0	0	0	
195	0,76 x 0,59	0,27	0	1	1	0	0	
196	0,97	0,62	0	2	1	0	0	
197	0,95	0,43	0	1	0	0	0	
198	0,45	0,44	0	0	0	0	0	
199	0,81	0,25	0	1	0	0	0	
200	0,79	0,15	0	0	0	0	0	
201	2,18	0,18	6	2	0	0	0	
202	1,85 x1,27	0,5	7	0	0	0	0	
203	1,32	0,35	1	6	1	0	7	
204	0,86	0,37	0	1	1	0	1	из заполнения происходит венчик лепного горшка с насечками
205	1,35	1,85	11	68	22	3	90	
206	1,18	0,43	0	0	0	0	0	
207	2,13	1,65	5	109	16	6	226	

Таблица 1. Ямы поселения Журавка Ольшанская (продолжение).

№	Диаметр или размеры (в м)	Глубина (в м)	Находки					Примечания
			Лепная керамика	Грубая гончарная керамика	Лощеная гончарная керамика	Амфоры	Кости	
208	1,27	0,47	2	3	0	0	1	
209	1,72 x 1,06	0,37	0	0	0	0	0	из заполнения происходит бронзовая игла от фибулы
210	1,66	0,68	3	5	4	0	10	
211	1,11	0,84	1	10	2	0	19	
212	1,32	0,65	0	9	1	0	5	
213	1,32	0,3	1	1	0	0	0	
214	0,97	0,6	3	4	0	0	3	
215	1,35	0,55	4	6	4	0	7	
216	1,14	0,32	0	0	0	0	0	
217	0,62	0,27	0	2	0	0	1	
218	0,97 x 0,69	0,43	0	5	0	0	2	
219	1,19	0,68	0	14	1	0	17	
220	0,62	0,86	0	7	1	0	6	
221	1,57	0,71	0	6	1	0	4	
222	1,37	1,18	21	0	0	0	0	из заполнения происходит кремневое орудие. Яма относится к скифскому времени
223	2,0	1,65	5	41	15	0	67	из заполнения происходит костяная трубочка (игольник?)
224	0,97	0,32	1	0	1	0	0	
225	0,85	0,27	2	4	1	0	2	
226	0,96	0,71	2	7	1	0	32	
227	1,35 x 0,9	0,45	1	7	5	0	8	
228	0,65	0,64	0	4	1	0	5	
229	1,08 x 0,93	0,2	0	0	0	0	0	
230	0,83	0,6	0	1	0	0	1	
231	1,17 x 1,0	0,75	2	3	0	0	1	
232	0,88	0,3	2	5	0	0	36	
233	1,13	0,92	2	5	0	0	36	
234	0,82	0,2	0	1	0	0	0	
235	1,26	0,62	0	11	0	0	0	
236	1,15	0,42	0	1	0	0	0	
237	0,44	0,42	0	0	0	0	0	
238	0,8	0,7	0	1	0	1	0	
239	1,26	0,65	0	2	1	0	0	
240	0,94	0,3	1	0	1	0	0	
241	1,5	0,51	0	13	1	0	24	
242	0,53	0,5	0	2	0	0	0	
243	0,96	0,7	0	5	0	0	0	
244	0,72	0,7	0	0	0	0	0	
245	2,17 x 2,0	0,5	0	0	0	0	0	
246	0,72	0,45	1	0	0	0	0	
247	1,1	0,3	0	0	0	0	1	
248	0,75	0,9	0	x	0	0	0	
249	1,23	2,0	1	40	6	0	43	
250	0,9	0,48	0	9	0	0	12	
251	1,23	0,68	1	1	0	1	1	из заполнения происходит миниатюрный сосуд
252	0,93	0,5-0,7	0	0	0	0	0	
253	0,64	0,6	0	10	1	0	6	
254	1,35	0,43	0	6	0	0	0	
255	2,2	1,43	1	27	6	0	15	
256	1,73	0,7	1	0	0	0	0	
257	1,05	0,47	0	0	0	0	0	
258	1,5	0,42	1	6	0	0	2	

Таблица 1. Ямы поселения Журавка Ольшанская (продолжение).

№	Диаметр или размеры (в м)	Глубина (в м)	Находки					Примечания
			Лепная керамика	Грубая гончарная керамика	Лощеная гончарная керамика	Амфоры	Кости	
259	0,82	0,2	0	0	0	0	0	
260	1,15	0,48	0	0	0	0	0	
261	1,35	0,6	1	5	2	0	3	
262	2,18	0,75	0	0	0	0	+	
263	1,8	0,64	1	3	0	1	4	
264	1,9	0,55	0	0	0	0	1	в заполнении – скелет собаки и кости еще двух собак
265	2,14	0,44	5	1	1	0	1	
266	1,5	0,51	1	2	0	0	2	
267	0,7	0,2	0	0	0	0	0	
268	1,6	0,36	0	1	2	1	0	
269	1,6	0,4	0	12	6	0	4	
270	1,5	0,84	1	2	0	0	5	
271	1,4	0,4	0	0	0	0	0	
272	1,0	0,7	0	0	0	0	0	
273	0,88	0,34	3	2	1	0	3	
274	0,97	0,45	0	0	0	0	1	
275	0,63	0,25	0	0	0	0	0	
276	0,92	0,22	0	0	0	0	0	
278	1,98	0,4	0	0	0	0	0	
279	0,43	0,28	1	2	0	0	0	
280	2,03	0,65	1	2	0	0	5	
281	2,5	0,7	2	0	0	0	0	
282	0,8	0,32	0	0	0	0	0	
284	0,22	0,28-0,48	0	0	0	0	0	
286	1,34	0,6	8	3	1	0	8	
287	1,15	0,2	0	0	0	0	0	
288	1,03	0,25	0	2	0	0	0	
289	0,92	0,35	0	0	0	0	0	
290	1,82	0,53	3	0	0	0	1	
291	0,98	0,73	4	0	1	0	0	
292	1,04	0,69	0	1	0	0	1	
293	0,82	0,55	5	0	0	0	4	
294	1,74	0,75	6	6	4	0	8	в заполнении – скелет собаки
295	0,87	0,4	1	0	0	0	1	
296	1,12	0,53	0	0	0	0	0	
297	1,5	0,6	2	1	0	0	9	
298	0,92	0,4	0	0	0	0	0	
299	1,4	0,4	1	3	2	1	7	
300	1,9 x 1,6	0,4	2	5	7	0	5	
301	1,63 x 1,4	0,45	0	0	0	0	1	
302	0,4	0,4	0	0	0	0	0	
303	0,6	0,48	0	0	0	0	0	
304	0,74	0,55	1	0	0	0	0	
305	0,86 x 0,8	0,38	0	0	0	0	0	
306	0,78	0,53	0	0	0	0	3	
307	0,6	0,28	0	0	0	0	0	
308	0,83	0,4	0	4	1	0	1	
309	0,8	0,4	0	0	0	0	0	
310	0,6	0,36	0	0	0	0	0	
311	0,89	0,37	0	0	0	0	0	
312	1,0	0,73	0	6	0	0	6	
313	0,8	0,55	3	4	0	0	3	
314	0,85	0,75	0	2	1	0	7	
315	0,8	0,6	0	0	0	0	0	
316	1,08	0,6	6	19	3	0	26	

Таблица 1. Ямы поселения Журавка Ольшанская (окончание).

№	Диаметр или размеры (в м)	Глубина (в м)	Находки					Примечания
			Лепная керамика	Грубая гончарная керамика	Лощеная гончарная керамика	Амфоры	Кости	
317	1,0	0,68	13	4	1	0	30	в заполнении – ожерелье из просверленных клыков и косточек
318	0,93	0,73	4	3	0	0	2	в заполнении – нижняя часть светлоглиняной амфоры
319	0,8	0,3	0	1	0	0	0	
320	1,66 x 1,2	0,6	9	3	4	0	5	
321	0,8	0,4	0	0	0	0	0	
322	0,98	0,42	3	3	0	0	18	
323	1,2	1,0	4	8	3	0	55	
324	1,08	1,1	1	4	1	0	3	
325	1,9	0,67	10	5	5	0	18	в заполнении – глиняное пряслице и обломок точила
327	1,03	1,73	1	33	8	0	22	в заполнении – точило и кость со следами обработки
328	1,2	0,6	2	2	0	0	45	в заполнении – скелет собаки
329	2,32	1,05	3	29	17	0	49	

Таблица 2. Очаги поселения Журавка Ольшанская.

№	Участок	Уровень залегания (в м)	Размеры (в м)	Тип	Примечания
1	77,Л,18,23	0,25	1,05 x 0,76	глинобитный под	толщина 10 см
2	76,П	0,15	?	пятно обмазки	
3	76,С	0,32	?	глинобитный под	частично перекрывался скоплением камней
4	77,М,10	0,42-0,45	?	полоса обмазки	
5	77,Н,11	0,6	0,65 x 0,39	глинобитный под	
6	77,Н,18,23	0,35	1,16 x 0,94	глинобитный под	около очага – 2 каменных жернова (один на другом)
7	77,Н,18,23	0,8	0,9 x 0,66	глинобитный под	состоит из 2 слоев глины
8	78,М	0,35-0,4	?	глинобитный под	
9	78,П,11	0,33	1,14 x 0,8	глинобитный под	
10	78,О,12	0,2-0,25	0,59 x 0,42	пятно обмазки	
11	78,О,13	0,8	0,45	глинобитный под	
12	78,О,24	0,2-0,25	0,53 x 0,43	пятно обмазки	
13	78,О,7	0,2-0,25	1,28 x 1,06	полоса обмазки	
14	79,Л	0,5-0,55	0,65	глинобитный под	при расчистке найдена гончарная керамика
15	79,Н	0,5-0,55	1,35 x 0,93	глинобитные поды	три пода один на другом, в глине – несколько черепков
16	79,П,13	0,23	0,4	пятно обмазки	
17	79,П,8	0,4	0,86 x 0,59	глинобитный под	
18	80,О	0,25	0,6	глинобитный под	имеется предочажная яма
19	81,О	0,2-0,4	1,35 x 1,13	глинобитный под	при расчистке найдена гончарная керамика
20	91,Я	0,3	1,0 x 1,1	глинобитный под	
21	Горобинец,р.3	0,22	1,05	глинобитный под	частично разрушен
22	Горобинец,р.3	0,33	1,15	глинобитный под	2 слоя обмазки пода, между ними – 6 лепных черепков и 4 гончарных с шероховатой поверхностью

Таблица 3. Керамика из построек поселения Журавка и из культурного слоя в урочище Горобинец.

№	Слой\пол	Категории керамики						Амфоры	
		Лепная		Грубая гончарная		Гончарная лощеная			
		Количество	%	Количество	%	Количество	%	Количество	%
1	1	29	97	0	0	1	3	0	0
1	2	6	75	10	12	8	10	2	3
1	3\пол	9	45	8	40	3	15	0	0
2	1	10	6	130	74	29	17	7	3
2	2	2	3	51	76	14	21	0	0
2	пол	8	10	53	70	14	18	1	2
3	1	18	82	1	4	3	14	0	0
3	2	29	83	6	17	0	0	0	0
3	пол	2		4		1		0	
4	1	0	0	72	89	9	11	0	0
4	2	0	0	18	86	2	10	1	4
4	пол	3		6		1		0	
5	1	6	5	91	79	14	12	4	4
5	2	2	10	17	90	0	0	0	0
5	пол	0	0	8	66	3	26	1	8
6	1	11	29	18	48	3	8	6	15
6	2	24	58	14	34	3	8	0	0
6	пол	15	50	12	40	2	7	1	3
7	1	20	100	0	0	0	0	0	0
7	2	18	90	0	0	2	10	0	0
7	пол	61	95	2	3	0	0	1	2
8	пол	21	54	13	33	4	10	1	3
9	1	21	84	0	0	2	8	2	8
9	пол	8	90	0	0	1	10	0	0
10	1	5	25	11	55	3	15	1	5
10	пол	8	16	35	70	6	12	1	2
11	1\2	2	5	19	57	9	27	4	11
11	пол	1	1	96	68	29	21	13	10
12	1	11	52	6	30	3	14	1	4
12	2	4	25	10	62	2	13	0	0
12	3	8	51	7	49	0	0	0	0
12	пол	5	38	6	46	1	8	1	8
13	1\2	3	6	34	74	6	13	3	7
13	3	9	23	22	56	7	18	1	3
13	пол	12	22	21	40	20	38	0	0
14	1	8	35	2	12	3	13	0	0
14	2	6	60	3	30	1	10	0	0
14	пол	7	40	9	50	1	5	0	0
15	1	43	81	5	10	3	5	2	4
15	2	23	82	2	8	0	0	0	0
15	3	21	88	1	4	0	0	2	8
15	пол	6	50	0	0	0	0	0	0
16	1	23	75	2	6	5	16	1	3
16	пол	10	100						
17	1	81	93	4	4	0	0	3	3
17	2	67	93	1	1	1	1	3	5
17	пол	27	92	1	4	0	0	1	4
18	заполнение	34	68	13	26	3	6	0	0
19	1	55	85	3	10	0	0	6	15
19	пол	21	84	2	8	1	4	1	4
20	1	8	35	14	61	1	4	0	0
20	пол	5	56	3	34	1	10	0	0
21	1	140	52	79	29,5	47	18	1	0,5
21	2	92	65	37	26	12	9	0	0
21	пол	14	50	9	32	4	15	1	3
22	1	5	21	15	62	4	17	0	0
22	2	7	31	7	31	8	38	0	0
23	обмазка	4	13	18	58	9	29	0	0
23	яма	9	15	44	72	6	10	2	3

Таблица 3. Керамика из построек поселения Журавка и из культурного слоя в урочище Горобинец (окончание).

№	Слой\пол	Категории керамики						Амфоры	
		Лепная		Грубая гончарная		Гончарная лощеная			
		Количество	%	Количество	%	Количество	%	Количество	%
23	1	1	3	19	63	8	27	2	7
23	2	3	12	18	72	4	16	0	0
23	пол	7	10	41	61	19	29	0	0
24	1	24	70	10	30	0	0	0	0
24	2	23	64	11	30	1	3	1	3
24	3	5	45	6	55	0	0	0	0
24	пол	11	94	2	6	0	0	0	0
25	1	0	0	51	81	9	14	3	5
25	2	0	0	52	79	13	20	1	1
25	3	2	3	56	69	23	28	0	0
25	4	7	7	67	61	35	32	0	0
25	5	6	14	23	52	15	34	0	0
25	6	3	6	37	74	9	18	1	2
25	7	2	3	42	70	16	27	0	0
25	пол	3	7	28	62	14	31	0	0
26	яма	1	3	20	67	6	20	3	10
26	заполнение	3	15	14	74	2	11	0	0
27									
28	заполнение	5	31	7	44	4	25	0	0
29	1	16	76	4	19	1	5	0	0
29	2	4	36	6	55	1	9	0	0
29	3	30	73	7	17	4	10	0	0
29	пол	10	31	0	0	1	9	0	0
30	1	27	87	2	7	1	5	0	0
30	2	4	36	6	55	1	9	0	0
30	3	21	79	4	14	2	7	0	0
31	1	18	62	9	31	2	7	0	0
31	2	29	76	8	21	1	3	0	0
31	3	20	71	7	25	1	4	0	0
обмазка		4	20	4	20	12	60	0	0
32	1	1	4	18	69	7	27	0	0
32	2	0	0	22	65	12	35	0	0
32	3	0	0	60	85	10	14	1	1
32	4	3	11	18	67	6	22	0	0
32	5	3	8	30	86	2	6	0	0
32	6	3	27	2	19	6	54	0	0
33	1	0	0	31	82	5	13	2	5
33	2	2	15	7	54	4	31	0	0
33	3	2	25	1	12,5	4	50	1	12,5
33	4	3	43	2	28,5	2	28,5	0	0
76Н		18	86	3	14	0	0	0	0
я,79		353	56	9	1.5	262	42	1	0.5
Горобинец,р.1	1	1	7	9	64	4	4	0	0
Горобинец,р.1	2	15	34	20	46	9	20	0	0
Горобинец,р.1	3	7	17	12	33	8	20	11	30
Горобинец,р.2	1	25	29	41	48	20	23	0	0
Горобинец,р.2	2	57	28	90	48	45	24	0	0
Горобинец,р.2	3	29	36	27	34	24	30	0	0
Горобинец,р.3	1	91	46	93	48	10	5	1	1
Горобинец,р.3	2	270	63	74	17	83	19	1	1
Горобинец,р.3	3	97	68	27	18	21	14	0	0
Горобинец,р.3	4	53	64	18	21	13	15	0	0

Таблица 4. Кости животных на поселении Журавка.

№ ямы\ землянки	Кости животных						Кости птицы
	Крупный рогатый скот	Мелкий рогатый скот	Свинья	Собака	Лошадь	Дикие животные	
1	2\1		3\1				
2	21\1	3\1					
3	4\2	6\1					
30	21\2	2\2	1\1				
35	3\1						
41	10\1		3\1		1\1		
44	13\2	1\1	1\1		3\1		
50	4\1	2\1		2\1	1\1		
62	7\1						
74	2\1						
76	4\1	4\1		10\1	6\1		
79	22\3	3\1					
93	x	x		10			
95	x			x			
107	x	x		1			
121	1\1			скелет			
123				череп			
124	x	x		2\1			
126	x	x					
134	x						
158				57\3	1\1		
159			1\1				
162					1\1		
170	x						
172	x\1	x\1	x\1				
175	2\1		4\1				
185	15\2		1\1				
192	1\1						
202		1\1					
204					1\1		
205	12\1	8\1	8\2		4\1		
207	24\3	1\1	69\4		1\1		7
210	3\1						
211	1\1						
219	1\1	3\1	1\1				
223	4\1		3\1				
255	4\1	2\1					
262				скелет и кости			
277	7\2	1\1					
286	1\1		1\1				
294				скелет			
297			2\1		2\1		
301	1\1						
316				1\1			
317	3\1		1\1			2\1 косуля	
322				17\1			
327	5\1	3\1	1\1				
328	4\1			22\1			
329	9\1	1\1	2\2		1\1		
Зем. 1	34\3	7\1	10\2	1\1	19\1		
Зем 2	5\1	6\2	3\1	1\1			
Зем. 3		3\1			2\1		
Зем. 4	15\2	6\1	4\1				
Зем.14				скелет	1\1		
Зем.15	1\1	1\1					
Зем.19	10\1	2\1	3\1		2\1	1\1 лось	
Зем.21	69\5	31\4	19\4		4\1		
Зем.22	17\4	2\1	2\1				
Зем.28	1\1						

Таблица 4. Кости животных на поселении Журавка (окончание).

№ ямы\ землянки	Кости животных						Кости птицы
	Крупный рогатый скот	Мелкий рогатый скот	Свинья	Собака	Лошадь	Дикие животные	
Зем.29	7\2	3\1					
Зем.30	6\1						
Зем.32	7\2						
Зем.33	8\1		1\1				

Гистограмма 1.

Литература

Абашина Н.С., Гороховський Є.Л. 1975. Кераміка пізньозарубинецького поселення Обухів III // Археологія. 18.

Абашина Н.С., Обломский А.М., Терпиловский Р.В. 1999. К вопросу о раннеславянских элементах культуры на черняховских памятниках Среднего Поднепровья // РА. 4.

Абрамов А.П. 1993. Античные амфоры. Периодизация и хронология // Боспорский сборник, 3. М.

Баран В.Д. 1981. Черняхівська культура. За матеріалами Верхнього Дністра і Західного Бугу. Київ.

Бобринский А.А. 1991. Гончарные мастерские и горны Восточной Европы (по материалам II – V вв.н.э.). М.

Гавритухин И.О. 2000. Финал традиций культур римского времени в Восточном Прикарпатье. // Die spätrömische Kaiserzeit und die frühe Völkerwanderungszeit in Mittel- und Osteuropa. Łodź.

Гавритухин И.О., Обломский А.М. 2007. Днепровское лесостепное Левобережье // Восточная Европа в середине I тыс. н.э. (РСМ. 9). М.

Гей О.А., Бажан И.А. 1997. Хронология эпохи «готских походов» (на территории Восточной Европы и Кавказа). М.

Гороховский Е.Л. 1988а. Хронология ювелирных изделий первой половины 1 тыс.н.э. лесостепного Поднепровья и Южного Побужья. Дисс. ... канд. истор. наук. Киев // Архив ИА НАН Украины.

Гороховский Е.Л. 1988б. Хронология черняховских могильников Лесостепной Украины // Труды V Международного конгресса археологов-славистов. 4. Киев.

Зеест И.Б. 1960. Керамическая тара Боспора // МИА. 83.

Ильюков Л.С. 1985. Отчет об исследовании курганов в зоне строительства Мартыновской оросительной системы в 1985 г. // Архив Института археологии РАН.

Кравченко Н.М. 1967. Косановский могильник (по материалам раскопок В.П. Петрова и Н.М. Кравченко в 1961-1964 гг.) //МИА. 139.

Кравченко Н.М. 1979. Исследование славянских памятников на Стугне // Славяне и Русь. Киев.

Кравченко Н.М., Петраускас О.В., Шишкин Р.Г., Петраускас А.В. 2007. Памятники археологии позднеримского времени Правобережной Киевщины. Киев.

Кропотов В.В. 1998. Світлоглиняні вузькогорлі амфори «інкерманьского» типу // Археологія. 4.

Левада М. 1999. Металлические гребни позднего римского времени в Юго-Восточной Европе // Сто лет черняховской культуре. Киев.

Магомедов Б.В. 1990. Производственный и бытовой инвентарь, предметы убора, оружие // Этнокультурные процессы во второй четверти I тыс. н.э. на территории Юго-Восточной Европы / Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период. Киев.

Магомедов Б.В. 1992. Велика Снітинка 2 – поселення гребінників III – IV ст.н.е. // Стародавнє виробництво на території України. Київ.

Магомедов Б.В. 1994. Ремісничий центр III – IV ст. біля Великої Снітинки // Фастівський державний краєзнавчий музей. Бюлетень 2. Фастів.

Магомедов Б.В., Левада М.Е. 1996. Оружие черняховской культуры // МАИЭТ. V.

Махно Є.В. 1976. Пам`ятки типу Дитиничів і Компаніївський могильник // Археологія. 19.

Михайлина Л.П. 2007. Слов'яни VIII-X ст. між Дніпром і Карпатами. Київ.

Никитина Г.Ф. 1969. Гребни черняховской культуры // СА. 1.

Никитина Г.Ф. 1995. Анализ археологических источников могильника черняховской культуры у с. Оселивка. М.

Обломский А.М. 1991. Этнические процессы на водоразделе Днепра и Дона в I-V вв. н.э. М.; Сумы.

Обломский А.М. 1998. Поселение Журавка Ольшанская в Среднем Поднепровье (опыт культурно-хронологического анализа материалов) // Гістарычна-археалагычны зборнік. 13. Мінск.

Обломский А.М. 1999. О времени появления черняховского населения на территории Днепровского Левобережья // Сто лет черняховской культуре. Киев.

Обломский А.М., Терпиловский Р.В. 1991. Среднее Поднепровье в первые века нашей эры. М.

Петрашенко В.О. 1992. Слов'янська кераміка VIII-IX ст. Правобережжя Середнього Полніпров'я. Київ.

Приходнюк О.М. 1980. Археологічні пам`ятки Середнього Придніпров`я VI-IX ст.н.е. Київ.

Приходнюк О.М. 1991. О территории формирования и основных направлениях распространения пеньковской культуры // Древности юго-запада СССР. Кишинев.

Приходнюк О.М. 2005. Пастирське городище. Київ; Чернівці.

Сазанов А.В. 1993. Поздние типы узкогорлых светлоглиняных амфор // МАИЭТ. III.

Сымонович Э.А. 1963. Работы на черняховских памятниках в Приднепровье // КСИА. 94.

Сымонович Э.А. 1966. Гончарная мастерская III-IV вв. в с. Журавке // КСИА. 107.

Сымонович Э.А. 1993. Вещевые находки. В разд.: Черняховская культура // Славяне и их соседи в конце I тыс. до н.э. – первой половине I тыс. н.э. (Археология СССР). М.

Сымонович Э.А., Кравченко Н.М. 1983. Погребальные обряды племен черняховской культуры (САИ. Д1-22). М.

Терпиловский Р.В. 1988. Новые исследования памятников III-IV вв. в Среднем Поднепровье // Труды V Международного конгресса археологов-славистов. 4. Киев.

Терпиловский Р.В., Абашина Н.С. 1992. Памятники киевской культуры (свод археологических источников). Киев.

Шелов Д.Б. 1978. Узкогорлые светлоглиняные амфоры первых веков нашей эры. Классификация и хронология // КСИА. 156.

Wołągiewicz R. 1993. Ceramika kultury wielbarskiej miedzy Bałtykiem a morzem Czarnym. Szczecin.

A.M. Oblomsky

Materials of Zhuravka settlement (Olshana district)

Summary

Zhuravka is one of the most thoroughly studied Cherniakhov settlements. This is a publication of the settlement materials obtained during the archaeological excavations of E.A. Symonovitch and A.M. Oblomsky comments on these materials.

The settlement is located on the Dnieper – Southern Bug watershed 1 km from Zhuravka, Olshana district, Cherkassy region, on the way to Olshana town (Fig. 1).

The site occupies the northern slope of water-flooded ravine and a small cape in front of it (Gorobinets locality). The dimensions of settlement on the northern slope of the ravine – 1300 x 350 m, on the southern slope – 100 x 200 m, height above the ravine bottom, respectively, 3-13 and 10-14 m. The cemetery is located 100 m to the north from the site borders. The works on the settlement were carried out by E.A. Symonovitch from 1959 till 1963. 6624 sq. m have been excavated (Fig. 2-5), 39 buildings deepened into the ground, 329 utility holes, more than 20 hearths, 2 stoves for dishes burning have been studied.

The following is a description of the buildings and their materials (Fig. 7-46). Information on holes is placed in Table 1, on hearths located outside of buildings – in Table 2.

Buildings

In the field reports of E.A. Symonovitch all the settlement buildings were attributed to the Roman period except for the Scythian dugout 18.

Nevertheless, a group of buildings is dated by the Early Middle Ages. These are the five buildings, which had stoves in their corners (10, 12, 24, 26, and 28). Wheel made pottery of these buildings is similar to Pastyrskoe settlement and Volyntsevo type sites. Handmade pottery corresponds to Pastyrskoe, Sakhnovka, and Luka Rajkovetskaya settlements (Fig. 20, 23, 36, 38, and 41). Roman period pottery was found inside the buildings; the pottery got into the objects from the cultural layer.

Fragments of handmade vessels of the Early Middle Ages come from the cultural layer of ravine northern slope and of certain utility holes (Fig. 47; 48: 2; 56: 1, 6; 58: 1, 2; 59: 2).

Zoomorphic fibula found on the settlement surface in 1963 (Fig. 65: 20) is related to the same period of the site existence. Zhuravka materials of the Early Middle Ages are dated by the 8th century AD.

All Zhuravka buildings of Cherniakhov period are deepened into the ground; their walls were of carcass construction that had support posts and of log construction. Heating facilities were hearths and stoves carved into the mainland walls ("chimneys").

Zhuravka buildings are divided into 2 classes, 6 types, of which 17 variants are distinguished according to the shape of planning, on their relief bottom features, availability and construction of fireplaces.

Dwelling places are 14 structures (33, 17, 4, 16, hole in sq. 76 H, 13 "living part" of building 11, "living part" of buildings 1, 2, 29, 31, 30, "living premises" of buildings 14, 21). Other buildings, obviously, had utility or other purpose.

Holes

The field reports have data on 318 holes that may be related to the Cherniakhov period. Out of them 253 were cellars, 14 were for posts, the remaining 51 holes were for massive posts, and some holes could be small stores.

Hearths

Around the buildings 23 fireplaces were recorded, which were oval or round wattle-and-daub well burnt places. A hole for ash release is situated near one of them.

Handmade pottery

Handmade pottery of Late Roman period is divided into two cultural and typological groups. The first one is ceramics of Wielbark circle. According to forms and decorations, it corresponds to the collection, which is common for the B2/C1 – C1b period. The vessels are divided into several functional categories: pots (Fig. 7: 1, 3; 9: 5; 18: 6; 28: 9; 32: 7, 8; 33: 1, 2, 5-8, 10-14, 16-18; 34: 1; 45: 1, 2, 12; 49: 7; 50: 1-4; 51: 3, 5; 52: 1, 5, 8; 53: 1, 3, 4, 60, 61; 63: 1, 3-8; 64: 8, 9), bowls-vases (Fig. 7: 2, 6, 7; 28: 6; 31: 2; 50: 5, 6; 51: 4, 6; 52: 4; 53: 7; 62: 1-6; 64: 3, 4, 6), little bowls (Fig. 54: 3; 63: 2; 64: 7).

The vessels surface may be rough, smoothed, polished or artificially rough. Combination of these elements was found. Incut lines and stuck on rolls were used as an ornament. Vessels with false ears were also known.

Handmade pottery of Wielbark tradition was found in one dwelling (21), five utility buildings (3, 8, 22, 32, "hole" 79) and two holes (170 and 205), cultural layer of the northern part of the settlement. Apart from a few fragments of early medieval vessels, all ceramics of Gorobinets locality is of Wielbark type. This circle handmade pottery in Zhuravka gives evidence that Germanic ethnical component was present among the settlement's population.

Handmade pottery of the second group is similar to Kiev culture sites of the Middle Dnieper region and in so-called sites of Kiev tradition in Cherniakhov culture (cemeteries Bolshaia Bugaevka and Kompanijtsi, settlements Cherniakhov, Khlopkov-1, Stetsovka-2, Radutskovka, Novolipovskoe, Maximovka, Lomovatoe-1 and 2). The pottery is represented by ribbed and round sides pots, disks (Fig. 6: 1; 8: 4, 5; 11: 1-6; 13: 1; 14: 7; 15: 1-4; 16: 1, 2; 17: 3; 21: 5; 26: 2, 3, 7; 27: 4, 5; 28: 2; 29: 1, 3, 4; 30: 3; 31: 1; 42: 5; 43: 4, 5; 44: 3; 48:1; 54: 1, 4, 5; 55: 1, 2). The vessels are usually not ornamented. Scratches put by combs are found rarely on their surface (Fig. 28: 10, 11).

Kiev complex pottery comes from seven dwellings (hole with a hearth in sq. 76, H; "living part" of structures 1, 16, 17, 29, 30, 31) and five utility buildings ("living part" of building 6 "front room" of buildings 6, 7, 15, 19), hole 214 and from the cultural layer of all excavations, except for those that were laid down in the locality Gorobinets.

A number of funeral ritual elements is traced at the cemetery near Zhuravka settlement, the genesis of which is connected with the Scythian-Sarmatian world. Handmade pottery typical for Late Scythian and Sarmatian cultural groups is not present at the settlement.

Amphorae

Definable fragments of amphorae may be divided into three main types: light color clay D and F according to classification of D.B. Shelov, red color clay type 75 according to I.B. Zeest. Amphorae fragments of D type come from the buildings 1 and 19 (Fig. 6: 5; 31: 6), F – from the second horizon of buildings 4 and 11 (Fig. 22: 7), filling of building 33 (Fig. 46: 4), and holes 35, 41. Amphorae fragments of Zeest-75 type are found in filling of building 9 (Fig. 19: 3) and on the dugout 15 floor (Fig. 26: 5, 6). A handle piece was found in building 30. This artifact could have belonged equally to amphora of D or F types (Fig. 43: 1).

According to Northern Black Sea region chronological scale, amphorae of Zeest-75 type are dated by the end of the 2nd century AD – the 1st half of the 3rd century AD; F – end of the 3rd century AD – beginning of the 5th century AD.

The upper date of type D amphorae is debatable. It has been believed traditionally they had come into disuse not later than the middle of the 3rd century AD. Evidence has appeared recently proving that these items had been used until the end of the 3rd century AD.

Glass ware

Glass ware is represented by small fragments (Fig. 66: 10; 69: 3-14). One of the fragments has drops of blue glass (Fig. 69: 12). Mass usage of vessels with such ornament is dated by the end of the 4th century AD.

Decorations

A number of fibulae were found in the settlement layer; 18 are dated by of the Late Roman period and 1 – by the Early Middle Ages. 16 fibulae belong to a group with tied up foot and deflected back (XI), subgroup 2, variants A1 (1 piece) (Fig. 65: 6), A1 or A2 without specifying (1 piece), (Fig. 65: 7), A3 (1 piece), (Fig. 65: 8), B1 (4 pieces), (Fig. 65: 2, 9, 10, 11), B2 (4 pieces), (Fig. 65: 3, 4, 12, 13), B1 or B2 without specifying (3 pieces), (Fig. 65: 14, 16, 17), B3 (2 pieces), (Fig. 65: 5, 18) according to classification of E.L. Gorokhovsky. One more fibula belongs to a subgroup of two-part military items, variant A3 (Fig. 65: 19).

5 more fibulae are related to buildings. Bronze fibula of A1 (Fig. 32: 5) variant and iron fibula of unknown type were found in the building 21. Three interlinked bronze fibulae of B1 variant (Fig. 14: 1-4) were found on the horizon covering building 7.

Iron frame buckle was found in building 21, other metal items were found in the cultural layer (Fig. 65: 1; 66: 1-4). According to E.L. Gorokhovsky, the buckles belong to subgroup 1/2 Class B series A (Fig. 66: 2), series G (Fig. 66: 1), series E, one of them is equipped with a tongue of variant 3b (66: 3).

Fragments of 5 three-part combs made of bone and 2 iron combs came from the settlement layer. According to classification of G.F. Nikitina, bone combs are of type II, variant 2 (Fig. 66: 5), type III, variant 1 a (Fig. 66: 6) and, possibly, 2 a (Fig. 66: 7), type I, variant 2 or 2 a, or type II, variant 1 (Fig. 66: 8).

Iron combs were discovered in the cultural layer of the Gorobinets locality (Fig. 75: 18) and central excavation in the northern part of the site (Fig. 66: 9).

Not less than 2 dozens of glass beads, bronze bracelets, and a ring were found in the site.

In the E.L. Gorokhovsky system of Cherniakhov culture relative chronology fibulae with tied up foot and deflected back of A1 and A2 variants are typical mainly for the first phase, the combs of type II – for the first and second phases, fibulae of A3 type – for the second phase. Fibulae of group B appear: B1 – in the second phase, B2 and B3 – in the third. Fibulae of all group B variants coexisted until the culture disintegration from the beginning of the 3rd phase.

The buckles of series G are dated similarly to fibulae of B2 and B3 variants. Buckles of E series were used mainly during the fifth phase of Cherniakhov antiquities development. Buckles with an oval frame are dated by the Hun time. These buckles are almost completely covered by the tongue end, which has a ledge on the back side (Fig. 66: 3). Combs of type III fall into the forth-fifth phases; it is notable that the items of variant 1 a are the latest. “Military” fibulae of A3 variant appeared in the third phase, but they are dated mostly by the later period.

Iron combs from Zhuravka belong to the middle – second half of the 3rd – 4th centuries.

Dated finds from Zhuravka indicate that the settlement was functioning during the entire period of Cherniakhov culture existence.

Utility items, tools and weapons

A collection of utility items from Zhuravka is typical for Cherniakhov culture throughout all territory of its distribution. The finds are presented by a number of categories.

The amulets are pendants of animal bones with drilled in holes (Fig. 45: 3; 69: 19; 74: 34, 35, 36, 37, 52, and 59). Various sharpeners (54 pieces) (Fig. 26: 1; 75: 7, 11), hand-mill (Fig. 67: 15, 16), stone-polishers for pottery, spindle whorl are made of stone. Slightly burned weightings for weaving looms are typical for all settlements of Cherniakhov culture; they are made of clay: flat (12 pieces), (Fig. 68: 1-8; 69: 1, 2; 75: 8) pyramidal (10 pieces), (Fig. 14: 5; 35: 8; 68: 9-13; 69: 18), conical (Fig. 6: 3).

A lot of clay spindle whorls were found in Zhuravka. They are divided into several groups according to form: made of vessels crocks (4 pieces), (Fig. 71: 3, 12, 14 and 72: 21), flat (15 pieces), (Fig. 42: 2; 70: 2, 4, 6, 15, 25, 27; 71: 1, 2, 4, 5, 9 and 72: 22, 23; 75: 9), spherical (4 pieces), (Fig. 70: 22, 24 and 71: 23; 72: 15), barrel shape (5 pieces), (Fig. 42: 3; 70: 14, 17; 71: 15, 19 and 72: 10), low bi-conic (7 pieces), (Fig. 70: 12, 18, 19 and 71: 7; 72: 14, 16, 17), bi-conic of average height (45 pieces), (Fig. 17: 8; 18: 2; 25: 1; 28: 1, 2, 4; 45: 8; 70: 3, 7-12, 20, 26; 71: 8, 10, 11, 20-22; 72: 1-9, 12-14, 16-19; 75: 10, 13, 14, 16), high bi-conic (8 pieces), (Fig. 18: 1; 28: 3; 70: 1, 16, 21 and 71: 17, 18; 75: 15), with a flat strip in a place of maximum widening (3 pieces), (Fig. 37: 9 and 72: 11; 75: 12). Vast majority of spindle whorls has polished surface.

5 clay circles up to 3 cm in diameter have been found in the cultural layer. These circles may have served as chips for games (Fig. 70: 28-30; 72: 24). Spherical bead about 1 cm in diameter (Fig. 72: 25) and scoop for metal pouring with a hollow bushing, in which a handle was inserted (Fig. 72: 26), are also made of clay.

Numerous iron knives (25 pieces), (Fig. 73: 1-21, 24, 26; 75: 4, 5) and punches (28 pieces), (Fig. 69: 16; 73: 22, 23; 74: 1, 3-11, 13, 15-19, 21-24, 26-29), as well as 5 needles or pins (Fig. 28: 5; 74: 2, 12; 75: 3) have been found.

Agricultural tools are represented by three fragments of plough points working parts (Fig. 67: 1-3) and a sickle (Fig. 67: 6), woodworking tools – chisel (Fig. 73: 25) and two adzes (Fig. 67: 8, 9). Also a hook was found (maybe for fishing) (Fig. 67: 13), a small holder (Fig. 67: 12), triangular plate (Fig. 67: 10), and several hammered nails (Fig. 67: 11) ice pick points (Fig. 67: 7).

Bone carving was one of Zhuravka settlers' craft, its evidence are 9 horn fragments and dense bones with traces of cuts (Fig. 6: 4; 30: 2, and 35: 7). There are several major categories of bone tools: scrapers for animal skins processing (26 pieces), (Fig. 39: 6; 42: 4; 45: 5; 46: 2; 69: 20), presses for smoothing skin (Fig. 74: 58), piercing tools (4 pieces), (Fig. 45: 6; 69:21), awls (23 copies), (Fig. 35: 1, 2; 45: 4; 74: 30-32, 38-42, 45-50, 53, 54; 75: 1,2), needles or pins (6 pieces), (Fig. 35: 3, 4; 74: 33, 43, 44, 51), polished tubes for needles (2 pieces) (Fig. 69: 17; 74: 55), cover plates (5 pieces), (Fig. 66: 11; 74: 56, 57, 60, 61).

The weapons are represented by two arrowheads of bushing type (Fig. 67: 4,5) and an axe (Fig. 35: 6).

Chronology and planigraphy

All Cherniakhov objects may be divided into 4 groups according to the ratio of handmade and wheel made pottery (Table 3): with an average content of handmade ceramics from 95 to 76% (the first), from 75 to 51% (the second), from 50 to 26% (the third), and from 25% to 0% (the fourth). The first group

includes buildings 7 (95%), 17 (92.5%), 16 (87.5%), 9 (87%), 1 (86%), 19 (84.5%), 15 (83.7%), 30 (83%), 3 (82.5%), hole near hearth sq. 76 H (86%). The second group – dugouts 31 (69.7%), 29 (60%), 21 (55.7%), 8 (54%), hole 79 (56%). The third group – buildings 6 (45.7%), 20 (35%), 22 (26%); the fourth group – buildings 13 (17%), 32 (13%), 23 (8.3%) 2 (6.7%), 5 (5%), 25 (4.6%), 11 (3%), 4, 27, 33, building in front of stove for pottery burning 2, hole 41 (in all – 0%), holes 205 (11%) and 172 (7%).

The earliest Cherniakhov culture finds are related to the first group of objects (fragments of amphorae Zeest-75 and D from the dugouts). Building 7 is covered by horizon with fibulae of variant B1, which appeared in the second phase of Cherniakhov culture.

Fibula of variant A1 comes from the building 21 of the second group. Such fibulae are dated, mainly, by the first phase of Cherniakhov culture.

Objects of close date were not found in the third group of buildings. Objects of the fourth group are: amphorae fragments of type F of the end of the 3rd – the beginning of the 5th centuries AD, comb fragment of type I, variant 2 or 2a, or type II variant 1 of the second third of the 3rd – third quarter of the 4th centuries AD.

Considering these data, it seems that the most probable conclusion is that the objects of groups 1 and 2 fall into the first phase of Cherniakhov culture and groups 3 and 4 are of the second phase and later time.

Zhuravka planigraphy may be understood on the basis of excavation in the settlement central part. The earliest objects are divided into 2 groups located in the north-western and south-eastern part of it (Fig. 76). The first group consists of 2 dwelling places ("living part" of building 1 "hole with a hearth" in sq. 76-H) and 2 utility structures ("vestibule" of dugout 1 and building 7), the second group – 2 dwelling places (16 and 17) and 2 utility buildings (15 and 19). All these objects contain ceramics of Kiev complex.

The earliest Wielbark construction (utility building 3) is located in the central part of the excavation. The earliest buildings with close Kiev and Wielbark ceramics are separated from each other in terms of planigraphy. The same is observed later. All handmade pottery of Wielbark objects made up more than a half. The buildings are located in a chain in the northern part of excavation (dwelling place 21, utility buildings "hole 79" and 8).

Handmade pottery of Kiev group made up not less than 50%. It was found in building 6, which is located in its south-western corner, i.e. in the opposite side from Wielbark structures. Wielbark settlement in Gorobinets locality started functioning, probably, on the second stage of Zhuravka site existence.

Buildings where wheel made pottery prevails greatly (not less than 70%) are concentrated in the north-eastern part of the central excavation. Four of them (2, 4, living part, buildings 11, 13) are dwellings, other ("vestibule" structures 11, 22, 23, 25) – utility buildings. The planigrafy of the site's central part shows that the settlement structure changed for 3 times at least. Groups of buildings with Wielbark and Kiev handmade pottery coexisted during 2 of its early stages. They were isolated from each other. The settlement layout was close to homestead type at that time.

It is absolutely clear that part of late Zhuravka population was of Wielbark origin, the evidence is the materials of utility building 22. In this construction wheel made pottery makes up in average 74%, (Fig. 34: 1, 3, 4), and handmade pottery is related to Wielbark group (Fig. 34:1, 3, 4). Handmade pots from dugout 2 with chimney-stoves have parallels with Kiev ceramics complex.

During the period of mass usage of wheel made pottery in the Middle Dnieper region, the population of Zhuravka consisted, as before, of Wielbark tribes descendants (of Germanic origin, obviously) and some proto Slav (proto Antes, precisely) group.

Zhuravka community almost entirely composed of immigrants. Its appearance should be associated with the first phase colonization started by Cherniakhov culture in the Dnieper-Southern Bug watershed area. The migration processes that led to the formation of multi-ethnic communities are the main indicators of Cherniakhov society formation, whose power eliminated barriers for small groups to move outside their native territories.

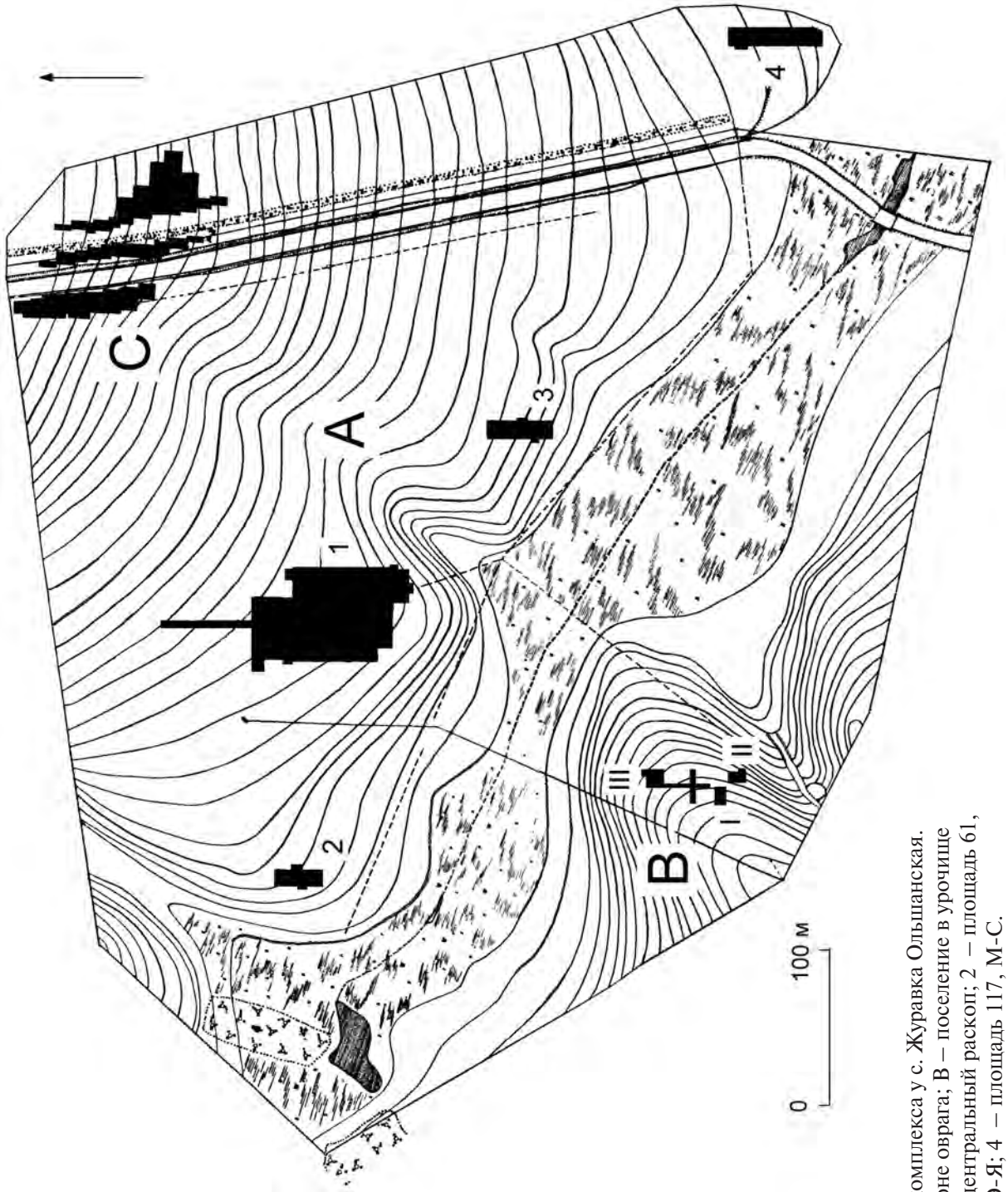


Рис. 1. План археологического комплекса у с. Журавка Ольшанская.
А – поселение на северном склоне оврага; В – поселение в урочище Горобинец; С – могильник; 1 – центральный раскоп; 2 – площадь 61, Н-П; 3 – площадь 91, Э-Я; 4 – площадь 117, М-С.

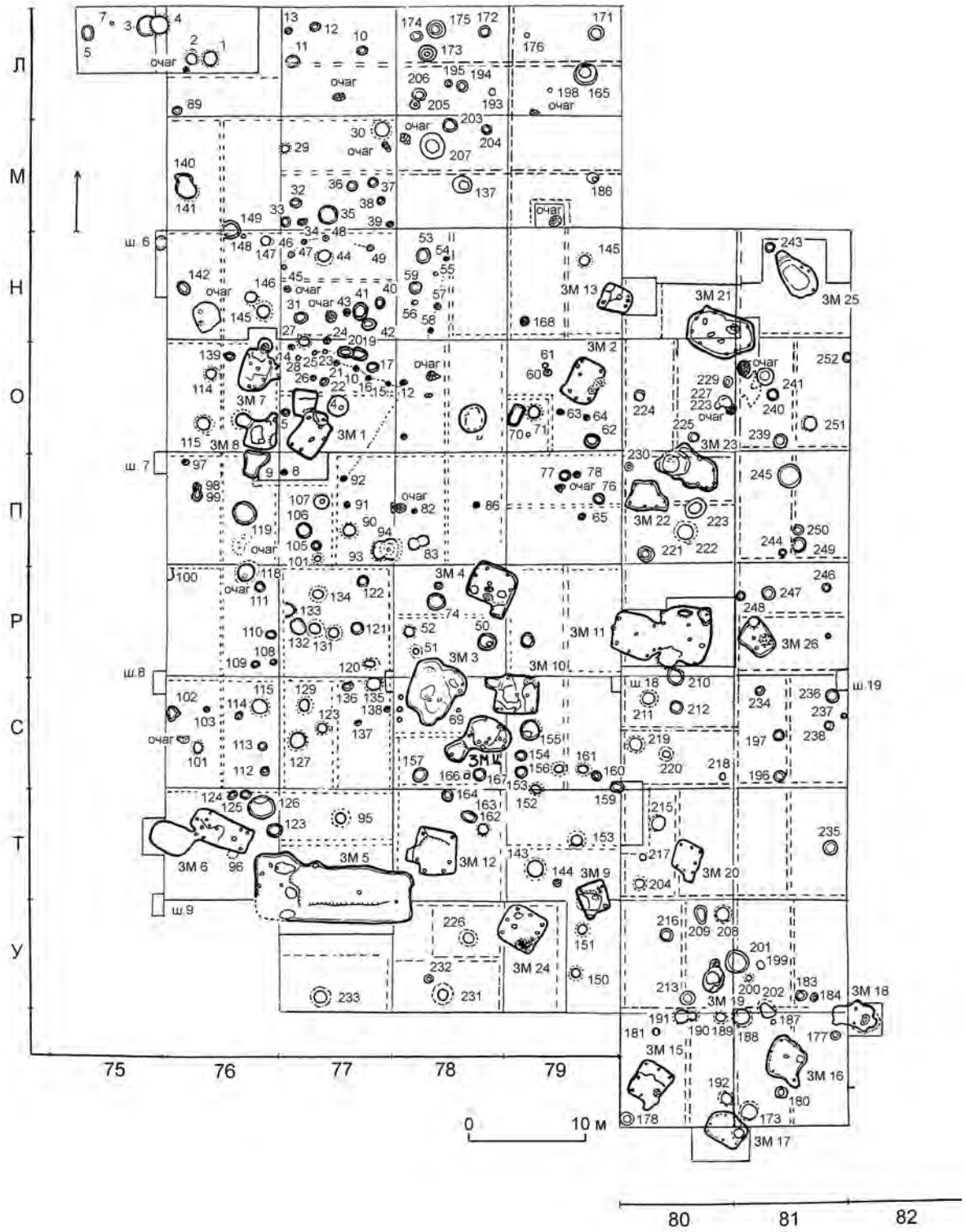


Рис. 2. Центральная площадь северного участка памятника. Схематический план.

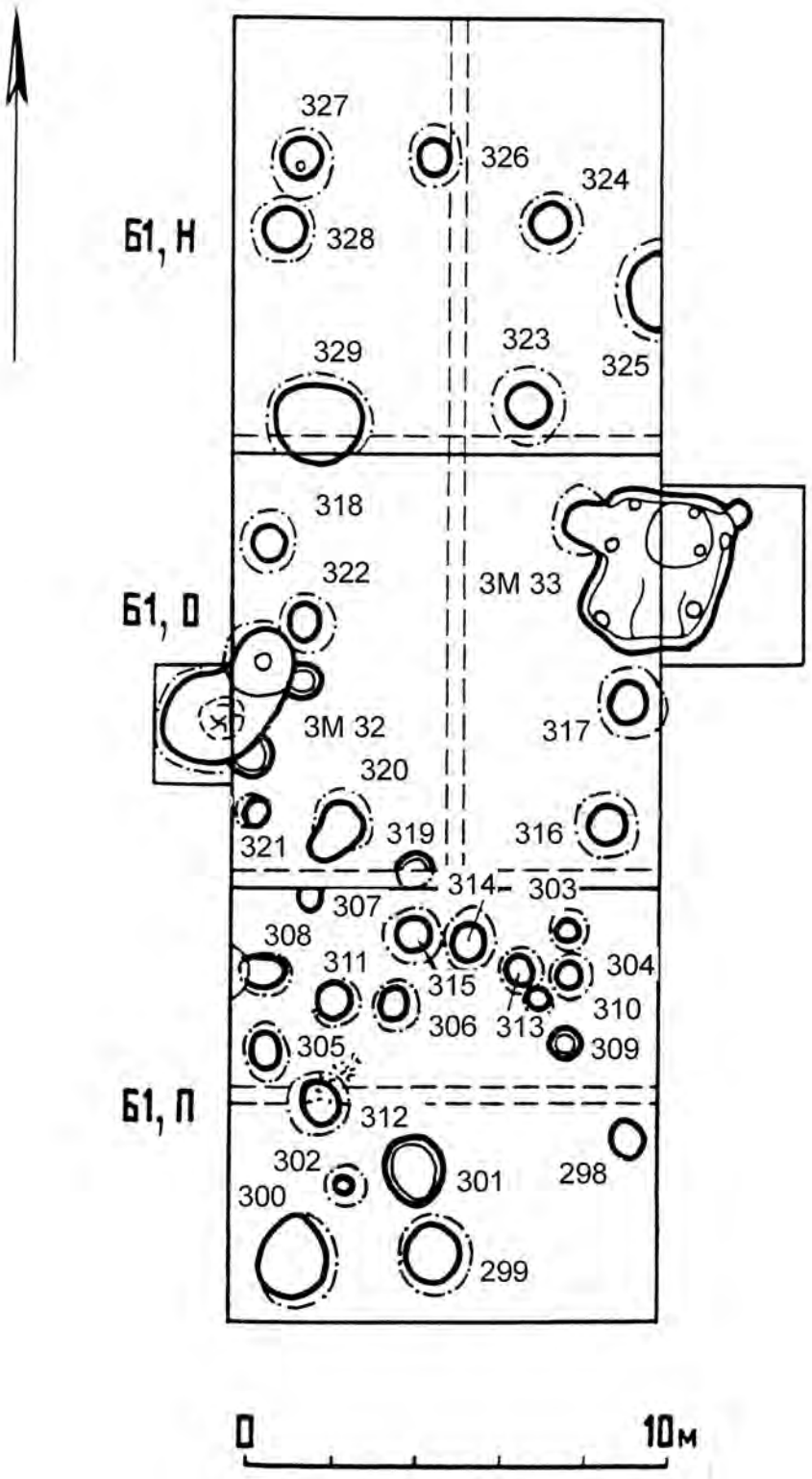


Рис. 3. Площадь 61, Н-П, схематический план.

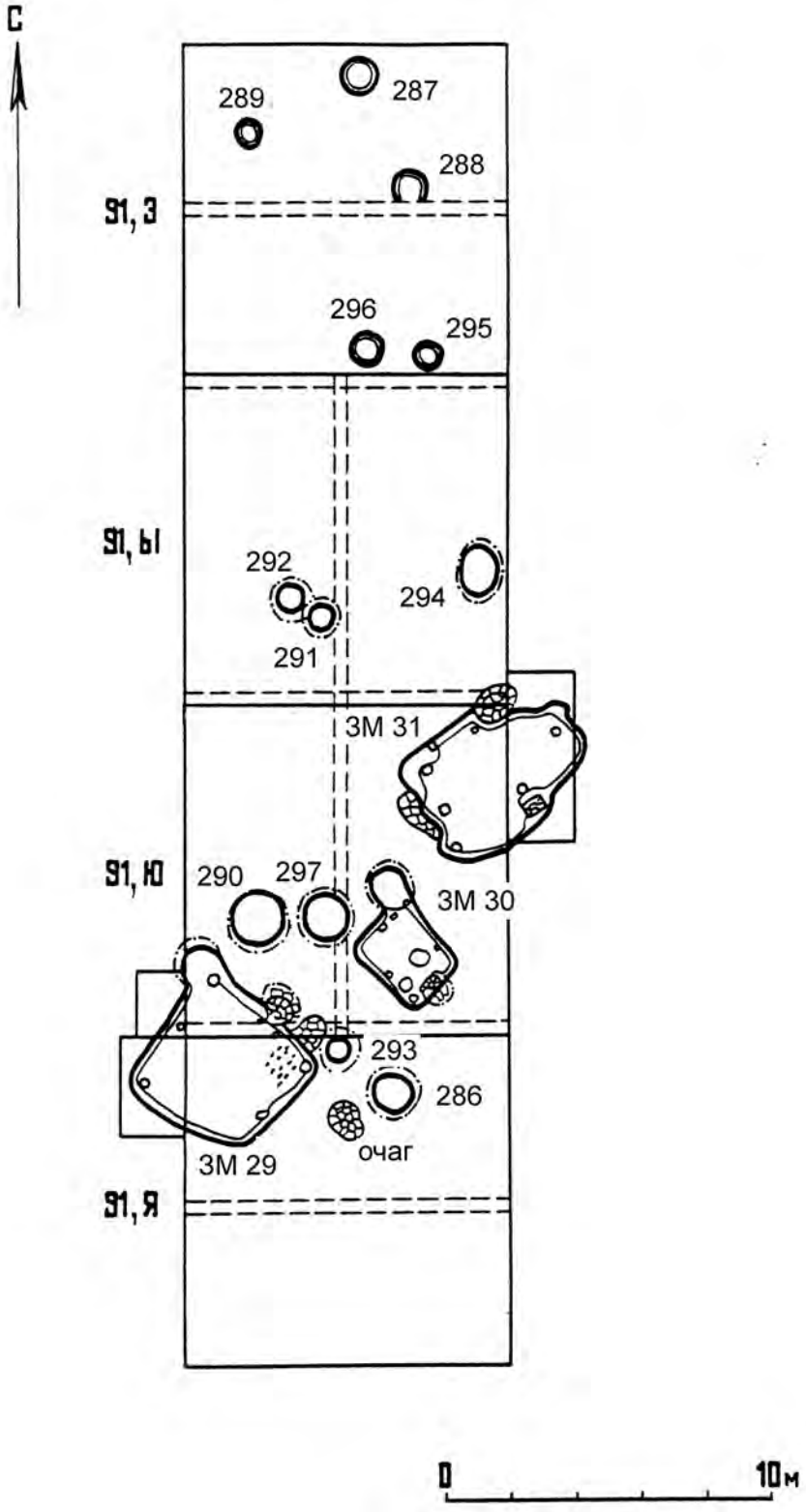


Рис. 4. Площадь 91, Э-Я, схематический план.

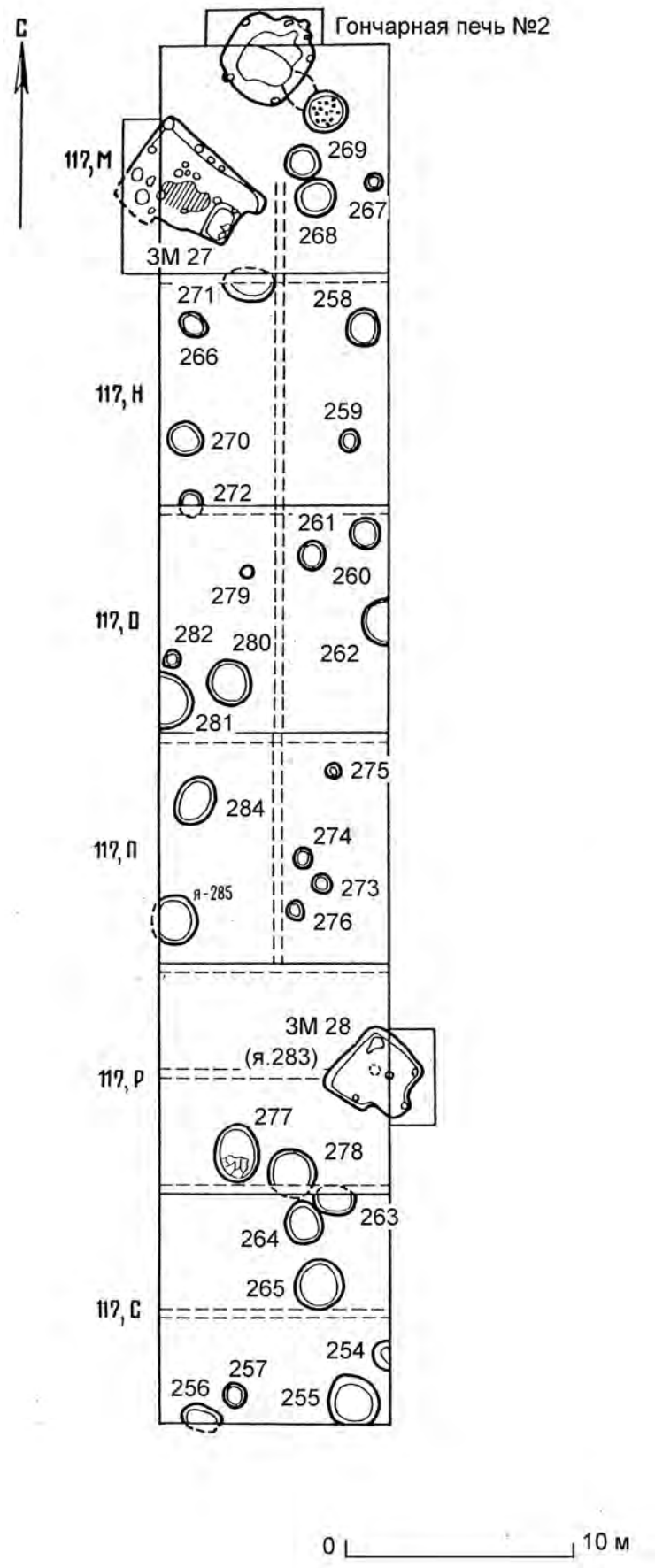


Рис. 5. Площадь 117, М-С, схематический план.

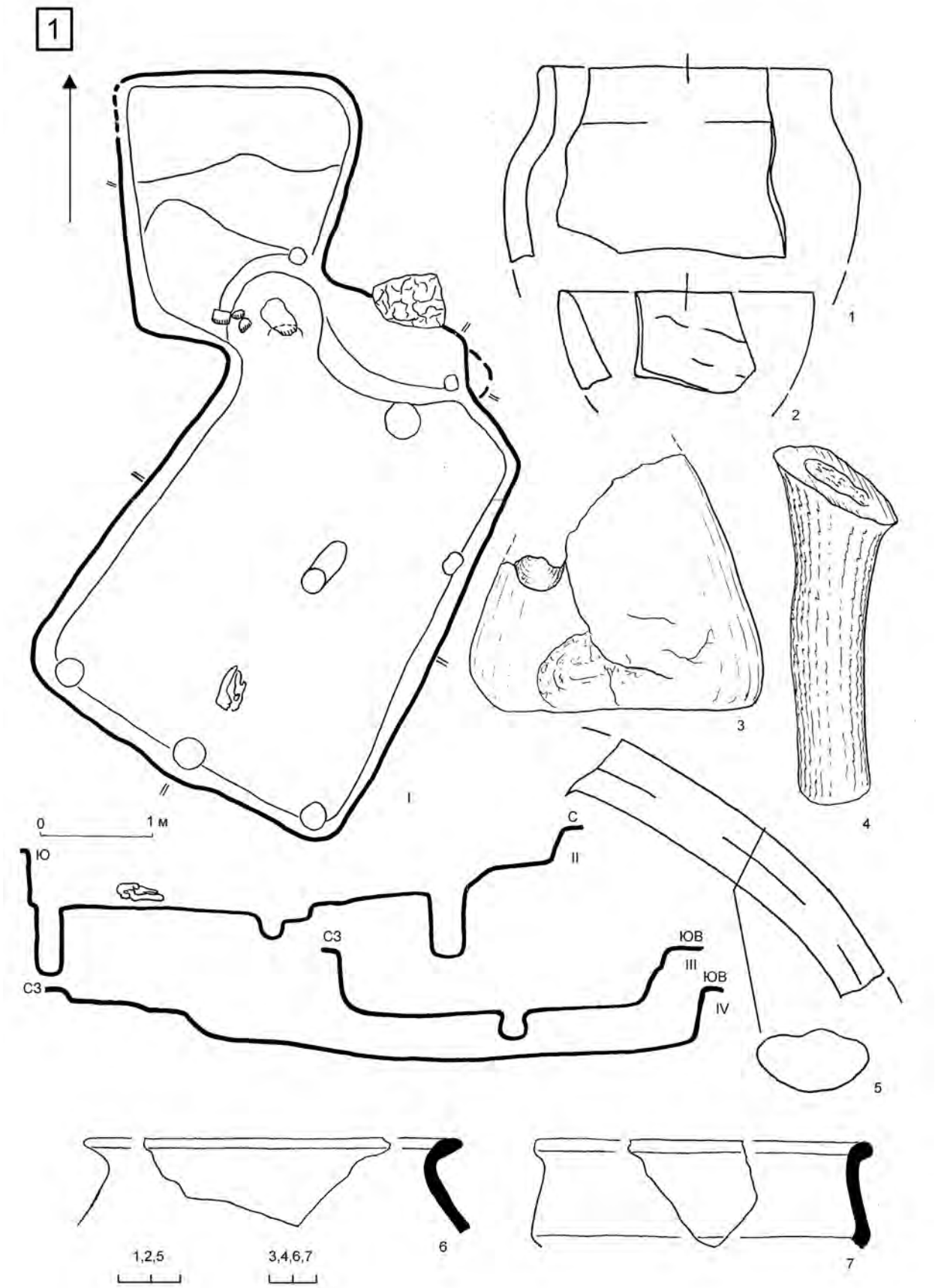


Рис. 6. Постройка 1.

I-IV – план и профили сооружения; 1-2 – фрагменты груболепных сосудов; 3 – фрагмент конического глиняного грузила; 4 – опиленный рог; 5 – ручка светлоглиняной амфоры; 6-7 – фрагменты лощеных гончарных мисок; 1,4 – верхний слой заполнения; 2,3,5 – второй слой заполнения, 6,7 – заполнение; 1,2,5 – рисунки А.М. Обломского; 3,4,6,7 – рисунки Э.А. Сымоновича.

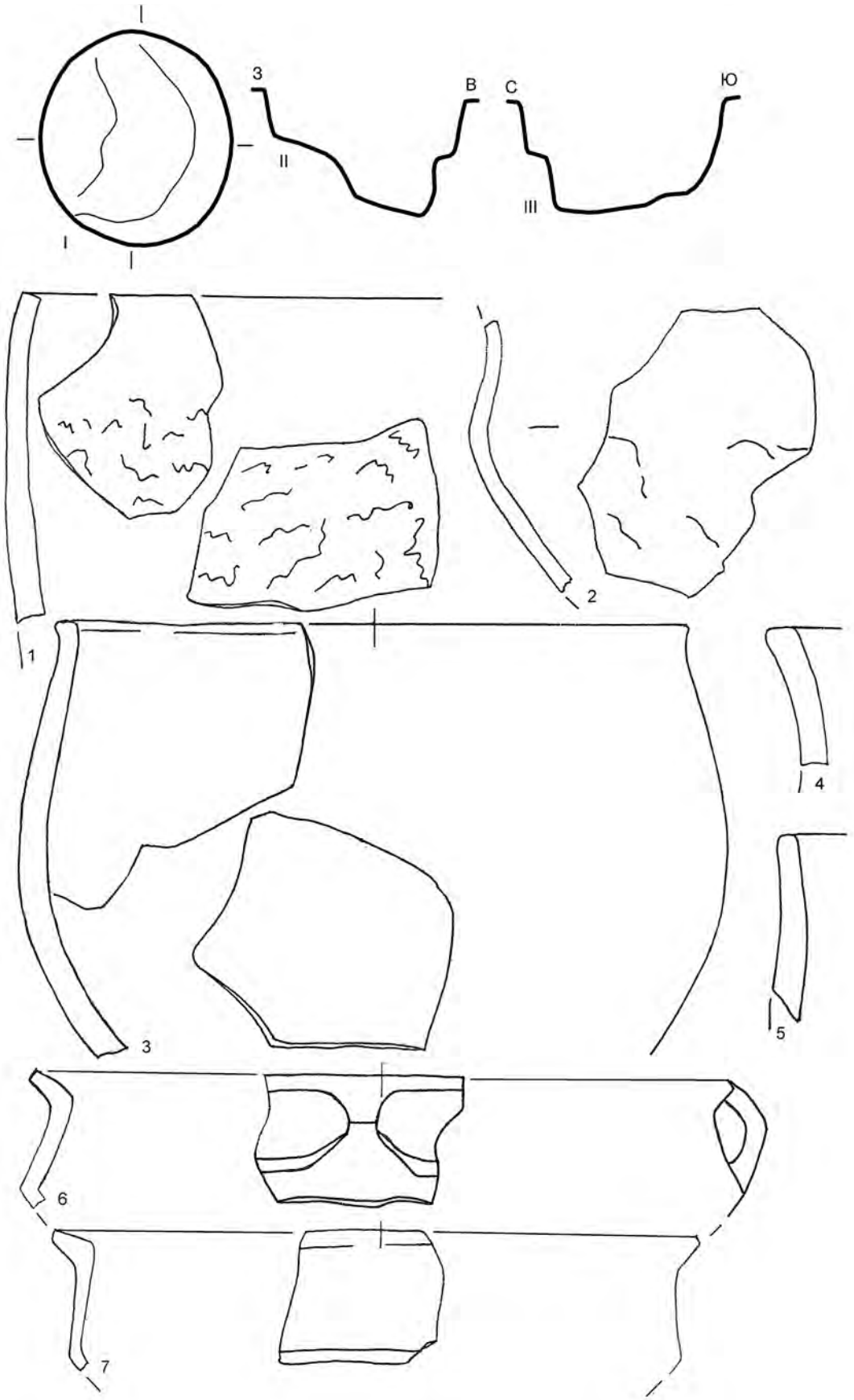


Рис. 7. Яма 79.

I-III – план и профили сооружения; 1, 2 – фрагмент лепного сосуда с лощеной верхней частью и хроповатой нижней; 3, 4 – фрагменты лепных сосудов с шероховатой поверхностью; 5-7 – фрагменты лепных лощеных сосудов; вся керамика происходит из заполнения; 1-3 – рисунки Э.А. Сымоновича; 4-7 – рисунки А.М. Обломского.

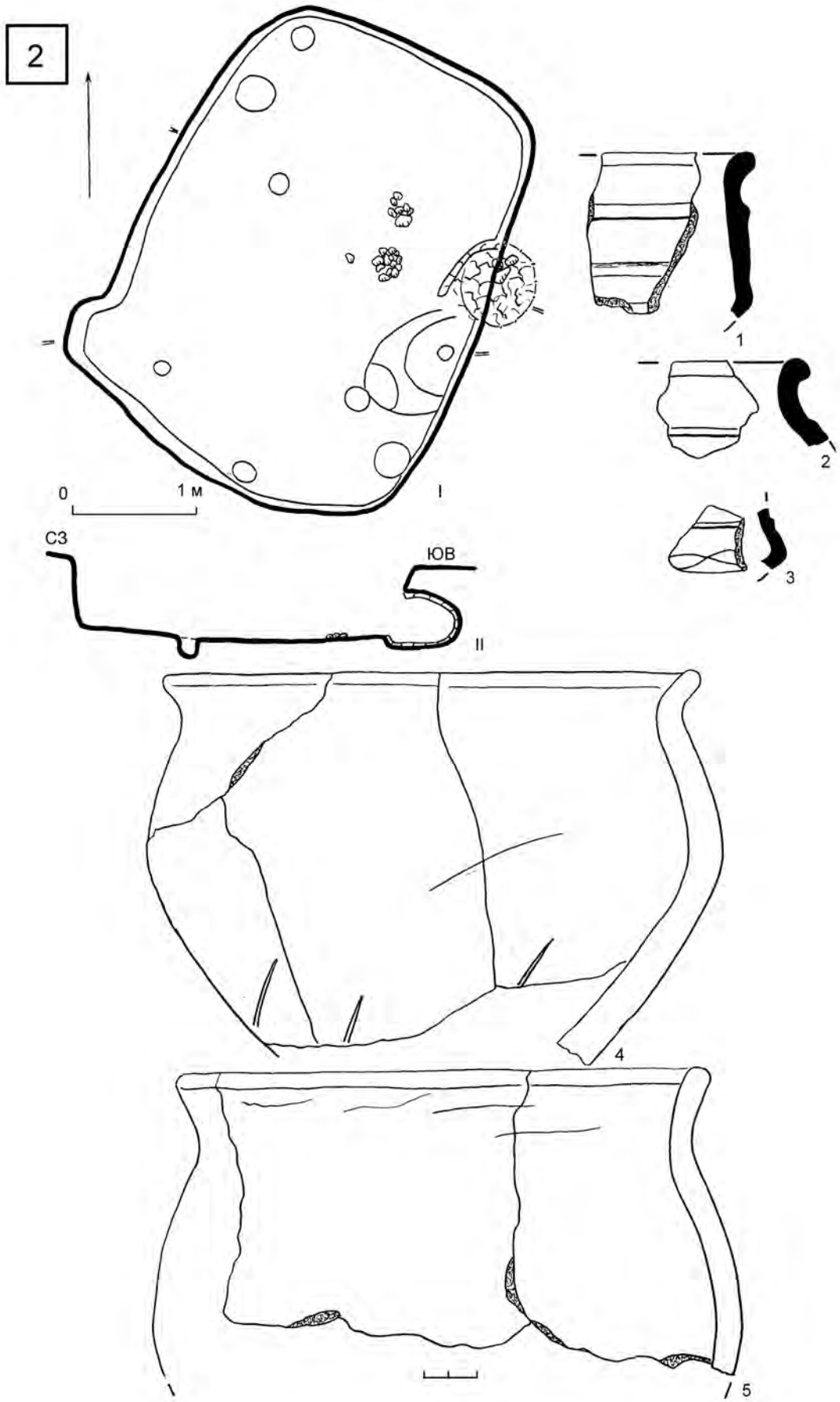


Рис. 8. Постройка 2.
I-II – план и профиль сооружения; 1-3 – фрагменты гончарных лощеных мисок; 4, 5 – фрагменты груболепных сосудов; 1-4 – рисунки Э.А. Сымоновича; 5 – рисунок А.М. Обломского.

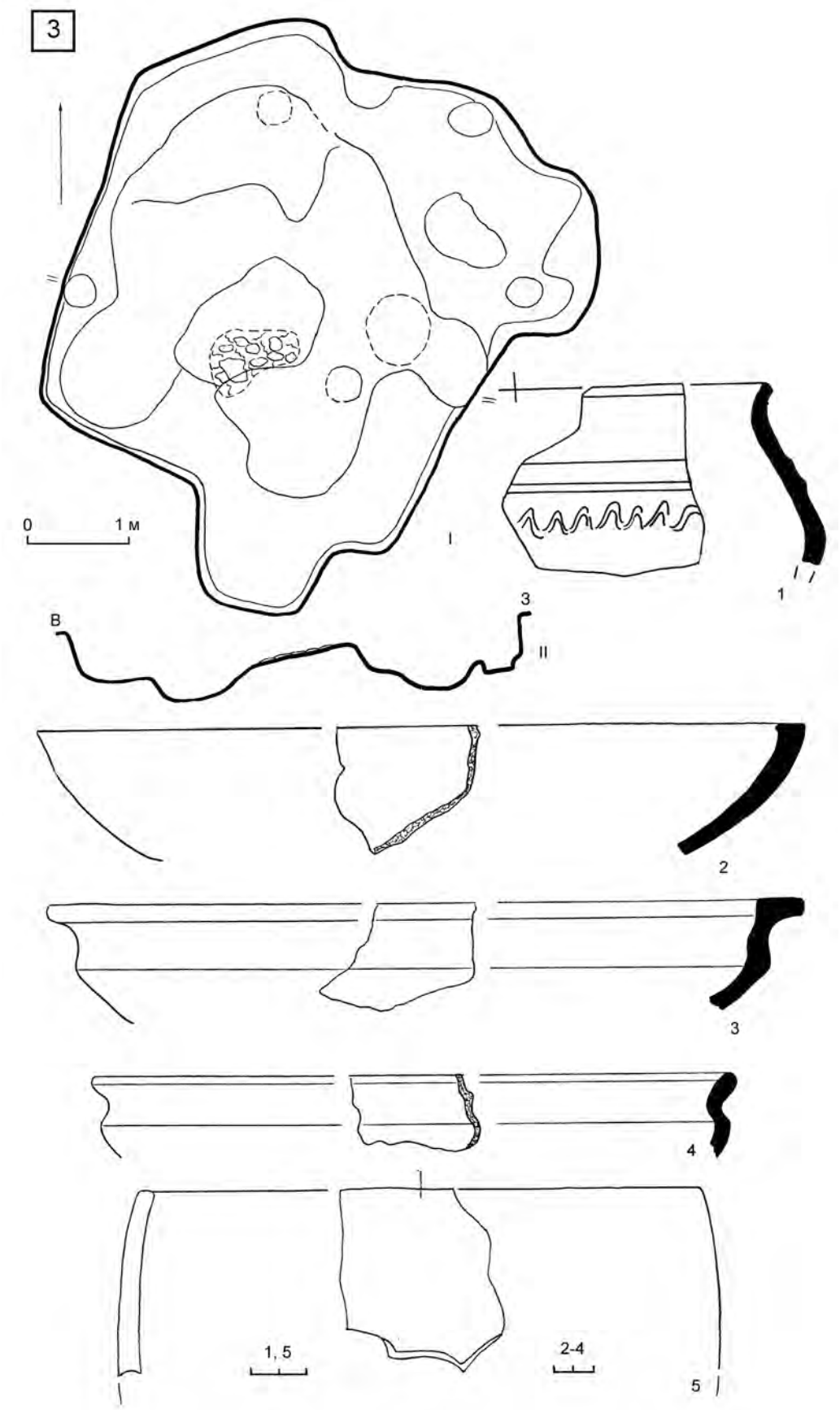


Рис. 9. Постройка 3.
I-II – план и профиль сооружения; 1-4 – фрагменты гончарных лощеных мисок; 5 – фрагмент лепного сосуда с подлощенной поверхностью; 1-4 рисунки – Э.А. Сымоновича; 5 – рисунок А.М. Обломского.

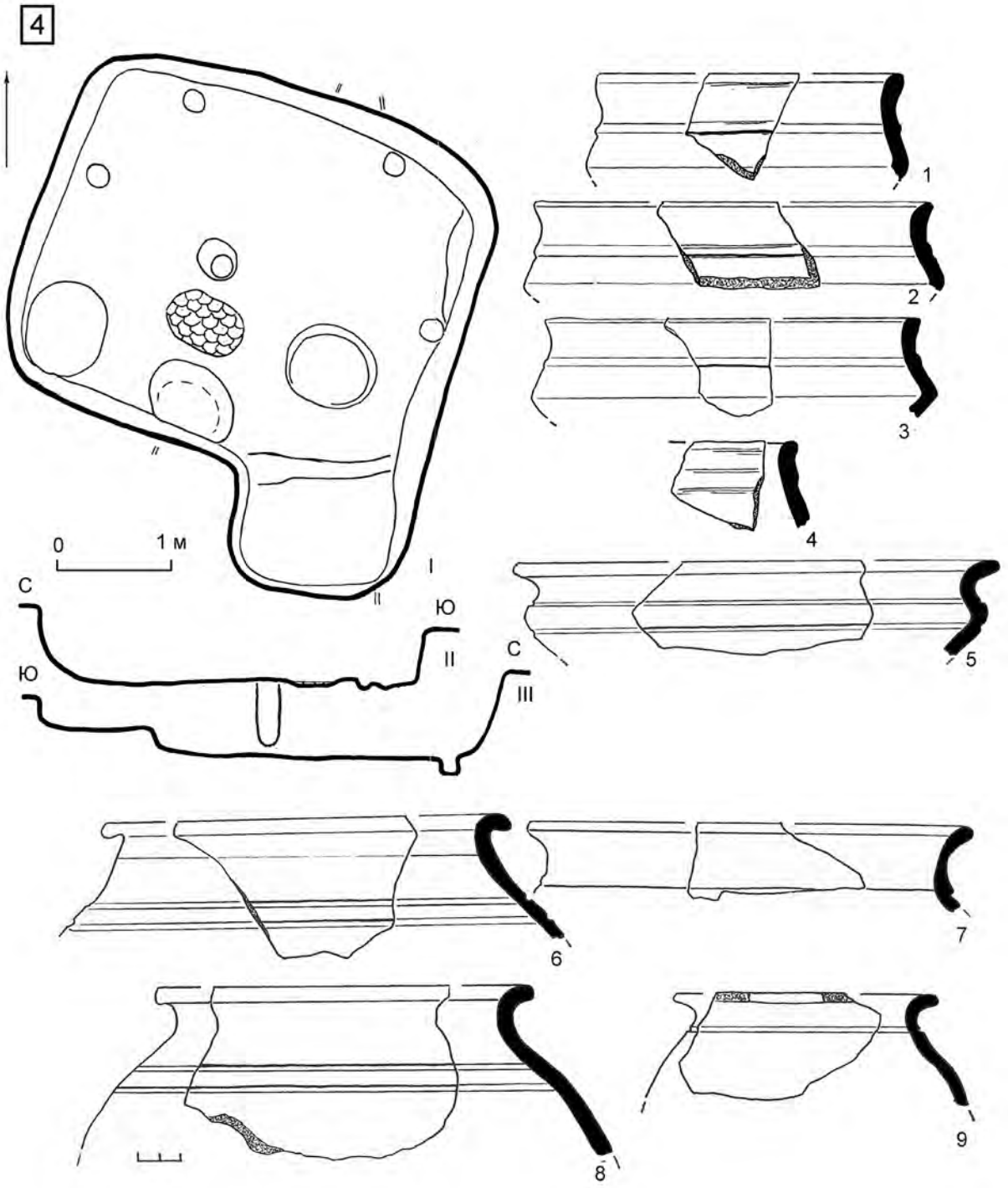


Рис. 10. Постройка 4.
I-III – план и профили сооружения; 1-7 – фрагменты лощеных гончарных мисок; 8-9 – фрагменты гончарных горшков с шероховатой поверхностью; все рисунки Э.А. Сымоновича.

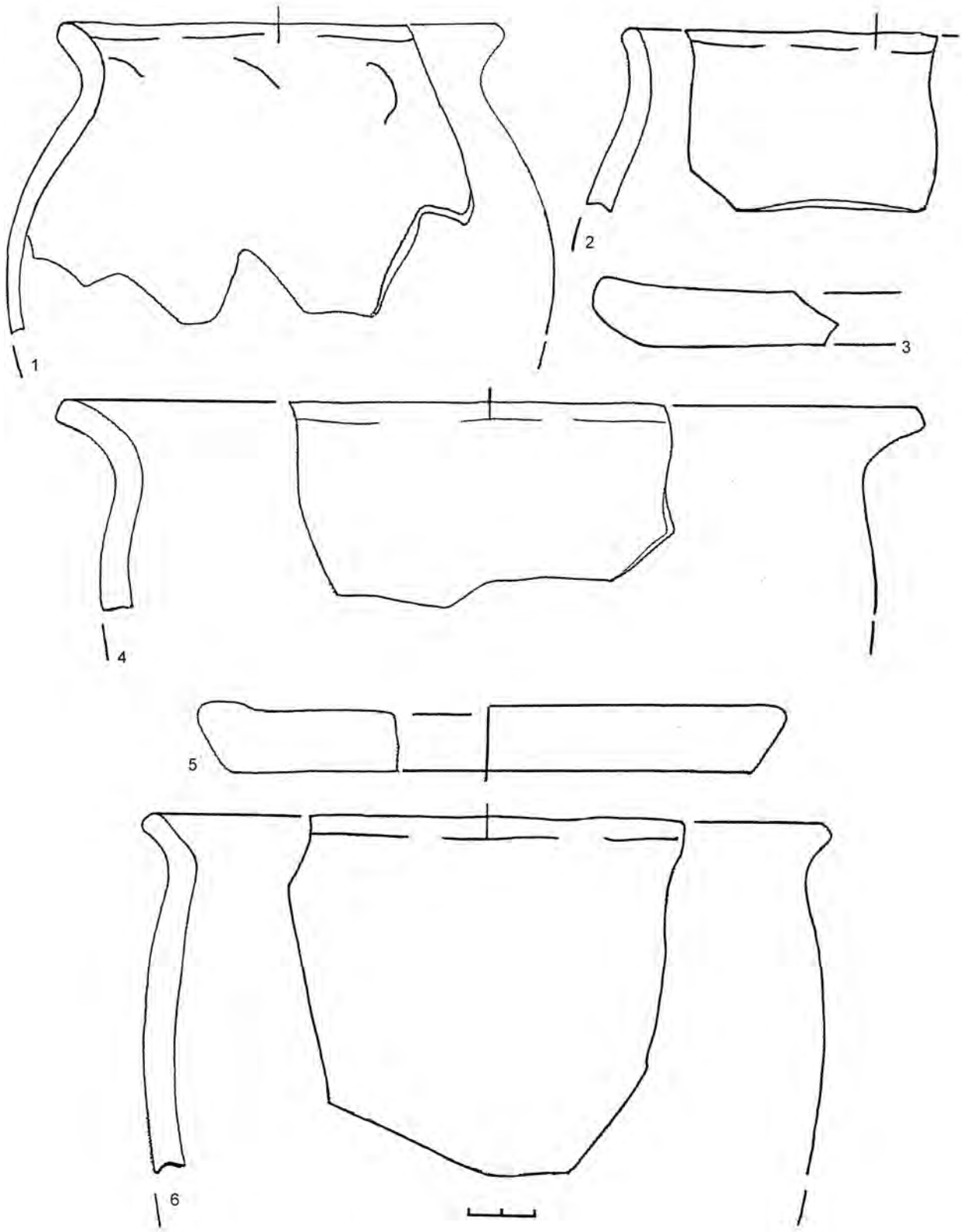


Рис. 11. Постройка на участке 76,Н.
1-6 – груболепная керамика из развала очага; все рисунки А.М. Обломского.

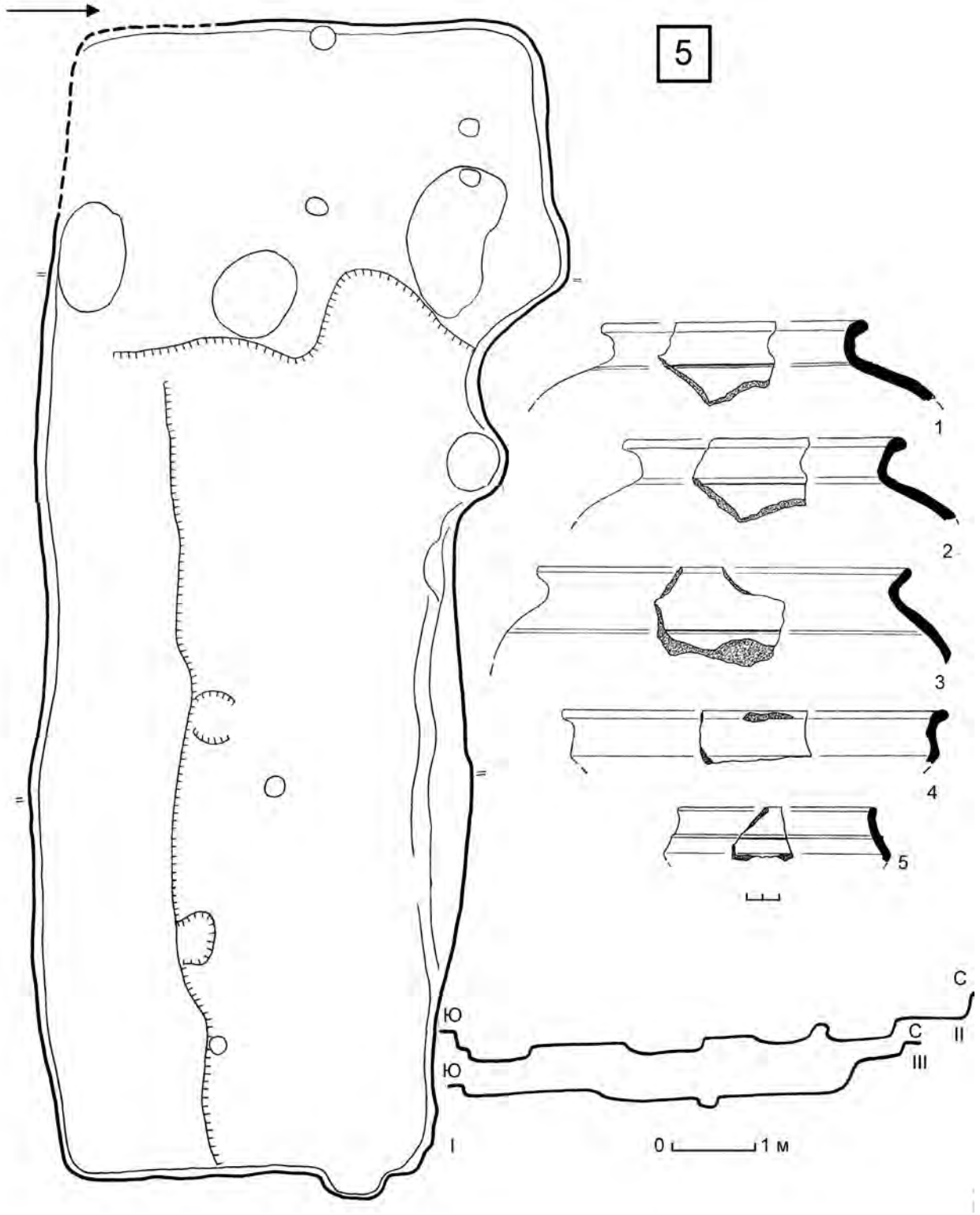


Рис. 12. Постройка 5.
I-III – план и профили сооружения; 1-3 – фрагменты гончарных сосудов с шероховатой поверхностью; 4, 5 – фрагменты гончарных лощеных мисок; все рисунки – Э.А. Сымоновича.

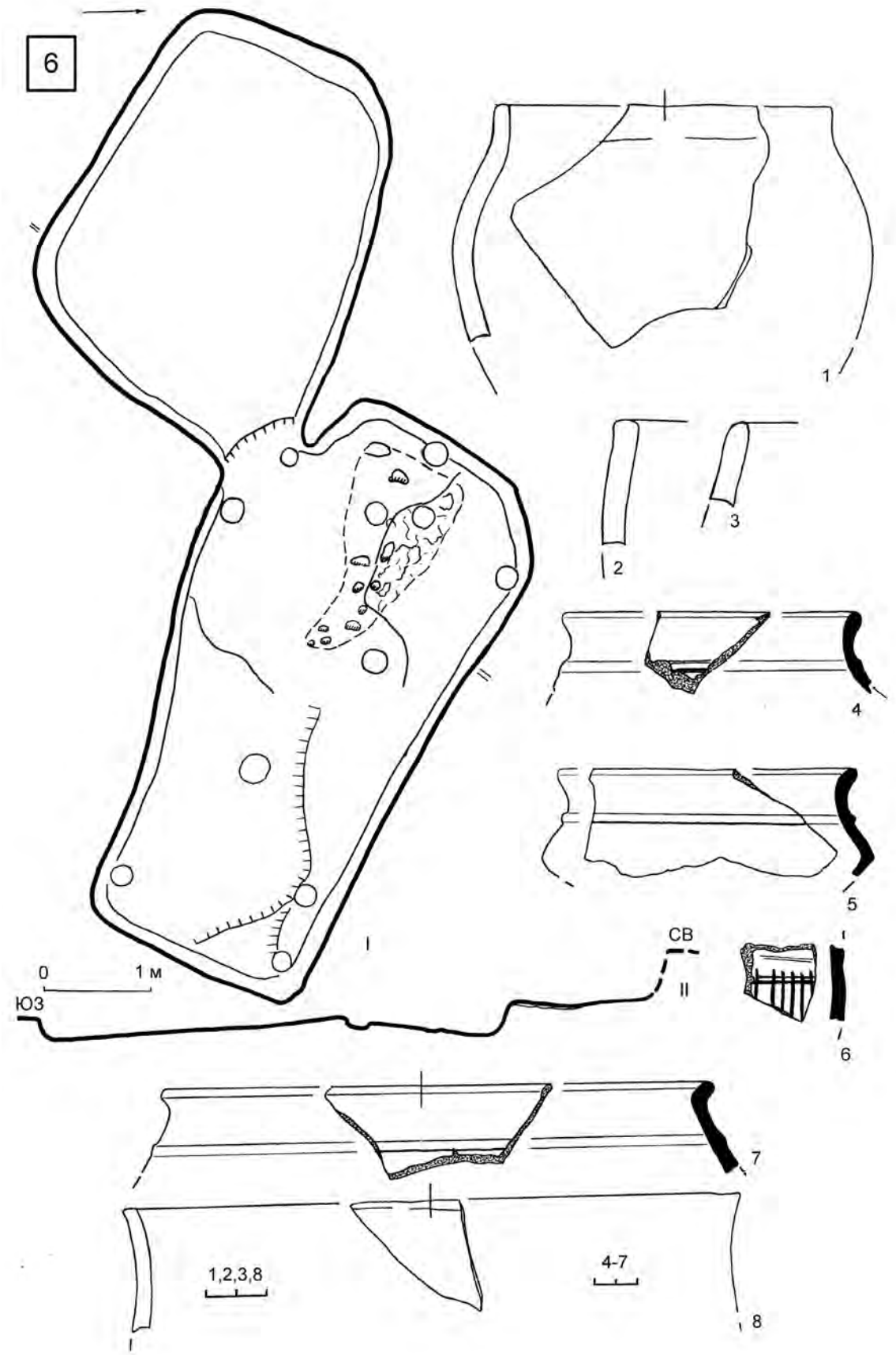


Рис. 13. Постройка 6.
I-II – план и профиль сооружения; 1-3, 8 – груболепная керамика; 4-7 – обломки гончарных лощеных мисок; 1, 2 – второй слой заполнения; 3, 8 – пол; 4-7 – заполнение; 1-3, 8 – рисунки А.М. Обломского; 4-7 – рисунки Э.А. Сымоновича.

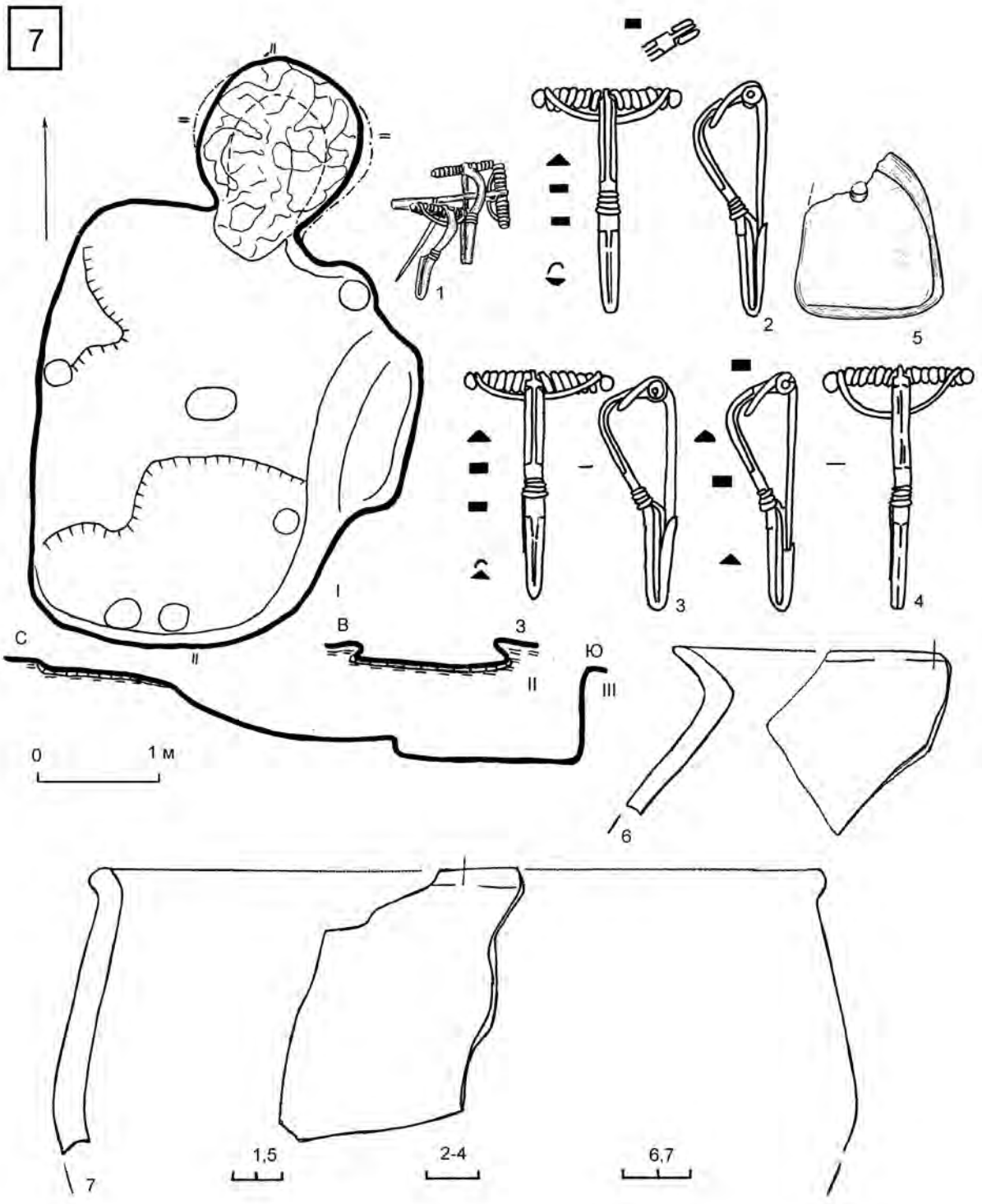


Рис. 14. Постройка 7.
I-III – план и профили сооружения; 1-4 – бронзовые фибулы; 5 – фрагмент пирамидального глиняного грузила; 6, 7 – фрагменты груболепных сосудов; 1-7 – материал из горизонта скопления обмазки над постройкой 7; 2-4 – рисунки И.О. Гавритухина; 5 – рисунок Э.А. Сымоновича; 6, 7 – рисунки А.М. Обломского.

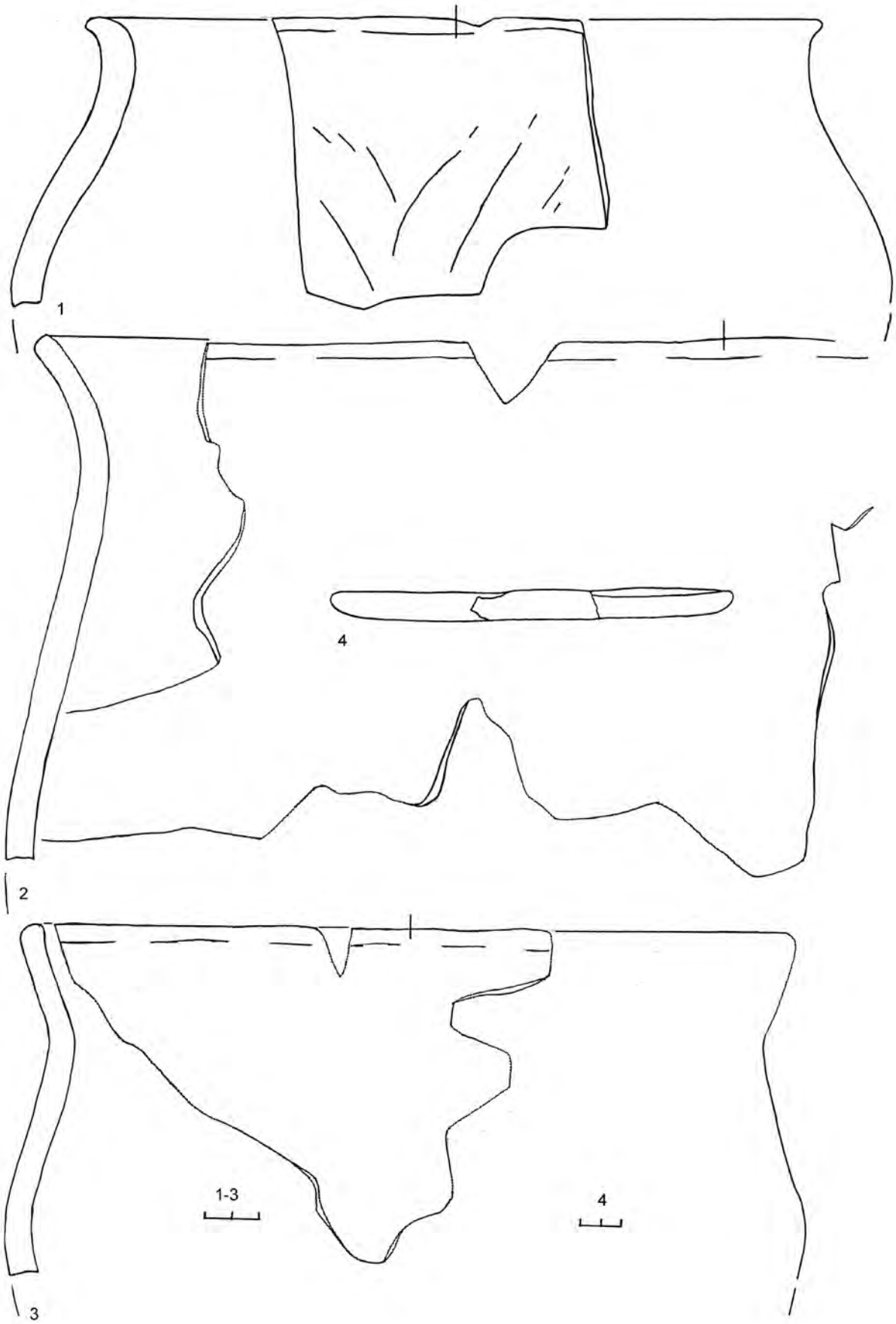


Рис. 15. Постройка 7, груболепные сосуды из вымостки пода печи; рисунки А.М. Обломского.

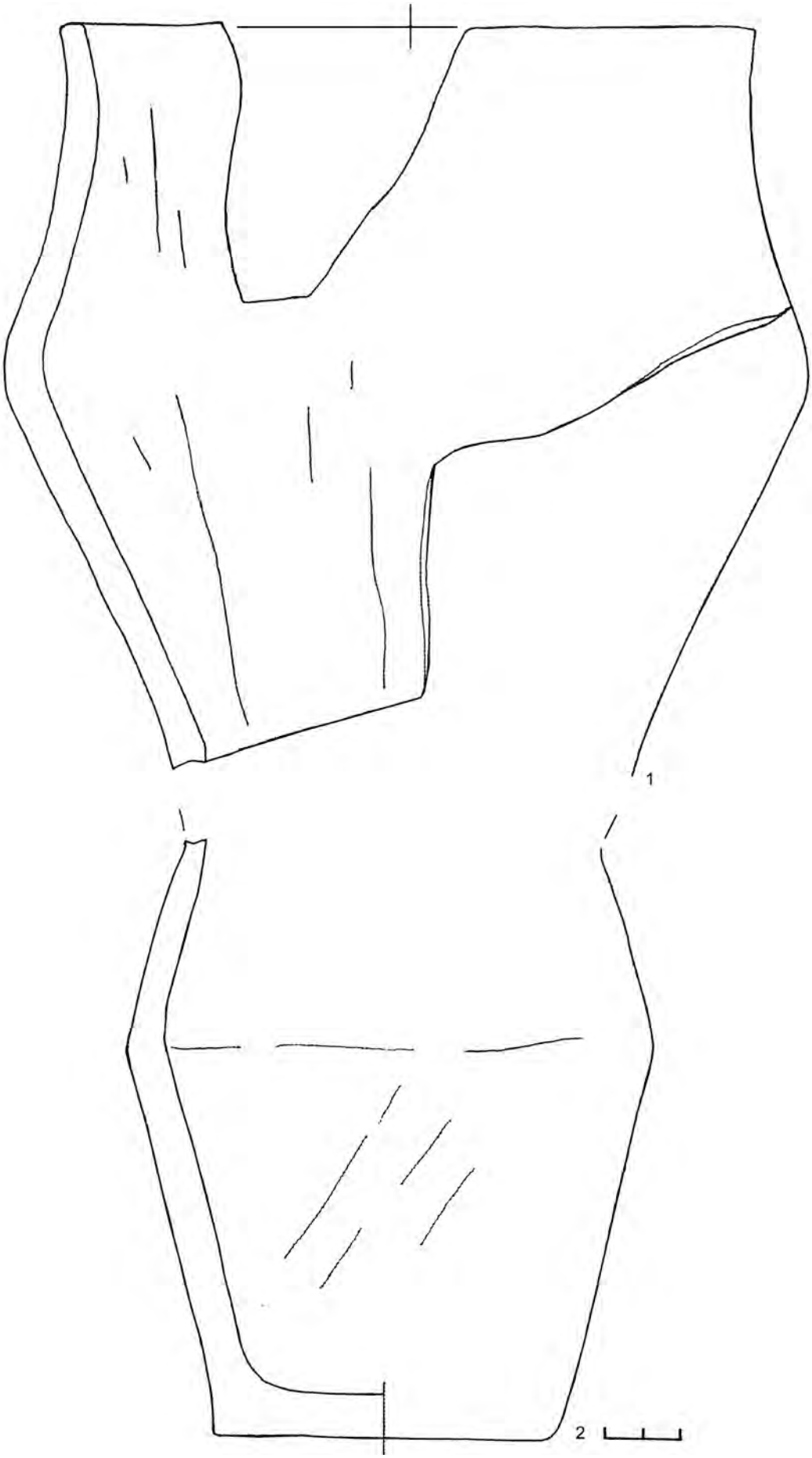


Рис. 16. Постройка 7, груболепные сосуды из вымостки пода печи; рисунки А.М. Обломского.

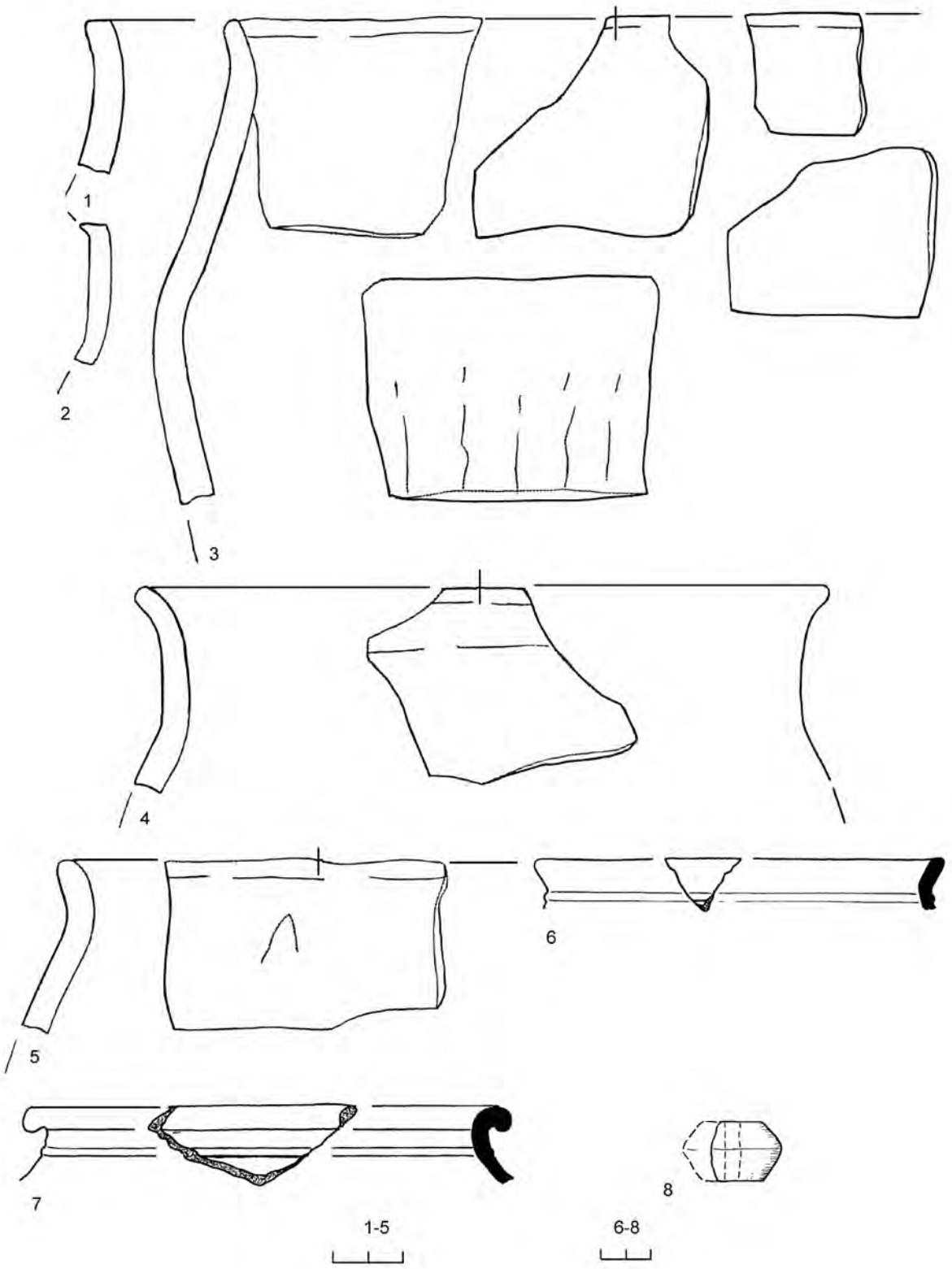


Рис. 17. Постройка 7, материалы.
1, 3-5 – груболепная керамика; 2 – фрагмент лепного лощеного сосуда; 6, 7 – фрагменты гончарных лощеных мисок; 8 – глиняное пряслице; 1-4 – пол; 5-8 – заполнение; 1-5 – рисунки А.М. Обломского; 6-8 – рисунки Э.А. Сымоновича.

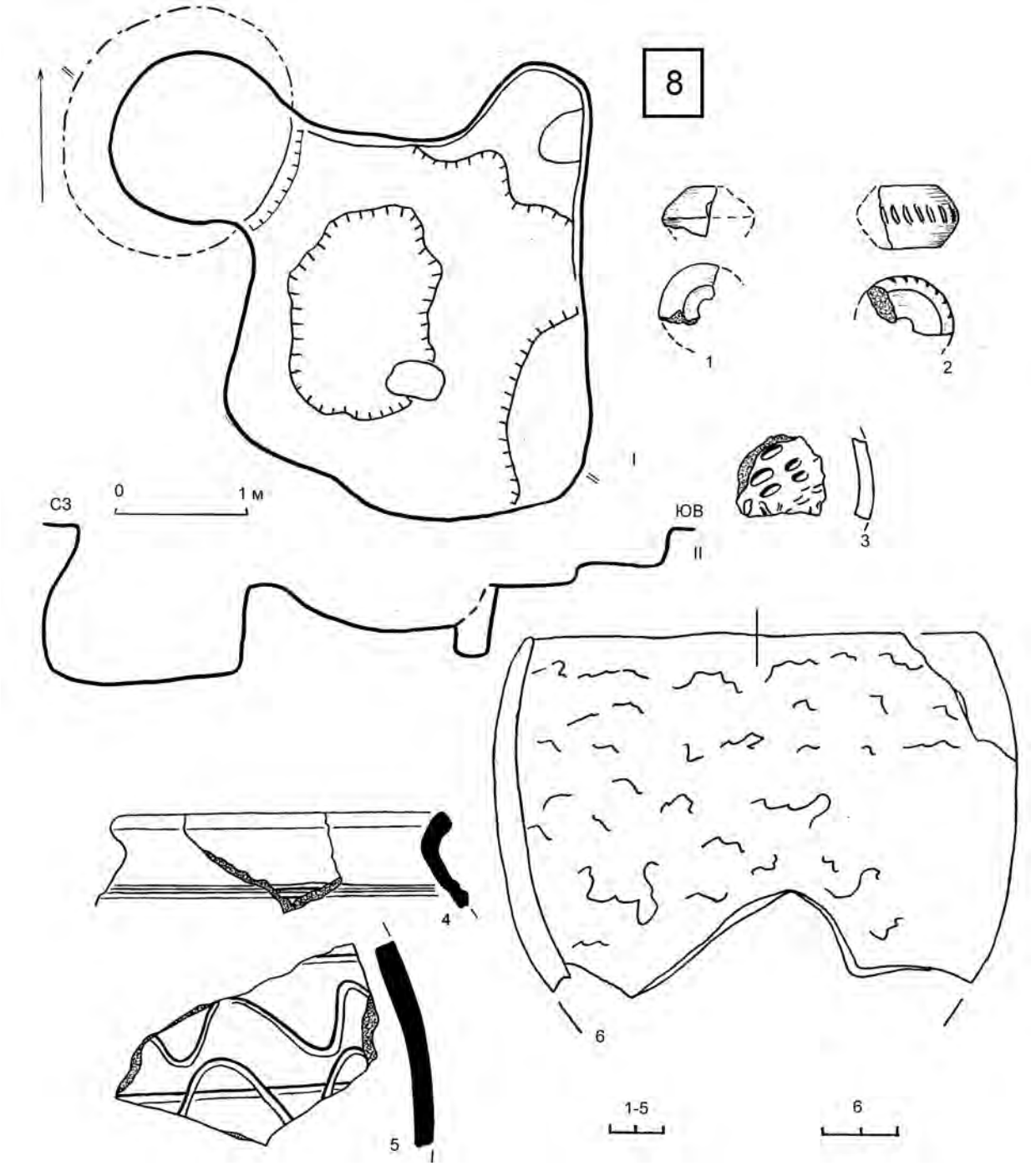


Рис. 18. Постройка 8.
I-II – план и профиль сооружения; 1, 2 – глиняные пряслица; 3 – фрагмент лепного сосуда с пальцевыми вдавлениями на поверхности; 4, 5 – фрагменты гончарных сосудов с шероховатой поверхностью; 6 – фрагмент лепного сосуда с хроповатой поверхностью; 1-5 – заполнение; 6 – пол; 1-5 – рисунки Э.А. Сымоновича; 6 – рисунок А.М. Обломского.

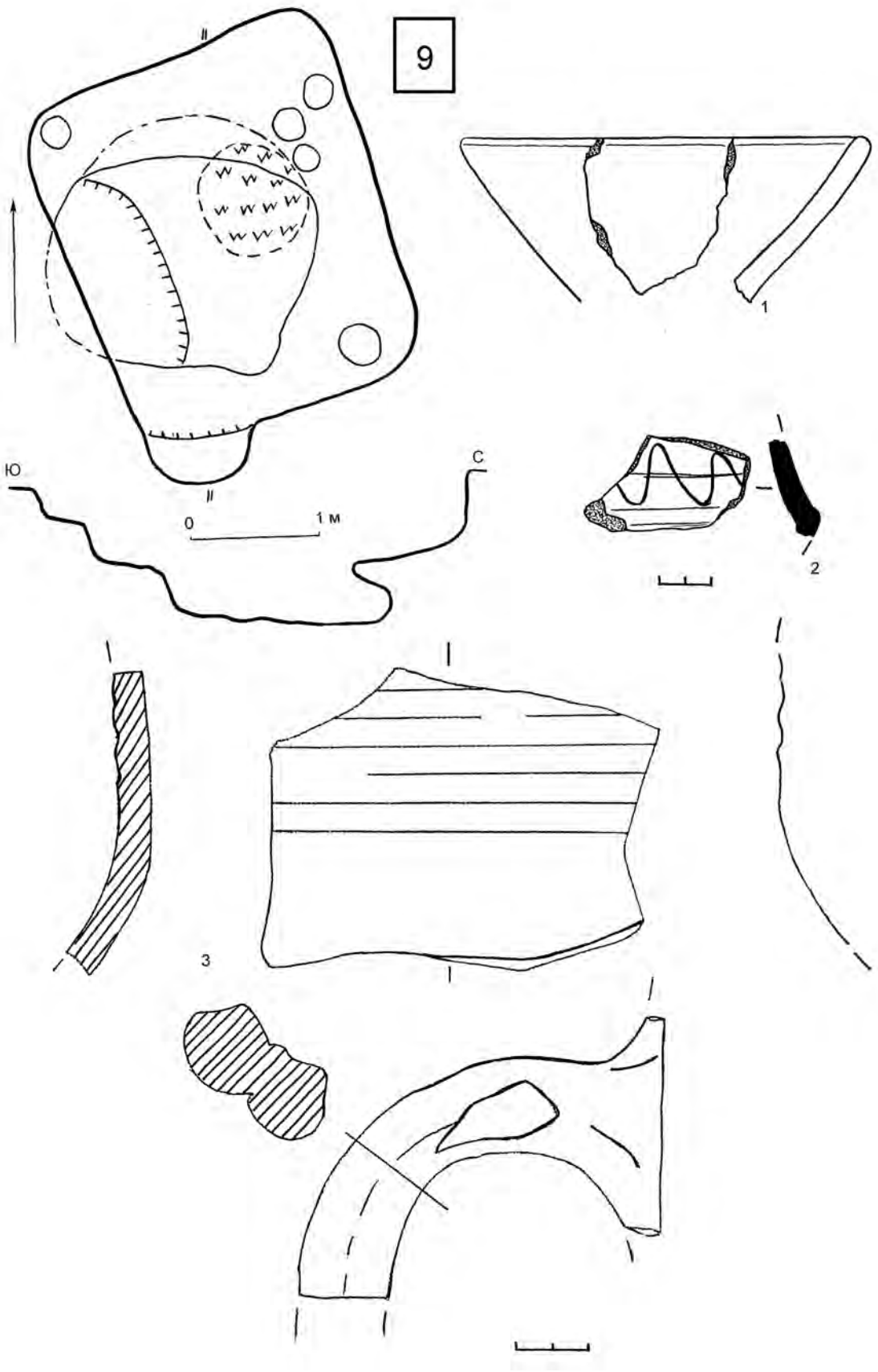


Рис. 19. Постройка 9.
I-II – план и профиль сооружения; 1 – фрагмент груболепной плошки; 2 – фрагмент стенки гончарной лощеной миски; 3 – фрагменты красноглиняной амфоры; 1-3 – заполнение; 1, 2 – рисунки Э.А. Сымоновича; 3 – рисунок А.М. Обломского.

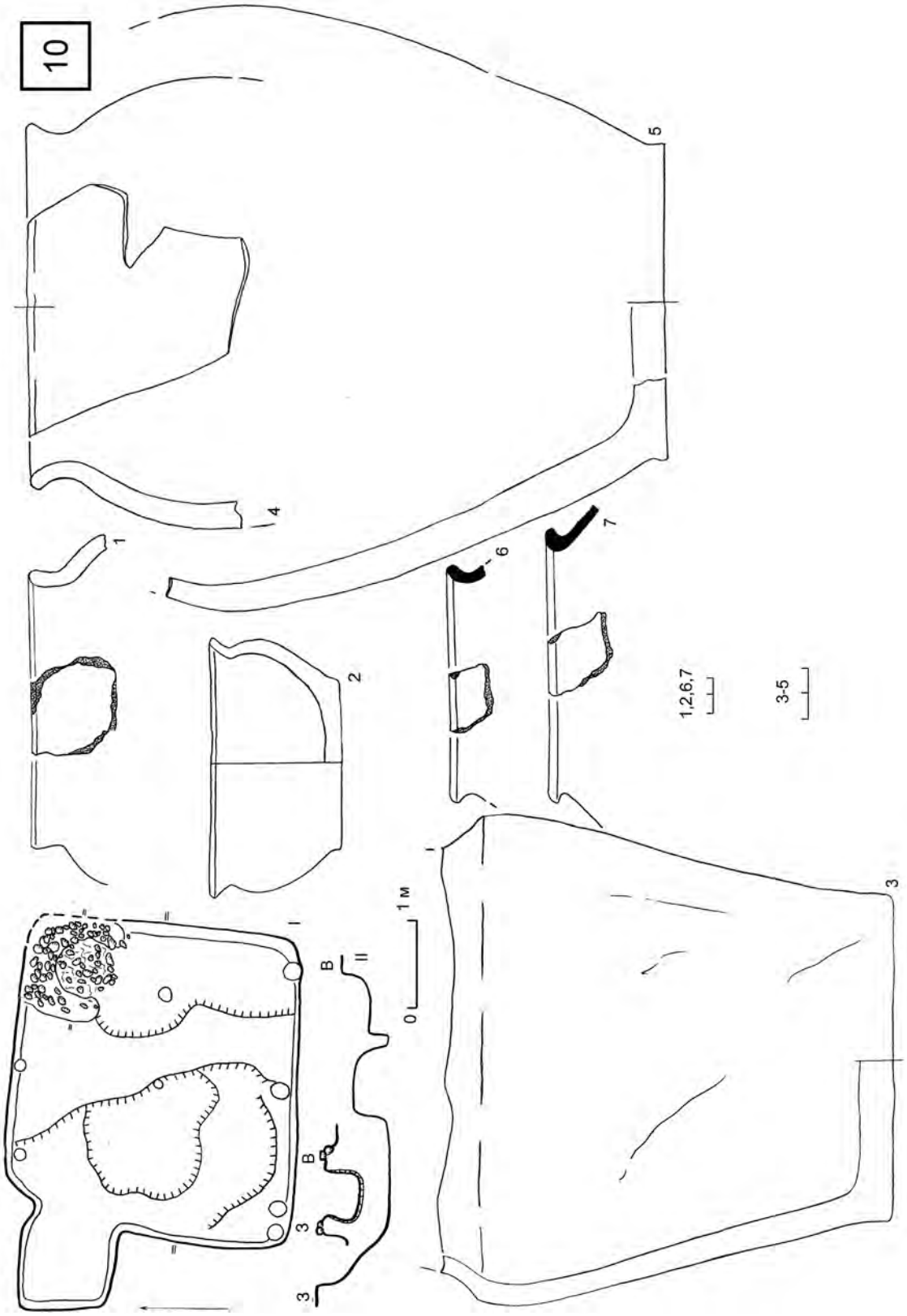


Рис. 20. Постройка 10.

I-II – план и профиль сооружения; 1-5 – груболепная керамика; 6, 7 – фрагменты гончарных сосудов с шероховатой поверхностью; 1, 6, 7 – заполнение; 2, 3, 5 – пол; 1, 2, 6, 7 – рисунки Э.А. Сымоновича; 3-5 – рисунки А.М. Обломского.

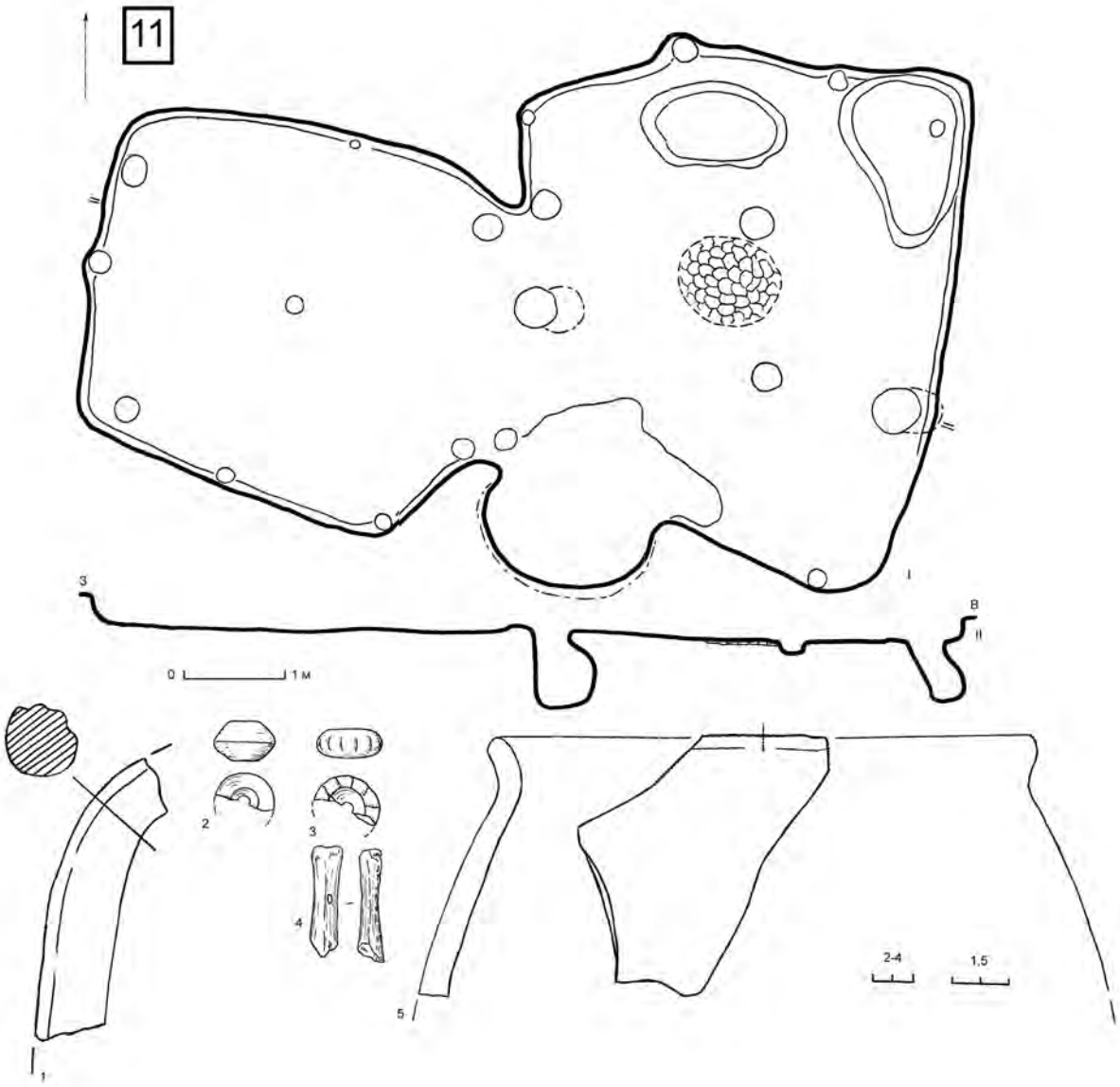


Рис. 21. Постройка 11.
I-II – план и профиль сооружения; 1 – ручка светлоглиняной амфоры; 2, 3 – глиняные пряслица; 4 – просверленная кость; 5 – фрагмент груболепного сосуда; 1-5 – заполнение; 1, 5 – рисунки А.М. Обломского; 2-4 – рисунки Э.А. Сымоновича.

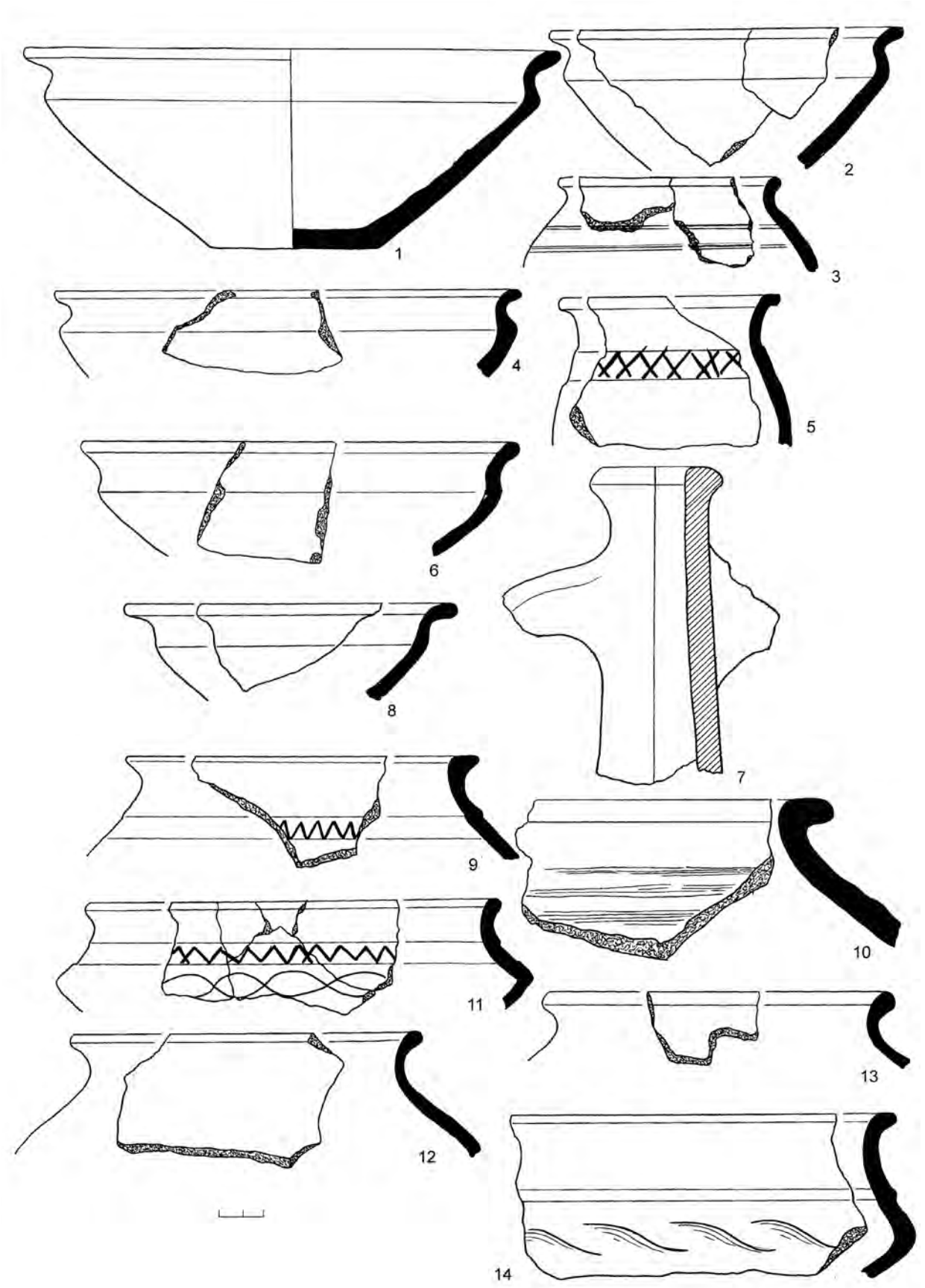


Рис. 22. Постройка 11, материалы.
1-6, 8-14 – гончарная черняховская керамика; 7 – горло светлоглиняной амфоры;
1-14 – заполнение; все рисунки Э.А. Сымоновича.

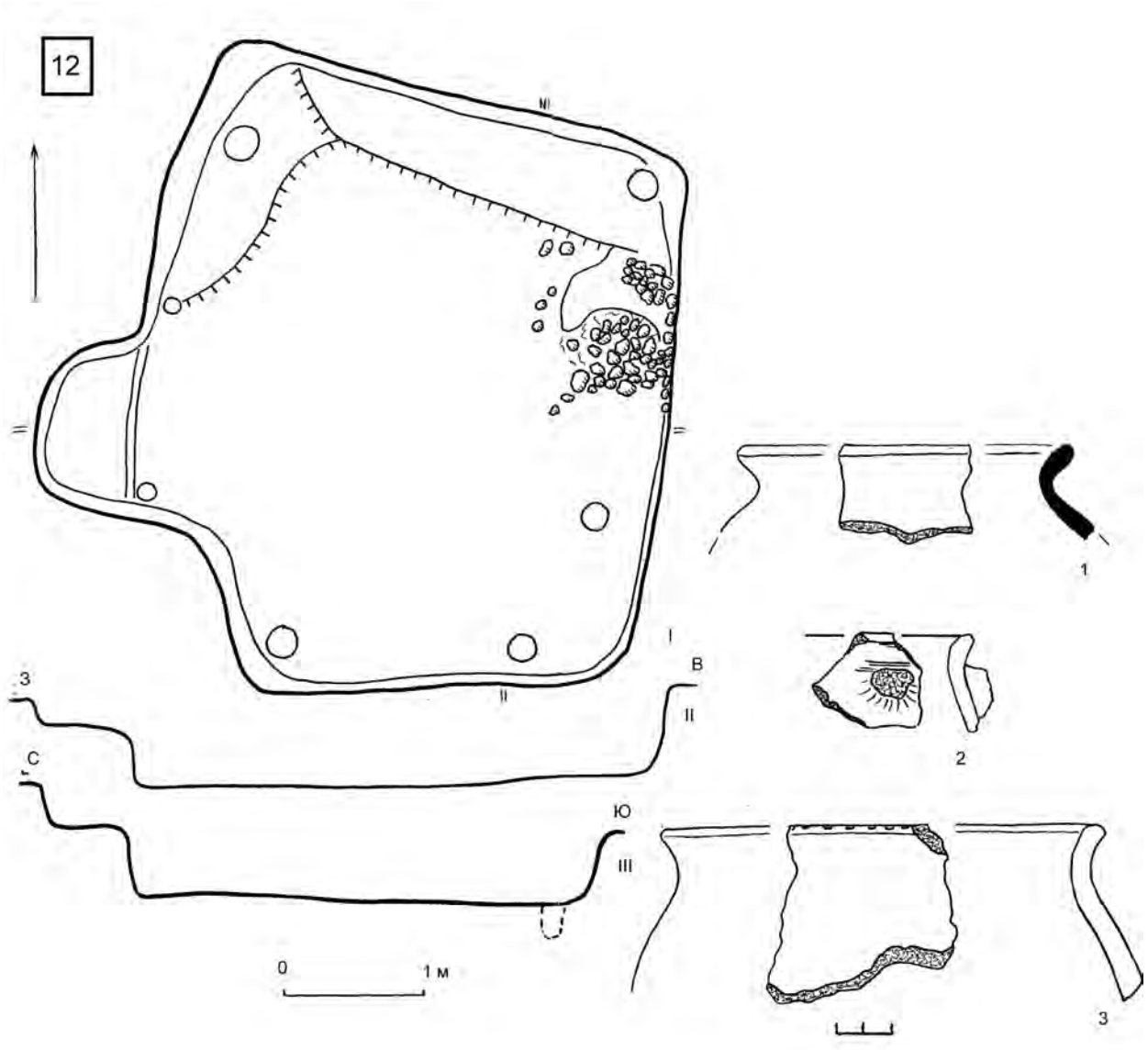


Рис. 23. Постройка 12.
I-III – план и профили сооружения; 1 – фрагмент гончарного сосуда с шероховатой поверхностью; 2-3 – груболепная керамика; 1-2 – заполнение; 3 – печь; все рисунки Э.А. Сымоновича.

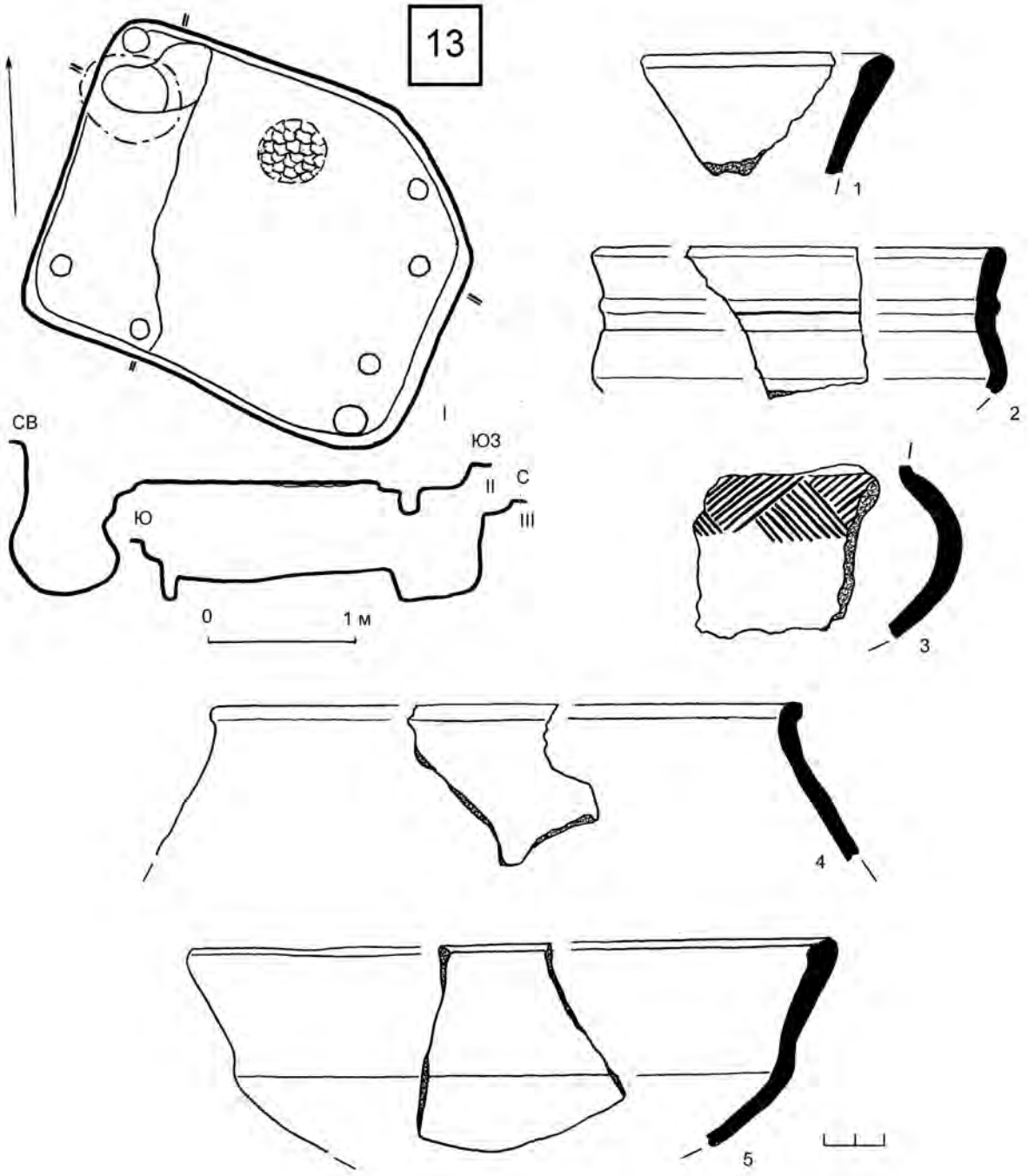


Рис. 24. Постройка 13.
I-III – план и профили сооружения; 1-5 – черняховская гончарная керамика из заполнения; все рисунки Э.А. Сымоновича.

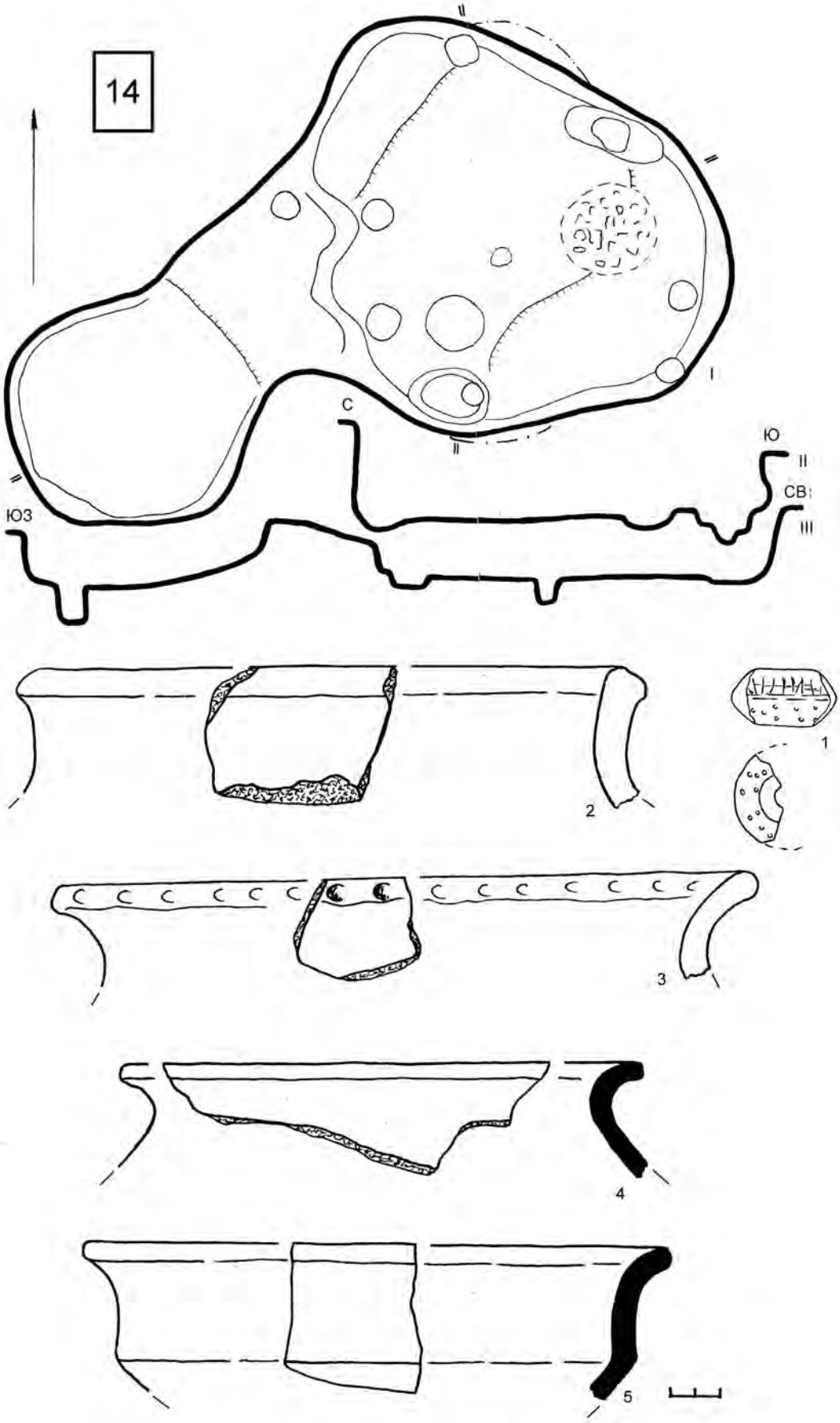


Рис. 25. Постройка 14.
I-III – план и профили сооружения; 1 – фрагмент глиняного пряслица; 2, 3 – груболепная керамика; 4, 5 – гончарная лощеная керамика; 1-5 – заполнение; все рисунки Э.А. Сымоновича.

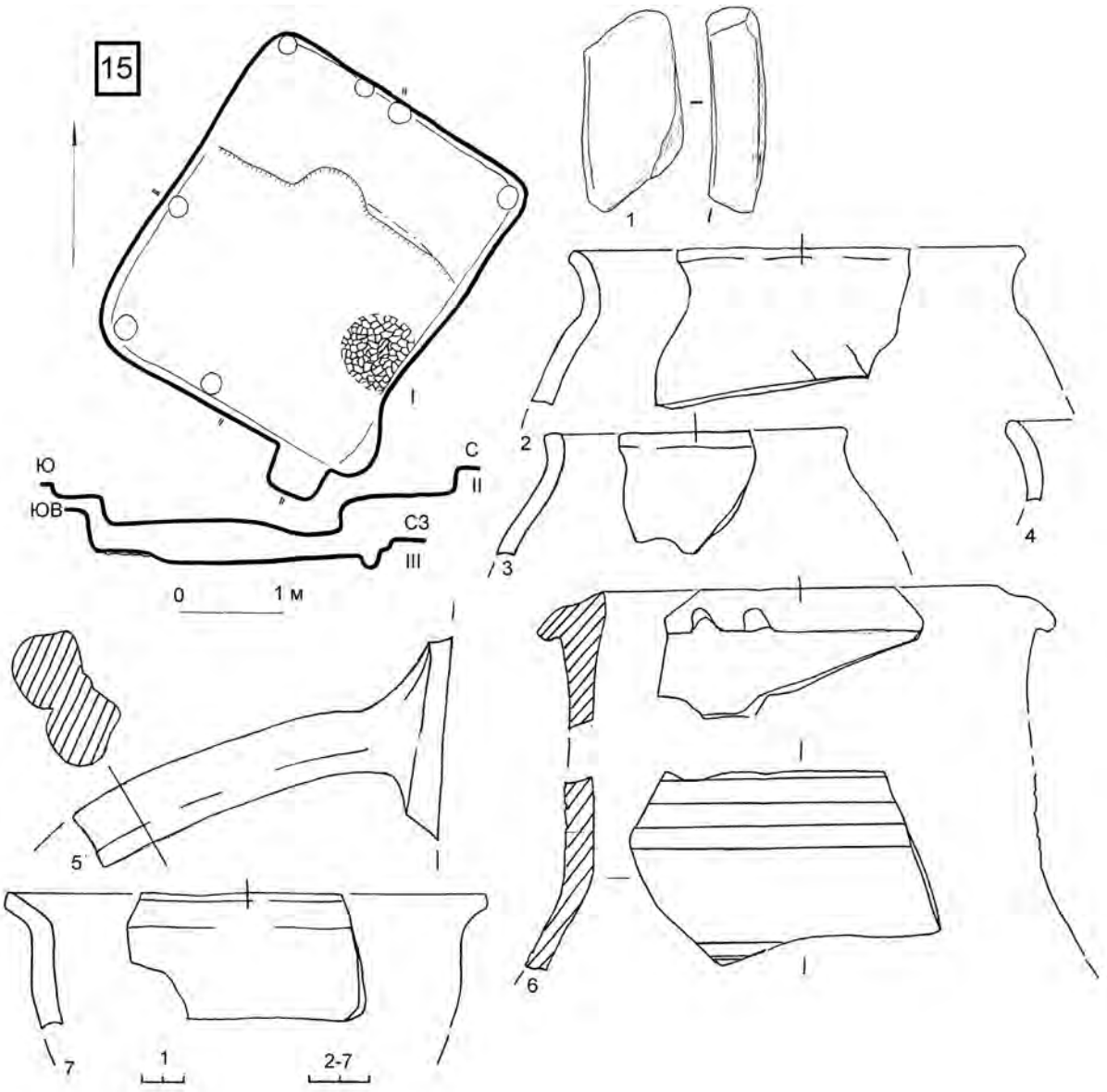


Рис. 26. Постройка 15.
I-III – план и профили сооружения; 1 – точильный камень; 2-4, 7 – груболепная керамика; 5, 6 – фрагменты красноглиняной амфоры; 1-4 – 2-ой слой заполнения; 5, 6 – пол; 7 – 3-й слой заполнения; 1 – рисунок Э.А. Сымоновича; 2-7 – рисунки А.М. Обломского.

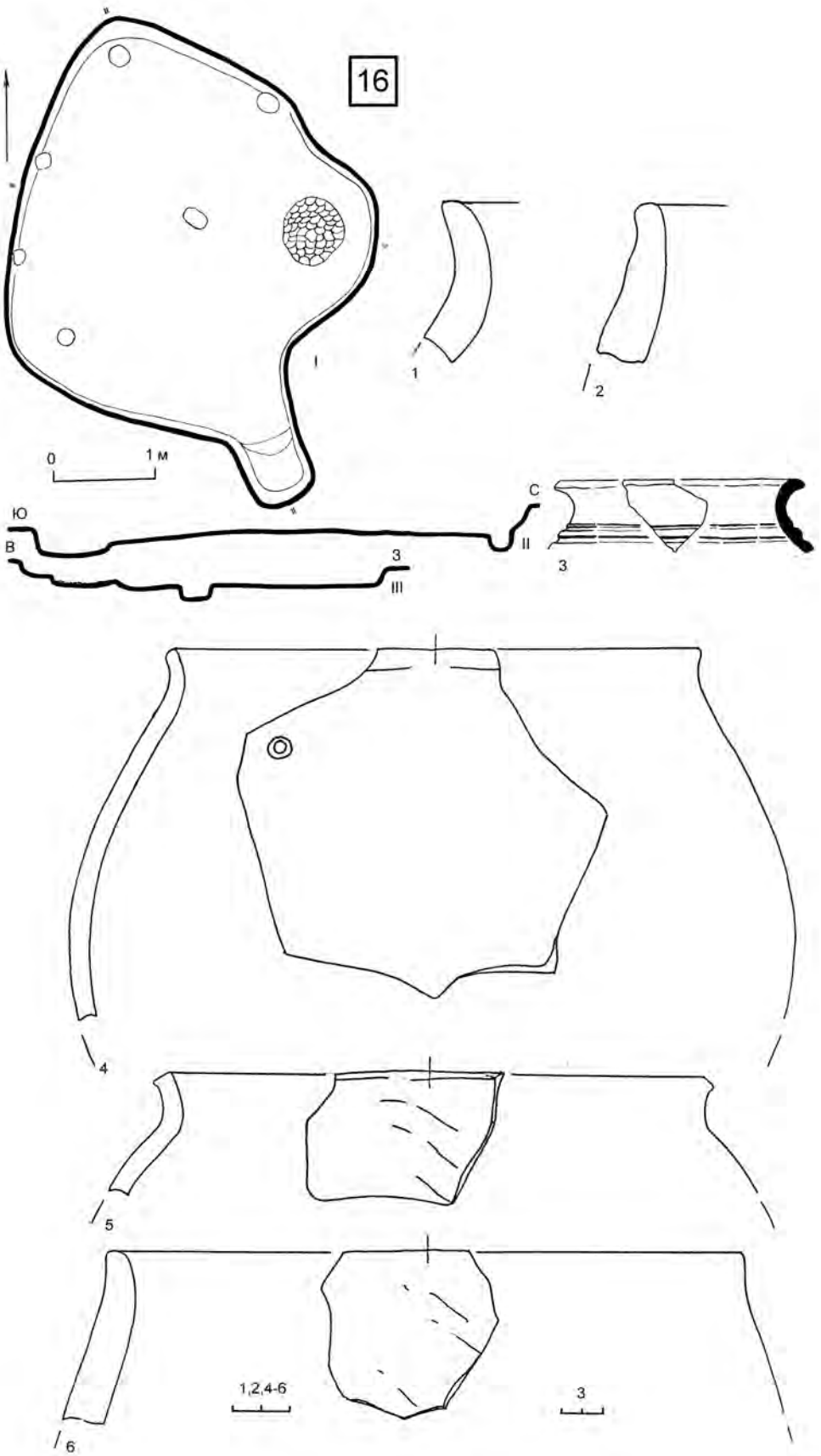


Рис. 27. Постройка 16.
I-III – план и профили сооружения; 1, 2, 4-6 – груболепная керамика; 3 – фрагмент венчика гончарного сосуда с шероховатой поверхностью; 1, 2, 4-6 – 1-ый слой заполнения; 3 – заполнение; 1, 2, 4-6 – рисунки А.М. Обломского; 3 – рисунок Э.А. Сымоновича.

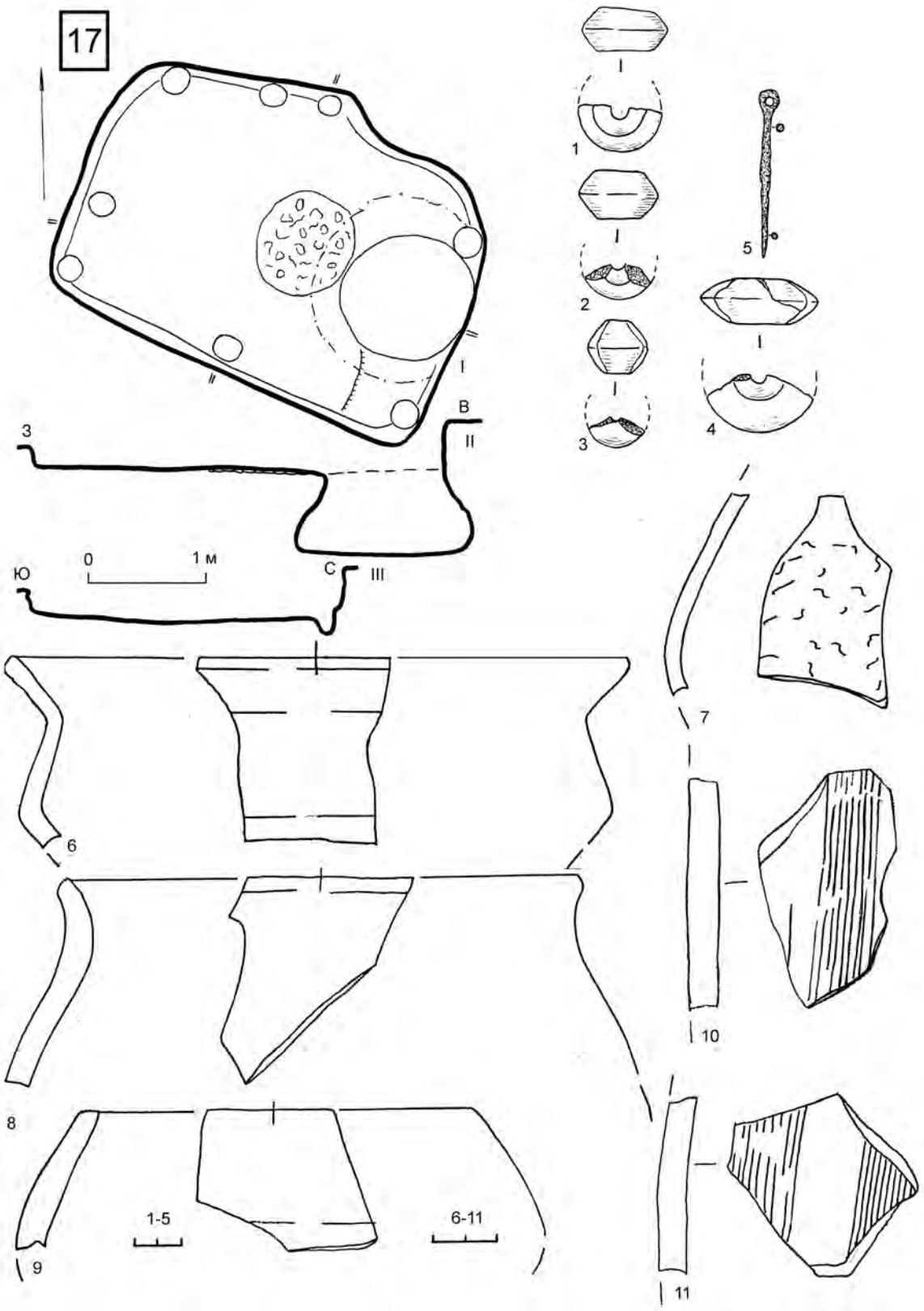


Рис. 28. Постройка 17.
I-III – план и профили сооружения; 1-4 – глиняные пряслица; 5 – железная булавка; 6 – фрагмент лепной чернолощеной миски; 7 – фрагмент лепного сосуда с хроповатой поверхностью, лощеного изнутри; 8, 9 – обломки груболепных сосудов; 10, 11 – фрагменты стенок груболепных сосудов с расчесами, нанесенными гребнем по поверхности; 1-3, 5-11 – 1-ый слой заполнения; 4 – 2-ой слой заполнения; 1-5 – рисунки Э.А. Сымоновича; 6-11 – рисунки А.М. Обломского.

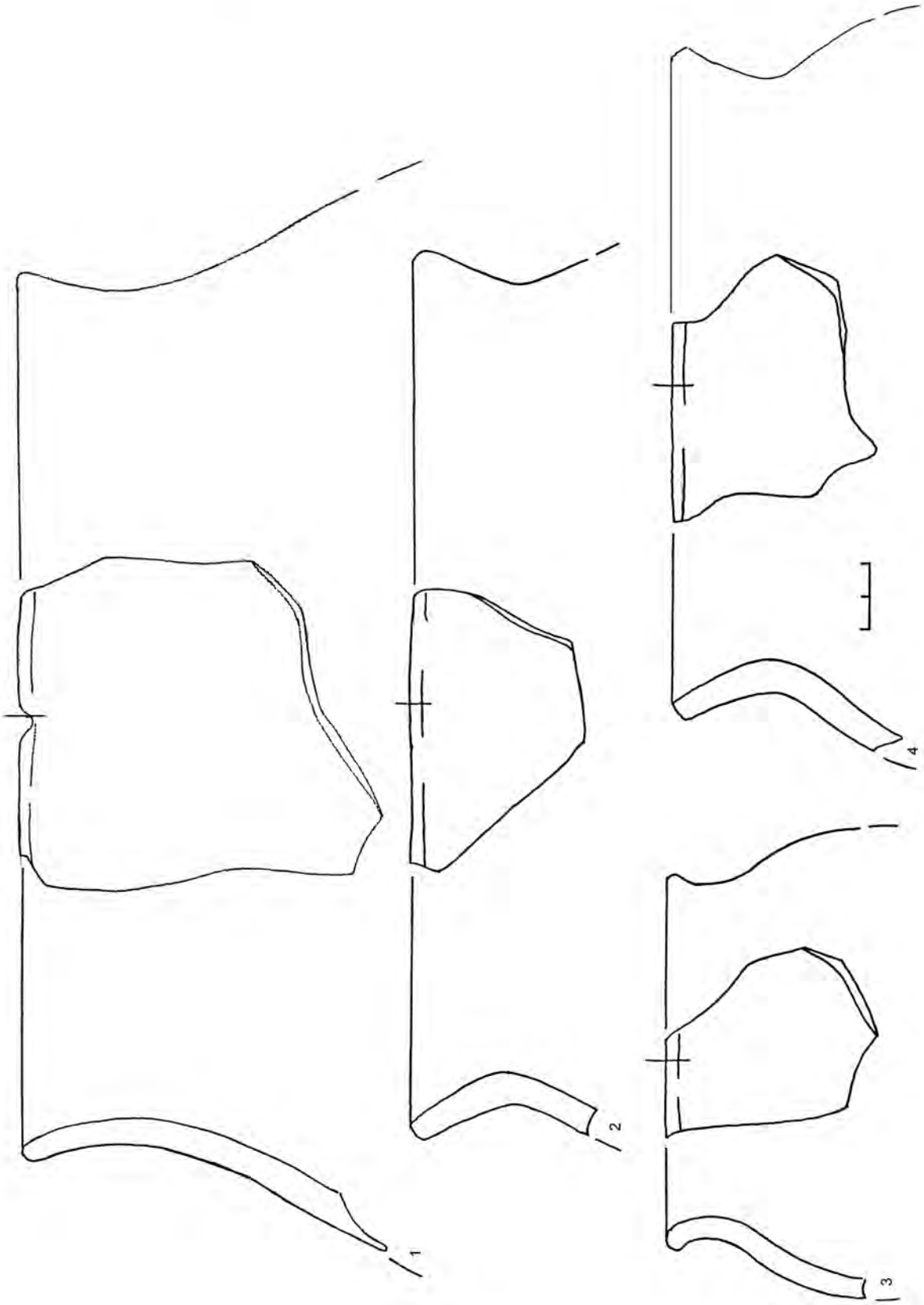


Рис. 29. Груболепная керамика из заполнения постройки 17 (рисунки А.М. Обломского).

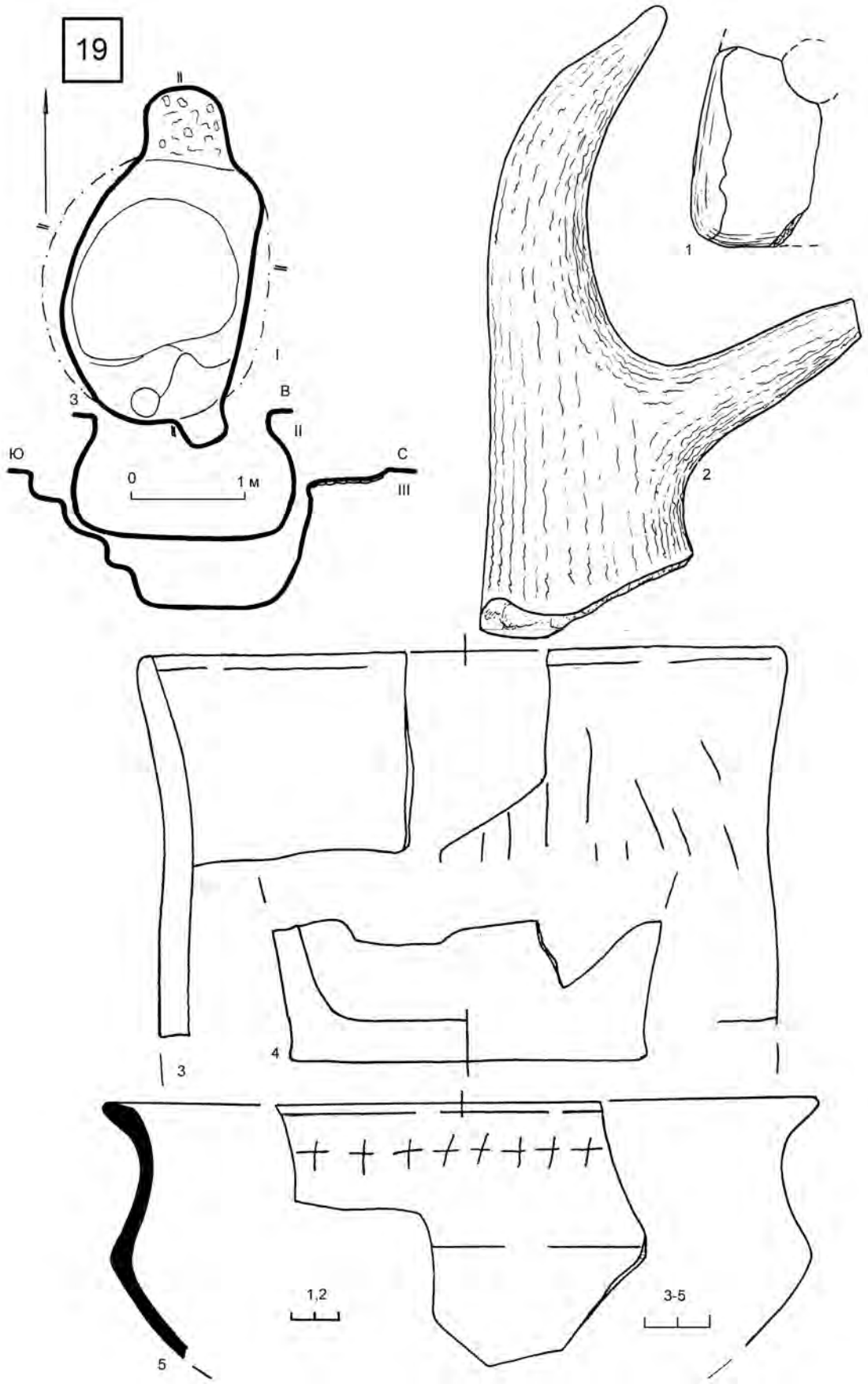


Рис. 30. Постройка 19.
I-III – план и профили сооружения; 1 – фрагмент пирамидального глиняного грузила; 2 – опиленный рог; 3, 4 – груболепная керамика; 5 – фрагмент лощеной гончарной миски; 1, 2 – заполнение; 3-5 – печь; 1, 2 – рисунки Э.А. Сымоновича; 3-5 – рисунки А.М. Обломского.

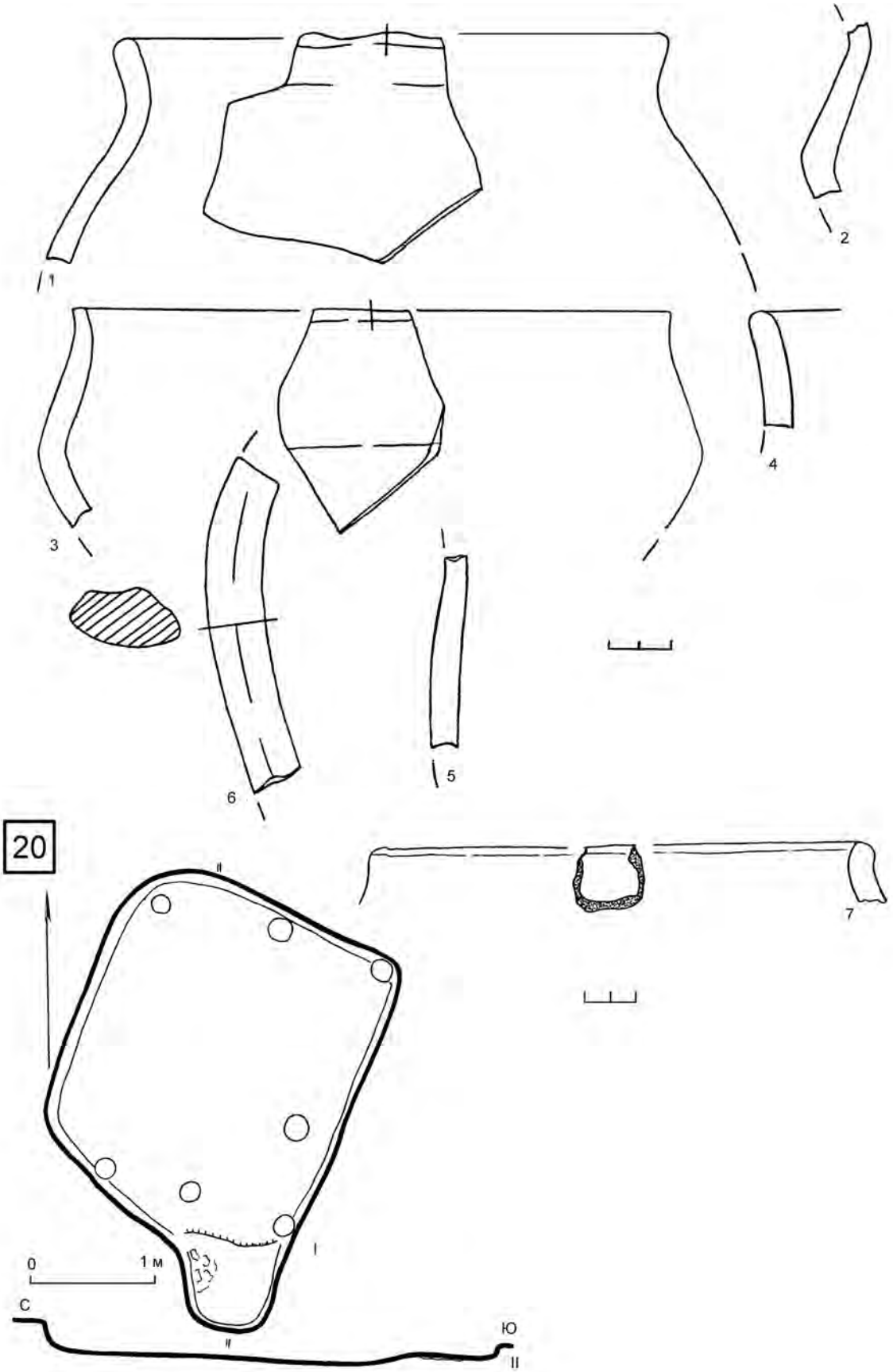


Рис. 31. Материалы постройки 19 и постройка 20.
1-5, 7 – груболепная керамика; 6 – фрагмент ручки светлоглиняной амфоры; I-II – план и профиль постройки 20; 1, 2 – яма-погреб постройки 19; 3-6 – заполнение постройки 19; 7 – заполнение постройки 20; 1-6 – рисунки А.М. Обломского; 7 – рисунок Э.А. Сымоновича.

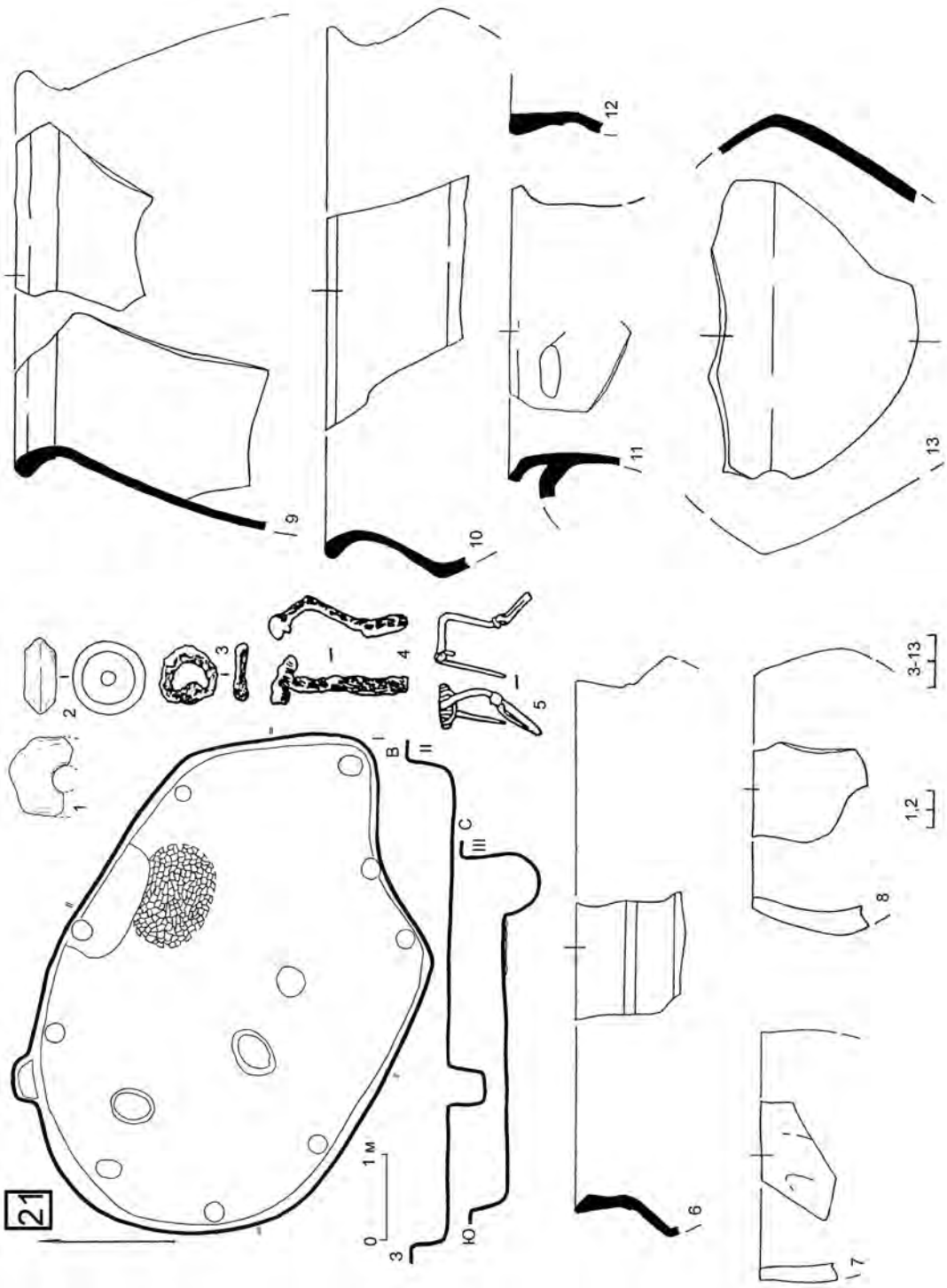


Рис. 32. Постройка 21.

I-III – план и профили сооружения; 1 – обломок глиняного грузила; 2 – глиняное пряслице; 3 – рама железной пряжки; 4 – железная фибула; 5 – бронзовая фибула; 6, 10-13 – фрагменты гончарных лощеных сосудов; 7, 8 – фрагменты лепных сосудов с шероховатой поверхностью; 9 – фрагмент гончарного сосуда с шероховатой поверхностью; 1-5 – заполнение; 6, 7 – яма-погреб; 8 – пол; 9-13 – 1-ый слой заполнения; 1-5 – рисунки Э.А. Сымоновича; 9-13 – рисунки А.М. Обломского.

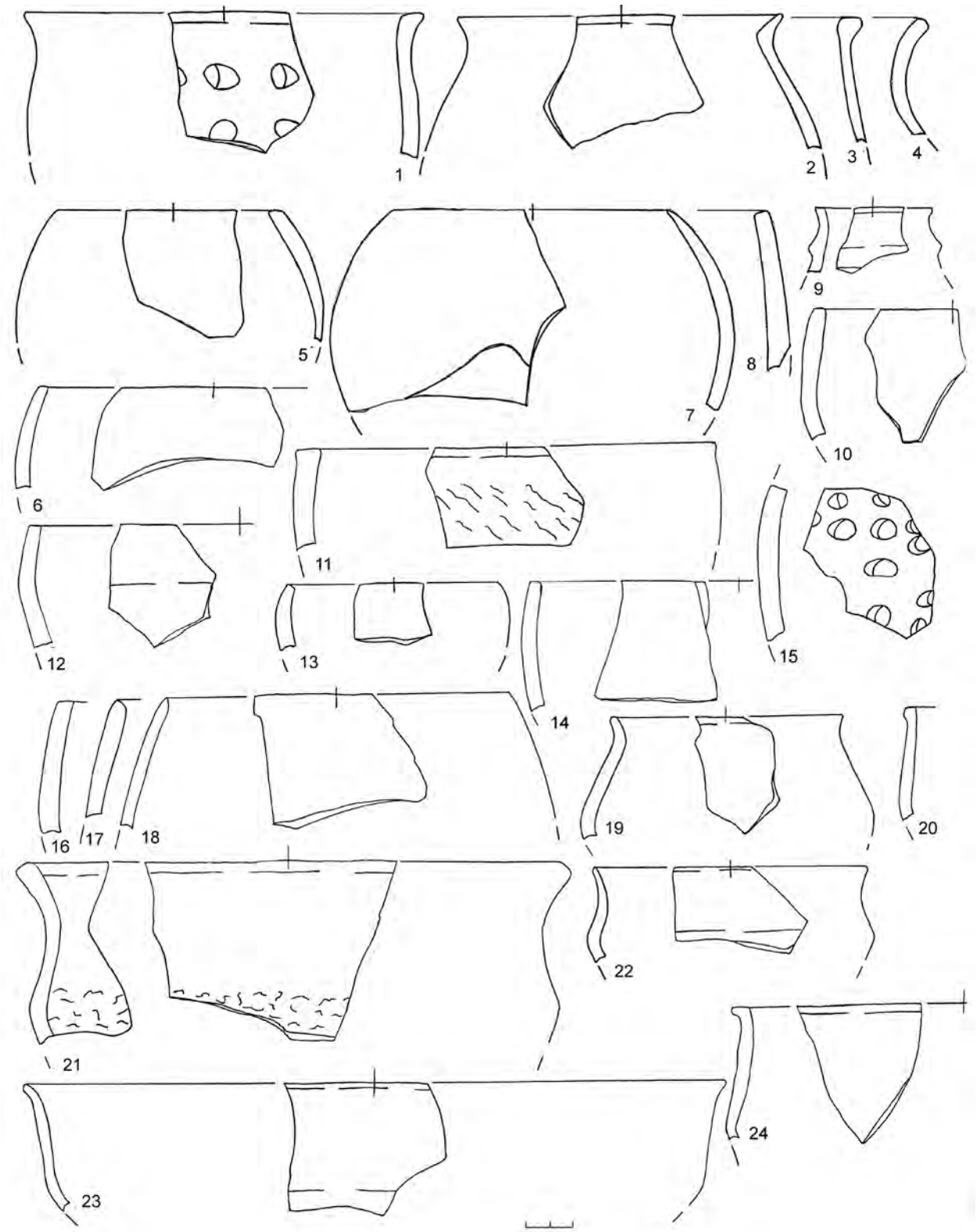


Рис. 33. Материалы постройки 21.
1, 3-5, 14, 19, 20, 22-24 – лощеная лепная керамика; 2, 7 – лепная керамика с подлощенной поверхностью; 11 – обломок лепного сосуда с хроповатым туловом, лощеного изнутри; 21 – фрагмент лепной миски с лощеной верхней частью и хроповатой нижней; 6, 8-10, 12-18 – лепная керамика с шероховатой поверхностью; все рисунки А.М. Обломского.

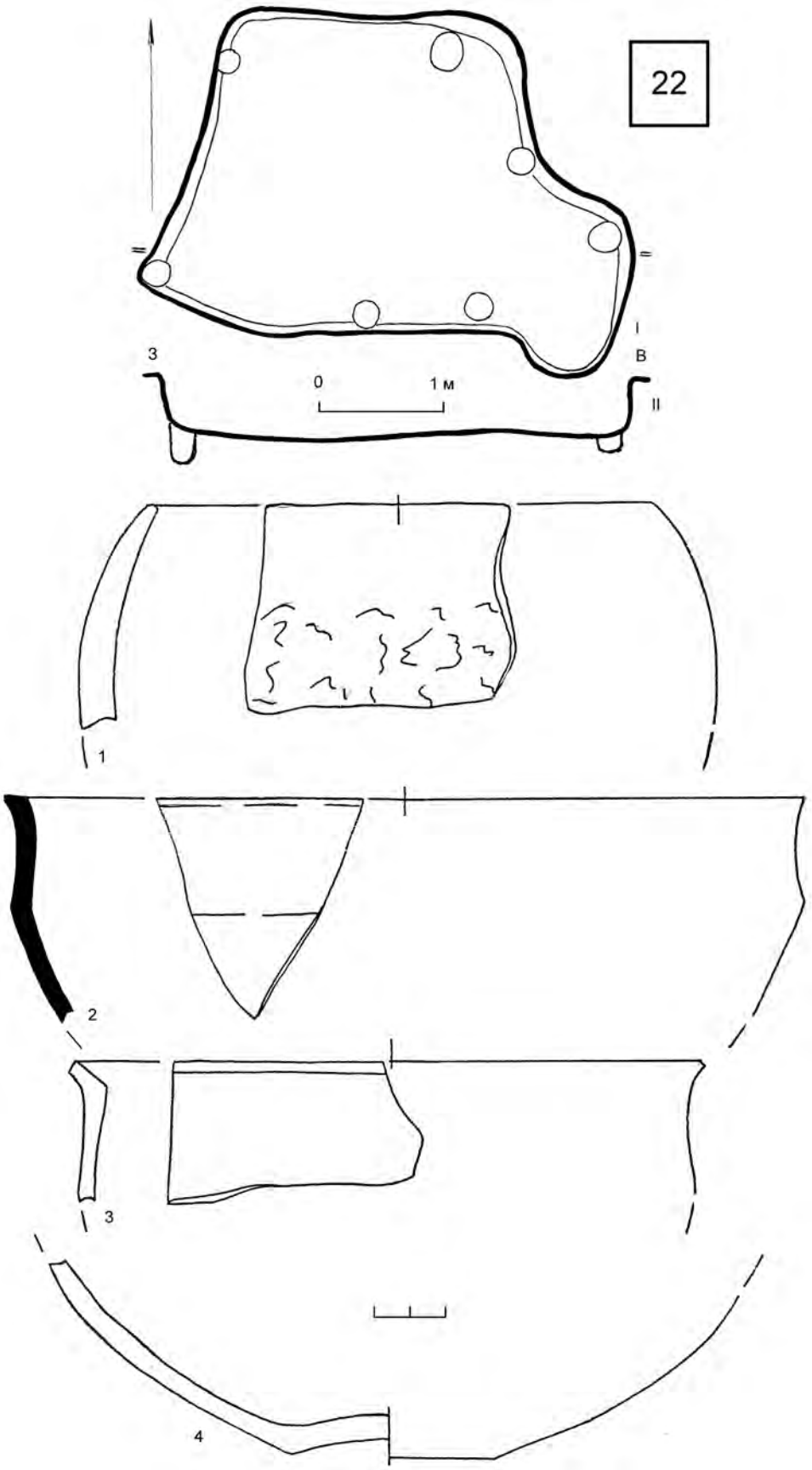


Рис. 34. Постройка 22.
I-II – план и профиль сооружения; 1 – фрагмент лепного сосуда с хроповатой поверхностью; 2 – фрагмент гончарной лощеной миски; 3, 4 – обломки лепных лощеных сосудов; 1-4 – 2-ой слой заполнения; все рисунки А.М. Обломского.

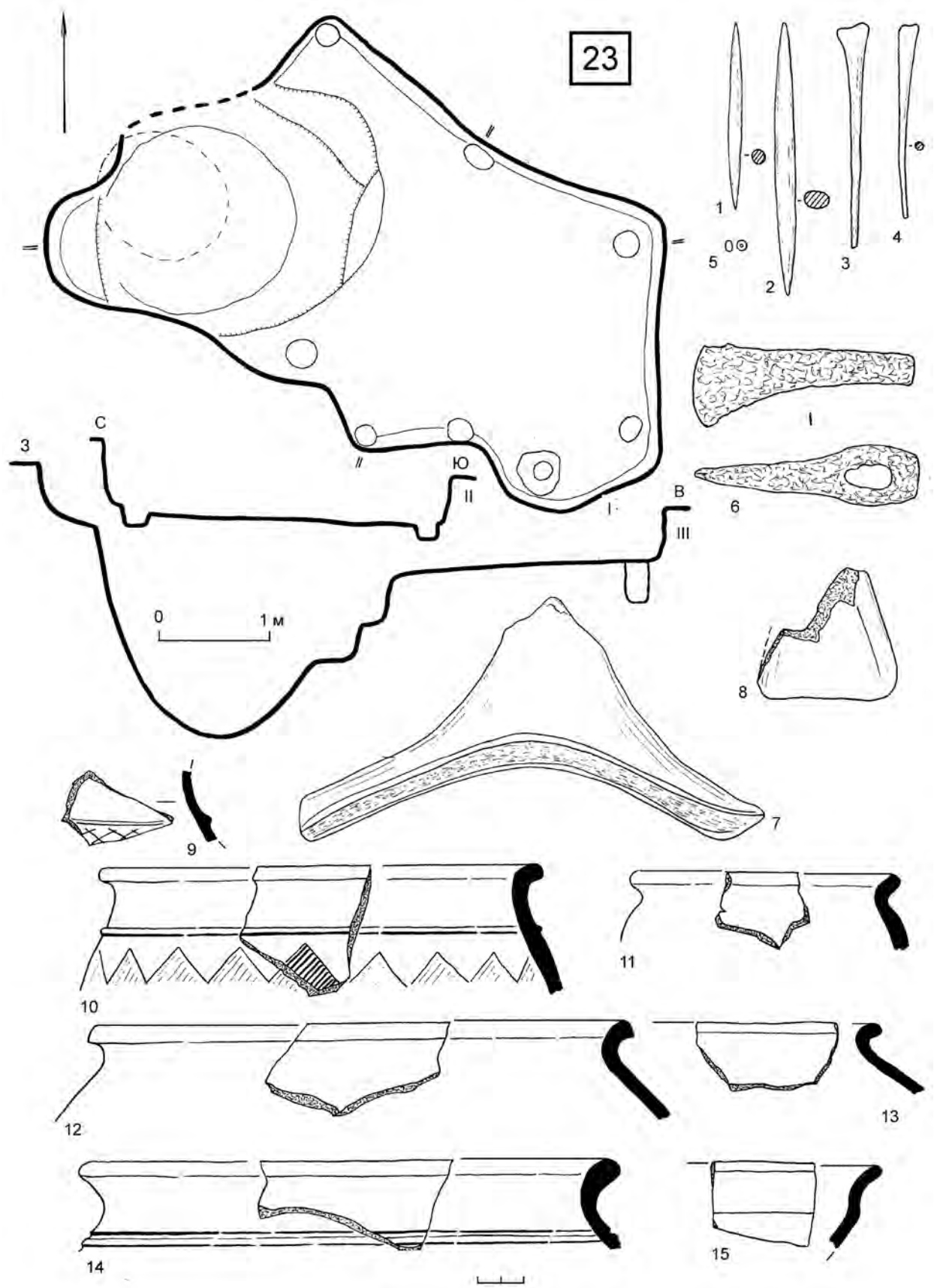


Рис. 35. Постройка 23.

I-III – план и профили сооружения; 1, 2 – костяные проколки; 3, 4 – костяные шилья; 5 – стеклянная бусина; 6 – железный топор; 7 – опиленный рог; 8 – фрагмент пирамидального глиняного грузила; 9-15 – черняховская гончарная керамика; 1, 5 – культурный слой над постройкой; 2-4, 9-15 – заполнение; 6, 8 – завал обмазки над постройкой; 7 – яма-погреб; все рисунки Э.А. Сымоновича.

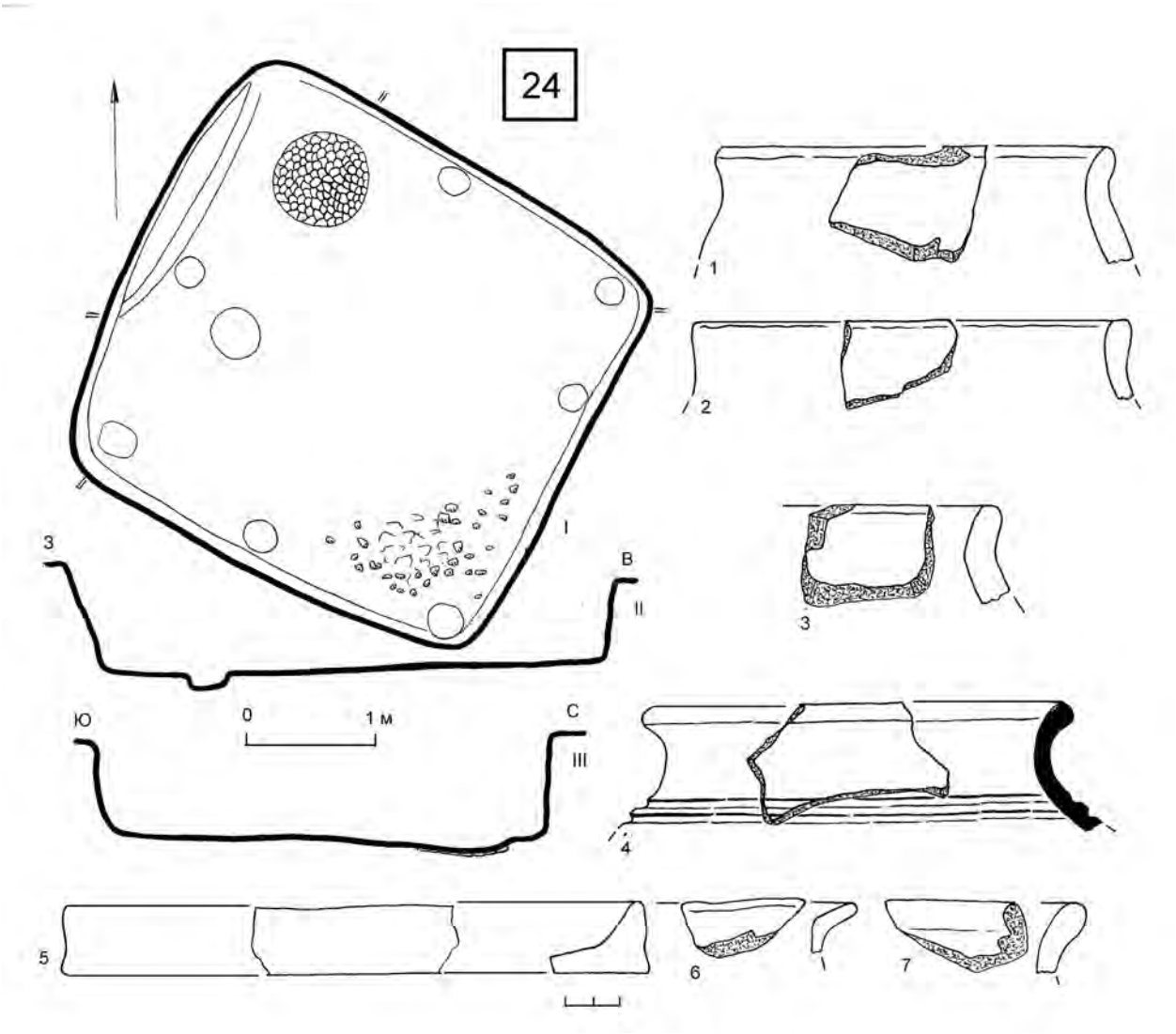


Рис. 36. Постройка 24.
I-III – план и профили сооружения; 1-3, 5-7 – груболепная керамика; 4 – фрагмент гончарного сосуда с шероховатой поверхностью; 1-7 – заполнение; все рисунки Э.А. Сымоновича.

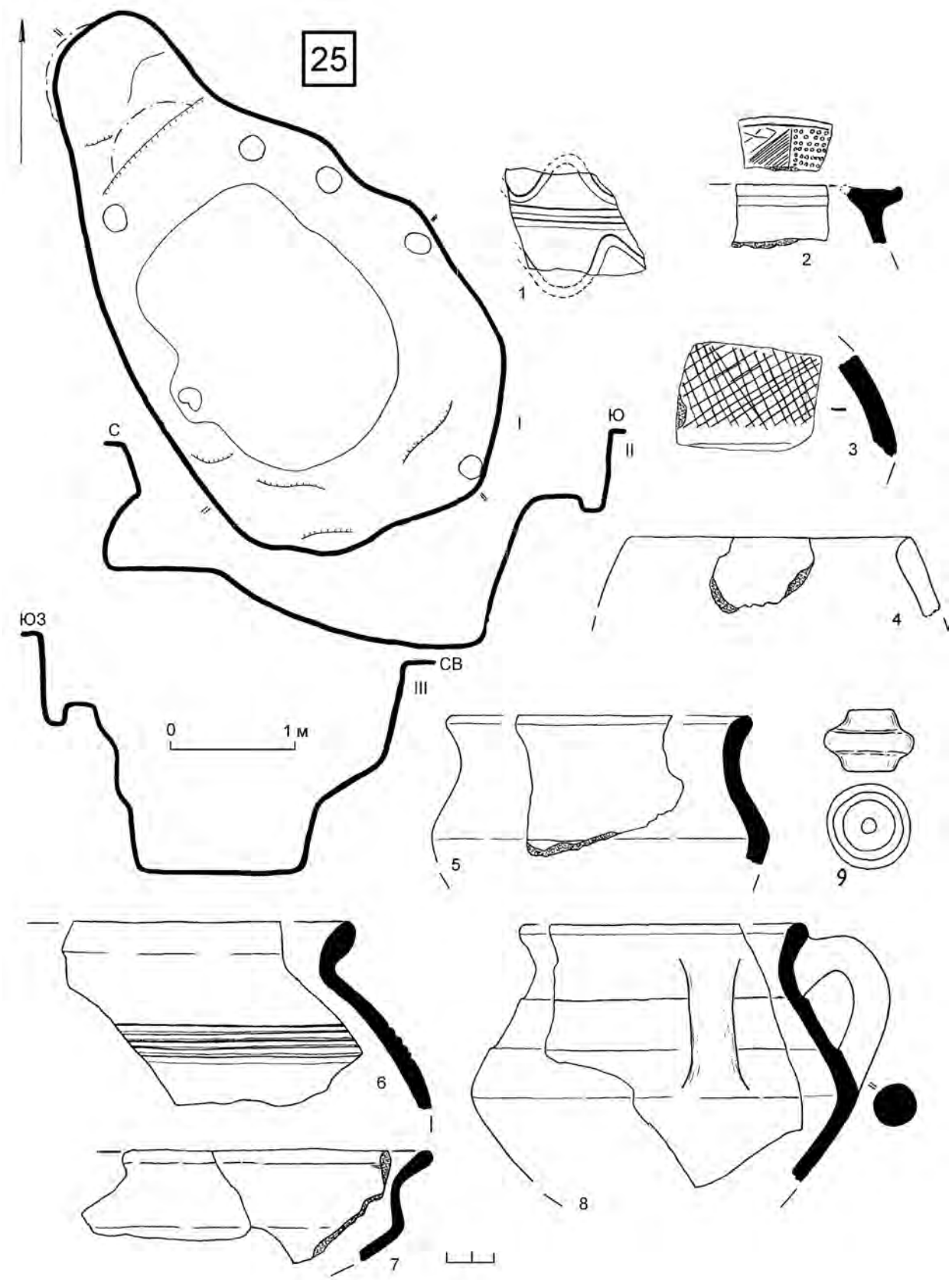


Рис. 37. Постройка 25.
I-III – план и профили сооружения; 1-3, 5-8 – черняховская гончарная керамика; 4 – фрагмент лепного сосуда; 9 – глиняное пряслице; 1-8 – заполнение; 9 – пол; все рисунки Э.А. Сымоновича.

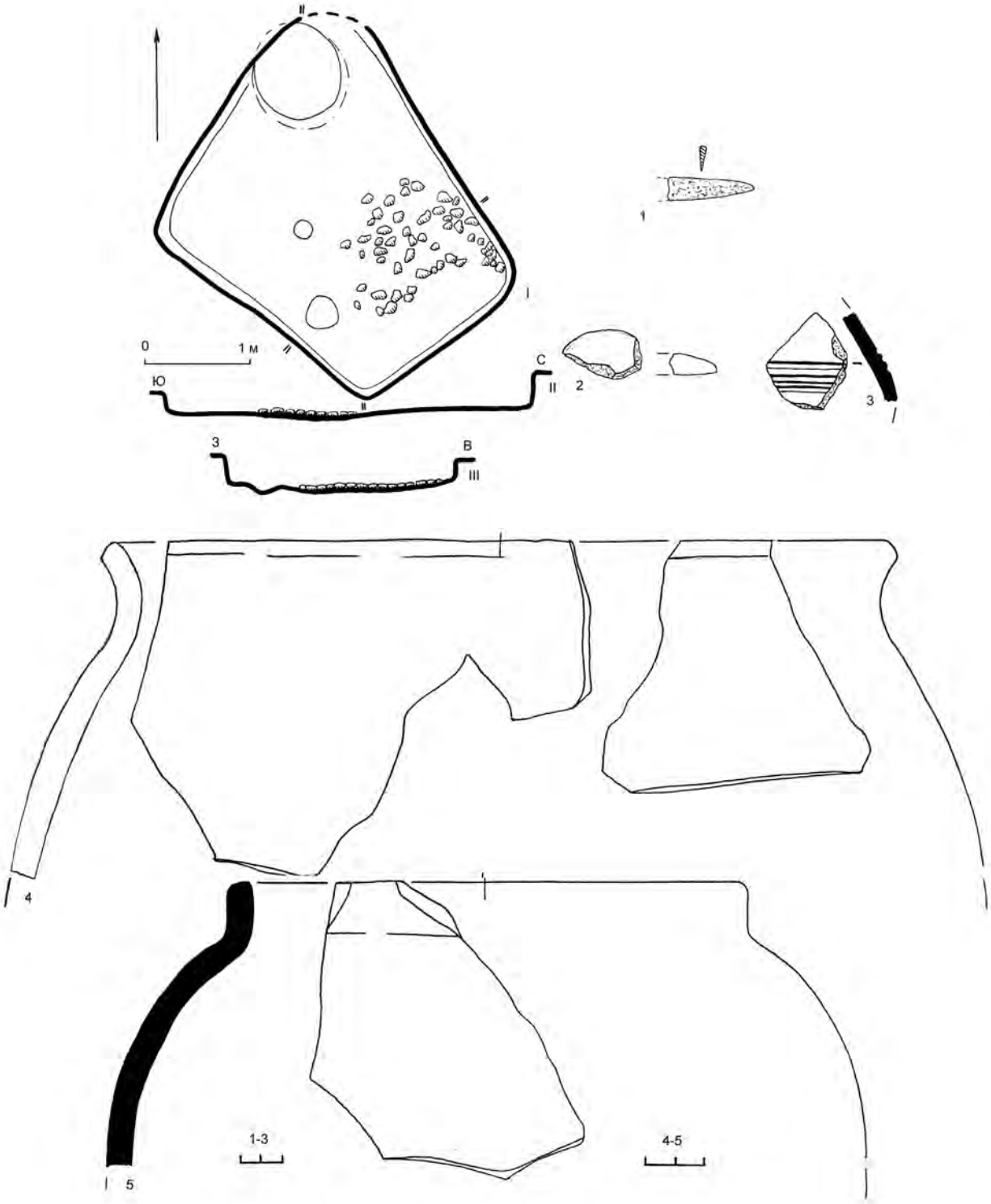


Рис. 38. Постройка 26.
I-III – план и профили сооружения; 1 – фрагмент железного ножа; 2, 4- груболепная керамика; 3 – фрагмент гончарного сосуда с шероховатой поверхностью; 5 – фрагмент желтолощеного гончарного сосуда; 1, 3 – заполнение, 2 – яма-погреб, 4, 5 – печь; 1-3 – рисунки Э.А. Сымоновича; 4, 5 – рисунки А.М. Обломского.

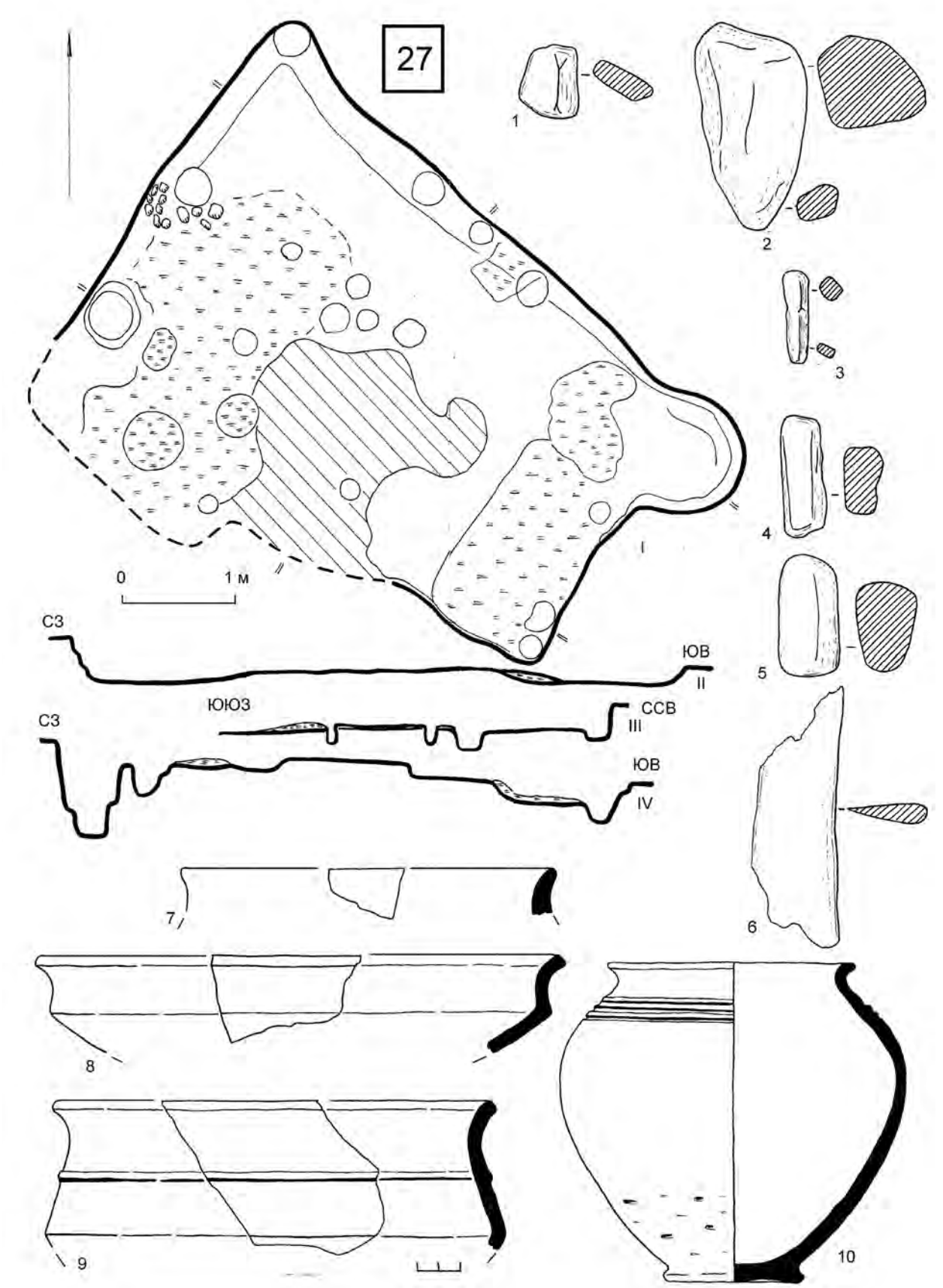


Рис. 39. Постройка 27.
I-IV – план и профили сооружения; 1-3, 5 – камни-лощила; 2 – камень с заостренным концом, предназначенный для нанесения ударов; 6 – кость со следами сработанности (тупик); 7-9 – гончарная лощеная керамика; 10 – гончарный сосуд с шероховатой поверхностью; все рисунки Э.А. Сымоновича.

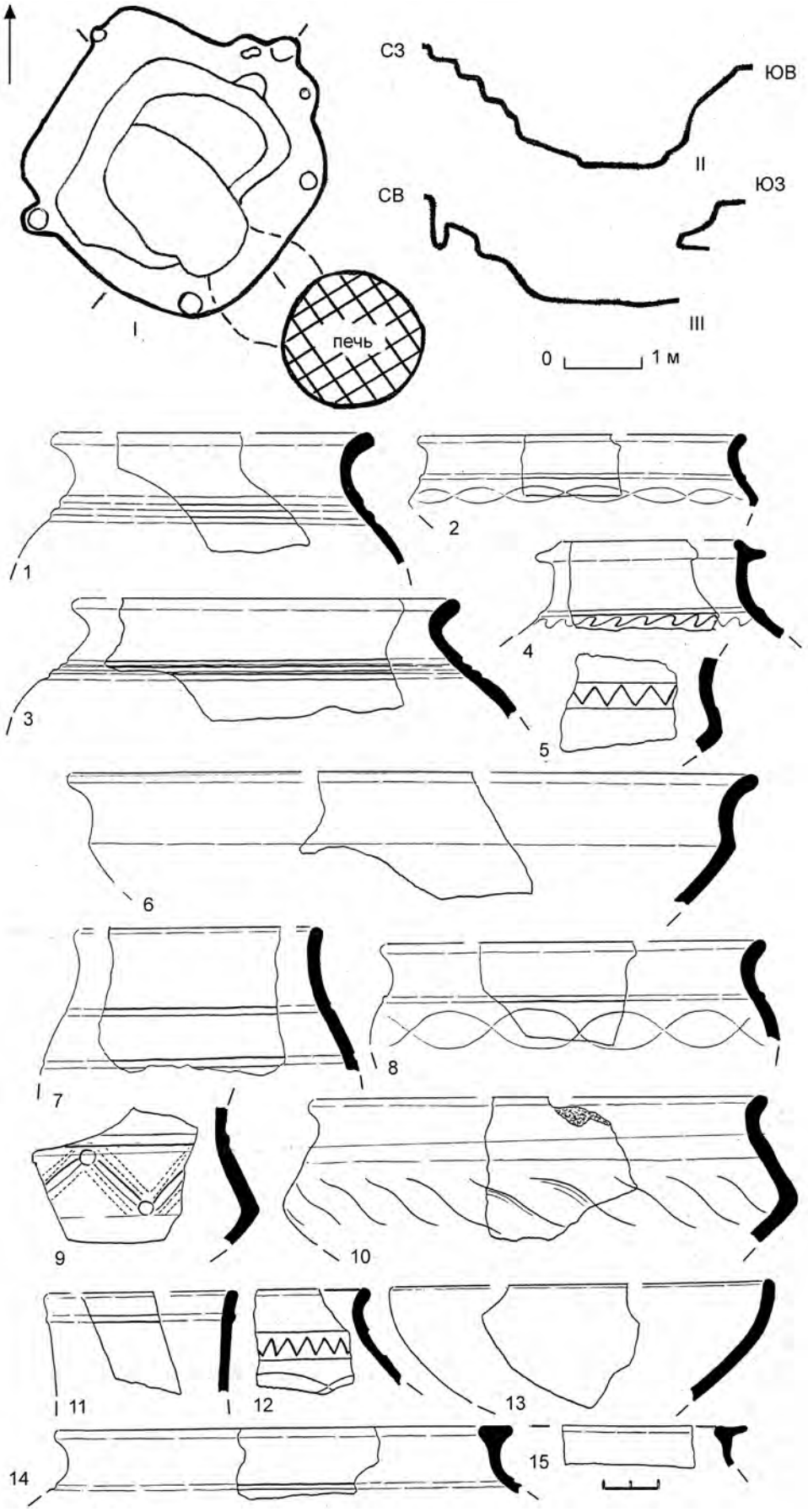


Рис. 40. Постройка, совмещенная с гончарной печью 2.
I-III – план и профили сооружения; 1-15 – черняховская гончарная керамика из заполнения; все рисунки Э.А. Сымоновича.

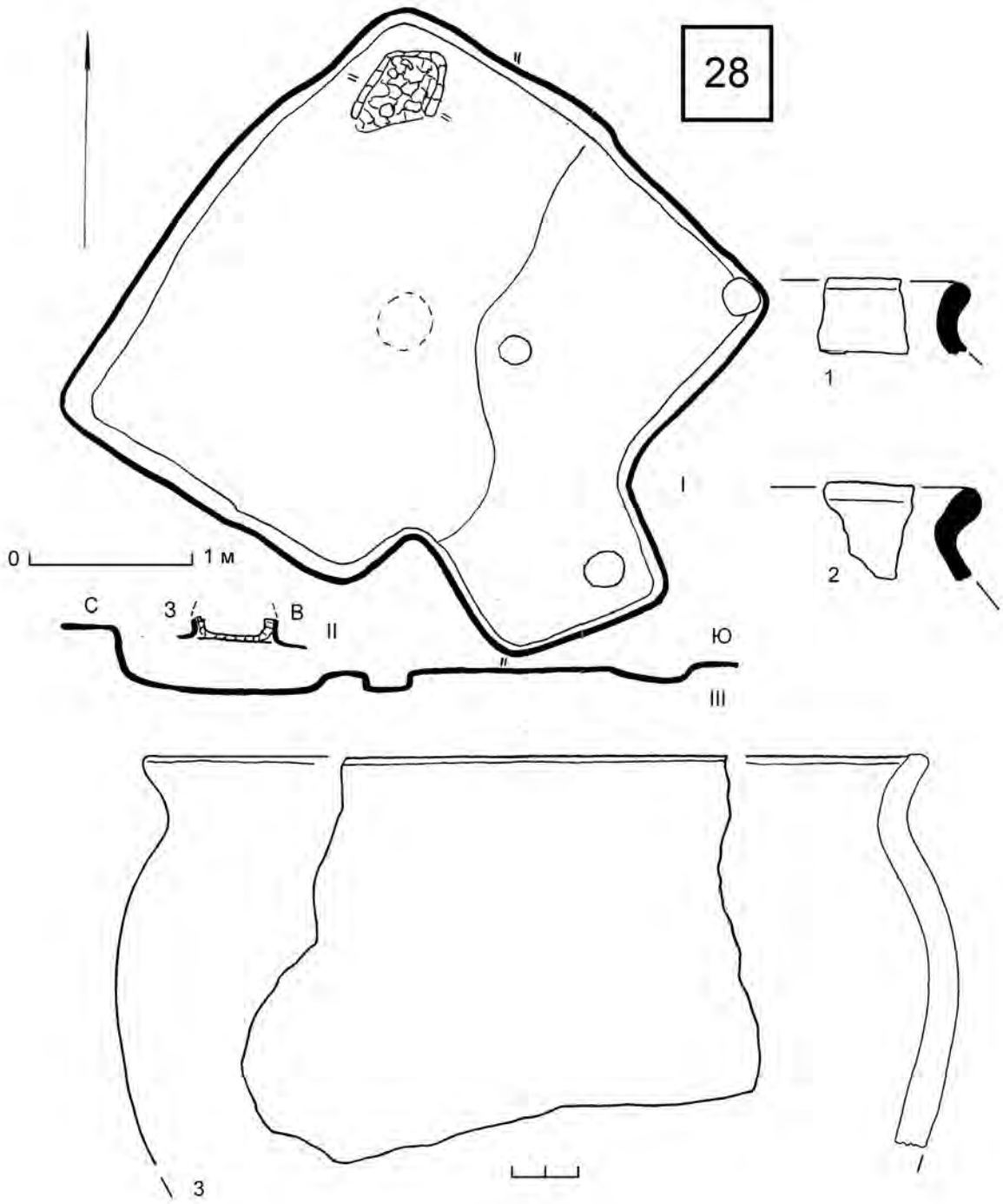


Рис. 41. Постройка 28.
I-II – план и профиль сооружения; 1, 2 – фрагменты гончарных сосудов с шероховатой поверхностью; 3 – фрагмент груболепного горшка; 1-3 – заполнение; все рисунки Э.А. Сымоновича.

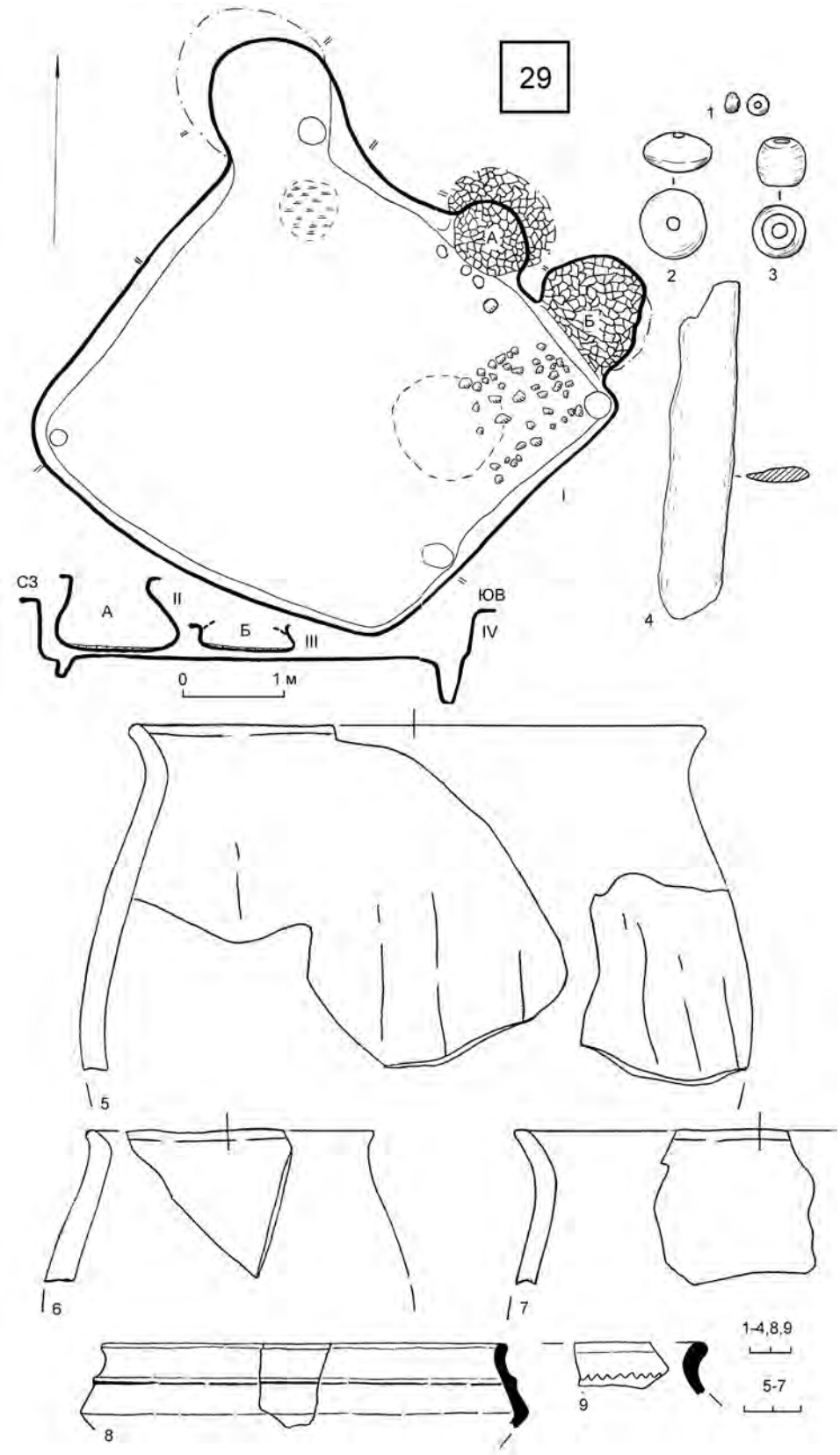


Рис. 42. Постройка 29.
I-IV – план и профили сооружения; 1 – стеклянная бусина; 2, 3 – глиняные пряслица; 4 – тупик (кость со следами сработанности); 5-7 – груболепная керамика; 8, 9 – черняховская гончарная керамика; 1, 4, 8, 9 – заполнение; 2, 3 – пол; 5-7 – 3-й слой заполнения; 1-4, 8, 9 – рисунки Э.А. Сымоновича; 5-7 – рисунки А.М. Обломского.

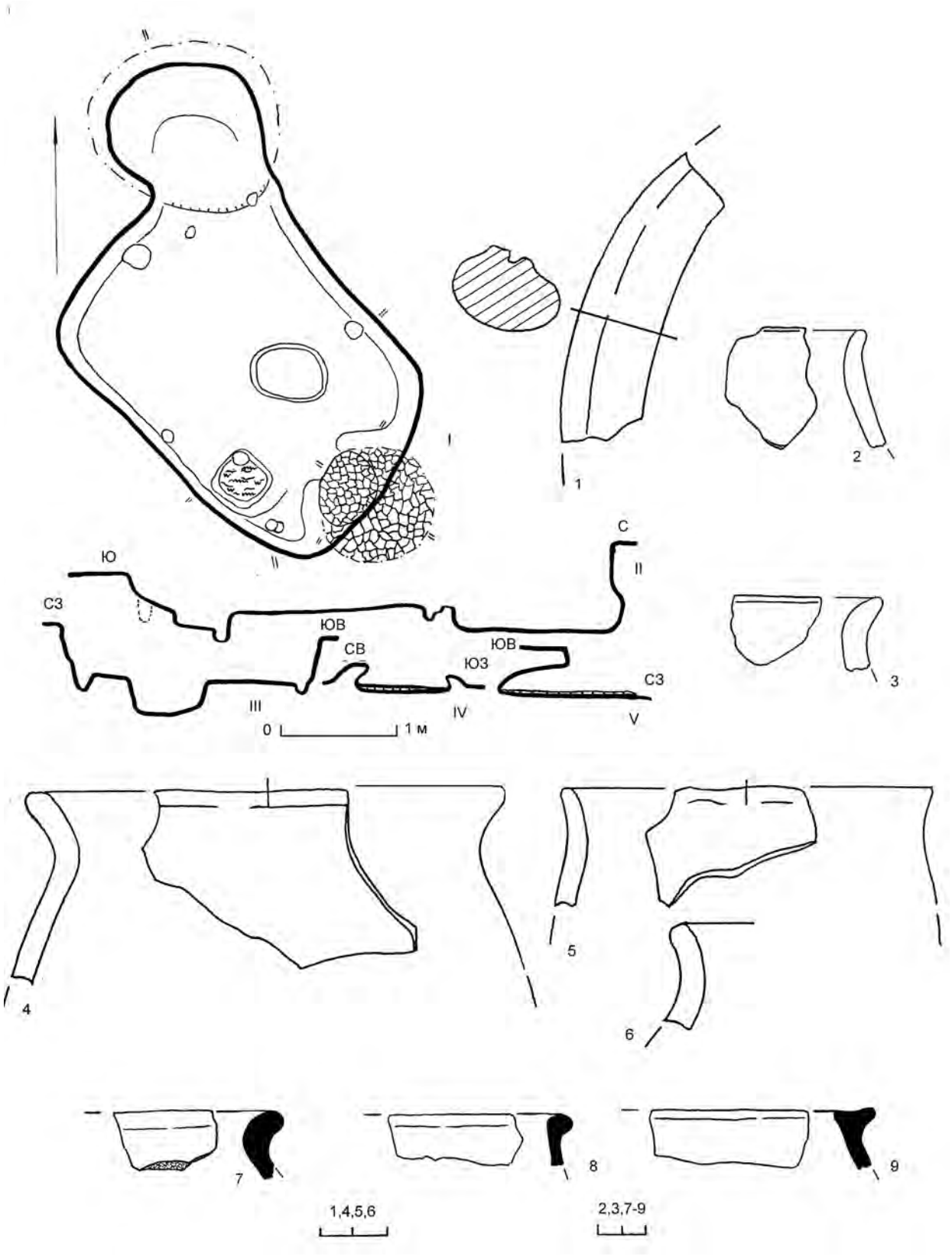


Рис. 43. Постройка 30.
I-IV – план и профили сооружения; 1 – фрагмент ручки светлоглиняной амфоры; 2-6 – груболепная керамика; 7-9 – гончарная черняховская керамика; 1 – 2-ой слой заполнения; 2, 3, 7-9 – заполнение; 4-6 – пол; 1-6 – рисунки А.М. Обломского; 7-9 – рисунки Э.А. Сымоновича.

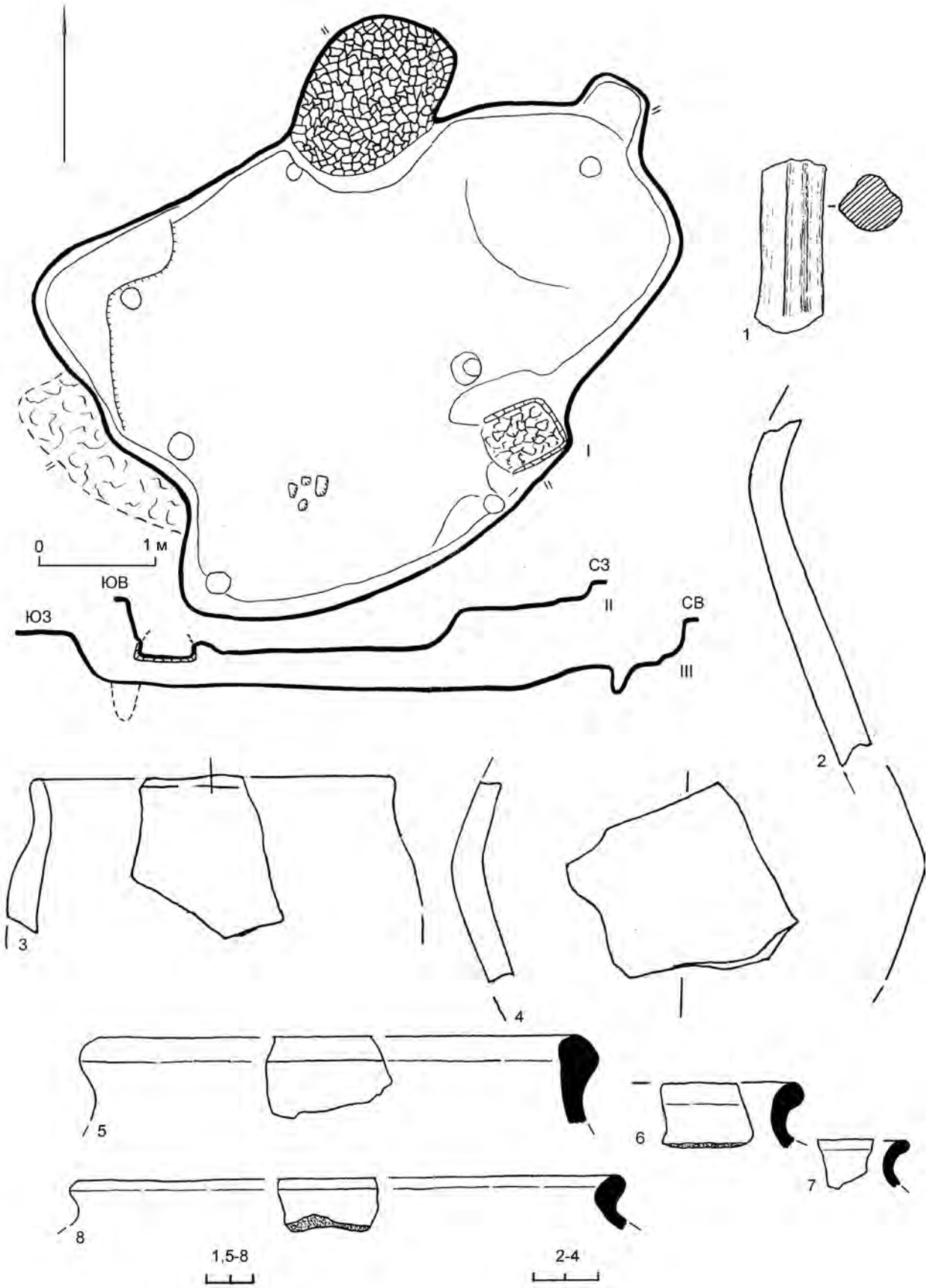


Рис. 44. Постройка 31.
I-III – план и профили сооружения; 1 – фрагмент ручки светлоглиняной амфоры; 2-4 – груболепная керамика; 5-8 – черняховская гончарная керамика; 1 – из слоя выше постройки; 2 – 2-ой слой заполнения; 3, 4 – 1-ый слой заполнения; 5-8 – заполнение; 1, 5-8 – рисунки Э.А. Сымоновича; 2-4 – рисунки А.М. Обломского.

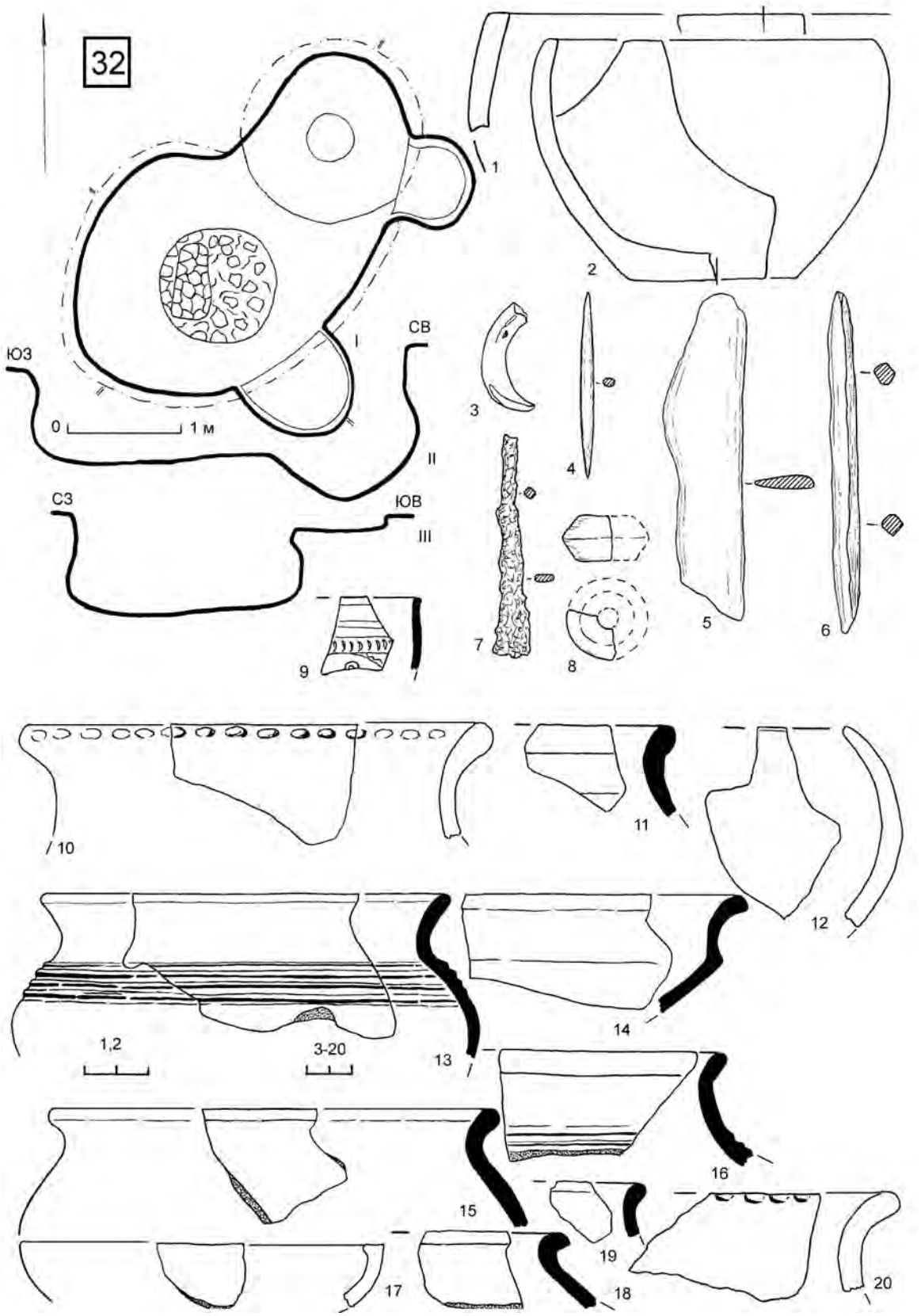


Рис. 45. Постройка 32.
I-III – план и профили сооружения; 1 – фрагмент лепного лощеного сосуда; 2, 10, 12, 17, 20 – фрагменты лепных сосудов с шероховатой поверхностью; 13-16, 18, 19 – гончарная черняховская керамика; 1, 2 – очаг; 3-9, 11-20 – заполнение; 10 – яма-погреб; 1, 2, 12 – рисунки А.М. Обломского; 3-11, 13-20 – рисунки Э.А. Сымоновича.

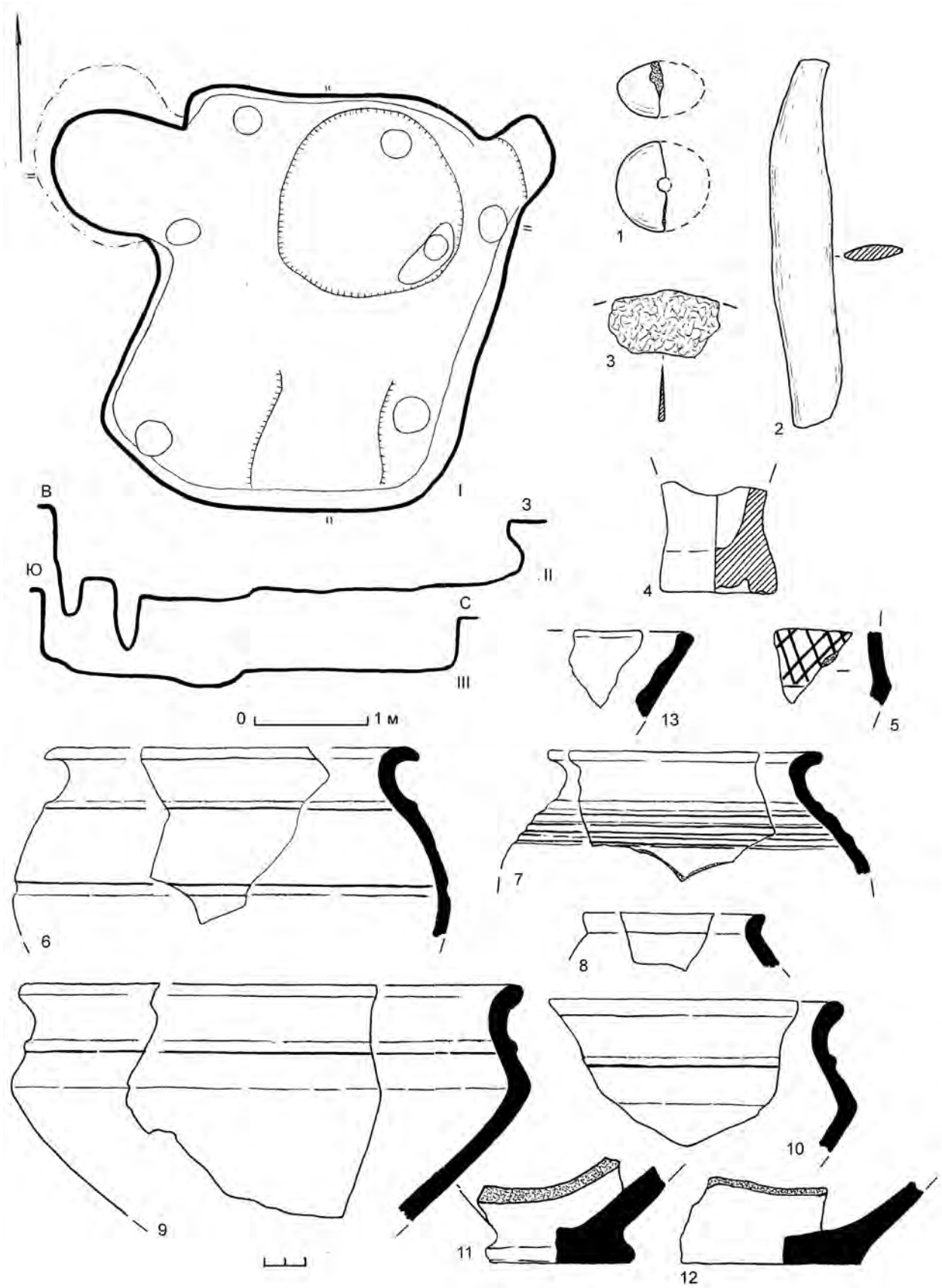


Рис. 46. Постройка 33.
I-III – план и профили сооружения; 1 – глиняное пряслице; 2 – ребро животного со следами сработанности (тупик); 3 – обломок железного серпа; 4 – ножка светлоглиняной амфоры; 5-13 – черняховская гончарная керамика; все рисунки Э.А. Сымоновича.

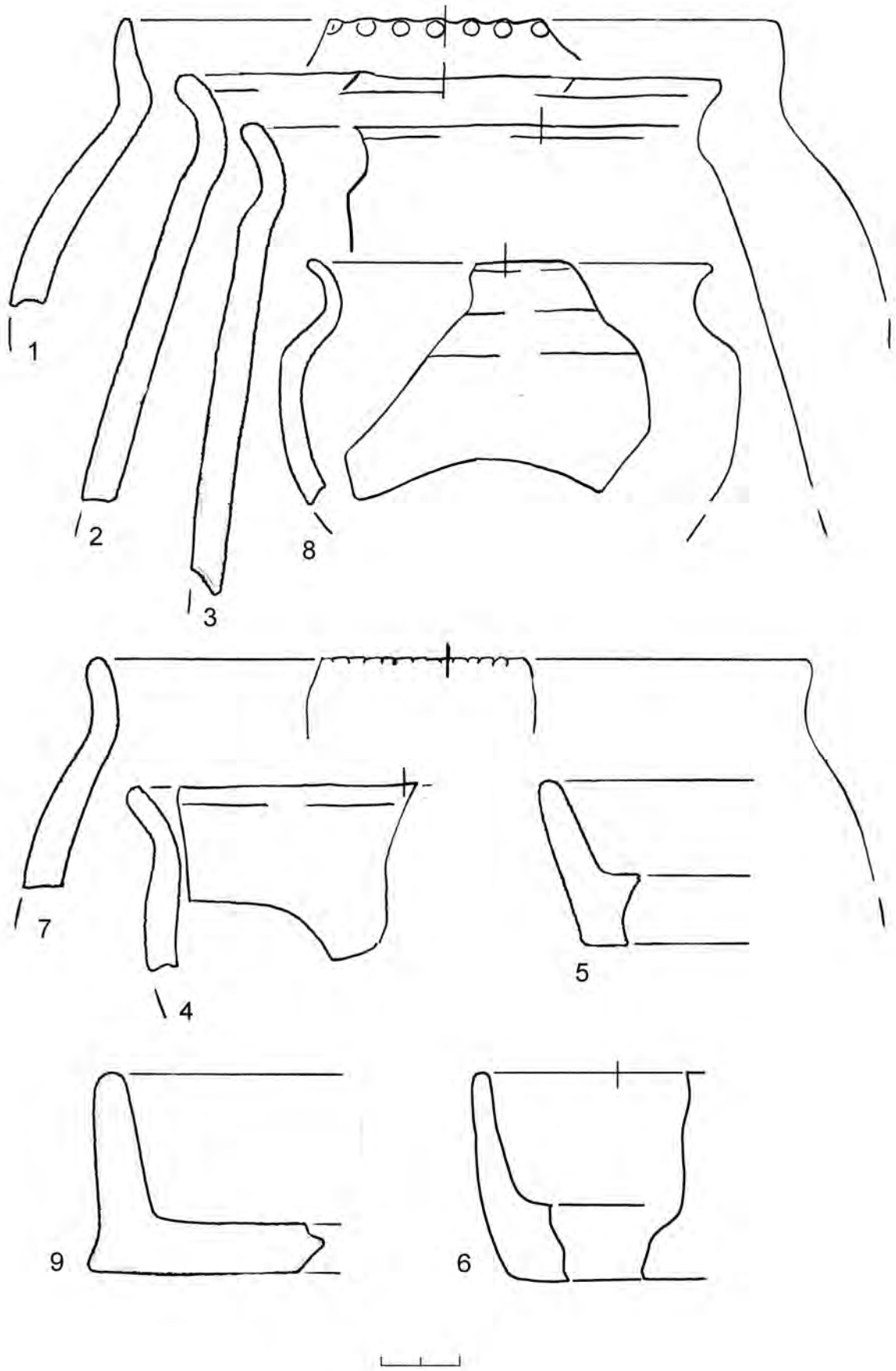


Рис. 47. Керамика из ям и культурного слоя.
1-4 – яма 31; 5 – яма 74; 6 – яма 192; 7 – яма 202; 8, 9 – культурный слой; вся керамика – груболепная; рисунки А.М. Обломского.

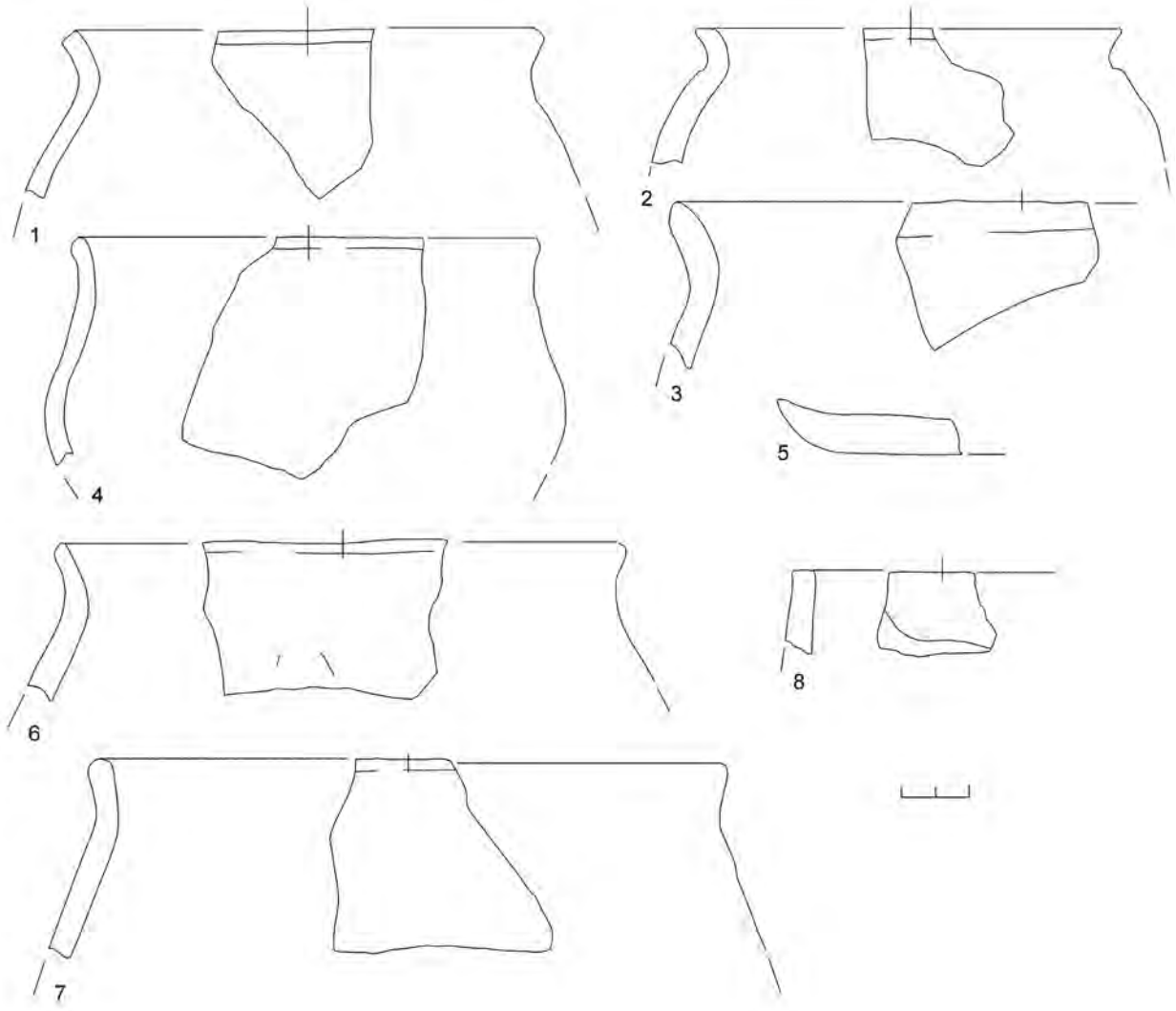


Рис. 48. Керамика из ям.
1 – яма 131; 2, 3 – яма 179; 4 – яма 170; 5 – яма 214; 6 – яма 273; 7, 8 – яма 286; 4 – фрагмент лощеной лепной миски, прочая керамика – груболепная; рисунки А.М. Обломского.

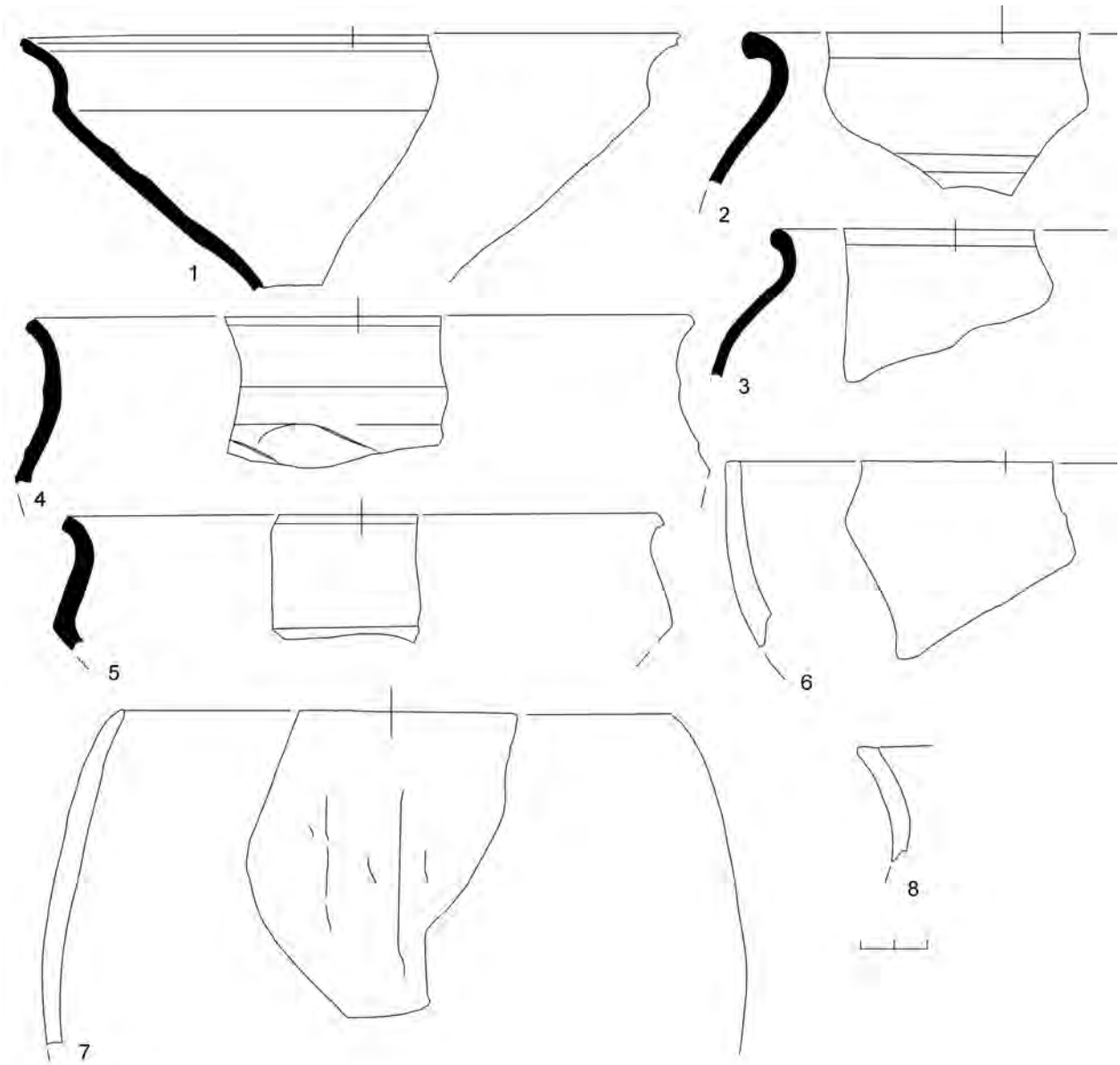


Рис. 49. Керамика из ямы 205.
1-3, 5 – гончарная керамика с шероховатой поверхностью; 2 – фрагмент гончарной лощеной миски; 6, 7 – фрагмент лепного сосуда с шероховатой поверхностью; 8 – фрагмент лепного лощеного сосуда; рисунки А.М. Обломского.

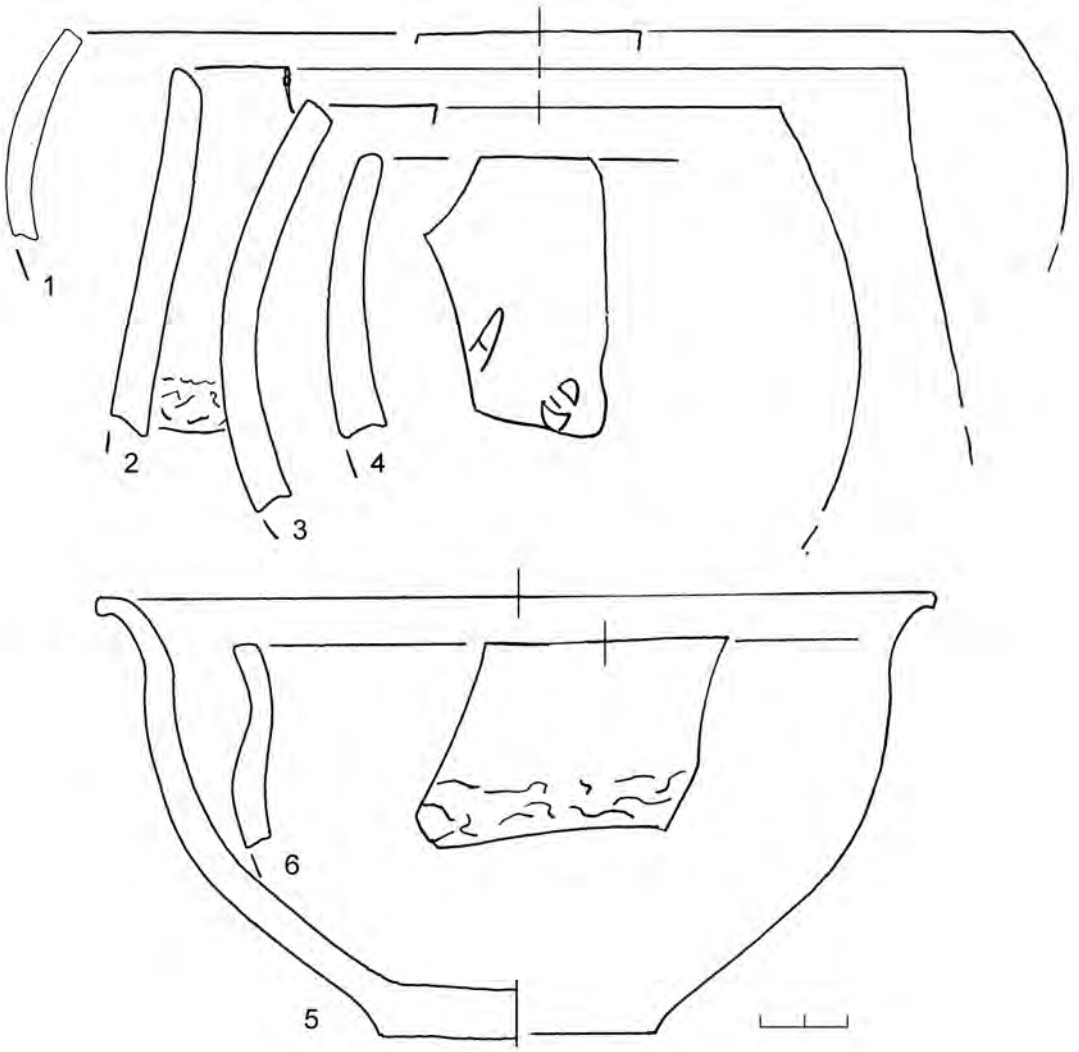


Рис. 50. Лепная керамика из культурного слоя северной части поселения. Вельбарский набор. 1, 5 – с лощеной поверхностью; 2, 6 – с лощеной верхней частью и хроповатой средней; 3, 4 – с шероховатой поверхностью; 1 – кв. 76, О, восточная часть, шт. 2; 2, 3 – кв. 76, О, восточная часть, шт. 4; 4 – кв. 78, О, восточная часть, шт. 4; 5 – кв. 81, О, восточная часть, шт. 3; 6 – кв. 76, О, восточная часть, шт. 5; рисунки А.М. Обломского.

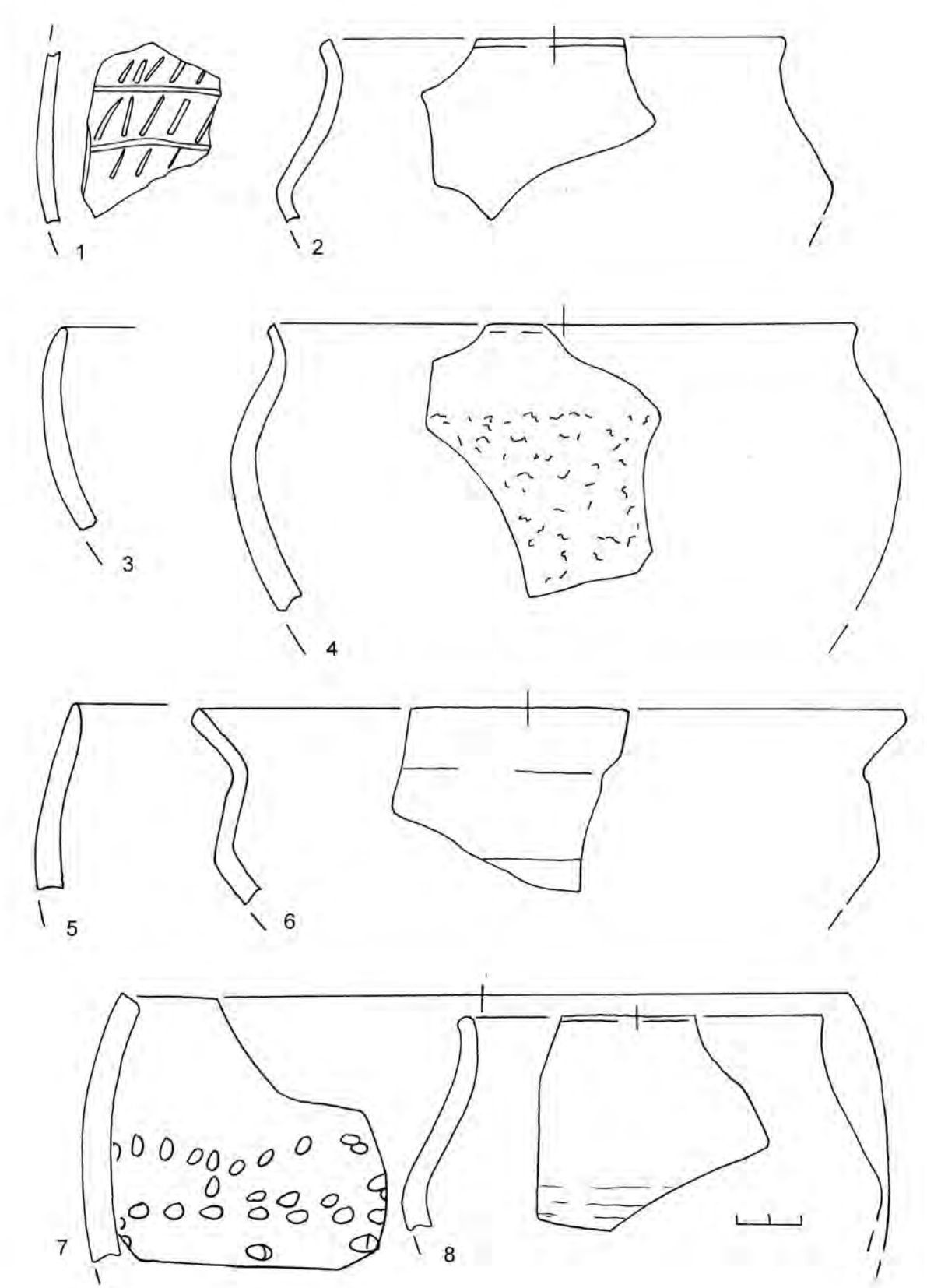


Рис. 51. Лепная керамика из культурного слоя северной части памятника. Вельбарский набор. 1 – с шероховатой поверхностью и прочерченными линиями; 3, 5 – с шероховатой поверхностью; 2, 6, 7 – лощеная; 4 – с лощеной поверхностью верхней части и хроповатой – нижней; 8 – с лощеной поверхностью верхней части и шероховатой – нижней; 1-3 – кв. 80, Н, южная часть, шт. 3; 4 – кв. 76, П, шт. 2; 5 – кв. 81, О, западная часть, шт. 2; 6 – кв. 80, Ф, восточная часть, шт. 2; 7 – кв. 76, О, восточная часть, шт. 4; 8 – кв. 81, О, 13-14, шт. 2; рисунки А.М. Обломского.

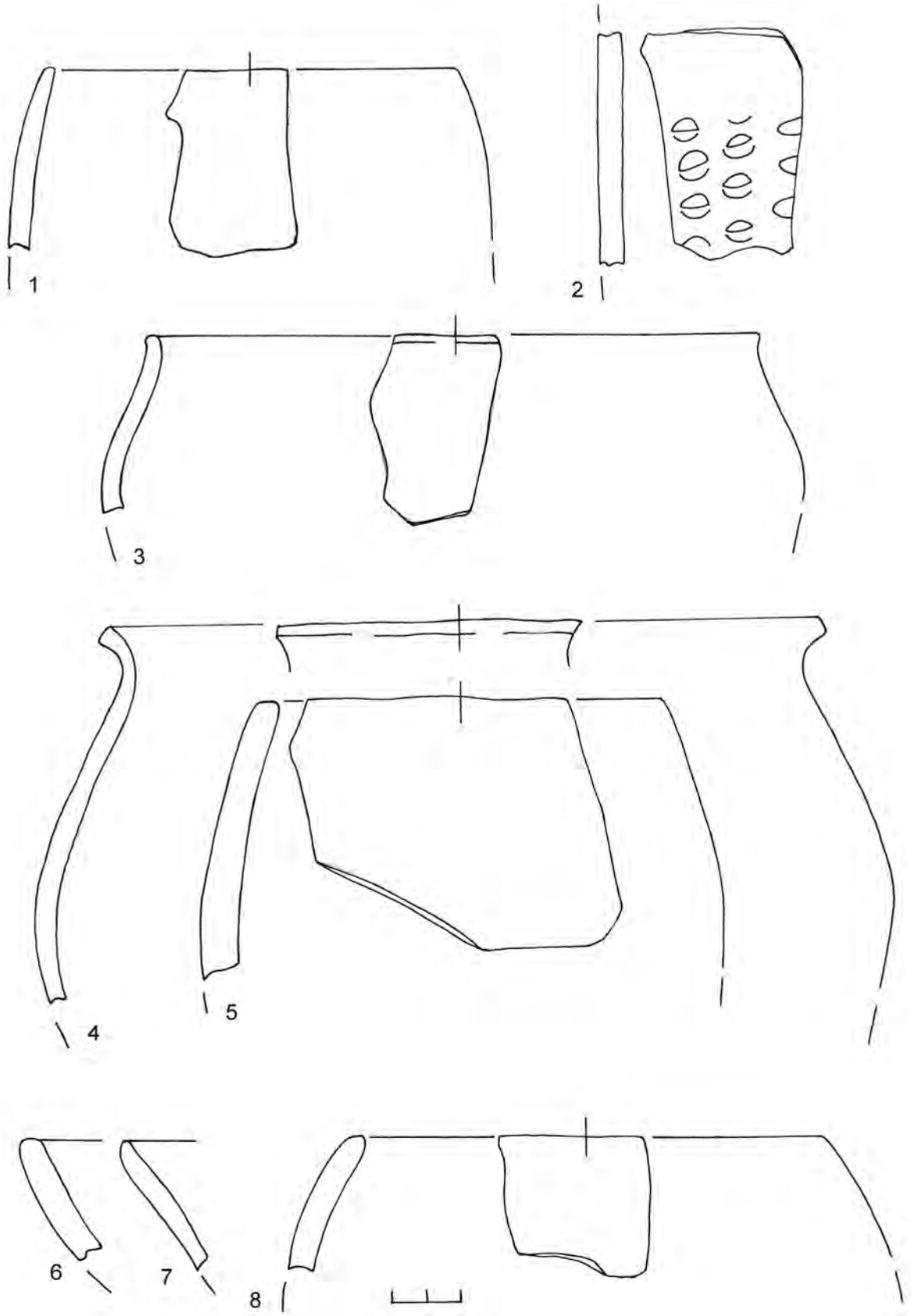


Рис. 52. Лепная керамика из культурного слоя северной части памятника. Вельбарский набор. 1-4 – с лощеной поверхностью; 5-8 – с шероховатой поверхностью; 1 – кв. 71, Н, шт. 2; 2 – линия кв. 78; 3 – кв. 79, Н, северо-западная часть, шт. 2; 4 – кв. 80, О, шт. 3; 5 – 1959 г., шт. 4; 6-8 – кв. 76, О, восточная часть, шт. 5; рисунки А.М. Обломского.

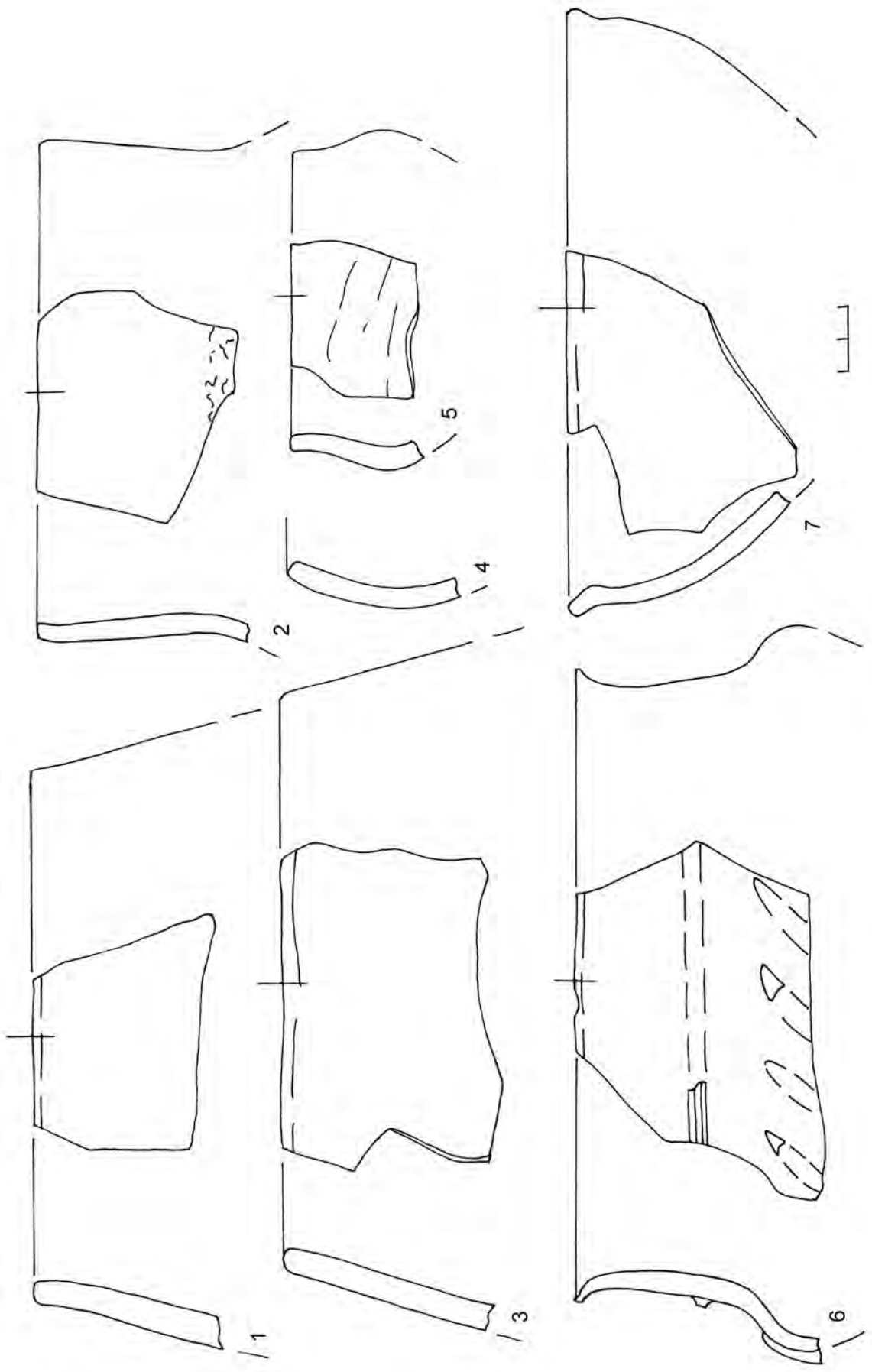


Рис. 53. Лепная керамика из культурного слоя северной части памятника. Вельбарский набор.
1, 4, 6, 7 – с лощеной поверхностью; 2 – с лощеной верхней частью и хроноватой инжней; 3, 5 – с шероховатой поверхностью; 1 – кв. 80, Н, южная часть, шт. 2; 3 – кв. 80, О, восточная часть, шт. 1; 4, 5 – кв. 76, О, восточная часть, шт. 3; 6, 7 – кв. 80, Н, шт. 4; рисунки А.М. Обломского.

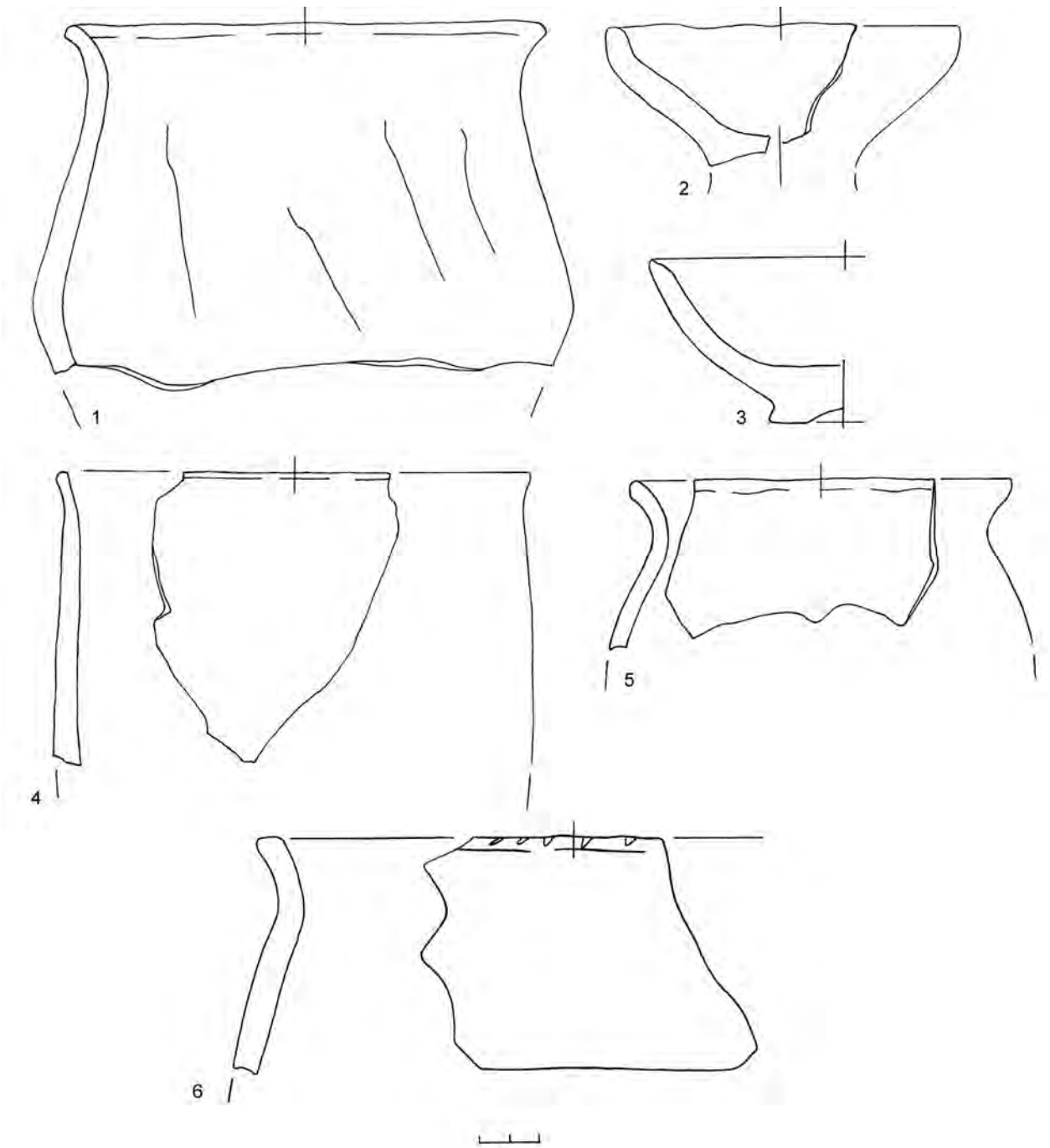


Рис. 54. Лепная керамика из культурного слоя северной части памятника. Киевский набор. 1 – кв. 77, Р, западная часть, шт. 4; 2 – линия кв. 74, шт. 2; 3 – 79, Н, северо-западная часть, шт. 2; 4 – культурный слой; 5 – кв. 77, О, шт. 4; 6 – кв. 79, Н, шт. 2; рисунки А.М. Обломского.

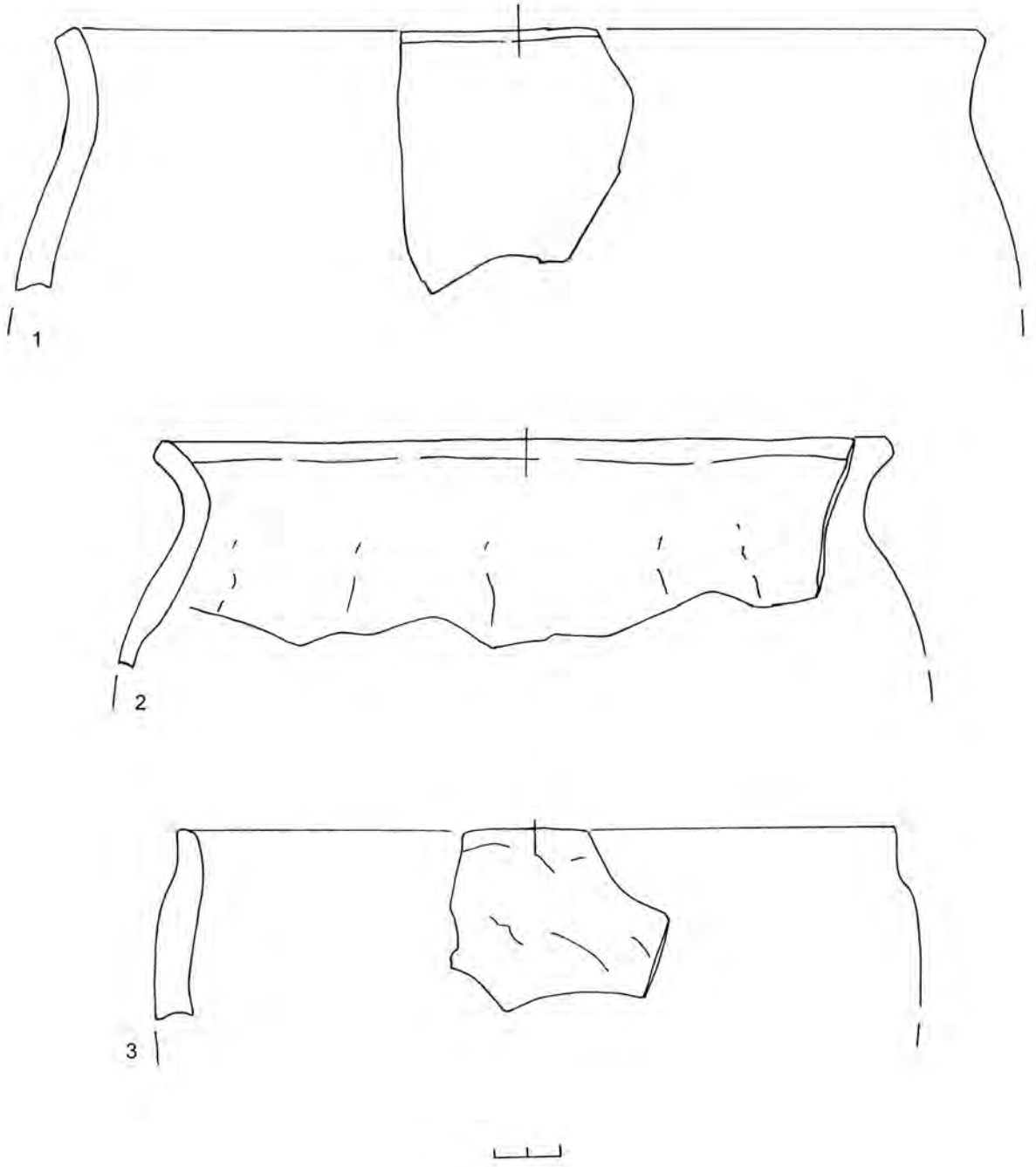


Рис. 55. Лепная керамика из культурного слоя северной части памятника.
1 – прирезка с восточной стороны над постройкой 31, шт. 1-2; 2 – кв. 76, Р, 3, 4, шт. 3; 3 – 81, Р, 3-4, шт. 2; рисунки А.М. Обломского.

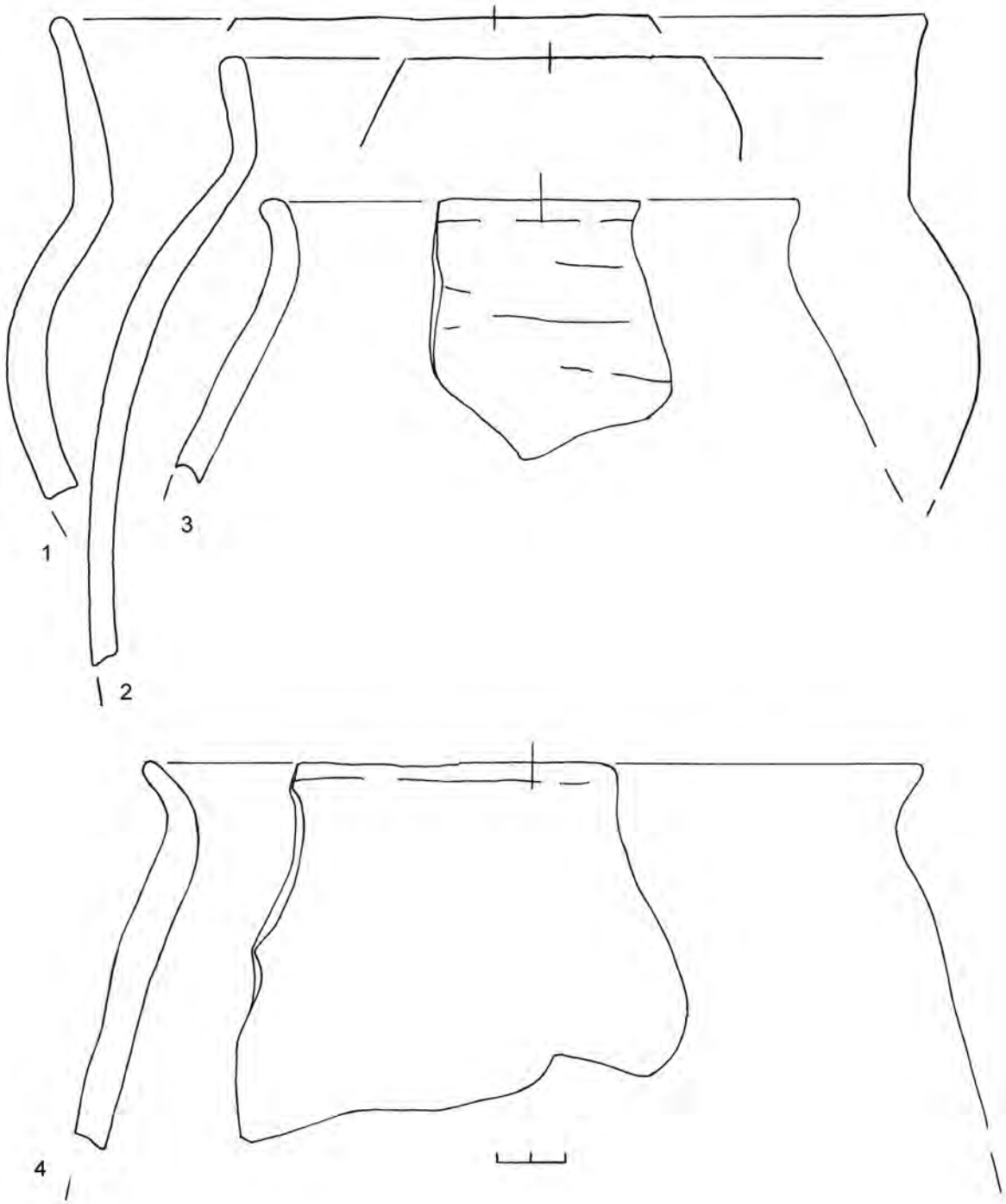


Рис. 56. Груболепная керамика из культурного слоя северной части памятника.
Раннесредневековый набор.
1 – кв. 29, П, шт. 2; 2 – кв. 61, Н, шт. 2; 3 – кв. 81, С, шт. 3; 4 – кв. 81, С, шт. 4; рисунки А.М. Обломского.

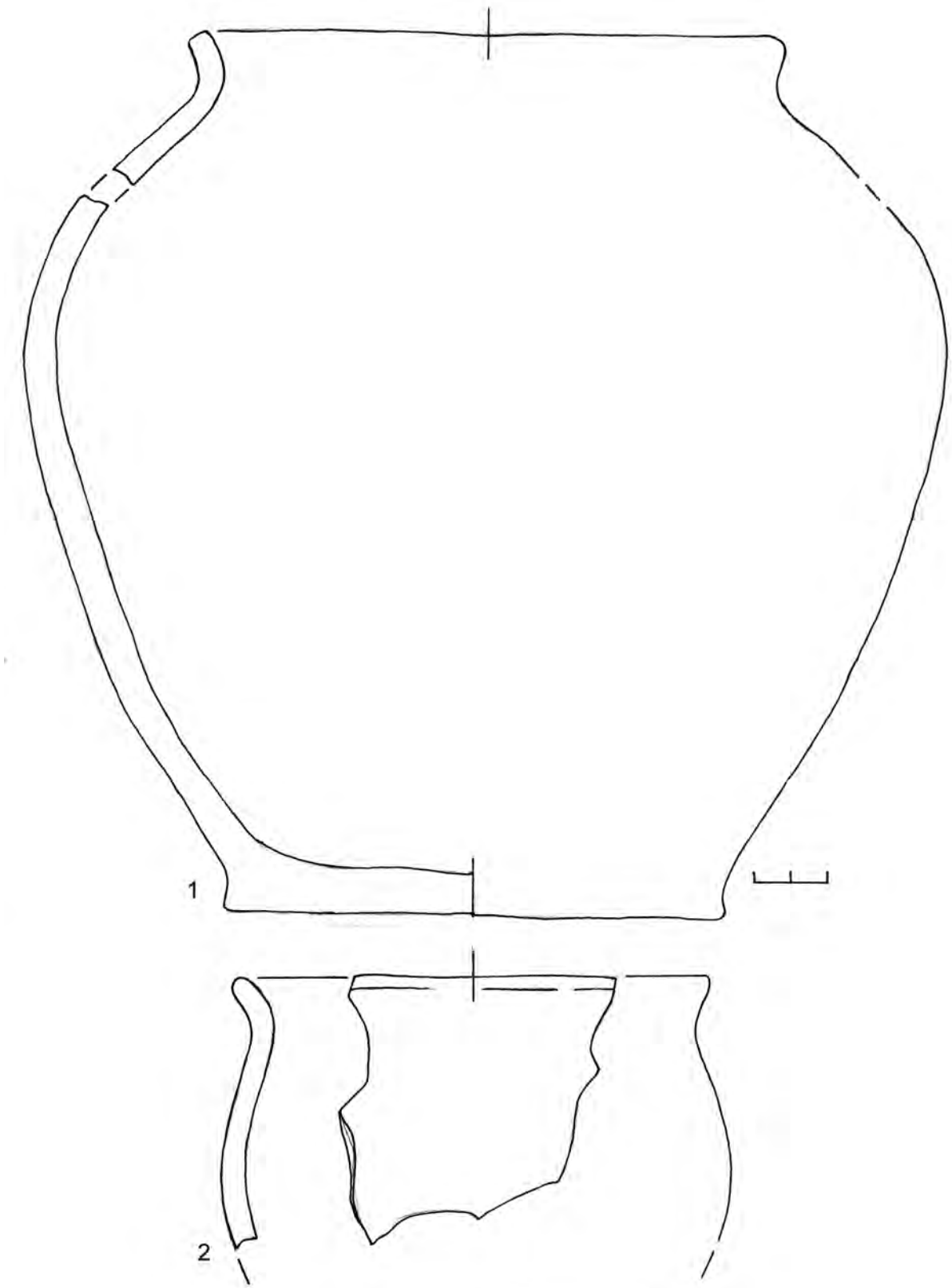


Рис. 57. Груболепная керамика из культурного слоя северной части памятника. Раннесредневековый набор.
1 – шурф 5, 1-6; 2 – кв. 77, Ч, северная часть, шт. 3; рисунки А.М. Обломского.

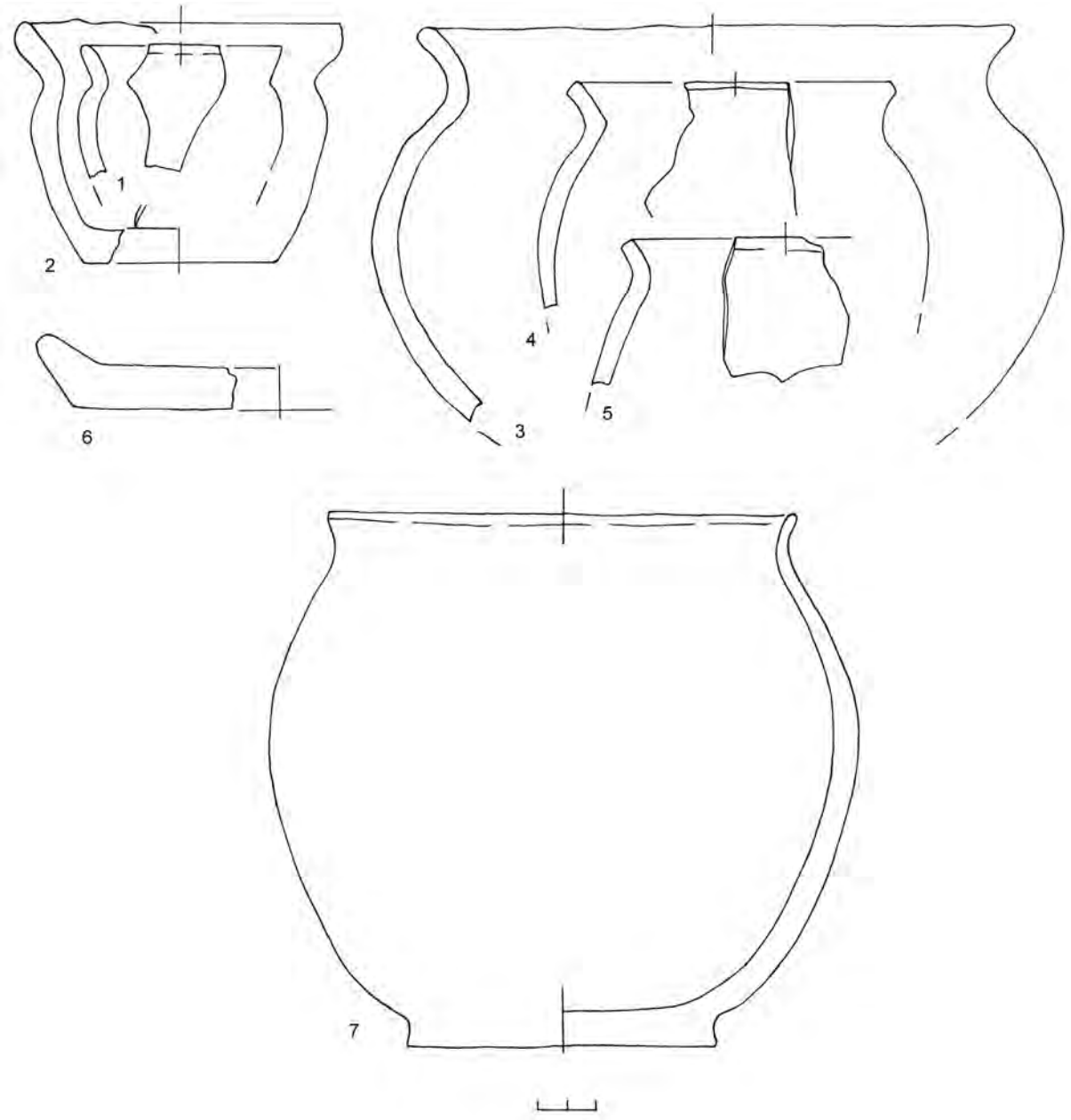


Рис. 58. Лепная керамика из культурного слоя северной части памятника.
Раннесредневековый набор.
4 – фрагмент хорошо заглаженного горшка; остальная керамика – груболепная; 1 – кв. 76, М, западная часть, шт. 3; 2 – шурф 5; 3, 7 – кв. 76, П, западная часть, шт. 3; 4 – кв. 76, О, восточная часть, шт. 2; 5 – кв. 76, П, зачистка по материку; 6 – кв. 61, Н, западная часть, шт. 2; рисунки А.М. Обломского.

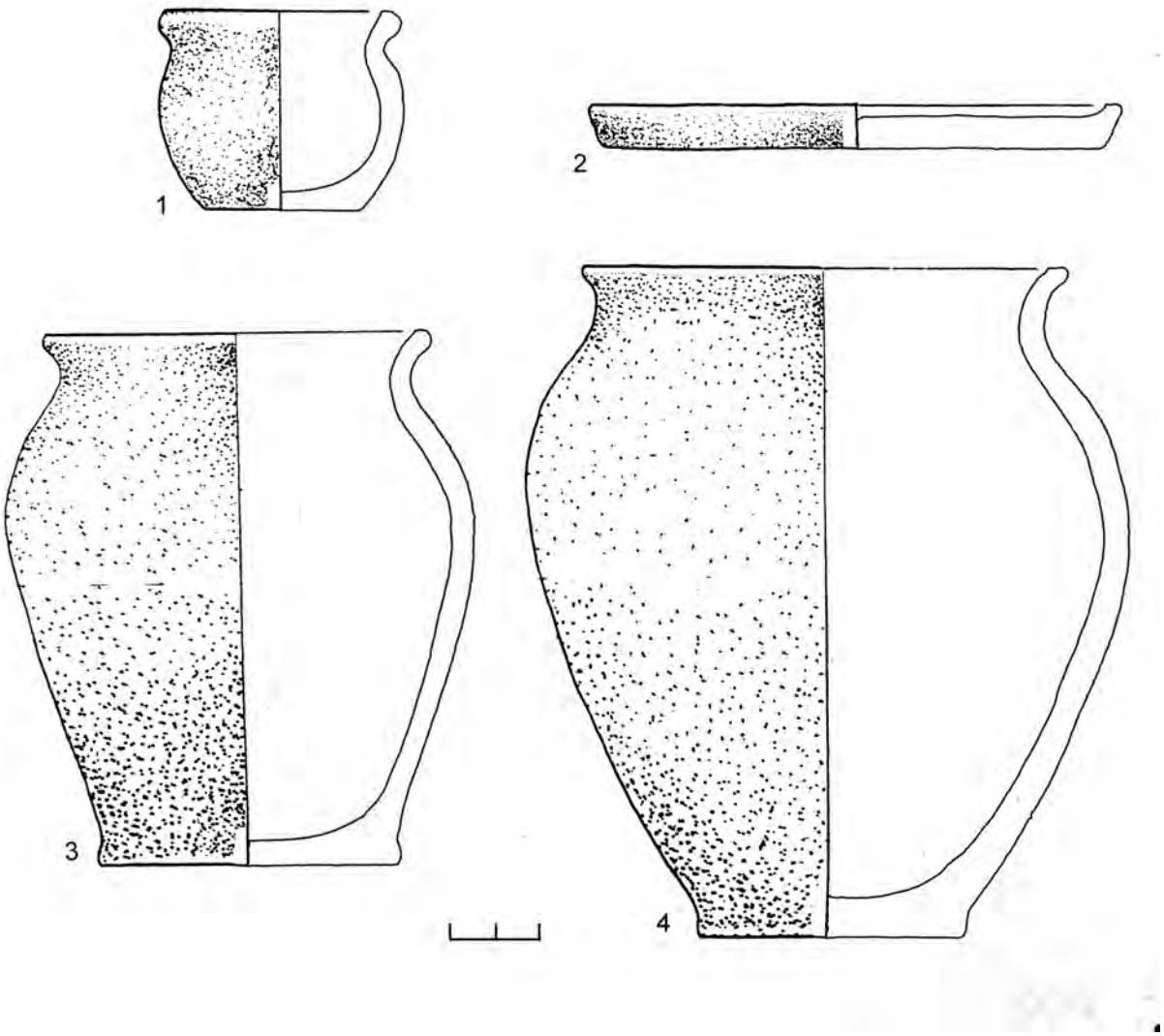


Рис. 59. Груболепная керамика из скопления в кв. 76, Л, 4, шт. 5; рисунки Э.А. Сымоновича.

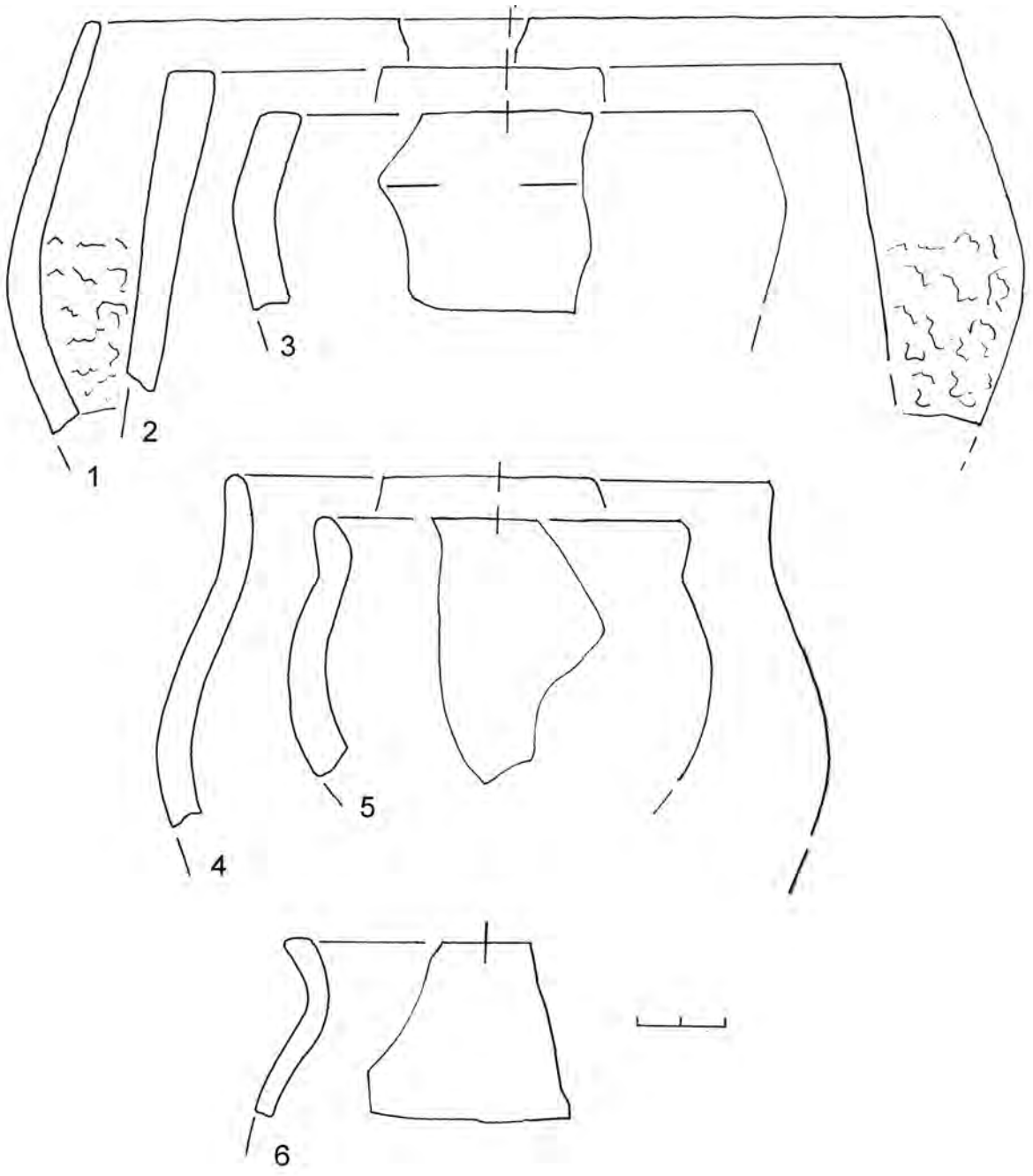


Рис. 60. Лепная керамика из урочища Горобинец.
4 – раскоп II, остальное – раскоп III; 1 – верхняя часть с лощеной, нижняя – с хроповатой поверхностью; 2, 6 – с лощеной поверхностью; 3-5 – с шероховатой поверхностью; рисунки А.М. Обломского.

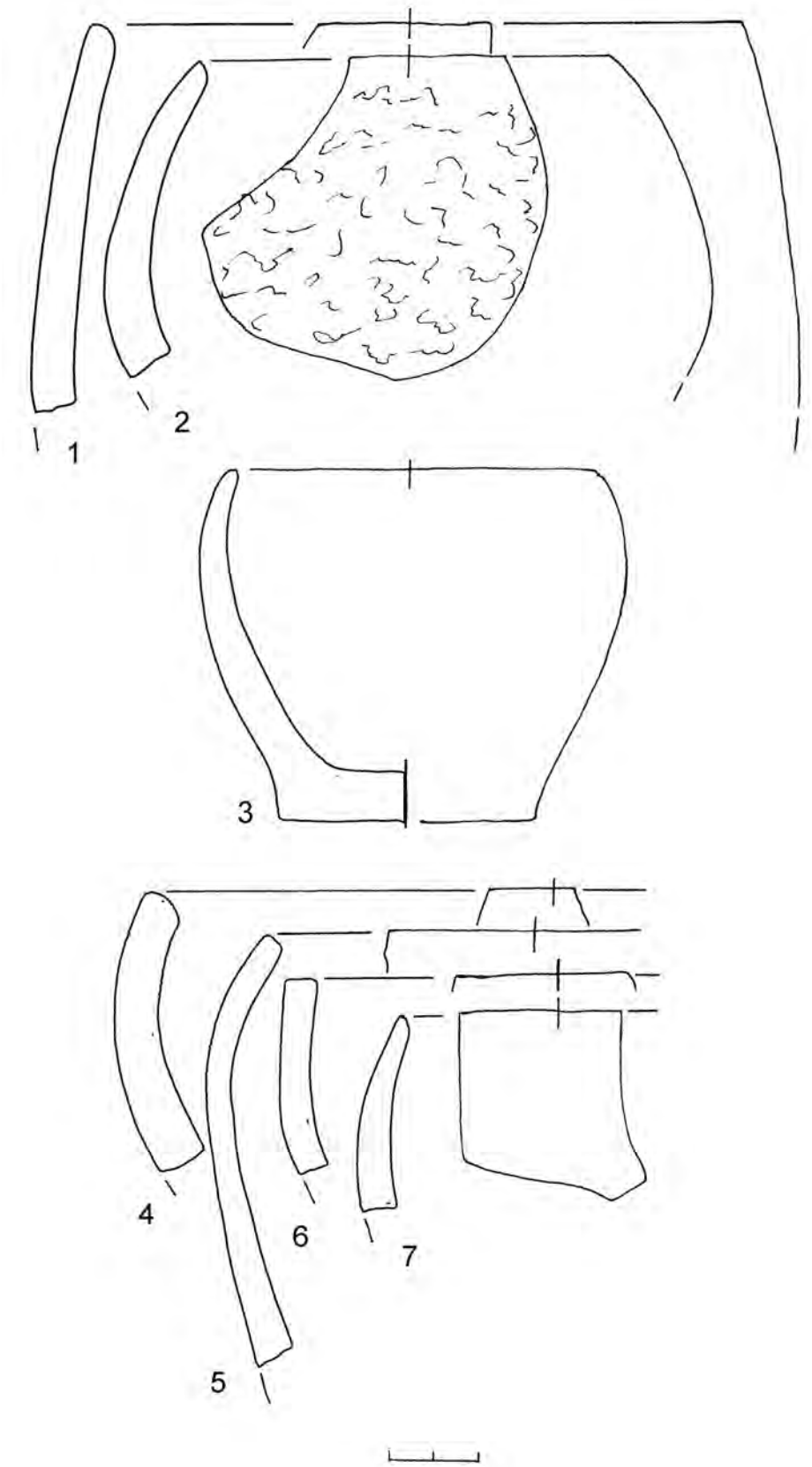


Рис. 61. Лепная керамика из урочища Горобинец (раскоп III).
1, 4, 5, 7 – с шероховатой поверхностью, 2 – с хроповатой поверхностью, 3, 6 – с лощеной поверхностью; рисунки А.М. Обломского.

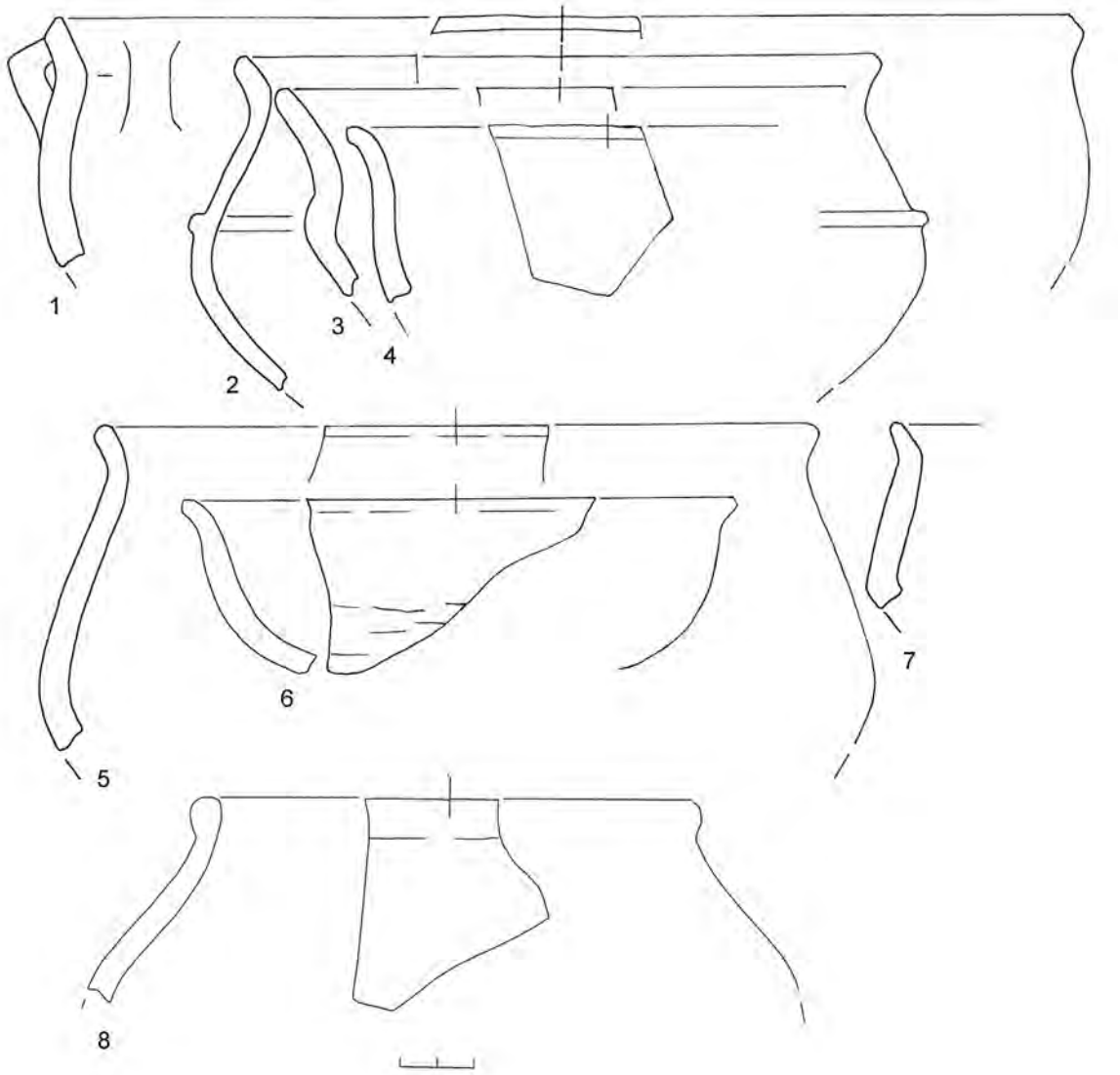


Рис. 62. Лепная керамика из урочища Горобинец (раскоп III).
1-4, 7 – лощеная; 5, 8 – с шероховатой поверхностью; 6 – лощеная в верхней части и шероховатая в нижней; рисунки А.М. Обломского.

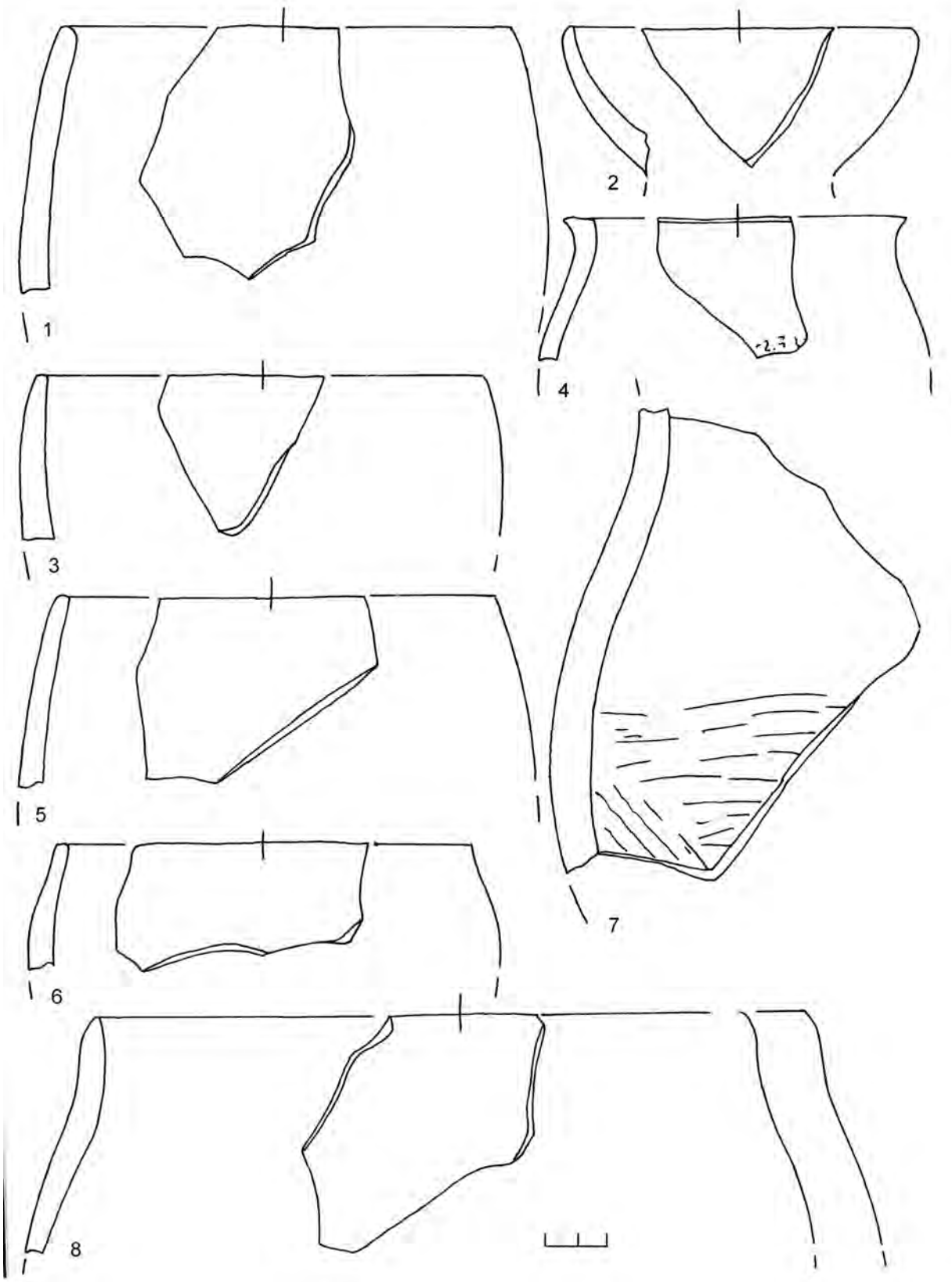


Рис. 63. Лепная керамика из урочища Горобинец (раскоп III).
1-3, 5-8 – с шероховатой поверхностью; 3 – с шероховатой верхней частью и хроповатой нижней; рисунки А.М. Обломского.

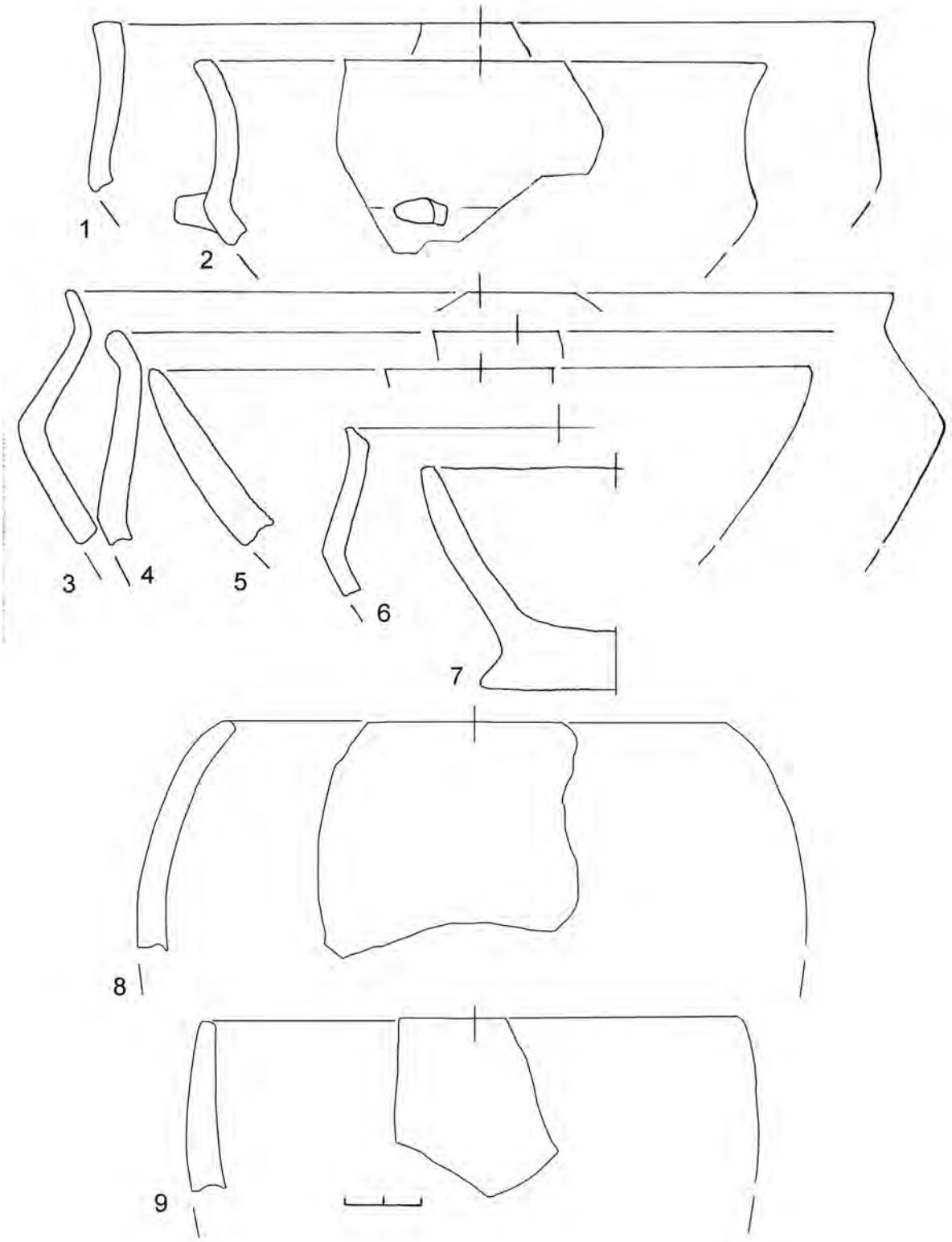


Рис. 64. Лепная керамика из урочища Горобинец.
9 – раскоп II, остальная – раскоп III; 1, 2, 7-9 – с шероховатой поверхностью; 3-6 – лощеная; рисунки А.М. Обломского.

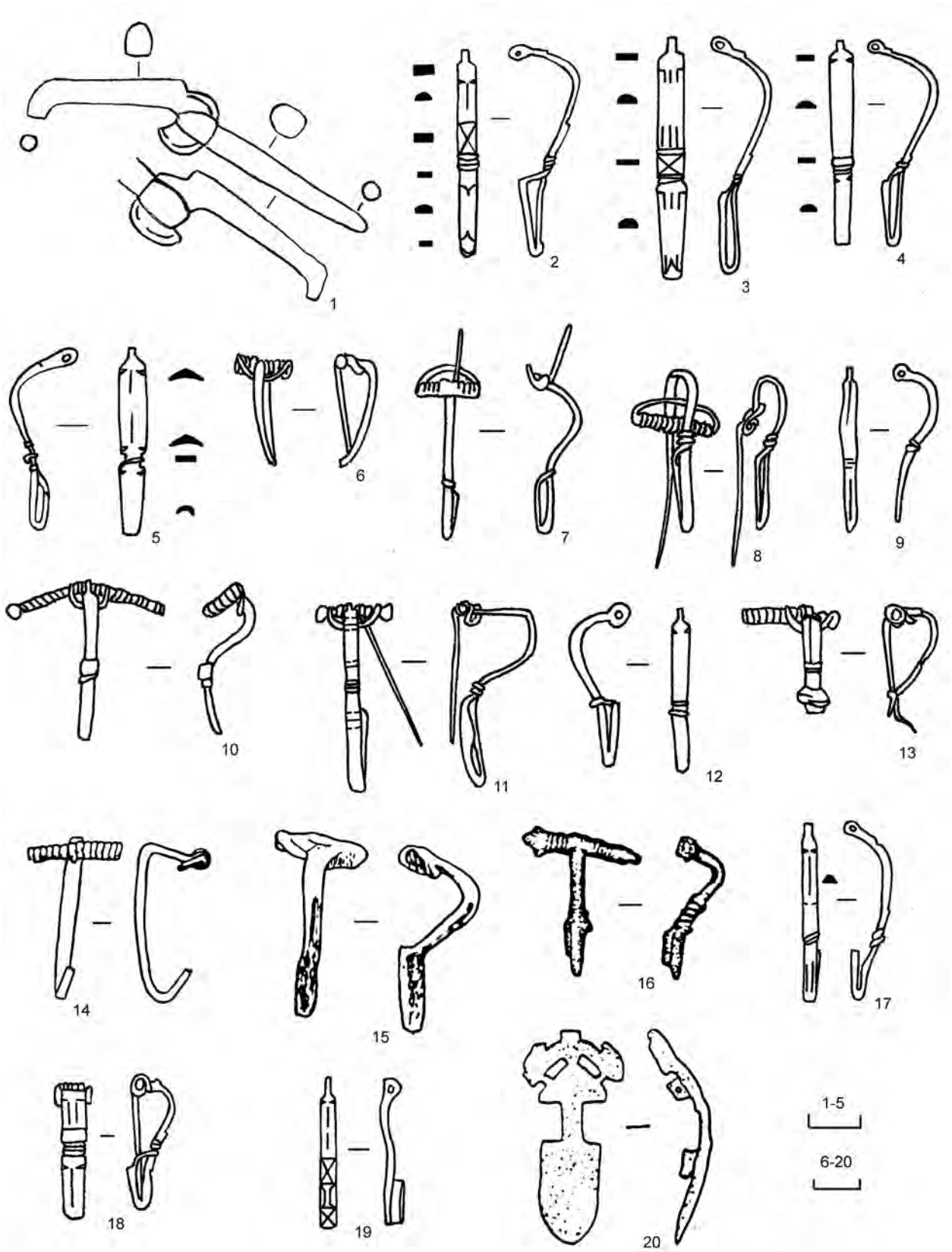


Рис. 65. Некоторые украшения из культурного слоя северной части поселения.
1 – сцепленные вместе язычки пряжек; 2-20 – фибулы; 1, 7, 15, 16 – железо, остальное – бронза;
1-5, 17 – рисунки А.М. Обломского; 6-16, 18-20 – рисунки Э.А. Сымоновича.

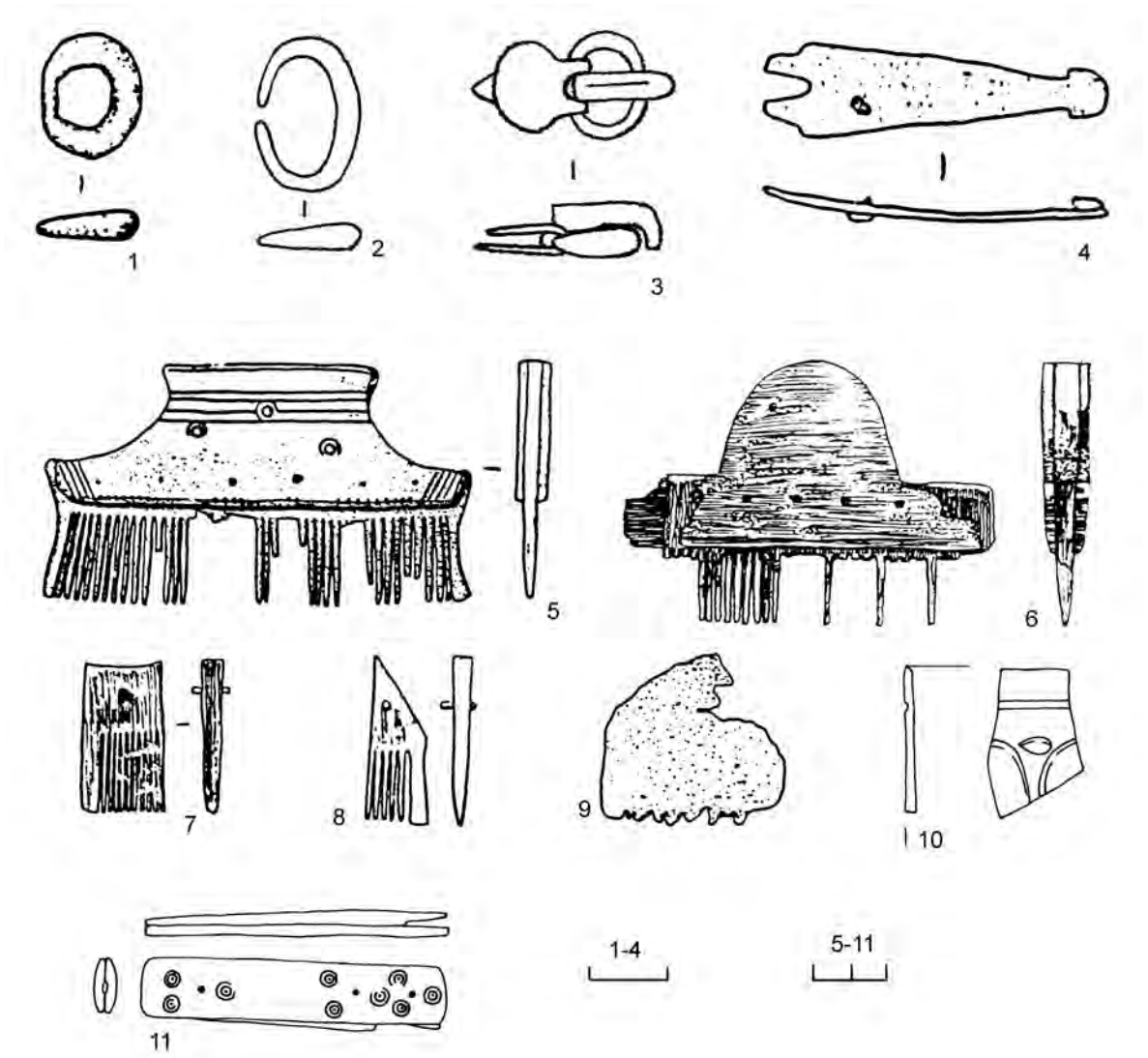


Рис. 66. Детали поясной гарнитуры, гребни, изделия из стекла и кости из слоя северной части поселения.
1-3 – пряжки; 4 – обойма от пряжки; 5-9 – гребни и их обломки; 1, 3, 4 – бронза; 2,9 – железо; 5-8, 11 – кость; 10 – бесцветное прозрачное стекло с прошлифованным орнаментом; 1-9 – рисунки Э.А. Сымоновича; 10, 11 – рисунки А.М. Обломского.

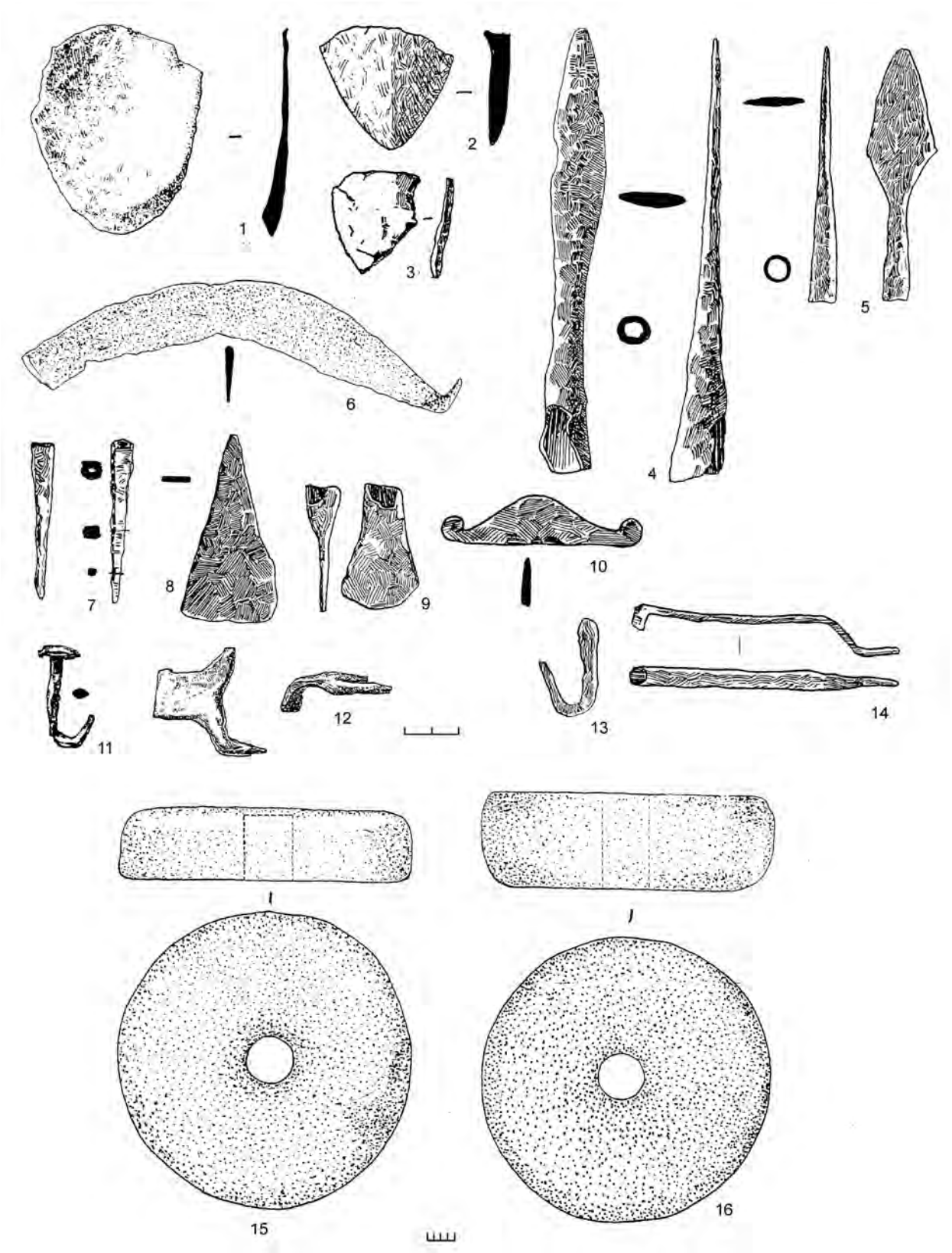


Рис. 67. Орудия труда и оружие из культурного слоя северной части поселения.
1-14 – изделия из железа; 15, 16 – каменные жернова; рисунки Э.А. Сымоновича.

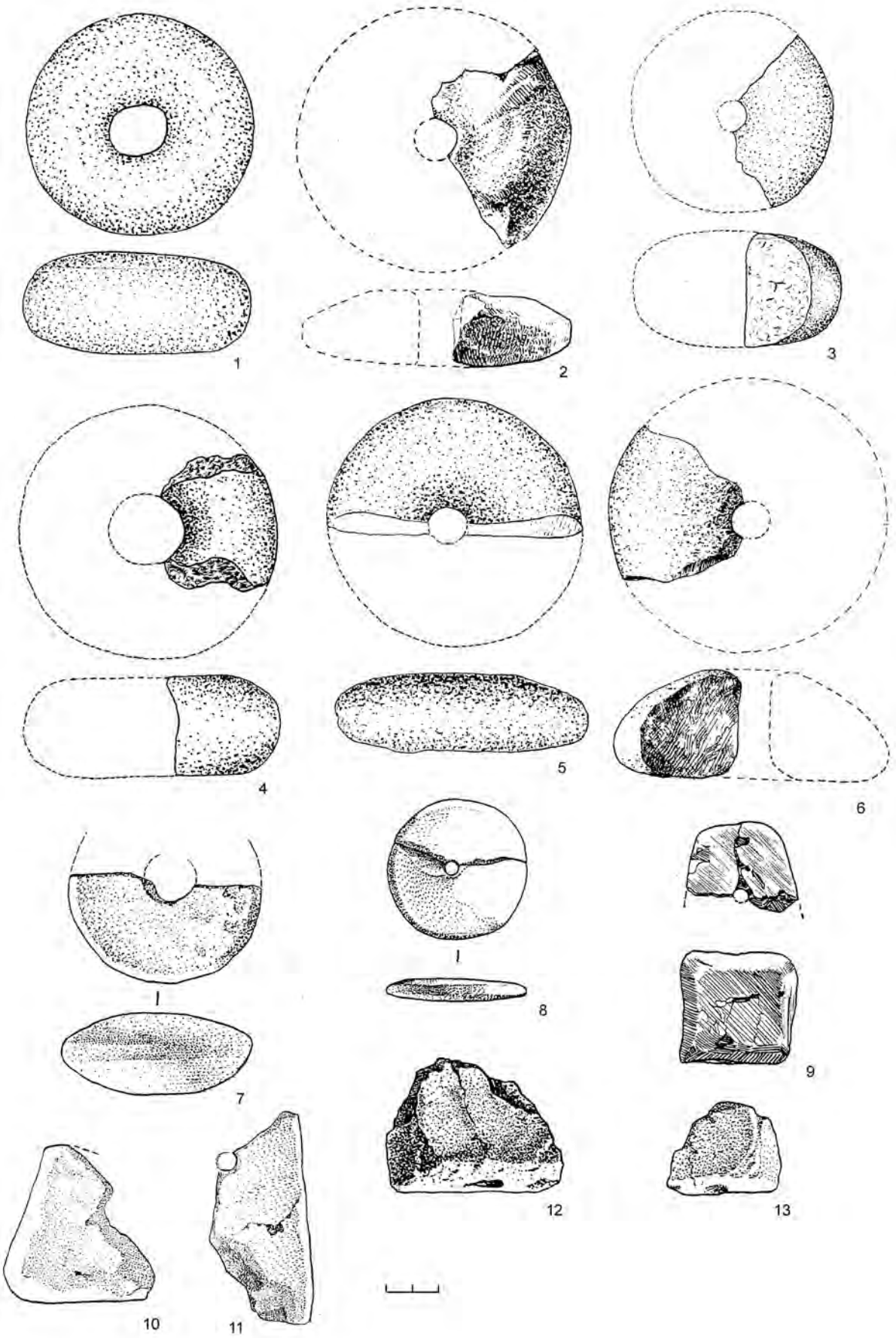


Рис. 68. Глиняные грузила из культурного слоя северной части поселения (рисунки Э.А. Сымоновича).

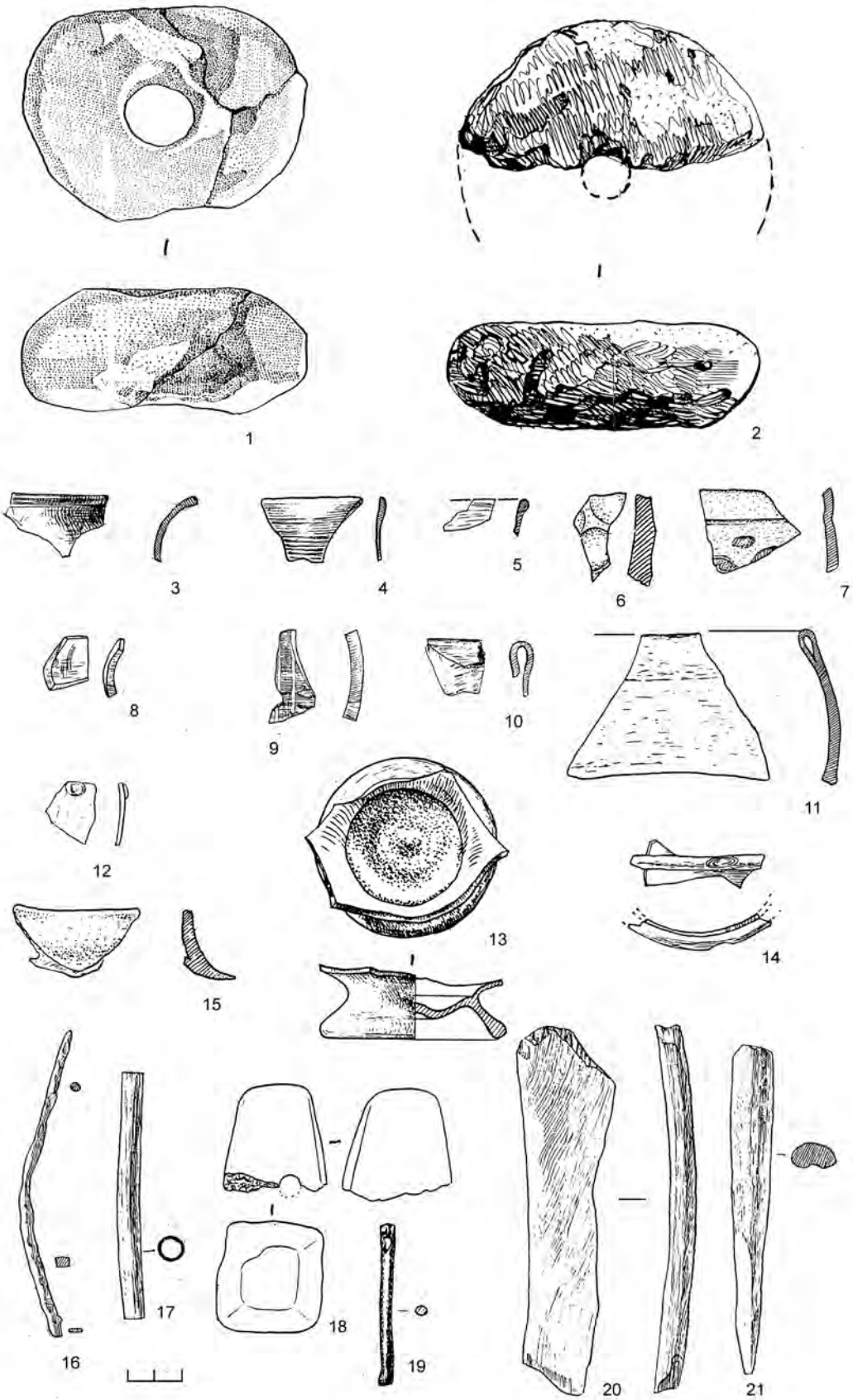


Рис. 69. Некоторые находки из северной части поселения.
1, 2 – глиняные грузила; 3-15 – обломки стеклянных сосудов (10, 11 – из зеленого стекла; прочие – из бесцветного; 12 – с каплями синего стекла; 6, 7 – с прошлифованными овалами); 16 – железный пробойник; 17 – костяная трубочка-игольник; 18 – обломок глиняного пирамидального грузила; 19 – просверленная кость; 20 – тупик из ребра животного; 21 – массивная костяная проколка; 1-15 – культурный слой; 16 – яма 203; 17 – яма 223; 18 – яма 227; 19 – яма 317; 20, 21 – яма 205; рисунки Э.А. Сымоновича.

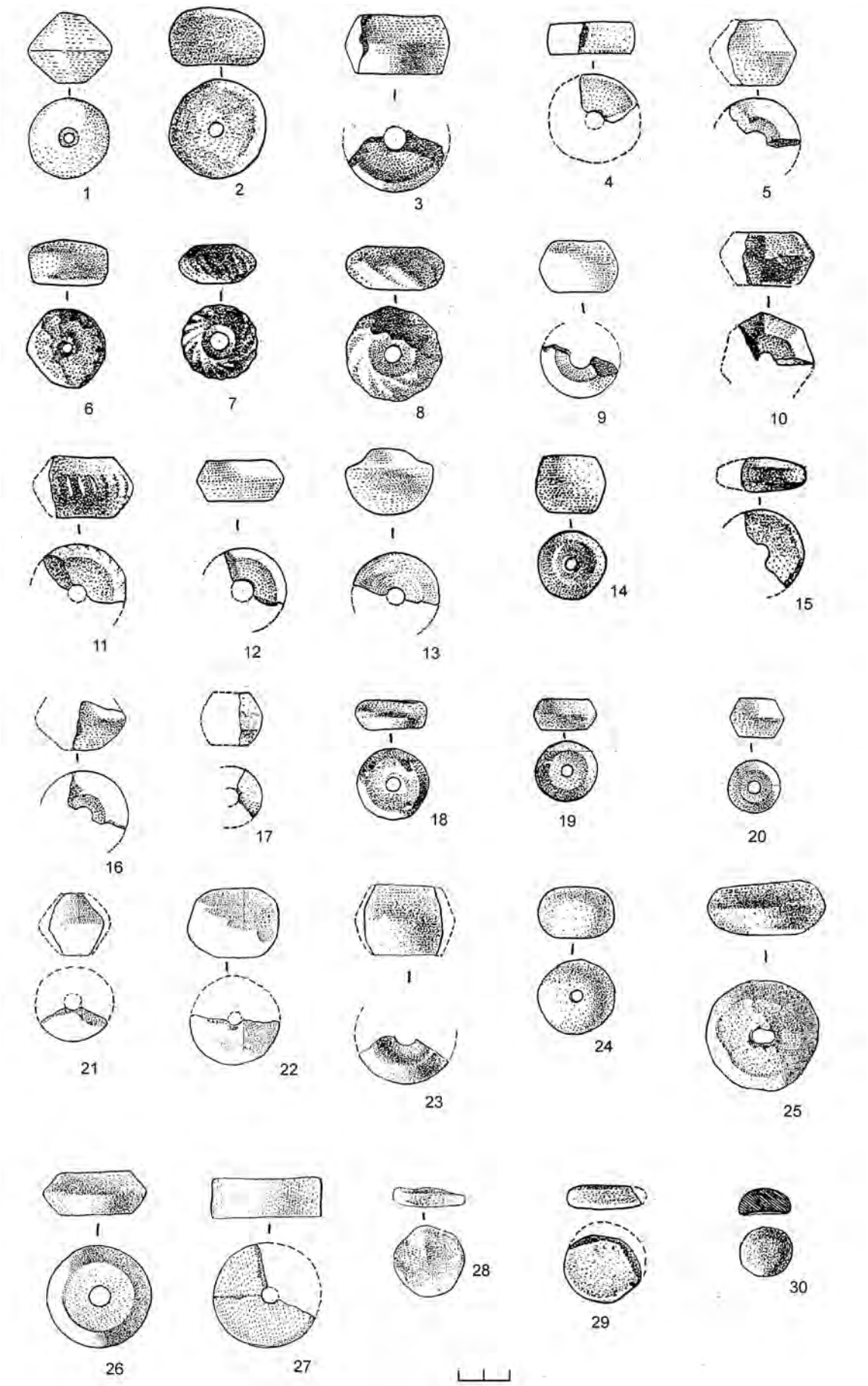


Рис. 70. Пряслица (1-27) и жетоны (28-30) из культурного слоя северной части поселения. 29 – из стенки сосуда; прочие – из глины; рисунки Э.А. Сымоновича.

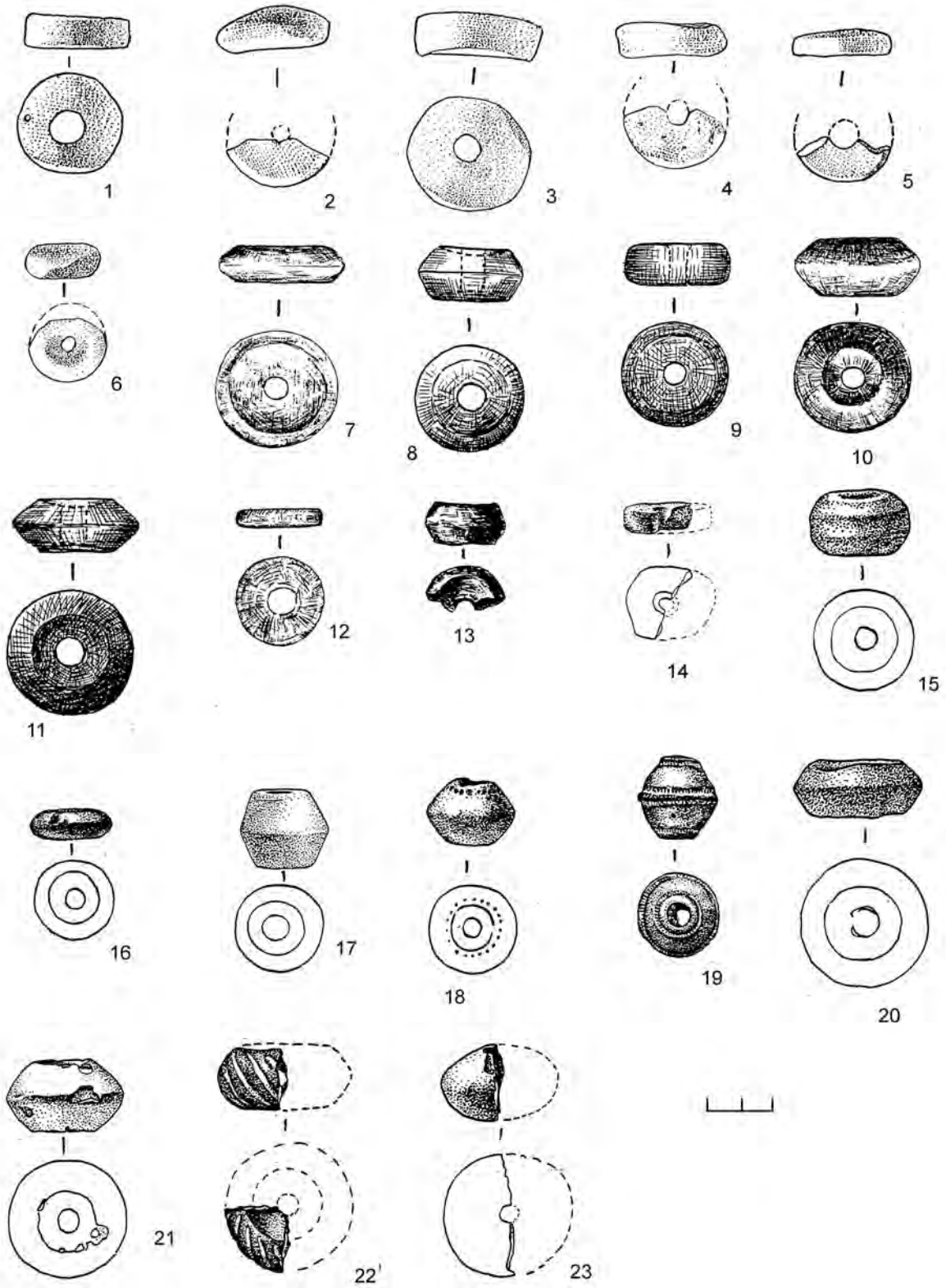


Рис. 71. Пряслица из культурного слоя северной части поселения.
3, 12, 14 – из стенок сосудов; 17 – из мергеля; прочие – глиняные; рисунки Э.А. Сымоновича.

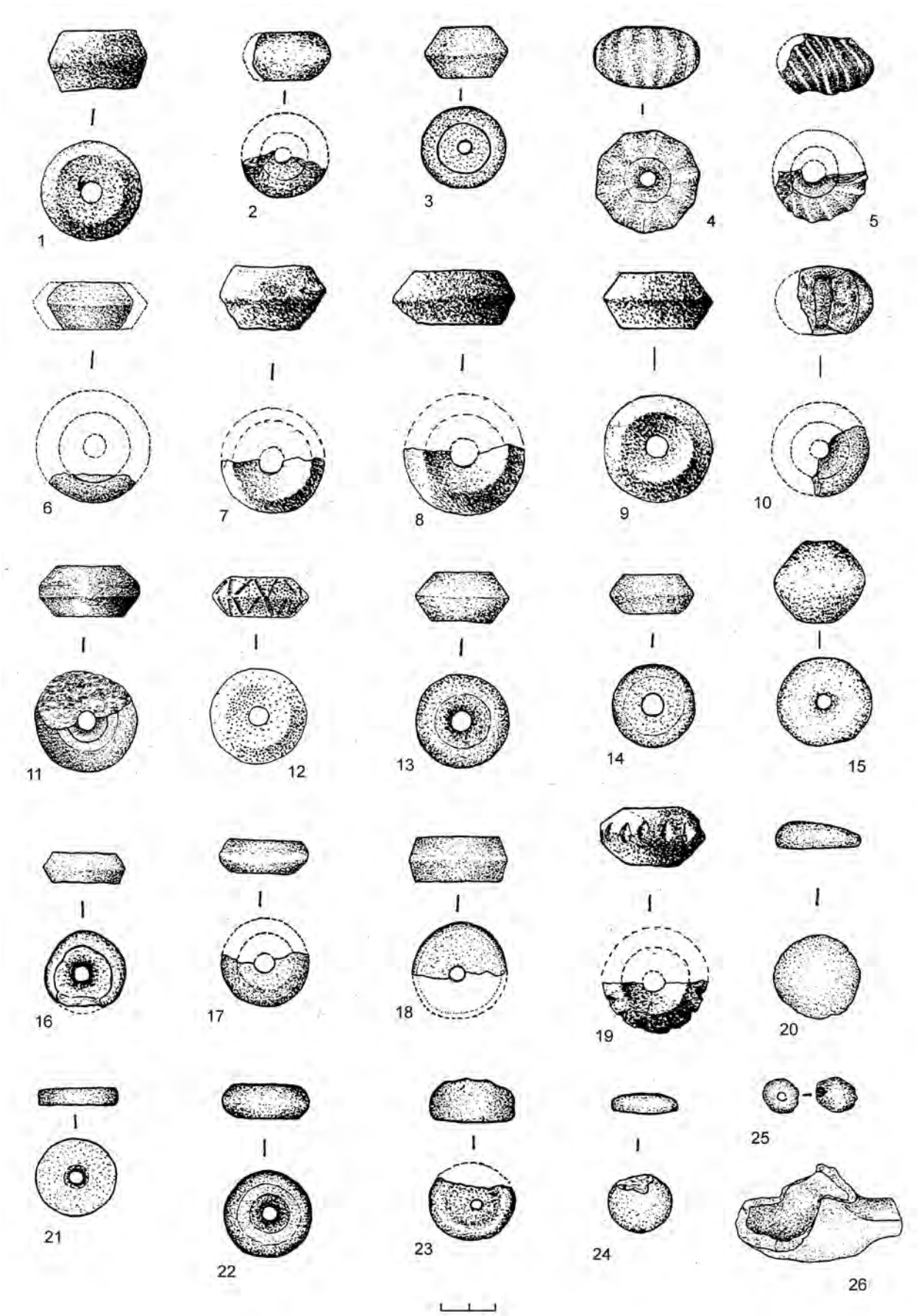


Рис. 72. Изделия из глины из культурного слоя северной части поселения.
1-19, 21-23 – пряслица; 20, 24 – жетоны; 25 – бусина; 26 – льячка; 21 – из стенки сосуда; прочие – из глины; рисунки Э.А. Сымоновича.

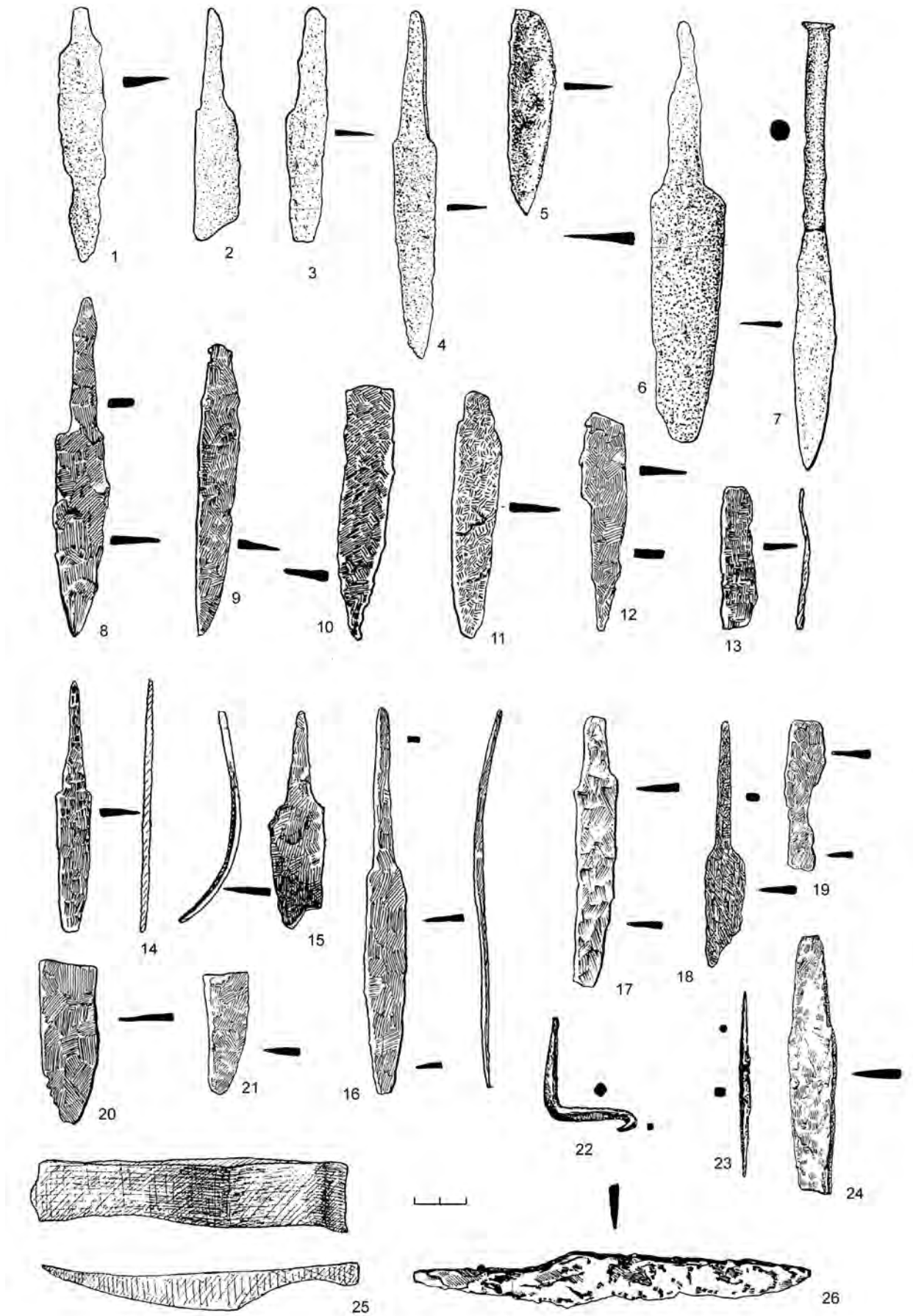


Рис. 73. Изделия из железа из культурного слоя северной части поселения.
1-19, 24, 26 – ножи (целые и фрагментированные); 22, 23 – пробойники (первый деформирован); 25 – долото; рисунки Э.А. Сымоновича.

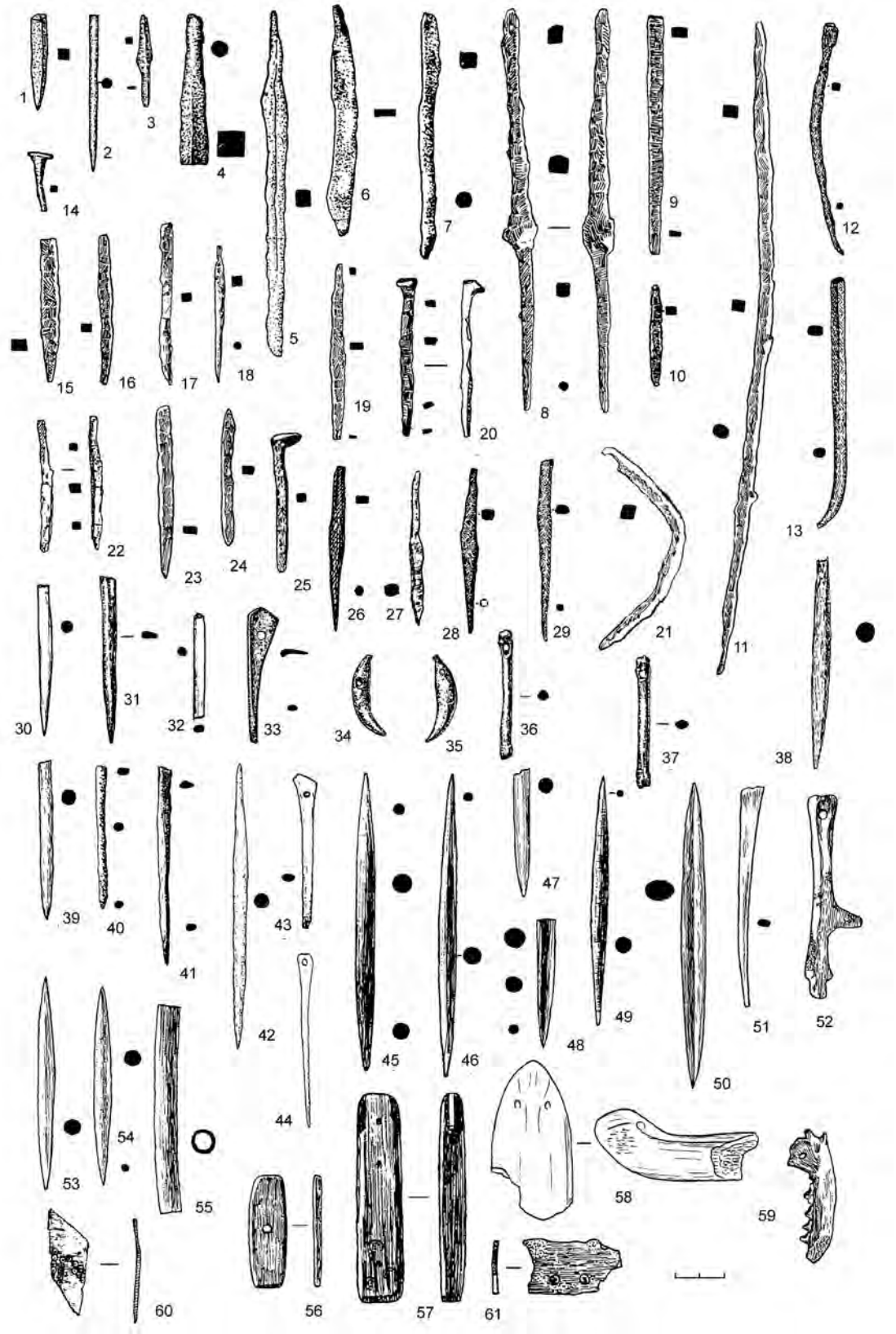


Рис. 74. Изделия из железа и кости из культурного слоя северной части поселения.
1, 3-11, 13, 15-19, 21-24, 26-29 – железные пробойники; 2, 12 – железные иглы; 14, 20, 25 – железные гвозди; 30-32, 38-42, 45-50, 53, 54 – костяные шилья; 33, 43, 44, 51 – костяные иглы (булавки); 34, 35 – просверленные клыки; 36, 37 – просверленные птичьи кости; 52 – просверленная кость петуха; 55 – костяная трубочка-игольник; 56 – костяная накладка; 57 – костяная рукоять; 58 – костяной конек; 59 – просверленная челюсть куницы; 60, 61 – костяные пластинки с циркульным орнаментом (накладки); рисунки Э.А. Сымоновича.

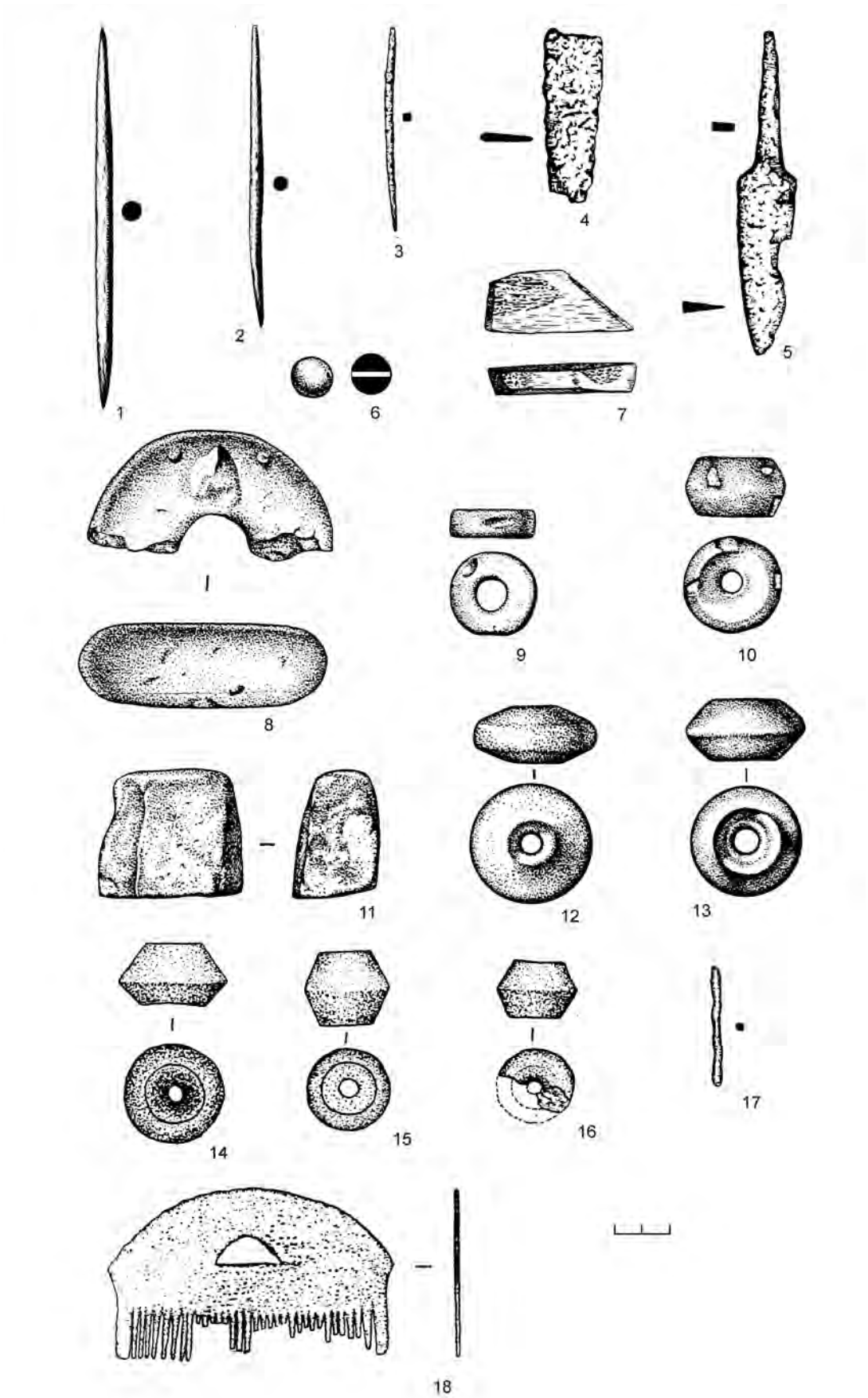


Рис. 75. Находки из слоя раскопов в урочище Горобинец.
1, 2 – костяные шилья; 3 – железный пробойник; 4, 5 – железные ножи; 6 – глиняная бусина; 7, 11 – точильные камни; 8 – фрагмент глиняного грузила; 9, 10, 12-16 – глиняные пряслица; 17 – железная игла; 18 – железный гребень; рисунки Э.А. Сымоновича.

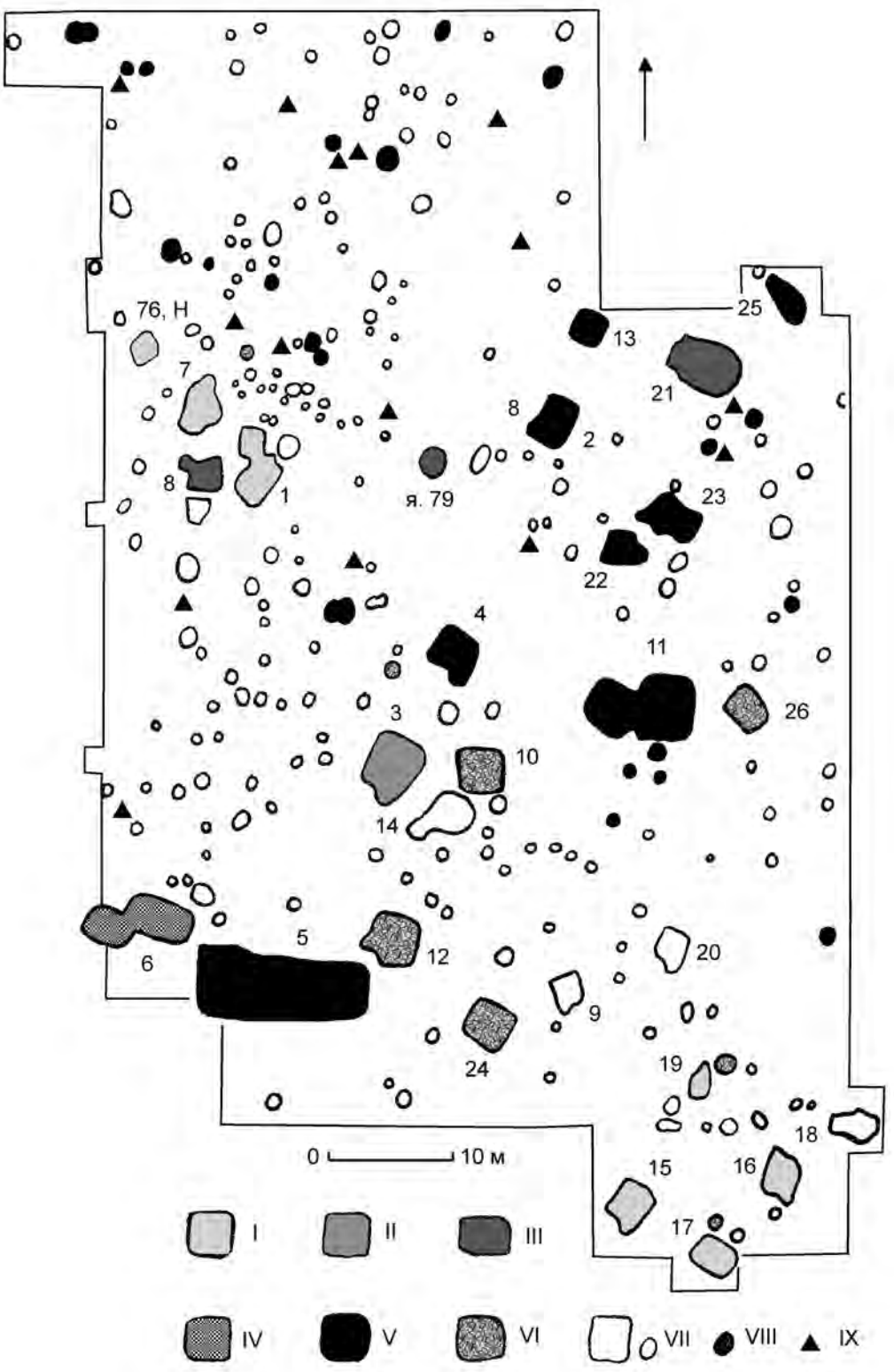


Рис. 76. Планиграфия центрального участка северной части поселения Журавка (по плану центрального раскопа Э.А. Сымоновича).
I – постройки с лепной керамикой киевского круга первой хронологической группы (95-76%); II – постройка с вельбарской лепной керамикой первой хронологической группы; III – постройки с вельбарской лепной керамикой в количестве 54-56%; IV – постройка с лепной керамикой киевского круга в количестве 45,7%; V – постройки с абсолютным преобладанием гончарной керамики (не менее 75%); VI – раннесредневековые жилища; VII – постройки и ямы, не имеющие точной культурно-хронологической атрибуции; VIII – ямы с абсолютным преобладанием черняховской гончарной керамики; IX – выносные очаги.

Пальчатые фибулы из Южного Побужья

(В.Е. Родинкова)

Последнее десятилетие XX и начало XXI в. отмечены существенным увеличением археологического материала, которое происходит не только за счет расширения объемов полевых исследований, но и за счет массового появления так называемых случайных находок. Подобные вещи, как правило, лишены археологического контекста, поэтому теряют значительную часть своей научной ценности. Однако они могут быть полезны при создании типологических и классификационных схем, исследовании технологии древнего ремесленного производства, определении основных направлений культурных связей населения тех или иных территорий и т.д. Введение в научный оборот серии таких находок, которые могут дополнить наши представления об общей историко-культурной ситуации в лесостепной зоне Восточной Европы в конце эпохи Великого переселения народов, является целью настоящей публикации.

Объектом изучения стали шесть пальчатых фибул, происходящих из бассейна Южного Буга. Все они были обнаружены случайно, в настоящее время находятся в частных коллекциях и практически недоступны для дальнейшей научной обработки[1].

1. Фибула пальчатая, крупная, отлита из металла желто-золотистого цвета, вероятно, сплава на медной основе[2], патинирована (рис. 1: 1). Головной щиток фибулы имеет полукруглую форму, окаймлен пятью округлыми выступами-«пальцами» на коротких профилированных перемычках-«шеях». Его лицевая поверхность орнаментирована выполненными при отливке четырьмя группами вписанных друг в друга окружностей, между которыми размещены пары обращенных вершинами друг к другу углубленных треугольников. Ножка фибулы имеет форму вытянутого шестиугольника, по углам ее расположены три пары выступов. Ближайшая к дужке пара редуцирована. В месте наибольшего расширения и на противоположном от дужки конце выступы округлые, на них нанесен циркульный орнамент, возможно, имитирующий каменные или стеклянные вставки. Щиток оканчивается массивным отростком, представляющим сильно стилизованную звериную голову. На нем имеются две поперечные врезанные линии; глаза зверя переданы кружками с точками в центре. Лицевая поверхность ножки орнаментирована десятью группами вписанных друг в друга окружностей и углубленными треугольниками между ними. Щитки фибулы соединяются широкой выгнутой дужкой, на поверхности которой прослеживаются серии параллельных врезных линий.

На обороте головки имеются две округлые цельнолитые со щитком стойки для крепления оси пружины, на обороте ножки – загнутый в крючок цельнолитой иглоприемник. Игла не сохранилась. Тыльная сторона дужки вогнута. По центру ножки вдоль ее длинной оси прослеживается сглаженная валикообразная выпуклость, которая в литературе иногда именуется «ребром жесткости».

Фибула найдена на территории ***Винницкой области.***

2. Фибула пальчатая, крупная, отлита, вероятно, из сплава на медной основе, патинирована (рис. 1: 2). Головной щиток фибулы имеет полукруглую форму, окаймлен пятью округлыми выступами-«пальцами» на коротких рельефных перемычках-«шеях» с «перехватами». Орнамент на лицевой стороне пластины выполнен при отливке, четкий. Его основу составляют пять крупных композиций из вписанных друг в друга окружностей с точками в центре. Между этими

---

[1] Приношу искреннюю благодарность сотруднику Винницкого областного краеведческого музея М.В. Потупчику, предоставившему мне информацию об этих вещах и их фотографии.

[2] Спектральный анализ металла, из которого изготовлены рассматриваемые в настоящей работе вещи, не производился.

композициями размещены окружности меньшего диаметра, также с центральными точками. Ножка фибулы имеет форму вытянутого пяти- или шестиугольника, ее конец обломан. Сохранились две пары выступов – у дужки и в месте наибольшего расширения щитка. Первые представляют собой небольшие крючковидные отростки, на которых нанесен циркульный орнамент. Вторая пара выступов украшена аналогично предыдущей, но имеет округлую форму. Боковые стороны щитка между выступами слегка прогнуты вовнутрь. Орнамент ножки состоит из таких же, как на головном щитке, композиций из вписанных друг в друга окружностей разного диаметра, расположенных симметрично вдоль длинной оси пластины. Щитки фибулы соединяет широкая выпуклая дужка, боковые стороны которой слегка вогнуты. На ее лицевой поверхности имеются три выступающие продольные орнаментальные зоны, покрытые косыми насечками.

На обороте головной пластины расположены две цельнолитые со щитком стойки для крепления оси пружины подпрямоугольной формы с округлыми отверстиями в центре. Иглоприемник обломан, от него сохранился небольшой удлиненный выступ на обороте ножки. Игла отсутствует.

Фибула найдена на территории ***Хмельницкой области.***

3. Фибула крупная, отлита, вероятно, из сплава на медной основе, покрыта буро-зеленой патиной (рис. 2: 1). Головной щиток фибулы имеет полукруглую форму, по краю вместо выступов-«пальцев» снабжен фигурной каймой из семи стилизованных сросшихся птичьих голов, клюющих друг друга в затылок. Головка, расположенная в центре, крупнее остальных. Глаза птиц переданы с помощью циркульного орнамента. Лицевая поверхность щитка украшена бессистемно нанесенными оттисками штампа, который представляет собой две вписанные друг в друга окружности с углубленной точкой в центре. Ножка фибулы отлита в форме вытянутого шестиугольника с тремя парами округлых выступов по углам, на каждый из которых нанесен орнамент – кружок с точкой. Боковые стороны пластины между выступами, расположенными в месте наибольшего расширения и у дужки, прогнуты. Ножка оканчивается массивным сильно схематизированным изображением звериной головы, отделенным от основной части щитка четырьмя прочерченными поперечными линиями. На лицевой поверхности этого зооморфного выступа имеются две перекрещивающиеся косые линии и две композиции из вписанных друг в друга окружностей, передающие, вероятно, нос и глаза зверя. Орнамент на ножке асимметричный, выполнен при помощи того же штампа, что и на головном щитке. Щитки фибулы соединяются выпуклой «двускатной» дужкой, которая визуально отделяется от них сериями сходящихся под углом врезных линий.

На обороте головной пластины расположены две цельнолитые со щитком стойки для крепления оси пружины подпрямоугольной формы. В центральной части каждой из них просверлено округлое отверстие. Край одной из стоек стерт, возможно, вследствие длительного использования фибулы. Иглоприемник представляет собой массивный выступ в форме удлиненной трапеции, отлитый на обороте ножки и загнутый крючком. Тыльная сторона дужки вогнута. Вдоль ножки в ее центральной части прослеживается сглаженный валикообразный выступ – «ребро жесткости».

Фибула слегка деформирована, ее верхний щиток отогнут. Кроме того, утрачена одна из крайних головок птиц, составляющих кайму на полукруглом щитке. На другом краю каймы сломана перемычка-«клюв», соединяющая две соседние птичьи головки.

Находка происходит из ***с. Иваньки Липовецкого района или,*** по другим данным, из ***Ямпольского района Винницкой области.***

4. Фибула пальчатая, крупная, отлита, вероятно, из сплава на медной основе, патинирована (рис. 2: 2). Сохранился ее фрагмент – обломанный головной щиток и часть дужки. Головной щиток фибулы полукруглый, снабжен пятью выступами-«пальцами», из которых сохранились три. С одной стороны край пластины утрачен. «Пальцы» удлиненные, сравнительно тонкие, украшены рельефными «поясками» в месте соединения со щитком и ближе к концу. Орнамент на лицевой стороне выполнен при отливке, неправильный в геометрическом отношении. Его образуют два расположенных под углом друг к другу несимметричных овала-«миндалины» в центре и широкая «рубчатая» кайма из перпендикулярных краю выпуклых штрихов по контуру пластины. Дужка, вероятно, была выгнутой, «двускатной». Судя по сохранившейся части, ее покрывали продольные глубокие врезные линии, а от головного щитка визуально отделяют поперечные.

Оборотная сторона фрагмента плоская; на ней имеются две цельнолитые с пластиной полукруглые стойки, между которыми фиксируются остатки железной пружины. В верхней части изделия заметны каверны, возникшие, вероятно, в результате некачественной отливки. Фибула несколько деформирована, ее «пальцы» отогнуты.

Находка происходит с территории ***Летичевского района Хмельницкой области.***

5. Фибула пальчатая, крупная, отлита, вероятно, из сплава на медной основе, патинирована (рис. 2: 3). Сохранился фрагмент – головной щиток и дужка. Головной щиток фибулы полукруглый, снабжен пятью выступами-«пальцами», крайний из которых утрачен. «Пальцы» относи-

тельно небольшие, удлиненной формы, в средней части украшены парами параллельных бороздок. Орнамент на лицевой стороне изделия выполнен при отливке, нечеткий, как бы полустертый. Состоит из полукруглой фигуры в середине щитка и пяти групп концентрических окружностей, расположенных по дуге на углубленной по сравнению с внешним краем внутренней площадке головки. Дужка выпуклая, украшена продольными и поперечными врезными линиями.

Оборотная сторона дужки вогнутая, головного щитка – плоская. На головке имеются две цельнолитые со щитком стойки, между которыми сохранилась спирально навитая на ось пружина иглы. Судя по фотографии, пружина изготовлена из того же металла, что и головная пластина застежки.

Фибула найдена у ***с. Марьяновка Барского района Винницкой области***.

6. Фибула пальчатая, небольшая, отлита из металла серого цвета, возможно, сплава на медной основе (рис. 2: 4). Головной щиток полукруглый, снабжен пятью выступами-«пальцами». Окончания «пальцев» имеют округлую форму, а в местах соединения со щитком они сужаются, образуя своеобразные «перехваты». Центральный «палец» обломан. Ножка вытянутая, в ее основе лежит пластина пятиугольной формы, оканчивающаяся длинным заостренным отростком, который отделен от основной части ножки тремя глубокими поперечными бороздами. По бокам щитка, в месте его наибольшего расширения и у дужки, размещены две пары массивных выступов, представляющих собой обращенные друг к другу остриями крючки. Ближние к дужке крючки выглядят отчетливее, два других сглажены, возможно, в результате некачественной отливки. Щитки соединяет короткая выпуклая в центральной части дужка. Лицевая поверхность застежки не орнаментирована, если не считать поперечных линий на оканчивающем ножку выступе, но на ней видны царапины – возможно, следы механической обработки поверхности изделия после отливки.

На обороте головного щитка фибулы сохранились две расположенные несимметрично вплотную к дужке стойки для крепления оси пружины. В центральной части одной из них заметно отверстие. Иглоприемник, как и игла, отсутствует. Оборотная сторона дужки плоская.

Фибула найдена на территории ***Винницкой области***.

Первые три из описанных вещей принадлежат многочисленному и хорошо известному в литературе массиву днепровских пальчатых фибул. К его систематизации обращались многие исследователи: А.П. Калитинский [Калитинский, 1928, с. 289-292], Й. Вернер [Werner, 1950, S. 159-162], Б.А. Рыбаков [Рыбаков, 1948, с. 58-69, рис. 7; 1953, с. 57, 59 и след.], Г.Ф. Корзухина [Корзухина, 1974, с. 384-427], А.И. Айбабин [Айбабин, 1990, с. 22], О.М. Приходнюк [Приходнюк, 2000, с. 53-55; 2005, с. 36, 37] и другие. В настоящей статье используется типологическая схема И.О. Гавритухина [Гавритухин, 1996б], развивающая принципы классификации Й. Вернера и учитывающая наибольшее на сегодняшний день количество днепровских находок. В соответствии с ней застежку из Винницкой области (рис. 1: 1) можно определить как относящуюся к типу II.C (щиток ножки без прогибов, с тремя парами боковых выступов, орнамент циркульный) подгруппы днепровских группы поствосточногерманских пальчатых фибул. Полные аналоги ей неизвестны. Насколько можно судить по опубликованным изображениям, ближе всего рассматриваемому экземпляру по характеру орнаментации (особенно полукруглого щитка), форме выступов-«пальцев», ножки и боковых отростков на ней парные фибулы из погребения 280 могильника Данчены в Поднестровье (рис. 3: 1). Более отдаленное сходство наблюдается между этой вещью и фрагментом удлиненного щитка фибулы, случайно найденным в Венгрии, а также образцами из Тропеум Трояни, погребения 86 могильника Суук-Су и некоторыми другими крымскими экземплярами (рис. 3: 2, 3). По общим пропорциям и характеру расположения орнаментальных элементов застежка из Винницкой области напоминает еще одну из фибул клада из Нижней Сыроватки [Рафалович, 1986, с. 25, 26, табл. XIV: 1, 2; Гавритухин, 1996б, с. 37, 38, рис. 49: 3; 50: 12-14; Корзухина, 1996, с. 403, 424, 428, № 84: 3; 150: 3б; 180, табл. 61: 3; 112: 2; 114: 3][3].

Фибула из Хмельницкой области (рис. 1: 2), у которой ближайшие к дужке выступы на удлиненном щитке отлиты в форме небольших крючков, по-видимому, сочетает в себе признаки типологических линий II и IV по И.О. Гавритухину. С одной стороны, крупные крючковидные или производные от них кольцевидные отростки служат исследователю основанием для выделения застежек типологической линии IV [Гавритухин, 1996б, с. 37]. Среди последних наиболее близка интересующей нас по форме и пропорциям находка из с. Мазепинцы (рис. 3: 5) [Гавритухин, 1996б, с. 38, рис. 49: 2; Корзухина, 1996, с. 353, № 4, табл. 84: 1]. С другой стороны, очертания ножки, размеры и форма выступов у образца из Хмельницкой области находят соответствия среди экземпляров, отнесенных И.О. Гавритухиным к типологической линии II, например у одной из фибул погребения 86 Суук-Су (рис. 3: 4) [Гавритухин, 1996б, с. 37, рис. 49: 9а; Корзухина, 1996, с. 424, № 150:

[3] Ссылки даны преимущественно на обобщающие работы, содержащие информацию не только об упомянутых экземплярах, но и о других подобных находках.

3а, табл. 112: 1]. Более близкие аналогии публикуемому изделию, однако, найти не удалось.

Фибулы с каймой из птичьих голов несколько лет назад были рассмотрены в специальной работе [Родинкова, 2004]. В соответствии с предложенной тогда классификацией, находка из с. Иваньки или из Ямпольского района (рис. 2: 1) относится к варианту Пастырское серии Б подтипа семиглавых застежек. Представляющие этот вариант вещи достаточно однообразны. Наибольшее сходство по характеру и структуре орнамента, состоящего из вписанных друг в друга окружностей разного диаметра, обнаруживается между экземплярами из Побужья и из состава Трубчевского клада. Кроме того, близкие изделия встречены на Пастырском городище, в балке Верхолат (у с. Волошское), погребении 154 могильника Суук-Су, погребении 9 склепа 38 могильника Лучистое и в Ягала-Йэессу (рис. 3: 6-11) [Родинкова, 2004, с. 234, рис. 1: 17-22; Приходнюк, Падин, Тихонов, 1996, рис. 4; Корзухина, 1996, с. 380, 414, 422, 424, № 73: 53; 105; 141; 150: 6б, табл. 30: 3; 96: 4; 109: 3; 111: 6; Айбабин, 1988, с. 7, рис. 1: 7].

Пальчатые фибулы – одна из ярких отличительных черт специфического набора украшений, сформировавшегося в начале раннего Средневековья в Среднем Поднепровье и на левобережье Днепра. А.А. Спицын, первым рассмотревший этот набор как единый комплекс, посчитал его проявлением материальной культуры известного по письменным источникам антского союза племен и назвал «древности антов» [Спицын, 1928]. О.А. Щеглова доказала существование в его составе двух хронологических массивов изделий [Щеглова, 1990]. Пальчатые фибулы и фибулы с каймой из птичьих голов показательны для «древностей антов» I, более ранней группы по О.А. Щегловой. Украшения данной группы представлены в серии кладов: Мартыновском, Малоржавецком, Гапоновском, Трубчевском, Козиевском/Новоодесском и др. По названию самого известного из таких памятников рассматриваемый вещевой комплекс фигурирует в литературе и как «древности круга Мартыновского клада». Ряд исследователей полагают, что он фиксирует формирование в Поднепровье в «постантское» время полиэтничного социально-политического объединения, включавшего носителей колочинской и пеньковской раннеславянских культур. Элита этого объединения демонстрировала свой общественный статус и выделяла себя на фоне прочих этнокультурных и политических группировок при помощи новой модели костюма [Гавритухин, Обломский, 1996, с. 145; Родинкова, 2008, с. 285]. Другая точка зрения состоит в том, что ареал «древностей мартыновского типа» отмечает зону реализации продукции нескольких ювелирных мастерских, связанных общими художественными и технологическими традициями и не столько удовлетворявших местный спрос, сколько диктовавших престижную моду [Щеглова, 1999, с. 309, 310].

Принадлежность фибул из Винницкой, Хмельницкой областей и из с. Иваньки или из Ямпольского района массиву днепровских украшений сомнений не вызывает; их анализ должен производиться только в общем контексте со всеми прочими изделиями данного круга. Прежде всего, это касается датировки интересующих нас экземпляров. Все три находки в настоящее время лишены археологического контекста и собственных хронологических привязок не имеют. Время сокрытия Мартыновского и прочих подобных кладов, содержавших в том числе фибулы рассматриваемых типов, в Поднепровье вполне убедительно определяется в рамках середины – третьей четверти VII в. Формирование этого комплекса должно было начаться несколько раньше, по ряду косвенных данных его можно отнести к концу VI – рубежу VI-VII вв. [Гавритухин, 1996а; Гавритухин, Обломский, 1996, с. 146]. Таким образом, выраженное сходство фибул из Винницкой, Хмельницкой областей и из с. Иваньки/Ямпольского района с днепровскими образцами позволяет датировать их концом VI/рубежом VI-VII – серединой/третьей четвертью VII в. Основаниями для уточнения предложенной даты мы пока не располагаем.

Особую важность приобретают рассматриваемые изделия при изучении вопроса о территории распространения украшений круга Мартыновского клада. Подавляющее большинство таких вещей происходит из лесостепной и южной части лесной зон на Днепровском Левобережье и с узкой полосы правого берега Днепра, включая Потясминье и нижнее Поросье, где наблюдается особенно большая концентрация материала. Наиболее западные находки – антропозооморфные и пальчатые фибулы из Лесовых Скибинцев и Чернина в среднем течении р. Рось, а также из с. Мазепинцы бывш. Васильковского уезда Киевской губернии и с. Райки Бердичевского района Житомирской области (см. карту [Родинкова, 2007, рис. 1]). Публикуемые в настоящей работе вещи – первые украшения подобного рода из южнобугского региона[4]. Вероятно, говорить о прямом включении населения, обитавшего в верхнем течении Южного Буга, в упомянутое выше днепровское объединение на основании нескольких, к тому же депаспортизованных, находок преждевременно. Однако их нужно

[4] Кроме трех рассмотренных в Южном Побужье известна еще одна большая пальчатая фибула днепровского типа из с. Крыштопивка Иллинецкого района Винницкой области [Левада, 2004, с. 210, кат. 24, рис.]. Благодарю М.В. Потупчика, который помог выяснить место находки этого экземпляра.

рассматривать, по меньшей мере, как свидетельство связей между указанными территориями, вектор которых был направлен из Среднего Поднепровья в Южное Побужье. Не следует забывать также, что и в Поднепровье, и в Побужье интересующие нас украшения существовали в одной культурной среде: и тот, и другой регионы в начале раннего Средневековья были заняты памятниками пеньковской археологической культуры. Сходство фибулы из Винницкой области с образцами из Данчен, а из Хмельницкой области – с застежкой из Мазепинцев позволяет предполагать в будущем возможность выделения локальных правобережных вариантов «древностей антов».

Фибуле из Летичевского района в качестве аналогий можно указать фрагментированные застежки из коллекции И. Диргардта, Диногеции (рис. 4: 1, 3) [Werner, 1961, № 135, Taf. 34: 135; Nestor, 1961, fig. 3: 1, 2], окрестностей Канева, с. Новоселы (рис. 4: 2, 7) [Корзухина, 1996, с. 355, 408, № 18; 97, табл. 80: 7; 94: 8], а также образец из Баштановки (рис. 4: 4) [Айбабин, 1990, рис. 20: 3]. Кроме того, в днепровском регионе в последние годы стали известны и другие подобные украшения. Это, в частности, фибула из д. Однополье Ветковского района Гомельской области[5], экземпляр из клада у д. Куриловка Суджанского района Курской области (рис. 4: 5) и фрагментированная находка, происходящая с территории Брянской области[6]. Дериватами изделий данного типа, вероятно, следует считать парные застежки из Трубчевского клада, сходные с рассматриваемыми образцами манерой орнаментации ножки (рис. 4: 6) [Приходнюк, Падин, Тихонов, 1996, с. 80, рис. 1: 3]. До настоящего времени такие фибулы не становились объектами специальных исследований и отсутствуют в существующих типологических и классификационных схемах. Между тем накопленный материал предоставляет достаточные основания для выделения их в самостоятельную разновидность пальчатых застежек. Бóльшая часть их происходит с левобережья Днепра (рис. 5), а три зафиксированы непосредственно в кладах «древностей антов» I группы, что позволяет включать эти украшения в состав подгруппы днепровских группы поствосточногерманских пальчатых фибул по И.О. Гавритухину. Соответственно датироваться они должны, как и другие вещи «мартыновского» круга, в пределах конца VI/рубежа VI-VII – середины/третьей четверти VII в. Вместе с тем особенности формы и орнамента интересующих нас изделий – узкие профилированные «пальцы», «миндалины» на верхнем щитке, рубчатая кайма по контуру обеих пластин – нехарактерны для застежек днепровской подгруппы, зато встречаются на экземплярах некоторых дунайских серий (примеры см. [Werner, 1950, Taf. 29: 25; 30: 35, 36; Teodor, 1992, fig. 4: 1, 2; 5: 6; Корзухина, 1996, табл. 28: 2, 3; 79: 4, 6, 7; Droberjar, 2008, Abb. 8: 5; Tejral, 2008, Abb. 12: 8]). Возможно, находку из Летичевского района и сходные с ней вещи следует считать репликами, воспроизводящими какие-то иные, нежели «классические» «мартыновские» фибулы с кружковым и спиральным орнаментом, прототипы.

Близкие аналогии фрагменту фибулы из с. Марьяновка найти не удалось, поэтому ее четкое типологическое определение пока затруднено. Отметим лишь ряд особенностей этого изделия, которые могут быть полезны при выборе направлений его дальнейшего изучения. Орнамент из концентрических окружностей типичен для застежек VII в., входящих в состав «древностей антов» I группы, хотя эпизодически встречается и на более ранних образцах. Вместе с тем небольшие суженные «пальцы» с выделенной средней частью нехарактерны для фибул «мартыновского» круга, обладающих крупными округлыми выступами-«кнопками» на головном щитке. Выступы такой формы, как у рассматриваемой вещи, отмечаются у изделий, отражающих дунайские и боспорские художественные стили и традиции VI в., в том числе у экземпляров, найденных в Поднепровье (см., например [Корзухина, 1996, табл. 29: 5; 80: 4, 6]). Считать находку из Марьяновки изготовленной в мастерских Подунавья или Боспора, на наш взгляд, мешают сравнительная грубость и нечеткость ее формы и орнамента. Она может представлять собой локальную переработку фибул восточногерманского круга, но вопрос о ее связи с днепровским вещевым комплексом требует дальнейшего изучения и привлечения нового материала.

Последняя из публикуемых фибул принадлежит совершенно иному в культурно-историческом отношении массиву материала. Ему посвящена обширная литература, обзор которой далеко выходит за рамки настоящей статьи. Подобные застежки Г.Ф. Корзухина предлагала называть «маленькими пальчатыми» [Корзухина, 1974, с. 321-352], Х. Кюн – «мазуро-германскими» [Kühn, 1956, S. 79-81], Й. Вернер выделял их в подгруппу I – «с (человеческой – В.Р.) маской на ножке и их дериваты» – группы славянских пальчатых фибул VII в. [Werner, 1950, S. 150-158], О.М. Приходнюк определял как «дунайские» [Приходнюк, 2000, с. 50, 52; 2005, с. 35, 36]. Часть этих вещей привлекла также внимание И.О. Гавритухина [Гавритухин, 1991], который при создании дробной классификационной схемы и здесь воспользовался подходами и принципами членения материала, предложенными

[5] Не опубликована. За информацию о ней благодарю О.А. Макушникова и И.О. Гавритухина.

[6] Эта вещь, как и комплекс Куриловского клада, в настоящее время готовится к публикации.

Й. Вернером. Согласно И.О. Гавритухину, интересующая нас находка относится к варианту Горошева подтипа гладких (неорнаментированных) типа Пергамон–Тай-зее разновидности миниатюрных группы поствосточногерманских пальчатых фибул. Аналогами ей на уровне варианта являются экземпляр из культурного слоя Мотронинского городища, одна застежка, случайно найденная на могильнике Лелешки (бывш. Lehlesken), пара – на могильнике Тыльково (бывш. Scheufelsdorf), а также образцы с поселения Горошева и из землянки 2 поселения Сучава-Шипот (рис. 6: 1-5). [Скорый, Хохоровски, 2003, с. 260, рис. 1: 3; Баран, Пачкова, 1975, с. 94, 95, рис. 8; Гавритухин, 1991, с. 130, 131, табл. I: Б1-3; Kühn, 1956, S. 88, Taf. XXI: I,18,19; 1981, S. 201, 311, № 294, 493, Taf. 47: 294; 73: 492; Корзухина, 1996, с. 417, 425, 426, № 118: 4а, б; 120; 158, табл. 97: 12, 13; Teodor, 1992, p. 138, fig. 6: 7, 8; Vagalinski, 1994, S. 276, 278, N45, N47A, Abb. 11: N45]. По непроверенным данным, фибула, весьма похожая на найденную в Винницкой области, происходит также из района г. Черновцы. Ее изображение размещено на форуме домонгольской металлопластики «Домонгол» (http://forumimage.ru/show/1097821 информация на октябрь 2009 г.). Близкие по пропорциям и общим очертаниям изделия, но с несколько иной формой выступов в месте наибольшего расширения ножки, известны в Соку-Бэрбэтешти, на поселении (?) Игрень, в погребении 59 могильника Селиште, на территории бывшего Каневского уезда и Среднего Поднепровья (Пастырского городища?) (рис. 6: 6-9), в Глушково[7] и Куриловке[8]. К фибулам подтипа неорнаментированных типа Пергамон–Тай-зее (IH) по Й. Вернеру–И.О. Гавритухину относятся, кроме того, застежки из Черкесского Бишкиня, с Пастырского и Никодимовского городищ, могильника Сэрата-Монтеору (рис. 6: 10-14) [Marinoiu, Hortopan, 1999; Гавритухин, 1991, с. 130, 131, табл. IБ: 4, 6-9; Корзухина, 1996, с. 370, 379, 410, 420, 426, № 46; 73: 38, 39; 102: 7; 130; 161: 2, табл. 28: 6, 7; 79: 8, 9; 97: 14; 107: 9; Vagalinski, 1994, S. 276, 278, 279, N46, N50, Abb. 11: N50; Калитинский, 1928, с. 291, табл. XXXVII: 53; Werner, 1950, S. 154, № 42, 43, Taf. 30: 42, 43; Приходнюк, 2000, с. 50, рис. 1: 1, 2; Седин, 1997, с. 286, рис. 2: 3; Teodor, 1992, p. 138, fig. 6: 6].

По вопросу о хронологии подобных украшений среди исследователей существуют различные мнения. Й. Вернер датировал их VII в. [Werner, 1950, S. 157, 158]. К этой точке зрения присоединился И.О. Гавритухин, уделивший особое внимание хронологии фибул типа Пергамон–Тай-зее (IH) [Гавритухин, 1991, с. 131]. Л. Вагалински, ссылаясь на даты, предложенные в литературе для памятников и комплексов, с которыми связаны застежки интересующей нас разновидности, отнес их ко второй половине VI-VII в. [Vagalinski, 1994, S. 276, 278]. Такие же временные рамки предложил для них Д. Теодор, специально рассматривавший пальчатые фибулы карпато-дунайского региона [Teodor, 1992, p. 129, 130]. Появившаяся в последние годы серия работ Ф. Курты посвящена пересмотру в том числе дат, предложенных Й. Вернером. По его мнению, фибулы типа IH должны датироваться в рамках VI в. [Curta, 2004]. Наиболее обоснованной и доказательной кажется позиция Й. Вернера, поддержанная И.О. Гавритухиным. Представляется, однако, что при определении хронологии этих украшений, по крайней мере, в восточной части их ареала, нужно учитывать тот факт, что многие из них связаны с Пастырским городищем. О.М. Приходнюк показал, что жизнь на данном памятнике в раннесредневековый период продолжалась с середины или последней четверти VII до середины VIII в., отметив, что небольшие застежки дунайских типов встречаются в постройках, сгоревших в момент гибели городища (Приходнюк, 2005, с. 70-79). Таким образом, следует предполагать, что подобные изделия доживают в Поднепровье до первой половины – середины VIII в., являясь, очевидно, одной из наиболее поздних разновидностей пальчатых фибул. Косвенным свидетельством в пользу запаздывания таких вещей в Восточной Европе может служить находка фрагмента фибулы типа Пленица–Тумяны (ID) по Й. Вернеру в склепе 279 могильника Скалистое, который авторы публикации по инвентарю датируют салтовским временем [Веймарн, Айбабин, 1993, с. 51-53, 182, 197, 198, рис. 31: 28-34].

Происхождение фибул «с маской на ножке» связано с полиэтничной средой, сложившейся в конце эпохи Великого переселения народов в Подунавье. Дунайский регион является и основной территорией распространения этой категории украшений. Вместе с тем картографирование более мелких классификационных таксонов позволяет соотносить различные типы и варианты фибул с региональными группами памятников или устанавливать конкретные направления социально-экономических, политических и иных контактов населения тех или иных территорий [Гавритухин, 1991. С. 135-137]. В частности, экземпляры варианта Горошева характерны для комплекса убора славянского населения Среднего Поднестровья, а кроме того, известны в Мазурском Поозерье. Находка подобной застежки в верхнем течении Южного Буга может указывать на некоторое родство жителей этого и среднедне-

[7] Не опубликована. За информацию о данной находке благодарю А.А. Катунина.

[8] Эта фибула не входит в состав Куриловского клада, упоминавшегося выше. Не опубликована. За информацию о ней благодарю О.А. Радюша.

стровского регионов. Возможно также, что она свидетельствует о включении Южного Буга (наряду с Прутом, Днестром и, вероятно, Вислой) в систему водных путей, связывающих Нижнее Подунавье с Балтийским регионом, конкретно – с Мазурским Поозерьем.

Таким образом, публикуемые в настоящей работе фибулы, несмотря на неполноту данных и отсутствие археологического контекста находок, предоставляют важную информацию о культурно-исторической ситуации в северной части Южного Побужья в начале раннего Средневековья. Они фиксируют связи указанного региона со Средним Поднепровьем и Днепровским Левобережьем, Подунавьем, Средним Поднестровьем и Мазурским Поозерьем и свидетельствуют, что местное население было включено в сложную систему связей и взаимодействий, охватывавшую Восточную Европу в раннесредневековое время.

Литература

Айбабин А.И. 1988. Хронология пальчатых и зооморфных фибул днепровского типа из Крыма // Труды V Международного конгресса археологов-славистов. Т. IV. Киев.

Айбабин А.И. 1990. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. I.

Баран В.Д., Пачкова С.П. 1975. Поселення поблизу с. Горошеве на Середньому Дністрі // Археологія. 18.

Веймарн Е.В., Айбабин А.И. 1993. Скалистинский могильник. Киев.

Гавритухин И.О. 1991. Пальчатые фибулы пражских памятников Поднестровья // Древности Северного Кавказа и Причерноморья. М.

Гавритухин И.О. 1996а. Датировка днепровских кладов первой группы методом синхронизации с древностями других территорий // Гавритухин И.О., Обломский А.М. и др. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст (РСМ. 3). М.

Гавритухин И.О. 1996б. Типологическое определение инвентаря. Пальчатые фибулы // Гавритухин И.О., Обломский А.М. и др. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст (РСМ. 3). М.

Гавритухин И.О., Обломский А.М. 1996. Днепровское Левобережье на заре средневековья: динамика историко-культурных процессов и клады // Гавритухин И.О., Обломский А.М. и др. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст (РСМ. 3). М.

Калитинский А.П. 1928. К вопросу о некоторых формах двупластинчатых фибул из России // Сборник статей по археологии и византиноведению, издаваемый семинарием им. Н.П. Кондакова. Т. II. Прага.

Корзухина Г.Ф. 1974. Среднее Поднепровье в V-VIII вв. // Рукописный архив ИИМК РАН. Ф. № 77. Д. № Р-134.

Корзухина Г.Ф. 1996. Клады и случайные находки вещей круга «древностей антов» в Среднем Поднепровье // МАИЭТ. V.

Левада М.Е. 2004. Пізній римський – ранній візантійський часи // Платар. Колекція предметів старовини родин Платонових і Тарут. Каталог. Київ.

Приходнюк О.М. 2000. Фибулы Пастырского городища // Евразийская степь и лесостепь в эпоху раннего средневековья. Воронеж.

Приходнюк О.М. 2005. Пастирське городище. Київ; Чернівці.

Приходнюк О.М., Падин В.А., Тихонов Н.Г. 1996. Трубчевский клад антского времени // Материалы I тыс. н.э. по археологии и истории Украины и Венгрии. Киев.

Рафалович И.А. 1986. Данчены. Могильник черняховской культуры III-IV вв. н.э. Кишинев.

Родинкова В.Е. 2004. Днепровские фибулы с каймой из птичьих голов // Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем Средневековье. СПб.

Родинкова В.Е. 2007. Система женского раннесредневекового убора Среднего Поднепровья (ретроспективный анализ) // Восточная Европа в середине I тыс. н.э. (РСМ. 9). М.

Родинкова В.Е. 2008. Раннесредневековый женский убор Поднепровья: традиции и влияния // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. II. М.

Рыбаков Б.А. 1948. Ремесло Древней Руси. М.

Рыбаков Б.А. 1953. Древние русы // СА. XVII.

Седин А.А. 1997. Никодимовское городище раннего средневековья в восточной Белоруссии // Труды VI Международного Конгресса славянской археологии. Т. III. М.

Скорый С., Хохоровски Я. 2003. Вторая полевая кампания украинско-польской археологической экспедиции «Мельники – Холодный Яр» // Археологічні відкриття в Україні 2001-2002 рр. Київ.

Спицын А.А. 1928. Древности антов // Сборник статей в честь академика А.И. Соболевского. Л.

Щеглова О.А. 1990. О двух группах «древностей антов» в Среднем Поднепровье // Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья. Курск.

Щеглова О.А. 1999. Женский убор из кладов «древностей антов»: готское влияние или готское наследие? // Stratum plus. № 5. СПб.; Кишинев; Одесса.

Curta F. 2004. Werner's class IH of "Slavic" bow fibulae revisited // Archaeologia Bulgarica. VIII. Sofia.

Droberjar E. 2008. Thüringische und langobardische Funde und Befunde in Böhmen. Zum Problem der späten Phasen der Völkerwanderungszeit // Kulturwandel in Mitteleuropa. Langobarden – Awaren – Slawen. Bonn.

Kühn H. 1956. Das Problem der Masurgermanischen Fibeln in Ostpreußen // Documenta Archaeologica. Festschrift W. La Baume. Bonn.

Kühn H. 1981. Die germanischen Bügelfibeln der Völkerwanderungszeit in Mitteldeutschland. Graz.

Marinoiu V., Hortopan D. 1999. O fibulă "digitată" descoperită la Socu (com. Bărbăteşti, jud. Gorj) // SCIVA. Tom. 50. № 3-4.

Nestor I. 1961. L'établissement des Slaves en Roumanie à la lumière de quelques découvertes archéologiques récentes // Dacia. N.S. V. Bucureşti.

Tejral J. 2008. Ein Abriss der frühmerowingerzeitlichen Entwicklung im mittleren Donauraum bis zum Anfang des 6. Jahrhunderts // Kulturwandel in Mitteleuropa. Langobarden – Awaren – Slawen. Bonn.

Teodor Dan Gh. 1992. Fibule "digitate" din secolele VI-VII în spaţiul Carpato-Dunăreano-Pontic // AM. XV.

Vagalinski L. 1994. Zur Frage der ethnischen Herkunft der späten Strahlenfibeln (Finger- oder Bügelfibeln) aus dem Donau-Karpaten-Becken (M. 6.-7. Jh.) // Zeitschrift für Archäologie. 28. Berlin.

Werner J. 1950. Slawische Bügelfibeln des 7. Jahrhunderts // Reinecke Festschrift. Mainz.

Werner J. 1961. Die Fibeln der Sammlung Diergardt. Berlin.

V.E. Rodinkova

Radiate-head fibulae from the Southern Bug region

Resume

The series of radiate-head fibulae from the basin of the Southern Bug region is published in the article. All of them were found by chance and lack archaeological context, but they are of particular interest in terms of studying cultural connections and may complement modern scientific understanding of the processes that went on in the forest-steppe zone of Eastern Europe in the end of the Great Migrations period.

Fibulae from the Vinnitsa (rys. 1:1) and Khmelnitskiy (rys. 1:2) regions and from Ivanki, Lipovets district (according to other information, Jampol district), Vinnitsa region (rys. 2:1) , belong to a numerous and well known in the literature block of the Dnieper region radiate-head fibulae. These objects are a typical element of the item complex known as "antiquities of the Antae" of the 1st chronological group or decorations of the Martynovka circle buried treasure. Their main area distribution is the forest-steppe and southern part of the forest zone in the Dnieper left bank area and the narrow strip of the Dnieper right bank including the Tiasmin and the Lower Ros regions. The fibulae of the Dnieper types in the Southern Bug upper stream area give evidence that certain links among the population of these two regions were present, and their vector was headed from the Middle Dnieper region to the Southern Bug region. The similarity of fibula from the Vinnitsa region with a copy from Dancheny and from the Khmelnitskiy region – with a fibula from Mazepintsy enables to assume in future a possibility of determining right bank local variants of "antiquities of the Antae". The examined samples may be dated, as well as other decorations of the Martynovka circle, within the turn of the 6th-7th centuries – the 3rd quarter of the 7th century AD.

Fibulae similar to a fragmented piece from Letichev district of Khmelnitsky region (rys. 2:2) have not been objects of special research until now, and they are not present in the existing typological and classification schemes. Material gathered and analyzed in this article makes it possible to speak of them as of separate variety of the Dnieper region radiate-head fibulae. The conclusion is supported by the fact that the greater part of the examined findings comes from the Dnieper left bank area, and three fibulae were found in the Trubchevsk and Kurilovka treasure burials of "antiquities of the Antae" of the 1st group. Ornamentation features (ovals on the head located at an angle to each other, "ribbed" edging on the contour of both panels) make it possible to observe in these items replicas of some samples of Eastern Germans. They should be dated, as other items linked to the treasures of Martynovka type, by the turn of the 6th-7th centuries – the 3rd quarter of the 7th century AD.

One more fibula from the territory of the Vinnitsa region (rys. 2:4) belongs to completely different material block in terms of culture and history. It should be classed as Gorosheva variant distinguished by I.O. Gavritukhin within the boundaries of IH type of "Slav radiate-head fibulae of the 7th century AD", according to J. Werner. In general, the territory of origin and the main spread area of this subgroup fibulae of J. Werner is the Danube region, but the copies of Gorosheva variant were met in the Middle Dniester region and the Mazury lakes region. Several more far off analogies of the sample from the Vinnitsa region are known in the Middle Dnieper region, in particular, in the Pastyrskoe fortified settlement. The examined find may indicate that the Southern Bug river was included (along with the Prut, Dniester, and, probably, Visla rivers) in the system of waterways that connected the Lower Danube region with the Baltic region, specifically – with the Mazury lakes region. Traditionally, the fibulae of the subgroup I, according to J. Werner, are dated by the 7th century AD, but considering the chronology of the Pastyrskoe fortified settlement, it may be assumed that such ornaments existed till the 1st half of the 8th century AD.

The exact analogies of a fragment of a fibula from Marianovka, Bar district, Vinnitsa region (rys. 2:3), have not been found. The style of its ornamentation (circles inscribed in each other) is typical by a greater extent for the fibulae of the Dnieper region series, but shortened proportions of "fingers" may indicate that this find belongs to the group of earlier items than the "antiquities of the Antae" of the 1st group.

Thus, the fibulae published in this article fix the connections of the population of the Southern Bug river upper stream with the inhabitants of the Middle Dnieper region and the Dnieper left bank area, the Danube region, the Middle Dniester region, and the Mazury lakes region. These fibulae give evidence that the local tribes were included in the complex system of relationships and interactions that covered the Eastern Europe during the Early Middle Ages.

Рис. 1. Пальчатые фибулы из Южного Побужья.
1 – Винницкая область; 2 – Хмельницкая область.

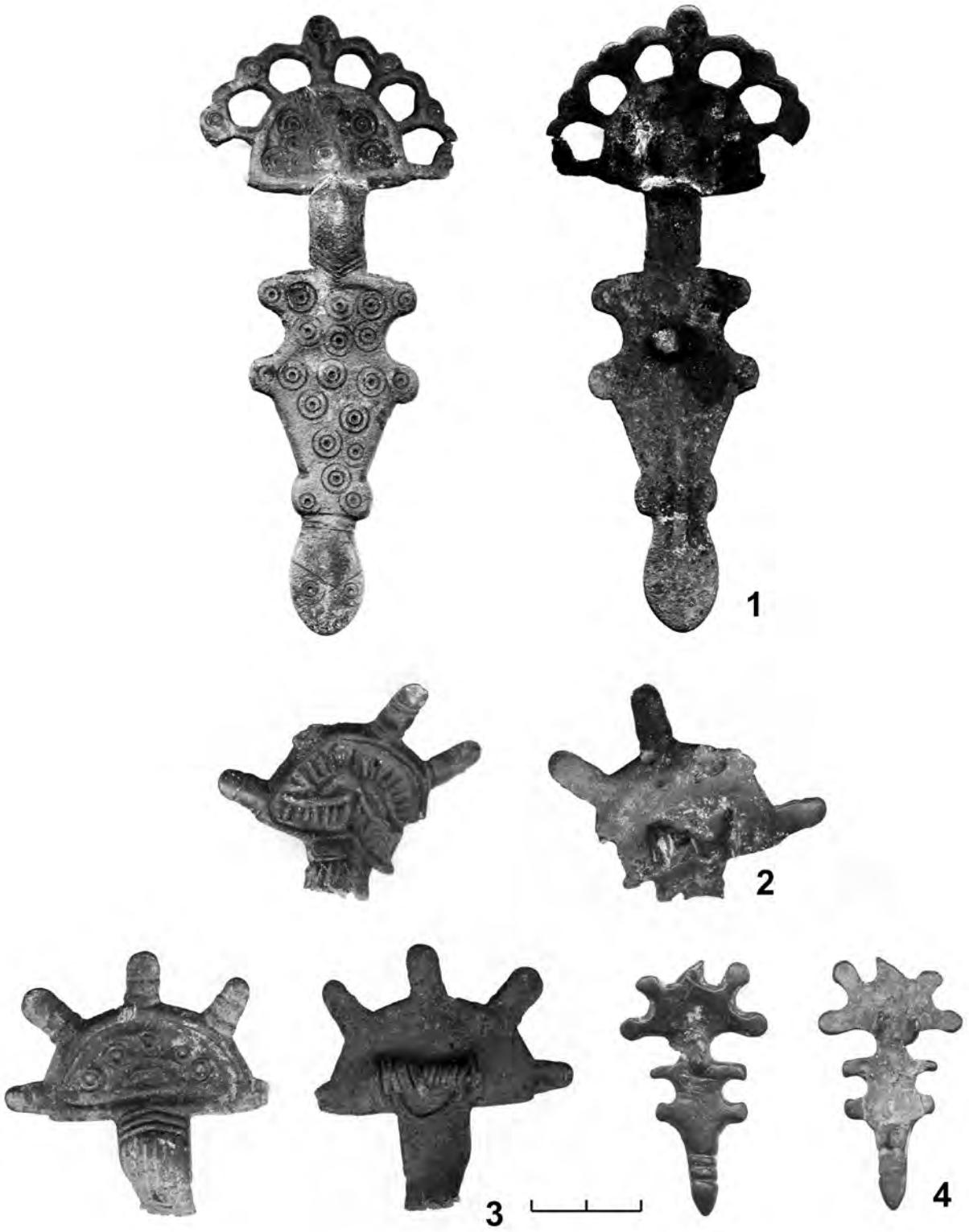


Рис. 2. Пальчатые фибулы из Южного Побужья.
1 – с. Иваньки Липовецкого района или Ямпольский район Винницкой области; 2 – Летичевский район Хмельницкой области; 3 – с. Марьяновка Барского района Винницкой области; 4 – Винницкая область.

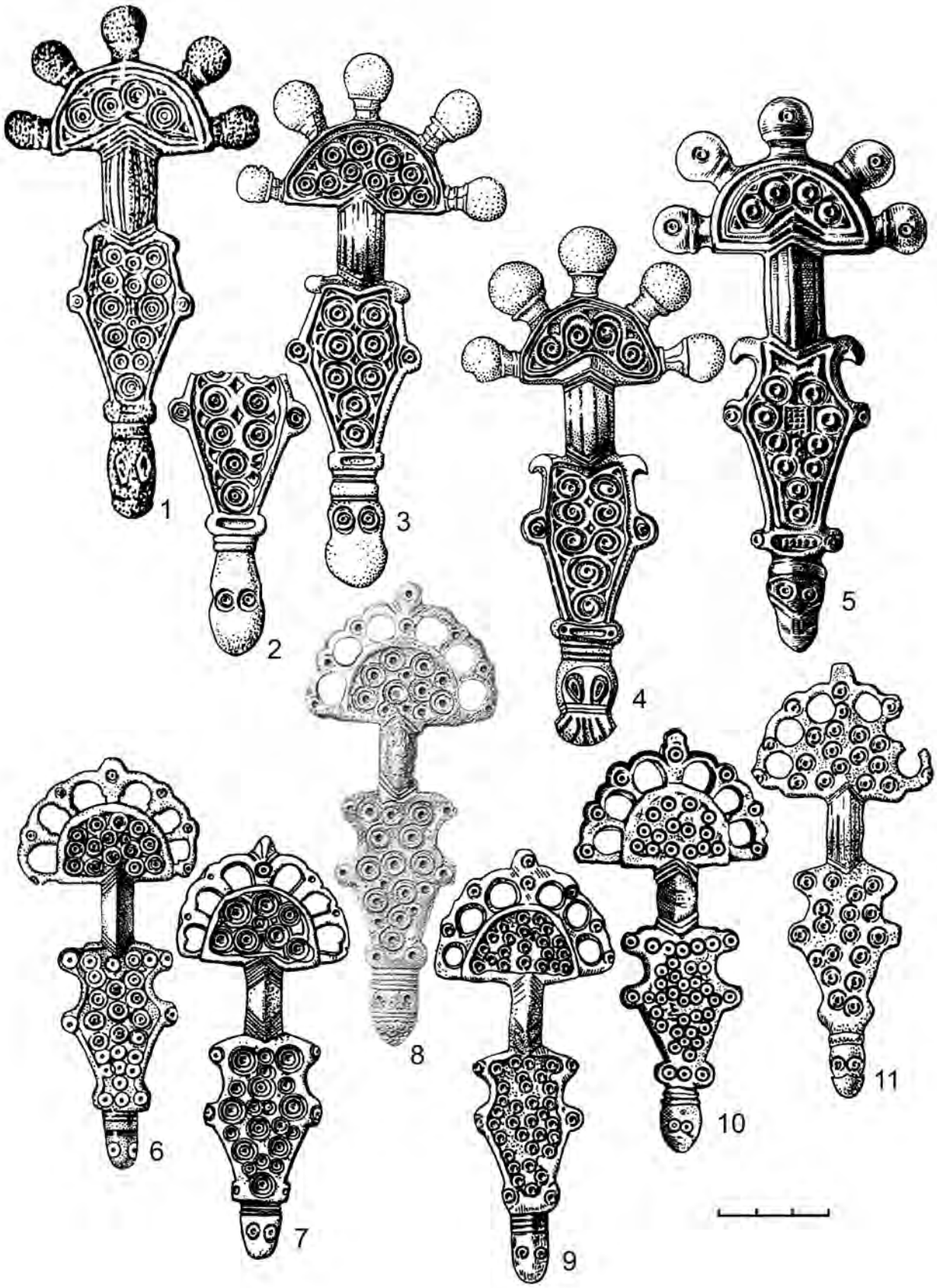


Рис. 3. Днепровские пальчатые фибулы и фибулы с каймой из птичьих голов.
1 – Данчены, погребение 280; 2 – Венгрия; 3, 4 – Суук-Су, погребение 86; 5 – Мазепинцы; 6 – Суук-Су, погребение 154; 7 – Пастырское городище; 8 – Трубчевский клад; 9 – балка Верхолат (у с. Волошское); 10 – Лучистое, погребение 9 склепа 38; 11 – Ягала-Йэессу.

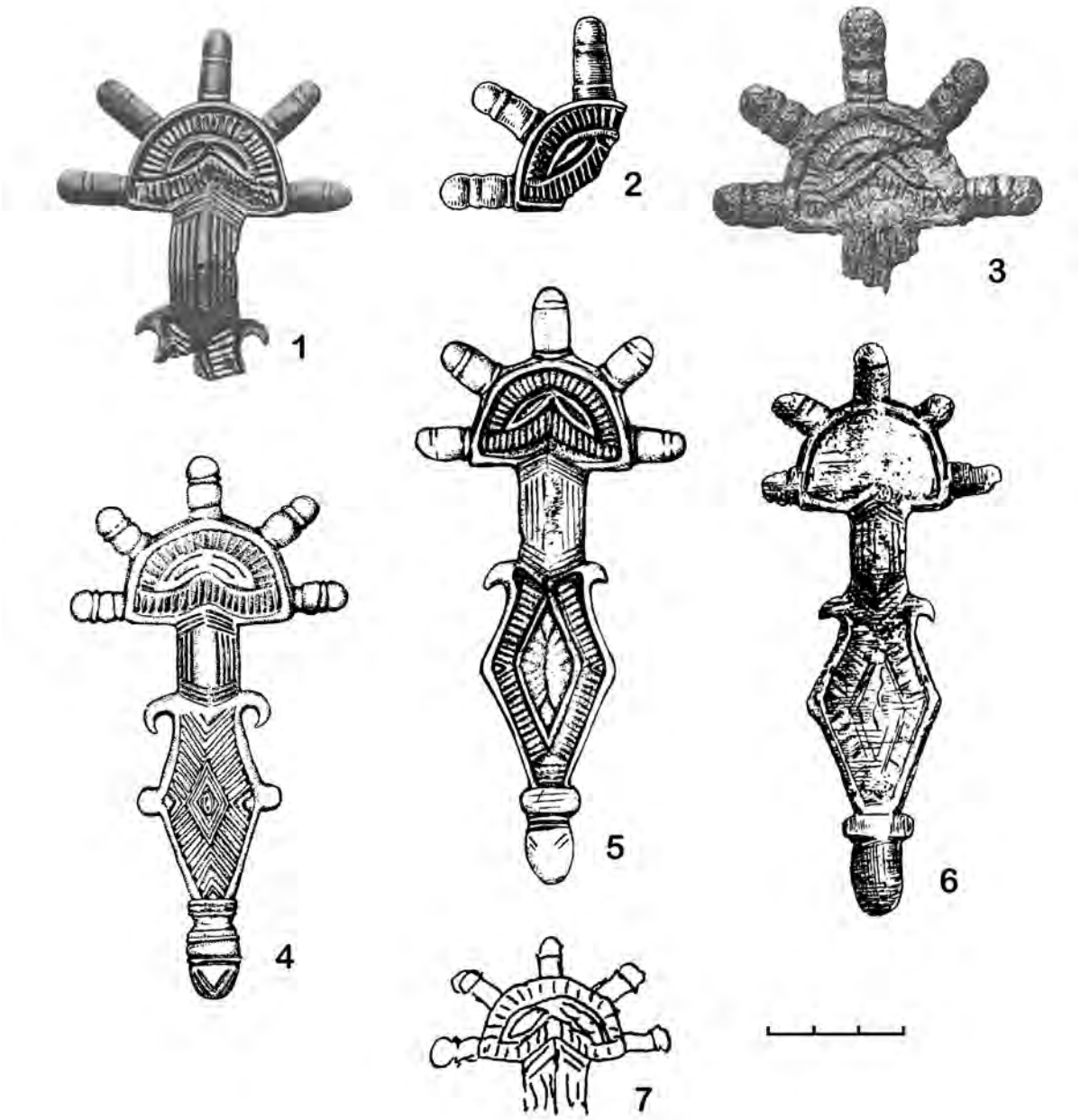


Рис. 4. Пальчатые фибулы, орнаментированные овалами на головном щитке.
1 – коллекция И. Диргардта; 2 – окрестности Канева; 3 – Диногеция; 4 – Баштановка;
5 – Куриловский клад; 6 – Трубчевский клад; 7 – с. Новоселы.

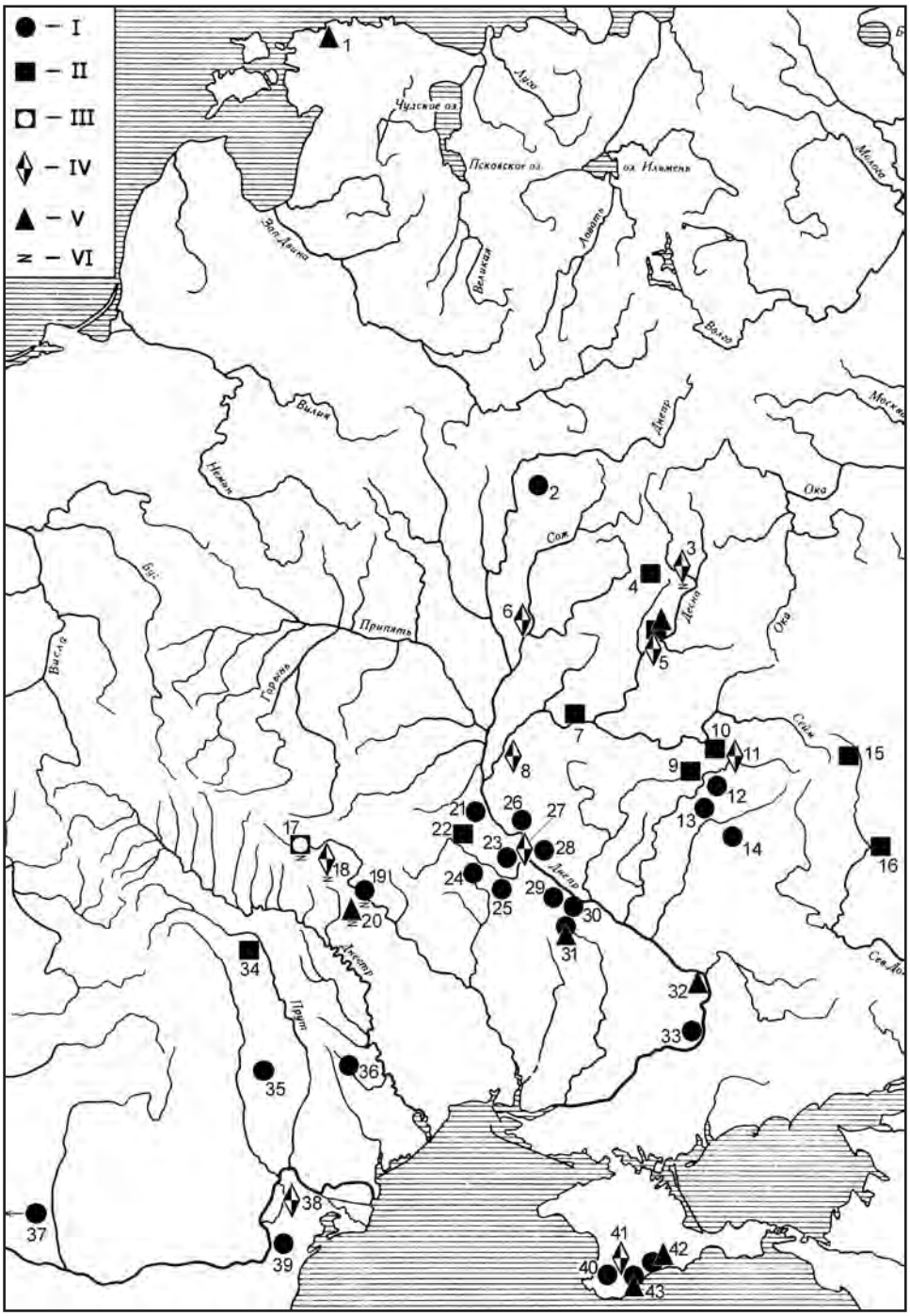


Рис. 5. Распространение некоторых разновидностей днепровских пальчатых фибул.
I – фибула типологической линии II (по [Гавритухин, 1996б]); II – фибула типологической линии IV (по [Гавритухин, 1996б]); III – фибула из Хмельницкой области, занимающая промежуточное положение между экземплярами типологических линий II и IV; IV – фибула, орнаментированная овалами на головном щитке; V – фибула с каймой из птичьих голов варианта Пастырское (по [Родинкова, 2004]); VI – место находки известно неточно.
1 – Ягала-Йэессу; 2 – городище Никодимово; 3 – Брянская область; 4 – Мужиново; 5 – Трубчевск; 6 – Однополье; 7 – Мена; 8 – Новоселы; 9 – Малая Рыбица (Могрица); 10 – Гапоново; 11 – Куриловка; 12 – Нижняя Сыроватка; 13 – Березовка; 14 – Козиевка/Новая Одесса; 15 – Углы; 16 – Колосково; 17 – Хмельницкая область; 18 – Летичевский район Хмельницкой области; 19 – Винницкая область; 20 – с. Иваньки Липовецкого района или Ямпольский район Винницкой области; 21 – Веремье; 22 – Мазепинцы; 23 – Хмельна; 24 – Чернин; 25 – Сахновка; 26 – Букрин; 27 – окрестности Канева; 28 – Колоберда; 29 – Балаклея; 30 – Гамарня; 31 – Пастырское городище; 32 – балка Верхолат (у с. Волошское); 33 – Звонецкое; 34 – Драксинь; 35 – Бэлтень; 36 – Данчены; 37 – Царичин Град; 38 – Диногеция; 39 – Тропеум Трояни; 40 – Эски-Кермен; 41 – Баштановка; 42 – Лучистое; 43 – Суук-Су.

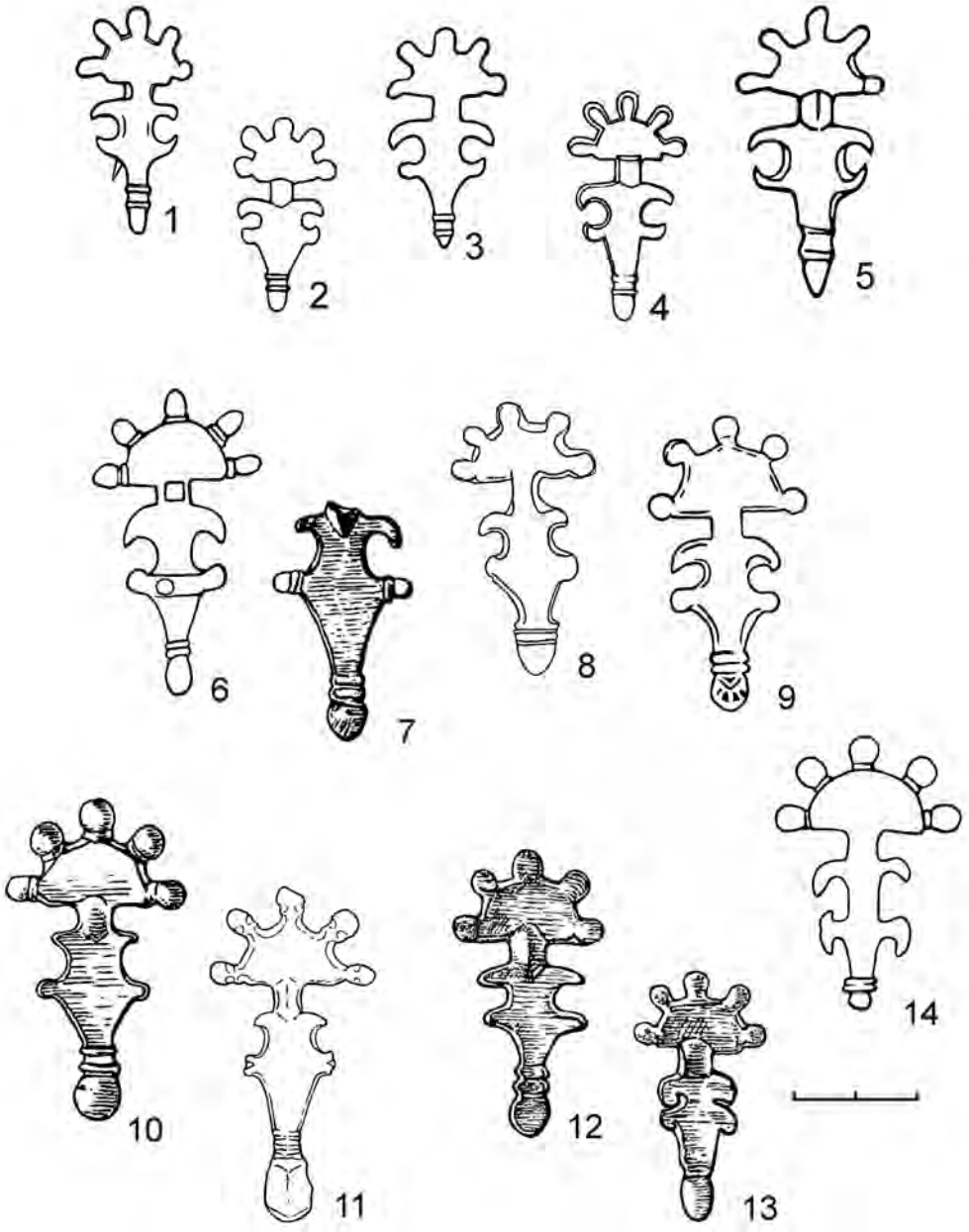


Рис. 6. Пальчатые фибулы подтипа неорнаментированных типа IH (Пергамон – Тай-зее) по Й. Вернеру – И.О. Гавритухину.
1 – Лелешки (бывш. Lehlesken), случайная находка; 2 – Мотронинское городище; 3 – Тыльково (бывш. Scheufelsdorf), случайная находка; 4 – Сучава-Шипот, землянка 2; 5 – Горошева; 6 – Соку-Бэрбэтешти; 7 – Среднее Поднепровье (Пастырское городище?); 8 – Игрень; 9 – Селиште, погребение 59; 10 – Черкесский Бишкинь; 11 – городище Никодимово; 12, 13 – Пастырское городище; 14 – Сэрата-Монтеору, номер погребения не установлен; 8, 9, 11 – рисунки И.О. Гавритухина.

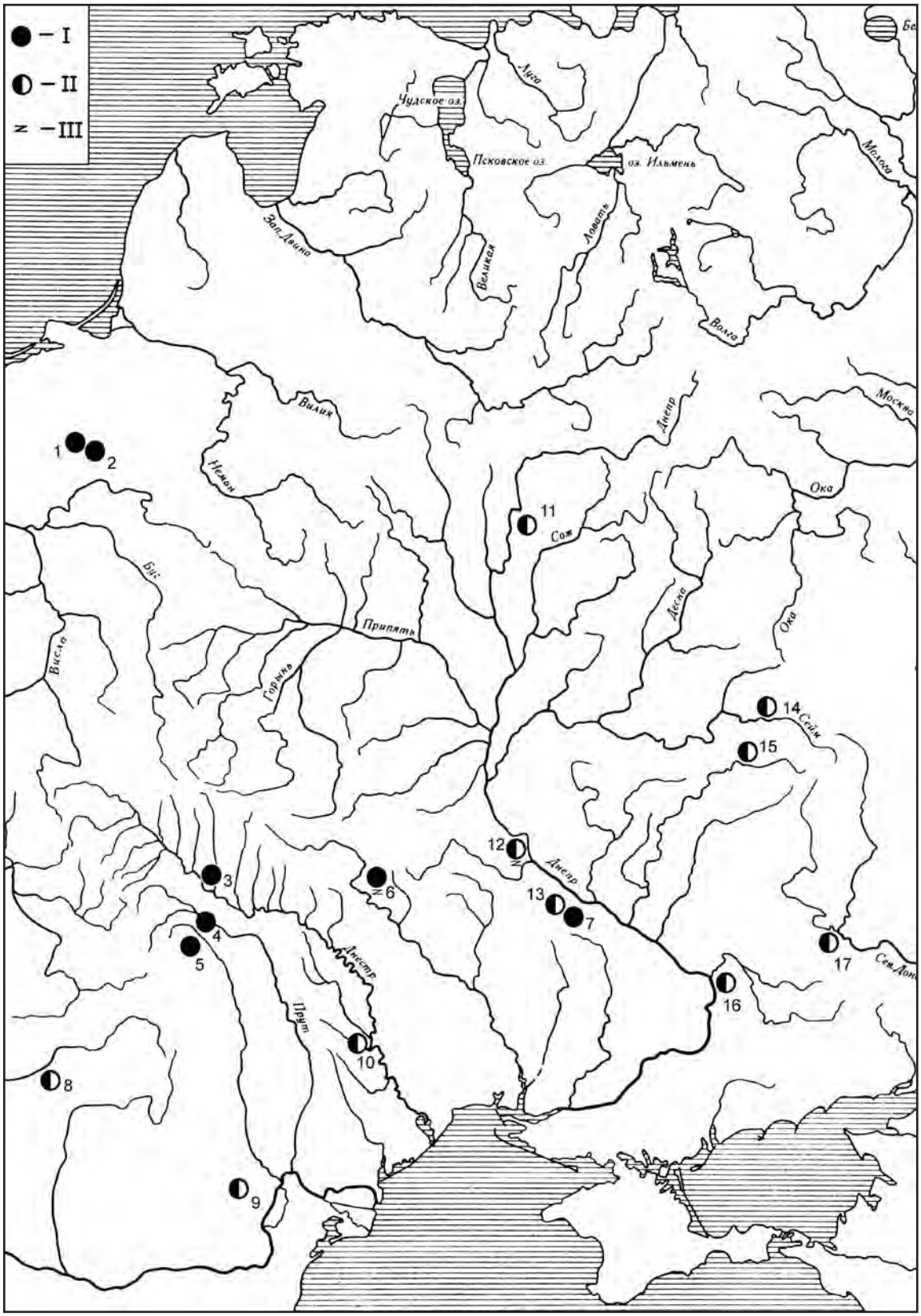


Рис. 7. Распространение пальчатых фибул подтипа неорнаментированных типа IH (Пергамон – Тай-зее) по Й. Вернеру – И.О. Гавритухину.
I – фибула варианта Горошева; II – прочие фибулы подтипа неорнаментированных типа IH (Пергамон – Тай-зее); III – место находки известно неточно.
1 – Тыльково (бывш. Scheufelsdorf); 2 – Лелешки (бывш. Lehlesken); 3 – Горошева; 4 – Черновцы; 5 – Сучава-Шипот; 6 – Винницкая область; 7 – Мотронинское городище; 8 – Соку-Бэрбэтешти; 9 – Сэрата-Монтеору; 10 – Селиште; 11 – городище Никодимово; 12 – бывш. Каневский уезд; 13 – Пастырское городище; 14 – Глушково; 15 – Куриловка; 16 – Игрень; 17 – Черкесский Бишкинь.

Некоторые особенности распространения бус в Поочье и Окско-Сурском междуречье в эпоху римских влияний и Великого переселения народов

(О.С. Румянцева)

Материальная культура финского населения Поочья и Среднего Поволжья, известная нам преимущественно по материалам могильников, – одна из наиболее ярких в лесной и лесостепной зонах Центральной России 1-ой половины – середины I тыс. н.э. Женский костюм живших здесь племен включает большое количество украшений, среди которых стеклянные занимают второе место после изделий из медного сплава. Они представлены бусами – массовыми импортными изделиями, получившими широкое распространение в среде окских и поволжских финнов и ставшими одним из основных элементов их традиционного женского костюма.

Бусы являются самым массовым импортом на рассматриваемой территории. Их неместное происхождение очевидно: по данным археологии, производство стеклянных изделий в интересующую нас эпоху поздней античности и раннего средневековья ограничивается Восточным Средиземноморьем, регионом Месопотамии, римскими провинциями и территориями, находившимися в непосредственном контакте с ними. Истинное значение стеклянных бус в костюме населения леса и лесостепи до сих пор остается неясным. Несмотря на то, что сами изделия являются импортом, они прочно входят в обиход живших здесь людей. Бусы – важное свидетельство постоянного, налаженного обмена местного населения с культурами, населявшими территории, расположенные к югу и юго-западу, однако до сих пор нам практически ничего неизвестно о ритмах и характере данного обмена; неоднозначны и данные о его основных направлениях.

Цель данной работы – изучение особенностей распространения бус на территории Поочья и Среднего Поволжья в III – середине VII вв. н.э. Уникальной чертой костюма живших здесь финнов являются наборы, в которых преобладают бусы двух видов – красного глухого стекла и золотостеклянные. В некоторых могильниках в определенные периоды времени их содержание достигает 98-99% от общего числа украшений данной категории. Изучение бус Среднего Поочья показало, что, несмотря на внешнее сходство, они различаются между собой по технологии изготовления и химическому составу. Эти признаки являются хронологическими [Румянцева, 2007а].

Основной задачей настоящей работы является сопоставление изученных и опубликованных бус массовых типов Среднего Поочья [Румянцева, 2007а] с изделиями из синхронных им памятников Окско-Сурско-Цнинского междуречья и выявление их территориальных и хронологических особенностей, позволяющих говорить о специфике обмена как показателя культурных связей населения данного региона. Для этого были рассмотрены бусы из следующих могильников: Заречье 4 (раскопки И.В. Белоцерковской и А.Н. Сорокина [Ахмедов, Белоцерковская, 1996], Никитинского (раскопки Р.Ф. Ворониной [Воронина и др., 2005] и И.Р. Ахмедова), Кораблино (раскопки И.В. Белоцерковской и И.Р. Ахмедова), Борковского и Кузьминского (раскопки В.А. Городцова, А.И. Черепнина и А.В. Селиванова) расположенных в бассейне Средней Оки; Кошибеевского (раскопки А.А. Спицына и

В.Н. Глазова [Шитов, 1988а]) и Польно-Ялтуновского (раскопки В.Н. Шитова) в нижнем течении Цны, Старокадомского [Шитов, 1988б] и Шокшинского в низовьях Мокши (раскопки В.Н. Шитова), Желтухинского на Нижней Оке (раскопки В.Ф. Черникова [Уткин, Черников, 1994], Армиевского, Селиксенского, Шемышейского, Селиксо-Трофимовского (раскопки М.Р. Полесских) и Усть-Уза (раскопки В.В. Гришакова) на Верхней Суре, Тезиковского и Ражкинского в Верхнем Примокшанье (раскопки М.Р. Полесских [Гришаков, 2005]), Абрамовского и Кужендеевского в бассейне р. Теша (раскопки М.Ф. Жиганова), а также еще ряда могильников Среднего Поволжья и Окско-Сурско-Цнинского междуречья – Сергачского (раскопки В.И. Снежевского), Безводнинского (раскопки Ю.А. Краснова [Краснов, 1980]), Стексово (раскопки В.Н. Мартьянова), Иваньковского (раскопки Р.Ф. Ворониной)[1] (рис. 1). Общее количество бус превышает 64000 экземпляров, происходящих более чем из 540 комплексов.

Дополнительно в качестве сравнительного материала привлекались находки с Дьякова городища москворецкого бассейна [Кренке, Румянцева, 2008], памятников Прикамья, могильников азелинской культуры Среднего Поволжья и другие.

Основным методом работы является сравнительный анализ и картографирование бус с учетом технологии их изготовления. Полученные наблюдения подкрепляются результатами анализов химического состава стекла. Наибольшую сложность при решении поставленной задачи вызывают проблемы хронологии, многие аспекты которой для памятников Окско-Сурско-Цнинского междуречья остаются дискуссионными. Работа осложнена также тем, что большинство материалов не опубликовано.

Наиболее детально на современном уровне разработана хронология могильников окских финнов. Абсолютные датировки этих древностей обоснованы путем привлечения широкого круга аналогий, в том числе из Центральной Европы, что позволяет сопоставить их с общеевропейской хронологической системой [Ахмедов, 2007; Белоцерковская, 2007]. Для данного региона существует также периодизация бус, основанная на морфологии и технологии их изготовления [Румянцева, 2007а]. Датировка памятников Окско-Сурско-Цнинского междуречья остается на данный момент дискуссионной [Вихляев, 1977; 2000; Гришаков, 2004; 2005 и др.; Вихляев и др., 2008]. Многие ее моменты нуждаются в уточнении и корректировке. Ситуация осложняется отсутствием полной публикации материалов большинства могильников. Это делает невозможным сопоставление наборов бус с этих памятников по дробным хронологическим периодам, выделенным для данной категории украшений на среднеокских материалах. Поэтому в публикуемой работе анализ распространения бус проведен с разделением материала на два широких хронологических горизонта, граница между которыми предварительно может быть определена как конец IV – начало V в. Она основана на публикациях материалов памятников бассейна Средней Оки [Ахмедов, 2007; Белоцерковская, 2007] и ряда могильников Окско-Сурско-Цнинского междуречья [Шитов, 1988а; 1988б; Гришаков, 2004; 2005], а также на хронологии бус среднеокских могильников. При работе с материалами, происходящими с территорий, сопредельных Среднему Поочью, я исходила из того, что бусы являются здесь импортами, поэтому можно предположить, что их датировки в целом сопоставимы. Данное предположение подтверждается на материалах ряда опубликованных в последнее время памятников [Гришаков, 2004; 2005].

К первому горизонту (III – конец IV/начало V в.) относятся материалы могильников: Кошибеевского, Польно-Ялтуновского, Тезиковского, Шемышейского, Ражкинского, Усть-Уза, Сергачского и Селиксо-Трофимовского, а также ранние погребения Кораблино, Заречья 4, Кузьминского, Борковского, Селиксенского и Абрамовского могильников.

Ко второму горизонту (конец IV/начало V – VII/VIII вв.) относятся материалы Никитинского, Армиевского, Шокшинского, Старокадомского, Иваньковского, Старшего Кужендеевского, Желтухинского и Волчихинского могильников, а также поздний горизонт Кораблино, Заречья 4, Кузьминского, Борковского, Курманского, Абрамовского и Селиксенского могильников.

Технологические группы бус

Основным критерием, избранным для сравнительного анализа бус, является технология их изготовления. При обработке изделий Среднего Поочья было установлено, что данный признак наиболее значим хронологически и указывает на главные изменения в наборах во времени. Технология изготовления бус изучалась на основе классификации З.А. Львовой [1979; 1980; 2000], что позволило выделить следующие группы изделий.

Бусы красного глухого стекла. Выделено 5 технологических групп бус:

- бусы, бисер и многочастные пронизи, изготовленные из тянутой трубочки и разделенные на части при помощи ножниц или щипцов. Изделия, выполненные подобным способом, имеют

[1] Выражаю благодарность И.Р. Ахмедову, И.В. Белоцерковской, Р.Ф. Ворониной, Р.Д. Голдиной, В.В. Гришакову, О.А. Казанцевой и В.Н. Шитову за возможность ознакомиться с неопубликованными материалами их раскопок.

форму, близкую к шаровидной, или закруглены у оснований канала. Характерным признаком использования щипцов являются шейки-закраины у оснований канала. Однако у некоторых изделий этот признак не выражен; нередко основания канала бус специально заглаживались (рис. 2: 1-6);

- бисер из тянутой трубочки, разделенной на части при помощи отшибания, имеет цилиндрическую форму. Края у него могут быть острыми; в случае, если после деления трубочки на части проводилась тепловая обработка, края слегка оплавлены. Иногда один конец изделия слегка закруглен, а второй имеет плоскую форму. Как правило, это изделия маленького диаметра, не превышающего 4, в редких случаях – 5-6 мм (рис. 2: 7, 8);

- бусы, изготовленные из отрезков тянутых палочек, в которых прокалывалось отверстие, после чего разогретое изделие обычно обкатывалось на плоскости для придания ему правильной формы (рис. 2: 9-12);

- бусы, изготовленные в технике однократного обертывания вокруг инструмента; характерный признак украшений, произведенных в этой технологии, – шов, проходящий от одного основания канала к другому (рис. 2: 13, 14);

- бусы, изготовленные в технике навивки. Очень часто на подобных бусах видны витки, хорошо читающиеся в том случае, если использовалась плохо разогретая стеклянная масса; у основания канала может читаться «хвостик». Если масса разогревалась хорошо, а изделие подвергалось тщательной дополнительной обработке, то технологические следы бывают трудноразличимы (рис. 2: 15-17).

Золотостеклянные бусы и бисер. Почти все украшения данной категории изготовлены по одной технологии – тянутая трубочка-основа, покрытая слоем металлической «фольги» и защитным слоем стекла (рис. 2: 18-22). Лишь у одного изделия основа изготовлена из дутой трубочки [Румянцева, 2007а], однако в данной работе она специально не обсуждается.

Бусы первого хронологического горизонта

В погребениях раннего горизонта могильников Среднего Поочья наборы бус достаточно однородны. Они включают:

- многочастные золотостеклянные пронизи (рис. 2: 21, 22);

- мелкие бусы, бисер и многочастные пронизи красного глухого стекла, изготовленные из тянутых трубочек при помощи ножниц или щипцов (с краями, закругленными к основаниям канала) (рис. 2: 1-3);

- бусы, изготовленные из тянутых палочек, в т.ч. крупные (диаметром от 12 мм) (рис. 2: 9-12).

Время распространения наборов, основу которых составляют перечисленные типы бус, было определено по материалам среднеокских могильников III – концом IV/началом V в. [Румянцева, 2007а, с. 219, 221 (группа 1)]. Эти же типы составляют основу комбинаций, происходящих из могильников верховьев Мокши и Суры – Шемышейского, Тезиковского и Ражкинского. Верхняя хронологическая граница самого позднего из них определена В.В. Гришаковым как конец IV – начало V в. [Гришаков, 2004, с. 17]. Аналогичные наборы характеризуют погребения Селикса-Трофимовского могильника, также относящегося к раннему горизонту [Вихляев и др., 2008, с. 153]. В конце IV – начале V в. в могильниках Среднего Поочья упомянутые комбинации бус полностью исчезают, сменяясь новыми, в основе которых лежит «рубленый» бисер, дополненный изделиями, выполненными из отрезков тянутых палочек и в технике однократного обертывания (рис. 2: 7, 8, 9-11, 13, 14). Рубленый бисер красного глухого стекла ни разу не зафиксирован в перечисленных памятниках Мокши и Суры, что подтверждает синхронность в распространении бус на обозначенных территориях. Таким образом, верхняя хронологическая граница, предложенная для материалов памятников Средней Оки и Окско-Сурско-Цнинского междуречья на основании металлического инвентаря и бус, совпадает. Синхронное распространение здесь одних и тех же типов стеклянных украшений представляется логичным, т.к. речь идет об импортных изделиях. Можно предположить, что и на остальных памятниках данной территории подобные бусы не переживают указанный хронологический рубеж, а верхняя дата, предложенная В.И. Вихляевым для золотостеклянных украшений – первая половина V в. [Вихляев, 1977, с. 51], – вероятно, требует корректировки.

В то же время, подобные наборы не зафиксированы ни в Старокадомском, ни в Армиевском могильниках, а в Шокшинском лишь в одном погребении (983) встречена небольшая серия ранних изделий красного глухого стекла (табл. 1). Таким образом, по данным стеклянных бус подтверждаются полученные ранее выводы об отсутствии здесь материалов указанного хронологического горизонта [Шитов, 1988б; Гришаков, 2004 и др.].

Для наборов этого времени не характерны:

- «рубленый» бисер цилиндрической формы, изготовленный из тянутой трубочки при помощи отшибания (рис. 2: 7, 8). Этот тип появляется в конце IV – начале V в. и совстречается с перечисленными бусами лишь короткий промежуток времени. Единственным исключением является могильник Усть-Уза на Верхней Суре, где известны ранние комбинации с подобным бисером.

Почти полное отсутствие в этот период украшений, выполненных в данной технологии, веро-

ятно, является территориальной спецификой памятников Среднего Поволжья и Поочья, отражая особенности культурных связей населения рассматриваемых регионов. «Рубленый» бисер, в частности, известен у сарматов Центрального Кавказа второй половины II-III вв. [Румянцева, 2009]; по свидетельству Е.М. Алексеевой, подобные изделия массово распространяются во II-III вв. на памятниках Северного Причерноморья [Алексеева, 1978, с. 62]. К востоку от исследуемой зоны «рубленый» бисер известен в азелинских могильниках Ясачное и Мари-Луговое на Средней Волге (раскопки В.В. Шадрина)[2].

- бусы, изготовленные в технике навивки (рис. 2: 15-17). Лишь одно изделие, выполненное подобным образом, зафиксировано в могильнике Кораблино (погребение 53). Отсутствие подобных бус также отражает специфику культурных связей или «рынка», посредством которого финские племена их получали. Эта технология является далеко не преобладающей, однако украшения, изготовленные в технике навивки, известны в это время в Северном Причерноморье; по наблюдениям Е.М. Алексеевой, они распространяются здесь в позднеримский период [Алексеева, 1978, с. 62]. В качестве примера можно также упомянуть материалы могильника Бельбек IV 2-ой четверти I – 1-ой половины III вв., бусы которого подвергались специальному технологическому изучению. Доля изделий, изготовленных путем навивки, составляет там 1,7% [Столярова, 2001, с. 197; Ахмедов, Гущина, Журавлев, 2001, с. 175]. Навитые бусы встречены в Думановском могильнике черняховской культуры (раскопки В.В. Кропоткина); по моим наблюдениям, они распространены также в некоторых могильниках позднеантичного времени, расположенных на Дунае, в Северной Сербии.

- бусы, изготовленные в технике однократного обертывания (рис. 2: 13, 14). Изделия, выполненные в данной технологии, вообще немногочисленны. В рассматриваемый период времени в финских могильниках зафиксированы лишь единичные их экземпляры.

Некоторые особенности характеризуют наборы бус Кошибеевского могильника. Это самый ранний памятник круга финских древностей на рассматриваемой территории, время первых совершенных здесь погребений – рубеж I/II – начало II в. [Ахмедов, 2007, с. 150]. Основу ожерелий раннего горизонта Кошибеево составляют крупные золотостеклянные бусы, изготовленные из тянутых трубочек (рис. 2: 18-20). Здесь зафиксировано около 270 изделий данного типа (табл. 1). Большинство из них – одночастные, однако встречаются двух- и трехчастные экземпляры. Видимо, данный элемент костюма является здесь наследием носителей культуры Андреевского кургана: генетическая связь с ними кошибеевского населения была убедительно доказана на ряде материалов [Ахмедов, Белоцерковская, 1998 и др.]. Данные бусы доживают здесь до конца III – 1-ой половины IV в, сочетаясь, начиная с конца II / начала III в., с украшениями красного глухого стекла и многочастными золотостеклянными пронизями малого (до 3,5-4 мм) диаметра [Румянцева, 2007а, с. 218]. То есть данный тип бус хорошо известен в погребениях, синхронных другим изучаемым нами памятникам; однако они не получают распространения в рассматриваемом регионе. Кроме Кошибеево, очень небольшие их серии зафиксированы в Польно-Ялтуновском (9 экземпляров) и Абрамовском (7 экземпляров) могильниках. За пределами перечисленных памятников встречаются лишь единичные экземпляры крупных золотостеклянных бус, происходящие из могильников Заречье 4 (3 экз.), Селиксенского (4 экз.), Ражкинского (2 экз.) и Кузьминского (1 экз.) (табл. 1). Можно предположить, что они бытовали также у населения, оставившего Сергачский могильник, где в единственном рассмотренном погребении зафиксировано 3 крупных золотостеклянных бусины. При этом за пределами Среднего Поочья и Окско-Сурско-Цнинского междуречья данные бусы достаточно хорошо известны: к востоку от обозначенного региона они встречены в могильнике Ясачное азелинской культуры (раскопки В.В. Шадрина); распространены они и в Прикамье – в качестве примера можно упомянуть погребения Тарасовского могильника [Голдина, 2003]. Большое количество крупных золотостеклянных бус происходит из среднего горизонта верхнего слоя горизонта Дьякова городища, который датируется II-III веками. Даты, полученные на основе радиоуглеродного анализа и металлического инвентаря, сопоставимы с теми, которые были предложены для данного слоя городища на основании бус [Кренке, Румянцева, 2008, с. 102]. Аналогичные бусы известны также в горизонте Ново-Клейменово II – 1-ой половины III в. на территории Окско-Донского водораздела [Воронцов, 2007, с. 63, рис. 6: 2]. Крупные золотостеклянные бусы широко распространены на памятниках Северного Причерноморья позднеантичного времени. Е.М. Алексеева отмечала, что они доживают до III-IV вв. н.э. [Алексеева, 1978, с. 28: рис. 10]; в Крыму, в частности, они встречены в могильниках Дружное второй половины III – IV вв. [Хайрединова, 1995, табл. II: 43-45, 52-55] и Нейзац конца II – IV вв. [Стоянова, 2004, табл. II: 40, 41, 48]. Таким образом, изделия данного типа, известные по материалам раннего горизонта Кошибеевского могильника и изначально входившие в убор фин-

[2] Выражаю благодарность Т.Б. Никитиной за предоставленную мне возможность ознакомиться с материалами могильников Ясачное, Мари-Луговое и Ахмыловского.

ского населения, широко распространенные в III-IV вв. в Причерноморье и на территориях, сопредельных рассматриваемым в данной работе, по неизвестным причинам не получают распространения у финнов Поочья и Окско-Сурско-Цнинского междуречья в синхронное время. Возможно, это говорит о том, что выбор финскими племенами бус для костюма был обусловлен особенностями доступного им «рынка».

Период распространения золотостеклянных бус всех типов в Центральной Европе не в полной мере соответствует полученным нами результатам. Его верхняя хронологическая граница определена М. Темпельманн-Мачинской как фаза С2 центральноевропейской хронологии, т.е. до 300/320 гг. [Tempelmann-Mączyńska, 1985, S. 64, Taf. 14: 387; 57]. Эти данные примерно соответствуют верхней хронологической границе распространения крупных золотостеклянных бус в Кошибеевском могильнике [Румянцева, 2007а]. Мелкие золотостеклянные пронизи на рассматриваемой нами территории примерно на полвека «переживают» центральноевропейские. Вероятно, это объясняется широким распространением в позднеантичное время центров производства золотостеклянных изделий: только производство сосудов с внутренним золотым узором, которые являлись предметами роскоши и изготовление которых было гораздо более сложным процессом, охватывало в это время Восточное Средиземноморье (Африку, левантийское побережье и европейскую часть), регион Месопотамии, а также мастерские на Рейне [Harden, 1969, p. 58; Davidson, Newton, 2003, p. 116]. Можно предположить, что изготовление бус с металлической прокладкой, происходившее с использованием сходных приемов, но существенно более простое с технологической точки зрения, получило в это время не менее широкое распространение; не исключено, что оно было связано с производством золотостеклянной мозаики.

Интересные итоги мог бы дать сравнительный анализ соотношения золотостеклянных и красных бус по памятникам, однако получению корректных результатов препятствует плохая сохранность большинства золотостеклянных пронизей. Их стекло очень хрупкое, и украшения редко сохраняются в целом виде, поэтому данные об их количестве очень условны. Реально оценить число экземпляров изделий этого типа обычно практически невозможно.

Второй хронологический горизонт

Хронологические рамки второго горизонта определяются в целом концом IV/началом V – VII в., в отдельных случаях, возможно, VIII в. Основанием для определения нижней хронологической границы для неопубликованных материалов служит смена наборов бус, которая происходит, по материалам Среднего Поочья, в конце IV – начале V в. [Румянцева, 2007а, с. 219, 221]. Как было показано выше, эта дата подтверждается и на материалах могильников бассейнов Мокши и Суры. На верхний рубеж – VII в. – приходится финал большинства памятников Поочья и Окско-Сурско-Цнинского междуречья. В середине столетия прекращают существование могильники бассейна Средней Оки; VII в. является верхней хронологической границей для материалов Старокадомского [Шитов, 1988б, с. 31], Армиевского [Гришаков, 2004, с. 19], Селиксенского [Полесских, 1977, с. 34; Вихляев, 2000, с. 62; Гришаков, Тишкина, 2003, с. 27], Иваньковского [Вихляев и др., 2008, с. 153] и ряда других могильников, а конец VII – начало VIII в. – для Абрамовского [Акимов, Гришаков, 1990, с. 13]. Более поздние материалы присутствуют в ряде памятников, в частности – в Шокшинском, Кужендеевском и Курманском могильниках. Для них учитывались только погребения, содержащие бусы красного глухого стекла и не содержащие бус поздних типов, характерных для VIII в. и более позднего времени (с металлической прокладкой, мозаичных, глазчатых) [Ковалевская, 2000, с. 67-68; Тишкина, 2003, с. 326-329]. Однако полностью исключать возможность попадания в выборку материалов VIII века нельзя – считается, что финал распространения бус красного глухого стекла приходится на финских памятниках именно на это столетие [Тишкина, 2003, с. 328].

Для данного хронологического горизонта характерны следующие технологические группы бус:

- «рубленый» бисер, изготовленный из отрезков тянутой трубочки при помощи отшибания – с острыми или слегка оплавленными краями (рис. 2: 7, 8).

- бисер и пронизи (многочастные и цилиндрические), изготовленные из отрезков тянутой трубочки при помощи щипцов (рис. 2: 4-6). От более ранних экземпляров их отличает обязательное присутствие «шеек» – технологических следов использования щипцов, выраженные темные прожилки, проходящие вдоль канала для крепления, и небольшой диаметр (до 5 мм); крупные бусы диаметром до 7-8 мм единичны. В отличие от изделий предыдущего периода, среди которых нередко встречались многочастные пронизи, они представлены одно- и двух-, в редких случаях – трехчастными изделиями.

- бусы, изготовленные из отрезков тянутых палочек (рис. 2: 9-11). Большинство изделий, выполненных в данной технологии, внешне ничем не отличаются от своих более ранних аналогий, но на этом этапе практически отсутствуют крупные бусы диаметром от 12 мм. Исключение составляют материалы Армиевского могильника, где встречена небольшая серия крупных изделий,

выполненных в данной технологии; от более ранних материалов их отличает темный цвет с преобладанием оттенков коричневого.

- бусы, изготовленные в технике однократного обертывания (рис. 2: 13, 14). Это самая немногочисленная технологическая группа бус; в наборах они всегда сочетаются с изделиями, которые сделаны из отрезков тянутых палочек.

- одно-трехчастные бусы, изготовленные в технике навивки (рис. 2: 15-17).

По результатам исследований материалов Среднего Поочья, на рубеже IV/V вв. из обихода окских финнов почти полностью выходят многочастные золотостеклянные пронизи и следующие изделия красного глухого стекла: пронизи, имеющие более 2-3 долей; крупные (от 12 мм в диаметре) бусы, выполненные из отрезков тянутых палочек; бусы, изготовленные из отрезков тянутых трубочек и не имеющие следов использования щипцов у оснований канала.

Наборы, в состав которых входит рубленый бисер, являются хронологическими индикаторами для памятников бассейна Средней Оки: они появляются здесь в конце IV – начале V в. и доживают до конца V – начала VI в. Массовое распространение бус, изготовленных в технике навивки, приходится на период начиная со второй половины – конца V в., хотя отдельные наборы с подобными бусами встречаются и раньше – примерно со второй трети этого столетия. Они получают широкое распространение в среднеокских памятниках вплоть до финала культуры в середине VII в. [Румянцева, 2007а, с. 219-221]. Однако, судя по материалам поздних погребений Шокшинского могильника и ряда других памятников, они продолжают существовать за пределами Среднего Поочья и в более позднее время.

Наборы с «рубленым» бисером широко представлены в Старокадомском и Иваньковском, а за пределами изучаемого региона он достаточно многочисленен в комплексах Младшего Ахмыловского могильника. На основании металлического инвентаря эти памятники датированы исследователями временем не ранее рубежа V/VI или VI-VII вв. [Шитов, 1988б, с. 30-31; Никитина, 1999, с. 37; Вихляев и др., 2008, с. 153]. Судя по бусам, нельзя исключать, что здесь присутствуют и материалы V в.

Чтобы выявить особенности распространения бус в изучаемом регионе в V-VII вв. и сравнить данные по их содержанию на разных памятниках, был проведен сравнительный анализ и картографирование с учетом доли различных технологических групп в коллекциях каждого из исследуемых могильников (табл. 2-5; рис. 3-5). В результате выяснилось, что для разных микрорегионов характерны свои ведущие комбинации бус.

Преобладание изделий, изготовленных из отрезков тянутой палочки, характерно для Верхнего Посурья – они составляют большинство в Армиевском и Селиксенском могильниках (соответственно 97,2 и 52,2% изделий от их общего количества на памятнике). За пределами данного микрорегиона близкая картина зафиксирована в Абрамовском могильнике (53,1% бус) (табл. 2).

«Рубленый» бисер составляет большинство стеклянных украшений в могильниках центральной и восточной частей Среднего Поочья: в могильниках Заречье 4 (84,2%), Никитинском (73%) и Курманском (87%), а также в одном из двух могильников нижнего течения Мокши – Старокадомском (79,1%) (табл. 2).

Проведенное сравнение лишь описывает некоторую тенденцию. Для более корректного результата необходимо учитывать, что мелкие бусы, бисер и пронизи обычно более многочисленны в наборах, чем более крупные изделия. Это касается не только ожерелий, но и, в первую очередь, различных расшивок на одежде, выполнявшихся преимущественно с использованием некрупных бус и бисера: их подавляющее большинство составляют изделия из отрезков тянутых трубочек, изготовленные так называемым массовым способом [Школьникова, 1978]. Поэтому более корректно сравнивать их содержание отдельно от бус, выполненных в «индивидуальным» способом, к которым относятся тянутая палочка, навивка и однократное обертывание.

К региону, где крупные, изготовленные индивидуальным способом бусы преобладают над «массовым» бисером (табл. 3; рис. 3), относится Верхнее Посурье (Армиевский могильник – 99,8% бус, Селиксенский – 58,1%). В то же время, привлекает внимание разница их процентного содержания в этих двух могильниках, расположенных столь близко друг от друга. Бусы также более многочисленны, чем бисер, в материалах Абрамовского могильника (53,7%). Можно предположить, что описанная особенность наборов Селиксенского могильника может объясняться не только территориальными, но и хронологическими причинами. По свидетельству В.В. Гришакова, ранний комплекс памятника прекращает свое существование в IV в., а большая часть поздних погребений относится к VII в. [Гришаков, 2004, с. 19]. По материалам же Среднего Поочья, большая часть бисера, в первую очередь, «рубленого», выходит из употребления в конце V – начале VI в. [Румянцева, 2007а, с. 219, 220]. В то же время, данные по хронологии среднеокских бус не совпадают с результатами исследований В.В. Гришакова и А.Н. Тишкиной, которые, публикуя в тезисной форме итоги изучения бус Селиксенского могильника, датируют погребения с «резаными» бусами VI-VII вв. [Гришаков, Тишкина, 2003, с. 29]. Таким образом, хронология данного могильника, в том числе и присутствующих здесь бус, требует комплексного анализа, возможного лишь после полной публикации его материалов.

На памятниках среднего течения Оки и Нижнего Примокшанья преобладает бисер, изготовленный по «массовой» схеме из тянутой трубочки (табл. 3; рис. 3). В Курманском могильнике он составляет 94,4%; в Заречье 4 и Никитино – соответственно 85,6 и 83,8%, в Шокшинском могильнике – 81,7%, в Старокадомском – 73%. В Кужендеевском могильнике бисером представлено 87,3% изделий.

Бисер составляет большую часть коллекции Иваньковского могильника (табл. 3) в среднем течении Волги (93,2%), однако исследуемая выборка с этого памятника представлена бусами только из 5 погребений и не может считаться достаточно репрезентативной.

Соотношение изделий из тянутых трубочек, изготовленных разными способами – «рубленого» бисера и деленного на части при помощи щипцов, – также варьируется в зависимости от памятника (табл. 4; рис. 4).

Наиболее высокое содержание «рубленого» бисера, преобладающего над прочими типами бисера и пронизей, зафиксировано в могильниках Среднего Поочья и Примокшанья: Старокадомском (99,4% бисера, 79,1% от общего числа бус), Заречье 4 (98,2% бисера, 84,2% от общего числа бус), Курманском (92,1% бисера, 87% от общего числа бус), Никитино (87,7% бисера, 73% от общего числа бус).

В Шокшинском могильнике было обнаружено почти равное количество бисера разных типов с легким преобладанием изделий, изготовленный при помощи щипцов (51,3% бисера, 41,8% от общего количества бус; «рубленый» составляет 48,7 % – 39,8% от общего числа бус).

Бисер, изготовленный из тянутой трубочки при помощи щипцов, преобладает в Кораблино – могильнике, расположенном в западной части Среднего Поочья, где он составляет 59,6% всего бисера (45,6% от общего числа бус), а также в Кужендеевском могильнике (68,4% бисера, 59,8% от общего числа бус).

Из памятников, материалы которых немногочисленны и поэтому не подлежат статистической обработке, оба вида бисера в небольших количествах зафиксированы также в Борковском и Кузьминском могильниках. Только «рубленый» бисер был обнаружен в Иваньковском могильнике. Желтухинский могильник содержит лишь 4 экземпляра бисера, которые изготовлены при помощи щипцов (табл. 4).

Бусы, выполненные индивидуальным способом – из отрезков тянутых палочек, в технике однократного обертывания и путем навивки стеклянной массы на инструмент (табл. 5; рис. 5), – распределяются по памятникам следующим образом.

Изделия, изготовленные в технике навивки, преобладают над другими в могильниках Среднего Поочья: в Кораблино они составляют 95,3% бус, выполненных по индивидуальной схеме, в Заречье 4 – 86,9%, в Никитинском – 85,9%, в Курманском – 54,5%. Достаточно высоко их содержание в Шокшинском могильнике в Нижнем Примокшанье (36,6%). Интересен тот факт, что в соседнем с ним Старокадомском могильнике они составляют лишь 8,5% «индивидуально» изготовленных бус. Изделия этой серии полностью отсутствуют в Абрамовском и практически неизвестны в Армиевском могильнике (0,2%). В Селиксенском и Кужендеевском могильниках они составляют соответственно 7,3 и 15,4%.

Соответственно, бусы, изготовленные из отрезков тянутых палочек, наиболее многочисленны в Абрамовском (99%), Армиевском (97,4%), Селиксенском (90,4%) и Старокадомском (89,4%) могильниках.

Содержание бус, выполненных в технике однократного обертывания, нигде не превышает 4,4%.

В материалах могильников, не подлежащих статистической обработке, бусы, изготовленные в технике навивки, встречены в Кузьминском и Борковском, а из отрезков тянутой палочки и в технике однократного обертывания – в Кузьминском, Иваньковском, Волчихинском, и Желтухинском могильниках (табл. 5).

Таким образом, для различных микрорегионов Поочья и Окско-Сурско-Цнинского междуречья в V-VII вв. характерны разные наборы бус. Комбинации, состоящие из украшений лишь индивидуальной схемы – тянутой палочки и однократного обертывания – представляют большинство украшений Армиевского могильника, а также встречаются в Абрамовском, Селиксенском, Старокадомском и Шокшинском могильниках. То же сочетание, но с рубленым бисером образует устойчивые наборы на памятниках центральной группы Среднего Поочья – Никитинском и Заречье 4, а также в восточной части этого региона – в Курманском могильнике. Любопытна при этом их редкая встречаемость в Кораблино, относящемся к западной группе окских могильников: там они зафиксированы всего в трех погребениях. Подобные комбинации встречены также в Шокшинском и Старокадомском могильниках Нижнего Примокшанья; единичные случаи известны в Кошибеевском могильнике, где они маркируют финал существования памятника. Все 5 исследованных наборов из Иваньково, расположенного в северо-восточной части исследуемого региона, немного к востоку от окско-сурско-цнинского междуречья, состояли из бус этих трех технологических групп. Они также встречены в Абрамовском, в одном из 7 погребений Кужендеевского могильника и известны в Безводнинском; достаточно мало подобных наборов зафиксировано в Селиксенском могильнике.

Бусы, изготовленные в технике навивки, наиболее характерны для памятников среднеокского

региона, где они массово встречаются во всех изученных могильниках. Интересно их распределение на памятниках Нижнего Примокшанья: если в Шокшинском могильнике они представляют более трети бус, изготовленных по индивидуальной схеме, то в Старокадомском – менее десятой части. Несмотря на территориальную близость, эти памятники при достаточно сходном «ассортименте» стеклянных украшений сильно различаются по их относительному содержанию. Однако в данном случае не исключено, что отчасти это объясняется хронологическими причинами.

Таким образом, по особенностям распространения бус в изучаемых регионах в V-VII вв. территориальные группы могильников можно охарактеризовать следующим образом.

Среднее Поочье, где наиболее однородны материалы его центральной и восточной части, – это самый гомогенный регион по комбинациям бус в V-VII вв.; западная группа памятников, насколько об этом можно судить по материалам Кораблино, имела ряд особенностей.

Крайне необычен материал Верхнего Посурья, представленный бусами с двух могильников – Селиксенского и Армиевского. Несмотря на территориальную близость и некоторую общую тенденцию, они достаточно сильно различаются по наборам бус. Если материалы Армиевского могильника уникальны, то наборы Селиксенского существенно ближе к материалам памятников, расположенных к северу и северо-западу от него.

Нижнее Примокшанье занимает по ассортименту бус промежуточную позицию между обозначенными выше территориями, сочетая в себе характерные наборы как для Посурья, так и для Поочья. При этом по соотношению бус Старокадомский и Шокшинский могильники достаточно существенно различаются между собой.

Абрамовский могильник по ряду признаков, среди которых отсутствие бус, изготовленных в технике навивки, и высокое содержание тянутых палочек, близок присурским материалам, а по высокому содержанию рубленого бисера – скорее, примокшанским.

Наборы бус, происходящие с остальных памятников, сложнее оценить из-за недостаточно большого размера выборок. Можно предположить, что при сходном с описанными выше материалами ассортименте бус они также образуют особые, возможно, достаточно неоднородные группы.

Химический состав стекла

Методом эмиссионно-спектрального анализа было проанализировано 110 образцов бус. Работа проведена в Лаборатории археологической технологии ИИМК РАН, аналитик – А.Н. Егорьков. Результаты, полученные для могильников Среднего Поочья, были опубликованы ранее [Румянцева, 2007а], однако для удобства читателей результаты этих анализов вторично приведены в данной публикации; материалы Окско-Сурско-Цнинского междуречья публикуются впервые. На диаграммах (рис. 6-11) представлены одновременно материалы Поочья и Окско-Сурско-Цнинского междуречья.

Интерпретация химического состава стекла – одна из наиболее дискуссионных тем в археологической литературе. Основная задача данной работы – выявить на его основе особенности между различными технологическими и хронологическими группами бус, не ставя целью точно определить регион их производства. При обработке результатов анализов стекла я опиралась на методику В.А. Галибина [Галибин, 2001].

При работе с археологическим стеклом наиболее важным критерием является сырье, на основе которого оно было сварено. Для рассматриваемого периода времени это может быть зола солончаковых растений или природная сода. Вид сырья определяется по содержанию в готовом стекле оксидов калия и магния, а также по соотношению двух пар оксидов элементов: натрия и калия; кальция и магния. Верхняя граница содержания K2O и MgO для содовых стекол определена В.А. Галибиным как 1,5% [Галибин, 2001, с. 69]. Однако эта граница может быть не очень жесткой, особенно для стекла, шедшего на изготовление бус. Учитывая ряд обстоятельств, в первую очередь, возможную погрешность в результатах эмиссионно-спектрального анализа, нельзя исключить, что для оксида калия она в отдельных случаях может немного превышать это значение. Содержание магния в содовом стекле также может быть выше 1,5%, т.к. этот элемент может в довольно значительных количествах содержаться в песке, используемом в производстве стекла для бус [Egorkov, 2006, p. 106-109]. Граница соотношения пар оксидов проходит по значению 7,5: выше указанного это значение у содовых стекол, ниже – у зольных [Галибин, 2001, с. 69].

Важным показателем является разница в использовании технологических добавок, а также в содержании случайных примесей, попадавших в стекло в составе сырья: комплекс этих признаков может указывать на разное его происхождение.

Первый хронологический горизонт

Все золотостеклянные бусы и пронизи (табл. 6, рис. 6) изготовлены из стекла, сваренного на основе природной соды. При этом, судя по разнице в содержании магния, при их изготовлении использовался разный песок. Более высокое содержание оксидов калия и магния характерно для бус из могильников Кошибеево и Кораблино (табл. 6: 1, 3, 4). Однако выборка слишком мала, чтобы делать на ее основе какие-либо выводы. По остальным

признакам – содержанию технологических добавок и случайных примесей – выделяется одно украшение из Заречья (табл. 6: 5), в котором присутствует небольшое количество свинца.

Бусы красного глухого стекла изготовлены, судя по всему, и из содовых, и из зольных стекол. Многие из них имеют пограничные значения признаков, не позволяющие определить характер сырья. Наиболее близки к зольным стеклам ряд изделий, изготовленных из отрезков тянутых трубочек, а также одна палочка (табл. 7: 1-3, 6-8; рис. 7). По технологическим добавкам и примесям выделяется образец рубленого бисера из могильника Усть-Уза (табл. 7: 16), который, в отличие от остальных изделий, не содержит сурьмы и в котором практически полностью отсутствует марганец. Это изделие («рубленый» бисер) отличается от остальных и по технологии изготовления, не характерной для изделий данного хронологического горизонта.

Второй хронологический горизонт

Большая часть бус второго хронологического горизонта, изготовленная из отрезков тянутых палочек и в технике однократного обертывания (табл. 8, 1-34; рис. 8), выполнена из зольных стекол. Лишь три из них могут быть отнесены к содовым (табл. 8: 10, 20, 21), при этом необходимо учитывать возможную погрешность эмиссионно-спектрального анализа, наименее чувствительного к калию [Egorkov, 2006, p. 106, 107]. Только бусы из Абрамовского и Армиевского могильников содержат микропримеси никеля, в ряде случаев – одновременно с серебром и/или сурьмой (табл. 8: 5, 6, 9, 22, 23, 27-29). Это говорит об особенностях сырья, из которого было изготовлено стекло, и может свидетельствовать о том, что происхождение бус, изготовленных в этой технологии, связано с разными мастерскими. Присутствие серебра и сурьмы выделяет также по одному изделию из Никитинского и Желтухинского могильников; никель в них не зафиксирован (табл. 8: 1, 24).

Описанным бусам близок состав «рубленого» бисера (табл. 8: 35-51), стекло которого также изготовлено на основе золы солончаковых растений (рис. 9). И здесь никель, в ряде случаев в сочетании с серебром и сурьмой, зафиксирован лишь в бусах Абрамовского могильника (табл. 8: 44, 45), а примесь серебра – в некоторых образцах Безводнинского, Селиксенского и Никитинского могильников (табл. 8: 36, 37, 46, 51).

Важно уточнить, что все изделия с микропримесью серебра из Никитинского могильника происходят из одного захоронения (погребение 21, раскопки И.Р. Ахмедова).

Стекло бус, изготовленных в технике навивки, также как и стекло изделий первого хронологического горизонта, неоднородно по химическому составу: здесь есть и зольные, и содовые стекла, и изделия с неопределенным составом (табл. 8: 52-68; рис. 10). При этом невозможно установить связь между сырьем бус и их распределением по памятникам, которое могло бы говорить об ориентации оставивших их племен на разные источники изготовления и поступления этих украшений. Отличительной чертой практически всех изделий является присутствие кобальта, красителя синего цвета, который в ряде случаев сопровождается никелем и/или сурьмой и другими характерными для этого минерала геохимическими примесями [Галибин, 2001, с. 49-51; Румянцева, 2007а]. Исключение составляет один образец из Никитинского могильника (табл. 8: 59). Бусам, изготовленным в этой технике, близко по составу стекло одного украшения, выполненного из отрезка тянутой палочки (табл. 8: 70).

Бисер, полученный из тянутой трубочки путем ее деления на части щипцами, как и навитые бусы, неоднороден по основному составу (табл. 8: 69, 71-79; рис. 11). При этом для этой группы в большей степени характерно стекло, не подлежащее однозначной интерпретации. Лишь один образец из Никитино может однозначно рассматриваться как зольное стекло (табл. 8: 72). Ряд изделий из Никитино и Кораблино по содержанию калия соответствует зольным, а по содержанию магния – скорее содовым стеклам (табл. 8: 69-71, 73, 74). Бисер из Заречья, Кужендеевского, Шокшинского, Желтухинского и Селиксенского могильников изготовлен скорее из стекла, сваренного на основе природной соды (табл. 8: 75-79). По примесям выделяется стекло украшений из Кораблино, Заречья и Кужендеевского могильника, содержащее кобальт (табл. 8: 69, 71, 75, 77), что сближает их состав с навитыми бусами. Изделия из Никитинского и Селиксенского могильников отличает примесь сурьмы при отсутствии кобальта (табл. 8: 74-76, 81). Таким образом, эта технологическая группа стеклянных украшений имеет наиболее разнородный состав, указывающий на использование различного сырья. Это позволяет предположить, что центры производства и, вероятно, пути поступления этих бус также были разными.

Заключение

Анализ распределения бус на территории Среднего Поочья и Окско-Сурско-Цнинского междуречья показал, что для раннего периода III – конца IV/начала V в. характерны достаточно устойчивые их комбинации, однородные практически на всей изучаемой территории. Исключение составляют крупные золотостеклянные изделия, основная масса которых происходит из

Кошибеевского могильника и особенности распространения которых пока не находят удовлетворительного объяснения, а также рубленый бисер красного стекла из могильника Усть-Уза в Верхнем Посурье, поступавший сюда из особого источника.

Привлечение материалов Окско-Сурско-Цнинского междуречья III-IV вв. позволило подтвердить полученные ранее выводы [Румянцева, 2007а]. Результаты анализов химического состава стекла свидетельствуют о том, что золотостеклянные украшения и бусы красного глухого стекла изготовлены на разном сырье и, вероятно, происходят из разных производственных центров. Можно предположить, что это связано с особенной техникой производства золотостеклянных изделий, имеющей много общего с технологией изготовления золотостеклянной мозаики. Возможно, что и места их производства были общими. В любом случае, высокое качество бесцветного прозрачного стекла и достаточно сложная для бус технология изготовления требовала от мастеров специальных навыков и, что более существенно, особого сырья, качество которого должно было быть намного выше, чем требовалось для производства изделий из глухого стекла. Состав золотостеклянных бус и пронизей позволяет предположить, что они происходят из Восточного Средиземноморья или провинциально-римской Европы.

В целом можно говорить о том, что в III-IV вв. источники поступления бус у племен Среднего Поочья и Окско-Сурского междуречья были общими. Весьма вероятно, что к населению этих территорий они поступали через посредников из одних и тех же производственных центров. Учитывая устойчивость наборов бус, характерных для традиционного финского костюма, этот обмен был отлажен, а посредники хорошо знали вкусы обитавших здесь племен.

Ситуация меняется в конце IV – начале V в., когда бусы ранних типов в достаточно короткий период времени выходят из употребления. Вероятно, эта перемена была обусловлена нарушением прежних культурных связей финского населения, вызванным последствиями гуннского нашествия.

Смена направления культурных связей и ориентация на другие производственные центры подтверждается данными как по технологии изготовления бус, так и по составу стекла: прежние украшения сменяются нетипичными для более раннего времени наборами из зольного стекла ближневосточного производства, вероятнее всего – региона Месопотамии. Практически для всей изучаемой территории в это время выделяются общие типы бус, однако очевидны и различия, как на уровне соотношения изделий, выполненных по разным технологическим схемам, так и по химическому составу стекла.

Поражает географическая широта распространения наборов бус из зольного стекла, основу которых составлял рубленый бисер. Они выходят далеко за рамки Поочья и Окско-Сурско-Цнинского междуречья и известны в восточной части Среднего Поволжья (Ахмыловский могильник) и в Прикамье (Кудашевский могильник). Прочие типы бус, зафиксированные на памятниках V-VII вв., по технологии изготовления и химическому составу стекла отличаются как от отчасти синхронных им «ближневосточных», так и от ранних наборов III-IV вв.

Результаты проведенного исследования говорят о том, что население Среднего Поочья и Верхнего Посурья, сохранив общий для финского традиционного костюма элемент – преобладание бус красного стекла, – начиная с конца IV – начала V в., было ориентировано на разные источники поступления этой категории импорта. При этом восточная и центральная часть бассейна Средней Оки представляются микрорегионом с едиными связями, обеспечивавшими хорошо налаженное и регулярное поступление бус, в то время как западная часть Среднего Поочья имеет ряд особенностей.

В Верхнее Посурье стеклянные украшения поступали, судя по всему, из других источников. Судя по различиям в материалах Армиевского и Селиксенского могильников, нельзя исключать, что даже для оставившего их населения эти источники какое-то время были разными. Достаточно близок памятникам Посурья набор бус Абрамовского могильника.

Особое положение занимает регион бассейна Мокши, бусы которого имеют сходные черты как с окскими, так и с присурскими наборами. Если говорить о северной части Окско-Сурско-Цнинского междуречья, то здесь не складывается цельная картина из-за небольшого количества изученного материала.

Полученные выводы можно рассматривать как предварительные; вероятно, они будут нуждаться в корректировке после публикации материалов и уточнения хронологии большинства памятников. Тем не менее проведенная работа позволяет получить некоторое представление о динамике развития культурных связей и обмена в изучаемых регионах на материалах бус.

Литература

Акимов Н.А, Гришаков В.В. 1990. Бусы Абрамовского могильника // Средневековые памятники Окско-Сурского междуречья. Труды МНИИЯЛИЭ. Вып. 99. Саранск.

Алексеева Е.М. 1978. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. Вып. Г1-12. М.

Ахмедов И.Р. 2007. Культура рязано-окских могильников. Инвентарь мужских погребений

// Восточная Европа в середине I тысячелетия н.э. (РСМ. 9). М.

Ахмедов И.Р., Белоцерковская И.В. 1996. Вещевые комплексы могильника Заречье 4 // Археологические памятники Окского бассейна. Рязань.

Ахмедов И.Р., Белоцерковская И.В. 1998. О начальной дате рязано-окских могильников // Труды ГИМ. Вып 96. М.

Ахмедов И.Р., Гущина И.И., Журавлев Д.В. 2001. Богатое погребение II в. н.э. из могильника Бельбек IV // Поздние скифы Крыма. Труды ГИМ. Вып. 118. М.

Белоцерковская И.В. 2007. Культура рязано-окских могильников. Инвентарь женских погребений // Восточная Европа в середине I тысячелетия н.э. (РСМ. 9). М.

Вихляев В.И. 1977. Древняя мордва Посурья и Примокшанья. Саранск.

Вихляев В.И. 2000. Происхождение древнемордовской культуры. Саранск.

Вихляев В.И., Беговаткин А.А., Зеленцова О.В., Шитов В.Н. 2008. Хронология могильников населения I-XIV вв. западной части Среднего Поволжья. Саранск.

Воронина Р.Ф., Зеленцова О.В., Энговатова А.В. 2005. Никитинский могильник. Публикация материалов 1977-1978 гг. М.

Воронцов А.М. 2007. Памятники типа Ново-Клейменово в первой четверти I тыс. н.э. на территории Окско-Донского водораздела // РА. № 3.

Галибин В.А. 2001. Состав стекла как исторический источник. СПб.

Голдина Р.Д. 2003. Тарасовский могильник I-V вв. на Средней Каме. Ижевск.

Гришаков В.В. 2004. Ранняя стадия армиевского периода пензенских могильников (к проблеме соотношения тезиковских и армиевских комплексов) // Историко-культурное развитие народов Среднего Поволжья: традиции и инновации. Саранск.

Гришаков В.В. 2005. Население верховьев Мокши и Суры накануне средневековья. Саранск.

Гришаков В.В., Тишкина А.Н. 2003. Бусы Селиксенского могильника // Поволжские финны и их соседи в эпоху средневековья. Проблемы хронологии и этнической истории. Саранск.

Ковалевская В.Б. 2000. Компьютерная обработка массового археологического материала из раннесредневековых памятников Евразии. М.

Краснов Ю.А. 1980. Безводнинский могильник. М.

Кренке Н.А., Румянцева О.С. 2008. Бусы Дьякова городища // РА. № 2.

Львова З.А. 1979. Технологическая классификация изделий из стекла // АСГЭ. № 20. Л.

Львова З.А. 1980. Технологическая классификация изделий из стекла // АСГЭ. № 21. Л.

Львова З.А. 2000. Технология изготовления северокавказских бус второй половины I тыс. н.э. // В кн.: В.Б. Ковалевская. Компьютерная обработка массового археологического материала из раннесредневековых памятников Евразии. М.

Никитина Т.Б. 1999. История населения Марийского края в I тыс. н.э. (по материалам могильников). Йошкар-Ола.

Полесских М.Р. 1977. Древнее население Верхнего Посурья и Примокшанья. Пенза.

Румянцева О.С. 2007а. Культура рязано-окских могильников. Бусы массовых типов // Восточная Европа в середине I тысячелетия н.э. (РСМ. 9). М.

Румянцева О.С. 2007б. Проблема происхождения стеклянных изделий эпохи великого переселения народов (на материалах кобальтосодержащих бус лесной зоны России) // РА. № 3.

Румянцева О.С. 2009. Бусы могильника Брут 2 2-й половины – середины III в. // В кн.: Т.А. Габуев, В.Ю. Малашев. Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа. М.

Столярова Е.К. 2001. Бусы могильника Бельбек IV // Поздние скифы Крыма. Труды ГИМ. Вып. 118. М.

Стоянова А.А. 2004. Бусы и подвески могильника Нейзац (по материалам раскопок 1996-2001 гг.) // Боспорские исследования. Вып. 5. Симферополь-Керчь.

Тишкина А.Н. 2003. Бусы Степановского могильника // Археология восточноевропейской лесостепи. Пенза.

Уткин А.В., Черников В.Ф. 1994. Желтухинский грунтовый могильник // Проблемы средневековой археологии волжских финнов. Йошкар-Ола.

Хайрединова Э.А. 1995. Бусы из могильника Дружное // Проблемы археологии древнего и средневекового Крыма. Симферополь.

Шитов В.Н. 1988а. Кошибеевский могильник (по материалам раскопок В.Н. Глазова в 1902 г.) // Тр. МНИИЯЛИЭ. Вып. 93. Саранск.

Шитов В.Н. 1988б. Старокадомский могильник // Труды МНИИЯЛИЭ. Вып. 85. Саранск.

Школьникова Н.А. 1978. Стеклянные украшения конца I тысячелетия н.э. на территории Поднепровья // СА. № 1.

Davidson S., Newton R. 2003. Conservation and restoration of glass. Stratford upon Avon.

Egorkov A. 2006. L'analyse des perles de Singidunum et de Viminacium par la spectrographie optique d'émission // Ivanišević V., Kazanski M., Mastykova A. Les nécropoles de Viminacium a l'époque des Grandes Migrations. Saint-Just-la-Pendue.

Harden D.B. 1969. Ancient Glass, II: Roman // Archaeological Journal.

Tempelmann-Mączyńska M. 1985. Die Perlen der römischen Kaiserzeit und der fruhen Phase der Völkerwanderungszeit im mitteleuropaischen Barbaricum. Mainz am Rhein.

O.S. Rumiantseva

Some characteristics of beads spread in the Oka region and the Oka-Sura interfluve area, late Roman to Migration period

Resume

This is a study of dominant types of beads distribution in the Middle Oka region and the Oka-Sura interfluve area. Beads were imported on this territory. These items are an important source on cultural relations of forest and forest-steppe zones population. Chronology of the study ranges from the 3rd till the 7th centuries AD. The sources base is presented by a selection of approximately 64000 beads from more than 500 burial grounds of 24 cemeteries. The basis of female beads assemblages of Finnish tribes, who lived here, were two kinds of beads made of red opaque and gold sandwich glass. Comparative analysis based on manufacturing technology, chemical composition of glass beads, and mapping made it possible to establish that the population of the studied region had been focused, in general, on single receipt source of these products category in the 3rd-4th centuries AD. The situation changed in the end of the 4th – beginning of the 5th centuries AD. Established relations were disturbed; the beads of later period came from other production centers. The population of the region was focused on different manufacturers and suppliers. A common feature for all studied area is wide spread of beads made from "Middle East" glass, at least, throughout the 5th century AD. This type of glass was manufactured on the salt plants ash of arid zone. These items were not typical for the earlier period. The eastern and central parts of the Middle Oka region were the most homogeneous in terms of beads collections in the 5th-7th centuries AD; the western region had its own characteristics. The Upper Sura region was a special and extremely diverse area with its own sources of glass decorations. The materials of Abramovo cemetery located in the central part of the Oka-Sura interfluve area were the closest to the Upper Sura region. The cemeteries of the Moksha river basin held a transitional position; its collections were close to the Oka and Sura areas according to a number of features. The obtained data indicates that directions of cultural relations of studied regions population changed fundamentally. The change began at the turn of the 4th-5th centuries AD and continued, at least, till the turn of the 5th-6th centuries AD.

Таблица 1. Содержание бус в могильниках Среднего поочья и Окско-Сурско-Цнинского междуречья в III-VII/VIII вв.*

Могильник	кол-во погребений	золотостеклянные		красное глухое стекло							Итого	среднее
		бусы	пронизи	трубочка ранние типы**	палочка, D от 12 мм	палочка, D до 12 мм	рубленый бисер	однократное обертывание	навивка	трубочка поздний тип***		кол-во в погребении
I ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ ГОРИЗОНТ												
Ражкинский	5	2	280	100	5	1					388	78
Шемышейский	4		69	2		3					74	19
Тезиковский	15		700	1292	25	9					2026	135
Селисксо-Троф	13		98	391	22	4					515	39,6
Польное-Ялтуново	10	9	156	13		2					180	18
Усть-Уза	8		254	1	2	4	355				616	77
Абрамовский	3	7	4	5							16	5
Селиксенский	22	4	852	657	17	143					1673	76
Заречье 4	23	3	1527	1066	49	51					2696	117,2
Кораблино	36		2127	942	31	36		1	1		3138	87
Кошибеевский	31	270	583	563	26	28	24	2			1496	48
Борковский	1		6								6	6
Кузьминский	2	1	121	113	6				1		242	121
Курманский	5		208	217	5	11		1			442	88
Стексово 2	1		140	11							151	151
Сергачский	1	3		1							4	4
II ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ ГОРИЗОНТ												
Волчихинский	1					119		7			126	126
Ст. Кужендеевский	7					125	323	1	23	703	1175	168
Иваньковский	5					37	703	14			754	151
Абрамовский	17			1		796	694	8			1499	88
Старокадомский	20				2	1215	5294	29	116	33	6689	334
Желтухинский	3					17		1		4	22	7
Селиксенский	22			2	1	778	297	19	63	324	1484	67
Армиевский	49			2	28	8323	8	201	20	9	8591	175
Шокшинский	77		2	8	4	983	3498	30	588	3678	8791	114
Заречье 4	67			2	5	132	7545	31	1116	131	8962	134
Кораблино	37	2		3	3	32	1235	13	969	1775	4032	109
Борковский	2						2		102	13	117	59
Кузьминский	7				1	9	322	2	103	5	442	63
Курманский	11				3	126	4875	13	170	416	5603	509,
Никитинский	39			6		32	1518	15	287	212	2070	53

* Кошибеевский могильник - конец I - IV вв.

** Со следами щипцов; без следов щипцов; с заглаженными основаниями канала (прочие признаки см. в тексте).

*** Со следами щипцов (прочие признаки см. в тексте).

Примечание: материалы погребений с «переходными» комбинациями, содержащих одновременно ранние типы и наборы: «рубленый бисер+палочка+однократное обертывание». (конец IV - начало V в.) разделены на 2 части: основная часть набора представлена в первой части таблицы, а рубленый бисер и бусы в технике однократного обертывания - во второй. Все бусы Кошибеевского могильника представлены в первой части таблицы.

Таблица 2. Могильники Среднего Поочья и Окско-Сурско-Цнинского междуречья. II хронологический горизонт. Процентное соотношение бус и бисера, изготовленных по разным технологическим схемам.

Могильник	палочка		рубленый бисер		однократное обертыв.		навивка		рубочка+щипцы	
	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%
Кужендеевский	125	10,6	323	27,5	1	0,1	23	2	703	59,8
Абрамовский	796	53,1	694	46,3	8	0,5	0	0	0	0
Старокадомский	1217	18,2	5294	79,1	29	0,4	116	1,7	33	0,5
Селиксенский	779	52,2	297	19,9	19	1,3	63	4,2	324	21,8
Армиевский	8351	97,2	8	0,1	201	2,3	20	0,2	9	0,1
Шокшинский	987	11,2	3498	39,8	30	0,3	588	6,7	3678	41,8
Заречье 4	137	1,5	7545	84,2	31	0,3	1116	12,5	131	1,5
Кораблино	35	0,9	1235	30,6	13	0,3	969	24	1775	44
Курманский	129	2,3	4875	87	13	0,2	170	3	416	7,4
Никитинский	32	1,5	1518	73	15	0,7	287	13,9	212	10,2
Иваньковский	37	4,9	703	93,2	14	1,9	0	0	0	0

Таблица 3. Могильники Среднего Поочья и Окско-Сурско-Цнинского междуречья. II хронологический горизонт. Процентное соотношение бус (палочка, однократное обертывание, навивка).

Могильник	бусы		бисер		сумма
	кол-во	%	кол-во	%	
Кужендеевский	149	12,7	1026	87,3	1175
Абрамовский	804	53,7	694	46,3	1498
Старокадомский	1362	20,4	5327	79,6	6689
Селиксенский	861	58,1	621	41,9	1482
Армиевский	8572	99,8	17	0,2	8589
Шокшинский	1605	18,3	7176	81,7	8781
Заречье 4	1284	14,3	7676	85,7	8960
Кораблино	1017	25,3	3010	74,7	4027
Курманский	312	5,6	5291	94,4	5603
Никитинский	334	16,2	1730	83,8	2064
Иваньковский	51	6,8	703	93,2	754

Таблица 4. Могильники Среднего Поочья и Окско-Сурско-Цнинского междуречья. II хронологический горизонт. Процентное соотношение различных типов бисера.

Могильник	рубленый бисер		трубочка+щипцы		сумма
	кол-во	%	кол-во	%	
Кужендеевский	323	31,5	703	68,5	771,5
Абрамовский	694	100	0	0	0
Старокадомский	5294	99,4	33	0,6	33,6
Селиксенский	297	47,8	324	52,2	376,2
Армиевский	8	47,1	9	52,9	61,9
Шокшинский	3498	48,7	3678	51,3	3729,3
Заречье 4	7545	98,3	131	1,7	132,7
Кораблино	1235	41	1775	59	1834
Курманский	4875	92,1	416	7,9	423,9
Никитинский	1518	87,7	212	12,3	224,3
Иваньковский	703	100	0	0	0

Таблица 5. Могильники Среднего Поочья и Окско-Сурско-Цнинского междуречья. II хронологический горизонт. Процентное соотношение бус (палочка, однократное обертывание, навивка).

Могильник	палочка		однократное обертыв.		навивка		сумма
	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	
Кужендеевский	125	83,9	1	0,7	23	15,4	233,6
Абрамовский	796	99	8	1	0	0	904
Старокадомский	1217	89,4	29	2,1	116	8,5	1453,5
Селиксенский	779	90,5	19	2,2	63	7,3	953,7
Армиевский	8351	97,4	201	2,3	20	0,2	8671,7
Шокшинский	987	61,5	30	1,9	588	36,6	1668,4
Заречье 4	137	10,7	31	2,4	1116	86,9	1297,1
Кораблино	35	3,4	13	1,3	969	95,3	1021,7
Курманский	129	41,3	13	4,2	170	54,5	357,5
Никитинский	32	9,6	15	4,5	287	85,9	348,1
Иваньковский	37	72,5	14	27,5	0	0	151

Таблица 6. Золотостеклянные бисер и пронизи I хронологического горизонта. Химический состав стекла.

N	шифр	могильник	компл	технология	Na_2O	K_2O	Na_2O/K_2O	CaO	MgO	CaO/MgO	Al_2O_3	Fe_2O_3	MnO	TiO_2	PbO	Sb_2O_5	Ag_2O	Au
1	750-14	Кораблино	погр 53	труб+щ	15	0		6,2	2,5	2,48	3,3	1,3	0,02	0,1	0	0,7	0,01	0
2	757-46	Кошибеевский	погр 104	труб+щ	19	1,7	11,17	12	1,3	9,23	2,8	1,4	0,2	0,2	0	0,5	0,01	0
3	757-47	Кошибеевский	погр 76	труб+щ	17	1,6	10,62	13	2,7	4,81	4,2	1,3	0,1	0,06	0	0,2	0	0
4	757-48	Кошибеевский	погр 8	труб+щ	17	1,7	10	10	1,9	5,26	3,7	1,4	0,1	0,08	0	1,1	0,01	0
5	770-40	Заречье	погр 6	труб+щ	18	0,9	20	9,4	1,1	8,54	2,6	0,8	0,05	0,2	0,03	1	0,02	+
6	770-43	Заречье	погр 74	труб+щ	18	0,9	20	5,6	1,3	4,30	3,2	0,9	0,07	0,1	0	1,5	0,01	0
7	771-33	Абрамовский	погр 118	трубочка	16	0	-	8	0,4	20	2,7	0,8	0,02	0,06	0	1,8	0,01	0
8	771-45	Усть-Уза	погр 27	труб+щ	14	0	-	11	0,9	12,22	2,8	1,1	0,1	0,1	0	0,2	0,01	0
9	771-47	Стексово	погр 122	труб+щ	16	0	-	10	1	10	2,8	1,3	0,2	0,2	0	0,6	0,02	0
10	771-55	Тезиковский	погр 22	труб+щ	17	0,7	24,28	15	1,5	10	3,5	1,2	0,04	0,2	0	0,5	0,02	0

Примечание: SiO_2 – основной во всех образцах;
SnO_2, CuO, CoO, NiO не зафиксированы.
Технология изготовления бус:
труб+щ – из тянутой трубочки, со следами щипцов;
трубочка – из тянутой трубочки, без следов щипцов.

Таблица 7. Изделия красного глухого стекла I хронологического горизонта. Химический состав стекла.

N	шифр	могильник	компл	технология	Na_2O	K_2O	Na_2O/K_2O	CaO	MgO	CaO/MgO	Al_2O_3	Fe_2O_3	MnO	TiO_2	PbO	SnO_2	CuO	Sb_2O_5
1	757-35	Кораблино	погр 29'	труб+щ	16	2,1	7,61	13	2,8	4,64	1,8	1,1	0,4	0,09	0,2	0,05	1,2	0,06
2	757-36	Кораблино	погр 29'	трубочка	16	2,7	5,92	13	2,3	5,65	2	0,7	0,7	0,1	0,6	0,1	1,8	0,2
3	757-40	Кораблино	погр 53	трубочка	16	2,4	6,66	12	2,8	4,28	2,6	0,9	0,4	0,1	0,3	0,2	1,5	0,08
4	757-41	Кораблино	погр 53	труб+щ	12	1,5	8	7,3	1,2	6,08	1,2	0,8	0,3	0,05	0,1	0,06	0,9	0,07
5	757-42	Кораблино	погр 75	палочка	17	1,9	8,94	13	2,3	5,65	3	1,3	0,4	0,1	0,8	0,1	1,2	0,2
6	757-43	Кораблино	погр 71	палочка	16	2,2	7,27	11	1,8	6,11	2,2	0,8	0,4	0,08	7	0,3	1,7	0,3
7	757-49	Кошибеевский	погр 8	труб+щ	17	2,4	7,08	11	3,7	2,97	3,4	1,3	0,4	0,1	0,7	0,1	2	0,03
8	757-52	Кошибеевский	погр 50	палочка	17	1,9	8,94	11	2,8	3,92	3,2	1,4	0,6	0,2	6,3	0,2	1,9	0,2
9	770-35	Кошибеевский	погр 21	труб+щ	20	1,2	16,66	15	2,3	6,52	2,8	1,6	0,6	0,1	0,3	0,3	2,4	0,9
10	770-39	Кошибеевский	погр 46	палочка	17	1,2	14,16	14	2,4	5,83	2,6	1,5	0,4	0,2	0,2	0,1	1,9	0,2
11	770-41	Заречье	погр 6	труб+щ	17	0,9	18,88	6	1,6	3,75	1,1	0,6	0,2	0,07	0,2	0,2	1,6	0,3
12	770-44	Заречье	погр 78	палочка	17	1,4	12,14	7,2	1,8	4	3	1,5	0,3	0,1	0,4	0,2	1,9	0,4
13	770-45	Заречье	погр 102	палочка	17	0,9	18,88	8,1	3,5	2,31	4,3	1,6	0,3	0,5	0,05	0,1	1,2	0,08
14	770-46	Заречье	погр 102	трубочка	15	0,9	16,66	12	2,7	4,44	4	0,9	0,3	0,3	0,08	0,1	0,8	0,07
15	770-48	Заречье	погр 174	трубочка	15	1,1	13,63	13	2,1	6,19	2,9	0,5	0,2	0,2	0,1	0,2	1,6	0,1
16	771-46	Усть-Уза	погр 12	труб рубл	17	1,3	13,07	10	1,3	7,69	1,6	0,8	0,01	0,09	4,8	0,3	4,4	0
17	771-54	Тезиковский	погр 22	палочка	17	1,5	11,33	15	2,4	6,25	2,2	0,9	0,3	0,2	0,9	0,09	1,3	0,1
18	771-56	Тезиковский	погр 22	трубочка	17	1,3	13,07	10	2	5	2,3	1,4	0,5	0,1	2,1	0,2	4,4	0,4
19	771-57	Тезиковский	погр 22	труб+щ	16	1	16	7,4	1,3	5,69	1,3	1,1	0,3	0,07	0,3	0,09	1,6	0
20	772-15	Селиксенский	погр 152	трубочка	15	2	7,5	14	2,8	5	3,2	1,3	0,6	0,4	3,2	2,6	5,5	0,2
21	778-57	Безводнинский	депасп	трубочка	18	1,6	11,25	16	3,8	4,21	4,1	2	0,3	0,2	0,7	0,3	2,8	0,2

Примечание: SiO_2 – основной во всех образцах;
CoO, Ag_2O, NiO, Au не зафиксированы.
Технология изготовления бус:
труб+щ – из тянутой трубочки, со следами щипцов;
трубочка – из тянутой трубочки, без следов щипцов;
труб рубл – из тянутой трубочки путем отшибания (рубленый бисер);
палочка – из тянутой палочки.

Таблица 8. Изделия красного глухого стекла II хронологического горизонта. Химический состав стекла.

N	шифр	могильник	компл	технология	Na_2O	K_2O	Na_2O/K_2O	CaO	MgO	CaO/MgO	Al_2O_3	Fe_2O_3	MnO	TiO_2	PbO	SnO_2	CuO	CoO	Sb_2O_5	Ag_2O	NiO
1	750-21	Никитино-В	погр 21	однокр оберт	16	3,5	4,57	9	3,9	2,30	2,6	1,1	0,05	0,04	1	0,1	1,3	0	0	0,01	0
2	750-22	Никитино-В	погр 21	однокр оберт	16	4	4	6	3,9	1,53	1	1,3	0,03	0,1	1	0,2	1,7	0	0	0	0
3	758-18	Никитино-А	погр 127	однокр оберт	20	3,6	5,55	10	0,9	11,11	3,6	1,1	0,1	0,3	0,2	0,1	2,2	0	0	0	0
4	758-25	Никитино-А	погр 18	однокр оберт	19	3,4	5,58	9	3	3	2,3	1,6	0,07	0,2	0,4	0,4	1,3	0	0	0	0
5	771-36	Абрамовский	погр 221	однокр оберт	17	3,2	5,31	9,4	4,3	2,18	2,7	1,1	0,04	0,2	1,9	0,2	4,7	0	0	0,01	0,01
6	772-19	Армиевский	погр 169	однокр оберт	15	4,8	3,12	13	4	3,25	2,5	1	0,3	0,4	0,2	0,08	4,4	0	0,04	0	0,02
7	772-26	Армиевский	погр 159	однокр оберт	15	4,4	3,40	12	3,5	3,42	1,6	0,9	0,06	0,2	0,1	0	5,7	0	0	0,01	0
8	772-28	Армиевский	погр 147	однокр оберт	16	3	5,33	15	2,8	5,35	2	1	0,7	0,2	14	1,2	4,2	0	0,7	0,02	0
9	772-29	Армиевский	погр 147	однокр оберт	15	2,2	6,81	14	3,8	3,68	2,2	1,1	0,06	0,2	0,8	0,3	4	0	0	0,01	0,02
10	778-42	Иваньковский	депасп	однокр оберт	17	1	17	6,3	2,6	2,42	3	0,7	0,02	0,1	0,08	0	2,7	0	0	0	0
11	750-20	Никитино-В	погр 21	палочка	16	3,6	4,44	6,2	3,3	1,87	2,8	1,2	0,1	0,1	0,2	0	1,9	0	0	0	0
12	757-30	Заречье	погр 48	палочка	14	2,9	4,82	11	4,5	2,44	3,4	1	0,1	0,2	0,2	0,04	1,4	0	0	0	0
13	757-44	Кораблино	погр 18б	палочка	16	3,3	4,84	9,4	3,6	2,61	3,3	0,7	0,06	0,1	0,2	0,2	1,2	0	0	0	0
14	757-53	Никитино-В	погр 21	палочка	16	2,6	6,15	11	5	2,2	3,7	1,6	0,2	0,08	0,3	0	2,2	0	0	0	0
15	757-54	Никитино-В	погр 21	палочка	16	3	5,33	10	4,1	2,43	3,4	1,3	0,1	0,09	1,9	0,3	1,8	0	0	0	0
16	758-17	Никитино-В	погр 5а	палочка	18	2,8	6,42	7,1	3,1	2,29	3,4	1,1	0,2	0,2	0,4	0,2	2,2	0	0	0	0
17	758-19	Никитино-А	погр 95	палочка	18	4,5	4	12	0,9	13,33	2,3	1,1	0,2	0,3	0,9	0,3	2,2	0	0,04	0	0
18	758-26	Никитино-А	погр 22	палочка	17	3,2	5,31	6,3	2,3	2,73	2,1	1,1	0,09	0,1	2,2	0,6	2,2	0	0	0	0
19	758-27	Никитино-А	погр 22	палочка	18	4,4	4,091	5,5	3,3	1,66	2,6	1	0,05	0,2	0,2	0,08	1,9	0	0	0	0
20	770-50	Заречье	погр 233	палочка	17	1,6	10,62	5,7	2,3	2,47	2,2	0,6	0,04	0,1	0,03	0	1,4	0	0	0	0
21	771-30	Абрамовский	погр 178	палочка	17	1,4	12,14	11	1,7	6,47	2,3	1,2	0,4	0,09	0,5	0,08	3	0	0,3	0	0
22	771-34	Абрамовский	погр 216	палочка	16	2	8	8	4,1	1,95	2,9	1	0,06	0,1	2,3	0,2	3	0	0	0	0,01
23	771-37	Абрамовский	погр 221	палочка	16	2,3	6,95	12	4,1	2,92	2,8	1,3	0,1	0,1	3	1,8	5,6	0	0,1	0,02	0,02
24	771-49	Желтухинский	погр 9	палочка	16	1,6	10	9,4	4,3	2,18	2,7	0,9	0,06	0,07	0,05	0,04	4,4	0	0	0	0
25	771-50	Желтухинский	погр 9	палочка	16	2,8	5,71	8	4,8	1,66	2,4	1	0,04	0,08	3,2	0,2	4,2	0	0	0,02	0
26	771-51	Желтухинский	погр 9	палочка	18	1,2	15	9,4	5	1,88	3,6	0,7	0,06	0,1	1,6	0,06	3,7	0	0	0	0
27	772-20	Армиевский	погр 169	палочка	16	2,4	6,66	13	4	3,25	3,2	0,9	0,1	0,3	1,5	0,5	5,7	0	0,05	0,01	0,02
28	772-21	Армиевский	погр 195	палочка	16	3,4	4,70	10	4,2	2,38	2,7	1,2	0,1	0,3	1,5	0,5	5,7	0	0	0,02	0,01
29	772-22	Армиевский	погр 195	палочка	15	4,8	3,12	16	3,6	4,44	2	1,2	0,05	0,2	1,8	0,9	5,7	0	0	0,02	0,02
30	772-24	Армиевский	погр 156	палочка	15	3,4	4,41	13	5,3	2,45	3,2	1,2	0,07	0,3	1,1	0,4	2,9	0	0	0,02	0
31	772-27	Армиевский	погр 177	палочка	1,9	3	0,63	2,5	1,5	1,66	3,8	1,6	0,01	0,4	1,4	1,6	2,6	0	0	0,1	0
32	778-43	Иваньковский	депасп	палочка	18	2,5	7,2	11	3,1	3,54	5	0,8	0,03	0,1	0,1	0	2,8	0	0	0	0
33	778-45	Иваньковский	погр 14	палочка	18	2	9	6	3,6	1,66	3,4	1,7	0,02	0,2	0,1	0,05	3,5	0	0	0	0
34	778-53	Курманский	погр 6	палочка	16	1,5	10,66	3,6	4,2	0,85	2	1,3	0,04	0,07	0,3	0,03	2,6	0	0	0	0
35	739-32	Кораблино	погр 18б	труб рублен	18	2,6	6,92	7,7	5,3	1,45	5	0,8	0,06	0,2	0	0,9	4,4	0	0	0	0

Таблица 8. Изделия красного глухого стекла II хронологического горизонта. Химический состав стекла (продолжение).

N	шифр	могильник	компл	технология	Na_2O	K_2O	Na_2O/K_2O	CaO	MgO	CaO/MgO	Al_2O_3	Fe_2O_3	MnO	TiO_2	PbO	SnO_2	CuO	CoO	Sb_2O_5	Ag_2O	NiO
36	750-18	Никитино-В	погр 21	труб рублен	18	3,2	5,62	7	3,7	1,89	2,6	1,1	0,02	0,06	1,9	0,4	2,1	0	0	0,01	0
37	750-19	Никитино-В	погр 21	труб рублен	16	2	8	7	3,3	2,12	2	1,3	0,04	0,1	1,4	0,4	2	0	0	0,01	0
38	750-28	Никитино-В	погр 5а	труб рублен	17	4,5	3,77	11	4	2,75	2,7	1	0,04	0,1	1,1	0,2	2,2	0	0	0	0
39	757-26	Заречье	погр 44	труб рублен	15	2,3	6,52	10	3,1	3,22	3,6	1	0,2	0,1	0,2	0,05	0,7	0	0	0	0
40	758-24	Никитино-А	погр 18	труб рублен	20	7,6	2,63	10	3	3,33	2,6	1,3	0,2	0,2	1,2	0,5	2,5	0	0	0	0
41	770-42	Заречье	погр 71б	труб рублен	18	1,8	10	8,1	4,8	1,68	5	0,9	0,06	0,1	0,1	0,2	1,4	0	0	0	0
42	771-21	Шокшинский	погр 611	труб рубл	17	2,7	6,29	8,8	3,7	2,37	2,7	0,9	0,06	0,1	0,9	0,1	4,2	0	0	0	0
43	771-25	Шокшинский	погр 718	труб рубл	14	3	4,66	13	5,6	2,32	3,3	1,1	0,06	0,2	1	0,1	3,6	0	0	0	0
44	771-32	Абрамовский	погр 178	труб рубл	15	2,7	5,55	13	3	4,33	3,2	1,2	0,3	0,09	6	0,4	5,3	0,05	0	0,01	0,01
45	771-35	Абрамовский	погр 216	труб рубл	17	2,8	6,07	12	4,1	2,92	2,8	1	0,04	0,09	6	0,09	4	0	0,3	0,01	0,01
46	772-16	Селиксенский	погр 155	труб рубл	15	4,8	3,12	8,3	2,7	3,07	2	0,9	0,07	0,3	2,8	0,9	4,7	0	0	0,05	0
47	778-44	Иваньковский	депасп	труб рубл	18	1,3	13,84	10	3,6	2,77	3,8	1,7	0,04	0,2	0,6	0,4	3	0	0	0	0
48	778-46	Иваньковский	погр 14	труб рубл	19	2,7	7,03	9	4,6	1,95	4,7	1,6	0,06	0,3	0,2	0,09	4,4	0	0	0	0
49	778-49	Курманский	погр 34	труб рублен	18	2,9	6,20	10	5	2	3,7	1	0,04	0,2	0,7	0,1	4	0	0	0	0
50	778-50	Курманский	погр 34	труб рублен	18	3,5	5,14	12	5,6	2,14	5,1	2,4	0,04	0,2	0,3	0,1	3,4	0	0	0	0
51	778-55	Безводнинский	депасп	труб рубл	18	4	4,5	7,4	3,9	1,89	4	1,4	0,05	0,2	5	0,3	3,2	0	0	0,01	0
52	739-28	Кораблино	погр 27б	навивка	16	3,1	5,16	11	2,4	4,58	3,5	1,2	1	0,3	8,7	7,5	2,6	0,06	0	0	0
53	739-30	Кораблино	погр 27а	навивка	16	2,6	6,15	11	2,4	4,58	5,5	1,3	0,9	0,3	9	14	4,8	0,03	0	0	0
54	739-31	Кораблино	погр 16	навивка	17	2,8	6,07	11	1,6	6,87	4,2	1,3	0,6	0,2	13	8,3	7	0,03	0	0	0
55	757-31	Заречье	погр 59	навивка	15	2,4	6,25	10	1,7	5,88	4,5	1,5	0,5	0,3	12	7,2	2,1	0,1	0	0	0,01
56	757-56	Никитино-В	погр 1	навивка	16	2,6	6,15	8	1,3	6,15	3,8	2,7	0,5	0,3	14	7,2	2,9	0,06	0	0	0
57	758-15	Никитино-В	погр 1	навивка	15	5,2	2,88	8	1,3	6,15	4,4	1,1	0,5	0,5	9	8	2,6	0,08	0,08	0	0,01
58	758-16	Никитино-В	погр 1	навивка	14	3,4	4,11	8	1,1	7,27	4,2	1,6	0,7	0,3	6,3	4,5	2,9	0,1	0,05	0	0,01
59	758-20	Никитино-А	погр 108	навивка	18	3,2	5,62	10	1,1	9,09	4	2,2	0,6	0,2	14	7,2	2,5	0	0,05	0	0,01
60	770-47	Заречье	погр 106	навивка	15	1,1	13,63	5,7	2,2	2,59	2,6	2,3	0,6	0,1	3,3	5,6	2,3	0,08	0,03	0	0,08
61	770-49	Заречье	погр 178	навивка	16	1,5	10,66	9	1,8	5	4,3	1,6	1	0,2	5	4,7	2,9	0,07	0,05	0	0,09
62	770-55	Заречье	погр 119	навивка	15	1,1	13,63	6,9	1,7	4,05	3,6	2,8	0,7	0,2	6	14	3,5	0,1	0,06	0	0,06
63	771-28	Шокшинский	погр 740	навивка	17	1,6	10,62	13	2,6	5	4	2,2	0,7	0,1	13	3,2	6,5	0,2	0	0	0,2
64	771-29	Шокшинский	погр 770	навивка	16	1,1	14,54	8	2,3	3,47	3,3	2,1	0,7	0,06	10	4,5	6	0,2	0	0	0,1
65	771-42	Старокадомский	погр 65	навивка	15	2	7,5	10	1,5	6,66	2,6	1,5	0,2	0,1	11	3,5	6,2	0,1	0	0,02	0,1
66	772-14	Селиксенский	погр 43	навивка	14	1,6	8,75	6,5	0,8	8,12	1,3	0,6	0,2	0,2	11	5,6	7	0,04	0,09	0	0,02
67	772-25	Армиевский	погр 158	навивка	14	3,2	4,37	14	1,9	7,36	2,7	2,4	1	0,3	13	11	4,9	0,1	0,1	0	0,08
68	778-48	Курманский	погр 41	навивка	17	1,8	9,44	7,2	0,9	8	2,8	4,2	0,7	0,09	19	15	6	0,2	0,2	0	0
69	739-26	Кораблино	погр 99	труб+щ	17	3,4	5	6,5	0,8	8,125	1,5	1	0,5	0,2	11	5,7	2,7	0,02	0	0	0
70	739-27	Кораблино	погр 99	палочка	16	3,8	4,21	8,2	1,2	6,83	2	1	0,5	0,1	10	4,8	3	0,01	0	0	0

Таблица 8. Изделия красного глухого стекла II хронологического горизонта. Химический состав стекла (окончание).

N	шифр	могильник	компл	технология	Na_2O	K_2O	Na_2O/K_2O	CaO	MgO	CaO/MgO	Al_2O_3	Fe_2O_3	MnO	TiO_2	PbO	SnO_2	CuO	CoO	Sb_2O_5	Ag_2O	NiO
71	739-29	Кораблино	погр 17а	труб+щ	17	3,8	4,47	8,2	1,5	5,46	2	0,9	0,3	0,4	7	2,3	2	0,01	0	0	0
72	758-21	Никитино-А	погр 18	труб+щ	18	4,6	3,91	14	3,1	4,51	4,8	1,7	0,5	0,3	4,4	3,9	2,2	0	0,03	0	0
73	758-22	Никитино-А	погр 18	труб+щ	17	3,6	4,72	13	1	13	3	1,3	0,6	0,2	2,2	1,6	1,3	0	0,05	0	0
74	758-23	Никитино-А	погр 18	труб+щ	18	5,5	3,27	13	0,6	21,66	3,2	1,3	0,6	0,3	13	4,3	2,8	0	0,05	0	0
75	770-54	Заречье	погр 119	труб+щ	16	1	16	8,1	1	8,1	2,5	2	1,2	0,1	2,6	4,4	1,4	0,01	0	0	0,06
76	771-14	Шокшинский	погр 604	труб+щ	16	2,3	6,95	10	1,6	6,25	2,8	1,5	0,9	0,2	5	0,9	0,9	0	0	0	0,02
77	771-44	Кужендеевский	погр 9	труб+щ	15	1,5	10	12	1,7	7,05	3,3	1,4	0,04	0,1	6,4	1	1,2	0,03	0	0	0,08
78	771-48	Желтухинский	погр 9	труб+щ	21	1,6	13,12	8	3,9	2,05	2,8	0,8	0,01	0,1	0	0	0	0	0	0	0
79	772-18	Селиксенский	погр 115	труб+щ	14	1,8	7,77	13	2,1	6,19	2,1	1,2	0,5	0,3	0,2	0,2	4,2	0	0,4	0	0

Никитино-А – раскопки И.Р. Ахмедова;
Никитино-В – раскопки Р.Ф. Ворониной.

Примечание: SiO_2 - основной во всех образцах;
Au не зафиксировано.

Технология изготовления бус:
труб+щ – из тянутой трубочки, со следами щипцов;
трубочка – из тянутой трубочки, без следов щипцов;
труб рубл – из тянутой трубочки путем отшибания (рубленый бисер);
однокр об – в технике однократного обертывания;
палочка – из тянутой палочки;
навивка – в технике навивки.

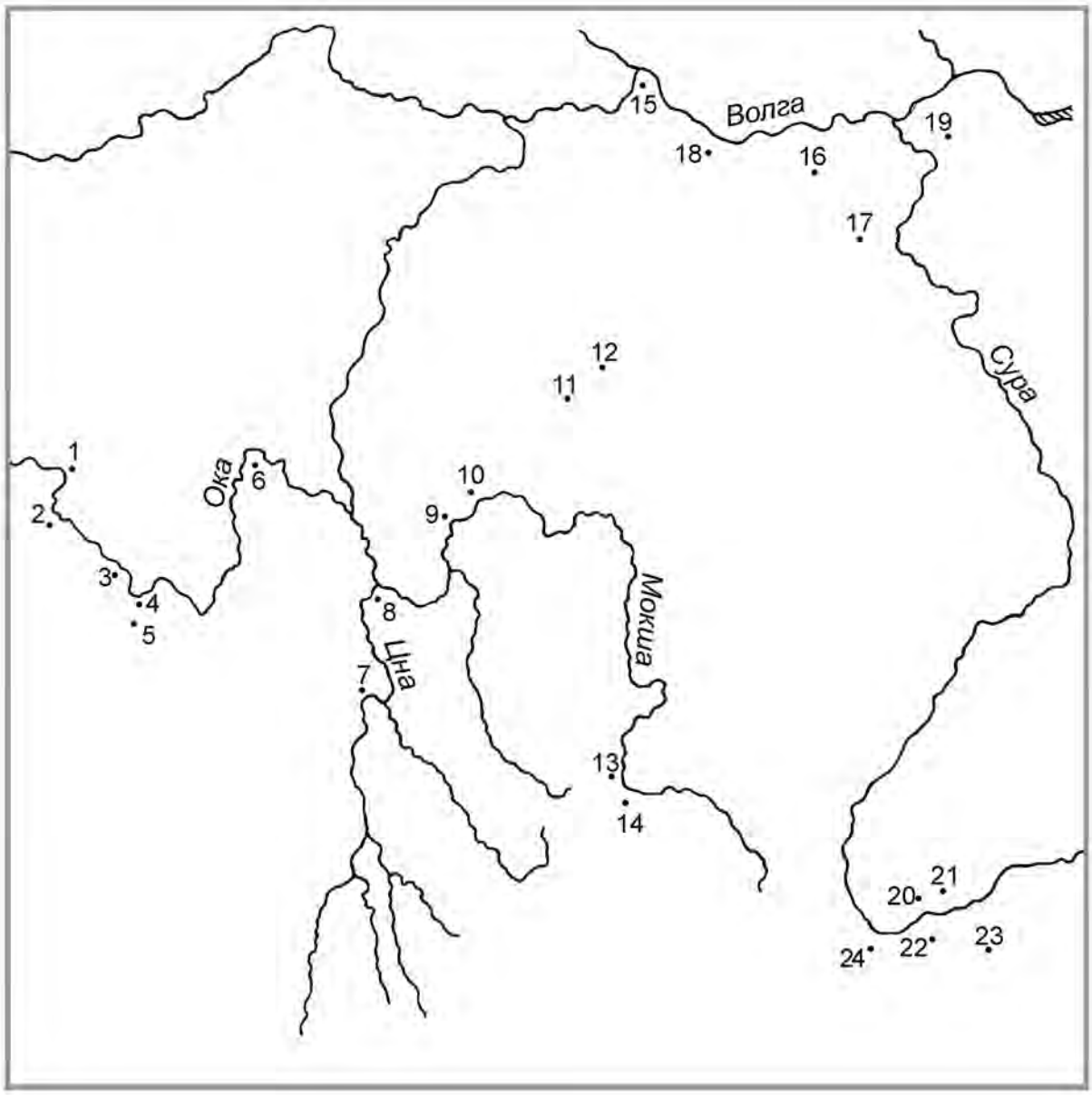


Рис. 1. Могильники Средней Оки и Окско-Сурско-Цнинского междуречья в III-VII вв. (по В.В. Гришакову).
1 – Кузьминский; 2 – Борковский; 3 – Кораблино; 4 – Никитинский; 5 – Заречье 4; 6 – Курманский; 7 – Польное-Ялтуново; 8 – Кошибеевский; 9 – Старокадомский; 10 -Шокшинский; 11 – Кужендеевский; 12 – Абрамовский; 13 – Тезиковский; 14 – Ражкинский; 15 – Желтухинский; 16 – Волчихинский; 17 – Сергачский; 18 – Безводнинский; 19 – Иваньковский; 20 – Селиксенский; 21 – Селиксо-Трофимовский; 22 – Шемышейский; 23 – Армиевский; 24 – Усть-Уза; 25 – Стексово.

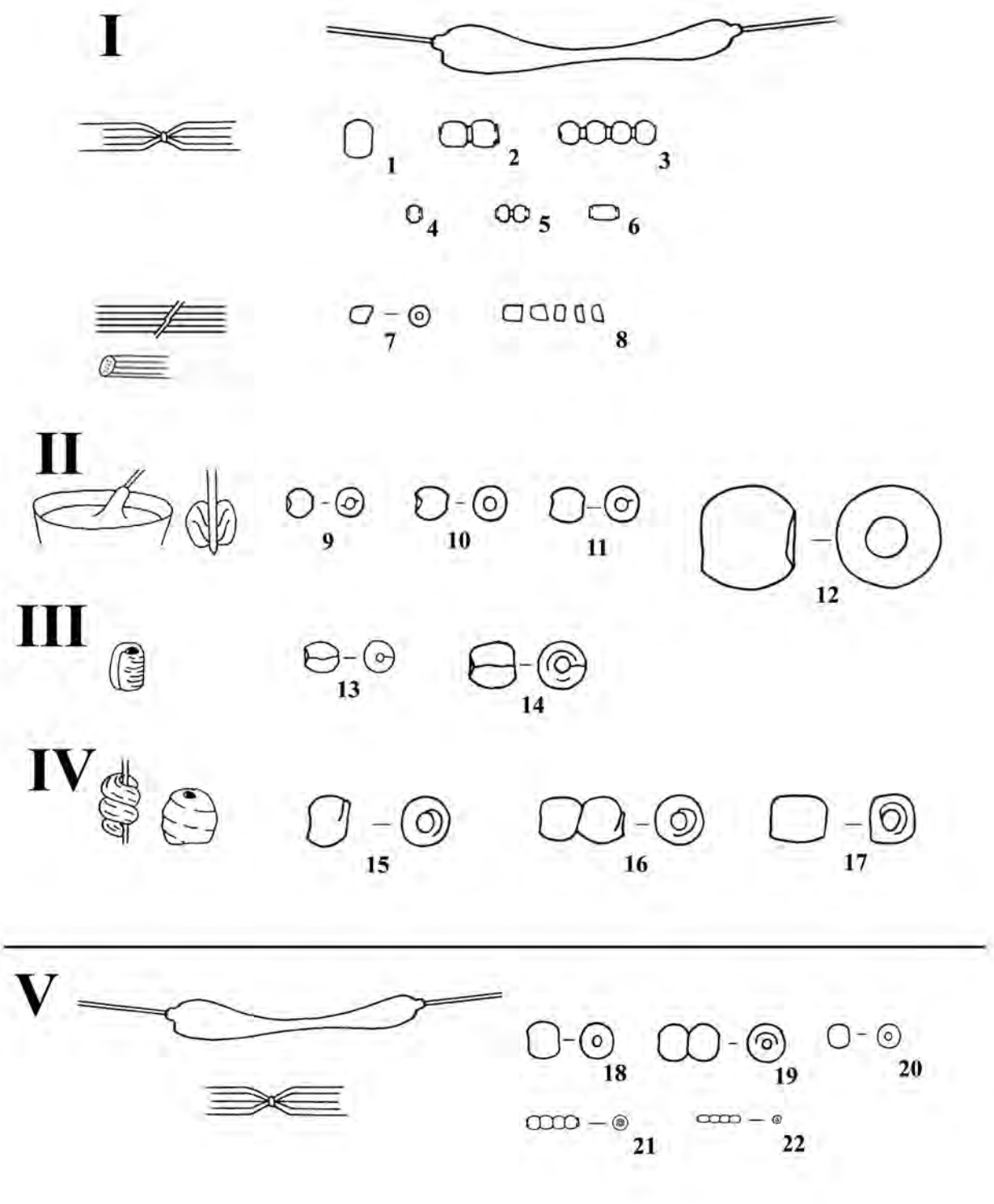
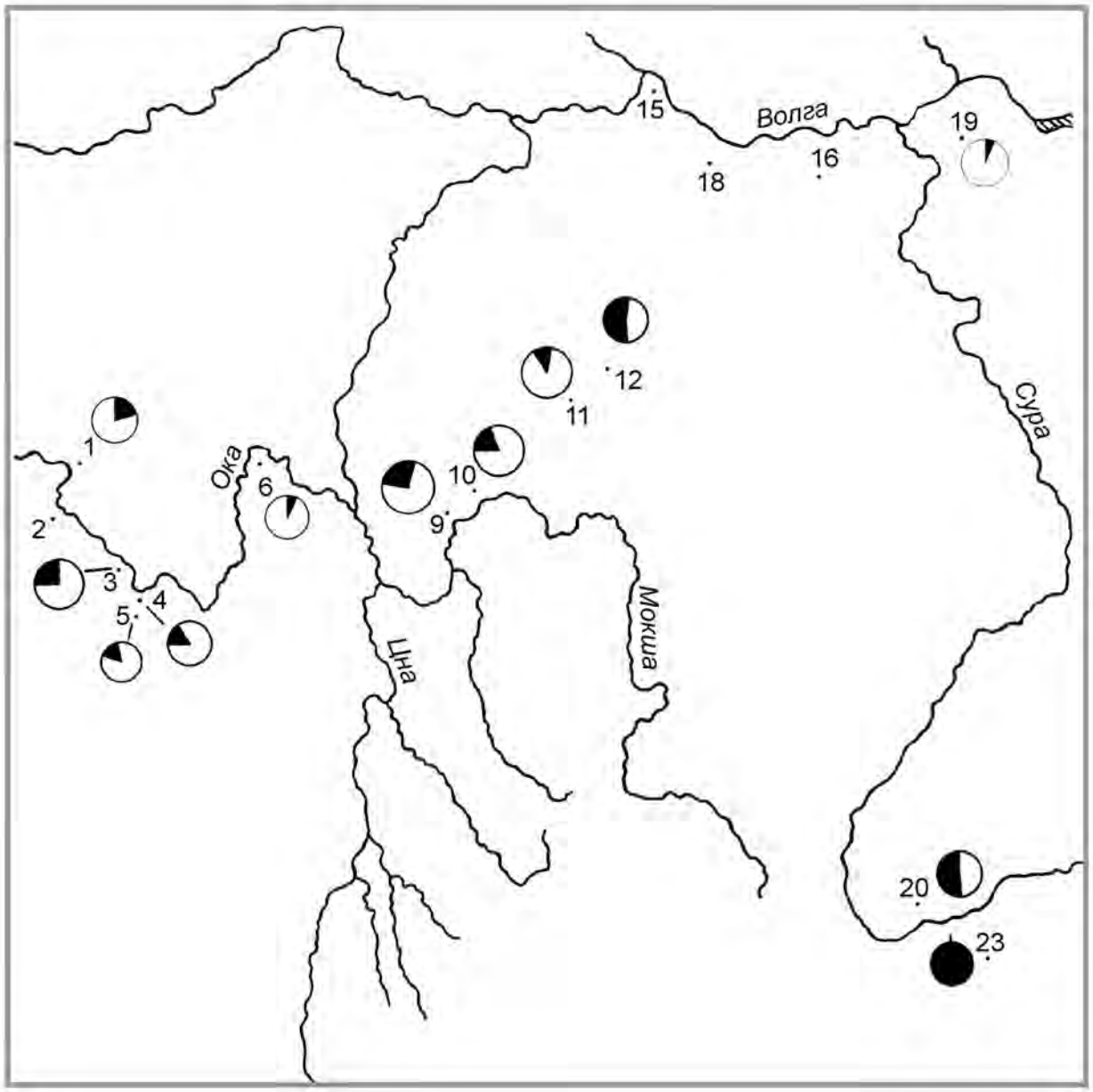


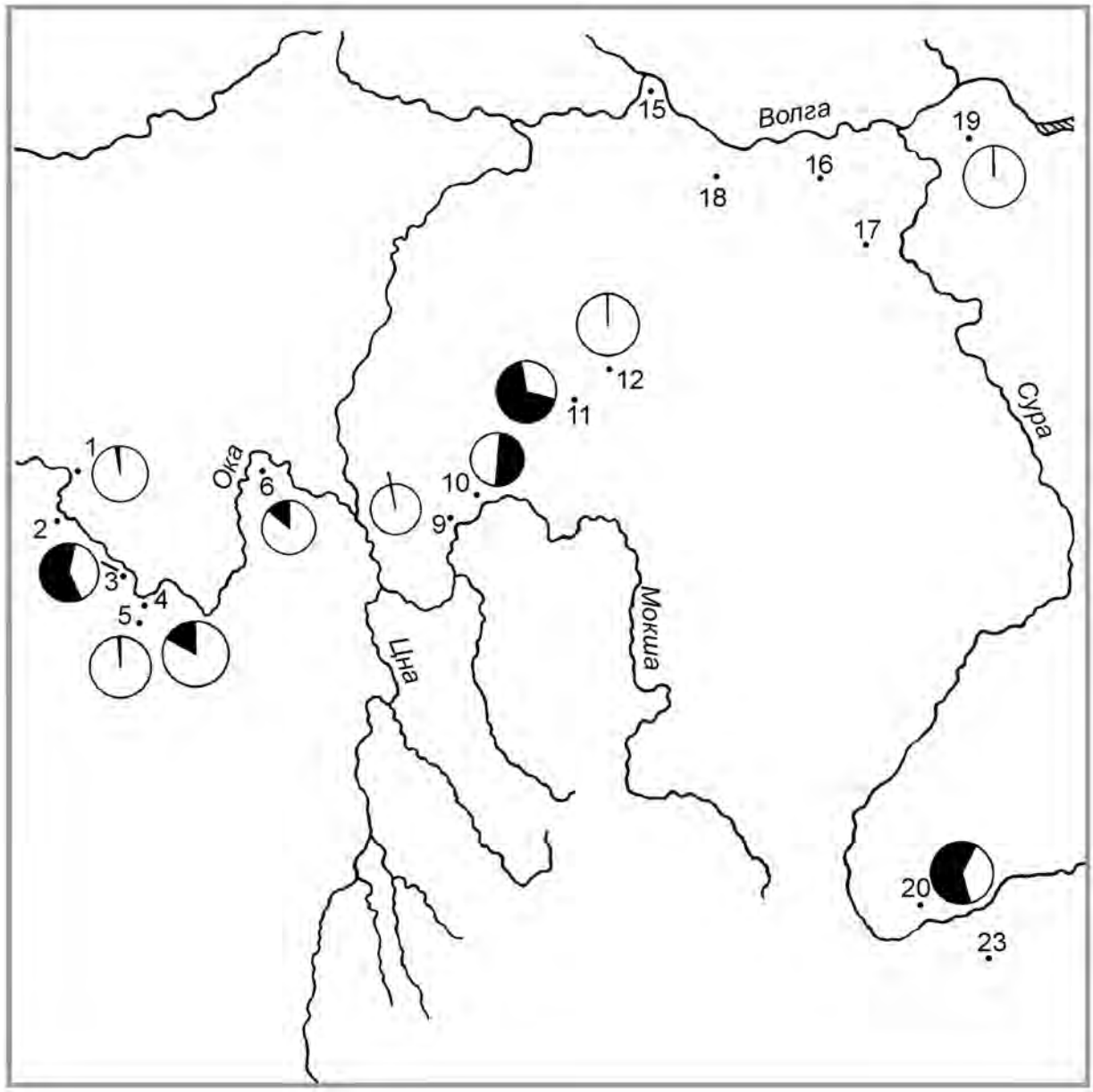
Рис. 2. Технологические группы бус массовых типов (по З.А. Львовой, 1979; 1980; 2000).
I-IV. Бусы, бисер и пронизи красного глухого стекла.
I. Отрезки тянутой трубочки; деление трубочки на части: 1-6 – при помощи щипцов или ножниц; 7-8 – отшибанием («рубленый» бисер).
II. Отрезки тянутой палочки (9-12).
III. Однократное обертывание (13-14).
IV. Навивка (15-17).
V. Золотостеклянные бусы и пронизи (отрезки тянутой трубочки; 18-22).
1-3, 6, 9-12, 18-22 – типы бус, характерные для I хронологического горизонта.
4-11, 13-17 – типы бус, характерные для II хронологического горизонта. Диагностические типы бус: 1, 3, 12, 18-22 – I хронологический горизонт; 7, 8, 13-17 – II хронологический горизонт.



бусы, изготовленные массовым способом (тянутая трубочка)

бусы, изготовленные индивидуальными способами (тянутая палочка, однократное обертывание, навивка)

Рис. 3. II хронологический горизонт. Соотношение бус красного глухого стекла, изготовленных индивидуальным и массовым способами.
Могильники: 1 – Кузьминский; 2 – Борковский; 3 – Кораблино; 4 – Никитинский; 5 – Заречье 4; 6 – Курманский; 9 – Старокадомский; 10 – Шокшинский; 11 – Кужендеевский; 12 – Абрамовский; 15 – Желтухинский; 16 – Волчихинский; 18 – Безводнинский; 19 – Иваньковский; 20 – Селиксенский; 23 – Армиевский.



тянутая трубочка+отшибание («рубленый бисер»)

тянутая трубочка+щипцы

Рис. 4. II хронологический горизонт. Соотношение различных типов бисера красного глухого стекла. Могильники: 1 – Кузьминский; 2 – Борковский; 3 – Кораблино; 4 – Никитинский; 5 – Заречье 4; 6 – Курманский; 9 – Старокадомский; 10 – Шокшинский; 11 – Кужендеевский; 12 – Абрамовский; 15 – Желтухинский; 16 – Волчихинский; 18 – Безводнинский; 19 – Иваньковский; 20 – Селиксенский; 23 – Армиевский.

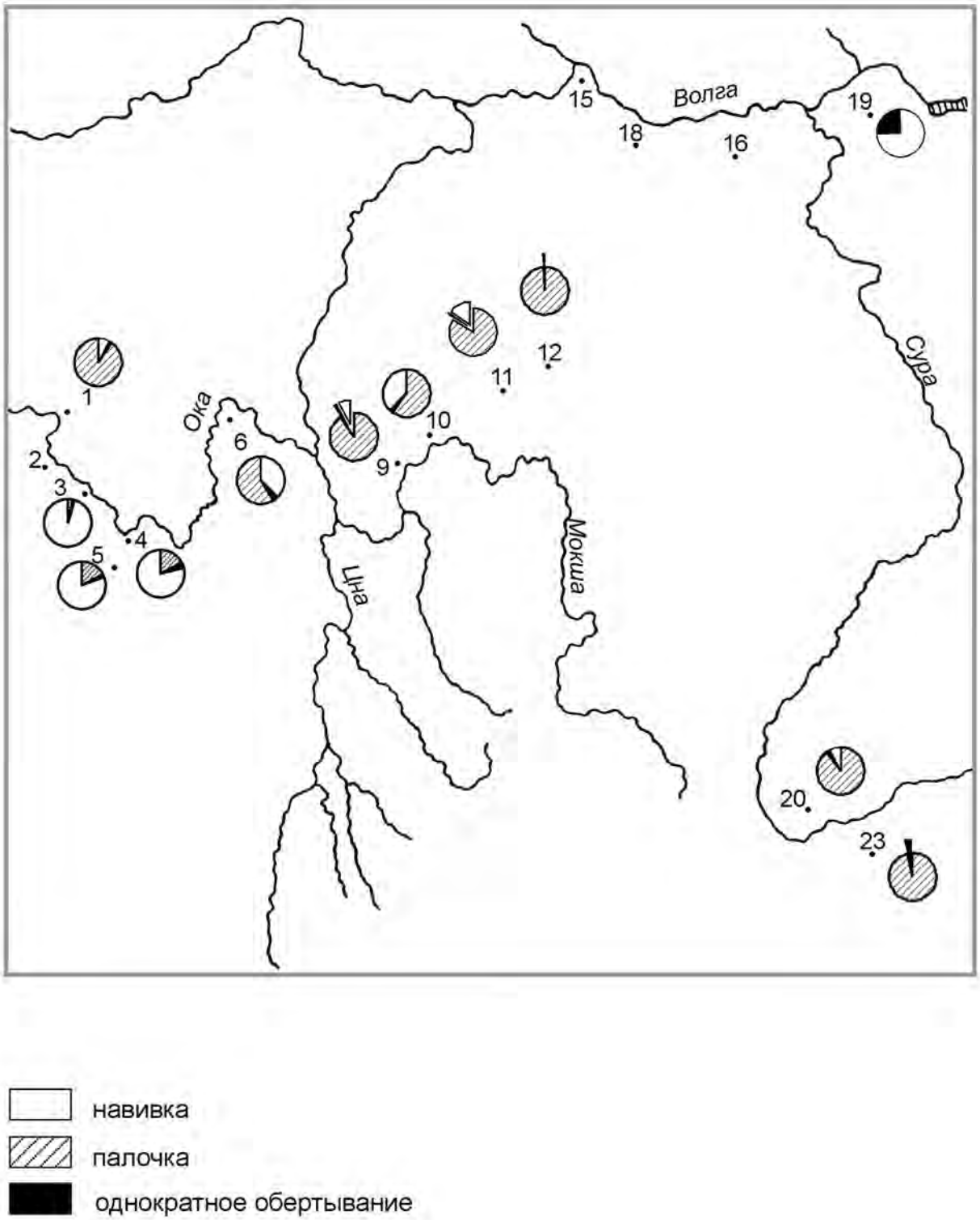


Рис. 5. II хронологический горизонт. Соотношение различных типов бус красного глухого стекла, изготовленных индивидуальным способом.
Могильники: 1 – Кузьминский; 2 – Борковский; 3 – Кораблино; 4 – Никитинский; 5 – Заречье 4; 6 – Курманский; 9 – Старокадомский; 10 – Шокшинский; 11 – Кужендеевский; 12 – Абрамовский; 15 – Желтухинский; 16 – Волчихинский; 18 – Безводнинский; 19 – Иваньковский; 20 – Селиксенский; 23 – Армиевский.

Новые памятники киевской культуры на территории Украины (каталог)[1]

(составители А.М. Обломский, Р.В. Терпиловский)[2]

Донецкая обл.

Славянский р-н

1. Богородичное. Поселение находится в 1 км к северо-западу от села в ур. Старица (рис. 1). Оно занимает песчаную дюну на левом берегу р. Северский Донец (левый приток р. Дон). Размеры поселения 200 x 100 м, высота над уровнем поймы – 2-3 м. Разведывательные раскопки М.Л. Швецова 1986 г. Исследовано четыре кострища и несколько хозяйственных ям. В 1989 г. М.Л. Швецов и О.М. Приходнюк вскрыли 354 кв. м. Обнаружено 6 полуземлянок и 32 хозяйственных ямы. Большинство объектов относится к пеньковской культуре раннего средневековья. Исключение составляет полуземлянка 4. Постройка имеет подпрямоугольную форму, размеры 4,2 x 3,7 м, углублена в грунт до 0,2 м. У северной и южной стен сооружения (примерно посередине) прослежены две ямки от столбов. Еще одна такая ямка находилась в центре постройки, примерно по одной линии с ними. Сооружение погибло от пожара. Слой угля с золой читался в заполнении полуземлянки. По линии ям от столбов прослежены остатки сгоревшей плахи – конька кровли, вдоль восточной и северной стен – еще две полосы угля (следы деревянных стен постройки). В северо-западном углу жилища расчищена печь, сделанная в подбое, выходившая за пределы котлована. Под размерами 1,6 x 1,2 м был вымазан глиной и хорошо обожжен. Возле печи прослежена овальная хозяйственная яма диаметром 1,1 м, глубиной 0,3 м от уровня пола. Стены ямы суживаются к плоскому дну, на дне лежал обожженный камень. Из заполнения котлована происходит груболепная керамика, в т.ч. фрагменты двух зерновиков с хроповатой поверхностью и заглаженной верхней частью, четыре пряслица, включая одно биконическое средней высоты с воронковидными основаниями, фрагмент черняховского гончарного сосуда и обломок ручки светлоглиняной амфоры [Приходнюк, Швецов, 1989, с. 8, 9, рис. 7].

В 1986 г. в культурном слое поселения была обнаружена бронзовая прогнутая подвязная фибула третьего варианта по А.К. Амброзу.

Краткие сведения о памятнике опубликованы, но поселение атрибутировано как чисто пеньковское [Приходнюк, 1998, с. 4]. Сомнения в принадлежности постройки 4 пеньковской культуре высказал А.М. Обломский. По его мнению, полуземлянки с печами, выходящими за пределы котлована (т.н. каминами), керамика с хроповатой поверхностью, пряслице с воронковидными основаниями характерны для киевской культуры периода черняховского влияния, а не для более позднего времени [Обломский, 2002, с. 37]. Место хранения материалов неизвестно.

Киевская обл.

Бориспольский р-н

2. Ячники-1. Многослойное поселение было расположено на дюнном возвышении края боровой террасы Днепра, рядом со старицей в его пойме, на запад от бывшего с. Ячники. Сейчас селище находится на левобережье Каневского водохранилища, в 10 км к югу от с. Сошникив. Обнаружен разведками Д.Я. Телегина, В.А. Круца, Д.Ю. Нужного 1979 г., было интерпретировано как памятник раннего железного века. В настоя-

---

[1] В настоящее издание вошли памятники, не включенные в свод [Терпиловский, Абашина, 1992]. Статья подготовлена при финансовой поддержке проекта РГНФ № 05-01-91114а/Ук.

[2] Авторство статей: Донецкая обл. – А.М. Обломский; Киевская обл.: Киево-Святошинский р-н – Р.В. Терпиловский (Иванков-1 и 2), О.В. Петраускас (Ходосовка); Бориспольский и Переяславский р-ны – М.В. Роздобудько; Обуховский р-н – А.М. Обломский; Сумская обл.: Кролевец, Шостка – Л.И. Белинская, В.Б. Звагельский; Роменский р-н – А.М. Обломский, Р.В. Терпиловский; Шосткинский р-н – Р.В. Терпиловский; остальное – А.М. Обломский; Харьковская обл. – А.М. Обломский; Черниговская обл. – Р.В. Терпиловский.

щее время сохранилась лишь часть памятника, культурные слои которого прослеживаются на протяжении 60 м в обнажении берега водохранилища, возвышаясь над уровнем последнего на 4-5 м. В 1996-2001 гг. охранные исследования здесь проводил М.В. Роздобудько. На выдувах культурного слоя и размывах собрана большая коллекция подъемного материала эпох бронзы и раннего железа, киевской культуры. Последний наиболее многочислен. В зачистке культурного слоя обнаружен котлован жилища, имеющий в профиле обнажения ширину 4 м и углубленный на 0,6 м в материк. Из заполнения котлована выбрано около 50 фрагментов груболепных сосудов киевского типа. Керамический комплекс поселения состоит преимущественно из цилиндроконических, округлобоких, биконических горшков с чуть отклоненными венчиками, украшенными пальцевыми вдавлениями или насечками. Обнаружено несколько сковородок-дисков с низкими бортиками (рис. 2). Из культурного слоя с киевской керамикой происходят также биконические ребристые лощеные пряслица, железный нож, точильные бруски. Поселение, по всей видимости, относится к раннему (дочерняховскому) этапу киевской культуры. Материалы киевского горизонта памятника частично опубликованы [Роздобудько, 2002, с. 233, 234], хранятся в фондах Национального историко-этнографического заповедника «Переяслав».

Киево-Святошинский р-н

3. Иванков-1. Поселение находится у юго-западной окраины села на невысоком сглаженном (высотой 2-3 м) левом берегу безымянного ручья – правого притока р. Сруб (правого притока р. Ирпень, правого притока р. Днепр) в 0,1 км к юго-востоку от моста, через который проходит проселочная дорога, ведущая к железнодорожной станции Малютинка. На занятом огородами участке длиной около 100 м местным краеведом В.Н. Дмитриевым в 1990-х годах собраны фрагменты груболепных сосудов с примесью шамота (в т.ч. венчики и днища), а также характерное уплощенно-биконическое глиняное пряслице киевской культуры. Находки хранятся в частной коллекции В.Н. Дмитриева.

4. Иванков-2. Поселение расположено между селами Иванков и Малютинка на правом берегу (высотой 4-5 м) безымянного ручья – правого притока р. Сруб (правого притока р. Ирпень, правого притока р. Днепр) к востоку от разрушенной дамбы, в уроч. Батькивщина. Значительно разрушено бульдозером при сооружении дамбы. На участке длиной около 50 м местным краеведом В.Н. Дмитриевым в 1990-х годах собраны фрагменты груболепных сосудов с примесью шамота (в т.ч. венчики и днища, имеются обломки с расчесами гребнем), фрагменты столовой миски черняховской культуры. Здесь также обнаружен небольшой обломок треугольной фибулы с красной эмалью.

Очевидно, поселения Иванков-1 и 2 входили в тот же «куст» памятников, что и поселение Глеваха (уроч. Гатка), расположенное в 1 км к югу от них. Находки хранятся в частной коллекции В.Н. Дмитриева.

5. Ходосовка. Поселение киевской культуры вблизи с. Ходосовка исследовалось в несколько этапов. На песчаной террасе, которая находилась к северу от села, в 1950 г. В.Н. Даниленко при осмотре траншей Великой Отечественной войны открыл остатки первого жилища с материалами «позднезарубинецкого» типа. В 1960-е годы исследователь неоднократно проводил здесь эпизодические раскопки. За это время им было изучено пять жилищ и получен разнообразный комплекс находок – керамика, пряслица, фибулы и пр. Три жилища были отнесены к позднезарубинецким по его терминологии (т.е. киевским) древностям, две постройки интерпретированы как колочинские на основе особенностей керамики и фибулы V в. Материалы из Ходосовки легли в основу созданной В.Н. Даниленко схемы развития материальной культуры на территории Среднего Поднепровья [Даниленко, 1976, с. 65-92].

В 1988-1989 гг. работы на памятнике продолжила Н.С. Абашина. Раскопки проводились на южной оконечности террасы в ур. Диброва, которая выходила в пойму р. Сиверко (Вита). На площади 1250 кв. м удалось исследовать одно жилище и три хозяйственных ямы киевской культуры. Из заполнения объектов и культурного слоя происходят многочисленные находки керамики, пряслица, глиняное грузило и пр. На основе найденных ранее бронзовых и железных подвязных фибул исследовательница датировала киевский горизонт памятника IV в. Материалы жилищ 3 и 5 рассматривались как переходные между киевскими, колочинскими и пеньковскими древностями. В ходе работ конца 1980-х годов было установлено также наличие нескольких культурно-хронологических горизонтов на памятнике – эпохи бронзы, раннего железного века, древнерусского времени [Абашина, 1999, с. 8-28].

В связи с началом строительных работ в 2003 г. на территории памятника были предприняты систематические исследования, которые продолжаются и до настоящего времени [Готун, Петраускас, 2005, с. 116-118; Готун и др., 2005, с. 112-116]. За три сезона раскопок было вскрыто около 4000 кв. м, исследованы объекты киевской культуры и получены многочисленные находки.

Как показали раскопки и шурфовка, культурный слой фиксируется практически без перерывов вдоль края первой надпойменной террасы левого берега р. Виты (Сиверки) в месте ее впаде-

ния в долину р. Днепр в 1 км к северу от северо-восточной окраины с. Ходосовка. Протяженность культурного слоя вдоль террасы составляет минимум 600-800 м. Ширина его от края террасы вглубь равнины на участках, где сохранилась естественная топография, составляет 40-60 м. Для удобства проведения археологических исследований вся эта территория была условно разделена на несколько участков и обозначена по номерам раскопов: I (ур. Диброва)[3], II (ур. Заплава), III (ур. Кордон) и т.д. (рис. 3). Находки с поверхности и из раскопов относятся к разным культурно-хронологическим периодам – от неолита до позднего средневековья. Материалы позднеримского времени представлены на всех раскопах и, соответственно, на разных участках террасы. Таким образом, предварительно часть террасы между селами Ходосовка и Лесники можно считать территорией одного поселения позднеримского времени. Площадь его могла составлять 3-4 га (рис. 3).

Терраса, где находится поселение киевской культуры, образована песками с подзолистыми грунтами разной мощности. В настоящее время ее поверхность покрыта хвойными и лиственными деревьями. Южная (раскопы I, II) и центральная (раскоп III) ее части сильно повреждены естественной эрозией поверхности и хозяйственной деятельностью. Чтобы максимально сохранить археологический памятник, раскопки в 2003-2006 гг. проводились именно на этих участках. Сильное разрушение культурного слоя, возможно, объясняет малое количество объектов киевской культуры, обнаруженных на раскопанной площади. Следует также упомянуть, что некоторые из них содержали материалы разных культурно-хронологических периодов. Это обстоятельство в некоторых случаях не позволяло однозначно определять их культурную принадлежность.

Сооружения. За три года раскопок исследовано девять объектов, которые безусловно относятся к киевской культуре. Среди них ямы и сооружения хозяйственного назначения, а также три жилища. Жилища прямоугольной формы площадью до 20 кв. м были углублены в материк до 0,8 м. Все они не имели углублений для центральных столбов. В некоторых из них зафиксированы остатки отопительных устройств в виде участков обожженного грунта.

Из заполнения сооружений и культурного слоя поселения происходит большое количество материалов киевской культуры: лепная посуда, пряслица, фибулы, пряжки, кресала и др., а также гончарная керамика черняховского типа. Описание основных категорий находок приводится ниже.

[3] Это южная часть террасы, которая выходит в долину р. Виты и у местного населения называется Диброва (рис. 3, раскоп 1). В 1980-х годах на этом месте проводила раскопки Н.С. Абашина. Места раскопов В.Н. Даниленко локализовать не удалось.

Керамика. Горшки представлены биконическими и слабо профилированными формами (рис. 6; 7). Большинство сосудов характеризуется грубой обработкой поверхности желто-рыжего или коричневого цветов. В глине, как правило, в качестве примеси присутствует шамот. Характерными особенностями нижних частей горшков являются внешняя закраина в месте соединения стенки и дна, вертикальные следы заглаживания внешней поверхности, низкая широкая полоса-выступ на дне и др. Отдельные формы украшены по венчику нарезками, пальцевыми вдавлениями или защипами по тулову. Внешняя поверхность некоторых сосудов покрыта расчесами, нанесенными гребнем или травой. Миски представлены фрагментами биконических форм с острым ребром. Поверхность их лощеная, черного или коричневого цветов. Один из обломков украшен «геометрическим» орнаментом. Подобные формы встречаются на позднезарубинецких и раннекиевских памятниках (рис. 5: 3). Из культурного слоя происходят несколько обломков глиняных дисков с небольшим бортиком, однако их принадлежность к киевской культуре не однозначна, т.к. такие же изделия известны и в раннесредневековое время. Черняховская гончарная посуда в большинстве своем представлена обломками столовых сосудов. Фрагменты принадлежали округлобоким мискам глубоких пропорций и кувшинам. Вся керамика – очень тщательного изготовления и имела лощеную поверхность черного цвета (рис. 5: 4-7).

Индивидуальные находки. Наиболее многочисленную категорию их составляют пряслица. Они имеют характерную уплощенную форму и широкое отверстие, лощеную поверхность коричневого или желтого цветов. Часть из них орнаментирована наколами или линиями, а также каннелюрами разных типов (рис. 5: 8-12, 15-17). К римскому времени относится асимметрично-биконическое пряслице с вдавленной торцовой площадкой. Подобные формы характерны для ранних памятников киевской и черняховской культур, известны они также и в пшеворской культуре.

Фибулы изготовлены из железа и бронзы или из комбинации обоих металлов. Большинство их имеют двучленную конструкцию и подвязную ножку (рис. 4: 1, 4-7, 9). Корпус может быть гладким или фасетированным. С раскопа I происходит единственная одночленная фибула с подвязной ножкой. Кроме этого, в культурном слое найден обломок бронзовой фибулы со сплошным приемником и ромбовидной ножкой. Наконечники ремней представлены двумя экземплярами из бронзы и железа (рис. 4: 3, 8). Один из них изготовлен из пластины, согнутой вдвое. Второй сделан из двух пластин, соединенных заклепкой. Пряжки представлены двумя экземплярами (рис. 4: 2, 10). Первая имеет биовальный корпус, рамка

второй – калачиковидной формы, обойма прямоугольная. Кресала изготовлены из массивных железных пластин. Рабочий край у них – утолщенный, противопожный загнут в петлю для подвешивания (рис. 5: 13, 14).

Основой для ***датирования*** римского горизонта многослойного поселения Ходосовка являются находки фибул, пряжек, наконечников ремней, гончарной черняховской керамики. Важное значение имеют особенности лепной посуды.

Наконечник ремня из бронзы – удлиненной формы с узким окончанием (рис. 4: 8). Подобные изделия можно отнести к первой половине III в. [Малашев, 2000, с. 209; Вадаи, Кульчар, 1984, с. 258]. Пряжка биовальной формы (рис. 4: 10) по аналогиям в черняховских древностях датируется второй половиной III – началом IV в. [Гороховский, 1988в, с. 43]. Не противоречат этой дате и западноевропейские аналогии [Keller, 1972, S. 179, Abb. 57: 18; 59: 1-3]. Бронзовая фибула подвязной конструкции совмещает в себе признаки гладких и фасетированных изделий (рис. 4: 7). Ее корпус изготовлен из прямоугольного в сечении бруска, первичная форма которого сохранилась возле головки. Остальная часть корпуса гладкая, треугольная в сечении. По типологии Е.Л. Гороховского она относится к типу А3 и датируется фазой II (конец III – начало IV в.). С этим же временем следует связывать железную фибулу с гладким корпусом. Сечение ее спинки, вероятнее всего, имело ромбовидную форму (рис. 4: 9).

Обломок ножки бронзовой фибулы со сплошным ромбовидным приемником (рис. 4: 5) с внешней стороны украшен нарезками. Спинка была фасетированной, сегментовидной в сечении. Подобные формы ножек характерны для двущитковых фибул позднеримского времени. Например, аналогичные формы щитков имеют фибулы из Косаново (погр. 21-1961), Августиновки, Богданешть и др. По комплексу захоронения в Косаново подобные фибулы можно датировать фазой С3 и, вероятнее всего, первой половиной IV в. н.э. [Gavritukhin, 2002, p. 115, fig. 1: 15, 18, 20; Petrauskas, 2003, S. 265]. К IV в. следует относить железную фибулу подвязной конструкции с фасетированным корпусом (рис. 4: 6). Ее поверхность сильно окислена, поэтому некоторые детали конструкции восстановить сложно. Калачиковидная пряжка из бронзы имеет большое количество аналогий в материалах черняховской культуры, где они датируются второй половиной IV – началом V в. н.э. (рис. 4: 2) [Гороховский, 1988в, с. 34-46]. Интересный экземпляр фибулы найден в культурном слое поселения. Корпус ее сделан из железа, а пружина и игла – из бронзы (рис. 4: 1). Спинка симметрично выгнута и несколько сужена со стороны приемника. Возможно, сечение бруска у головки было прямоугольным, в центре спинки – полукруглым. Приемник отсутствует, но не исключено, что он был сплошным и, учитывая длину иглы, коротким. Сохранность фибулы не позволяет точно определить ее тип и время существования. Если учесть похожую фибулу из раскопок В.Н. Даниленко в ур. Диброва, которая хорошо сохранилась, то можно предположить, что и фибула из ур. Заплава может быть датирована в пределах V в.

Наконечник ремня из двух железных пластин, которые соединены заклепкой, имеет почти прямоугольную форму с округлым окончанием (рис. 4: 3). Подобные детали ремней были распространены в сарматских древностях степной зоны Юго-Восточной Европы и Крыма в III-V вв.

На участке «Диброва» в культурном слое найдена железная фибула одночленной конструкции с подвязной ножкой (типа Альмгрен-158) (рис. 4: 4). Подобные изделия редко встречаются в культурах лесостепной и лесной зон Юго-Восточной Европы. В Центральной Европе фибулы одночленной конструкции с подогнутой ножкой и верхней тетивой существуют достаточно долго – от периода С1 до D [Godłowski, 1970, p. 17-27]. Уточнить дату экземпляра из Ходосовки позволяет комплекс погребения 131 могильника черняховской культуры Чернелив-Русский. Здесь найдены фибулы одночленной и двучленной конструкции. Двучленная имела гладкий корпус с круглым сечением, что позволяет синхронизировать ее с фазой С2 и датировать III в. [Гороховский, 1988в, с. 34-46; Герета, 1989, с. 283-313].

Таким образом, хронологический горизонт, который представлен находками в Ходосовке, охватывает практически весь позднеримский период и начало эпохи Великого переселения народов. Тем не менее большинство датирующих вещей относится ко времени в пределах III – начала IV в. С этим наблюдением хорошо согласуется преобладание среди гончарной керамики столовой черняховской посуды высокого качества изготовления.

По основным чертам материального комплекса (керамика, пряслица), характеру построек и топографии поселение в Ходосовке входит в круг памятников киевской культуры Среднего Поднепровья (Казаровичи, Новые Безрадичи, Обухов-2 и др.). Может быть, следует отметить, что специфику киевского поселения в Ходосовке составляет относительно большое количество индивидуальных находок, причем часть из них для черняховской и киевской культур редки. Здесь присутствуют вещи, которые характерны для сарматских древностей (наконечники поясов) и культур Центральной Европы (биовальная пряжка, кресала).

Материалы раскопок В.Н. Даниленко и Н.С. Абашиной хранятся в Институте археологии НАНУ, 2003-2006 гг. – в Киевском национальном педагогическом университете им. М.П. Драгоманова.

Обуховский р-н

6. Обухов-1. Поселение находится на расстоянии 2 км на север от центра города. Занимает часть плато и склоны балки, где протекает р. Нетека (правый приток р. Красная, правого притока р. Днепр). Вдоль северного склона балки проходит автодорога Киев – Обухов – Кагарлык и железнодорожная колея Триполье – Григоровка. В южной части памятника сооружены нефтеналивная база и склад строительных материалов, остальная часть территории занята садово-огородными участками и распахана. Поселение открыто в 1969 г. Н.М. Кравченко. Раскопки его продолжались с перерывами до 1991 г. Вскрыто около 4000 кв. м [Магомедов, Абашина, Солтис, 2003, с. 49].

На памятнике преобладают материалы черняховской культуры. Обломки толстостенных лепных сосудов с насечками по краю, а также высокая лепная лощеная миска с зигзаговидным профилем и прочерченным по поверхности орнаментом, характерные для ранней фазы киевской культуры, происходят из двух скоплений обожженной глиняной обмазки в культурном слое (объекты 9 и 12). Материалы опубликованы [Кравченко, Петраускас, Шишкин, Петрасукас, 2007, с. 179, 180, 182, 183]. Источниковедческий анализ материала из них см. в издании [Абашина, Обломский, Терпиловский, 1999, с. 88, 89]. Коллекция находок хранится в Киевском национальном педагогическом университете им. М.П. Драгоманова.

Переяславский р-н

7. Биле Озеро-1. Поселение находится в 2,5 км южнее с. Цыбли. Расположено на краю останца боровой террасы Днепра возле старицы в пойме его левого берега. По материалам из размывов культурного слоя прослеживается вдоль берега Каневского водохранилища на 300 м. Высота над уровнем поймы – 2-3 м. Памятник многослойный. Содержит материалы эпох энеолита, бронзы, раннего железа. В размывах собрана коллекция находок киевской культуры. Керамический комплекс киевского горизонта поселения составляют обломки нескольких десятков сосудов, дающие представление об их формах и размерах. Превалируют округлобокие и биконические горшки с чуть отогнутыми наружу венчиками, иногда украшенными пальцевыми вдавлениями или насечками. Сосуды – преимущественно толстостенные, с бугристой, растресканной поверхностью. На некоторых горшках заметны следы заглаживания щепкой. Один из обнаруженных фрагментов принадлежит биконическому ребристому подлощенному сосуду. Найдены также железная шпилька посоховидной формы и железная двучленная фибула (рис. 8). Фибула датируется в широких пределах IV в. н.э. В связи с наличием позднезарубинецкого горизонта, а также присутствием в киевском комплексе раннекиевских типов керамики, фибулы IV в. и некоторых раннепеньковских форм сосудов, поселение можно датировать концом первой – второй четвертью I тыс. н.э. Материалы киевского горизонта поселения частично опубликованы [Роздобудько, 2002, с. 235, 236], хранятся в фондах Национального историко-этнографического заповедника «Переяслав».

8. Гать-1. Многослойное поселение расположено в 4 км на северо-запад от с. Цыбли. Занимает окраинную часть массива боровой террасы Днепра возле заболоченной старицы в 0,5 км от склона лессовой террасы. Оконтуренная по поверхности площадь поселения – 100 x 50 м, хотя, вероятно, оно занимало в несколько раз большую территорию. Возвышается над уровнем старицы на 2-3 м. Обнаружено разведками М.В. Роздобудько 1994-1995 гг. Размывается заливом Каневского водохранилища, образовавшимся на месте старицы. На протяжении 1994-2000 гг. М.В. Роздобудько проводились охранные исследования, в том числе раскопки небольшими площадями. Собрана большая коллекция подъемного материала эпох энеолита, бронзы, раннего железного века. Поселение позднеримского времени образует два хронологических горизонта, хотя они стратиграфически не зафиксированы. Ранний горизонт представлен ямой хозяйственного назначения размером 1,0 x 1,2 м глубиной 0,7 м. В ее заполнении обнаружена исключительно груболепная керамика раннекиевского облика: обломки 10-12 толстостенных широко открытых горшков с высоким и средним плечом и сравнительно узким днищем, а также биконических. Венчики сосудов чуть отогнуты наружу, иногда украшены пальцевыми вдавлениями или насечками. Поверхность большинства сосудов имеет выразительные следы заглаживания каким-то орудием типа щепки. Из подъемных материалов к раннему горизонту, вероятно, относятся также фрагменты плавно отогнутых наружу венчиков с насечками (рис. 9: 2-5). Ранний горизонт памятника можно датировать первой половиной – серединой III в. н.э. Материалы позднего горизонта поселения обнаружены в раскопе площадью 20 кв. м, где исследованы остатки небольшой постройки размерами 2 x 3 м, возможно, жилища, с многочисленными находками печины и камней в заполнении. Из культурного слоя и заполнения постройки происходят обломки лепных сосудов и гончарной керамики черняховского типа (рис. 9: 1). Последняя превалирует. Обнаружено несколько фрагментов позднеримских амфор неопределенного типа. Среди находок, собранных в размыве, выделяются фрагмент подлощенной биконической ребристой миски и обломок лощеного биконического пряслица, орнамен-

тированного свастикой и треугольниками из наколов (рис. 9: 6, 7). Верхний горизонт поселения, вероятно, относится к поздней фазе киевской археологической общности периода черняховского влияния или к черняховской культуре [Роздобудько, 2001]. Коллекция находок хранится в фондах Национального историко-этнографического заповедника «Переяслав».

9. Городок-3. Поселение находится на берегу Каневского водохранилища, в 2 км западнее с. Цыбли. Занимает склон дюнного массива на краю боровой террасы Днепра, возвышаясь на 2-3 м над его поймой. Вдоль берега водохранилища по размывам линз культурного слоя поселение прослеживается на 150 м. Западная его часть совпадает по площади с памятниками эпох энеолита и бронзы. Обнаружено и обследовано в ходе охранных работ на левобережье Каневского водохранилища М.В. Роздобудько в 1998, 1999, 2000-2001 гг. В размывах собрано более 150 фрагментов лепных сосудов киевской культуры. Кроме того, из заполнения размытой ямы хозяйственного назначения происходят фрагменты более двух десятков лепных горшков. Керамический комплекс поселения очень близок к набору сосудов нижнего горизонта поселения Гать-1. Основную часть набора составляют груболепные горшки округлобоких и биконических форм с короткими шейками и слегка выгнутыми наружу венчиками, часто украшенными пальцевыми вдавлениями, реже насечками. Сравнительно много находок фрагментов подлощенных горшковидных и ребристых мисок. Из заполнения ямы происходят обломки четырех мисок. Среди подъемных материалов встречаются пряслица, как плоские биконические, так и дисковидные, изготовленные из стенок сосудов. Обнаружен также один фрагмент днища гончарного сосуда черняховского типа (рис. 10). Поселение, вероятно, относится к ранней стадии киевской культуры. Краткие сведения о киевском горизонте памятника опубликованы [Роздобудько, 2002, с. 235]. Материалы хранятся в фондах Национального историко-этнографического заповедника «Переяслав».

10. Комаривка-Василькив. Поселение находится в 6 км на юго-запад от бывшего с. Комаривка (в 7 км от современного с. Липляве Каневского р-на) на берегу старицы в пойме левого берега Днепра, недалеко от его основного русла. Жилища и хозяйственные постройки позднеримского времени обнаружены в ходе раскопок средневекового поселения А.И. Кубышевым в 1964-1968 гг. Намечаются два горизонта позднеримского времени. Из заполнения хозяйственной ямы 26 происходят многочисленные обломки исключительно груболепной керамики киевского типа – толстостенных горшков с едва отогнутыми наружу закругленными венчиками и следами грубого заглаживания или расчесов на бугристой поверхности. По внешнему облику керамика аналогична посуде нижнего горизонта поселения Гать-1 и, вероятно, относится к раннему дочерняховскому этапу киевской культуры. Обнаружены также остатки квадратных жилищ с глинобитными печами, из заполнения которых происходят многочисленные фрагменты гончарной черняховской керамики вместе с лепной раннеславянской. По находке разломанной арбалетной фибулы А.И. Кубышев датировал жилища поздним этапом черняховской культуры. Краткие сведения о памятнике и материалах позднеримского времени опубликованы [Бєляєва, Кубишев, 1995, с. 5, 48]. Большая часть материалов хранится в фондах Национального историко-этнографического заповедника «Переяслав».

11. Крутуха-Жолоб. Поселение находится на западной окраине г. Переяслава, возле хутора Коммуна. Занимает верхний край второй надпойменной террасы Днепра вблизи устья оврага Жолоб. Размеры поселения позднеримского времени – 500 x 70 м, высота над уровнем расположенной у подножия склона террасы р. Карань (древней старицы Днепра) – 8-10 м. Памятник многослойный. Большую часть территории занимает поселение трипольской культуры. Селище позднеримского времени обнаружено и обследовано разведками Г.Н. Бузян, А.В. Колыбенко, Н.Т. Товкайло, Д.А. Тетери 1992 г. В 1997 г. в ходе раскопок Г.Н. Бузян поселения трипольской культуры обнаружены и частично расчищены остатки четырехугольной ямы размерами 2,1 x 0,9 м и глубиной 0,75 м, возможно, принадлежавшей жилищу. Из заполнения выбрано около 30 фрагментов сосудов. Пять из них принадлежали гончарным сероглиняным сосудам, остальные – груболепным горшкам киевского и раннепеньковского облика (рис. 11: 1-5). Найдены в числе прочих фрагмент миниатюрного сосуда биконической ребристой формы и обломок корчаги с цилиндрическим корпусом, украшенной ребристым валиком и вертикальным налепом. Из культурного слоя поселения происходят также несколько фрагментов груболепных горшков раннеславянского круга, залегавших совместно с гончарной черняховской керамикой. В ходе раскопок Г.Н. Бузян 2000 г. обнаружены остатки наземного жилища позднеримского времени площадью 15-20 кв. м с развалом глинобитной печи. По находке фрагмента бронзовой двучленной «воинской» фибулы в заполнении жилища (рис. 11: 6) постройку можно датировать второй половиной IV в. н.э. Из заполнения постройки, в том числе из вымостки печи, происходят несколько сотен фрагментов груболепных и гончарных сосудов. Соотношение обломков лепных и гончарных сосудов – примерно 1:10. Обломки лепных горшков однотипны обнаруженным ранее в заполнении ямы и культурном слое. В целом леп-

ная керамика поселения Крутуха-Жолоб имеет черты сходства с раннепеньковской и близка керамическому комплексу черняховского поселения Хлопков-1 на Трубеже. По имеющимся материалам поселение можно отнести к поздней фазе киевской культуры периода черняховского влияния либо к памятникам киевской традиции в черняховской культуре. Краткие сведения о памятнике опубликованы [Петрашенко, Козюба, 1999, с. 245]. Коллекция находок хранятся в фондах Национального историко-этнографического заповедника «Переяслав».

12. Лецьки-Переходенка. Многослойное поселение находится в центре с. Лецьки, на правом берегу р. Броварка (левый приток р. Трубеж, левого притока р. Днепр), в урочище Переходенка. Размеры поселения по сборам подъемного материала – 100 x 80 м, высота над уровнем поймы – 1-2 м. Обнаружено А.В. Юрченко в 1997 г. На распаханной поверхности собраны единичные обломки сосудов эпохи бронзы, а также многочисленная груболепная керамика римского времени – позднезарубинецкого и киевского периодов. Среди керамики киевской культуры около 15% составляют фрагменты почти вертикальных венчиков с пальцевыми вдавлениями. Остальные обломки представлены отогнутыми наружу либо прямыми венчиками закругленной и горизонтально срезанной формы, часто с утолщением. Много массивных, утолщенных днищ, нередко с закраинами. Обнаружены фрагменты двух биконических пряслиц и одно лощеное высокое ребристое. Также найдено днище сероглиняного гончарного сосуда с шероховатой поверхностью (рис. 12). Поселение можно датировать ранним (дочерняховским) этапом киевской культуры, возможно, на нем имеется позднезарубинецкий горизонт. Краткие сведения о памятнике опубликованы [Вовкодав, Юрченко, 2003, с. 63]. Материалы хранятся в фондах Национального историко-этнографического заповедника «Переяслав».

13. Цыбли-Церква. Многослойный памятник находится на южной окраине с. Цыбли, возле развалин церкви старого села, на полуострове, окруженном водохранилищем и его заливами. Занимал узкую полосу вдоль гребня островной возвышенности в пойме заболоченной старицы Днепра Цыбля. В начальной фазе размыва обнаружен разведками Д.Я. Телегина, В.А. Круца, Д.Ю. Нужного 1979 г. С 1980 по 1983 г. А.П. Савчуком в размывах собрана большая коллекция подъемного материала, относящегося к эпохам энеолита, бронзы, раннего железа, римского и средневекового времени. С 1995 по 2001 г. охранные работы на памятнике проводил М.В. Роздобудько. Значительную часть собранных коллекций составляют материалы римского времени: фрагменты груболепных и лощеных сосудов, гончарная черняховская посуда, обломки амфор. Груболепная керамика представлена горшками позднезарубинецкого и киевского облика, а также сковородками-дисками с невысокими бортиками. Есть ребристые, биконические лощеные миски и пряслица. Среди амфорного боя преобладают фрагменты относительно ранних римских амфор с профилированными ручками и позднеримских инкерманского типа (рис. 13). Материалы свидетельствуют о наличии на поселении позднезарубинецкого и киевского горизонтов. Последний включает древности как раннего этапа киевской культуры, так и более позднего (периода черняховского влияния). Краткие сведения о памятнике опубликованы, на нем выделен черняховский горизонт [Петрашенко, Козюба, 1999, с. 266; Магомедов, Абашина, Солтис, 2003, с. 66]. Материалы хранятся в фондах Национального историко-этнографического заповедника «Переяслав».

Сумская обл.

Бурынский р-н

14. Гвинтовое-1. Селище находится в 1 км к северо-востоку от восточной окраины с. Гвинтовое на краю террасы левого берега безымянного ручья – левого притока р. Сейм (левого притока р. Десна, левого притока р. Днепр), в том месте, где его русло пересекает край террасы левого берега Сейма. Размеры поселения – 280 x 50 м, высота от уровня поймы Сейма – 1-2 м. Разведка А.М. Обломского, Р.В. Терпиловского и В.В. Приймака 1990 г. Коллекция подъемного материала состоит из груболепной керамики с примесью шамота и дресвы в тесте (в т.ч. и обломка венчика с пальцевыми вдавлениями по краю), фрагмента стенки черняховского гончарного сосуда, изготовленного на круге керамики эпохи Киевской Руси. Горизонт римского времени селища, скорее всего, относится к поздней фазе киевской культуры (периода черняховского влияния). Сведения о памятнике публикуются впервые. Коллекция находок хранится в Сумском краеведческом музее.

15. Пески-4. Поселение расположено на краю мыса первой надпойменной террасы левого берега р. Сейм (левый приток р. Десны, левого притока р. Днепр) в 1,2 км к юго-западу от северо-западной окраины с. Пески, вытянуто вдоль опушки соснового леса. Размеры селища – 300 x 50 м, высота над уровнем поймы – 1-2 м. Разведка А.М. Обломского, Р.В. Терпиловского и В.В. Приймака 1990 г. На большей части памятника культурный слой снят бульдозером либо уничтожен ямами для забора песка. На поверхности поселения собрана керамика эпох неолита, бронзы и раннего железного века. К римскому времени относятся обломки слабопрофилированных лепных сосудов с примесью шамота в тесте,

причем венчики некоторых из них орнаментированы насечками по краю, фрагменты плоских дисков, обломок стенки красноглиняной амфоры. Найдено также точило из ручки сероглиняного гончарного сосуда. Раннеславянский горизонт памятника, скорее всего, относится к поздней фазе киевской культуры (периода черняховского влияния). Сведения о поселении публикуются впервые. Материалы хранятся в Сумском краеведческом музее.

16. Шевченково-1. Селище расположено в 2 км к северу от северной окраины с. Шевченково на мысу первой надпойменной террасы левого берега р. Сейм (левый приток р. Десна, левого притока р. Днепр). Размеры поселения – 400 x 100-150 м, высота от уровня поймы – 1-2 м. Разведка А.М. Обломского, Р.В. Терпиловского и В.В. Приймака 1990 г. На поверхности собрана керамика эпохи бронзы, а также фрагменты слабопрофилированных груболепных сосудов с примесью шамота в тесте, в т.ч. обломок венчика горшка с пальцевыми вдавлениями по краю, фрагменты плоского диска и стенки сосуда с хроповатой (искусственно ошершавленной) поверхностью. Горизонт римского времени памятника, скорее всего, относится к начальным фазам киевской культуры (III в. н.э.). Сведения о памятнике публикуются впервые, материалы хранятся в Сумском краеведческом музее.

Великописаревский р-н

17. Ивановка-2. Селище занимает мыс первой надпойменной террасы правого берега северной протоки р. Ворсклицы (правый приток р. Ворсклы, левого притока р. Днепр) в 800 м к юго-востоку от восточной окраины с. Ивановка. Размеры поселения – 170 x 60 м, высота над уровнем поймы – 1-2 м. Разведка А.М. Обломского и Р.В. Терпиловского 1989 г. На поверхности собраны материалы эпохи бронзы и груболепная керамика с примесью шамота в тесте, в т.ч. фрагмент венчика горшка, орнаментированного насечками, обломок стенки сосуда с «хроповатой» поверхностью. Найден также фрагмент гончарного сероглиняного сосуда. Памятник, скорее всего, относится к ранней (дочерняховской) стадии киевской культуры (первая половина – середина III в. н.э.). Сведения о нем публикуются впервые. Материалы хранятся в Сумском краеведческом музее.

18. Пожня-1. Селище расположено в 200 м к западу от южной окраины села, занимает мыс высокой поймы р. Ворсклицы (правый приток р. Ворсклы, левого притока р. Днепр), образованный руслом реки и старицей. Размеры памятника – 270 x 40-50 м, высота над уровнем низкой поймы реки – 1,5 м.

Памятник обнаружен А.М. Обломским и Р.В. Терпиловским в 1989 г. В том же году на нем были проведены раскопки А.М. Обломским. Заложены раскоп и две траншеи общей площадью 128 кв. м. Из культурного слоя происходят находки эпох неолита, поздней бронзы и киевской культуры (обломок железного ножа, фрагменты высокого биконического пряслица и грузила из глины, груболепная керамика со включениями крупного шамота в тесте, обломок сероглиняного гончарного сосуда с шероховатой поверхностью). Жилищ не обнаружено. Все исследованные объекты имели хозяйственное назначение.

Постройка 1 (рис. 14: 2). В плане близка к овалу размерами 1,3-1,54 x 1,74 м. В материк углублена незначительно: на 0,02-0,12 м. Из заполнения происходят 4 фрагмента груболепных сосудов.

Постройка 2 (рис. 14: 1, 3). В плане прямоугольная. Размеры по верхнему краю – 1,46-1,7 x 1,96-2,0 м, в нижней части – 1,4 x 1,75-1,8 м. В материк углублена на 0,08-0,13 м. В заполнении обнаружен развал нижней части груболепного сосуда и несколько черепков от другого горшка.

Немногочисленные фрагменты сосудов киевской культуры происходят из ям 1-4, зачастую с материалами более ранних эпох, очевидно, попавших в заполнение объектов из культурного слоя (рис. 14). Пожня-1 представляет собой один из немногих памятников лесостепной зоны Днепровского Левобережья, где обнаружены обломки сосудов, покрытых расчесами, нанесенными гребнем по внешней поверхности. Их доля составляет 1% от общего количества керамики римского времени.

Архаичные для лесостепной киевской культуры черты керамического комплекса, такие, как наличие керамики с расчесами и обломков венчиков горшков с насечками по краю, указывают на сравнительно раннюю дату памятника. Скорее всего, он синхронен поселению Шишино-5 в Белгородской обл., где также найдены немногочисленные фрагменты горшков с расчесами и сероглиняных гончарных сосудов, и датируется, по всей вероятности, первой половиной – серединой III в. Сведения о памятнике публикуются впервые. Материалы хранятся в Сумском краеведческом музее.

Глуховский р-н

19. Глухов. Поселение расположено на окраине г. Глухова Красная горка над Павловским озером (прудом р. Эсмань). Размеры памятника – 200 x 100 м. Он находится на склоне правого коренного берега реки. Высота над уровнем пруда – 10 м. Часть памятника затоплена прудом. Сборы В.И. Белашова и шурфовка В.В. Приймака 1998 г. Обнаружены материалы «киевской или колочинской культуры» и эпохи Древней Руси. Керамика, которая приводится в отчете (рисунки

Р.В. Терпиловского), скорее киевская, чем колочинская: венчики относительно сильно профилированы, на них заметны насечки. Материалы хранятся в Глуховском историко-архитектурном музее-заповеднике [Приймак, Бєлашов, Осадчий, 1998, с. 10].

20. Перемога-1. Поселение расположено на краю останца высокой поймы левого берега р. Эсмань (правый приток р. Клевень, правого притока р. Сейм, левого притока р. Десна, левого притока р. Днепр) в 2,2 км к северо-западу от водокачки с. Баничи. Памятник имеет размеры 190 x 190 м, высоту над уровнем низкой поймы реки 1-2 м. Разведки В.В. Приймака 1988 г., А.М. Обломского и В.В. Приймака 1992 г. На поверхности селища собрана груболепная керамика с примесью дресвы и шамота в тесте, найдено несколько фрагментов гончарных черняховских сосудов. Селище, скорее всего, относится к поздней фазе киевской культуры (периода черняховского влияния). Опубликованы лишь краткие сведения о памятнике [Обломський, Приймак, 1992, с. 64]. Материалы хранятся в Путивльском краеведческом музее.

Конотопский р-н

21. Хижки-2. Поселение расположено в 2,2 км к югу от южной окраины с. Хижки на первой надпойменной террасе левого берега р. Сейм (левый приток р. Десна, левого притока р. Днепр). Размеры селища – 150 x 50 м, высота над уровнем поймы – 1,2 м. Разведка А.М. Обломского, Р.В. Терпиловского и В.В. Приймака 1990 г. На поверхности памятника собрана груболепная керамика с примесью шамота в тесте (в т.ч. найден обломок диска со слабо выраженной закраиной). В коллекцию подъемного материала входит также обломок стенки гончарного черняховского сосуда. Весьма вероятно, что памятник относится к поздней (периода черняховского влияния) фазе киевской культуры. Сведения о нем публикуются впервые. Находки хранятся в Сумском краеведческом музее.

22. Хижки-3. Селище находится в 2 км к юго-юго-западу от южной окраины с. Хижки на краю первой надпойменной террасы левого берега р. Сейм (левый приток р. Десна, левого притока р. Днепр). Размеры поселения – 220 x 50 м, высота над уровнем лежащей у основания террасы старицы р. Сейм (левый приток р. Десна, левого притока р. Днепр) оз. Щимля – 5 м. Разведка А.М. Обломского, Р.В. Терпиловского и В.В. Приймака 1990 г. На поверхности селища собрана груболепная керамика с примесью шамота в тесте, немногочисленные фрагменты черняховских гончарных сосудов, найдено лощеное глиняное пряслице и заготовка еще одного подобного изделия. Памятник, по всей видимости, относится к поздней (периода черняховского влияния) фазе киевской культуры. Сведения о нем публикуются впервые. Материалы хранятся в Сумском краеведческом музее.

Краснопольский р-н

23. Мирополье-3. Селище занимает мысообразное всхолмление на краю первой надпойменной террасы правого берега р. Рыбица (левый приток р. Псел, левого притока р. Днепр) в 500 м к югу от южной окраины поселка по дороге Мирополье – Сумы. Размеры поселения составляют 120 x 100 м, высота над уровнем поймы реки – 1-1,5 м. Разведка А.М. Обломского и В.В. Приймака 1991 г. При осмотре собрано несколько черепков эпохи бронзы, однако преобладает груболепная керамика с примесью шамота в тесте. Обнаружены также отдельные фрагменты черняховских гончарных сосудов. Памятник, скорее всего, относится к поздней (периода черняховского влияния) фазе киевской культуры. Сведения о памятнике публикуются впервые. Материалы хранятся в Сумском краеведческом музее.

24. Порозок-3. Селище расположено на краю первой надпойменной террасы левого берега р. Пожни (правый приток р. Ворсклица, правого притока р. Ворскла, левого притока р. Днепр) в 1,5 км к юго-западу от южной окраины с. Порозок и в 100 м к югу от шлюза. Размеры памятника – 370 x 30-130 м, высота над уровнем поймы реки – 1,5-3 м. Разведка А.М. Обломского и Р.В. Терпиловского 1989 г. На поверхности пашни собрана лепная керамика срубной культуры, обломки груболепных горшков с примесью шамота в тесте. Найдены также фрагмент красноглиняной амфоры, два обломка черняховских гончарных горшков. Горизонт римского времени памятника, скорее всего, относится к поздней (эпохи черняховского влияния) фазе киевской культуры. Сведения о поселении публикуются впервые. Материалы хранятся в Сумском краеведческом музее.

Кролевецкий р-н

25. Червоный Ранок. Поселение расположено на дюне в пойме правого берега р. Сейм (левый приток р. Десна, правого притока р. Днепр). Во время разведки 1968 г. О.В. Сухобоковым на поверхности дюны были обнаружены остатки сгоревшей постройки, с которой связана лепная керамика и обломки черняховских гончарных сосудов. Принадлежность памятника поздней фазе киевской культуры весьма вероятна. Краткие сведения о нем опубликованы [Сухобоков, Дяденко, 1976]. Место хранения материалов неизвестно.

26. Кролевец. Поселение находится у ур. Подолово в черте города на первой надпойменной террасе левого берега р. Реть (левый приток р. Десна,

левого притока р. Днепр). Раскопки Л.И. Белинской и В.Б. Звагельского 2000 г. На поселении заложено несколько шурфов и раскоп площадью 24 кв. м. В раскопе зафиксирована постройка размерами 4 x 3,8 м, на 0,3 м углубленная в материк. Уровень пола понижался к центру на 10 см. На его поверхности прослежено четыре ямы. Яма 1, находившаяся в северном углу постройки, и ямы 3 и 4, расположенные по середине противоположных юго-западной и северо-восточной стен, были столбовыми. Их диаметры – соответственно 0,5; 0,2-0,3; 0,2 м, а глубины – 0,35; 0,3; 0,25 м. В центре сооружения находилась яма 2 диаметром в верхней части 0,8 м, по дну – 0,5 м, глубина – 0,45 м. В ее заполнении встречены фрагменты стенок лепных сосудов. Между столбовыми ямами, расположенными у стен постройки, прослежены остатки толстой обгорелой плахи длиной 0,8 м и шириной 0,15 м. Очевидно, это остатки балки, которая поддерживала крышу дома. Массив отдельных обгорелых плах тянулся вдоль северо-западной стены сооружения. Они были расположены в несколько рядов и занимали площадь шириной почти 1,4 м. Вероятно, это остатки деревянной стены постройки. Между обгорелым деревом встречались куски обмазки треугольной формы со следами заглаживания на одной из сторон. Это остатки обмазки, которой были замазаны щели между деревянными плахами.

Северная часть постройки была нарушена поздним (XVII-XVIII вв.) перекопом. Почти по центру северо-восточной стены ямы перекопа читалось темное пятно углубления. Оно имело размеры 0,4 x 0,15 м и глубину 0,1 м. Это могли быть остатки ямки, в которой находился очаг постройки.

В заполнении сооружения встречались многочисленные фрагменты лепных сосудов, пять глиняных целых и фрагментированных пряслиц, железные нож, обломки серпа и наконечника дротика, пробойник, костяная проколка, куски железной проволоки и крица. Здесь же найдены два фрагмента сероглиняных гончарных черняховских сосудов (рис. 15) [Бєлінська, Звагельський, Карась, 2000, с. 7-12]. Комплекс керамики и вещей, происходящий из постройки, типичен для деснинского варианта киевской культуры и имеет довольно поздний облик. Пряслица, например, относятся как к типам, характерным для раннесредневековой колочинской культуры, так и к более ранним. Постройка, скорее всего, датируется гуннским периодом.

Материалы памятника публикуются впервые. Коллекция находок хранится в Сумском краеведческом музее.

Лебединский р-н

27. Кудановка-1. Поселение находится в 2 км к западу от западной окраины села, занимает край первой надпойменной террасы левого берега р. Псёл (левый приток р. Днепр). Размеры селища составляют 650 x 30-50 м, высота над уровнем поймы реки – 5 м. Разведка А.М. Обломского и Р.В. Терпиловского 1991 г. На памятнике обнаружены материалы эпохи бронзы, лесостепной скифской культуры, волынцевского культурно-хронологического горизонта. К периоду киевской культуры относится груболепная керамика с примесью шамота в тесте, в т.ч. фрагменты венчиков горшков, как неорнаментированных, так и с насечками по краю, обломки сосудов с расчесами, нанесенными гребнем по поверхности. Найдены также немногочисленные фрагменты черняховских гончарных сосудов, обломок ручки светлоглиняной «танаисской» амфоры. Памятник, скорее всего, существовал на раннем этапе киевской культуры и в начале ее поздней (периода черняховского влияния) фазы. Наиболее вероятная дата поселка римского времени в Кудановке-1 – III в. н.э. Краткие сведения о памятнике опубликованы [Приймак, 1994, с. 32]. Материалы хранятся в Сумском краеведческом музее.

Недригайловский р-н

28. Большие Будки-2. Селище находится на изгибе первой надпойменной террасы левого берега р. Терн (правый приток р. Сула, левого притока р. Днепр) слева от дороги, ведущей из с. Б. Будки в с. Ольшаны на юго-восточной окраине с. Б. Будки. Протяженность селища вдоль террасы – 0,5-0,6 км. Разведка Е.А. Горюнова 1972 г. При осмотре обнаружена лепная керамика с шамотом в тесте и черняховская гончарная. Поселение предположительно относится к поздней (периода черняховского влияния) фазе киевской культуры. Краткие сведения о памятнике опубликованы [Горюнов, 1981, с. 106]. Материалы хранятся в ИИМК РАН.

29. Курманы-2. Поселение находится на изгибе первой надпойменной террасы или высокой поймы левого берега р. Сулы (левый приток р. Днепр) на высоте 1,5-3 м, примыкает к юго-западной окраине села, расположено в 0,5 км к северо-востоку от моста через Сулу. Разведка Г.А. Романовой 1990 г. Размеры поселения – 400 x 40-50 м. По сведениям автора разведки, в западной части памятника преобладает керамика эпохи бронзы, на склоне террасы встречается, в основном, груболепная посуда киевской культуры. Здесь же обнаружено несколько фрагментов черняховских гончарных сосудов [Романова, 1990, с. 4]. Памятник предположительно относится к поздней (периода черняховского влияния) фазе киевской культуры. Сведения о нем публикуются впервые. Место хранения материалов не известно.

30. Томашевка-1. Селище находится на краю низкой надпойменной террасы правого берега

р. Крапивная (правый приток р. Сула, левого притока р. Днепр) в 300 м выше моста. Разведка Е.А. Горюнова 1972 г. На полосе пашни размером 30-40 х 60 м собрана «керамика двух типов: лепная, близкая к киевской, и гончарная черняховская». Поселение предположительно относится к поздней (периода черняховского влияния) фазе киевской культуры. Опубликованы краткие сведения о памятнике [Горюнов, 1981, с. 107]. Место хранения материалов точно не известно.

31. Томашевка-2. Селище находится на мысу высотой 2,5-3 м левого берега р. Крапивная (правый приток р. Сула, левого притока р. Днепр) в 0,2 км ниже поселения Томашевка-1. Разведка Е.А. Горюнова 1972 г. Состав подъемного материала поселения аналогичен сборам с предыдущего памятника. Поселение предположительно относится к поздней (периода черняховского влияния) фазе киевской культуры. Опубликованы краткие сведения о памятнике [Горюнов, 1981, с. 107]. Место хранения материалов точно не известно.

Путивльский р-н

32. Вегеровка-2. Поселение находится в 130 м к северо-западу от северо-северо-западной окраины с. Вегеровка на обрывистом крае левого берега р. Клевень (правый приток р. Сейм, левого притока р. Десна, левого притока р. Днепр) на высоте 7-10 м от уровня поймы непосредственно над ур. Вегеровское болото. Размеры селища составляют 370 х 30-100 м. Разведка А.М. Обломского и В.В. Приймака 1992 г. На поверхности поселения преобладает материал эпохи Киевской Руси, встречены также немногочисленные фрагменты грубо-лепных сосудов с примесью шамота в тесте. Последние, по всей видимости, относятся к киевской культуре позднеримского времени. О наличии на памятнике материалов черняховского периода свидетельствует находка обломка жернова из туфа – характерного изделия черняховской культуры. Опубликованы краткие сведения о памятнике [Обломський, Приймак, 1992, с. 65]. Материалы хранятся в Путивльском краеведческом музее.

33. Весёлое-2. Поселение находится в 1 км к западу от центра с. Весёлое (Подгаричи), занимает край обширного всхолмления (останца первой надпойменной террасы) в пойме левого берега р. Клевень (правый приток р. Сейм, левого притока р. Десна, левого притока р. Днепр). Поскольку останец занят посадками соснового леса, размеры памятника можно определить лишь приблизительно: он вытянут вдоль реки на расстояние не менее 280 м и простирается вглубь террасы примерно на 40-60 м. Высота над уровнем поймы составляет 4-5 м (рис. 16). Разведка О.В. Сухобокова и В.В. Приймака 1988 г., раскопки А.М. Обломского и В.В. Приймака 1992 г.

Памятник сильно разрушен карьерами для забора песка. Площадь раскопа, заложенного на краю карьера, составляет 25 кв. м. В его пределах обнаружены две полуземлянки волынцевского культурно-хронологического горизонта и одна хозяйственная яма с невыразительными лепными черепками в заполнении. Керамика римского времени происходит из раннесредневековых построек, из культурного слоя и отвалов карьера. Она представлена обломками груболепной посуды и фрагментом венчика чернолощеной миски (рис. 17). Поскольку набор форм аналогичен керамике поселения Попово-Лежачи-4, то и горизонт римского времени Весёлого-2 относится к начальному этапу киевской культуры (первая половина III в.). Опубликовано общее описание памятника и материалы волынцевского горизонта [Приймак, 1994, с. 40, 41]. Коллекция находок хранится в Путивльском краеведческом музее.

34. Октябрьское-2. Поселение расположено на краю первой надпойменной террасы левого берега р. Сейм (левый приток р. Десны, левого притока р. Днепр) в 1,8 км к западу от северо-западной окраины с. Октябрьское, вытянуто вдоль опушки соснового леса. Размеры памятника – 170 х 40-70 м, высота над уровнем поймы – 1-2 м. Поселение обнаружено в ходе разведки А.М. Обломского, Р.В. Терпиловского 1990 г. Вдоль склона оно прорезано траншеей для забора песка, а с юго-запада к нему примыкает скотомогильник. В этой связи в 1993 г. Р.В. Терпиловским проведены спасательные раскопки, в ходе которых зачищено около 160 м обрыва и вскрыто около 90 кв. м. На этой площади исследовано десять отдельных хозяйственных ям и четыре постройки (рис. 18) [Терпиловский, 1993]. Материалы первых веков н.э. происходят из двух.

Постройка 2. Сохранилась северная часть сооружения, прочее уничтожено бульдозерной траншеей. Ширина объекта – 2,7 м, стенки почти вертикальные, дно – ровное. Глубина – 0,55 м от уровня материка. Более поздней была яма диаметром 1,3 м, которая впущена в заполнение постройки. Из последней происходят керамика эпохи бронзы, кремневый отщеп, керамика киевской культуры (в т.ч. фрагмент верхней части высокой ребристой чернолощеной миски) и гончарная посуда черняховской культуры. В нижней части заполнения обнаружен крупный кусок железного шлака или крицы [Терпиловский, 1993, с. 4].

Постройка 3. Сохранилась почти вся северная часть сооружения, кроме северного угла. Вероятно, форма его была неправильной, расстояние между западной и северо-восточной стенками – около 2 м. Пол – относительно ровный. Глубина котлована – 0,77 м от уровня материка. Сооружение заполнено серо-коричневой гумусированной супесью. В заполнении встречено по одному фрагменту керамики эпохи неолита и бронзы, два

обломка черняховской гончарной посуды. Основная масса находок принадлежит киевской культуре, причем кроме груболепной керамики, встречен обломок бочка высокой миски, аналогичной находке из постройки 2. «Судя по одинаковым примесям и размерам, очевидно, оба фрагмента принадлежали одному сосуду» [Терпиловский, 1993, с. 5].

В ходе работ выяснилось, что поселение является многослойным памятником, ранние периоды существования которого представлены керамикой и кремневыми изделиями эпох неолита и бронзы. К раннему железному веку относятся отдельные фрагменты сосудов скифского типа и зарубинецкой культуры (рис. 20). Римским временем датируются обломки венчиков груболепных горшков с примесью шамота в тесте, причем некоторые из них орнаментированы насечками по краю и расчесами гребнем, а также фрагменты высокой ребристой миски с зигзаговидным профилем и биконическое глиняное пряслице (рис. 19). Раннеславянский горизонт памятника, очевидно, относится к ранней фазе киевской культуры. Малочисленность находок в объектах не позволяет однозначно определить их культурно-хронологическую принадлежность. Впрочем, не исключено, что постройка 3 (сохранилась ее северная часть шириной около 2 м), большинство находок из которой относится к раннеславянскому периоду, оставлена носителями киевской культуры.

В раскопе 1 встречено также некоторое количество гончарной керамики черняховской культуры (преимущественно обломков кухонных горшков) (рис. 21). Преобладание в культурном слое черняховской керамики над посудой раннеславянского облика (соответственно 89 и 59 фрагментов) не позволяет предположить, что гончарные сосуды присутствовали здесь как импорт для населения киевской культуры. Кроме того, архаичный характер лепной киевской керамики указывает, что она и черняховская гончарная посуда не были синхронны. Скорее всего, в IV в. здесь находилась отдельная черняховская усадьба, уничтоженная карьером. Материалы хранятся в Сумском краеведческом музее.

35. Пересыпки-1. Селище расположено в 700 м к юго-востоку от моста на шоссе Бурынь – Путивль, занимает мыс высокой поймы правого берега р. Сейм (правый приток р. Десна, левого притока р. Днепр). В 300 м к юго-западу от памятника находится старица Сейма Глушица. Размеры поселения – 220 x 200 м, высота над уровнем низкой поймы – 2 м. Разведка А.И. Тереножкина и В.А. Ильинской 1966 г. Заложены четыре шурфа, в одном из которых на глубине 0,3 м от современной поверхности обнаружен «очаг на плетневом каркасе с глиняной обмазкой», а в другом – в слое на глубине 0,8 м – «комья обмазки» и «зарубинецкая лепная керамика», как с шероховатой, так и с лощеной поверхностью [Ильинская, Тереножкин, 1966, с. 16]. После 1966 г. большая часть селища (приблизительно 2/3 площади) была уничтожена карьером (рис. 22).

В 1988 г. на памятнике заложил шурф В.В. Приймак [Сухобоков, Приймак, Горбовцов, Звагельский, 1988, с. 18]. В 1991 г. здесь проводил раскопки А.М. Обломский. Общая площадь двух траншей и раскопа составила 116 кв. м. Шурф В.В. Приймака был «вписан» в пределы раскопа. Культурный слой имеет толщину 0,24-1,0 м. Он перекрыт сверху аллювиальными отложениями (речными наносами) мощностью 0,06-0,3 м. На памятнике обнаружены материалы эпохи бронзы, скифского периода, зарубинецкой и киевской культур, средневековой Руси. Материалы киевской культуры (груболепная керамика с примесью шамота в тесте, немногочисленные фрагменты черняховских гончарных сосудов, обломок горла амфоры, два биконических пряслица и одно лепешковидное) происходят из культурного слоя селища (рис. 23-25). Находки опубликованы [Обломский, 2002, рис. 74], хранятся в Путивльском краеведческом музее. Памятник относится к заключительной фазе киевской культуры (эпохе черняховского влияния).

36. Руднево-2. Поселение находится в 250 м к западу от фермы с. Руднево, которая расположена на его юго-западной окраине. Селище занимает край склона левого коренного берега р. Клевень (правый приток р. Сейм, левого притока р. Десна, левого притока р. Днепр) на высоте 4-6 м от поймы и имеет размеры 200 x 50-80 м. Разведка А.М. Обломского и В.В. Приймака 1992 г. На поверхности собраны немногочисленные обломки горшков эпохи бронзы и выразительные фрагменты лепных сосудов киевской культуры, в т.ч. обломок горшка с насечками по венчику. Позднеримский этап памятника датируется всем периодом существования киевской культуры (III – начало V в.). Опубликованы краткие сведения о поселении [Обломський, Приймак, 1992, с. 65]. Материалы хранятся в Путивльском краеведческом музее.

37. Чаплищи-3. Селище Чаплищи-3 расположено на дюне в пойме правого берега р. Сейм в 1 км к юго-западу от фермы с. Чаплищи. Размеры памятника составляют 170 x 140 м, высота от уровня низкой поймы – 1-2 м. Центральная часть дюны разрушена карьером. Разведка А.М. Обломского, Р.В. Терпиловского и В.В. Приймака 1990 г. В 1991 г. здесь были проведены раскопки А.М. Обломским, вскрыто 204 кв. м. Обнаружены материалы скифского периода, зарубинецкого круга типа Харьевки и позднекиевские. Культурный слой представлял собой серый песок толщиной около 40 см и был перекрыт аллювиальными отложениями мощностью до 20 см. Материалы

позднеримского периода происходят из культурного слоя, заполнения двух построек и пяти хозяйственных ям (рис. 26; 27).

Постройка I. Почти полностью разрушена карьером, сохранился лишь юго-западный ее угол размерами 1,3 x 2,5 м. Глубина котлована составляет 17 см от уровня материка. В заполнении сооружения, которое представляло собой черный однородный песок, обнаружены немногочисленные фрагменты груболепных сосудов киевской культуры.

Постройка II. Представляла собой жилище-полуземлянку, углубленную в материк на 34-52 см. Южный и западный края котлована были частично разрушены (осыпались) еще в древности. С этих сторон постройка имела аморфные очертания и практически сливалась с ямой 12. Северная часть объекта сохранилась лучше: северо-западная и северо-восточная стенки были почти прямыми, отчетливо «читались» западный, северный и восточный углы. В древности постройка, по всей видимости, имела размеры 4,8 x 2,6 м и была прямоугольной. В центре ее находились 2 ямы от столбов диаметрами: северо-восточная – 40 см, юго-западная – 26 см; и глубинами соответственно 23 и 28 см. К северо-восточной стенке котлована примыкала хозяйственная яма 10. Являлась ли она конструктивным элементом жилища или не была синхронна ему, выяснить не удалось.

Заполнение постройки состоит из двух слоев. Верхний имел толщину 10-20 см и представлял собой черный песок. Его подстилала прослойка серого песка мощностью 15-30 см. Из обоих горизонтов происходит груболепная керамика киевской культуры (рис. 26: 1, 2; 27: 2), а в верхнем обнаружен небольшой фрагмент стенки черняховского гончарного сосуда, зуб коровы, обломок биконического пряслица (рис. 27: 6). На дне ямы центрального столба найдена сильно корродированная железная пряжка с круглой рамой (рис. 27: 8).

Яма 1. В плане овальная, имеет размеры по верхнему краю 1,06 x 1,5 м, по дну – 0,5 x 1,2 м, глубину – 33 см от уровня материка. В заполнении (черный песок) обнаружены фрагменты груболепных сосудов киевской культуры, в т.ч. верхняя часть баночного горшка.

Яма 5. В плане круглая диаметром 1,06-1,1 м в верхней части и 0,6 – в нижней. Глубина объекта составляет 29 см от поверхности материка. Из заполнения происходят фрагменты груболепных сосудов с примесью шамота в тесте, обломок стенки черняховского гончарного сосуда с шероховатой поверхностью.

Яма 10. В плане по верхнему краю круглая (диаметр – 1,4 м), по дну – овальная (размеры – 1,0 x 1,4 м), имела глубину 73-75 см. В заполнении (темно-серый песок) на уровне 62 см от верхнего края объекта находилось скопление керамики киевской культуры.

Яма 12. В профиле имела форму «песочных часов», в плане круглая, размерами по верхнему краю 1,0 x 1,1 м, в наиболее узкой части – 0,8 м, по дну – 0,96-0,98 м. Объект имел глубину 66-72 см. В верхней части заполнения (черная супесь) обнаружено скопление лепной керамики (рис. 26: 3, 6-8). Ниже его встречены отдельные лепные черепки и зуб коровы.

Яма 13. В плане круглая. Диаметр по верхнему краю составлял 0,94-1,0 м, по дну – 0,64-0,8 м, глубина – 22 см. В заполнении (черная однородная супесь) обнаружено несколько лепных черепков. В слое выше ямы на 13-15 см находилось скопление вторично обожженной керамики и древесного угля, которое почти точно совпадало в плане с очертаниями объекта (рис. 26: 4, 5; 27: 1).

Из культурного слоя, кроме лепной керамики позднеримского времени, происходит обломок высокого биконического пряслица, фрагмент железного ножа с прямой спинкой и массивное треугольное железное орудие с отогнутым перпендикулярно плоскости лезвия черешком (рис. 27: 3-5, 7, 9, 10).

В типологическом отношении вся керамика из «поздних» объектов Чаплищ однородна. Каких-либо существенных отличий в технологии изготовления лепных сосудов тоже не наблюдается. Посуда из Чаплищ – довольно рыхлая, в тесте содержится примесь крупного шамота и песка (не исключено, что последний входил в состав глины – сырья, т.е. не был добавлен в формовочную массу специально). На ощупь (по толщине стенок горшков, характеру отгиба венчиков, профилировке днищ и т.п.) создается ощущение, что вся лепная керамика изготовлена либо одним человеком, либо мастерами одной школы. Эти наблюдения заставляют предполагать, что поселок позднеримского времени на дюне в пойме Сейма существовал в течение одного довольно короткого периода времени.

К сожалению, вещей, позволяющих установить «узкую» дату памятника, в Чаплищах нет. Для определения хронологии поселения приходится прибегать к косвенным данным. Непосредственно на позднеримское время указывают отдельные фрагменты сероглиняных гончарных сосудов, обнаруженные в постройке II и яме 5. По формам лепных горшков, наличию дисков и структуре керамического комплекса Чаплищи входят в обширную группу поселений Посеймья и северных районов Днепровской левобережной лесостепи, таких, как Пересыпки-1, Комаровка-2, Курган-Азак, Беседовка, Песчаное. На всех этих селищах сделаны те или иные находки, позволяющие отнести их к позднеримскому времени (черняховская гончарная керамика, обломки римских амфор, прогнутая подвязная фибула из Кургана-Азака). В эту же группу входит такой классический для периода черняховского влия-

ния деснинский киевский памятник, как Ульяновка, в известной степени близки перечисленным выше поселения Киселевка-2 и Выбли. Имеющийся материал, с одной стороны, указывает на принадлежность селища Чаплищи-3 к поздним памятникам киевской культуры деснинской традиции [Обломский, 1996, с. 55, 62, 63]. Один из горшков в Чаплищах орнаментирован насечками по венчику, что характерно скорее для киевской культуры, чем для колочинской.

С другой стороны, материалы из Чаплищ имеют ряд средневековых признаков. Из них наиболее яркие – вертикальный долькообразный налеп в верхней части одного из горшков (рис. 26: 8) и форма пряслиц. Последние являются не низкими (как на большинстве памятников деснинского варианта киевской культуры), а высокими биконическими, что более типично для колочинских древностей [Терпиловский, 1984, с. 33]. Сочетание киевских и более поздних средневековых черт и определяет характер материалов из Чаплищ как типологически переходных от киевской культуры к колочинской. Памятник, таким образом, относится, вероятнее всего, к V в., не исключая и более ранней даты.

Полная информация о горизонте киевской культуры поселения опубликована [Обломский, 2002, рис. 73; 2003]. Материалы хранятся в Путивльском краведческом музее.

Роменский р-н

38. Герасимовка. Поселение расположено «вдоль берегового ската левого берега р. Сулы» (левого притока р. Днепр) у верхней по реке окраины села [Ильинская, 1953, с. 2]. Размеры памятника – 350 x 150 м. Разведка В.А. Ильинской 1953 г. На поверхности собрана в большом количестве лепная керамика с примесью шамота в тесте и черняховская гончарная. Принадлежность памятника поздней фазе киевской культуры весьма вероятна. Сведения о нем публикуются впервые. Место хранения материалов неизвестно.

39. Калиновка-1. Многослойное поселение расположено на склоне высокой левобережной террасы р. Ромен (правый приток р. Сула, левого притока р. Днепр) в 0,4 км к востоку от с. Калиновка. В ходе новостроечных работ Левобережной комплексной экспедиции Института археологии НАН Украины в 2005 г. на его территории было заложено 20 шурфов 2 x 2 м. Основные материалы памятника относятся к скифскому времени. Судя по находкам груболепной керамики с шамотом раннеславянского облика, площадь поселения этого периода составляла около 1 га. В одном из шурфов в верхней части поселения (8 м над уровнем поймы) встречены остатки своеобразного очага или, точнее, земляной печи. Сооружение представляло собой округлую яму диаметром 0,53 м, вымощенную черепками и обмазанную слоем глины толщиной 4-6 см. Стенки сохранились на высоту до 0,25 м. Керамика со следами вторичного обжига имеет примесь крупного шамота. Большинство обломков принадлежит большому биконическому горшку приземистых пропорций (рис. 28) [Жаров, Терпиловський, 2006, с. 94].

В качестве аналогий можно указать три «горна» с поселения Гочево-1, которые относятся к начальной фазе восточнолевобережного варианта киевской культуры (или к переходному периоду от позднезарубинецкого горизонта к киевской культуре по А.М. Обломскому), а еще один с поселения Гочево-7 – к позднезарубинецкому периоду. Таким образом, данный памятник, скорее, всего относится к ранней (дочерняховской) фазе киевской культуры. Материалы опубликованы [Жаров, Терпиловський, 2006, с. 94, 95], они временно хранятся в фондах Инспекции по охране памятников истории и культуры Черниговской области.

40. Матяшев Яр-3. Многослойное поселение расположено на сниженном, высотой до 4-5 м мысу левобережной террасы р. Ромен (правый приток р. Сулы, левого притока р. Днепр) в 0,5 км к северо-востоку от с. Николаевка. В ходе новостроечных работ Левобережной комплексной экспедиции Института археологии НАНУ 2004 г. на его территории было заложено несколько траншей и раскопов общей площадью около 800 кв. м. Основные материалы памятника относятся к скифскому времени. Кроме того, встречены черепки раннеславянского облика, в том числе скопление груболепной керамики с примесью шамота в тесте. Удалось реконструировать большой горшок биконической формы и верхнюю часть ребристого сосуда с лощеной (?) поверхностью со следами вторичного обжига (рис. 29: 1, 2).

В 2005 г. в 40 м от упомянутого скопления керамики была встречена бронзовая фибула с длинным приемником VII группы по О. Альмгрену (рис. 29: 3). Подобные застежки достаточно характерны для киевских (Боромля-2, Родной Край-3, Букреевка-2, Гочево-3) и черняховских (Головино, Новоселовка) памятников водораздела Днепра и Дона. Поскольку ни на данном поселении, ни в его окрестностях черняховские материалы неизвестны, можно предположить, что находка фибулы связана именно с керамическим комплексом киевского типа [Жаров, Терпиловський, 2006, с. 97]. Фибулы VII группы считаются надежным хронологическим индикатором для средней фазы восточнолевобережного (сейминско-донецкого по А.М. Обломскому) варианта киевской культуры, к которой и следует отнести поселение Матяшев Яр-3.

Материалы опубликованы [Жаров, Терпиловський, 2006, с. 94-97], хранятся в фондах

Инспекции по охране памятников истории и культуры Черниговской области.

41. Пески. Селище расположено у юго-восточной окраины села на выступах первой надпойменной террасы правого берега р. Сулы и на дюнах в пойме. Общая протяженность памятника – 0,7-0,8 км, высота над уровнем поймы – 1-2 м. Юго-западная часть поселения разрушена карьером. Разведка Г.А. Романовой 1989 г. На поселении собраны «фрагменты лепной керамики киевского типа» [Романова, 1989, с. 4]. К киевской культуре памятник относится предположительно. Сведения о нем публикуются впервые. Место хранения материалов точно не известно.

Сумской р-н

42. Дзержинское-2. Селище расположено на краю и склоне останца первой надпойменной террасы р. Псел (левый приток р. Днепр) на правом ее берегу. Примыкает с северо-северо-запада к северной окраине села. По территории селища проходит шоссе Низы – трасса Лебедин – Сумы. Размеры поселения состаляют 580 x 50-80 м, высота над уровнем поймы реки – 0,5-3 м. Разведка А.М. Обломского, Р.В. Терпиловского, В.В. Приймака 1991 г. При осмотре обнаружены материалы эпохи бронзы, лесостепной скифской культуры. Римским временем датируется груболепная керамика с примесью шамота в тесте (в т.ч. обломок сковородки с низким бортиком), отдельные фрагменты черняховских гончарных сосудов. Этот этап существования памятника, скорее всего, относится к поздней (периода черняховского влияния) фазе киевской культуры. В 2003 г. на памятнике проводила работы группа исследователей под руководством В.В. Приймака. При зачистке стенок двух силосных ям обнаружены остатки четырех углубленных в грунт построек и трех хозяйственных ям. В плане исследована лишь одна из полуземлянок. Обнаружены характерная для киевской культуры лепная керамика (обломки слабопрофилированных горшков, диска со слабо выраженным бортиком), железный гарпун, глиняное асимметричное биконическое пряслице. Сведения о раскопках 2003 г. опубликованы [Приймак, Башкатов, Коротя, Осадчий, 2005]. Материалы хранятся в Сумском краеведческом музее.

43. Жовтневое. Селище расположено на краю первой надпойменной террасы правого берега р. Псел (левый приток р. Днепр) в пределах с. Жовтневое. Размеры поселения – 430 x 50 м, высота над уровнем поймы реки – 2,5 м. Разведка А.М. Обломского, Р.В. Терпиловского и В.В. Приймака 1991 г. На пашне собрана груболепная керамика с шамотом в тесте, причем один из венчиков горшков имеет насечки по краю. Найдены также отдельные фрагменты черняховских гончарных сосудов. Памятник, скорее всего, относится к поздней (периода черняховского влияния) фазе киевской культуры. Сведения о нем публикуются впервые. Коллекция находок хранится в Сумском краеведческом музее.

44. Подлесновка. В 1961 г. в карьере близ села был обнаружен клад римских монет. Карьер почти полностью уничтожил черняховское поселение, расположенное на левом берегу р. Сумки (левый приток р. Псёл, левого притока р. Днепр), с севера ограниченное обводненной балкой. До разрушения размеры памятника составляли 600-700 x 100-150 м, высота от уровня поймы реки – 3-4,5 м. В 1990 г. при зачистке края карьера обнаружена полуземлянка, из заполнения которой происходили обломки черняховской гончарной миски, фрагменты верхней части груболепного горшка, куски обмазки, керамический шлак, кости животных [Романова, 1990, с. 5]. Судя по рис. 13 из отчета Г.А. Романовой, лепной слабопрофилированный сосуд с насечками по венчику относится к кругу древностей киевской культуры. По всей видимости, на поселении, кроме черняховского, имелся еще и киевский горизонт. Место хранения материалов неизвестно.

Тростянецкий р-н

45. Боромля-2. Поселение расположено в устье старой обводненной балки на высоком мысовидном выступе правого коренного берега р. Боромля (правый приток р. Ворскла, левого притока р. Днепр) на юго-западной окраине с. Боромля. Высота мыса – 20 м над уровнем поймы реки. Подъемный материал встречался на площади 150 x 60 м. Большая часть территории занята лесополосой и сильно разрушена поздними перекопами. Памятник открыт В.В. Приймаком в 1986 г. Им же проведены здесь первые разведывательные раскопки. В 1987-1991 гг. под руководством А.Н. Некрасовой и Р.В. Терпиловского на селище вскрыто 1020 кв. м.

А.Н. Некрасова выделила на памятнике 3 культурно-хронологических горизонта (или этапа заселения), учитывая состав керамического комплекса и стратиграфию. Сооружения первого из них (нижнего) содержат 70-96% «местной» (киевской) лепной керамики, второго – от 70 до 35% лепной посуды «как киевского, так и вельбарско-пшеворского типа», третьего – наиболее позднего – до 100% черняховской гончарной керамики. Верхний горизонт поселения соответствует по времени функционирования черняховскому могильнику Боромля-1, расположенному рядом [Некрасова, 1990, с. 68; Некрасова, 1991, с. 2].

К первому этапу заселения Боромли-2 относятся пять полуземлянок и три выносных очага. В постройке 1 основная масса материала происходит из среднего и верхнего слоев заполнения. В

керамическом комплексе лепная керамика составляет 71%, черняховская гончарная – 15%, фрагменты светлоглиняных амфор типа D – 14%. В нижнем, насыщенном углями и кусками обожженной обмазки, найдены две бронзовые фибулы с высокими приемниками группы VII О. Альмгрена, составной гребень с полуовальной спинкой, фрагмент пластинки от другого гребня, железные шило и нож, обломки пирамидальных глиняных грузил, каменный оселок, заготовка костяного шила.

Постройка 3 погибла от пожара. Нижний горизонт ее заполнения, из которого происходит 68% лепной керамики, 28% гончарной и 4% фрагментов светлоглиняных амфор типов D и F, а также «мотыльковая» фибула группы VII, глиняные пряслица и обломки грузил, каменный оселок и костяной тупик, перекрывался слоем обожженной обмазки.

В нижнем слое заполнения постройки 6, который стратиграфически отделяется от более верхних, найдена, в основном, лепная керамика (77%), в гораздо меньшей степени – гончарная и обломки стенок светлоглиняных амфор (суммарно – 23%).

Заполнение котлована постройки 8 было однородным, но характер материала, из него происходящего, различался в зависимости от глубины залегания. В верхнем горизонте преобладала гончарная посуда, в нижнем – лепная, гончарной керамики было 26%, амфорный материал составлял 3%. Два обломка ручек принадлежали амфорам типа D. Отсюда же происходят 3 пряслица, железное зубило, 9 обломков грузил.

Постройка 10 перекрывалась глинобитными очагами 3 и 4. Поды последних были вымощены лепной керамикой – обломками нескольких горшков, по формам и тесту характерных для киевской культуры, и конических мисок. В самой постройке находки концентрировались в верхней части заполнения. Лепная киевская керамика среди них составляла 63%, гончарная черняховская – 35%, амфорная – 2%. Среди последней достаточно выразительна ручка светлоглиняной амфоры типа D.

Комплекс сооружений раннего горизонта Боромли дополняет очаг 2, под которого вымощен лепной киевской керамикой.

Объекты первого этапа датируются по нескольким группам вещей, которые в ряде случаев выступают в сочетании друг с другом. Этот набор составляют фибулы с высокими приемниками, гребень с полукруглой спинкой, обломки светлоглиняных амфор типов D и F. Максимально допустимые хронологические рамки второго этапа Боромли – от этого горизонта вещей до периода использования подвязных фибул типа Б2. Экземпляр подобного украшения обнаружен в заполнении верхнего горизонта постройки 5, которая относится ко второму этапу существования памятника. Наиболее вероятная дата нижнего горизонта Боромли-2 – середина – вторая половина III в. [Обломский, 2002, с. 56-58]. Его материалы являются одним из эталонов второго этапа сейминско-донецкого варианта киевской культуры. Они полностью опубликованы [Некрасова, 2006, с. 94-99], хранятся в Сумском краеведческом музее.

Шосткинский р-н

46. Лушники-1а. Многослойное поселение эпохи бронзы, раннего железного века и киевской культуры находится на левом берегу Десны (левый приток р. Днепр) в 0,5 км на запад от западной окраины села. Занимает край первой надпойменной поросшей лесом террасы площадью 100 x 20 м. Материалы киевской культуры представлены обломками лепных горшков и сковородок с невысоким бортиком, а также фрагментом гончарного лощеного сосуда черняховского типа и обломком тигля с ошлакованной поверхностью [Петраускас А.В., Петраускас О.В., 2004, с. 19, 20]. Материалы хранятся в Сумском краеведческом музее.

47. Шостка. Поселение находится на краю довольно крутого левого берега р. Локотки (левый приток р. Шостки, левого притока р. Десна, левого притока р. Днепр) на высоте 6 м над уровнем поймы между крайней усадьбой у реки и грунтовой дорогой с каменным мостом на с. Гуковое (рис. 30). Приблизительные размеры поселения 40 x 75 м. Обследовано с шурфовкой и зачистками Л.И. Белинской и В.Б. Звагельским в 2001 г. Поселение однослойное. Толщина культурного слоя около 20 см. Он слабо насыщен находками. При осмотре памятника обнаружены и раскопаны постройка и три хозяйственные ямы.

Постройка имела размеры 4,3 x 3,9 м, углублена в материк на 0,4-0,55 м (рис. 31). В центре сооружения находилась круглая яма от столба диаметром 40 см и глубиной 60 см. Еще одна такая же яма (диаметр 40 см, глубина 15 см) расположена к северо-востоку от предыдущей. По периметру котлована прослежено еще пять столбовых ям. Их размеры и глубины, начиная с расположенной у юго-западной стены и далее по часовой стрелке, следующие: 45 см и 30 см; 45 x 60 см и 20 см; 40 x 60 см и 25 см; 40 см и 16 см; 50 см и 15 см. Вдоль северо-восточной и северо-западной стен постройки на полу прослежен естественный массив глинистого красно-коричневого песка. Его высота над уровнем пола составляет 8-15 см. В заполнении сооружения встречены фрагменты грубых лепных сосудов со слабо профилированными венчиками. Здесь же найдены обломки дисков, как плоских, так и со слабо выраженным бортиком, отдельные куски обмазки.

Из индивидуальных находок в постройке обнаружены фрагменты четырех пряслиц и одно

целое, орнаментированное наколами. Все эти изделия лощеные. Встречены также железный предмет из тонкого дрота, язычок пряжки из цветного металла. Последний типичен для гуннского времени (конец IV – первая половина V в.) (рис. 32: 1-15; 33).

Яма 1. Ее диаметр составляет 0,8 м, глубина 0,65 м. Яма разрушена, исследована частично. Из заполнения, которое представляет собой коричнево-серый песок, происходит груболепная керамика, в т.ч. два массивных обломка днищ горшков-зерновиков (рис. 32: 16, 18).

Яма 2. Диаметр объекта – 0,85 м, глубина – 0,82 м. Также исследована частично. В заполнении (коричнево-серый песок) обнаружена груболепная керамика.

Яма 3. Имела размеры 1,2 x 0,45 м и глубину 0,1 м от уровня материка. При выборке темного супесчаного заполнения обнаружен фрагмент плоского диска (рис. 32: 17).

Памятник относится к деснинскому варианту киевской культуры и является одним из самых поздних в этой группе. Сведения о нем публикуются впервые, материалы хранятся в Сумском краеведческом музее.

Харьковская обл.

Валковский р-н

48. Валки-2. Поселение занимает сниженный участок первой надпойменной террасы правого берега р. Мжи (правый приток р. Северский Донец, правого притока р. Дон). Находится в 100 м к северо-западу от птицефермы (данные на 1977 г.). Разведка Ю.В. Буйнова 1977 г. На памятнике собрана неорнаментированная лепная керамика и гончарная черняховская [Буйнов, 1977, с. 2]. Принадлежность памятника к киевской культуре весьма вероятна. Сведения о нем опубликованы, место хранения материалов неизвестно [Обломский, 1991, с. 250].

Волчанский р-н

49. Новодоновка-2. Селище примыкает с юга к с. Новодоновка. Находится на первой надпойменной террасе левого берега р. Северский Донец (правый приток р. Дон). Высота памятника над уровнем реки – 3-5 м, размеры – 200 x 100 м. Раскопки В.И. Митрофановой 1960 г. На памятнике заложены раскоп, траншея, шесть шурфов общей площадью 112 кв. м, обнаружены материалы эпох энеолита, бронзы, поздней фазы киевской культуры, Древней Руси. К киевской культуре относятся груболепная посуда с шамотом в тесте, фрагменты черняховских гончарных сосудов, ручка светлоглиняной амфоры, около 20 фрагментов стенок красноглиняных амфор. Эти материалы происходят из культурного слоя и хозяйственной ямы на территории раскопа. Сведения о памятнике опубликованы [Мітрофанова, 1965; Обломский, 1991, с. 251, рис. 70: 9-21]. Коллекция находок хранится в фондах ИА НАНУ.

50. Верхний Салтов. Селище расположено на правом берегу р. Северский Донец (правый приток р. Дон) около эпонимного для салтовской культуры городища, которое находится на территории поселка. Памятник открыт В.О. Бабенко в 1900 г. Впоследствии неоднократно исследовался, в т.ч. раскопками. Материалы киевской культуры происходят из раскопок В.В. Колоды 1996-1998 гг.

За этот период на памятнике вскрыто 1990 кв. м. Находки киевской культуры представлены керамикой из культурного слоя, как груболепной с примесью крупного шамота в тесте, так и с подлощенной поверхностью. Встречены также фрагмент серолощеной черняховской миски, несколько глиняных пряслиц. Отмечена концентрация киевской керамики около хозяйственной ямы 37. Киевские материалы памятника опубликованы [Колода, 2000]. Коллекция находок хранится в Харьковском Государственном педагогическом университете им. Г.С. Сковороды.

Дергачевский р-н

51. Шовкоплясовка. Поселение находится на северной окраине села на склоне крутого мыса правого берега р. Лопань (левый приток р. Уды, правого притока р. Северский Донец, правого притока р. Дон). Размеры селища – 100 x 60 м. Разведка А.Г. Дьяченко 1970 г. Среди керамики, собранной на поверхности, преобладает лепная «напоминающая зарубинецкую». Встречено несколько фрагментов черняховских гончарных сосудов, найдена бусина-подвеска из стекла синего цвета пирамидальной формы [Дьяченко, 1970, с. 2]. Автор отчета приводит аналогии с селищем Новодоновка [Дьяченко, 1970, с. 10, 11]. Принадлежность памятника к киевской культуре весьма вероятна. Сведения о нем публикуются впервые. Место хранения материалов неизвестно.

Змиевский (бывш. Готвальдовский) р-н

52. Черкасский Бишкин-2. Памятник находится на песчаном всхолмлении в пойме правого берега Северского Донца (левый приток р. Дон) напротив юго-западной окраины с. Черкасский Бишкин. Его размеры 400 x 100 м [Буйнов, 1975, с. 3]. Разведка Ю.В. Буйнова 1975 г. На поселении собрана керамика эпохи неолита, фрагменты груболепных сосудов с примесью шамота в тесте, обломки черняховских гончарных сосудов. Весьма вероятно, что здесь имеются объекты поздней фазы киевской культуры. Краткие сведения о

памятнике опубликованы [Обломский, 1991, с. 252]. Место хранения материалов неизвестно.

Золочевский р-н

53. Должик-3. Поселение расположено над северо-западной окраиной с. Должик на высоком правом берегу р. Уды (правый приток р. Северский Донец, правого притока р. Дон). Оно вытянуто вдоль глубокой балки, которая пересекает край долины вплоть до поймы реки. Площадь селища – 5000 кв. м [Буйнов, 1983, с. 5]. Разведки Ю.В. Буйнова 1983 г. На территории поселения собрана груболепная керамика с примесью шамота в тесте, фрагменты черняховских гончарных сосудов, отдельные обломки лощеных мисок. Поселение относится к поздней фазе киевской культуры. Краткие сведения о нем опубликованы [Обломский, 1991, с. 252]. Материалы хранятся в Археологическом музее Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина.

54. Родной Край-3. Поселение занимает песчаную дюну высотой 2 м над уровнем поймы правого берега р. Уды (правый приток р. Северский Донец, правого притока р. Дон). Оно находится в 1 км к северо-востоку от села и имеет размеры 70 x 60 м. Раскопки Ю.В. Буйнова, А.К. Дегтяря, Е.Н. Петренко 1983-1984 гг. Вскрыто 760 кв. м, исследовано два жилища-полуземлянки и хозяйственная яма. В этих объектах и культурном слое обнаружена груболепная, черняховская гончарная и амфорная керамика, бронзовая фибула группы VII О. Альмгрена, железный ключ, 7 целых и фрагментированных пряслиц, костяная полированная проколка. Поселение относится ко второму этапу сейминско-донецкого варианта киевской культуры. Материалы памятника полностью опубликованы [Башкатов, Дегтярь, Любичев, 1997], уточненные рисунки керамики и вещей приводятся в издании [Обломский, 1999]. Коллекция находок хранится в Археологическом музее Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина.

Харьковский р-н

55. Травянское-6. Находится в 300 м к северу от селища Травянское-4, которое расположено в 500 м к северу от плотины на р. Харьков (левый приток р. Лопань левого притока р. Уды, правого притока р. Северский Донец правого притока р. Дон) на левом берегу водохранилища на небольшом мысу, с севера и юга ограниченном оврагами. Разведка Б.А. Шрамко 1972 г. На площади 100 x 500 м собрана лепная керамика с примесью шамота в тесте, найден один фрагмент сероглиняного гончарного сосуда (вероятно, черняховский), встречена обмазка [Шрамко, 1972, с. 6]. Принадлежность памятника к киевской культуре весьма вероятна. Сведения о нем публикуются впервые. Место хранения материалов неизвестно.

56. Травянское-8. Занимает мыс, образованный краем водохранилища и лощиной, которая идет к р. Харьков (левый приток р. Лопань, левого притока р. Уды, правого притока р. Северский Донец, правого притока р. Дон) от главной усадьбы совхоза им. С.М. Кирова (данные на 1972 г.). Размеры памятника 80 x 150 м. Разведка Б.А. Шрамко 1972 г. На поверхности собрана лепная керамика с крупным шамотом в тесте и гончарная черняховская. Один из фрагментов венчиков лепного сосуда украшен по краю редкими пальцевыми вдавлениями. Толщина культурного слоя – около 60 см [Шрамко, 1972, с. 6]. Принадлежность памятника к киевской культуре весьма вероятна. Сведения о нем публикуются впервые. Место хранения материалов неизвестно.

Черниговская обл.

Борзнянский р-н

57. Красносельское-1. Поселение расположено в 2,4 км к юго-востоку от с. Запорожье и в 3,5 км к югу от южной окраины с. Красносельское. Занимает возвышенность в болоте площадью около 1,5 га. Обследование Г.В. Жарова 1991 г. [Жаров, 1991а, с. 20]. Мощность культурного слоя составляет 0,4-0,6 м. Подъемный материал представлен груболепной керамикой киевской культуры (венчики и стенки) с примесью шамота в тесте. Материалы хранятся в фондах Инспекции по охране памятников истории и культуры Черниговской области.

Городнянский р-н

58. Бериловка-2. Поселение расположено в 0,7 км к северо-западу от северной окраины с. Бериловка. Занимает мыс левого берега р. Тетева (правый приток р. Снов, правого притока р. Десна, левого притока р. Днепр) в месте впадения в нее безымянного ручья. Размеры памятника – 150 x 50 м, он задернован, восточная часть поселения находится под лесом. Обследование Г.В. Жарова 1988 г. [Жаров, 1988, с. 6]. Подъемный материал представлен лепной керамикой киевской культуры с примесью шамота в тесте, в т.ч. обломками ребер горшков. Материалы хранятся в фондах Инспекции по охране памятников истории и культуры Черниговской области.

59. Дамба-2. Поселение расположено в 0,3 км к северо-востоку от северо-западной окраины с. Смычин. Занимает останец первой надпойменной террасы в пойме правого берега р. Крюкова (правый приток р. Снов, правого притока р. Десна). Частично повреждено дамбой при строитель-

стве пруда. Мощность культурного слоя – 0,4-0,45 м. Памятник обнаружен Г.В. Жаровым и А.Г. Пильником в 1989 г. [Жаров, Пильник, 1989, с. 6]. В этом же году там были проведены небольшие раскопки Т.П. Вальковой [Валькова, 1989]. На площади 40 кв. м исследовано девять хозяйственных ям. Из ям и культурного слоя происходят фрагменты груболепных округлобоких и ребристых горшков, в том числе с расчесами гребнем, а также обломок характерного пряслица киевской культуры. Очевидно, памятник относится к ее раннему этапу. Материалы хранятся в Черниговском историческом музее.

60. Зарванщина. Многослойное поселение расположено в 2,5 км к юго-востоку от южной окраины с. Дибровное. Занимает пониженный мыс левого берега р. Крюкова (правый приток р. Снов, правого притока р. Десна, левого притока р. Днепр) в уроч. Зарванщина. Площадь – около 6 га, западная часть памятника повреждена карьером. Подъемный материал представлен керамикой эпохи бронзы, милоградской, зарубинецкой и киевской культур.

В 1990-1991 гг. экспедицией Черниговской областной инспекции по охране памятников истории и культуры на поселении проведены раскопки [Жаров, 1991б], выявившие остатки трех построек раннего железного века. Материалы киевской культуры представлены обломками груболепных горшков с примесью шамота в керамической массе и диска со слабо утолщенным краем, а также несколькими характерными пряслицами. Материалы хранятся в фондах Инспекции по охране памятников истории и культуры Черниговской области.

61. Лашуки-2. Многослойное поселение расположено в северо-западной части с. Лашуки. Занимает мыс первой надпойменной террасы правого берега р. Крюкова (правый приток р. Снов, правого притока р. Десна, левого притока р. Днепр). Высота – 1-2,5 м над уровнем поймы. Площадь около 1,5 га, мощность культурного слоя – 0,3-0,6 м. Поселение обнаружено в 1960 г. Э.А. Сымоновичем. В 1992 г. обследовано Г.В. Жаровым и Т.Н. Майбородой (Жаровой) [Жаров, Майборода, 1992, с. 3]. Подъемный материал представлен лепной керамикой эпохи бронзы и Киевской Руси, а также киевской культуры с примесью шамота в тесте (в т.ч. венчиком с вдавлениями и стенками с расчесами). Очевидно, горизонт, с которым связаны эти находки, относится к позднезарубинецким памятникам типа Гриней или к раннему этапу киевской культуры. Материалы обследования 1992 г. хранятся в фондах Инспекции по охране памятников истории и культуры Черниговской области.

62. Мыс. Многослойное поселение расположено в 0,1-0,2 км к югу от окраины с. Конотоп. Занимает мыс первой надпойменной террасы левого берега р. Крюкова в месте ее впадения в р. Снов (правый приток р. Десна, левого притока р. Днепр). Высота – 1-2 м над уровнем поймы. Площадь – около 4 га, распахивается. Мощность культурного слоя 0,2-0,4 м. Поселение обнаружено в ходе разведки Г.В. Жаровым и Т.Н. Майбородой (Жаровой) [Жаров, Майборода, 1992, с. 7].

Подъемный материал представлен лепной керамикой эпохи бронзы, раннего железного века и киевской культуры с примесью шамота в тесте. Последняя (в т.ч. стенки и венчик, орнаментированный расчесами) численно преобладает. Очевидно, содержащий эти находки горизонт относится к позднезарубинецким памятникам типа Гриней или к раннему этапу киевской культуры. Материалы хранятся в фондах Инспекции по охране памятников истории и культуры Черниговской области.

63. Пойма. Поселение расположено в 4 км к северу от северной окраины с. Лемешовка и в 1,5 км к югу от с. Усохи. Занимает дюну в пойме правого берега р. Тетева (правый приток р. Снов, правого притока р. Десна, левого притока р. Днепр). Разведка Г.В. Жарова 1988 г. [Жаров, 1988, с. 5]. Размеры – 150 x 150 м, задерновано. В выдувах встречена лепная керамика киевской культуры с примесью шамота в тесте, в т.ч. обломки ребер горшков. Материалы хранятся в фондах Инспекции по охране памятников истории и культуры Черниговской области.

64. Староселье. Многослойное поселение расположено в 0,4 км к северо-востоку от с. Староселье и в 1,7 км к западу от южной окраины с. Автуничи. Занимает мыс левого берега р. Верпч (правый приток р. Тетева, правого притока р. Снов, правого притока р. Десна, левого притока р. Днепр). Общая площадь – около 6 га. Разведка Г.В. Жарова 1988 г. [Жаров, 1988, с. 4]. Подъемный материал представлен гончарной древнерусской керамикой. Керамика киевской культуры с примесью шамота в тесте, в т.ч. обломки ребристых горшков, концентрируется в западной, пониженной части поселения. Материалы хранятся в фондах Инспекции по охране памятников истории и культуры Черниговской области.

Козелецкий р-н

65. Набильское. Памятник расположен в 2,3 км к северо-западу от с. Набильское на узком пологом мысу первой надпойменной террасы левого берега Десны (левый приток р. Днепр). Длина мыса – около 300 м, ширина напольной части – 140 м, высота – 2-10 м над уровнем поймы. Обнаружен в 2006 г. Черниговской областной инспекцией по охране памятников истории и культуры в ходе обследования участка под застройку. Поверхность памятника задернована, поросла редкими деревьями и кустами, повреждена несколькими

небольшими выдувами и песчаными карьерами, а также сооружениями хутора XIX – начала XX в.

В пределах мыса заложено 13 шурфов 2 x 2 м. Мощность культурного слоя 0,2-1 м (в напольной части он перекрыт песчаными наносами). На поверхности и в шурфах встречены материалы эпохи бронзы, раннего железного века и киевской культуры. Находки фрагментов груболепной керамики с примесью крупного шамота, относящейся к киевской культуре, наиболее многочисленны. Из шурфа на оконечности мыса происходят крупный обломок верхней части округлобокого горшка, венчик сосуда со следами расчесов гребнем и подлощенное уплощенно-биконическое пряслице. Встречен также фрагмент столового чернолощеного сосуда. Эти находки позволяют отнести памятник к ранней фазе киевской культуры. Материалы хранятся в фондах Инспекции по охране памятников истории и культуры Черниговской области.

Куликовский р-н

66. Ильющина. Многослойное поселение расположено в 2 км к северо-востоку от с. Жуковка и в 3 км к юго-востоку от пгт. Куликовка, в 0,2 км к югу от железной дороги Нежин – Чернигов, в ур. Ильющина. Занимает юго-восточный склон небольшой возвышенности посреди осушенного болота. Размеры – 190 x 40 м, распахивается. Обнаружено Ю.Н. Сытым и Г.В. Жаровым в 1987 г. [Сытый, Жаров, 1987, с. 7]. Подъемный материал представлен отдельными фрагментами лепной керамики эпохи бронзы. Преобладает керамика киевской культуры с примесью шамота в тесте, в т.ч. обломки ребер горшков. Материалы хранятся в фондах Инспекции по охране памятников истории и культуры Черниговской области.

67. Ольховик-1. Многослойное поселение расположено в 3,8 км к юго-западу от южной окраины пгт. Куликовка и в 2 км к востоку от мыса Ольховик на берегу небольшого озера. Площадь – около 1,5 га, мощность культурного слоя составляет 0,15 м. Обнаружено Ю.Н. Сытым в 1989 г. [Сытый, 1989, с. 17]. Подъемный материал представлен лепной керамикой эпохи бронзы и киевской культуры, в том числе фрагментом диска, а также обломком стенки гончарного сосуда черняховской культуры. Материалы хранятся в фондах Инспекции по охране памятников истории и культуры Черниговской области.

68. Папирня. Многослойное поселение расположено в 4,5 км к юго-западу от с. Салтыкова Девица и в 4,5 км к востоку от пгт. Куликовка, в ур. Папирня. Занимает мыс, образованный болотом и прилегающей к нему низиной. Размеры – 450 x 70-170 м, мощность культурного слоя составляет 0,2 м, распахивается. Обнаружено Ю.Н. Сытым и Г.В. Жаровым в 1987 г. [Сытый, Жаров, 1987, с. 4]. Подъемный материал представлен лепной керамикой эпохи бронзы (среднеднепровская культура) и киевской культуры, а также гончарной древнерусской. Керамика киевской культуры с примесью шамота в тесте преимущественно неорнаментирована, несколько стенок имеют расчесы гребнем. Материалы хранятся в фондах Инспекции по охране памятников истории и культуры Черниговской области.

69. Пинчуковы Рвы-2. Многослойное поселение расположено в 2,5 км к северо-востоку от с. Жуковка и в 3,3 км к востоку от пгт. Куликовка, в ур. Пинчуковы Рвы. Занимает возвышенность высотой до 3 м на краю болота, которая разделена неглубокой ложбиной на две части: западную (200 x 100 м) и восточную (150 x 100 м). Обследование Ю.Н. Сытого и Г.В. Жарова 1987 г. [Сытый, Жаров, 1987, с. 6]. Подъемный материал представлен отдельными фрагментами лепных сосудов эпохи бронзы и раннего железного века. Преобладает керамика киевской культуры с примесью шамота в тесте, преимущественно неорнаментированная, несколько стенок имеют расчесы гребнем. Материалы хранятся в фондах Инспекции по охране памятников истории и культуры Черниговской области.

Менский р-н

70. Гребля. Памятник расположен на останце террасы в пойме левого берега р. Десна при слиянии рек Домны и Стольненки на западной окраине с. Гребля. Размеры останца – 500 x 150 м (площадь – около 4 га), высота – 3-5 м над уровнем поймы. Обследован А.К. Сыромятниковым и В.Д. Покотило в 1981 г. [Терпиловский, Абашина, 1992, с. 140]. Мощность культурного слоя – 0,3-0,8 м (его верхний горизонт распахан). При осмотре встречены материалы эпохи бронзы, раннего железного века, зарубинецкой и киевской культур.

Так как останец активно разрушался песчаным карьером, в 1989-1993 гг. Т.П. Вальковой на нем были проведены охранные раскопки, в ходе которых на площади свыше 1200 кв. м исследовано 167 хозяйственных ям и пять построек [Валькова, 1989; 1990; 1991; 1992; 1993]. Большая часть объектов относится к зарубинецкой культуре (типа Чаплина). С киевской культурой связаны небольшая хозяйственная постройка и ряд ям-погребов. Из объектов и культурного слоя происходят фрагменты груболепных округлобоких, слабопрофилированных и ребристых горшков и корчаг, в том числе с расчесами гребнем (рис. 34; 35). Редкой формой горшков являются сосуды с ребром в верхней части и вертикальным венчиком (рис. 35: 8, 9, 11). Единичными обломками представлены груболепные и чернолощеные высокие ребристые миски (рис. 34: 4). К индивидуальным находкам

относятся несколько железных ножей и обломок лезвия топора или тесла, две бусины типа 104 по Е.А. Алексеевой из красной пасты и около десятка характерных пряслиц киевской культуры (рис. 35: 1-7). На поверхности одного из них наколами нанесены изображения свастик. Очевидно, памятник датируется ранним этапом киевской культуры. Не исключена его связь с верхнеднепровскими древностями типа Абидни. Материалы хранятся в Черниговском историческом музее.

Новгород-Северский р-н

71. Бирино. Многослойное поселение эпохи бронзы, раннего железного века, киевской культуры и позднего средневековья находится на левом берегу Десны (левый приток р. Днепр) в 3 км на запад от западной окраины села. Занимает мысообразный край боровой террасы высотой 2-3 м, заросший лесом. Поверхность памятника разрушается грунтовой дорогой, что привело к образованию оврага, в обрыве которого зафиксировано заполнение углубленного объекта. Материалы киевской культуры представлены обломками лепных горшков и фрагментированным пряслицем с крупным отверстием [Петраускас А.В., Петраускас О.В., 2004, с. 25-26]. Материалы хранятся в Шосткинском краеведческом музее.

Носовский р-н

72. Козары-7. Многослойное поселение занимает мысообразный выступ первой надпойменной террасы р. Остер (левый приток р. Десна, левого притока р. Днепр) в 2 км к северо-западу от с. Козары. Памятник обнаружен в 2001 г. Т.М. и Г.В. Жаровыми. Тогда же на нем были проведены охранные раскопки. С основным слоем поселения, который относится к гуннскому времени, связаны восемь построек и 70 хозяйственных ям, исследованных на площади свыше 2000 кв. м. Шесть построек можно считать жилищами. Все они имели центральный столб и были углублены в материк на 0,1-0,4 м. Пять из них были ориентированы по сторонам света стенами, одна (постройка 7) – углами. Размеры подквадратных жилищ: постройка 1 – 4,2 x 3,8 м; постройка 7 – 3,5 x 3,6 м. Два других отличаются большими размерами: постройка 2 – 4,7 x 4,7 м; постройка 5 – 5,2 x 5,4 м. Размеры подпрямоугольных жилищ: постройка 4 – 3,4 x 4,8 м; постройка 6 – 4,6 x 6,3 м. К постройке 6 примыкал погреб (постройка 9) подпрямоугольной в плане формы размерами 2 x 2,7 м. Со стороны жилища прослеживался вход в виде двух ступенек.

Хозяйственные ямы имели главным образом цилиндрическую форму (диаметр 0,8-1,8 м, глубина 0,1-1 м от уровня материка).

Коллекция керамики из объектов и культурного слоя довольно бедна. Она представлена обломками груболепных слабопрофилированных горшков, изготовленных из керамической массы с примесью шамота. Особо отметим верхнюю часть сосуда, украшенного налепным горизонтальным валиком с вдавлениями. Аналогичные горшки происходят с известного поселения Хлопков-1 на р. Трубеж. Однако в отличие от последнего, черняховская гончарная керамика в Козарах-7 представлена только двумя фрагментами сосудов [Жарова, Жаров, Терпиловський, 2002].

К гуннскому времени принадлежат более 120 индивидуальных находок, в том числе около ста керамических пряслиц (целых и обломков). Большинство из них имеют биконическую форму, некоторые орнаментированы знаками, прочерченными по сырой глине. Среди других находок заслуживают упоминания бронзовые туалетный пинцет и язычок пряжки, несколько стеклянных бусин, среди которых одна полихромная, железные кольца от кольчуги (?), серебряная пластинка-оковка и др. (рис. 36).

Характер керамического комплекса и датирующие находки свидетельствуют, что основной слой поселения следует датировать рубежом IV/V – первой половиной V в., то есть финалом киевской культуры [Терпиловский, 2002]. Краткие сведения о памятнике опубликованы [Жарова, Жаров, Терпиловський, 2002]. Материалы хранятся в фондах Инспекции по охране памятников истории и культуры Черниговской области.

Прилуцкий р-н

73. Щуровка-1. Многослойное поселение расположено в 2,4 км к юго-востоку от с. Щуровка, в 0,6 км выше плотины межрайонного пруда. Оно занимает склон мысообразного выступа на правой стороне обводненного оврага, входящего в бассейн р. Смош (левый приток р. Удай, правого притока р. Сула, левого притока р. Днепр). Подъемный материал концентрируется на пониженной части мыса на площади 260 x 100 м. Памятник обследован А.В. Шекуном в 1986 г. [Шекун, 1992, с. 8-11].

Для определения культурно-хронологической прнадлежности памятника было заложено четыре шурфа 1 x 1 м и раскоп площадью 42 кв. м. Основные находки в раскопе концентрировались на глубине 0,25-0,6 м. Отсюда происходят около 100 фрагментов гончарной керамики черняховской культуры и около 40 обломков лепной посуды, а также два целых и три фрагментированных низких биконических пряслица с широкими отверстиями и обломок еще одного из стенки сосуда. У восточной стены раскопа на глубине 0,8 м встречено скопление печины и керамики (около 320 обломков, в т.ч. около 200 лепных), а также камен-

ные растиральник и оселок, костяная поделка, часть железного серпа.

В целом стратиграфия находок такова: верхний слой – лепная керамика типа Сахновки, средний – гончарная керамика черняховской культуры, нижний, начиная с 1 м – лепная керамика киевской культуры. Последняя представлена примерно 70 фрагментами, в том числе венчиком с расчесами гребнем, обломками ребристых лощеных мисок (один сосуд реставрирован полностью, на одном из фрагментов заметен выгравированный рисунок в виде сложной свастики) (рис. 37).

Характер керамического комплекса свидетельствует, что киевский горизонт поселения следует датировать дочерняховским временем, т.е. III – рубежом III/IV в. Материалы хранятся в фондах Инспекции по охране памятников истории и культуры Черниговской области.

Репкинский р-н

74. Ловинь-1. Многослойное поселение расположено в 2,3 км к югу от южной окраины с. Ловинь. Занимает дюну в болоте Северный Замглай. Размеры – 100 x 60-75 м. В южной части прорезано мелиоративным каналом, распахивается. Памятник обнаружен Г.В. Жаровым и А.Г. Пильником в 1989 г. [Жаров, Пильник, 1989, с. 12]. Подъемный материал представлен керамикой раннего железного века (милоградская культура) и фрагментами груболепных горшков с примесью дресвы в тесте, а также обломком характерного пряслица киевской культуры. Материалы хранятся в Черниговском историческом музее или в фондах Инспекции по охране памятников истории и культуры Черниговской области.

Черниговский р-н

75. Александровка-1. Поселение расположено на северо-восточной окраине г. Чернигова около бывшего с. Александровка. Селище занимает оба берега неглубокой балки высокого левого берега р. Стрижень (правый приток р. Десна, левого притока р. Днепр), по которой в древности протекал ручей. Открыто Г.А. Кузнецовым в 1982 г. В начале 1990-х годов территория памятника была выделена под частную застройку. Охранные раскопки были проведены археологической экспедицией Черниговского исторического музея (начальник А.В. Шекун) в 1993-2003 гг. Общая исследованная площадь памятника составляла 2,4 га. В ее границах обнаружено 56 жилых и хозяйственных сооружений и 810 хозяйственных ям, а также семь выносных очагов [Терпиловський, Шекун, 1996; 2004]. К сожалению, не все раскопы удалось соединить в единое целое. Этому помешала современная застройка, подъездные пути, траншеи под коммуникации и т.п. (рис. 38).

Культурный слой поселения сохранился не везде: в границах некоторых раскопов он распахан до материка или уничтожен во время строительства. Мощность неповрежденного культурного слоя не превышает 0,1 м. На некоторых участках он залегает на древнем черноземе толщиной 0,15-0,3 м. Материк представлен светлой супесью или коричнево-желтым суглинком. В нижней части склона он сильно увлажнен, темно-коричневого цвета. Раскопки частично проходили на территории, где культурный слой был снят до материка вследствие строительных работ. В лучшем случае толщина напластований над материком не превышала 0,3-0,4 м.

Большинство жилищных и хозяйственных сооружений, а также почти все хозяйственные ямы принадлежали позднему этапу киевской культуры. Меньшее количество жилищ и отдельные ямы относятся к колочинскому и сахновско-волынцевскому горизонтам. На поселении встречено также небольшое количество находок эпохи бронзы и раннего железного века.

В ходе раскопок зафиксировано несколько случаев перекрывания одного жилища другим. Например, киевская полуземлянка 38 перерезает другое киевское жилище – 37. Известны также два случая, когда самые поздние на поселении жилища сахновско-волынцевского типа перерезают более ранние сооружения: жилище 48 – киевскую полуземлянку 49, а жилище 53 частично построено на месте колочинской полуземлянки 52.

Поселение киевской культуры имело достаточно большие размеры: расстояние между крайними сооружениями составляет 420 м. По распространению подъемного материала длина поселения на левом берегу составляла около 500 м. Заселенный участок на левой стороне имел в длину приблизительно 300 м. Далее на запад расположен еще один заселенный участок, однако раскопки здесь не проводились. В границах раскопов ширина застройки составляет от 40-60 м (на правом берегу) и до 70-100 м (на левом). На правом берегу исследовано по восемь жилищных и хозяйственных сооружений, на левом – соответственно 12 и 16. Четкой закономерности в размещении хозяйственных ям и сооружений не существует, хотя можно предположить, что они тяготеют к окружающим жилища участкам.

Жилища киевской культуры представлены двумя типами. Первому принадлежат полуземлянки со стенами срубной конструкции, впущенными в котлован. Их характеризуют правильная в плане, близкая к квадратной, форма; относительно большие размеры (длина стенки котлована 4-4,8 м) и глубина (0,2-0,4 м); наличие глубокой ямы от центрального столба, на который частично опиралась крыша; отсутствие явных следов очага, за исклю-

чением обожженных участков пола. К этому типу жилищ можно отнести постройки 8, 9, 13, 38, 41, 49, 54. К ним приближаются также постройки 34 и 37, имеющие четкую прямоугольную форму, но небольшую глубину: 0,1-0,15 м. Всего исследовано 10 жилищ первого типа.

Ко второму типу отнесены жилища с деревянными стенами, построенными вокруг небольшого углубления или на уровне материка. Для них характерны аморфные очертания и небольшая глубина, иногда отдельные столбовые ямы за границами углубления, а также печи-камины, вырезанные в материковых стенках. Такими являются постройки 1, 2, 6, 10, 24, 36 и 55. Размеры постройки 10 несколько больше (4,2 x 3,8 м), но незначительная глубина, яма-погреб, частично выходящая за пределы углубленной части, а также расположенная рядом столбовая яма позволяют отнести ее к этому же типу. Размеры постройки 24 относительно велики (3-3,4 x 4 м), а глубина достигает 0,28 м, однако в борта ее котлована врезаны поды трех печей, а сами борта сохранили местами следы глиняной обмазки, что свидетельствует о возведении стен сооружения вокруг углубления, а не внутри его. Пол постройки 36 размещался на уровне материка. Всего в Александровке исследовано семь наземных жилищ (рис. 39).

Три постройки (5, 17, 22) сложно отнести к тому или иному типу. Они имеют прямоугольные очертания небольших размеров (длина стены 2,8-3,6 м). По этой причине не исключено, что в этом случае сруб также был поставлен вокруг углубленной части, как у жилищ второго типа.

Хозяйственные сооружения также разделяются на два основных типа: подпрямоугольные с ровным полом (постройки 4, 12, 18, 23, 30, 43 и 50) и постройки неправильной формы, образованные несколькими глубокими ямами-погребами с одним общим перекрытием (постройки 7, 15, 45, 46, 56). К переходным типам принадлежат овальные в плане постройки 19, 20, 25, 27, 32 с относительно ровным полом и постройки 47 и 51, имевшие достаточно правильную форму с выкопанной в полу одной хозяйственной ямой. В отличие от жилищ при возведении хозяйственных сооружений широко использовалась глиняная обмазка. Очевидно, для срубных жилищ применяли полноценные колоды, а на хозяйственные постройки шла преимущественно второсортная древесина, поэтому каркас с множеством щелей приходилось замазывать толстым слоем глины.

Особое место среди хозяйственных сооружений занимают остатки колодца (постройка 34), впервые встреченные на раннеславянском поселении. Его наличие свидетельствует о достаточно высокой бытовой культуре обитателей Александровки.

Подавляющее большинство хозяйственных ям принадлежало киевской культуре [Терпиловский, Шекун, 1996, с. 15]. Находки встречены в 60-70% ям. За исключением нескольких из них с единичными находками колочинской или волынцевской культуры, все они содержали киевские материалы. Скорее всего, пустые ямы также были выкопаны в этот период. Таким образом, общее количество хозяйственных ям на киевском поселении составляло приблизительно 800.

Только несколько десятков ям имеют прямоугольные очертания, другие – более-менее круглые или овальные. Их диаметр чаще всего составляет 1-1,5 м, а глубина – 0,3-0,8 м от уровня материка. Очевидно, большинство этих ям использовалось как погреба для хранения продовольственных припасов, которые иногда держали в больших глиняных корчагах, берестяных или деревянных сосудах. Некоторые ямы имели ступеньки, приближаясь по конструкции к настоящим погребам. Куски обожженной глиняной обмазки с отпечатками расколотых плах свидетельствуют, что погреба нередко имели перекрытие типа шалаша, обмазанное глиной.

Возможно, какая-то часть ям имела производственное назначение. Ямы, выкопанные в нижней части склона в насыщенной водой почве, могли использоваться как своеобразные чаны для замачивания и дубления кожи. В ямах 306 и 646 найдены скопления отмученной глины, предназначенной для изготовления посуды или обмазки стен построек. В яме 588 обнаружены куски железного шлака. С ямой 775 связан горн для плавки бронзы, обломки тигля и шлаков, а с ямой 779 – остатки глиняной печи для просушки зерна перед помолом.

Основные находки представлены груболепной (кухонной и тарной) и лощеной (столовой) керамикой. Первая численно преобладает. Она содержит в составе керамической массы крупные зерна шамота, делающие поверхность сосудов бугристой. Почти вся посуда была неорнаментированной.

Практически вся груболепная керамика представлена горшковидными сосудами различных размеров, составляющими в количественном отношении основу керамического комплекса и определяющими его специфику. Морфологический анализ сосудов осуществлен по типологической схеме, предусматривающей выделение классов по форме максимального расширения корпуса, типов по общим очертаниям профиля, вариантов по характеру верхней части [Терпиловский, 2004, с. 19-20].

Класс I образовывают округлобокие и слабопрофилированные горшки, тип 1 – сосуды с выпуклой линией верхней части профиля (у варианта а максимальное расширение находится в средней, у варианта б – в верхней части). Тип 2 составляют менее профилированные сосуды с прямой линией верхней части (у варианта а –

максимальное расширение в средней, у варианта б – в верхней части, к варианту в относятся банковидные формы со слабо выделенной шейкой и широким днищем). В тип 3 включены тюльпановидные сосуды с широким горлом (варианты выделяются по высоте максимального расширения корпуса).

Класс II включает горшки с ребристым перегибом корпуса: тип 1 – сосуды с прогнутой верхней частью, тип 2 – биконические и цилиндро-конические формы (варианты выделяются по степени открытости горла) (рис. 40).

Количественное распределение груболепных горшковидных сосудов отображено в табл. 1.

Табл. 1. Количественное распределение груболепных горшковидных сосудов.

Объекты	находки								
	горшки и корчаги (классы и типы)					миски	диски	лощеная посуда	черняховская гончарная керамика (количество и процент)
	I			II					
	1	2	3	1	2				
Жил. 1	-	-	1	-	-	-	1	-	-
Жил. 5	-	1	-	-	2	-	-	-	24 (39,3%)
Жил. 6	1	1	-	-	-	-	-	-	5 (4,4%)
Жил. 8	2	1	-	-	-	-	-	-	4 (2,7%)
Жил. 9	-	1	1	1	5	-	-	-	2 (1%)
Жил. 13	-	-	1	-	1	-	-	-	1
Жил. 17	-	1	-	-	-	-	-	-	1
Жил. 22	-	-	-	-	-	-	-	1	2 (7%)
Жил. 24	-	-	-	1	1	-	-	1	4 (10%0
Жил. 33	-	-	-	-	1	1	-	-	14 (10%)
Жил. 34	-	-	-	-	-	-	-	-	1
Жил. 36	-	-	-	1	2	3	3	-	4 (2,3%)
Жил. 37	1	1	-	-	1	-	-	-	8 (4%)
Жил. 41	1	-	-	-	-	-	-	-	-
Жил. 49	1	-	-	-	-	-	-	-	-
Жил. 54	-	-	-	-	-	-	-	-	1
Постр. 4	-	-	-	-	2	-	-	-	17 (30,3%)
Постр. 7	-	2	1	-	1	-	-	-	9 (20%)
Постр. 15	-	-	-	-	1	1	-	-	4 (26%)
Постр. 27	-	-	1	-	1	-	-	-	-
Постр. 28	1	-	-	-	-	-	-	-	1
Постр. 35	1	-	-	-	-	-	1	-	4 (6,7%)
Постр. 43	-	-	-	-	-	-	-	-	1
Постр. 45	-	-	-	-	2	-	-	-	1
Постр. 46	-	-	-	-	-	-	-	-	1
Хоз. ямы и к. слой	11	5	4	6	21	7	2	4	+

Таким образом, структура керамического комплекса Александровки выглядит следующим образом: биконические горшки составляют почти половину всех сосудов, за ними следуют округлобокие, банко- и тюльпановидные, а также ребристые с прогнутой линией верхней части.

Набор сосудов Александровки имеет ближайшие аналогии на другом поселении бассейна Стрижня – Роище [Терпиловский, 1984, с. 39-40; Терпиловский, Абашина, 1992, с. 48-53; Обломский, 2002, с. 65-66].

К груболепной посуде следует также отнести несколько обломков дисков, которые использовались как крышки горшков и сковородки (рис. 40: 5,7). Керамический набор дополняется несколькими фрагментами сосудов с подлощенной поверхностью. Мисковидные сосуды представлены единичными находками, которые принадлежат к двум типам: конических и ребристых мисок, обычно изготовленных из кухонного теста.

Состав черняховского керамического импорта в Александровке типичен для позднекиевских памятников Черниговщины. Здесь количественно преобладает столовая посуда и почти отсутствуют сосуды больших размеров. Спецификой памятника является наличие выразительных обломков не только мисок и горшков, но и кувшинов нескольких типов. Особенно значительное количество черняховского гончарного импорта встречено в жилище 5 (почти 40%) и связанной с ним хозяйственной постройке 4 (30%), где были также найдены полуфабрикаты и отходы производства костяных гребней.

Орудия труда и промыслов изготовлены главным образом из железа и стали. Это железные ножи и бритвы, нож-ложкарь, шилья, обломки серпов, рыболовецкий крючок, кресала, крупная булавка или проколка. К индивидуальным находкам относятся также наконечник копья, шпора, костяные проколки, тупики и кочедыки, обломки туфовых жерновов и точильных брусков из песчаника, глиняные литейная форма и фрагменты тиглей, стеклянные бусы, бронзовые пронизки и др. Глиняных пряслиц киевской культуры найдено около 70. Большинство изделий имеет уплощенно-биконическую форму с большим отверстием. Из глины изготовлено также невысокое цилиндрическое грузило для ткацкого станка.

Датирующие вещи делятся на две группы, причем наиболее многочисленную составляют черняховские импортные предметы, представленные несколькими стеклянными бусинами, бронзовой фибулой со сплошным приемником типа Б2 по Е.Л. Гороховскому (рис. 41: 5), трехслойным многочастным роговым гребнем с трапециевидной спинкой (рис. 41: 3). Последние вещи преимущественно датируются второй-третьей четвертью IV в. [Гороховский, 1988в, с. 44].

Некоторые находки имеют аналогии как в черняховской культуре, так и среди археологических общностей римского времени и эпохи Великого переселения народов Центральной Европы и Прибалтики. Такими в первую очередь являются массивные железные фибулы со сплошным приемником (рис. 41: 1), железная шпора с пластинчатой дужкой и крючками на концах и стержневидные кресала (рис. 41: 2). Обе фибулы с фасетками и площадками на спинке принадлежат к типам Б2 и Б3 по Е.Л. Гороховскому, которые появляются не ранее середины IV в. [Гороховский, 1988а, с. 12]. По европейским аналогиям период существования этих вещей также определяется в границах середины IV – начала V в. [Казанский, 1999, с. 411]. Особо следует отметить бронзовый наконечник пояса из ямы 709 (рис. 41: 4). Его следует отнести к гуннскому времени, хотя полные аналогии нам неизвестны.

Мы склонны датировать киевское поселение концом IV – первой половиной V в., причем в этих хронологических границах поселение могло «реально» существовать не более 40-50 лет.

На территории поселения также случайно найдена медная монета византийского императора Льва II (474 г.). Не исключено, что какое-то количество объектов (в том числе и жилищ) с маловыразительным материалом принадлежит уже не киевскому, а раннеколочинскому горизонту V в. На это, кроме монеты Льва II, возможно, указывают перекрытие одного жилища другим, ямы с керамикой киевско-колочинского типа, впущенные в заполнение жилища 33, а также найденная Т.П. Вальковой неподалеку от Александровки железная фибула типа Прага [Терпиловский, 1997].

Прекращение существования поселения киевской культуры в Александровке следует связывать с началом стремительного расселения славян в середине V в. Напомним, что именно выходцами из Черниговского Подесенья были основаны такие селища, как Сенча и Хитцы на бывшей черняховской территории. Местное население, очевидно, продвигалось и на север, в верховья Днепра [Терпиловский, 1994, с. 24-28; Обломский, 2002, с. 69-70; Лопатин, 2000, с. 21-22]. Не исключено также, что толчком для этих миграций стало истощение полей вокруг Александровки вследствие их активной эксплуатации и ухудшения климатической ситуации в это время [Шишкін, 1996, с. 20-22].

Материалы хранятся в Черниговском историческом музее. Они опубликованы [Терпиловський, Шекун, 1996; 2004].

76. Деснянка (Титова речка). Поселение расположено на северо-западном склоне заболоченной впадины высотой до 3,5 м. С севера оно ограничено ручьем Титова речка, впадающим в р. Белоус (правый приток р. Десна, левого притока р. Днепр).

Памятник находится в 1,5 км от с. Деснянка, имеет общие размеры 400 x 50-100 м. В 1982-1986 гг. под руководством А.В. Шекуна при участии И.А. Бажана и В.В. Мултанен здесь было вскрыто 1400 кв. м, обнаружен материал эпохи бронзы, раннего железного века, зарубинецкой и киевской культур. Размеры зарубинецкого и киевского поселения – 170 x 70 м. Исследованы шесть зарубинецких построек и шесть жилищ киевской культуры, свыше 50 хозяйственных ям. Коллекция находок хранится в Черниговском историческом музее. Материалы полностью опубликованы [Шекун, Терпиловский, 1993], описание построек киевской культуры включено в свод Р.В. Терпиловского и Н.С. Абашиной [Терпиловский, Абашина, 1992, с. 132-133]. Поскольку черниговское издание уже стало библиографической редкостью, то в настоящей публикации мы приводим рисунки керамики, находок и планы построек (рис. 42-45).

77. Кошовка-2. Поселение расположено в северо-западной части с. Кошовка по правую сторону дороги Чернигов-Любеч вдоль пологого склона правого берега р. Белоус (правого притока р. Десна, левого притока р. Днепр). Памятник обнаружен экспедицией Черниговской областной инспекции по охране памятников истории и культуры [Шекун, 1991, с. 20]. На поселении встречены орнаментированное пряслице милоградской культуры, позднезарубинецкая керамика и материалы киевской культуры. Киевский горизонт представлен фрагментами груболепных горшков и диска с примесью шамота, реже – дресвы в керамической массе, а также фрагментом гончарного сосуда черняховской культуры. Материалы хранятся в фондах Инспекции по охране памятников истории и культуры Черниговской области.

78. Лагерь. Поселение расположено в 1,4 км к востоку от юго-восточной окраины с. Клочков. Занимает участок правого берега р. Снов (правый приток р. Десна, левого притока р. Днепр) при его резком повороте на юг. Культурный слой мощностью 0,3-0,4 м, перекрытый местами речными наносами, прослежен в обрыве на протяжении 120 м. Памятник обнаружен В.В. и А.А. Мултаненами [Мултанен В.В., Мултанен А.А., 1993, с. 14]. Подъемный материал представлен груболепной керамикой киевской культуры с примесью шамота, а также двумя фрагментами стенок гончарных сосудов черняховской культуры. Материалы хранятся в Черниговском историческом музее или в фондах Инспекции по охране памятников истории и культуры Черниговской области.

79. Полуботки-3. Поселение расположено на северо-западной окраине с. Полуботки в ур. Бондарев Ровчак. Занимает участок на высоком левом коренном берегу р. Стрижень (правый приток р. Десна, левого притока р. Днепр). Памятник обнаружен В.Я. Руденком и Г.А. Кузнецовым [Руденок, Кузнецов, 1987, с. 16]. Подъемный материал собран на площади 120 x 240 м. В рытвине обнаружена часть хозяйственной ямы диаметром около 1 м. В темно-сером гумусированном заполнении найдено около 30 фрагментов груболепной керамики киевской культуры, в т.ч. обломки венчиков и ребристого бочка горшка. Материалы хранятся в Черниговском историческом музее или в фондах Инспекции по охране памятников истории и культуры Черниговской области.

80. Ульяновка-1. Известное в литературе многослойное поселение, исследовавшееся в 1974-1975 гг. Е.В. Максимовым и Р.В. Терпиловским [Максимов, Терпиловский, 1979; Терпиловский, 1984, с. 88-89; Терпиловский, Абашина, 1992, с. 135-136], расположено в 1 км к северо-западу от с. Ульяновка и в 1,2 км к востоку от с. Новоселовка на краю первой надпойменной террасы правого берега Десны (левый приток р. Днепр) высотой 7-15 м. В связи с выделением территории памятника под земельные участки в 1994-1999 гг. Г.В. Жаровым были проведены сплошные раскопки восточной части селища. В ходе этих работ, кроме материалов эпохи бронзы и милоградской культуры, обнаружены также новые находки киевской культуры.

В частности, удалось проследить край поселения римского времени. Исследованы полуземлянка, наземное жилище (восемь столбовых ямок по периметру и очаг), а также выносные очаги и хозяйственные ямы. Находки представлены груболепной керамикой, пряслицами, а также обломком бронзовой треугольной фибулы круга выемчатых эмалей [Обломский, Терпиловский, 2007. с. 132, 133], железной ведерковидной подвеской, обломком стеклянного кубка. Обнаружено несколько безынвентарных трупосожжений, лишь в одном из них кроме большого количества кальцинированных костей встречена обожженная 14-гранная сердоликовая бусина. Материалы хранятся в фондах Инспекции по охране памятников истории и культуры Черниговской области.

81. Чудиново Озеро. Многослойное поселение расположено в 2 км к юго-западу от с. Клочков. Занимает участок правобережной террасы р. Снов (правый приток р. Десна, левого притока р. Днепр) высотой около 3 м между двумя пересохшими притоками. Размеры 80-100 x 850 м. Памятник обнаружен В.В. и А.А. Мултаненами [Мултанен В.В., Мултанен А.А., 1993, с. 16]. Подъемный материал представлен лепной керамикой раннего железного века и гончарной древнерусской, а также фрагментами груболепных сосудов и обломком характерного пряслица киевской культуры. Материалы хранятся в Черниговском историческом музее или в фондах Инспекции по охране памятников истории и культуры Черниговской области.

Щорский р-н

82. Жеведь-4. Поселение расположено в юго-восточной части с. Жеведь. Занимает мысообразный выступ останца правобережной террасы р. Снов (правый приток р. Десна, левого притока р. Днепр) к востоку от устья р. Мостище. Площадь – около 3,5 га, занято огородами села. Селище обнаружено в ходе разведки 1992 г. Г.В. Жаровым и Т.Н. Майбородой (Жаровой) [Жаров, Майборода, 1992, с.1 9].На поселении собран подъемный материал: лепная керамика эпохи бронзы и раннекиевская (в том числе обломки венчика и стенки с расчесами), а также гончарная древнерусская. Материалы хранятся в фондах Инспекции по охране памятников истории и культуры Черниговской области.

Литература

Абашина Н.С. 1999. Поселення середини I тис. н.е. поблизу с. Ходосівка на Київщині //Етнокультурні процеси в Південно-Східній Європі в I тисячолітті н.е. Київ; Львів.

Абашина Н.С., Обломский А.М., Терпиловский Р.В. 1999. К вопросу о раннеславянских элементах культуры на черняховских памятниках Среднего Поднепровья // РА. № 4.

Башкатов Ю.Ю., Дегтярь А.К., Любичев М.В. 1997. Селище позднеримского времени Родной Край-3 в бассейне Северского Донца // Древности. 1996. Харьков.

Бєлінська Л.І., Звагельський В.В., Карась А. 2000. Звіт про археологічні дослідження м. Кролевець у 2000 р. // Архив ИА НАНУ. 2000/76.

Бєлінська Л.І., Звагельський В.Б., Нікітін Ю.О. 2001. Звіт про археологічні дослідження у м. Шостка Сумської обл. //Архив ИА НАНУ.

Бєляєва С.О., Кубишев А.І. 1995. Поселення Дніпровського Лівобережжя Х-ХУ ст. Київ.

Буйнов Ю.В. 1975. Отчет об археологических исследованиях Харьковской областной экспедиционно-туристической станции в 1975 г. // Архив ИА НАНУ, 1975/46.

Буйнов Ю.В. 1977. Отчет о раскопках и разведках на территории Харьковской обл. в 1977 г. // Архив ИА НАНУ. 1977/67.

Буйнов Ю.В. 1983. Отчет об исследованиях археологических памятников в зоне строительства Рогозянской оросительной системы // Архив ИА НАНУ. 1983/43.

Вадаи А.Х., Кульчар В. 1984. К вопросу о так называемых сарматских пряжках // Acta Arhaeologica Hungarica. XXXVI. Budapest.

Валькова Т.П. 1989. Отчет об археологических исследованиях в Черниговском, Городнянском, Менском районах Черниговской обл. // Архив ИА НАНУ. 1989/136.

Валькова Т.П. 1990. Отчет об охранных археологических раскопках на поселении у с. Гребля Менского района Черниговской обл. в 1990 г. // Архив ИА НАНУ. 1990/208.

Валькова Т.П. 1991. Отчет об археологических раскопках на поселении у с. Гребля Менского района Черниговской обл. в 1991 г. // Архив ИА НАНУ. 1991/76.

Валькова Т.П. 1992. Отчет об охранных археологических исследованиях многослойного поселения у с. Гребля Менского района Черниговской обл. в 1992 г. // Архив ИА НАНУ. 1992/66.

Валькова Т.П. 1993. Отчет об охранных раскопках поселения у с. Гребля Менского р-на Черниговской обл. и поселения в уроч. Яловшина (г. Чернигов) в 1993 г. // Архив ИА НАНУ. 1993/109.

Вовкодав С.М., Юрченко О.В. 2003. Нові знахідки в долині р. Броварка // Наукові записки з української історії. 14. Переяслав-Хмельницький.

Герета И.П. 1989. Новые могильники черняховской культуры в Западной Подолии и вельбарская культура // Kultura wielbarska w młodszym okresie rzymskim. II. Lublin.

Гороховский Е.Л. 1988а. Хронология ювелирных изделий первой половины 1 тыс. н.э. лесостепного Поднепровья и Южного Побужья. Автореф. дисс... канд. ист. наук. Киев.

Гороховский Е.Л. 1988б. Хронология ювелирных изделий первой половины I тыс. н.э. лесостепного Поднепровья и Южного Побужья. Дисс... канд. ист. наук. Киев // Архив ИА НАНУ.

Гороховский Е.Л. 1988в. Хронология черняховских могильников Лесостепной Украины // Труды V Международного конгресса археологов-славистов. 4. Киев.

Горюнов Е.А. 1981. Ранние этапы истории славян Днепровского Левобережья. Л.

Готун І.А., Казимір О.М., Квітницький М.В., Петраускас А.В., Петраускас О.В. 2005. Нові дані про слов'яно-руський горизонт багатошарового поселення між Ходосівкою і Лісниками // Археологічні дослідження в Україні у 2003-2004 рр. Запоріжжя.

Готун І.А., Петраускас О.В. 2005. Нові відкриття на Ходосівському археологічному комплексі // Археологічні дослідження в Україні у 2003-2004 рр. Запоріжжя.

Даниленко В.М. 1976. Пізньозарубинецькі пам'ятки київського типу // Археологія. 19. Київ.

Дьяченко А.Г. 1970. Отчет об археологических разведках на территории Харьковской обл. в 1970 г. // Архив ИА НАНУ. 1970/90.

Жаров Г.В. 1988. Отчет об археологических разведках 1988 г. в Городнянском р-не Черниговской обл. // Архив ИА НАНУ. 1988/146.

Жаров Г.В. 1990. Отчет об археологических разведках на территории Черниговской обл. в 1990 г. // Архив ИА НАНУ. 1990/189.

Жаров Г.В. 1991а. Отчет об археологических разведках на территории Черниговской обл. в 1991 г. // Архив ИА НАНУ. 1991/134.

Жаров Г.В. 1991б. Отчет об охранных археологических исследованиях на поселении «Зарванщина» (Стрелки) у с. Дибровное Городнянского р-на Черниговской обл. в 1991 г. // Архив ИА НАНУ. 1991/79.

Жаров Г.В., Майборода Т.Н. 1992. Отчет об археологических исследованиях на Черниговщине в 1992 г. (Городнянский и Щорский р-ны) // Архив ИА НАНУ. 1992/64.

Жаров Г.В., Пильник А.Г. 1989. Отчет об археологических разведках в Черниговском, Городнянском, Репкинском и Щорском р-нах Черниговской обл. в 1989 г. // Архив ИА НАНУ. 1989/150.

Жаров Г.В., Терпиловський Р.В. 2006. Дослідження пам'яток скіфського та римського часу у Верхньму Посуллі // Археологічний літопис Лівобережної України. 1. Полтава.

Жарова Т.М., Жаров Г.В., Терпиловський Р.В. 2002. Дослідження в зоні новобудов на Чернігівщині // Археологічні відкриття в Україні 2000-2001 рр. Київ.

Ильинская В.А. 1953. Отчет о работе Посульско-донецкого отряда Среднеднепровской экспедиции ИА АН УССР в 1953 г. // Архив ИА НАНУ. 1953/9а.

Ильинская В.А., Тереножкин А.И., 1966. Отчет о разведке в Днепровском Левобережье по течению рек Псла и Сейма в 1966 г. // Архив ИА НАНУ. 1966/18.

Казанский М.М. 1999. О балтах в лесной зоне России в эпоху великого переселения народов // Археологические вести. 6. СПб.

Колода В.В. 2000. Щодо культурно-хронологічного визначення Верхньосалтівського селища // Харківський державний педагогічний університет ім. Г.С. Сковороди. Збірник наукових праць: серія історія та географія. Вип. 4. Харків.

Кравченко Н.М., Петраускас О.В., Шишкин Р.Г., Петраускас А.В. 2007. Памятники археологии позднеримского времени Правобережной Киевщины. Киев.

Лопатин Н.В. 2000. Культурные традиции населения Верхнего Поднепровья и Подвинья в III-V вв. н.э. Автореф. дис... канд. ист. наук. М.

Магомедов Б.В., Абашина Н.С., Солтис О.Б. 2003. Пам'ятки черняхівської культури в Київської обл. Археологічна карта. Київ.

Максимов Е.В., Терпиловский Р.В. 1979. Поселения киевского типа у с. Ульяновка на Десне // Славяне и Русь. Киев.

Малашев В.Ю. 2000. Периодизация ременных гарнитур позднеримского времени // Сарматы и их соседи на Дону. Ростов-на-Дону.

Мітрофанова В.І. 1965. Пам'ятки зарубинецького часу на Дінці // Археологія. XVIII. Київ.

Мултанен В.В., Мултанен А.А. 1993. Отчет о разведочных работах на Черниговщине в 1993 г. // Архив ИА НАНУ. 1993/87.

Некрасова А.Н. 1990. Могильник черняховской культуры у с. Боромля на Сумщине // Питання археології Сумщини. Суми.

Некрасова А.Н. 1991. Раскопки памятников черняховской культуры у с. Боромля // Археологічні дослідження на Україні у 1990 р. Київ.

Некрасова А.Н. 2006. Памятники черняховской культуры Днепровского Левобережья // Готы и Рим. Киев.

Обломский А.М. 1991. Этнические процессы на водоразделе Днепра и Дона в I-V вв. Москва; Сумы.

Обломский А.М. 1996. Среднее Посеймье в позднеримское время. Формирование южной границы колочинской культуры // РА. № 4.

Обломский А.М. 1999. О времени появления черняховского населения на территории Днепровского Левобережья // Сто лет черняховской культуре. Киев.

Обломский А.М. 2002. Днепровское лесостепное Левобережье в позднеримское и гуннское время (середина III – первая половина V вв. н.э.). (РСМ. 5). М.

Обломский А.М. 2003. Материалы финала римского времени поселения Чаплищи-3 в Среднем Посеймье // Дослідження з археології, історії, етнографії: пам'яті Надії Михайлівни Кравченко. Київ.

Обломський А.М., Приймак В.В. 1992. Розвідки ранньослов'янських і давньоруських пам'яток на р. Клевень і р. Єсмань // Історико-культурна спадщина Глухівщини. Глухів.

Обломский А.М., Терпиловский Р.В. 2007. Предметы убора с выемчатыми эмалями на территории лесостепной зоны Восточной Европы (дополнение сводов Г.Ф. Корзухиной, И.К. Фролова и Е.Л. Гороховского) // Памятники киевской культуры в лесостепной зоне России (III – начало V в. н.э.) (РСМ. 10). М.

Петраускас А.В., Петраускас О.В. 2004. Нові археологічні пам'ятки поріччя Десни (матеріали до Зводу пам'яток історії та культури) // Збереження історико-культурних надбань Сіверщини. Глухів.

Петрашенко В.О., Козюба В.К. 1999. Узбережжя Канівського водосховища (каталог археологічних пам'яток). Київ.

Приймак В.В. 1994. Територіальна структура межиріччя Середньої Десни і Середньої Ворскли VIII – поч. IX ст. Суми.

Приймак В.В., Башкатов Ю.Ю., Коротя О.В., Осадчий Є.М. 2005. Поселення київської культури неподалік Сум // Археологічні дослідження в Україні 2003-2004 рр. Київ.

Приймак В.В., Бєлашов В.І., Осадчий Є.М. 1998. Звіт про археологічні дослідження Зеленогайского археологічного комплексу в 1998 р. та розвідки в Сумській обл. в 1996-1998 рр. // Архив ИА НАНУ. 1996-1998/121.

Приходнюк О.М. 1998. Пеньковская культура. Культурно-хронологический аспект исследований. Воронеж.

Приходнюк О.М., Швецов М.Л. 1989. Отчет о работе Славянской экспедиции в 1989 г. // Архив ИА НАНУ.

Роздобудько М.В. 2001. Звіт про охоронні дослідження узбережжя Канівського водосховища за 2000-2001 р. // Архив ИА НАНУ. 2001/25.

Роздобудько М.В. 2002. Нові пам'ятки київського типу на лівобережжі Середнього Дніпра // Археологічні відкриття в Україні 2000-2001. Київ.

Романова Г.А. 1989. Отчет о работе Сумского отряда Левобережной экспедиции ЛОИА АН СССР в 1989 г. // Архив Сумского краеведческого музея.

Романова Г.А. 1990. Отчет о работах Сумского отряда Левобережной экспедиции ЛОИА АН СССР в 1990 г. // Архив Сумского краеведческого музея.

Руденок В.Я., Кузнецов Г.А. 1987. Отчет об охранных археологических исследованиях Троицкого Ильинского пещерного монастырского комплекса в г. Чернигове в 1987 г. // Архив ИА НАНУ. 1987/129.

Сухобоков О.В., Дяденко В.Д. 1976. Знахідки на дюнах в басейні Сейму // Археологія. 20. Київ.

Сухобоков О.В., Приймак В.В., Горбовцов А.А., Звагельский В.Б., 1988. Отчет о разведках на территории Сумской обл. для свода памятников истории и культуры в 1988 г. // Архив ИА НАНУ. 1988/176.

Сытый Ю.Н. 1989. Отчет об археологических работах 1989 г. в Черниговском Задесенье // Архив ИА НАНУ. 1989/137.

Сытый Ю.Н., Жаров Г.В. 1987. Отчет об археологических разведках 1987 г. в Борзнянском, Куликовском, Нежинском и Бахмачском р-нах Черниговской обл. // Архив ИА НАНУ. 1987/40.

Терпиловский Р.В. 1984. Ранние славяне Подесенья III-V вв. Киев.

Терпиловский Р.В. 1993. Отчет об охранных раскопках поселения Октябрьское-2 в Путивльском р-не Сумской обл. в 1993 г. // Архив ИА НАНУ. 1993/100.

Терпиловский Р.В. 1997. Склавины и анты. Николаев.

Терпиловский Р.В. 2002. Новые славянские памятники гуннского времени в бассейне Десны // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н.э. – V век н.э.). Тирасполь.

Терпиловский Р.В. 2004. Славяне Поднепровья в первой половине I тыс. н.э. Lublin.

Терпиловский Р.В., Абашина Н.С. 1992. Памятники киевской культуры. Свод археологических источников. Киев.

Терпиловський Р.В., Шекун О.В. 1996. Олександрівка 1 – багатошарове слов'янське поселення біля Чернігова. Чернігів.

Терпиловський Р.В., Шекун О.В. 2004. Нові дослідження ранньослов'янського поселення Олександрівка 1 // Археологія давніх слов'ян. Дослідження і матеріали. Київ.

Шекун А.В. 1991. Отчет об археологических исследованиях на территории Черниговщины в 1991 г. // Архив ИА НАНУ. 1991/128.

Шекун А.В. 1992. Отчет об археологических исследованиях на Черниговщине в 1992 г. // Архив Инспекции по охране памятников истории и культуры Черниговской области.

Шекун А.В., Терпиловский Р.В. 1993. Памятники I в. до н.э. – VII в. н.э. у с. Деснянка близ Чернигова. Чернигов.

Шишкін Р.Г. 1996. Господарство та екологія населення Середнього Подніпров'я кінця I – V ст. н.е. Автореф. дис... канд. ист. наук. Київ.

Шрамко Б.А. 1972. Отчет об археологических исследованиях в зоне Травянского водохранилища //Архив ИА НАНУ. 1972/66.

Gavritukhin I. 2002. On the study of double plate fibulas of the first subgroup. // A Nyiregyhazi Josa Andras museum evkoenyve. XLIV. Nyiregyhaza.

Godłowski K. 1970. The Chronology of the Late Roman and Early Migration Periods in Central Europe // Zeszyty Naukowe UJ. Kraków.

Keller E. 1972. Die spätrömischen Grabfunde in Südbayern. Münchener Beitrag zur Vor- und Frühgeschichte. 14. München.

Petrauskas O. V. 2003. Die Gräberfelder der Cernjachov-Kultur von Kosanovo und Gavrilovka – eine vergleichende Studie zu Chronologie, Bestattungssitten und ethnokulturellen Besonderheiten // Bericht der Römisch-Germanischen Kommission. 84. Mainz am Rhein.

New sites of the Kiev culture on the Ukraine territory

Resume

Catalog of Kiev culture new sites is published in the article (the 3rd – beginning of the 5th centuries AD). These sites are located in the forest-steppe and southern forest zones of the Ukraine, and they are not included in the publication [Terpilovsky, Abashina, 1992]. Sites newly investigated after 1992 are listed in the catalogue. The published sites (82 points, Fig. 1) belong to variants of Kiev culture situated in the Middle Dnieper, Desna, and Seim-Donets regions.

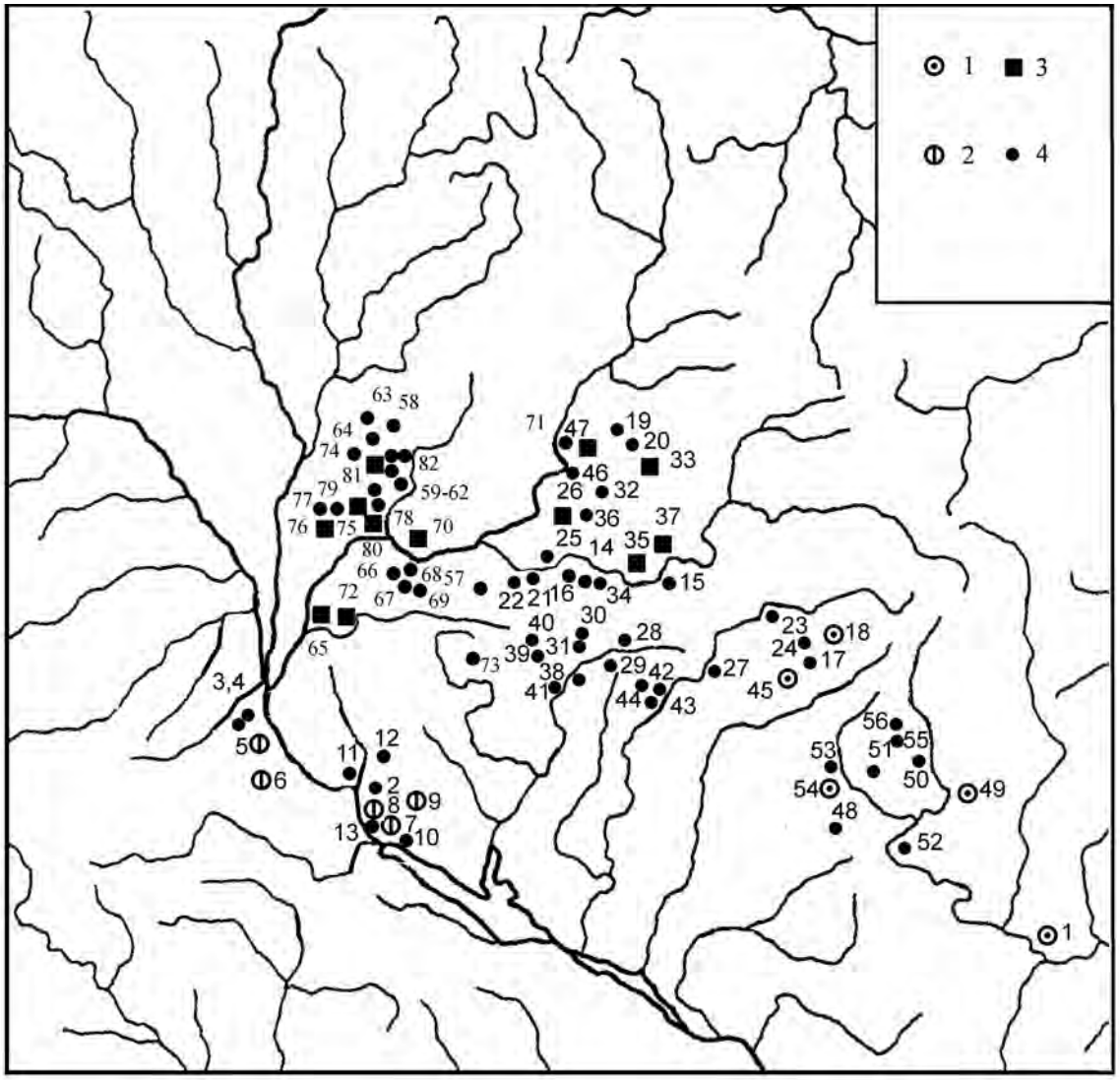


Рис. 1. Новые памятники киевской культуры на территории Украины (нумерация соответствует каталогу).
1 – сейминско-донецкий вариант; 2 – среднеднепровский вариант; 3 – деснинский вариант; 4 – неопределимые.

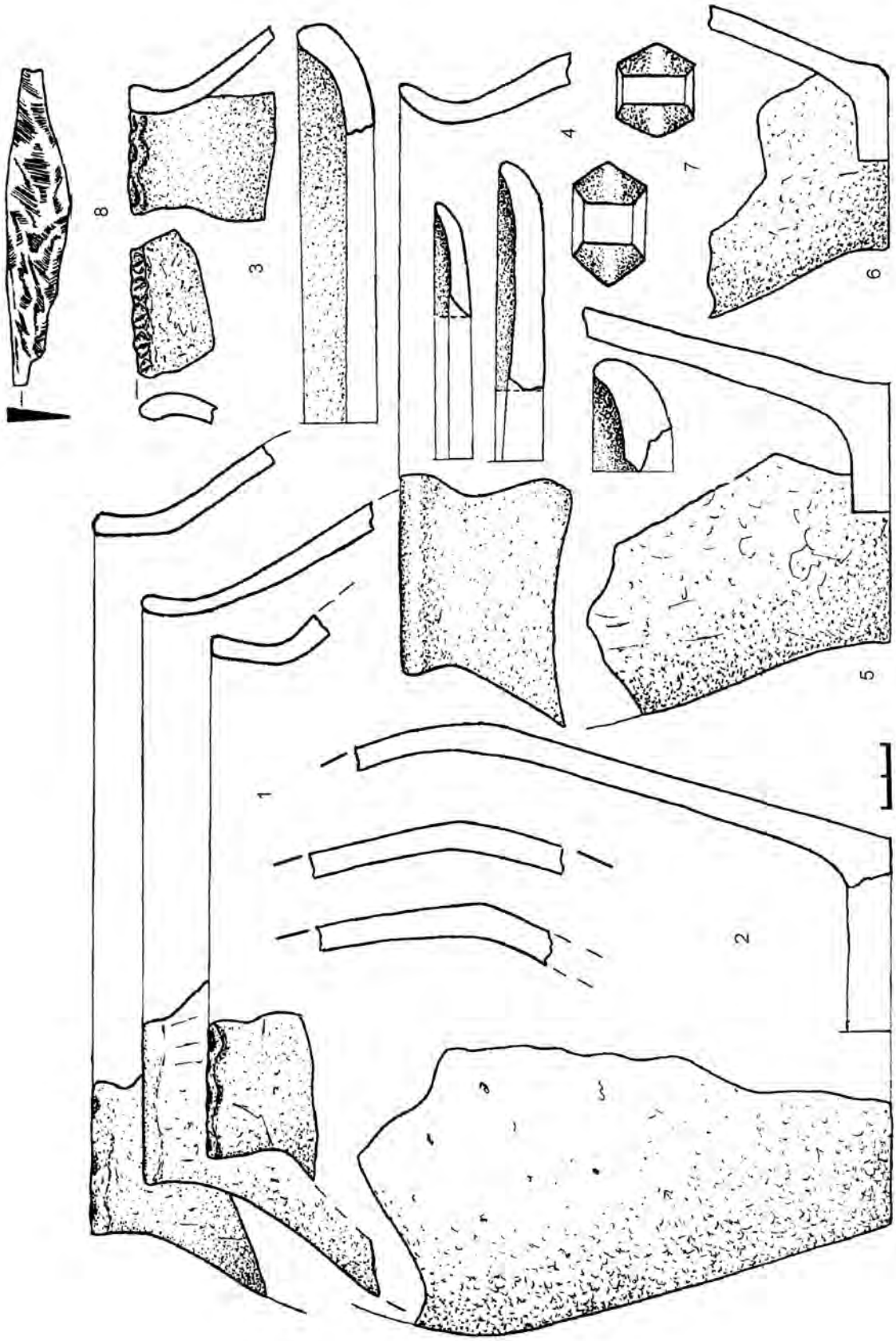


Рис. 2. Ячники-1. Материалы поселения, относящиеся к горизонту киевской культуры (рисунки М.В. Роздобудько). 1-6 – груболепная керамика; 7 – глиняные лощеные пряслица; 8 – железный нож.

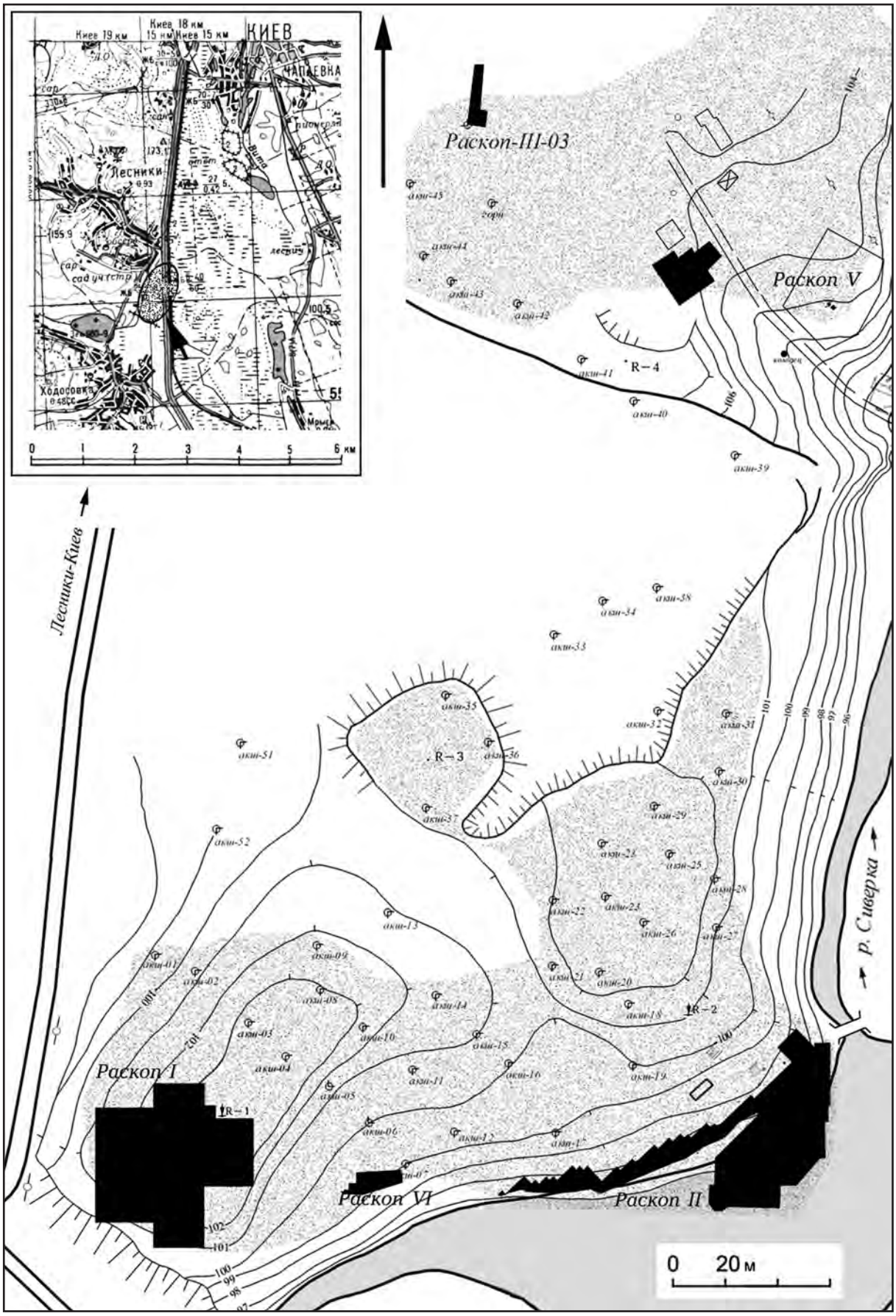


Рис. 3. Ходосовка. План поселения (рисунки О.В. Петраускаса).

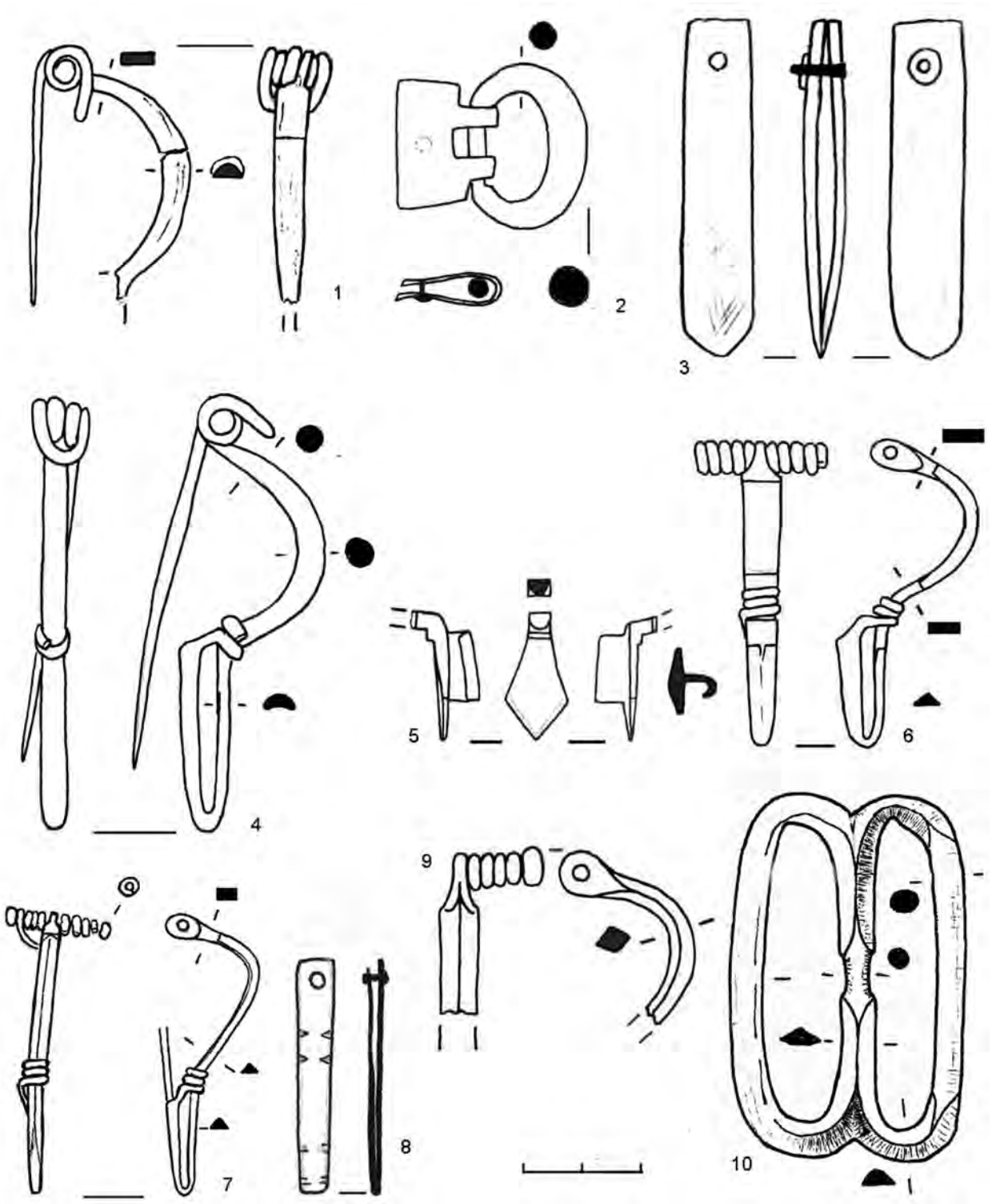


Рис. 4. Ходосовка. Датирующие вещи (рисунки О.В. Петраускаса).
1, 4-8, 10 – фибулы; 2, 10 – пряжки; 3, 8 – наконечники ремней.

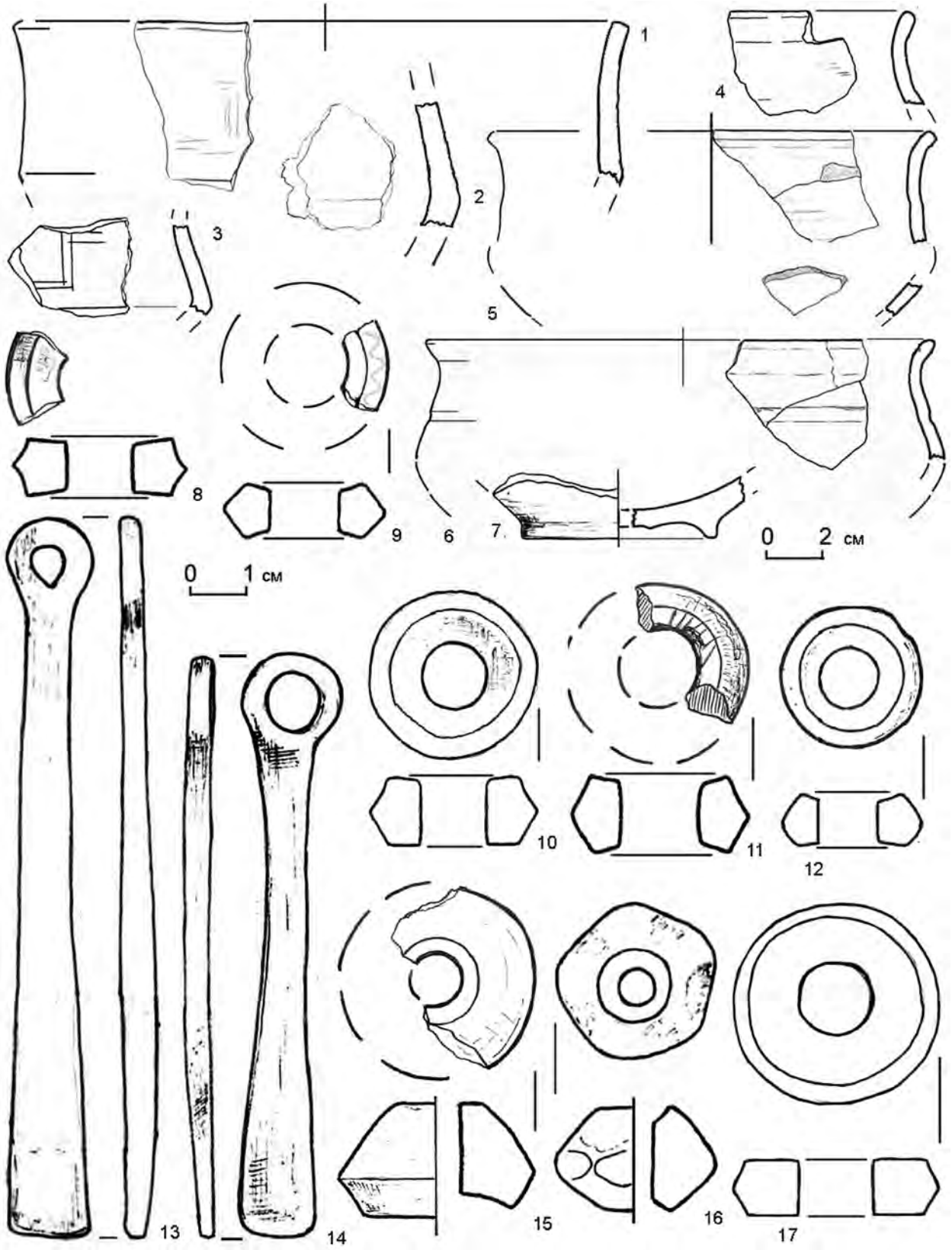


Рис. 5. Ходосовка. Материалы (рисунки О.В. Петраускаса).
8-12, 15-17 – пряслица; 13, 14 – кресала; 1-3 – фрагменты лепных лощеных мисок киевской культуры; 4-7 – фрагменты гончарных сосудов черняховской культуры.

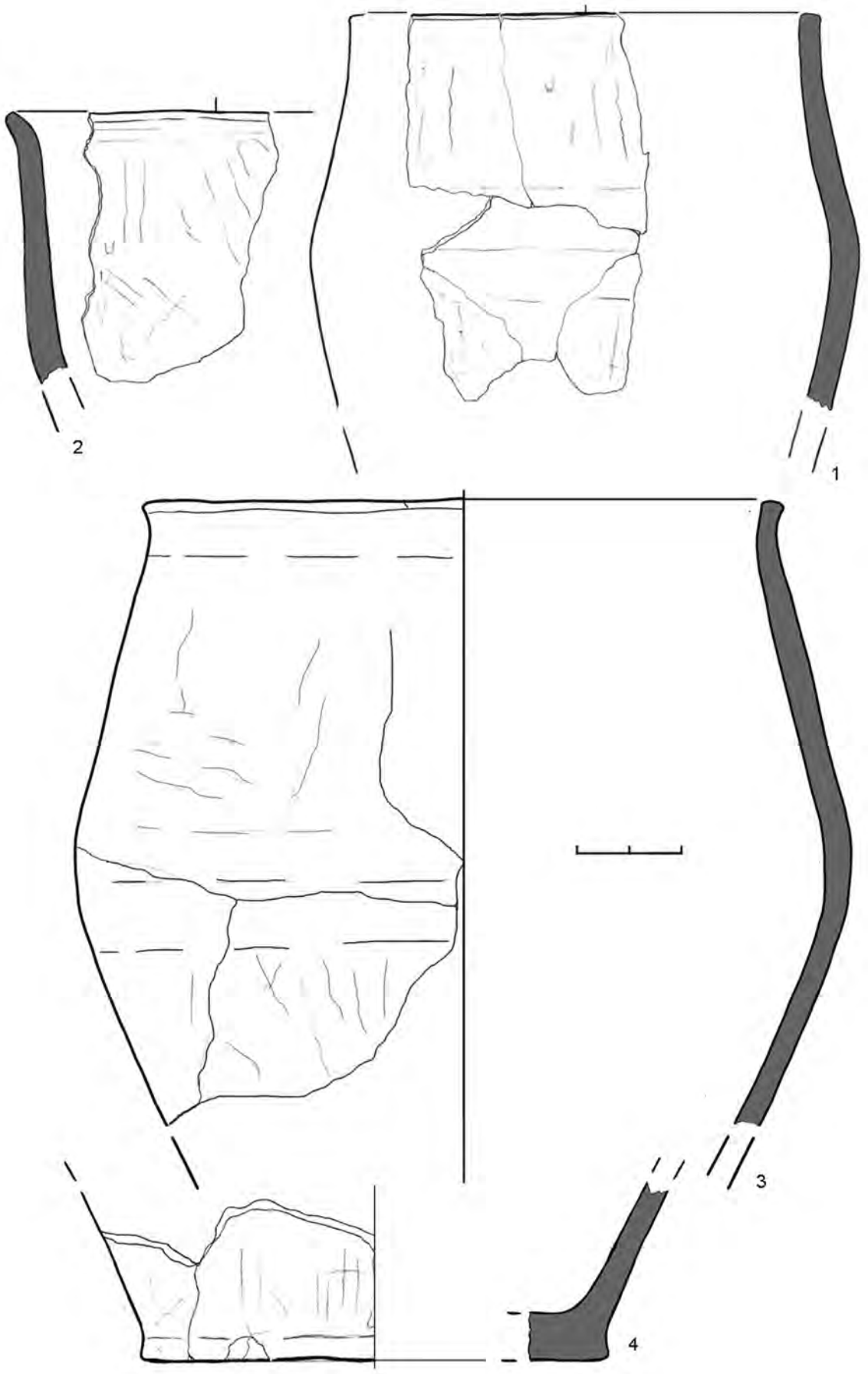


Рис. 6. Ходосовка. Образцы лепных сосудов киевской культуры (рисунки О.В. Петраускаса).

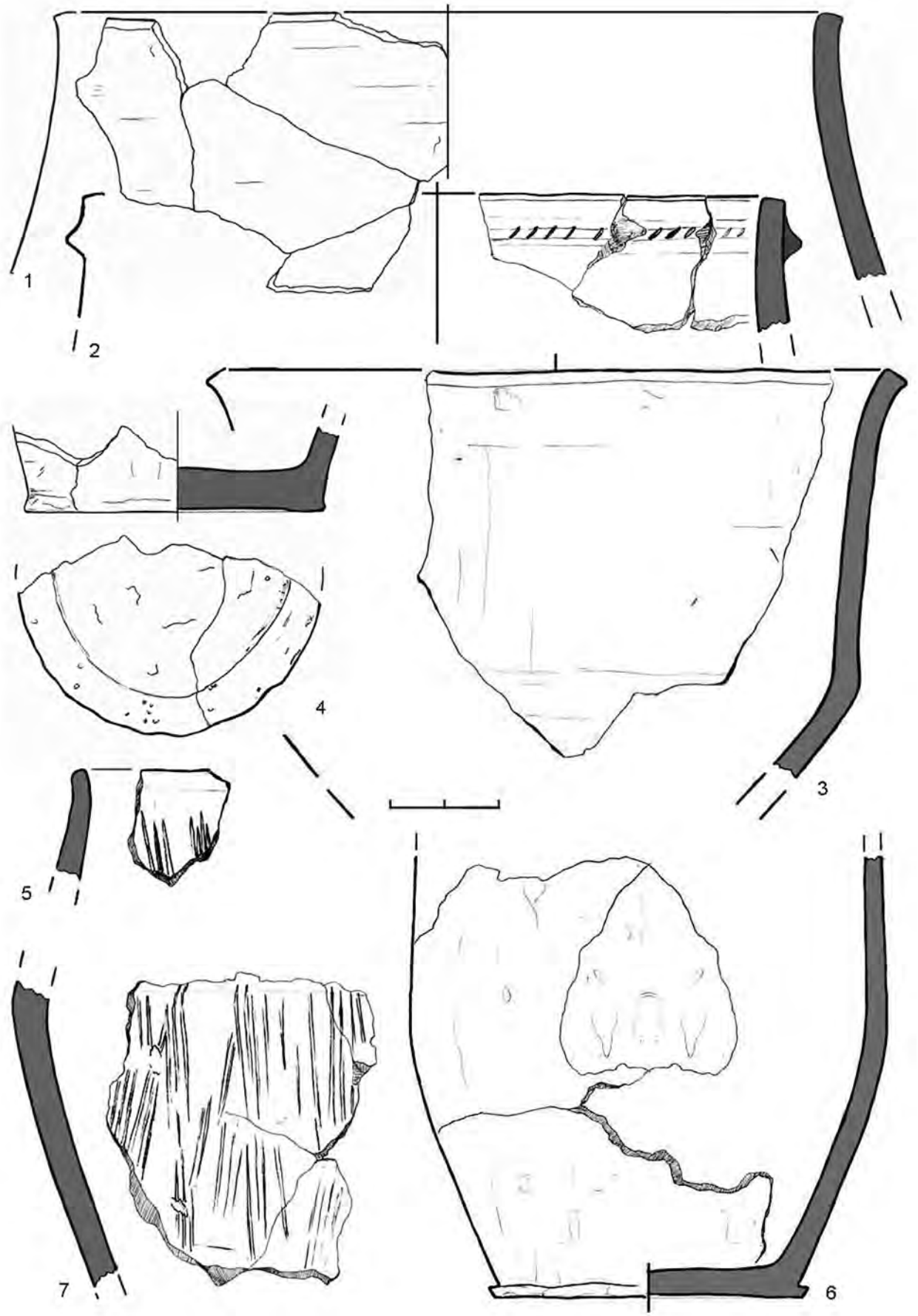


Рис. 7. Ходосовка. Образцы лепных сосудов киевской культуры (рисунки О.В. Петраускаса).

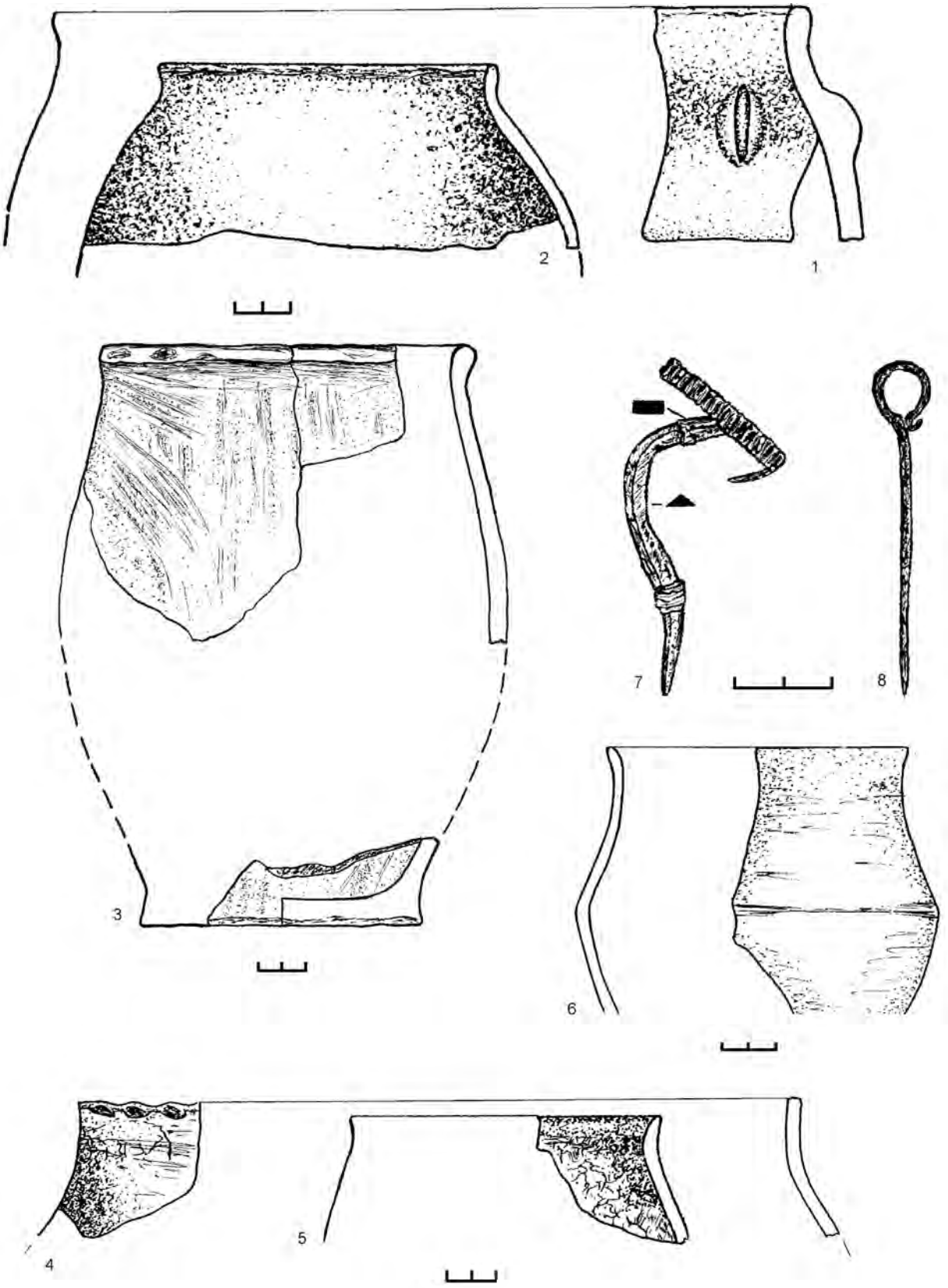


Рис. 8. Цыбли – Биле Озеро. Материалы киевского горизонта поселения (рисунки М.В. Роздобудько). 1-5 – груболепная керамика; 6 – фр-т подлощенного мискообразного сосуда; 7, 8 – железо.

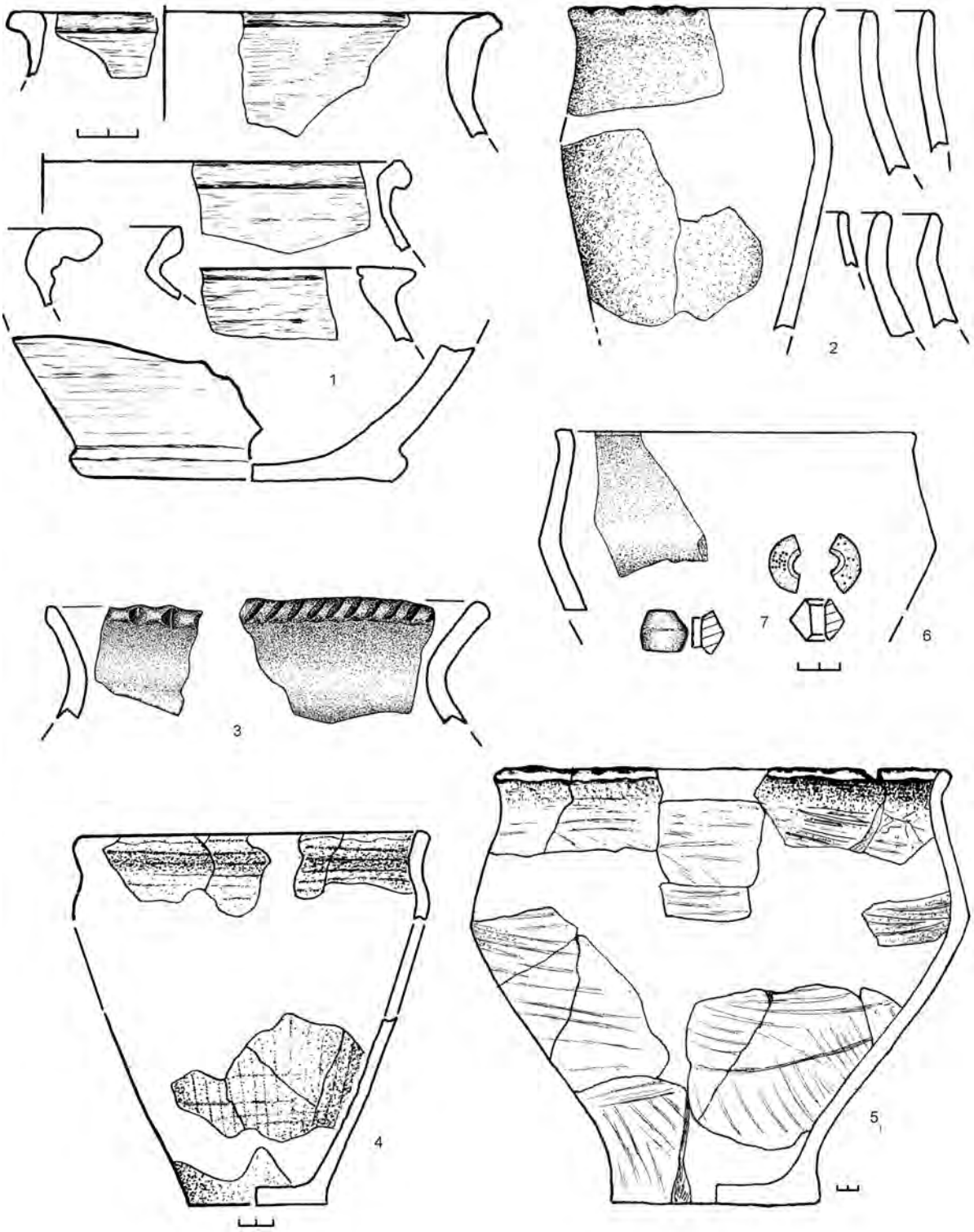


Рис. 9. Гать-1. Материалы киевского и черняховского горизонтов поселения (рисунки М.В. Роздобудько).
1 – гончарная керамика; 2-5 – груболепная керамика;
6 – фрагмент лепного подлощенного сосуда; 7 – пряслица.

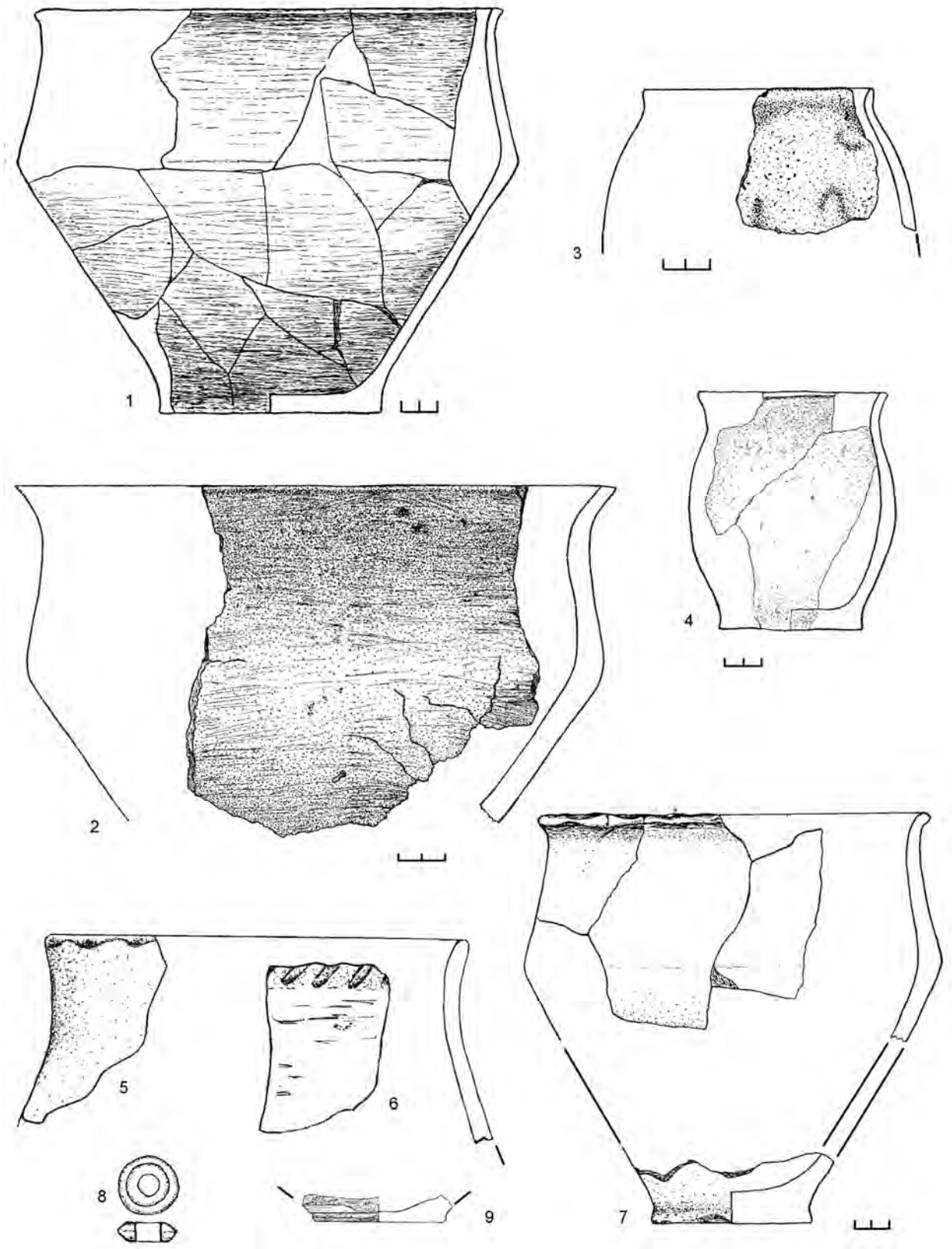


Рис. 10. Городок-3. Материалы из киевского горизонта поселения (рисунки М.В. Роздобудько). 1-2 – лепная лощеная керамика; 3-7 – груболепная керамика; 8 – пряслице; 9 – фр-т сероглиняного гончарного сосуда.

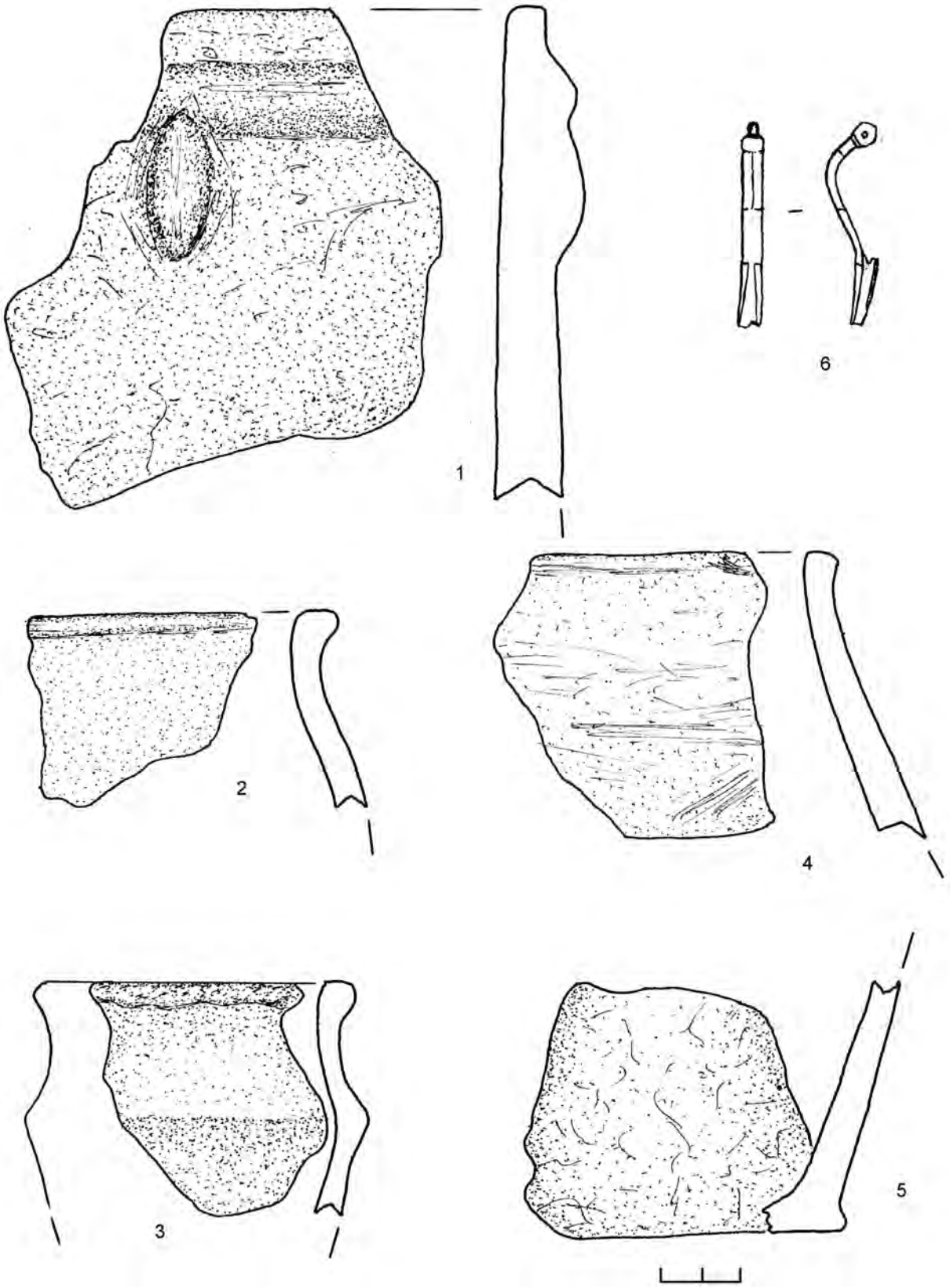


Рис. 11. Крутуха-Жолоб. Находки из культурного слоя поселения (рисунки М.В. Роздобудько). 1-5 – груболепная керамика; 6 – бронзовая фибула.

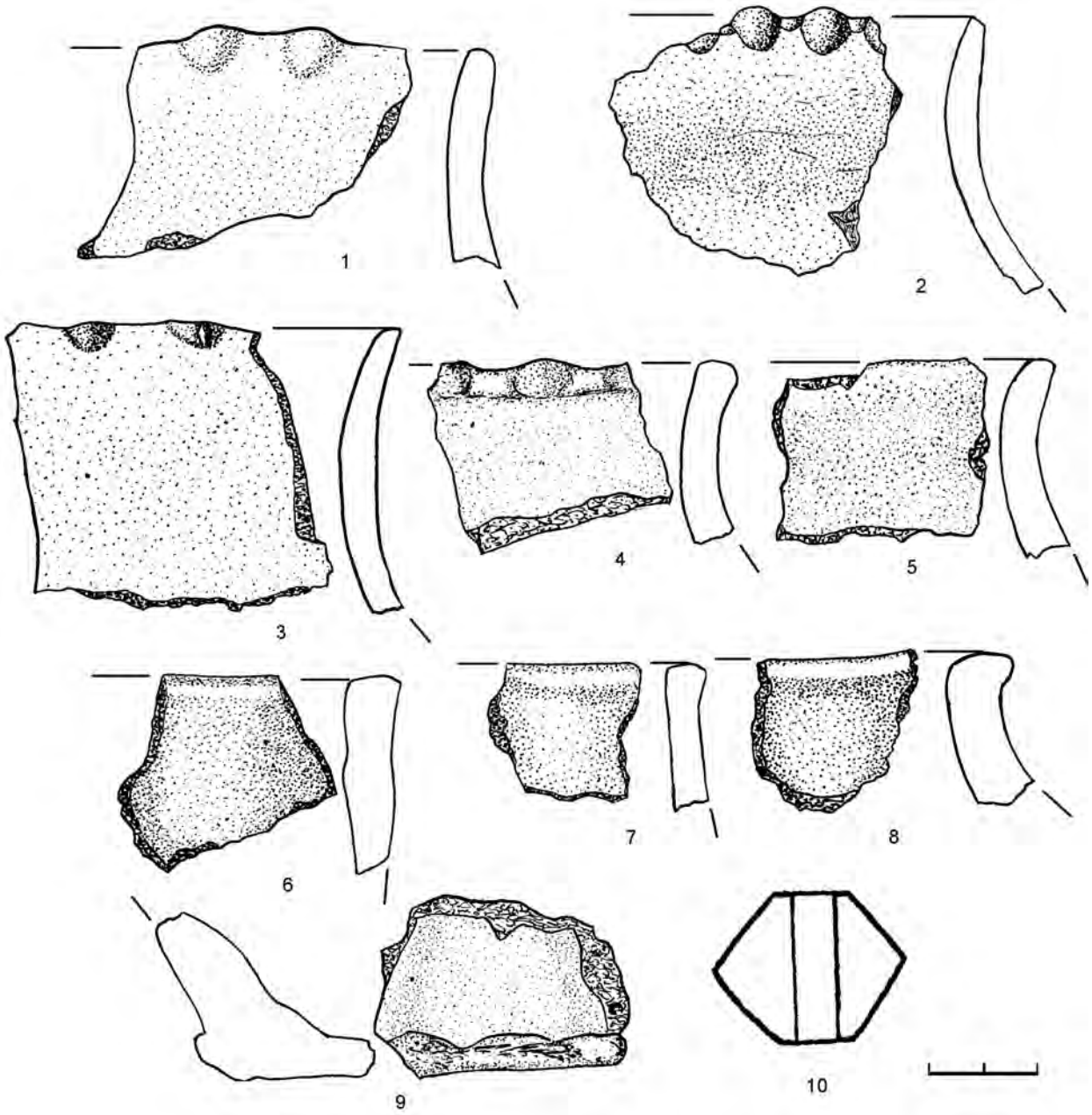


Рис. 12. Лецьки-Переходенка. Материалы киевского горизонта поселения (рисунки М.В. Роздобудько). 1-8 – груболепная керамика; 9 – гончарная керамика; 10 – пряслице.

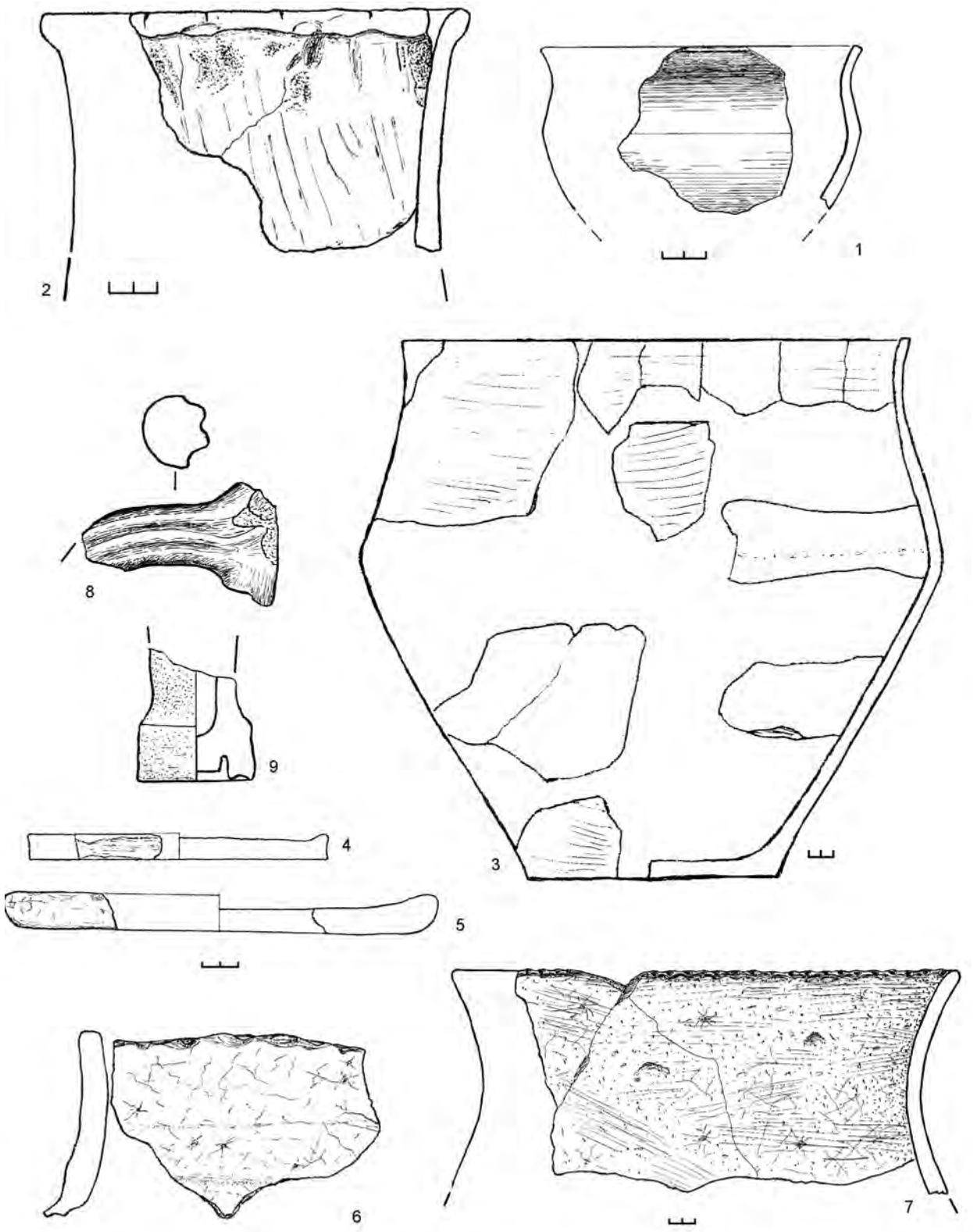


Рис. 13. Цыбли-Церква. Материалы позднезарубинецкого и киевского горизонта поселения (рисунки М.В. Роздобудько).
1 – лепная лощеная миска; 2-7 – груболепная керамика; 8-9 – фр-ты амфор.

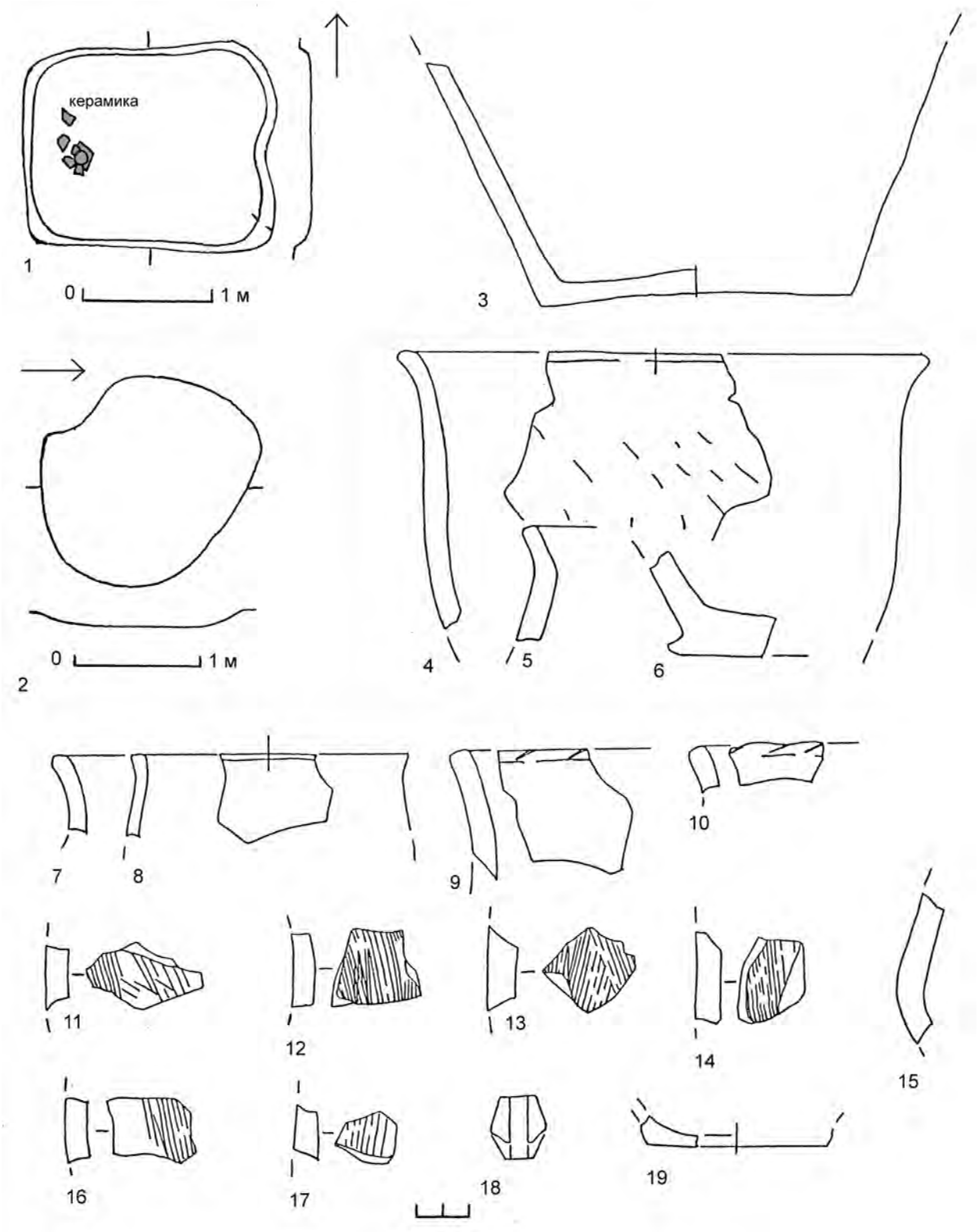


Рис. 14. Пожня-1 (рисунки А.М. Обломского).
1 – постройка 2, план, профиль; 2 – постройка 1, план, профиль; 3-17 – груболепная керамика; 18 – фр-т пряслица; 19 – обломок гончарного сероглиняного сосуда; 3 – постройка 2; 4-6 – яма 2; 7-19 – слой.

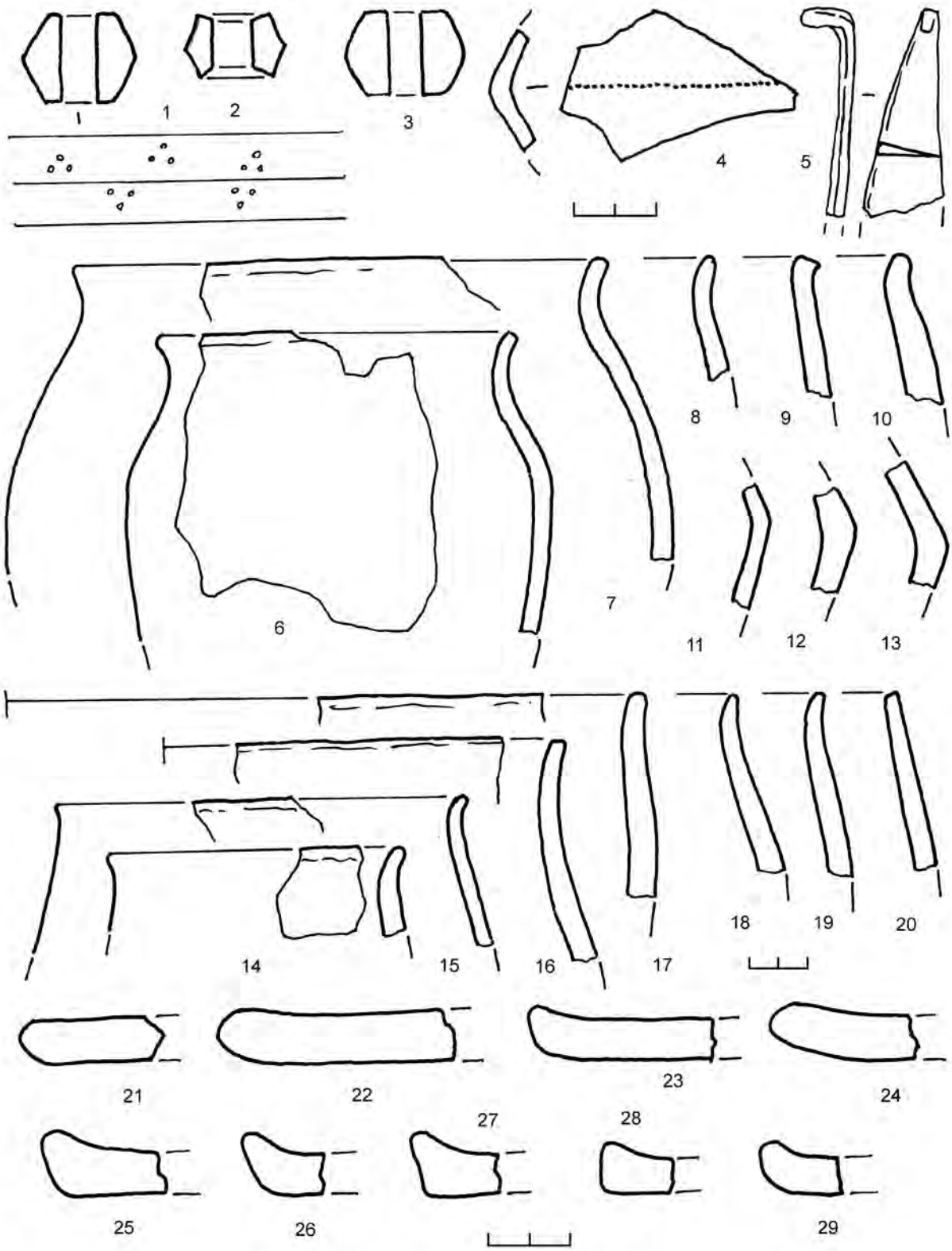


Рис. 15. Кролевец, материалы из постройки (рисунки Р.В. Терпиловского).
1-3 – глиняные пряслица; 4 – фр-т черняховского гончарного серолощеного сосуда; 5 – фр-т железного серпа; 6-29 – груболепная керамика.

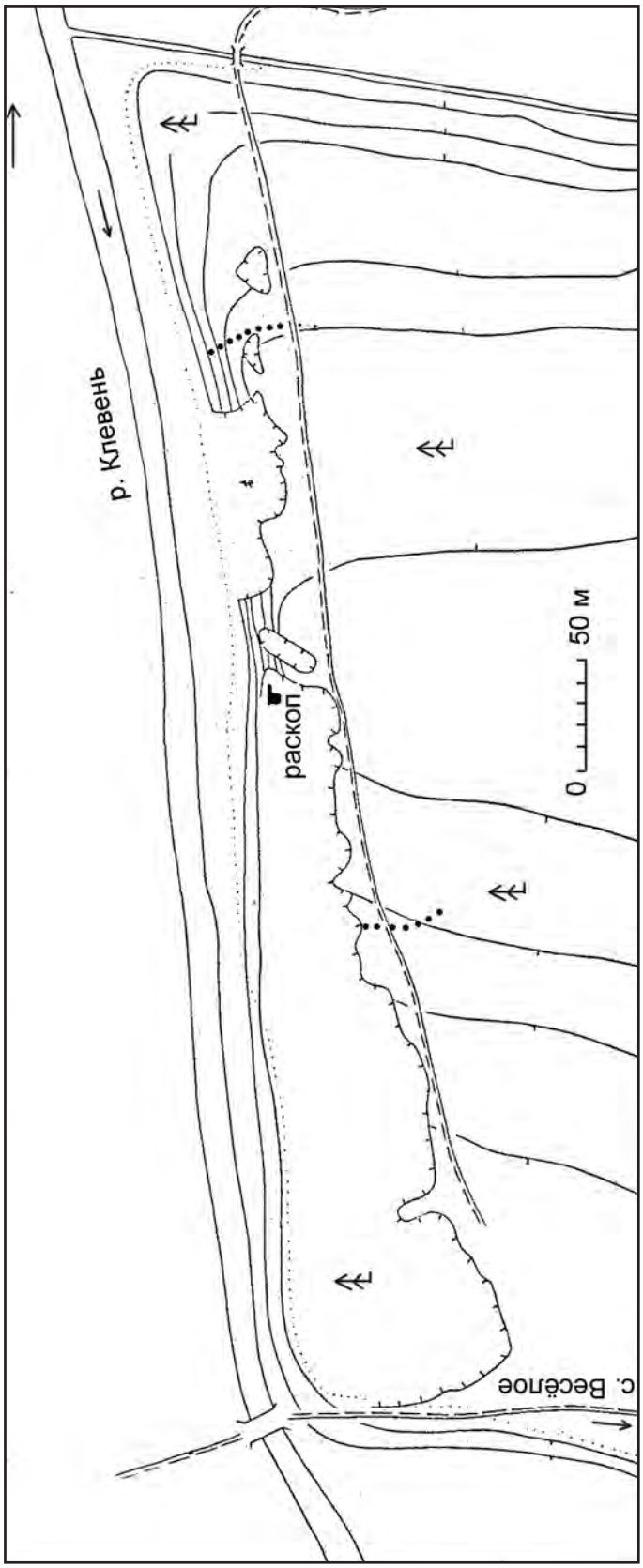


Рис. 16. Весёлое-2. План поселения (по А.М. Обломскому).

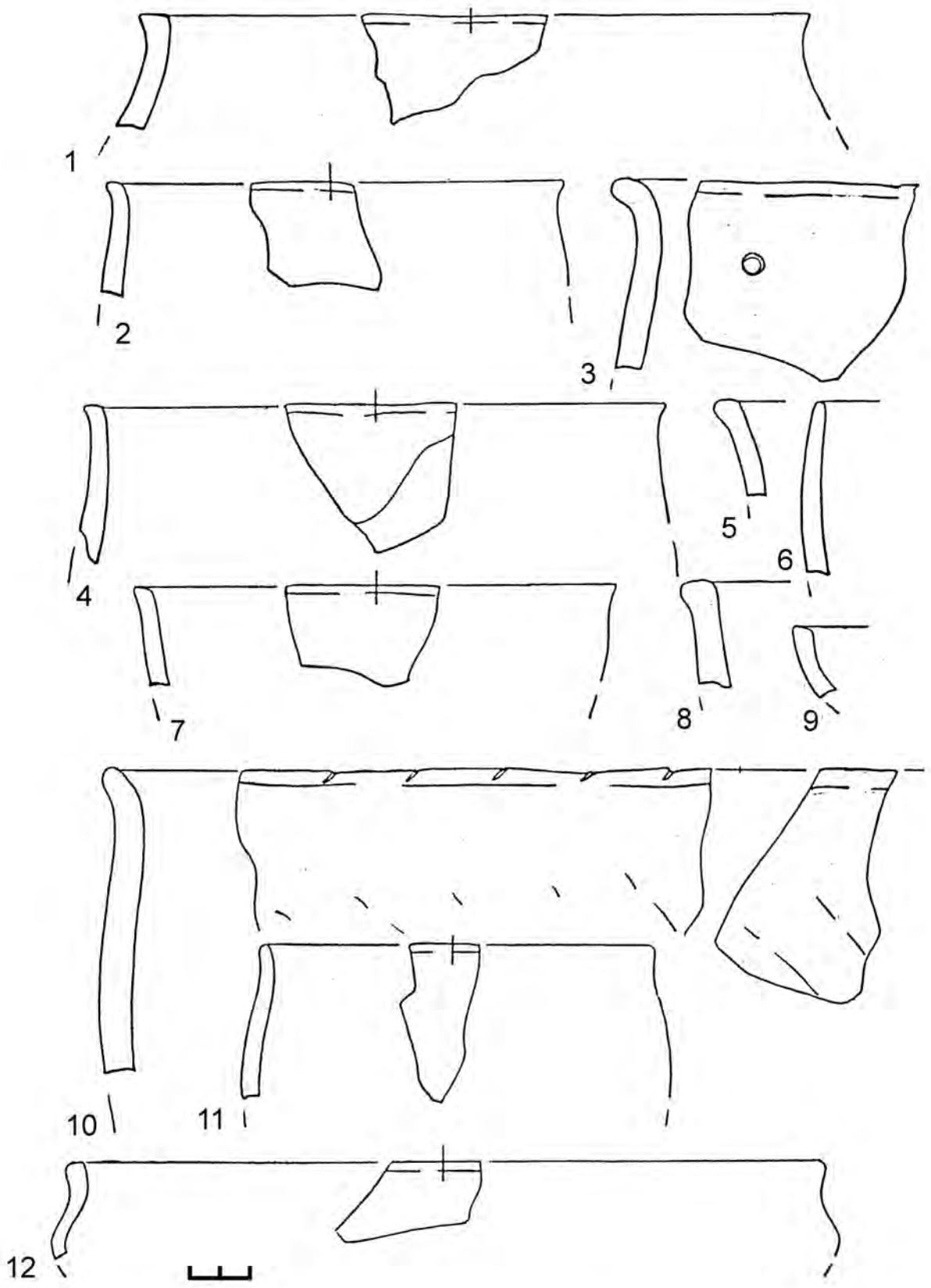


Рис. 17. Весёлое-2, материалы (рисунки А.М. Обломского).
1-11 – груболепная керамика; 12 – фр-т лепной чернолощеной миски; 1-11 – культурный слой; 12 – постройка 1, заполнение; 3 – вторично обожжен.

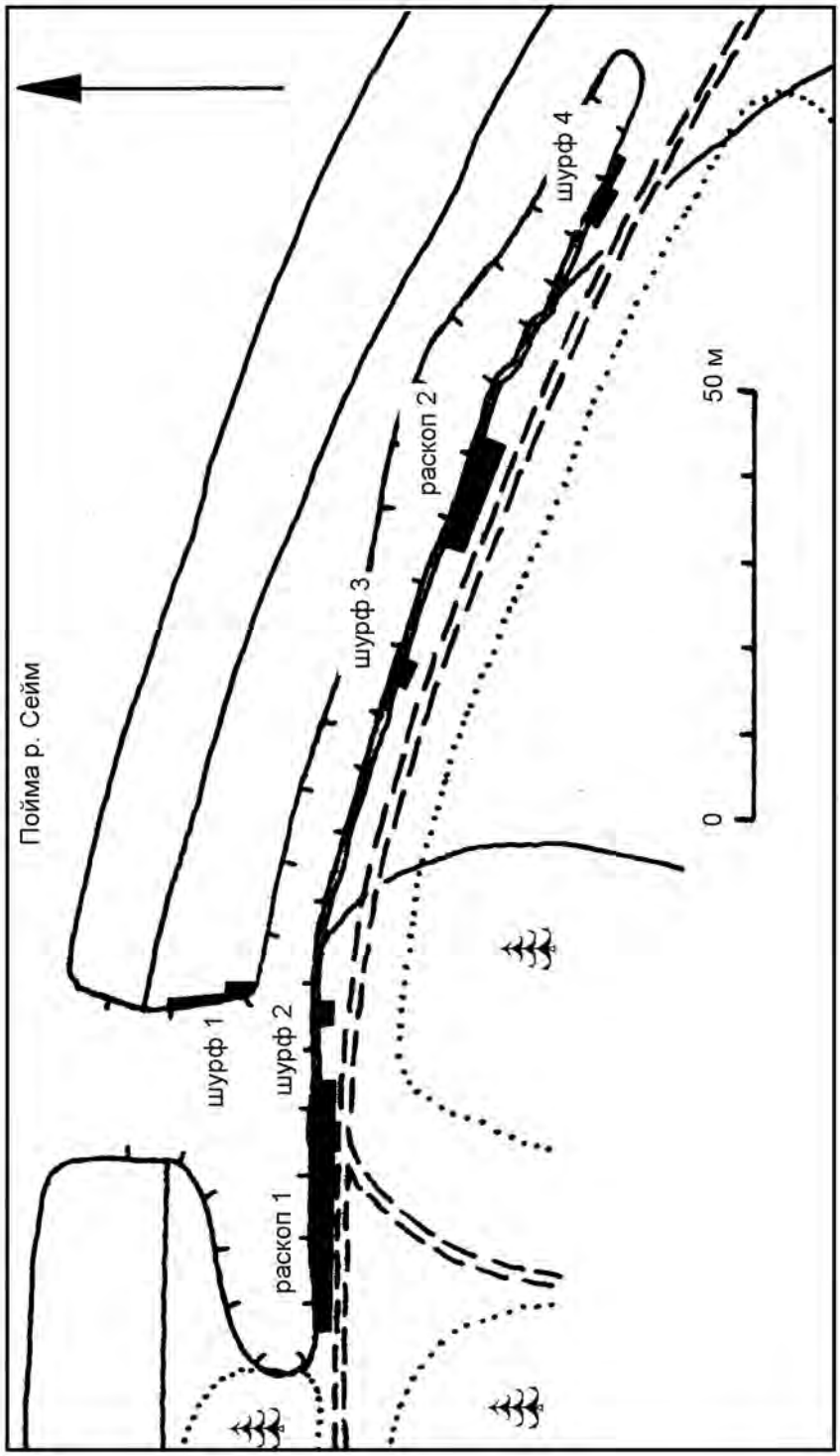


Рис. 18. План поселения Октябрьское-2 (по Р.В. Терпиловскому).

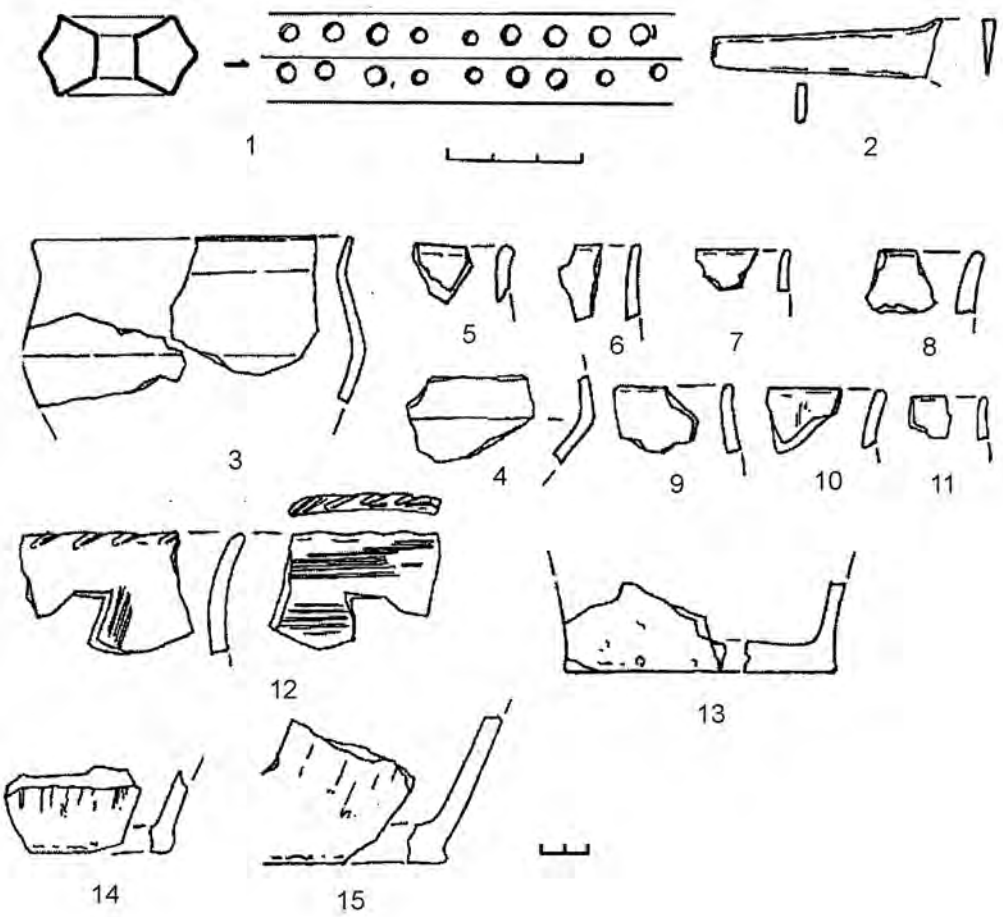


Рис. 19. Октябрьское-2. Материалы киевской культуры (по Р.В. Терпиловскому).
1 – глина; 2 – железо; 3-4 – лощеная керамика; 5-15 – груболепная керамика.

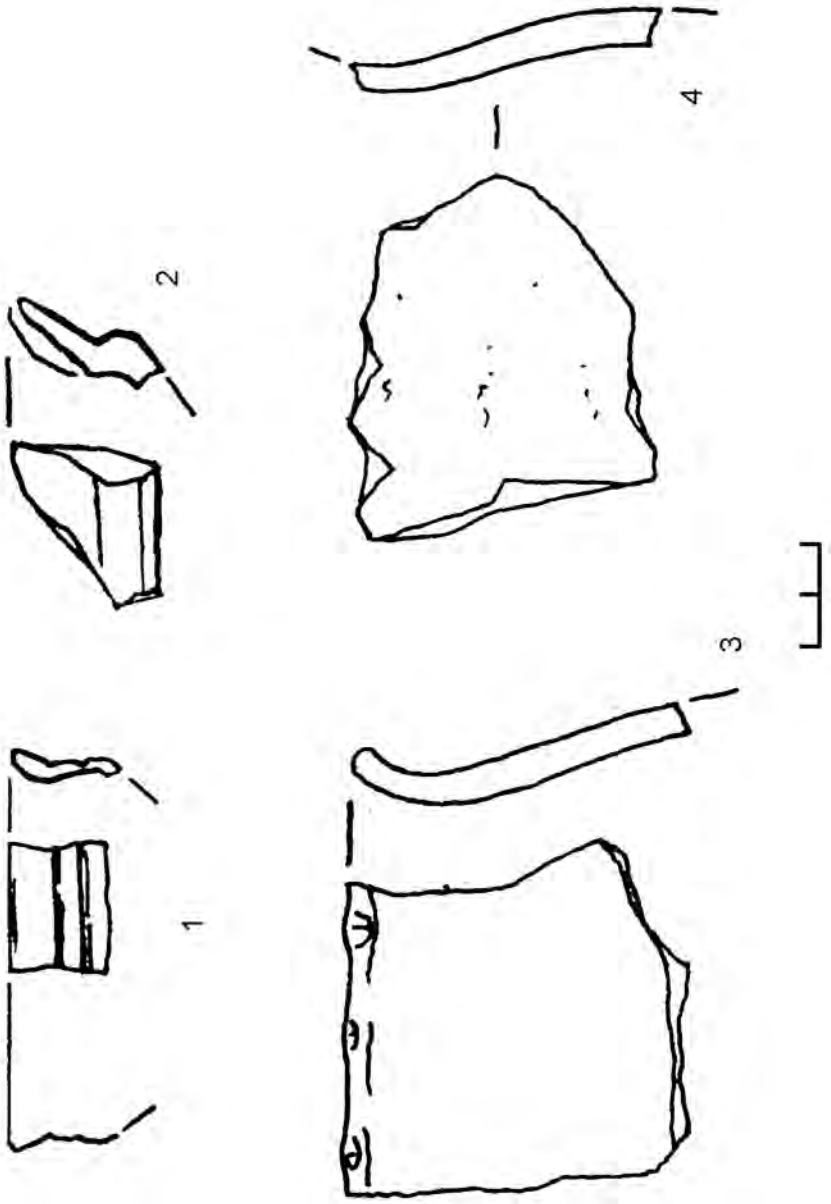


Рис. 20. Октябрьское-2, лепная керамика зарубинецкой культуры (по Р.В. Терпиловскому).
1,2 – лощеная; 3,4 – с шероховатой поверхностью.

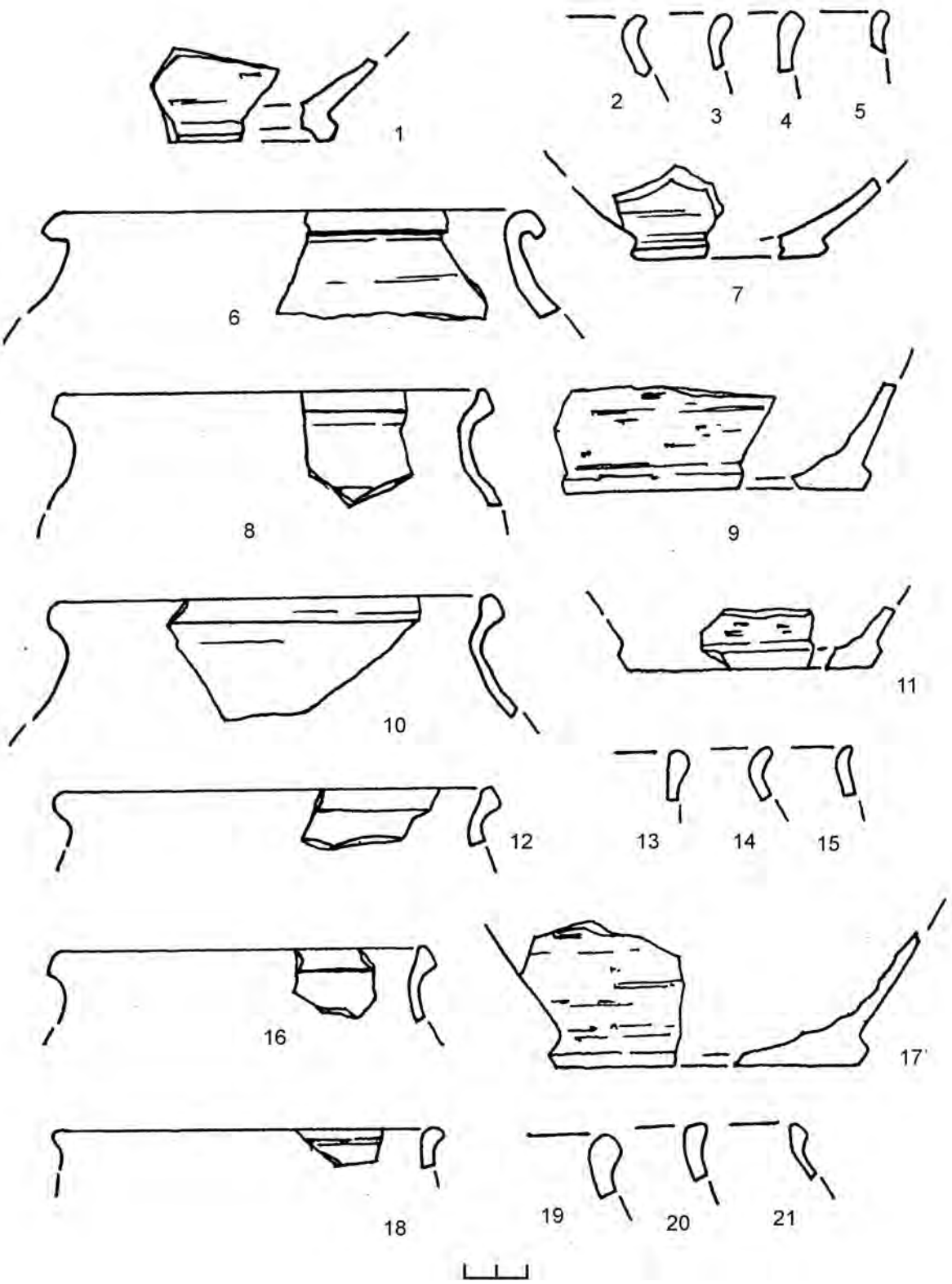


Рис. 21. Октябрьское-2, гончарная черняховская керамика (по Р.В. Терпиловскому).

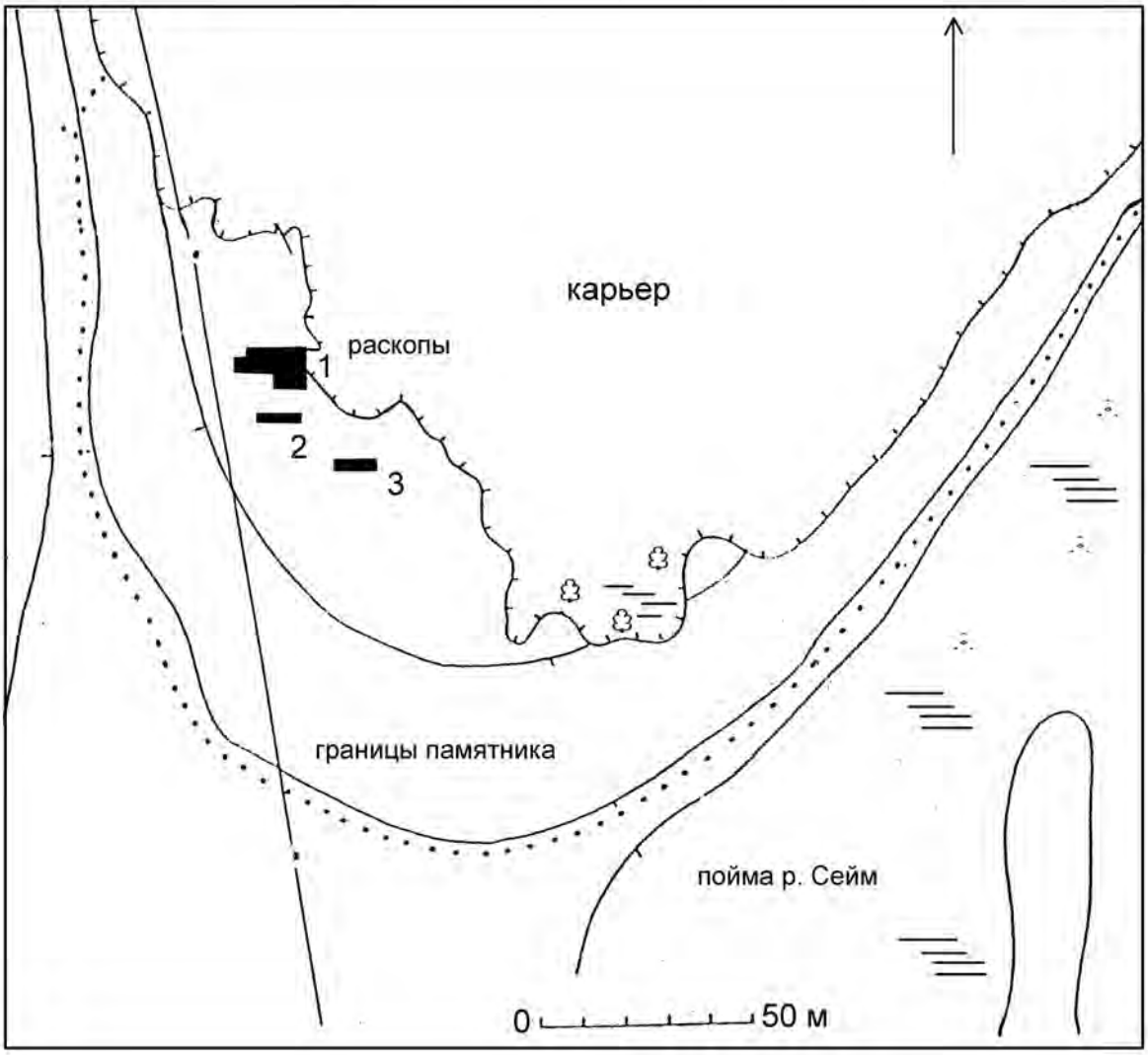


Рис. 22. Пересыпки-1. План памятника (по А.М. Обломскому).

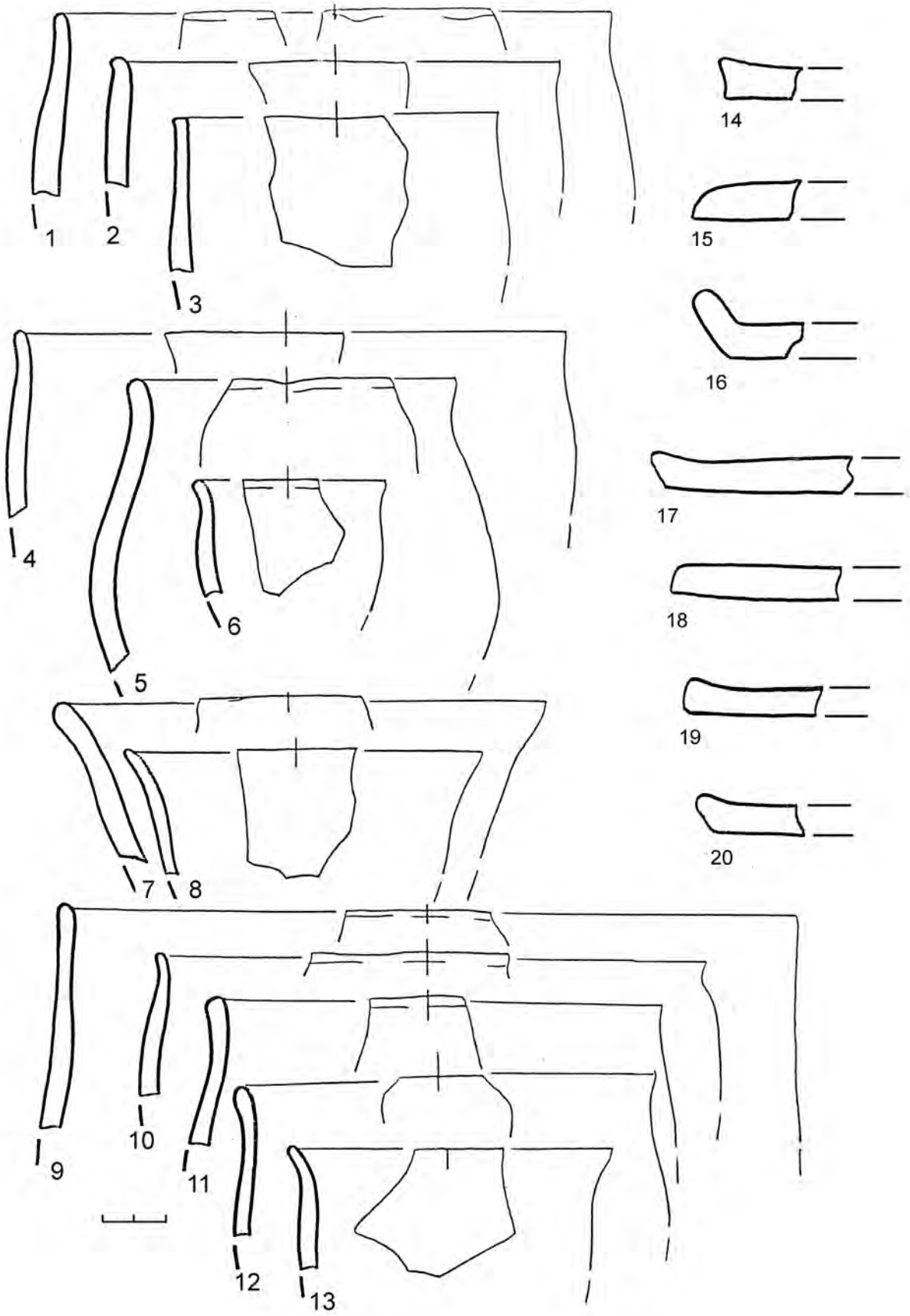


Рис. 23. Пересыпки-1. Груболепная керамика из культурного слоя (рисунки А.М. Обломского).

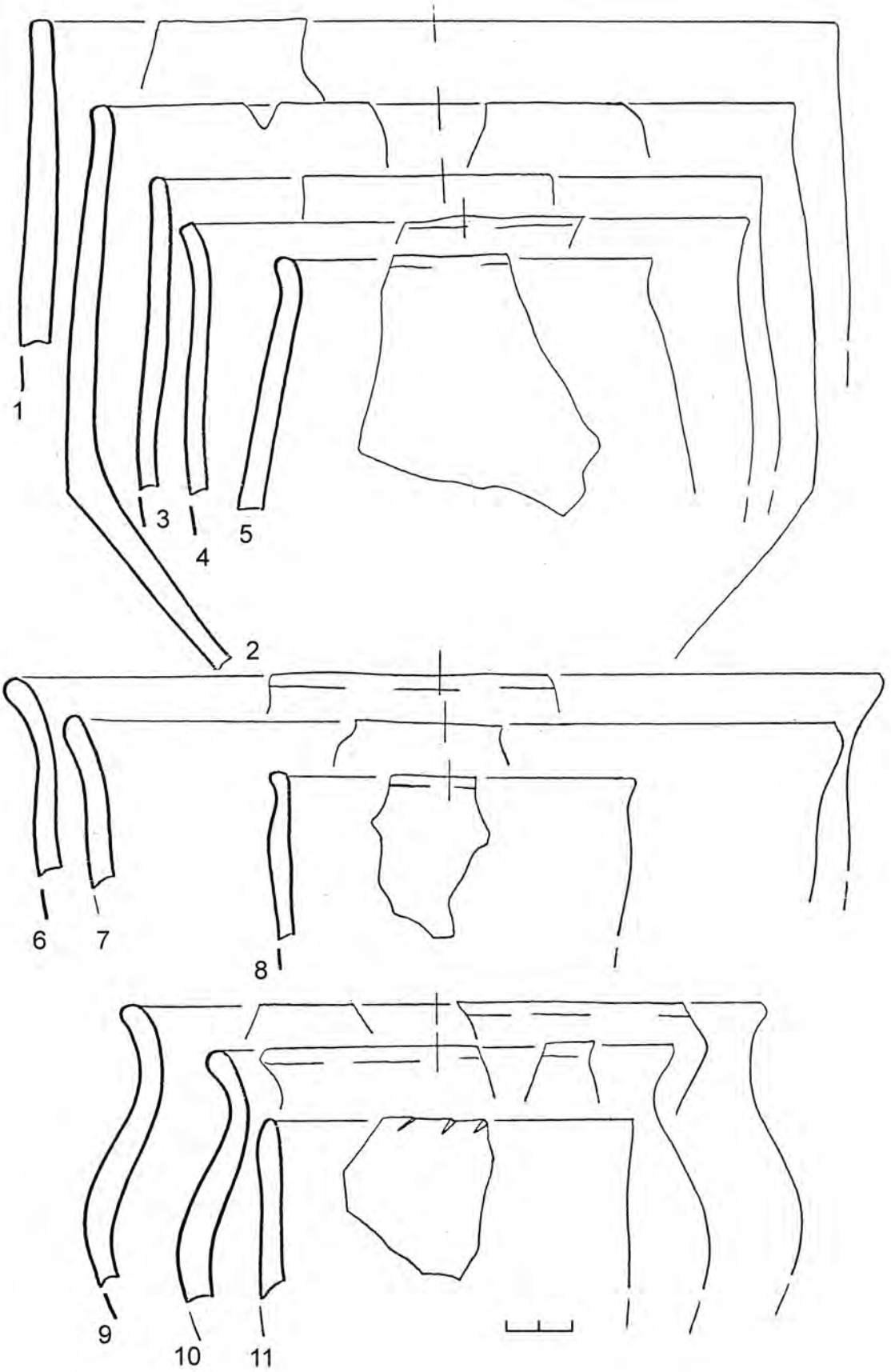


Рис. 24. Пересыпки-1. Груболепная керамика из культурного слоя (рисунки А.М. Обломского).

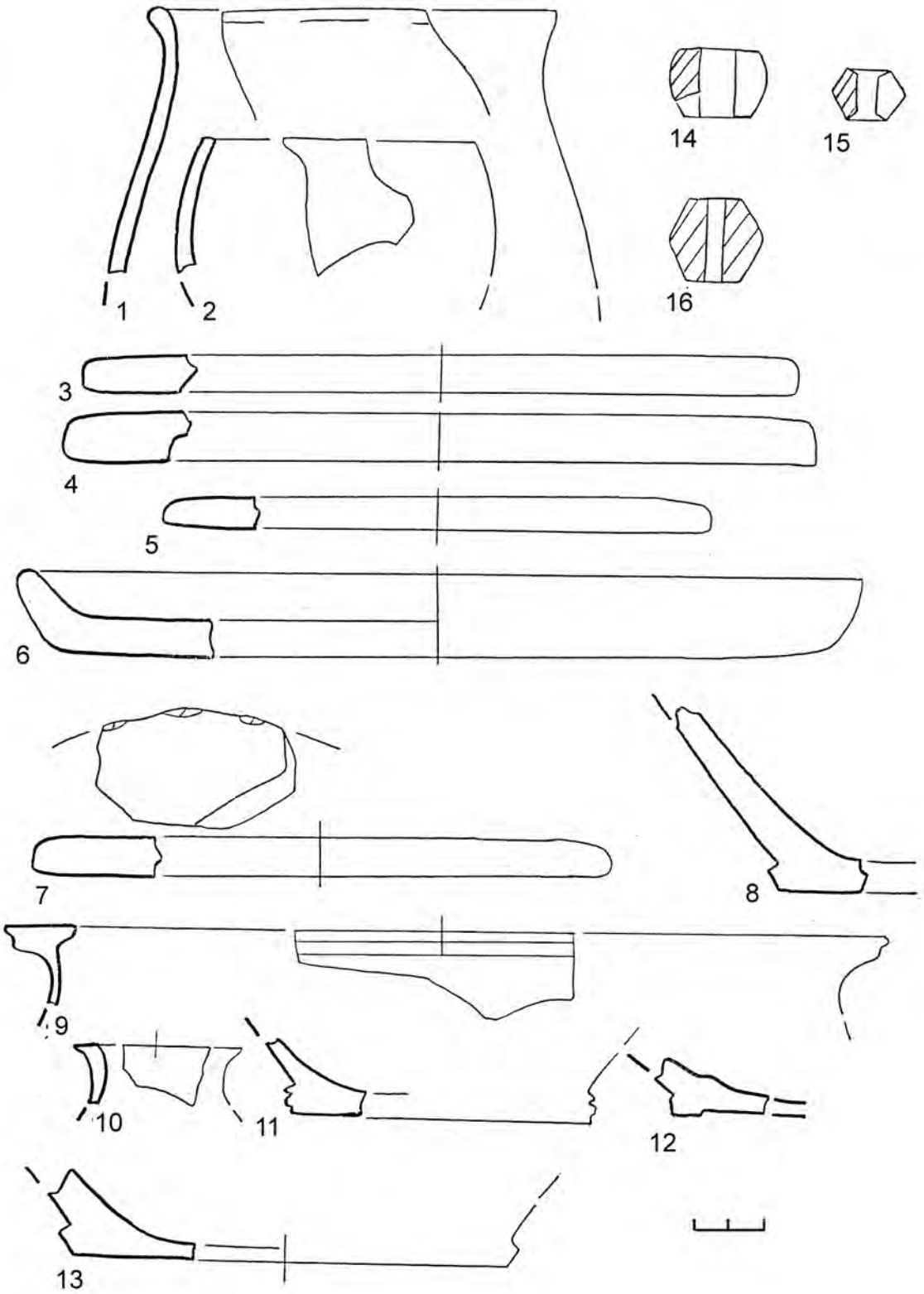


Рис. 25. Пересыпки-1. Материалы римского времени из культурного слоя (рисунки А.М. Обломского). 1-7 – груболепная керамика; 8-13 – фр-ты черняховских гончарных сосудов (9 – с лощеной, остальные – с шероховатой поверхностью); 14,15 – глиняные пряслица.

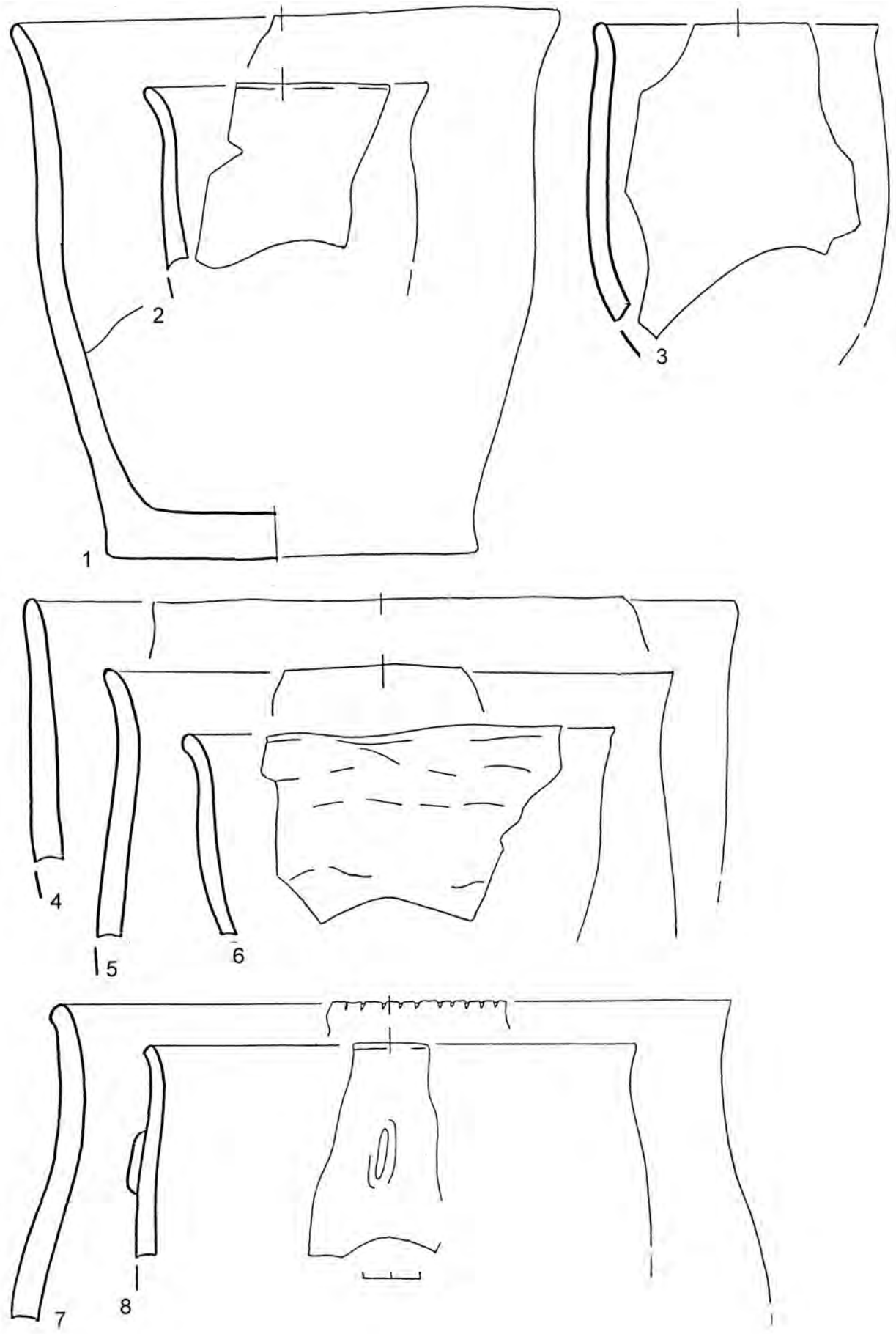


Рис. 26. Чаплищи-3, груболепная керамика (рисунки А.М. Обломского).

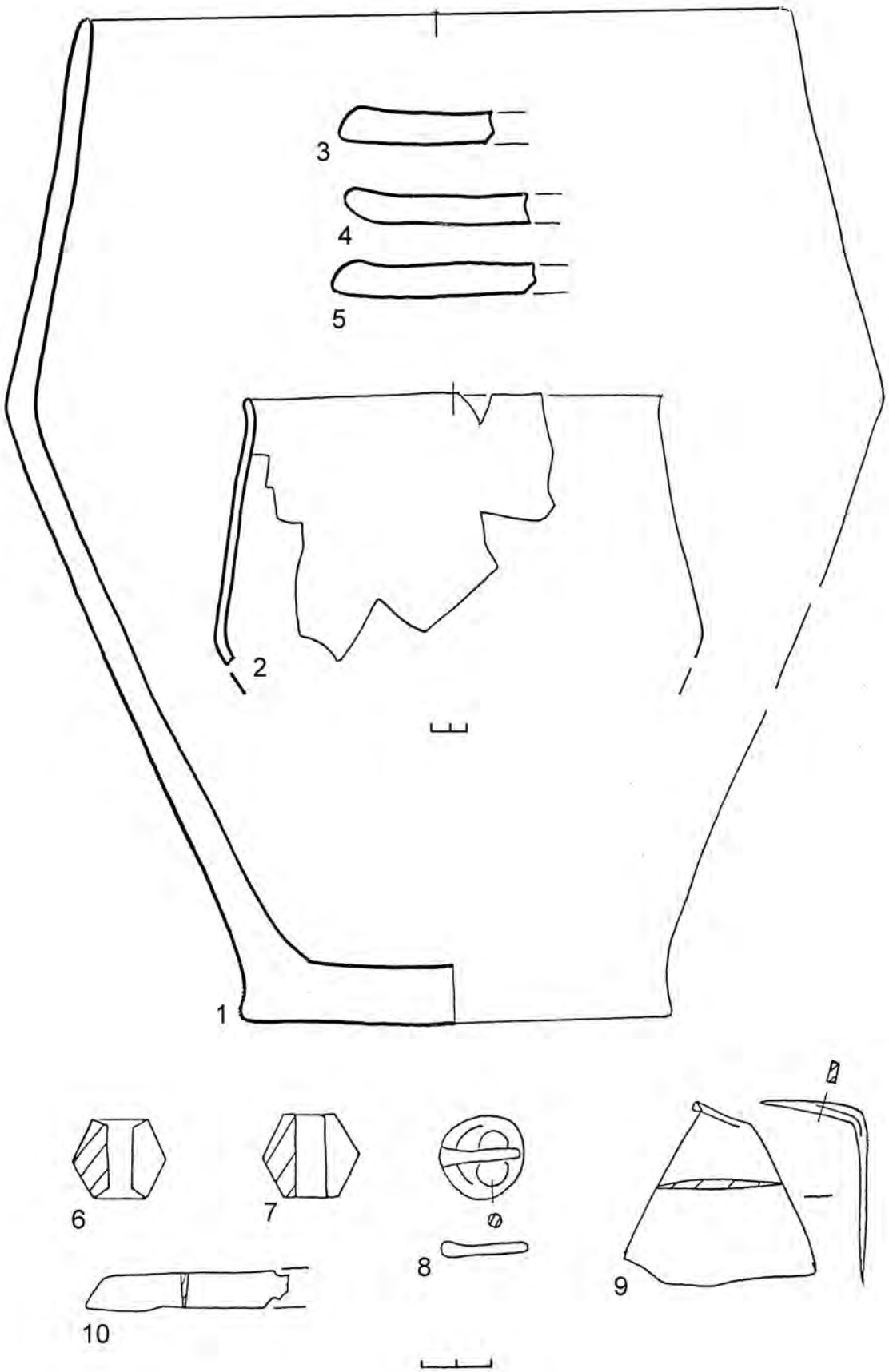


Рис. 27. Чаплищи-3, груболепная керамика (рисунки А.М. Обломского).
1 – яма 13; 2 – постройка II, заполнение, серый слой; 3-5, 7, 9, 10 – культурный слой; 6 – постройка II, заполнение; 8 – постройка II, яма от центрального столба; 1-5 – груболепная керамика; 4,5 – глиняные пряслица; 6-8 – изделия из железа.

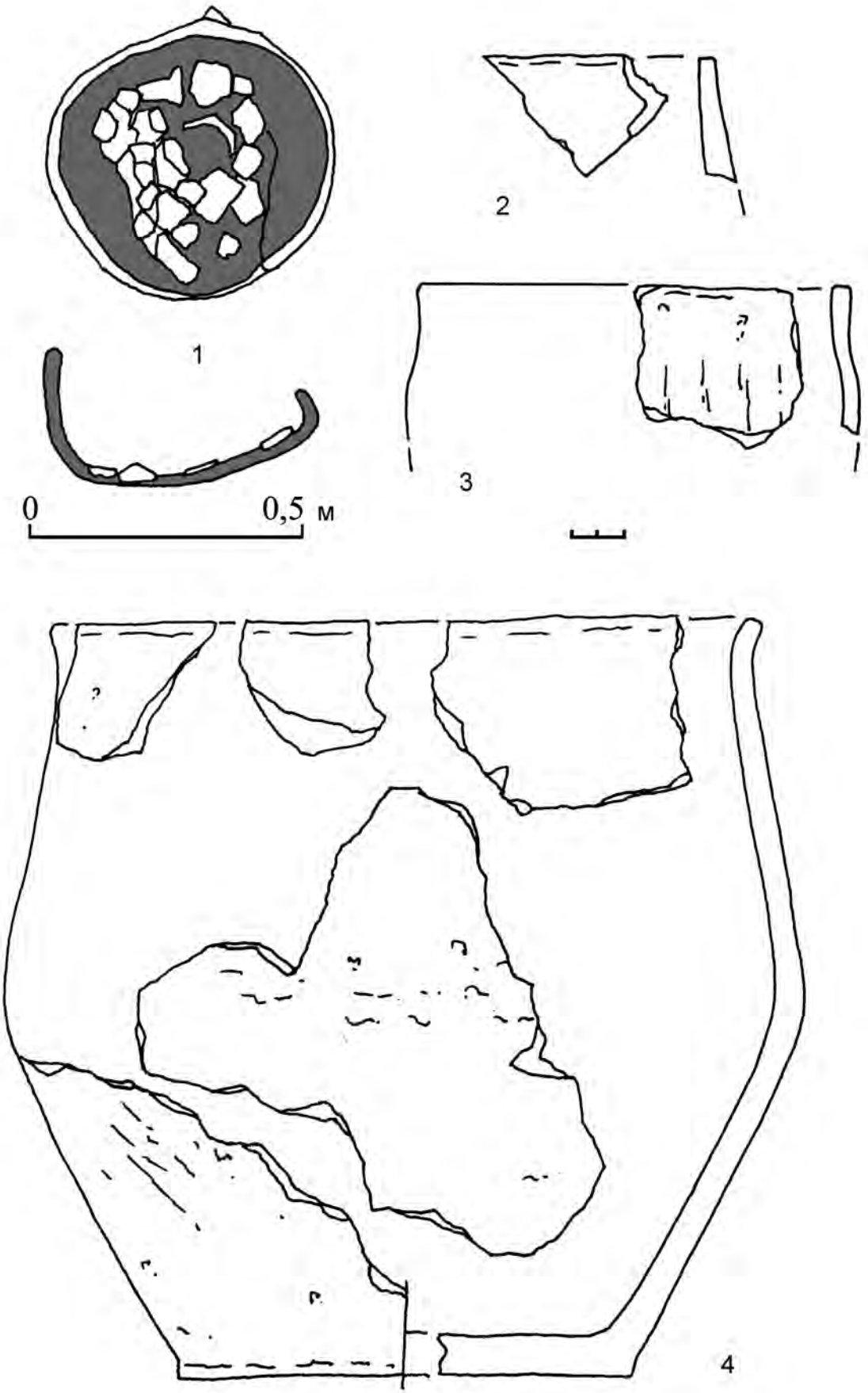


Рис. 28. Калиновка (рисунки Р.В. Терпиловского).
1 – план и профиль печи; 2-4 – груболепная керамика.

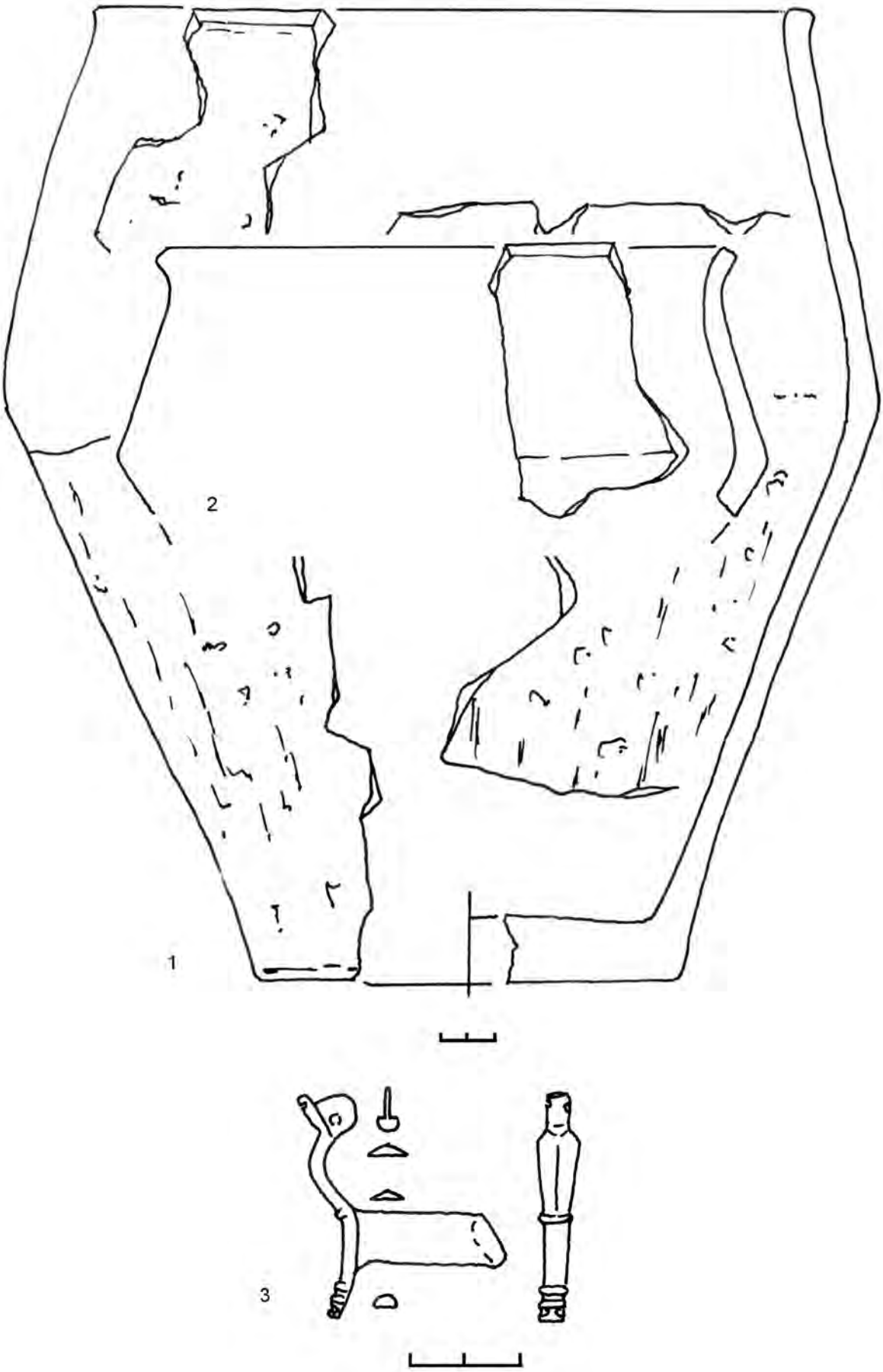


Рис. 29. Матяшев Яр, материалы (рисунки Р.В. Терпиловского).
1 – груболепной горшок; 2 – лепная лощеная миска; 3 – бронзовая фибула.

Рис. 30. Шостка, схема расположения памятника.

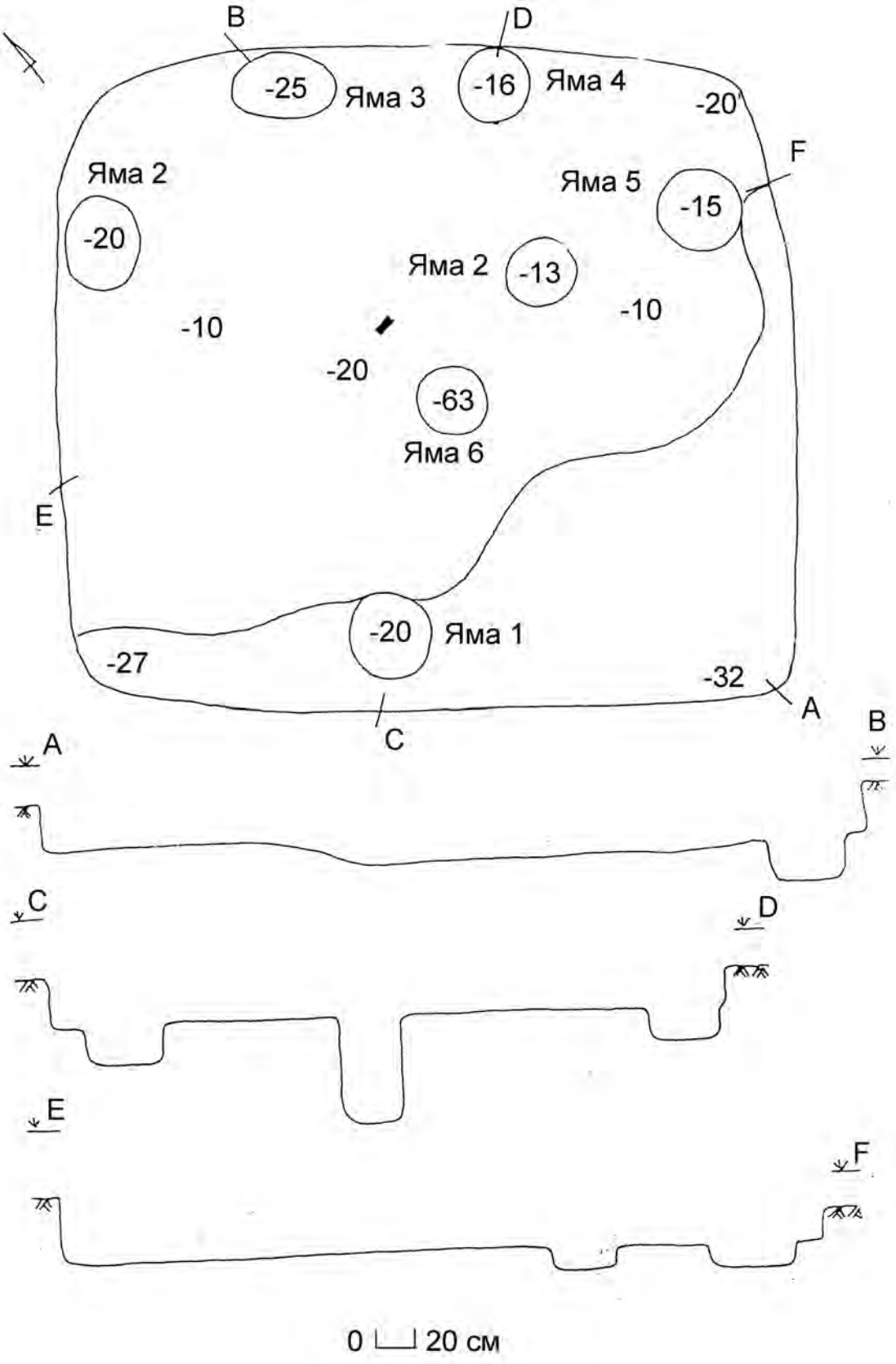


Рис. 31. Шостка, план постройки 1 (по Л.И. Белинской).

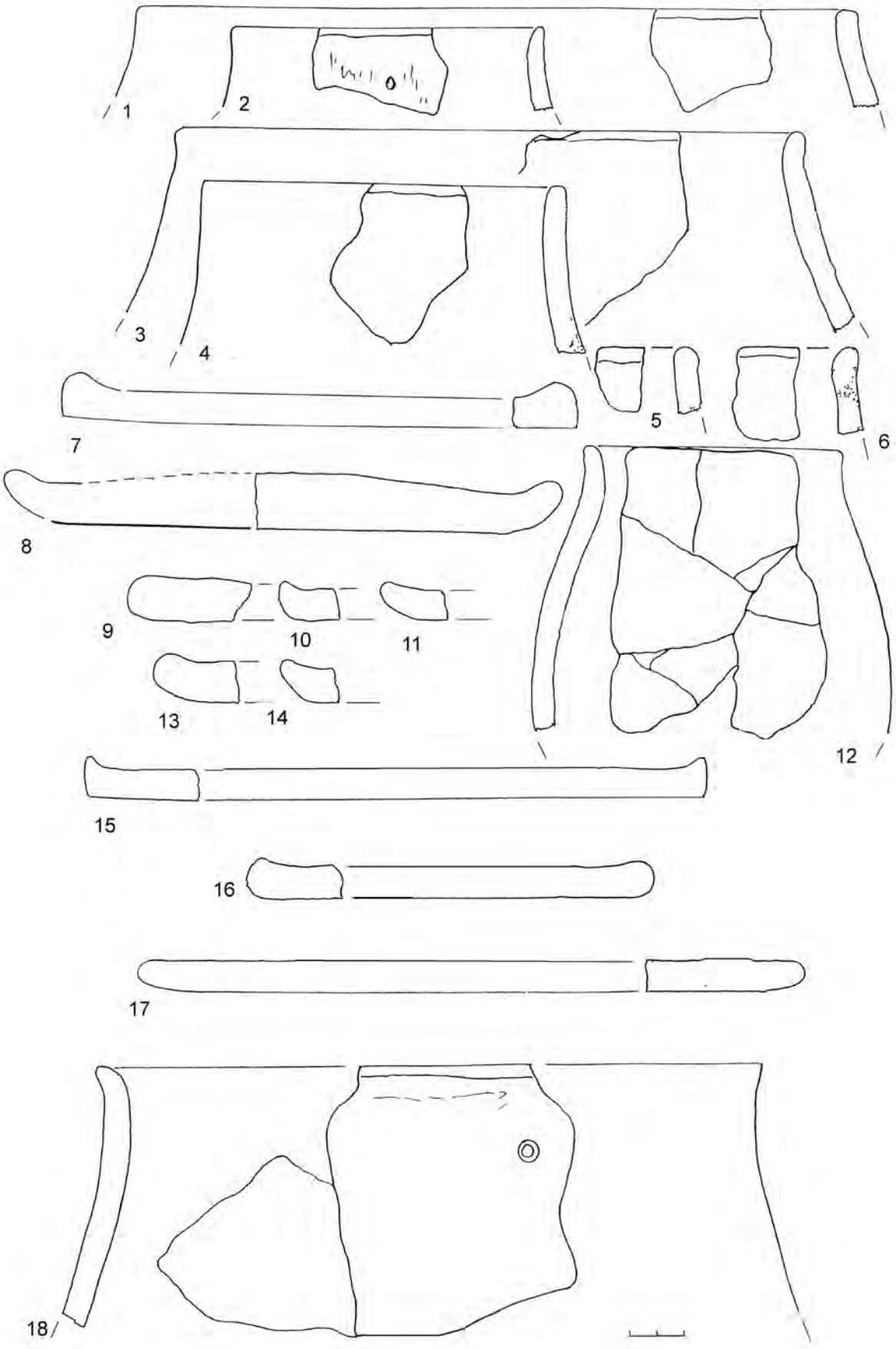


Рис. 32. Шостка. Лепная керамика (рисунки Л.И. Белинской).
1-15 – постройка 1; 16,18 – яма 1; 17 – яма 3.

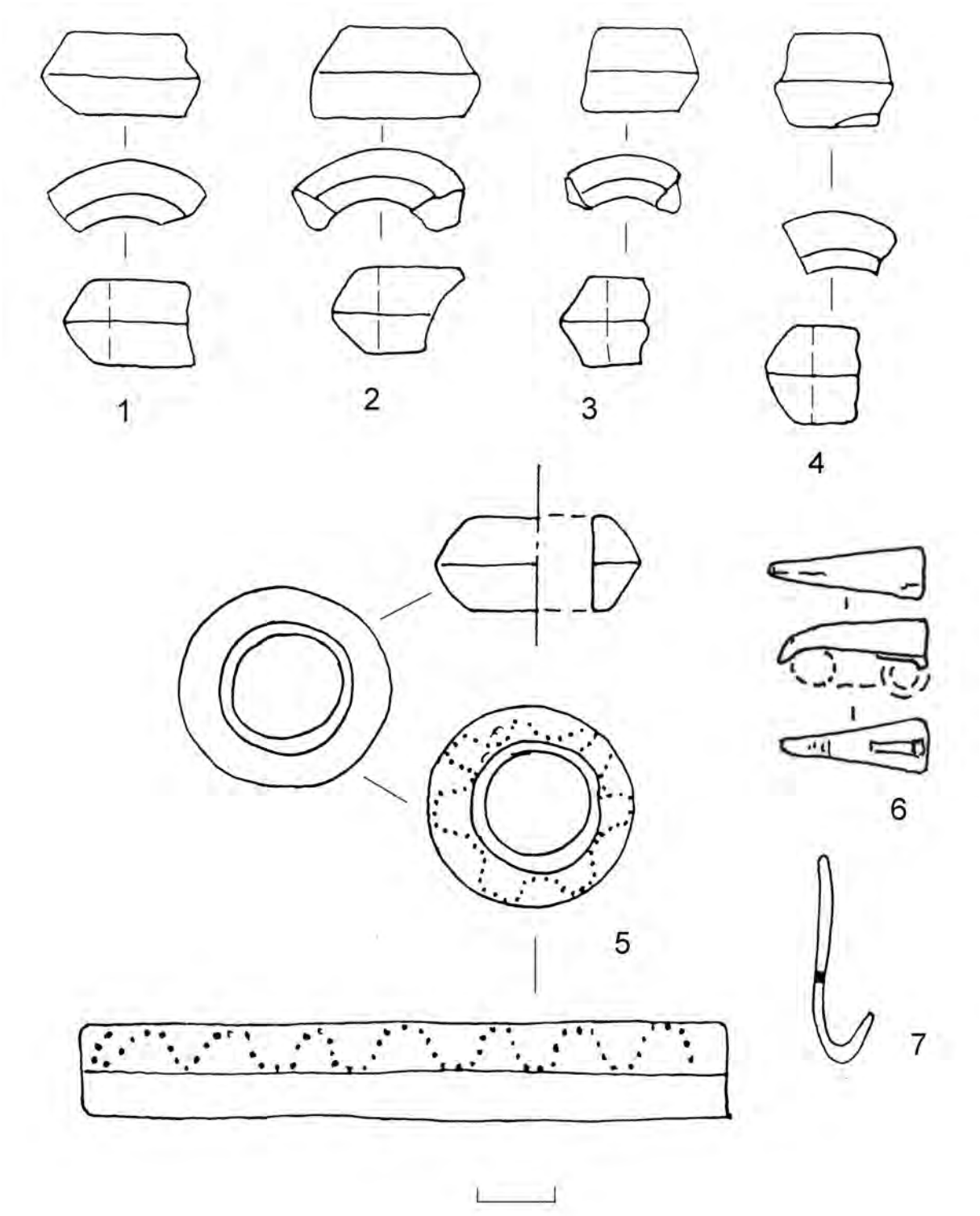


Рис. 33. Шостка, материалы из постройки 1 (рисунки Л.И. Белинской).
1-5 – глиняные пряслица; 6 – бронза; 7 – железо.

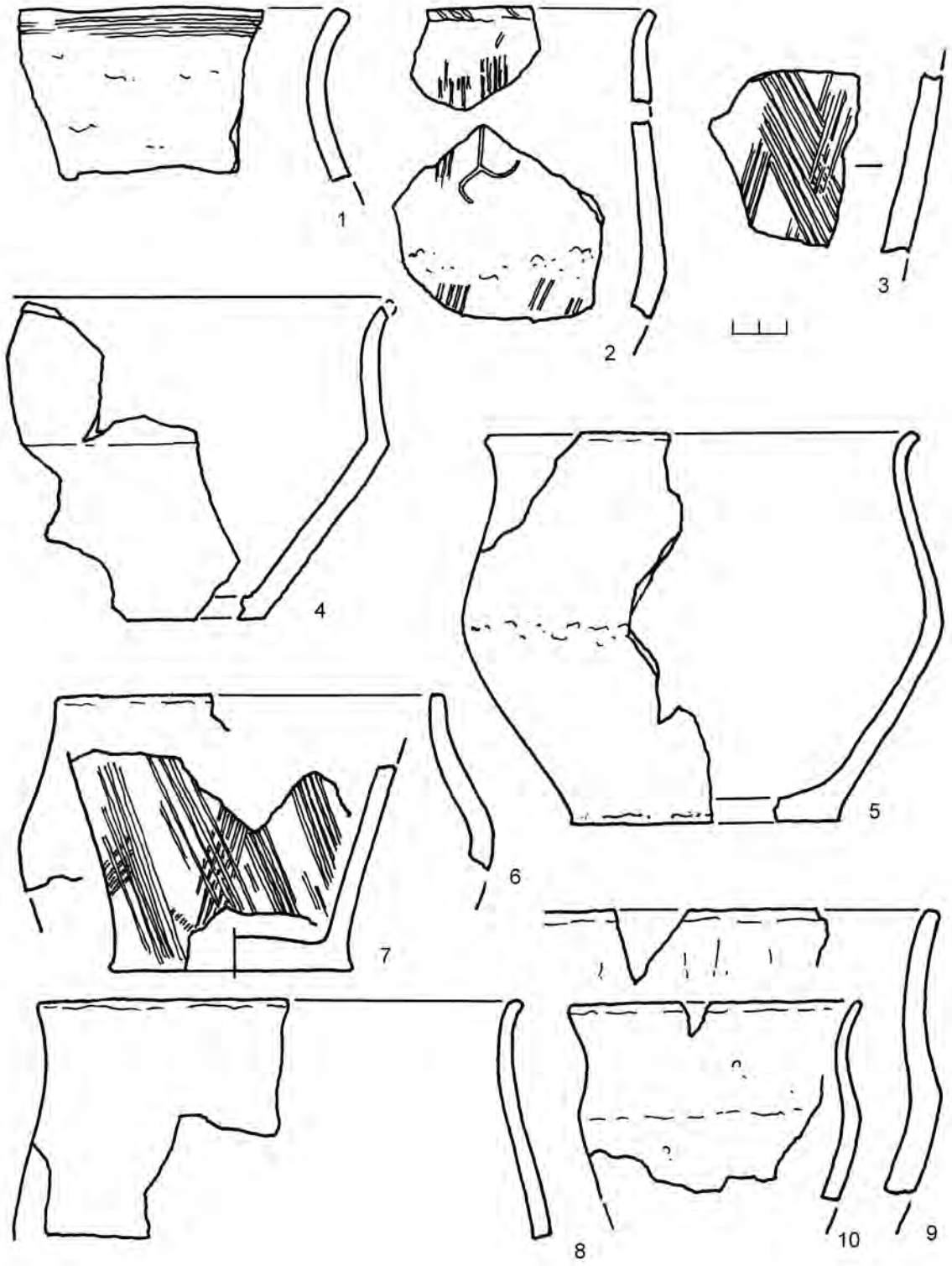


Рис. 34. Гребля, материалы киевской культуры (рисунки Р.В. Терпиловского).
1-4, 6, 7, 9, 10 – культурный слой; 5 – яма 96; 8 – яма 109; 1, 5, 8, 9, 10 – лепная керамика с шероховатой поверхностью; 2, 3, 7 – лепная керамика с расчесами, нанесенными гребнем; 4 – фр-т лепной лощеной миски.

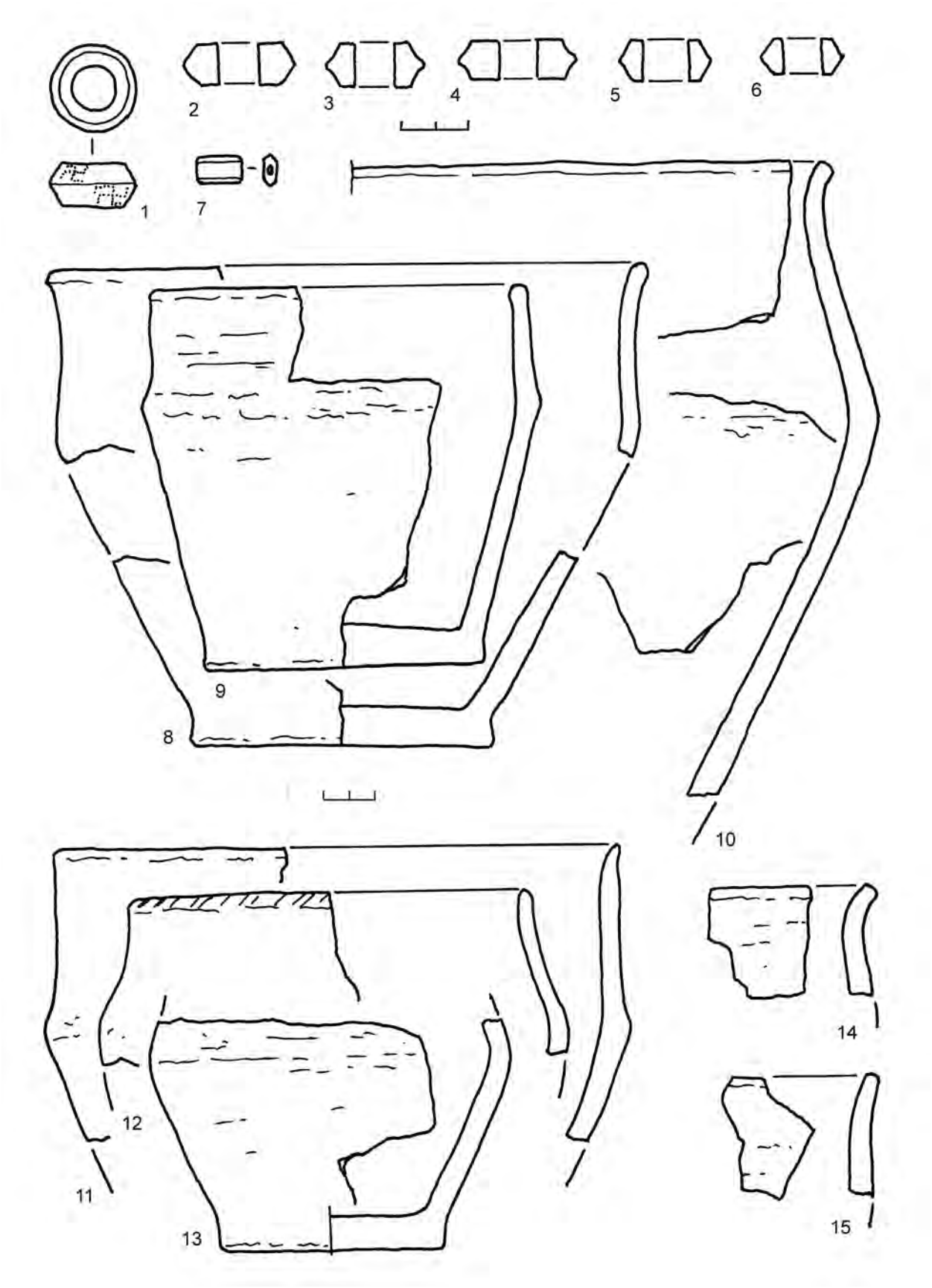


Рис. 35. Гребля, материалы киевской культуры (рисунки Р.В. Терпиловского).
1-6 – глиняные пряслица; 7 – бусина из глухого красного стекла; 8-15 – груболепная керамика;
8, 9 – яма 70; 10, 13-15 – культурный слой; 11 – яма 119; 12 – яма 116.

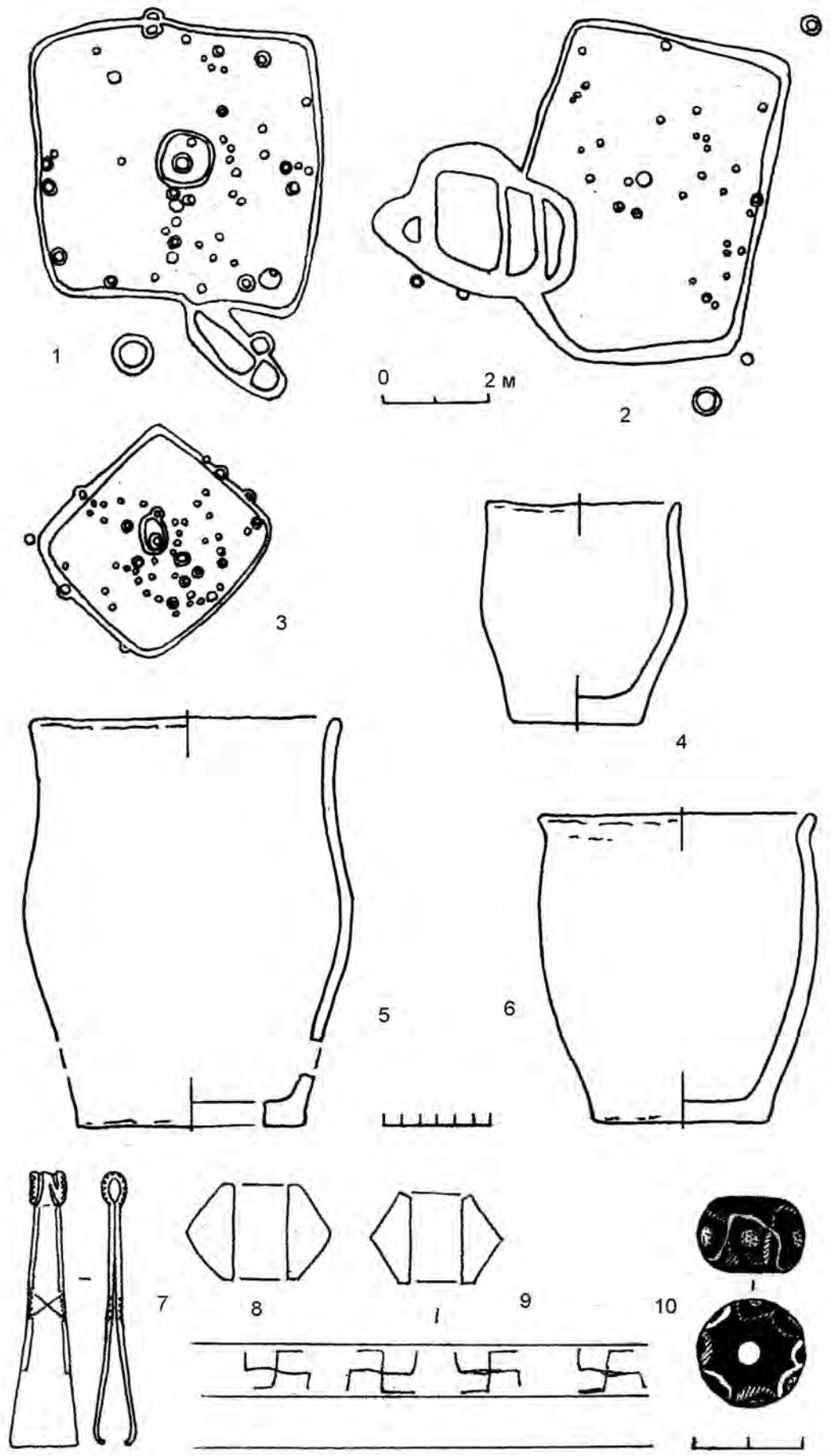


Рис. 36. Козары-7, материалы (рисунки Р.В. Терпиловского).

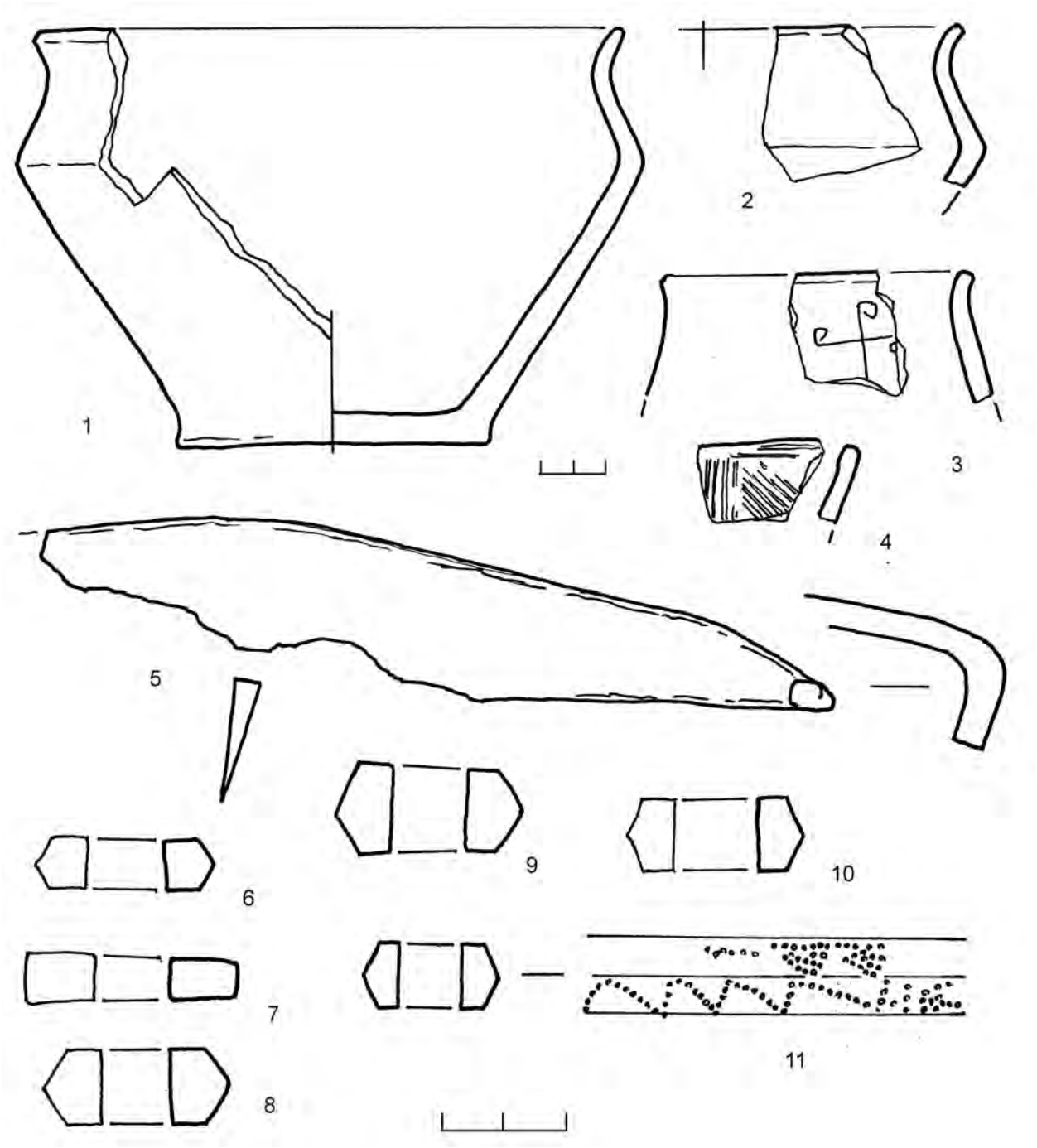


Рис. 37. Щуровка-1, материалы (рисунки Р.В. Терпиловского).
1-3 – лепная лощеная керамика; 4 – фр-т лепного сосуда с расчесами, нанесенными гребнем на поверхности; 5 – железный серп; 6-11 – глиняные пряслица.

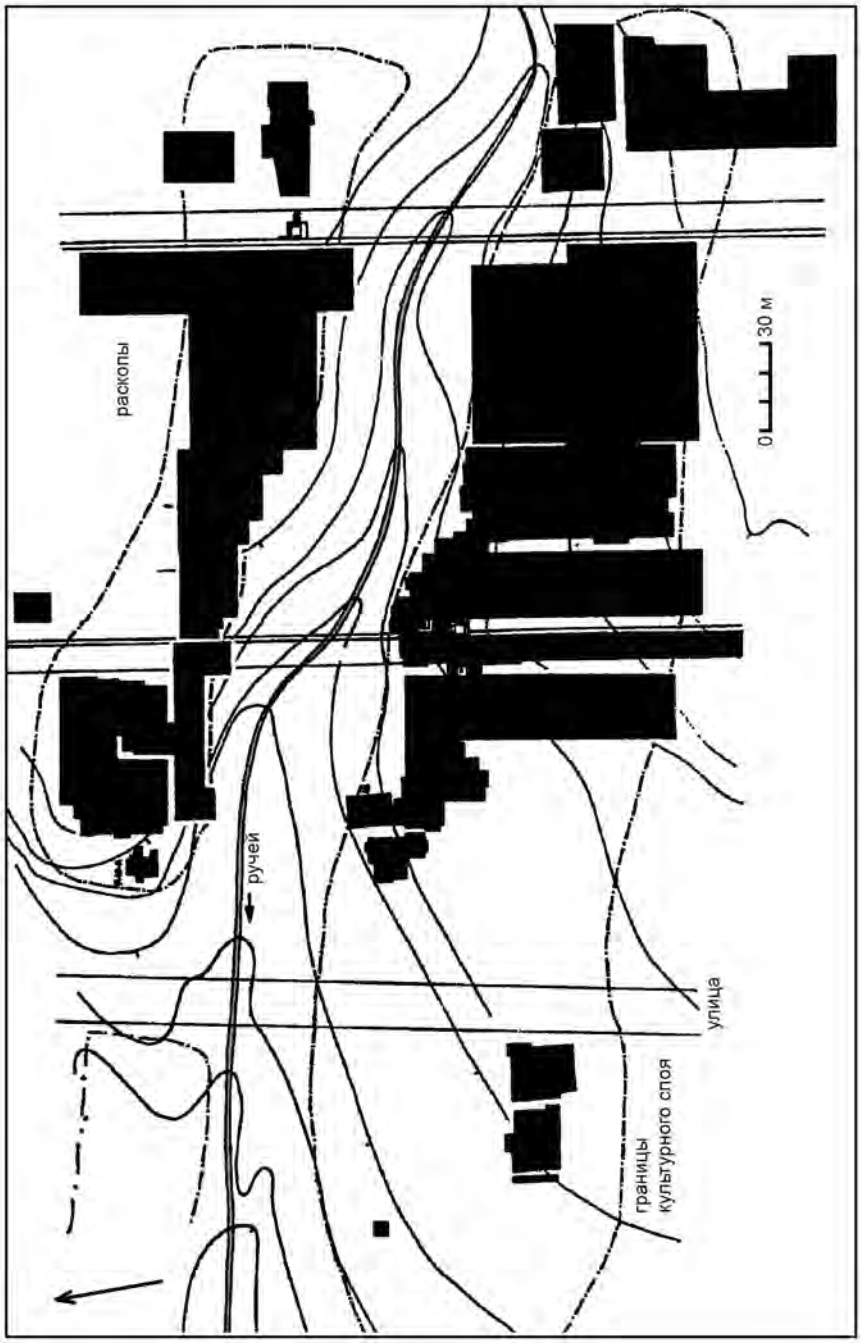


Рис. 38. Александровка-1, план поселения (по Р.В. Терпиловскому).

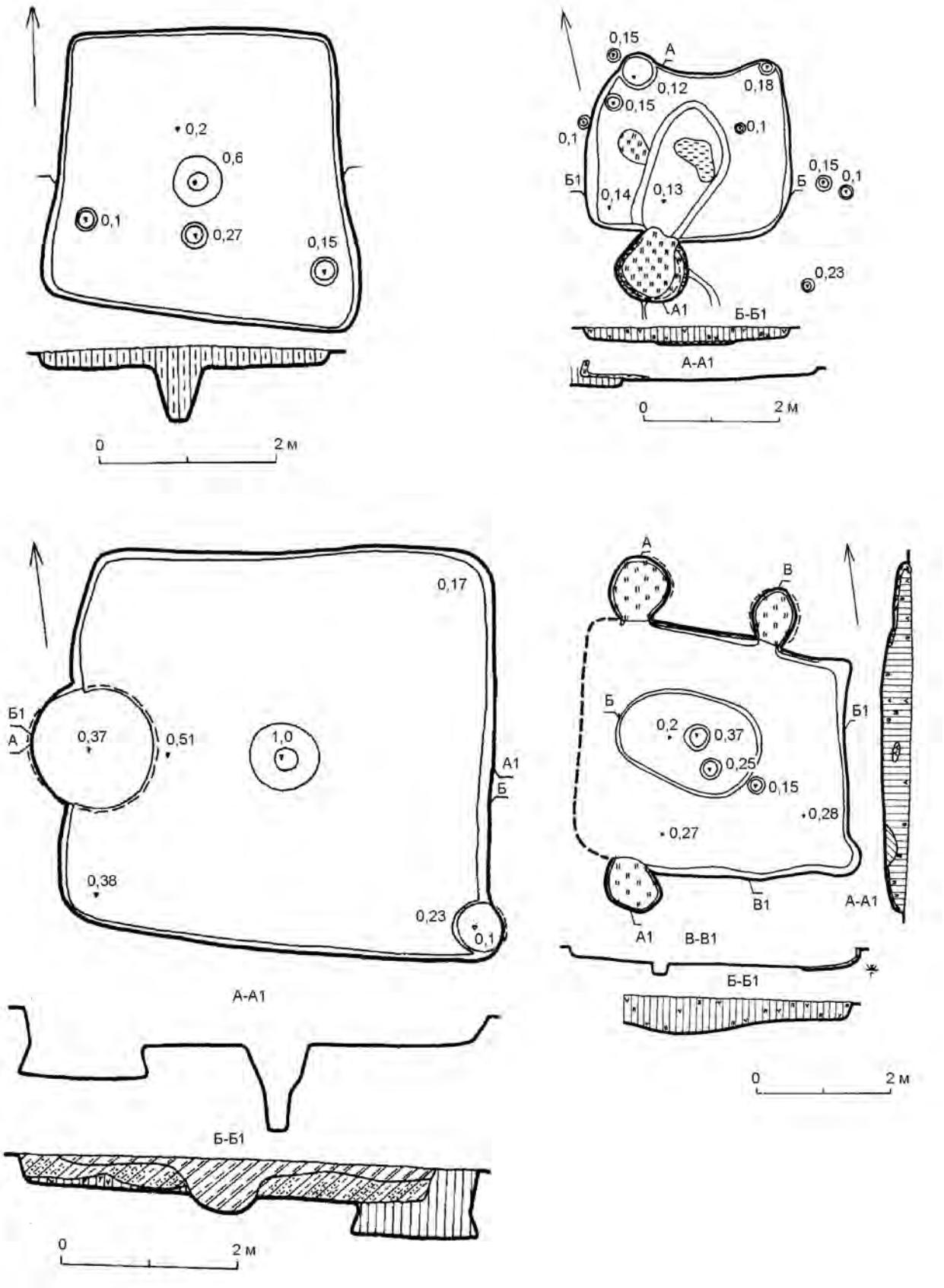


Рис. 39. Александровка-1. Планы построек киевской культуры (по Р.В. Терпиловскому).
1 – постр. 22; 2 – постр. 6; 3 – постр. 8; 4 – постр. 24.

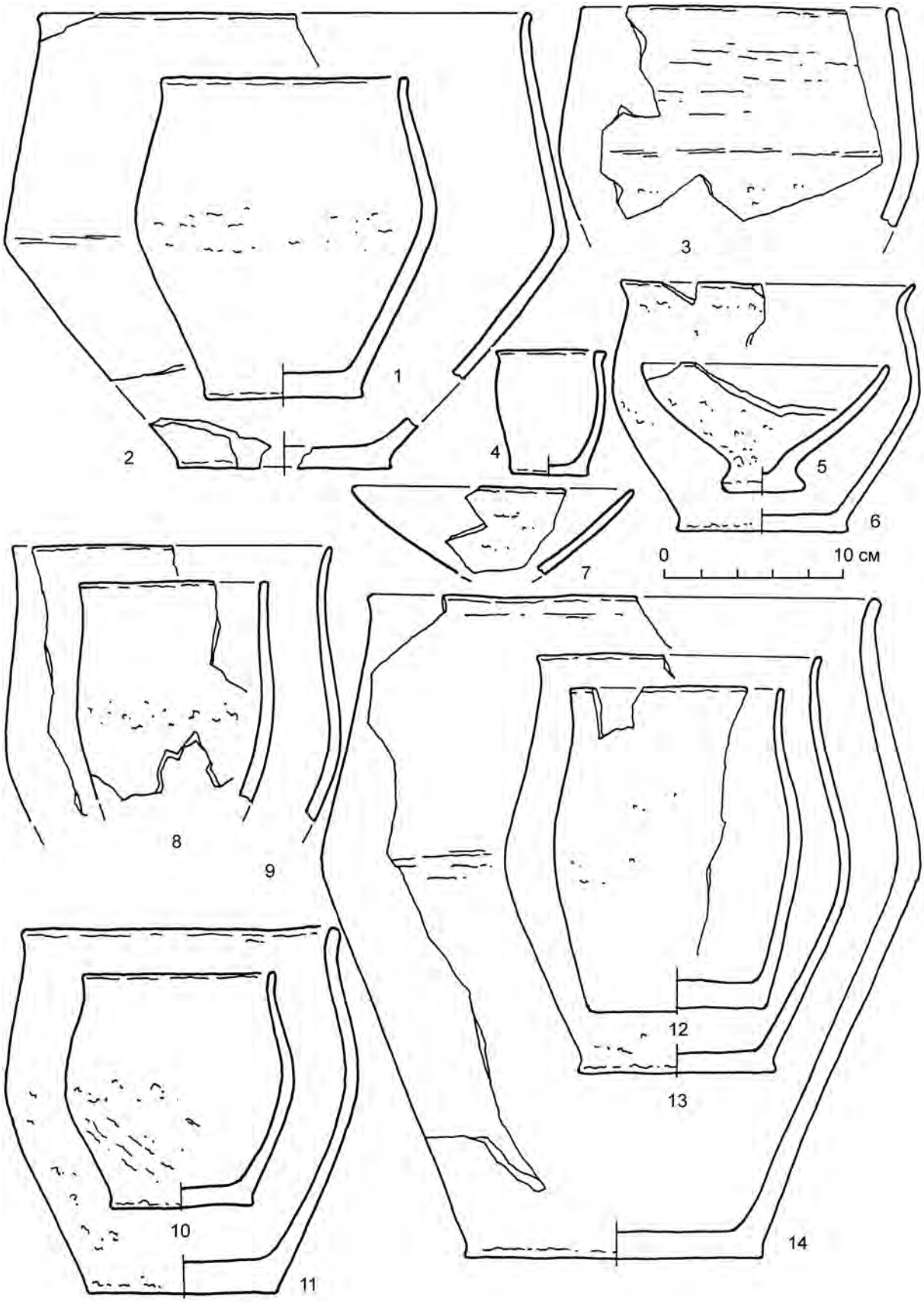


Рис. 40. Александровка-1, образцы груболепных сосудов киевской культуры (рисунки Р.В. Терпиловского).

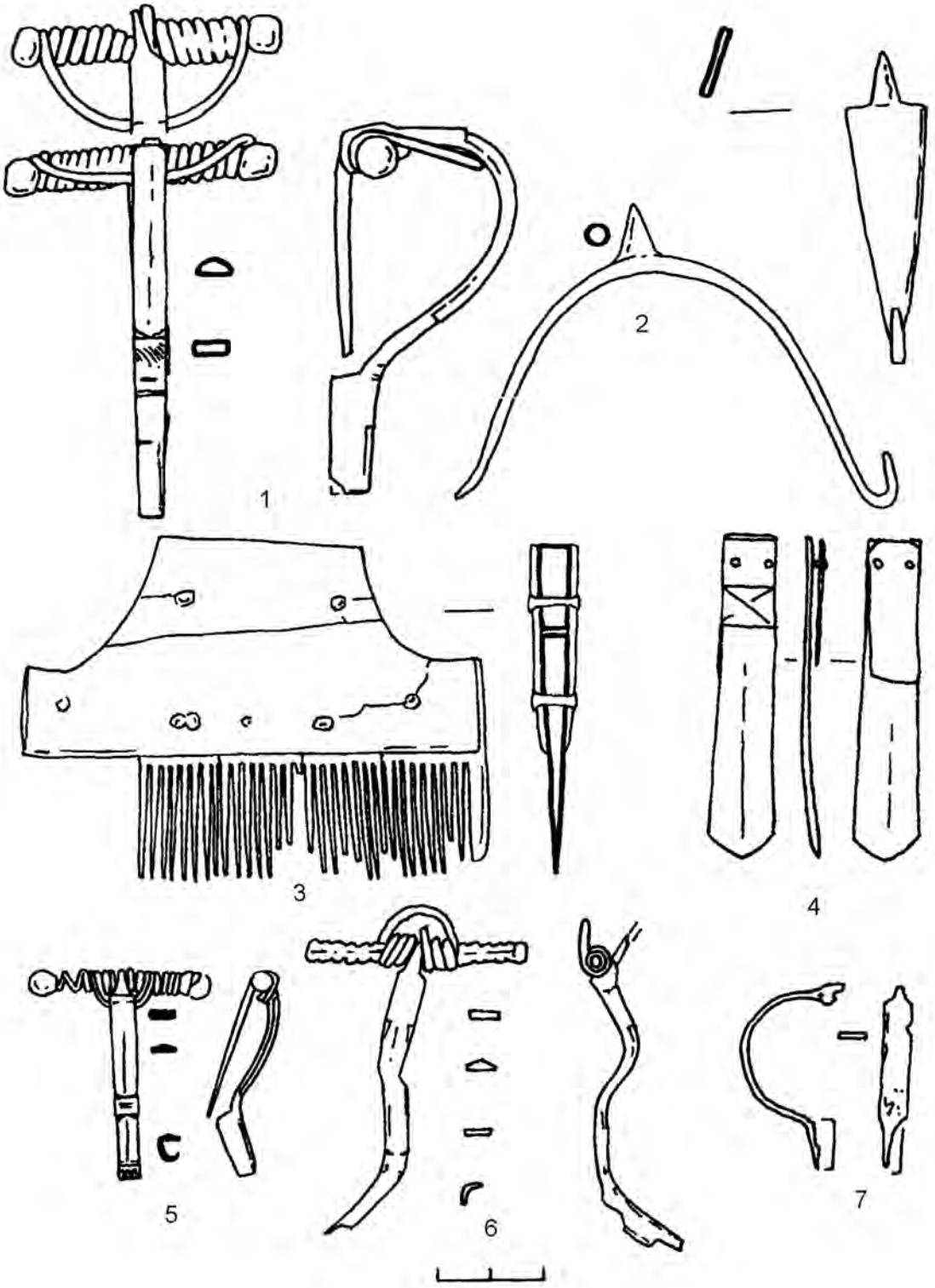


Рис. 41. Александровка-1, датирующие вещи (рисунки Р.В. Терпиловского).
1, 2, 6, 7 – железо; 3 – кость; 4, 5 – бронза.

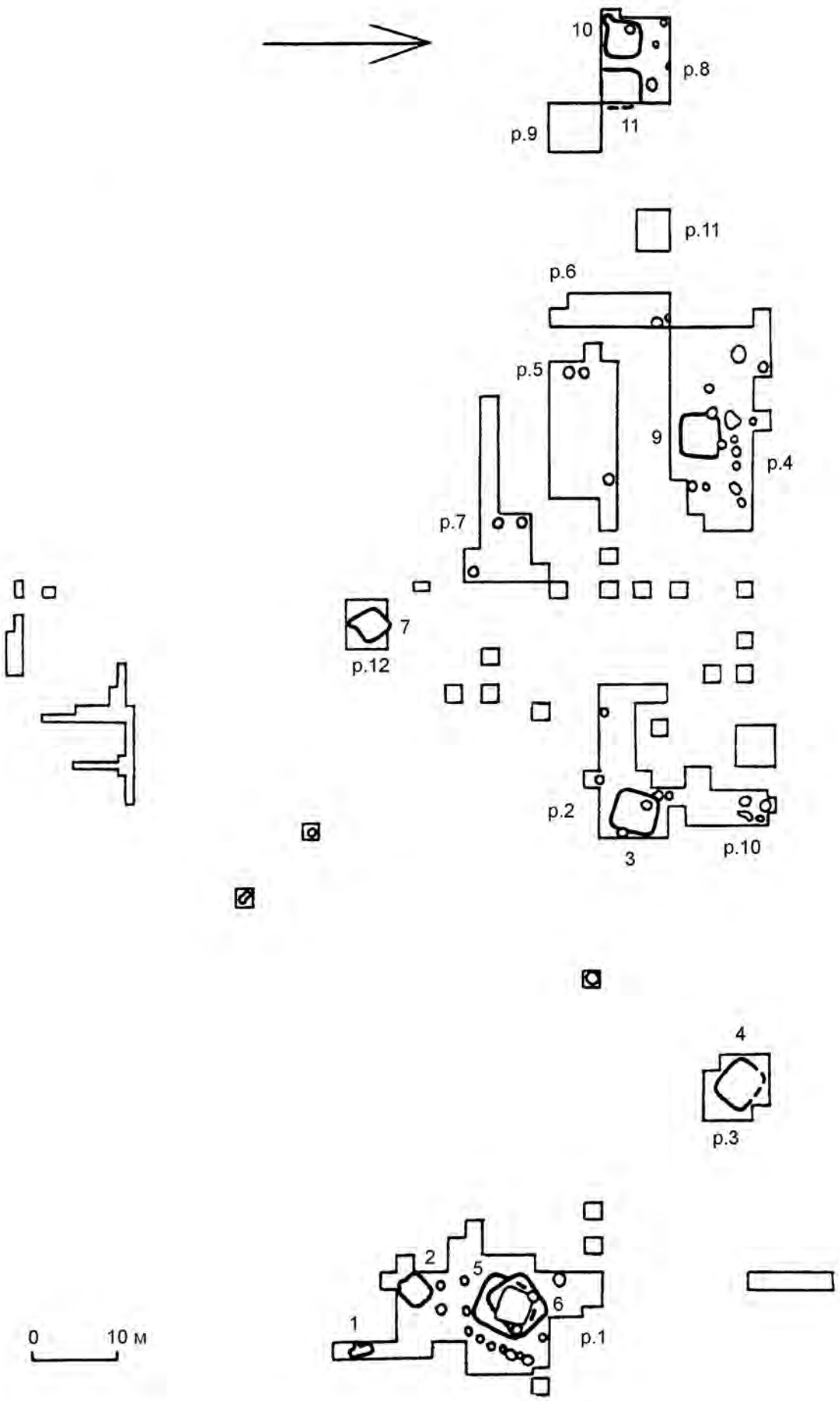


Рис. 42. Схема расположения раскопов на поселении Деснянка (Титова Речка) по Р.В. Терпиловскому.

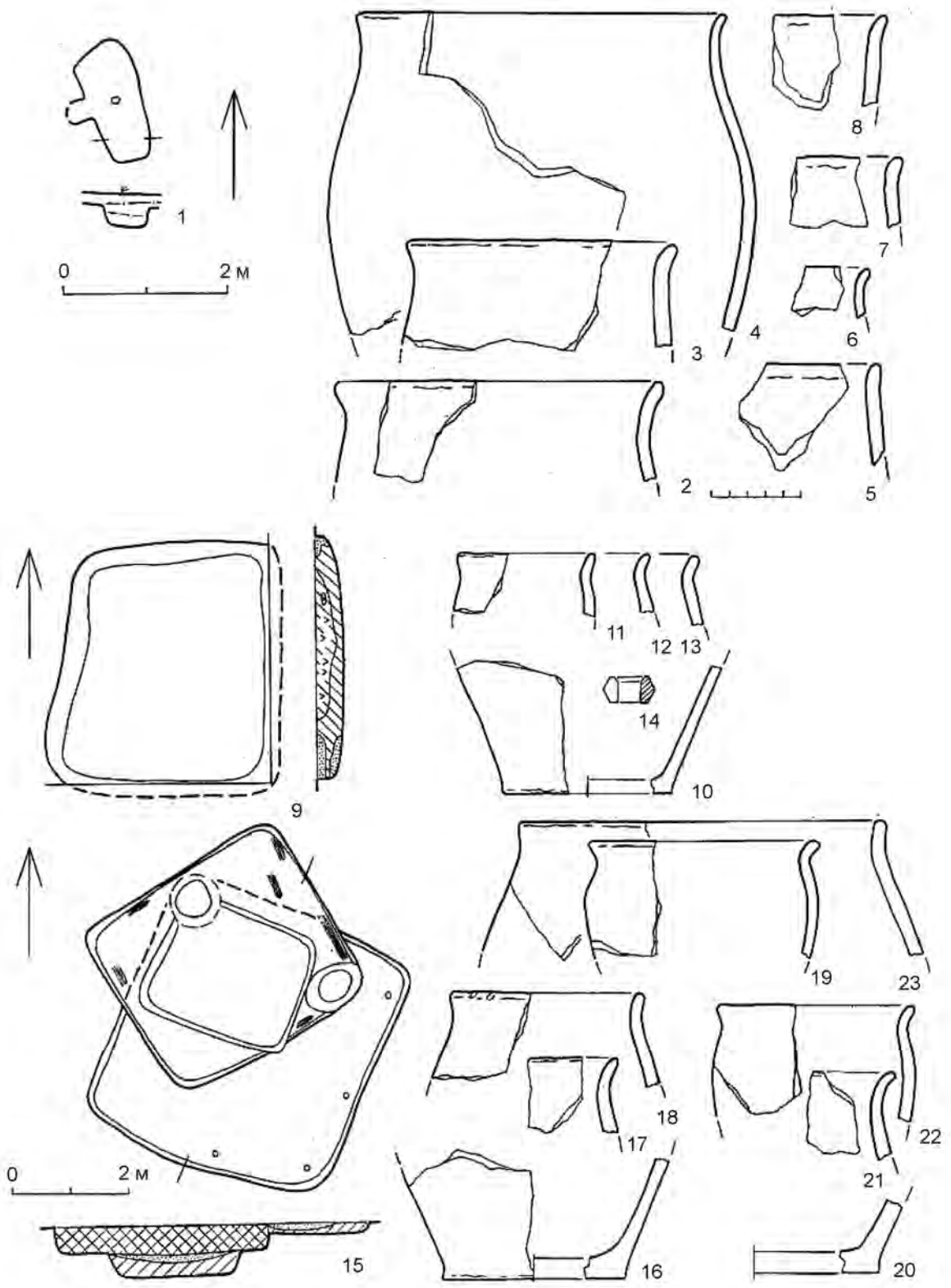


Рис. 43. Деснянка (Титова Речка) (рисунки Р.В. Терпиловского).
Постройка 1 (1 – план и разрез; 2-8 – груболепная керамика); постройка 2 (9 – план и разрез; 10-13 – груболепная керамика; 14 – глина); постройки 5-6 (15 – план и разрез; 16 -23 груболепная керамика).

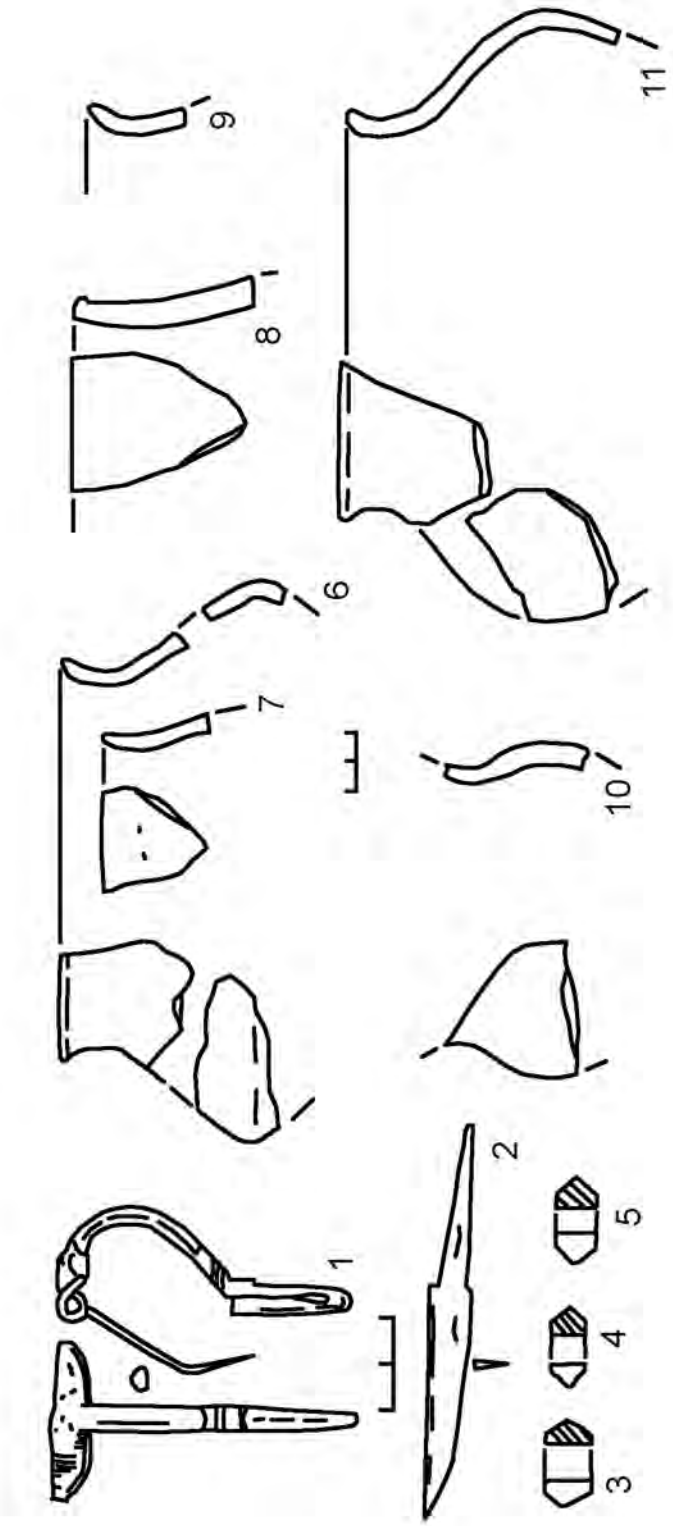


Рис. 44. Деснянка (Титова Речка). Материалы из постройки 6 (рисунки Р.В. Терпиловского).
1-2 железо; 3-5 глина; 6, 11 – лепная подлощенная керамика; 7, 8-10 – губолепная керамика.

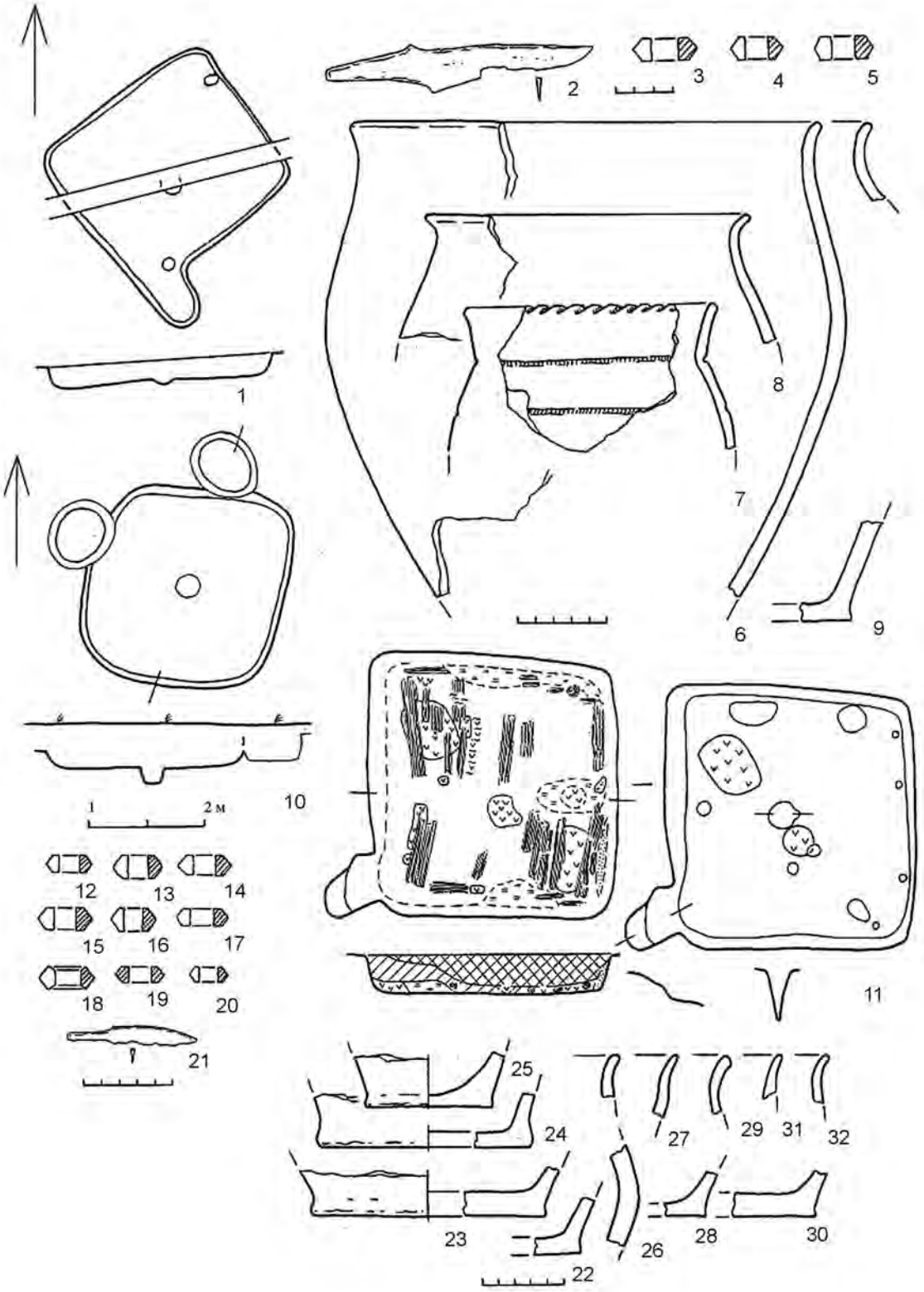


Рис. 45. Деснянка (Титова Речка) (рисунки Р.В. Терпиловского).
Постройка 7 (1 – план и разрез, 2 – железо, 3-5 глина, 6-9 – груболепная керамика); постройка 9 (10 – план и разрез); постройка 10 (11 – верхний и нижний горизонты и разрез, 12-20 – глина, 21 – железо, 22-32 – груболепная керамика).

Список сокращений

АИЗ	Археологические известия и заметки
АКР	Археологическая карта России. М.
ГАЗ	Гістарычна-археалагічны зборнік. Минск.
ГИМ	Государственный исторический музей.
ГМСБ	Годишник на музеите от Северна България
ИА НАНУ	Институт археологии Национальной академии наук Украины
ИА РАН	Институт археологии Российской академии наук
ИИМК РАН	Институт истории материальной культуры РАН
ИНМВ	Известия на народния музей Варна
КГИАМЗ	Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник
КСИА	Краткие сообщения Института археологии АН СССР (и Российской АН)
КСИИМК	Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР
МАИЭТ	Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь.
МАО	Московское Археологическое Общество.
МАР	Материалы по археологии России
МИА	Материалы и исследования по археологии СССР М.; Л.
МНИИЯЛИЭ	Мордовский научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики. Саранск.
НГИМЗ	Новороссийский государственный исторический музей-заповедник
НМБ	Народный музей, Белград.
НМП	Народный музей, Пожаревец
РА	Российская археология. М.
РАН	Российская Академия Наук
РИАМЗ	Рязанский историко-архитектурный музей-заповедник
РИМД	Региональный исторический музей, Добрич
РСМ	Раннеславянский мир
СА	Советская археология. М.
САИ	Свод археологических источников. Археология СССР.
ТАС	Тверской археологический сборник. Тверь.
ТГОМ	Тверской государственный объединенный музей
ТРУАК	Труды Рязанской Ученой Археологической Комиссии. Рязань.
AM	Arheologia Moldovei. Bucureşti.
SCIVA	Studii şi cercetări de istorie veche şi arheologie. Bucureşti.

Оглавление

Введение.....5

Проблема «финального» периода культуры рязано-окских финнов
(к современному состоянию вопроса) *(И.Р. Ахмедов)*.....7

Византийские подвязные фибулы с S-видной петлей для оси пружины.
Находки к северу и востоку от Дуная *(И.О. Гавритухин)*.....35

Памятники типа Беседы на Верхней Волге *(И.В. Исланова)*.....90

Оружие горизонта Сёсдала-Унтерзибенбрунн
в Янтарном крае *(В.И. Кулаков)*.....112

Материалы поселения Журавка Ольшанская *(А.М. Обломский)*.....144

Пальчатые фибулы из Южного Побужья *(В.Е. Родинкова)*.....261

Некоторые особенности распространения бус в Поочье
и Окско-Сурском междуречье в эпоху
великого переселения народов *(О.С. Румянцева)*.....277

Новые памятники киевской культуры
на территории Украины (каталог)
(составители *А.М. Обломский, Р.В. Терпиловский*).....301

Список сокращений.....375

Оглавление.....376

Археология Восточной Европы в I тысячелетии н.э.
(Раннеславянский мир. Выпуск 13)

Научное издание

Верстка: О.А. Горяйнов

Подписано в печать 02.12.2010. Формат 60x84/8.
Усл.печ.л. 47,0. Уч.-изд.л. 48,6. Тираж 300 экз. Зак. №

Институт археологии РАН, 117036 Москва, ул. Дм.Ульянова, 19.

Отпечатано в ООО «Издательство «Триада», 170034 Тверь, пр. Чайковского, 9.